РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

МИР И РОССИЯ: РЕГИОНАЛИЗМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

М А Т Е Р И А Л Ы
III Международной
научно-практической конференции

Москва, 11-12 ноября 2010 г.

ЧАСТЬ 2

Москва
Российский университет дружбы народов
2010

ББК 65.5
М 63

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Ответственный редактор –
к.геогр.наук *А.Н. Новик*

Редакционная коллегия:
д.геогр.наук, проф. *И.А. Родионова;*
к.геогр.наук, доцент *В.Н. Холина;*
к.экон.наук, асс. *И.А. Умерова*

М 63 Мир и Россия: регионализм в условиях глобализации: Материалы III Международной научно-практической конференции. Часть 2. Москва, 11–12 ноября 2010 г. – М.: РУДН, 2010. – 475 с.

ISBN 978-5-209-03895-5

В сборнике материалов научно-практической конференции включены статьи преподавателей, аспирантов и студентов зарубежных, российских и московских высших учебных заведений, а также тезисы докладов, представленные на пленарном заседании.

Материалы освещают круг вопросов, связанных с регионализацией глобальных процессов в мировой экономике и политике. Авторами рассматривались как общие тенденции развития мирового хозяйства, так и региональная специфика отдельных регионов и стран, а также тенденции развития отраслей мирового и национального хозяйства.

Издание предназначено для преподавателей, аспирантов и студентов экономических специальностей.

ISBN 978-5-209-03895-5 **ББК 65.5**

© Коллектив авторов, 2010
© Российский университет дружбы народов, Издательство, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник научных статей «Мир и Россия: регионализм в условиях глобализации» подготовлен по итогам проведения 3-оей международной научно-практической конференции под тем же названием, которая традиционно проводится один раз в два года в Москве, на экономическом факультете Российского университета дружбы народов. В рамках конференции работала молодёжная научная школа «Связь времён: элита настоящего - элите будущего», в которой приняли участие около 100 студентов. В рамках молодежной научной школы были проведены мастер-классы и выступления ведущих российских и зарубежных ученых и специалистов перед студентами.

Участники конференции – студенты, аспиранты, молодые ученые, педагоги высшей школы с большим стажем работы продолжают творческое и научное общение, формируя сообщество специалистов, заинтересованных в решении проблем развития нашей страны и взаимодействия стран мира в условиях глобализации. В конференции приняли участие сотрудники Министерства финансов РФ, консалтинговых компаний, институтов системы РАН.

Организацией конференции занимался коллектив сотрудников кафедры региональной экономики и географии экономического факультета Российского университета дружбы народов.

В научный оргкомитет конференции входили: Бучек М., профессор, зав. кафедрой региональной экономики экономического университета г. Братислава (Словакия); Гишар Ж.П., профессор факультета права, экономики и управления Университета Ниццы София-Антиполис (Франция); Зобов А.М., зав. каф. маркетинга экономического факультета РУДН (Россия); Родионова И.А., профессор экономического факультета РУДН (Россия); Стрякевич Т., профессор Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Холина В.Н., зав. кафедрой региональной экономики и географии РУДН (Россия); Шиманьска Д., профессор Торуньского университета им. Н. Коперника (Польша), Шкутник В., профессор Экономической академии в г. Катовице (Польша).

В конференции приняли участие 274 человека. География участников: **Россия** (Абакан, Братск, Владивосток, Владикавказ, Волгоград, Екатеринбург, Ессентуки, Иркутск, Йошкар-Ола, Казань, Кемерово, Курган, Кызыл, Майкоп, Москва, Набережные Челны, Омск, Орёл, Оренбург, Пенза, Пятигорск, Ростов-на-Дону, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Смоленск, Таганрог, Тюмень, Улан-Удэ, Ульяновск, Уфа, Чебоксары, Чита, Шахты), **Белоруссия** (Минск, Могилёв, Пинск),

Болгария (Варна), **Венгрия** (Будапешт)**, Германия** (Хайдельберг, Халле)**, Грузия** (Кутаиси, Тбилиси)**, Казахстан** (Алматы, Астана, Караганда, Темиртау)**, Литва** (Каунас)**, Македония** (Охрид)**, Молдова** (Комрат), **Польша** (Катовице, Торунь, Познань)**, Сербия** (Белград), **Узбекистан** (Ургенч)**, Украина** (Днепропетровск, Донецк, Киев, Харьков)**, Чехия** (Либерец).

Разнообразие тематики и подходов всех выступавших на конференции было объединено общей идеей: оценить возможности влияния процессов глобализации и регионализации на социально-экономическое развитие стран и регионов мира. Статьи, представленные в сборнике, фактически отражают многообразие подходов к исследованию проблем современной цивилизации. С этой точки зрения конференция и подготовленный сборник научных статей вносят свою лепту в изучение проблем регионального и глобального развития. Редакционная коллегия при отборе материалов старалась сохранить авторский подход и оригинальность стиля изложения, прибегая лишь к небольшой редакторской правке и самым необходимым коррективам.

Мы выражаем огромную признательность всем участникам конференции, нашим друзьям и коллегам из разных городов России и других стран, желаем успехов в дальнейших научных исследованиях, и ждем встречи на следующих конференциях.

Мы благодарим наших партнеров, предоставивших ценные призы и подарки участникам конференции - компанию «Нотик», интернет-портал Career.ru, Катки «Новая Лига», Консалтинговую компанию «Влант».

Председатель оргкомитета, д.геогр.наук, профессор кафедры региональной экономики и географии экономического факультета РУДН Родионова Ирина Александровна.

Члены оргкомитета: Проф. Зобов Александр Михайлович, доц. Холина Вероника Николаевна, ст. препод. Войтенко Ирина Аскольдона, доц. Крейденко Татьяна Федоровна, Ст. преподаватель Новик Алексей Николаевич, ассистент Умерова Ирина Алиевна, Голубева Алиса, Дауд Омар, Жарикова Мария, Жигалев Кирилл, Ткаченок Артем, Яковлев Трофим

Информация о конференции размещена на сайте экономического факультета РУДН www.econ-rudn.ru, (кафедра Региональной экономики и географии - «Конференция»). Электронная почта оргкомитета: rudn.orgkomitet@gmail.com

Раздел 4. Региональное развитие и региональная политика Российской Федерации

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ФЕДЕРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ФИНАНСОВЫХ ПОЛНОМОЧИЙ В РФ

Айзатуллина Э.Х., соискатель
кафедры теории и организации систем управления
экономического факультета
Московский Городской Педагогический Университет
elvino4ka@mail.ru

Рациональное разграничение предметов ведения и полномочий между различными уровнями власти – одна из наиболее сложных задач, стоящих на современном этапе развития российской государственности, которая всегда характеризовалась структурным дисбалансом.

Одним из принципиальных вопросов государственного функционирования, основанных на разграничении финансовых полномочий между федеральными и региональными органами власти является организация межбюджетных отношений.

В Бюджетном кодексе Российской Федерации в течение более чем четырех лет с момента его введения в действие присутствовало определение межбюджетных отношений как отношений между органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления [1, с. 129].[1] Федеральным законом № 120-ФЗ от 20 августа 2004 г. «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования межбюджетных отношений» статья 6 Бюджетного кодекса РФ дополнена определением понятия «межбюджетные отношения». Они понимаются как взаимоотношения между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления по вопросам регулирования бюджетных правоотношений, организации и осуществления бюджетного процесса.

[1] Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 31 от 17 июля 1998 г. – М.: Ось-89. – 2001. – 192 с.

Организация межбюджетных отношений основывается на разграничении бюджетных полномочий в соответствии с принципом государственно-территориального устройства.

В условиях федеративного устройства российского государства четко прослеживаются три относительно самостоятельных уровня власти: федеральный, региональный и местный (муниципальный). Стабильность государственного устройства во многом будет зависеть от того, насколько эти уровни власти будут уравновешены. Для этого должны быть построены механизмы обеспечения самостоятельности каждого из уровней власти и механизмы разграничения полномочий уровней власти с финансовым обеспечением исполнения предусмотренных полномочий.

Российская Федерация на государственном уровне устанавливает основы федеральной политики в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития России. Федерация имеет возможность определять основные направления деятельности в этих сферах не только федеральных органов государственной власти, но и органов государственной власти субъектов Федерации, а также органов местного самоуправления, предприятий, учреждении и организаций различной подчиненности. Также в ведении федерации федеральный бюджет; федеральные налоги и сборы, федеральные фонды регионального развития.

На региональном уровне основные цели политики межбюджетного регулирования сформулированы Минфином России и выражаются в выравнивании бюджетной обеспеченности муниципальных образований, стимулировании деятельности местных органов власти, проведении активной экономической политики через передачу средств в местные бюджеты на финансирование целевых программ [2, с. 69].[2] При этом должны соблюдаться минимальные государственные социальные стандарты, которые гарантируются гражданам страны [3, с. 49].[3] По своему статусу они занимают двойственное положение, поскольку, с одной стороны, имеют самостоятельные источники формирования доходов и направления расходования средств, а с другой стороны, занимают промежуточное место в финансово-бюджетной системе: получая

---

[2] Временные методические рекомендации субъектам Российской Федерации по регулированию межбюджетных отношений (одобрены постоянно действующей при Минфине России Рабочей группы по реформированию межбюджетных отношений в Российской Федерации): протокол № 5-мф от 22 – 23 июня 2000 г. // Информационно-поисковая база: Консультант плюс.

[3] Игудин А.Г., Попова Н.А. Некоторые проблемы межбюджетных отношений в Германии и России // Финансы. – 1999. – № 4. – с.49 – 52.

помощь из федерального бюджета, сами оказывают аналогичное финансовое содействие местным бюджетам.

Значительная часть обязательств перед населением по выполнению публичных функций в отношении населения (в вопросах культуры, образования, здравоохранения, социальной политики, да и в вопросах безопасности), лежит на уровнях муниципалитетов, а финансовых ресурсов, которые бы предусматривались для реализации этих полномочий, как собственных, так и делегированных, на практике недостаточно [4, с. 49].[4] Передача на муниципальный уровень значительной части социальных полномочий не подкреплена финансовыми рычагами. Реально свои доходы муниципалитеты могут покрыть в данное время не более 30% от их расходных обязательств.

В настоящее время бюджетные полномочия и расходы бюджетов нечетко определены действующим законодательством и нет полного разграничения полномочий и расходов, установленных законом. Это связано с тем, что в бюджетном законодательстве установлена слишком общая система разграничения полномочий (в основном по разделам функциональной классификации) и значительная часть полномочий осуществляется совместно, без разграничения по видам бюджета.

Это приводит к тому, что расходы неравномерно распределены в бюджетной системе, за счет территориальных бюджетов (региональных и местных) финансируется 70% расходов на поддержку отраслей народного хозяйства, 80% расходов на образование и 88% расходов на здравоохранение. Несмотря на такое распределение доходов, в большинстве региональных бюджетов доходы не могут покрыть расходы. До настоящего времени 90% бюджетов субъектов РФ являются дотационными.

Кроме того, в РФ есть еще ряд частных проблем, связанных с особенностями организации налоговой системы России. При установлении действующей налоговой системы не определены принципы территориального распределения налогов, и разделение налогов на федеральные, региональные и местные носит произвольный характер. При этом основные фискальные источники бюджетов (косвенные налоги) отнесены к федеральным налогам, что дает возможность концентрации этих средств в федеральном бюджете, даже если эти налоги

[4] О разграничении полномочий федеральных и региональных органов власти, органов местного самоуправления и их роль в решении проблем безопасности Самойлов С.Н.//Право и безопасность. – 2002. – № 4(5). – с.3

регулирующие. Вследствие чего создается зависимость территориальных бюджетов от действий федеральных органов [5, с. 162]. [5]

Поэтому для России необходимым является не только создание принципиально новой системы межбюджетных отношений, но и осознание того, что вся система бюджетных отношений должна быть ориентирована на реализацию совокупности интересов государства в целом, его субъектов и его граждан. Необходимо задать направление реализации нового принципа построения бюджетных отношений, органично сочетающей принцип экономической и финансовой эффективности с принципом социальной справедливости. Иными словами, системы, которая, с одной стороны, стимулирует территории к эффективному использованию собственного потенциала, собственных ресурсов, а с другой, - обеспечивает снижение чрезмерных разрывов в уровнях развития регионов, уровнях и условиях жизни их населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 31 от 17 июля 1998 г. – М.: Ось-89. – 2001. – 192 с.

2. Временные методические рекомендации субъектам Российской Федерации по регулированию межбюджетных отношений (одобрены постоянно действующей при Минфине России Рабочей группы по реформированию межбюджетных отношений в Российской Федерации): протокол № 5-мф от 22 – 23 июня 2000 г. // Информационно-поисковая база: Консультант плюс.

3. Игудин А.Г., Попова Н.А. Некоторые проблемы межбюджетных отношений в Германии и России // Финансы. – 1999. – № 4. – с.49 – 52.

4. О разграничении полномочий федеральных и региональных органов власти, органов местного самоуправления и их роль в решении проблем безопасности Самойлов С.Н.//Право и безопасность. – 2002. – № 4(5). – с.3

5. Бюджетный федерализм в России: проблемы, теория, опыт / под ред. Н. Главацкой – М.:SEPRA. – 2001. – с.162

[5] Бюджетный федерализм в России: проблемы, теория, опыт / под ред. Н. Главацкой – М.:SEPRA. – 2001. – с.162

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИНВЕСТИЦИОННО-СТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ НА ОСНОВЕ ИННОВАЦИЙ

Артамонова Ю.С., к.э.н., доцент
кафедры экономики, организации и инвестиций
Пензенского государственного университета
архитектуры и строительства,
artamonova@lenta.ru

Влияние нестабильных условий развития экономики России на эффективность развития региональных строительных комплексов является неоднозначным. С одной стороны, резко снизился приток инвестиций в строительство объектов недвижимости, с другой стороны, региональные органы государственной власти стали более дифференцированно относиться к объектам инвестирования, отдавая предпочтение эффективно функционирующим на рынке предприятиям с высокой экономической устойчивостью и малым предприятиям.

Анализ современных тенденций и проблем стратегического развития строительного комплекса, его инфраструктуры и основных фондов указывает на то, что данные проблемы приняли системный характер, требуется комплексный подход к их решению. Одним из эффективных направлений развития регионального строительного комплекса является инновационное направление.

Инновацией называется объект интеллектуальной собственности, представленный в виде выведенного на рынок готового продукта или услуги.

Инновации как одно из основных направлений эффективного развития региональных инвестиционно-строительных комплексов России включают не только технические или технологические разработки, но и использование новых методов работы на рынке, новых товаров и услуг, новых финансовых инструментов. Инновации характеризуются более высоким технологическим уровнем, более высокими потребительскими качествами строительной продукции, товара или услуги по сравнению с предыдущим продуктом. Они являются важнейшим фактором стабильного функционирования предпринимательских, финансовых, кредитных, любых других структур, и обеспечивают их экономический рост и конкурентоспособность.

Инновационная стратегия – это комплекс мер и мероприятий по повышению эффективности деятельности и развития предприятий, комплексов на основе внедрения инноваций.

Инновационное развитие строительного комплекса осуществляется в зависимости от особенностей региона.

В зависимости от распределения ресурсов регионы делятся на группы:

Первая группа (Г-1). К таким регионам относится обширная территория, охватывающая северо-восточную часть Европы и Север Азии, с суровым климатом на большей её части, с низкой в среднем плотностью населения, с весьма богатым и разнообразным, но чрезвычайно разбросанным потенциалом природных ресурсов, т.е. по сути речь идёт о регионах с "экономическими изюминками" типа нефти, газа, золота и прочих природных богатств.

Вторая группа (Г-2). Это группа регионов-лидеров, которые, пользуясь терминами фондового рынка, можно назвать «голубыми фишками» инвестиционного рынка. Они широко известны. Это Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Нижний Новгород, Самара. Государственной помощи эти регионы не требуют.

Третья группа (Г-3). Она представлена регионами, где сконцентрировано большое количество высококвалифицированных трудовых ресурсов при ограниченных природных ископаемых и малой инвестиционной деятельности [1].

Инновационное развитие строительного комплекса осуществляется в зависимости от особенностей региона.

Целью инновационной стратегии развития является создание региональной инновационной инфраструктуры, которая должна объединить усилия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти Пензенской области и органов местного самоуправления в Пензенской области, организаций научно-технической сферы и предпринимательского сектора строительного комплекса региона в интересах ускоренного использования достижений науки и технологий для перехода экономики области на инновационный путь развития.

Основными задачами инновационной стратегии развития являются:

а) формирование организационно-правовых и финансовых механизмов управления развитием инноваций в строительстве;

б) интеграция ресурсов и субъектов науки, промышленности и бизнеса для инновационной деятельности в строительстве;

в) вхождение в межрегиональный рынок инноваций и привлечение инвестиций в инновационно-строительную сферу;

г) создание благоприятной среды для инновационной деятельности.

Поскольку Пензенская область относится к группе регионов Г-3, при формировании инновационной стратегии развития регионального строительного комплекса акцент должен делаться на развитие науки и коммерциализацию инноваций.

Инновационное развитие строительного комплекса Пензенской области должно идти по трем основным направлениям:

– формирование системы управления инновационно-строительной деятельностью в регионе;

– совершенствование научно-образовательной системы в области строительства;

– создание механизма реализации инноваций.

Система управления инновационной деятельностью должна обеспечивать эффективное взаимодействие всех этапов развития инновации, начиная от идеи инновации до ее реализации в виде готовой строительной продукции. Она должна обеспечивать эффективное взаимодействие основных институтов инновационной, инвестиционной и производственной деятельности в строительстве.

Такая система управления может сформироваться только при значительной поддержке региональных органов государственной власти, которые должны обеспечить координацию взаимодействия всех участников инновационно-строительной деятельности. Основные элементы такой системы уже существуют. Необходимо создать недостающие составляющие и обеспечить эффективное взаимодействие основных участников инновационно-строительной деятельности в Пензенской области.

Для развития научного направления система управления инновациями в регионе должна осуществлять:

– Приоритетную поддержку фундаментальных исследований в области строительства и реформирование науки;

– Активизацию интеграции образования и науки в Пензенской области;

– Развитие рынка интеллектуальных активов в Пензенской области;

– Развитие рынка инновационного капитала в Пензенской области;

– Развитие рынка услуг поддержки инновационной деятельности в Пензенской области;

– Совершенствование системы образования и управления в инновационной сфере;

– Развитие производственной технологической инфраструктуры;

– Содействие использованию инфо-коммуникационных технологий в государственном управлении и социально-экономической сфере.

Одним из важнейших элементов механизма инновационного развития регионального строительного комплекса является управление рынками, на которых будут функционировать инновационные строительные предприятия. Стержневой характеристикой строительного комплекса региона является присущий ему механизм удержания параметров или характеристик системы в заданных границах. Для строительного комплекса характерно свойство самоорганизации системы. Это свойство означает самопроизвольное упорядочивание внутренней структуры, что проявляется в установлении между элементами системы так называемых дальних корреляций, т.е. увеличении жесткости и дальности связей.

Любая система всегда стремится к «стационарному» состоянию, соответствующему минимальному производству энтропии, компенсирующему воздействие внешних связей, производящих отрицательную энтропию. Под энтропией понимается мера дезорганизации системы, обратная величине организации и упорядоченности.

Строительная система по принципу экономии внутренних ресурсов стремится к равновесному состоянию с максимальным уровнем дезорганизации (энтропии), допустимым внешними разрушающими воздействиями, которым система вынуждена противостоять. Чем сильнее внешние антиэнтропийные воздействия, тем сильнее должны быть взаимосвязаны элементы системы и тем выше ее уровень самоорганизации. Таким образом, стержневой характеристикой строительного комплекса как системы, является присущий им механизм удержания параметров или характеристик системы в заданных границах.

Рынок строительных услуг позволяет реализовать частные интересы производителей и потребителей, ориентирует разрозненных участников обменных операций в их дальнейшей деятельности, помогает принять решение о том, какие услуги оказывать, в каком количестве, какими методами, обеспечивая тем самым общее экономическое развитие.

Решение ключевых экономических задач имеет специфические особенности в рамках различных организационно-экономических ситуаций развития региональных строительных комплексов. Рассмотрим каждую из возможных ситуаций (рисунок 1).

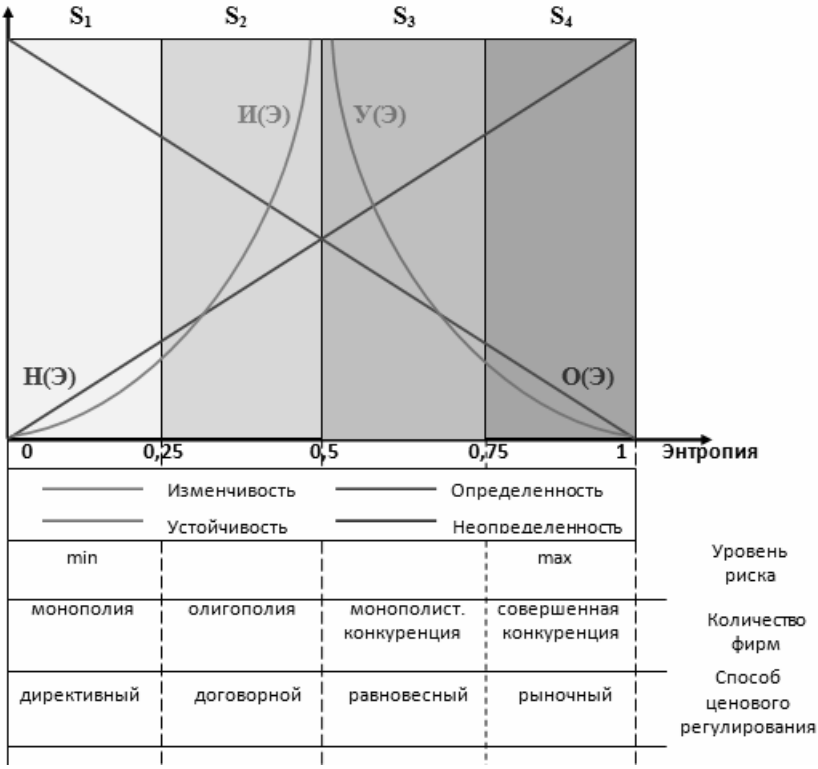


Рисунок 1. Организационно-экономические ситуации развития региональных строительных комплексов

1. $0 \leq$ **Э < 0,25 – S_1 – «Устойчивая определенность»**

Функционирование данной система возможно при условии, что разработанный и выведенный на рынок инновационный продукт является принципиально новым, имеет новые качественные характеристики, формирует новую нишу на рынке строительного производства, является необходимым для осуществления строительного производства. Характерными чертами такой системы являются: минимальное количество хозяйствующих субъектов, функционирующих в данной сфере производства, монополизация экономики.

Проникновение в отрасль дополнительных фирм заблокировано, так что фирма представляет собой всю отрасль. Поскольку существует только один продукт, очевидно, что отсутствует дифференциация строительной продукции.

Хозяйственный механизм такой системы имеет ряд особенностей. Он предполагает директивный способ ценового регулирования и централизацию исполнительной власти при минимальном уровне риска. Такая организационно-экономическая ситуация имеет ряд существенных недостатков.

При чрезмерной централизации исполнительной власти развивается бюрократизация хозяйственного механизма и экономических связей. По своей природе бюрократический централизм не способен обеспечить рост эффективности хозяйственной деятельности строительного комплекса, так как полное огосударствление хозяйства вызывает монополизацию производства продукции и оказания услуг. Для данной ситуации характерно отсутствие нормальных материальных и людских резервов в случае возникновения диспропорций в строительной отрасли. Барьеры для вступления конкурентов на рынок достаточно высоки, чтобы полностью блокировать всю потенциальную конкуренцию.

2. **$0,25 \leq Э \leq 0,5 – S_2$ – «Неустойчивая определенность»**

Система формируется в том случае, если инновационный строительный продукт имеет новые характеристики, однако, существуют аналоги данного продукта Ситуация близка к олигополии с небольшим количеством действующих компаний и невысоким уровнем риска. «Немногочисленность» инновационных строительных компаний означает, что решения об определении цен на новую продукцию и существующие аналоги являются взаимозависимыми. Каждая компания испытывает на себе влияние решений, принимаемых ее конкурентами, и должна учитывать эти решения в своем собственном поведении в области ценообразования и определения объема оказываемых услуг.

3. **$0,5 < Э < 0,75 – S_3$ – «Оптимальная определенность»**

Данная ситуация соответствует рынку с монополистической конкуренцией. Дифференциация является основой для создания благоприятных условий для продажи и обновления продукции. Вхождение в отрасль инновационных компаний довольно простое, однако увеличивается уровень риска из-за большого количества действующих на рынке фирм. Вступить в строительную отрасль с монополистической конкуренцией относительно легко. Легкость вступления в отрасль способствует появлению конкуренции со стороны новых фирм в долговременном периоде.

Производители обладают ограниченной степенью контроля над ценами на свои услуги. Потребители отдают предпочтение известным услугам и в ограниченных пределах платят за новые продукты более высокую цену, чтобы удовлетворить свои предпочтения. В условиях монополистической конкуренции соперничество сосредоточивается не

только на цене, но также и на таких неценовых факторах, как качество строительства, реклама и прочие сопутствующие условия.

4. $0{,}75 \leq Э \leq 1 - S_4$ – «Устойчивая неопределенность»

Ситуация характеризуется большим количеством фирм, каждая из которых оказывает настолько небольшую часть от общего объема строительства, что изменения новых технологиях не будут оказывать на расстановку сил в отрасли, а обеспечивать эффективность только для предприятия, реализующего инновационную разработку. На рынке не существует никаких серьезных препятствий – законодательных, технологических, финансовых и других, – которые могли бы помешать возникновению инновационных фирм и их работе, однако уровень риска максимален. В данном случае отсутствует важная особенность системы – ее относительная стабильность.

В целом показатели энтропии строительного комплекса Пензенской области на графике энтропии не превышают 0,5, поскольку затруднена коммерциализация принципиально новых разработок. Из-за различия ситуаций на рынках жилищного и промышленного строительства первое находится в зоне устойчивой определенности (рисунок 2).

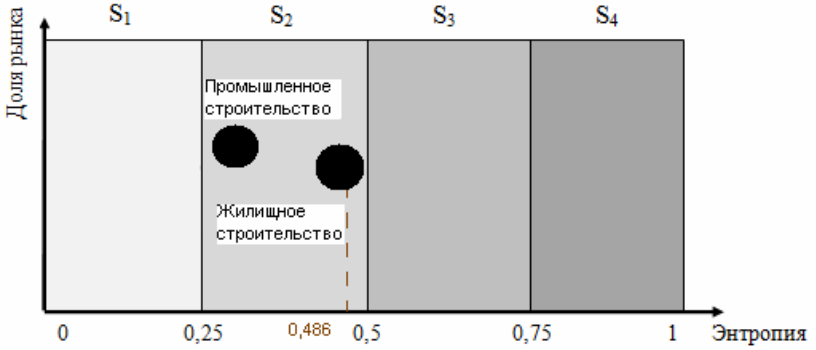


Рисунок 2. Строительные рынки Пензенской области

В результате проведенного анализа строительного комплекса выявлено, что в Пензенской области невозможно выделить единый инновационный рынок. Регион характеризуется наличием локальных строительных рынков, каждый из которых функционирует в рамках определенной территории – экономического района. Исключением является г. Пенза, в котором существует несколько крупных строительных предприятий и множество мелких. Для повышения эффективности деятельности строительных предприятий и совершенствования рынка строительной продукции необходим ряд действий, согласованных на всех

уровнях управления инновациями в строительной сфере региона. Переход строительной отрасли на саморегулирование позволит отчасти решить данную проблему за счет повышения конкуренции и выживания наиболее сильнейших «игроков». Кроме того, необходимо привлечение частных инвестиций в развитие инноваций в регионе.

Принимаемые в настоящее время меры по активизации инновационной деятельности на пензенском рынке позволяет сделать вывод, что по показателю относительной энтропии рынок строительной продукции может перейти в организационно-экономическую ситуацию «Устойчивая определенность». Акцент при развитии строительного рынка следует делать на жилищное строительство в связи с большими объемами заказов именно в этом виде деятельности.

Был рассчитан ряд показателей, характеризующих рыночную ситуацию в строительном комплексе Пензенской области (табл. 1).

Таблица 1.

Расчет показателей, характеризующих рыночную ситуацию в строительном комплексе Пензенской области

Показатель	Промышленное строительство	Жилищное строительство
Относительная Энтропия (H_o)	0,485346	0,61065
Индекс Херфиндаля-Хиршмана (HHI)	0,113109	0,045826
Дисперсия рыночных долей (σ^2)	0,00179	0,000583
Индекс Холла-Тайдмана (HT)	0,108848	0,048594
Индекс концентрации (CR_k)	0,84193	0,5913

Прогнозные показатели позволяют сделать выводы о том, что существует резерв инновационного развития строительства в регионе, который необходимо интенсивно использовать.

Результаты исследования влияния организационно-экономических факторов на эффективность использования потенциала строительного комплекса Пензенской области послужили основой для разработки рекомендаций по выявлению основных направлений эффективного развития и совершенствованию управления резервами регионального строительного комплекса.

Для развития инновационной деятельности в регионе необходимо эффективно использовать имеющуюся в регионе инновационную инфраструктуру (бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, центры содействия инновациям и т.д.).

Другим средством, повышающим уровень инновационного развития региона и предприятий строительного комплекса в частности, должно стать создание сети коучинг-центров, которые должны заниматься обучением менеджмента и владельцев компаний эффективной презентации своего бизнеса, базовым правилам принятия инвестиционных решений и необходимым навыкам работы с венчурным инвестором.

Система коучинг-центров позволит не только обмениваться опытом и предавать свои знания от менеджеров и руководителей крупных компаний малым и средним фирмам, но и обучить высококлассных специалистов в сфере инвестирования в инновационную деятельность строительных предприятий региона.

Расширение территории деятельности строительных предприятий возможно на основе повышения их мобильности.

Эффект от внедрения мероприятий по повышению уровня мобильности достигается за счет расширения территории деятельности предприятий, что предполагает увеличение объема производимых работ, снижения затрат на строительство объекта за счет использования местной минерально-сырьевой базы. Кроме того, повышение мобильности строительных предприятий предполагает наличие различного рода сопутствующих эффектов, таких как социальный (создание дополнительных рабочих мест, повышение бытовых условий проживания населения, создание социальной инфраструктуры), региональный (за счет расширения эффективных зон деятельности предприятий).

Для развития в регионе отрасли стройиндустрии необходимо делать акцент на использование собственной минерально-сырьевой базы.

В настоящее время минерально-сырьевые ресурсы области используются не достаточно эффективно, или в объемах и отраслях, не обеспечивающих достаточной финансовой отдачи. В то же время они могут работать на благосостояние региона, и их интенсивное использование может быть одним из основных способов удешевления стоимости квадратного метра жилья.

Потребителями полезных ископаемых, добываемых в Пензенской области, являются в основном местные предприятия промышленности строительных материалов. Исключение представляют формовочные пески, потребляемые для нужд литейного производства как в самой области, так и в других регионах страны. Отдельные предприятия закупают минеральное сырье и продукты его переработки на российском и внешних рынках.

Промышленность строительных материалов Пензенской области не отличается ни значительными масштабами производства, ни широтой ассортимента выпускаемой продукции, что обусловлено, с одной стороны,

объемами внутриобластного и внешнего спроса, а с другой - особенностями геологического строения территории и, соответственно, минерально-сырьевой базы. Предприятиями области производится обычный набор местных строительных материалов: щебень, строительный песок, керамический и силикатный кирпич, крупные и мелкие стеновые блоки, строительная известь, керамзит, нерегулярно - керамическая облицовочная плитка. Существующее производство базируется практически полностью на местном сырье, исключение составляет лишь выпуск извести.

Конечным итогом всех преобразований, краткосрочных и долгосрочных программ должно быть совершенствование механизма адаптации к внешней среде и преимущественно на этой основе повышение устойчивости, надежности и эффективности работы строительного комплекса Пензенской области.

Важным направлением эффективного развития регионального строительного комплекса является создание в регионе системы управления, затрагивающей все уровни управления его инвестиционным и инновационным развитием.

При управлении строительным комплексом необходимо добиться максимального соответствия объекта и субъекта управления, и, как следствие, — повышения эффективности строительного производства, увеличения ввода в эксплуатацию строительных объектов и мощностей. Основная задача регионального органа управления комплекса в современных условиях – это создание режима наибольшего благоприятствования процессу формирования, развития и функционирования строительного рынка, основывающееся на учете как федерального хозяйственного права, так и всей совокупности региональных особенностей (демографических, социальных, экономических и экологических).

В связи с тем, что развитие строительства – важное направление региональной инвестиционной стратегии, необходимо создать структуру в составе органов власти, занимающуюся координацией инвестиционно-строительной деятельности. В настоящее время существующая структура власти не в состоянии самостоятельно заниматься проблемами инвестиционно-строительной деятельности с максимальной эффективностью и привлекает для этого независимых экспертов со стороны.

Разработанные мероприятия должны способствовать взаимодействию между инвесторами, производственными предприятиями, организациями научно-технической сферы с целью использования

достижений науки и технологий, что позволит перейти экономике региона к инновационному пути развития.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Хрусталев Б.Б. Экономика, организация и управление предприятиями строительного комплекса: Учебное пособие. / Б.Б. Хрусталев, Ю.С. Артамонова, А.А. Еремкин –Пенза: ПГУАС, 2006.

КОНКУРЕНЦИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ФОРМИРОВАНИЕ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ФОРМ

Асадуллина А.В., к.э.н., доцент
кафедры экономической теории и мировой экономики
Уфимской государственной академии экономики и сервиса
asadullina@bk.ru

Глобализация мирового хозяйства, активизировавшаяся на рубеже веков, существенно изменила характер мировых конкурентных процессов, вовлекая в них разные уровни экономической системы. С одной стороны она несет в себе ликвидацию национальных границ в экономических взаимодействиях, увеличивает доступность трудовых и информационных ресурсов, применяемых технологий и финансовых связей, т.е. ведет к унификации пространства. С другой стороны активизируются локальные процессы, выражающиеся в стремлении регионов к автономности и самостоятельному участию в процессах конкуренции.

Интеграция России в систему мировых хозяйственных связей, которая сопровождалась внутренней трансформацией, сделала каждого субъекта хозяйственных отношений (в том числе субъектов РФ) участником глобальной конкуренции.

Из институциональной теории нам известно, что функционирование экономических субъектов осуществляется на основе определенных правил и норм, закрепленных или нет в юридической форме и в системе организаций, отсюда следует, что параметры и направления конкуренции регионов - как экономических субъектов - определяются в системе формальных и неформальных правил и норм, определяющих взаимоотношения в обществе и получивших названия институтов.

Конкуренция регионов создается типом государственного устройства - федерация. Конкурентная природа федерации основана на допущение возможности свободного перемещения факторов производства (труда, капитала и инвестиций) между субъектами федерации, лежащим в основе теории «конкурентного федерализма». Согласно этой теории, субфедеральные образования конкурируют посредством налоговой политики, условий для развития бизнеса и пр. за капитал и население. Если перечисленные условия ухудшаются, то компании и люди могут менять место жительства и регистрации, либо влиять на решения органа власти через процедуру выборов и лоббирования.

Иерархический принцип деления федерации позволяет исследователям выделять горизонтальную и вертикальную конкуренцию регионов. Первая - это конкуренция между разными уровнями власти за объем предоставленных компетенций и всевозможных ресурсов. Ее участниками выступают центр, регионы, муниципальные образования. Фактически вертикальная конкуренция проявляется в разграничении между федеральными властями и регионами полномочий по контролю над ресурсами и закреплении властных полномочий.

Горизонтальная конкуренция – осуществляется между одноранговыми регионами, определяется производственной ролью регионов в международном разделении труда и привлечением в пользу региона тех или иных видов ограниченных ресурсов. Предметом горизонтальной конкуренции являются трудовые ресурсы, инвестиции, налоговые доходы предприятий, средства федеральных фондов, туристические потоки, объекты собственности, рынки сбыта продукции и др.

Вертикальная и горизонтальная конкуренция наблюдаются в федерациях конкурентного типа, в которых субфедеральные образования ведут постоянный диалог с федеральным центром о распределении полномочий и одновременно конкурируют посредством наиболее эффективного предоставления общественных благ за капитал и население.

Низкая степень мобильности населения России, изменение механизма подотчетности регионального руководства (не населению региона, а главе государства), слабость в России гражданских институтов и ряд других причин привели к значительному отклонению практики российского федерализма от истинной его конкурентной модели. Тем не менее, конкуренция между регионами – субъектами РФ существует и, более того, трансформируется при изменении векторов федеральной региональной политики.

Проследим, как изменялись конкурентные процессы на уровне регионов в последние двадцать лет.

Трансформация конкурентных процессов на региональном уровне была обусловлена изменениями, произошедшими во взаимоотношениях федерального центра и регионов в период с 1992 по 2010 гг.

В эволюции этих взаимоотношений можно выделить два качественно разных этапа: первый – с 1992 по 1998 г. и второй – с 1999 г и по сей день. Первый этап характеризовался децентрализацией в рамках федеративных отношений, суверенизацией субъектов федерации, повышением роли местных органов государственной власти в управлении подведомственной территорией. Созданные в соответствии с Конституцией шесть типов субъектов РФ (республики, края, автономные округа и автономные области, области, города федерального назначения) формально имели равные права, а на деле выстраивали собственные взаимоотношения с центром.

Дело в том, что в России при создании федеративного государства изначально наблюдалось чрезвычайное межрегиональное неравенство (невозможное к устранению своими силами в виду огромных структурных диспропорций и географического положения). Концентрация источников рыночного дохода в небольшом количестве регионов требовала широкомасштабного перераспределения национального дохода через федеральный бюджет и, следовательно, делала критически важным для регионов установление особых договорных отношений с федеральным центром[6].

Так, при установлении единых нормативов отчислений от федеральных налогов в бюджеты субъектов РФ, налоговые послабления получили Татарстан, Башкортостан и Якутия. Это, в том числе, позволило республикам в условиях рыночных реформ поддерживать довольно устойчивое экономическое развитие.

Таким образом, ассиметрия субъектов РФ, еще заложенная на этапе формирования российского государства (по причине чрезвычайной контрастности доходной базы регионов) возрастала. Асимметричность состояла и в том, что объем полномочий, заложенных в договорах между федеральным центром и регионами, был не равномерен и определялся политическим весом регионального руководителя, а также экономическими и политическими ресурсами региона. Соглашения о разграничении полномочий между центром и республиками подписывались в 1994 г. на волне «парада суверенитетов» (первыми подписали Татарстан, Башкортостан, Кабардино-Балкария, далее Бурятия, Северная Осетия, Якутия, Удмуртия - в целом к 1999 г. – 47 субъектов

[6] Полищук Л. Российская модель «переговорного федерализма». - Вопросы экономики.- 1998. № 6.- С. 68

РФ). Анализируя договорную практику, можно отметить, что договоры разграничивали полномочия, которые уже были разграничены федеральным законами и не по предметам совместного ведения, а по предметам исключительного ведения РФ. Дополнительно к договорам подписывались соглашения с федеральными органами в определенных областях деятельности, как-то: внешнеэкономические связи, высшее и среднее образование, аграрно-промышленный комплекс и др. Причем активность субъектов РФ резко различалась: если 16 соглашений было подписано Ростовской и Свердловской областью, то только 2 – Красноярским краем, у 70 субъектов РФ они отсутствовали вовсе.

Таким образом, в России активно развивались процессы вертикальной конкуренции, в основе которых лежал постоянный диалог между властями двух уровней, сопровождавшийся заключением соглашений по обмену политической лояльности регионов на экономические ресурсы и властные полномочия.

Второй этап отношений центр-регионы начался в 1998 г., когда развернулась борьба с региональными льготами, и было прекращено заключение договоров о разделении полномочий и предметов ведения. Переломным моментом стало избрание президентом РФ В. Путина. Этот этап характеризуется усилением позиций центра, восстановлением единого правового поля страны, ужесточением контроля за деятельностью региональных властей и ослаблением их политического веса.

С целью административного обеспечения верховенства федерального закона были учреждены федеральные округа и институт полномочных представителей президента. Изменился регламент формирования Совета Федерации, был создан механизм федерального вмешательства в случае нарушения региональной властью федерального законодательства, введена назначаемость глав регионов.

Этот этап ознаменовался также проведением бюджетной и налоговых реформ. Во-первых, были чрезмерно централизованы доходы на федеральном уровне. Если в 1995-1998 гг. федеральный бюджет концентрировал 44,2-48,1% всех налоговых доходов, то в 2001-2005 гг. на него уже приходилось от 54,5 до 64,9%[7]. В 2001 г. НДС в полном объеме перераспределен в федеральный бюджет, платежи в Дорожный фонд централизованы на счетах Фонда финансовой поддержки регионов и Фонда компенсаций. Распределение налога на добычу полезных ископаемых по углеводородному сырью в федеральный бюджет и бюджет регионов постоянно изменялось в пользу первого и уже в 2005 г. составило 95% и 5% соответственно. К сужению налоговой базы формирования

[7] По собственным расчетам

субфедеральных бюджетов привела также отмена в 2003 г. налога с продаж.

Во-вторых, с введением нового Бюджетного кодекса, значительно ужесточились бюджетные ограничения. Если до 1999 г. трансферты регионам предоставлялись преимущественно в виде бюджетных ссуд и взаимных расчетов при отсутствии прозрачных правил их предоставления, то в последующий период основная финансовая помощь регионам стала направляться из пяти целевых бюджетных фондов в соответствии с более прозрачными методиками. Причем финансирование регионов идет, в том числе, и по конкурсу предоставляемых проектов (что внесло во взаимоотношения регионов новый элемент состязательности).

Регионы в процессах вертикальной конкуренции последовательно теряли свои позиции. К централизации финансовых доходов в федеральном бюджете и изменению механизмов подотчетности регионального руководства добавилось фактическое исчезновение такого предмета совместного ведения, как владение, пользование и распоряжение государственным фондом недр. Если ранее решение о выдаче лицензий на разработку полезных ископаемых должно было быть одобрено как Министерством природных ресурсов РФ, так и руководством субъекта РФ, то сейчас весь контроль перешел в руки федерального центра. Апофеозом же всех преобразований стало, бесспорно, введение процедуры обязательного отчета высшего должностного лица субъекта РФ перед Комиссией при Президенте РФ о достигнутых значениях показателей регионального развития для оценки эффективности деятельности региональной власти.

Таким образом, произошло сворачивание процессов вертикальной конкуренции и постепенная активизация конкурентных взаимоотношений на горизонтальном (межрегиональном) уровне.

Причинами потерь регионов в вертикальной конкуренции одни исследователи считают существовавшие в прошлом отношения разноуровневых субъектов экономических отношений, когда «интересы регионов вообще не выделялись в системе экономических интересов в виду неопределенности их статуса»[8]. Другие говорят о том, что большинство субъектов РФ изначально были не способны осуществлять переданные им полномочия в силу доставшегося им багажа прошлого (моноотраслевые регионы с преобладанием военной промышленности и изношенных обрабатывающих производств), и поэтому сами были

[8] А. Шалмуев. Региональные экономические инстересы и противоречия. Управленческое консультирование. 2003. № 2. http://www.dialogvn.ru/uk/index.html

заинтересованы в передаче в пользу центра дополнительных полномочий по перераспределению ресурсов[9].

Анализ миграционных потоков за последние годы позволил говорить о росте конкурентной миграции. Если миграция 1990-х годов не могла служить индикатором социально-экономического развития принимающих основные ее потоки регионов, то в 2001-2008 гг. она стала более тесно связана с региональным развитием и центро-периферийными различиями. Так, восстановился миграционный отток из периферийных регионов Поволжья с более низким уровнем жизни, ощутимо были истощены трудовые ресурсы соседних с крупными агломерациями (Москва, Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская обл.) областей[10].

Обострились интересы регионов по поводу отношений собственности на иностранные инвестиционные ресурсы. В 2004-2007 гг. развернулась борьба между частью российских регионов за инвестиции автосборочных производств. Путем подготовки инфраструктуры под промышленные зоны, специальным сопровождением инвестиционных проектов и введением налоговых льгот, наиболее активные из них добиваются размещения на своих территориях производств крупнейших автомобильных концернов. Это, прежде всего, Санкт-Петербург, разместивший на своей территории автосборочные производства Toyota, Nissan Motor, General Motors; Ленинградская область, на территории которой работает компания Ford Motors; Калужская область, выбранная для строительства завода крупнейшим западным автоконцерном Volkswagen Ag.

Одним из объектов межрегиональной конкуренции выступили крупнейшие налогоплательщики. Так, перерегистрация из Омской области «Сибнефти» и ее дочерних предприятий привела к потере ее бюджетом половины своих доходов – 14 млрд. руб. В тоже время за период 2004-2005 гг. в Санкт-Петербург перевели свои головные офисы или в целом перерегистрировались такие компании как: «Газпромрегионгаз», «Роснефть-трейд», Внешторгбанк, ОАО «Совкомфлот», ОАО «Авиационная компания «Трансаэро»», «Транснефтепродукт». Такая миграция налогоплательщиков принесла в 2006 г. этому региону увеличение налоговых платежей в общей сумме около 6,4 млрд. руб.

---

[9] Назаров В. Бюджетный федерализм: выгоды и издержки // http://www.regionalistica.ru/library/articles/nazarov/ - 62k

[10] Зубаревич Н. Демографическая ситуация и миграция: http://atlas.socpol.ru/overviews/demography/index.shtml

Появились новые направления конкуренции регионов: субъекты РФ стали соревноваться в размещении на своих территориях институтов прямого участия государства в реализации бизнес-проектов, выраженных в форме особых экономических зон (производственных, технико-внедренческих и туристско-рекреационных) и венчурных фондов.

Интересы регионов пересекаются по поводу распределения основных инвестиционных ресурсов центра – средств Фонда финансовой поддержки регионов, Федеральной адресной инвестиционной программы, Фонда компенсаций и пр. При этом проблемой является применение в качестве инструмента манипулирования политических и социальных региональных ресурсов и приобретение конкуренцией за федеральные ресурсы характера подковерной борьбы.

Настойчиво формируемая «вертикаль власти» постепенно привела к перекосу в ресурсах регионов в горизонтальной конкуренции: со стороны субъектов РФ увеличивается заинтересованность в получении административной ренты.

Возможности получения такой ренты приводят к недооценке растущей конкуренции за человеческие, инвестиционные и налоговые ресурсы, привлечь которые в регионы можно будет только при совершенствовании институциональной среды. Однако в сложившейся в России политической системе и в системе отношений центр - регионы институциональные преобразования представляются маловероятными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полищук Л. Российская модель «переговорного федерализма». - Вопросы экономики.- 1998. № 6.- С. 68

2. Шалмуев А. Региональные экономические инстересы и противоречия. Управленческое консультирование. - 2003. - № 2. http://www.dialogvn.ru/uk/index.html

3. Назаров В. Бюджетный федерализм: выгоды и издержки// http://www. regionalistica.ru/library/articles/nazarov/ - 62k

4. Зубаревич Н. Демографическая ситуация и миграция: http://atlas.socpol.ru/overviews/demography/index.shtml

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РЕГИОНОВ СТРАНЫ НА РЫНКЕ КРЕДИТОВАНИЯ

Бабич С.Г., к.э.н., доцент
кафедры «Статистика»
Экономико-математического факультета
ГОУ ВПО «Российский Экономический
Университет им.Г.В. Плеханова»
babich_svetlana@rambler.ru

В начале 2010 г. в результате принятых государственных антикризисных мер появились обнадеживающие тенденции в экономике России, но рассчитывать на ее быстрое восстановление преждевременно.

Незначительный рост объема промышленного производства отмечается, в основном, в экспортноориентированных отраслях экономики. В большинстве видов экономической деятельности наблюдается сокращение объемов произведенных товаров и оказанных услуг, ухудшение финансового состояния предприятий, снижение числа занятых в экономике и рост численности безработных.

Для дальнейшего улучшения экономической ситуации в стране необходимо расширение участия коммерческих банков в стимулировании экономического роста и модернизации промышленного производства. Наиболее действенным рычагом здесь служит активное кредитование коммерческими банками реального сектора экономики, что и является основной функцией банковской системы. Предоставление банками денежных средств приносит банкам процентной доход, составляющий значительную часть их прибыли. Сложная ситуация в российской экономике оказывает существенное влияние на состояние и развитие банковского сектора страны. Динамика ресурсной базы коммерческих банков во многом зависит от финансового состояния предприятий и организаций, роста реальных денежных доходов населения, степени развития сегментов финансового рынка. В то же время расширение кредитования реального сектора экономики зависит от состояния самой банковской системы.

По данным ЦБ России в структуре активов банковского сектора по итогам деятельности в 2009 году удельный вес предоставленных кредитов и ссуд, включая просроченную задолженность, сократился с 71,2% до 67,5%.

Объем кредитов и ссуд, представляемых коммерческими банками, включая просроченную задолженность, сократился в течение

рассматриваемого периода на 0,3% и к началу 2010 г. составил 19878,4 млрд. руб.

В структуре общего объема кредитов около 64% составляют кредиты и прочие размещенные средства, предоставленные нефинансовым организациям, 20% - кредиты физическим лицам. Удельный вес кредитов, депозитов и прочих размещенных средств, предоставленных финансовым организациям, достиг 16%.

На фоне сокращения общего объема кредитования позитивной тенденцией является рост объемов кредитов и прочих размещенных средств, предоставленных нефинансовым организациям, который возрос за аналогичный период на 0,3%, а также увеличение объема кредитов, депозитов и прочих размещенных средств, предоставленных кредитным организациям, на 9,0%. Несмотря на номинальный рост денежных доходов населения, объем кредитов, предоставленных физическим лицам, включая просроченную задолженность, за изучаемый период времени снизился 11,0%.

Следствием неравномерности экономического развития регионов страны является неравномерное распределение предоставляемых банковской системой кредитов реальному сектору экономики, населению и финансовым организациям по территории России. Значительная часть всех предоставляемых банковской системой кредитов (около 85%) приходится на кредитные организации Центрального федерального округа, в основном, за счет московского региона (рис. 1).

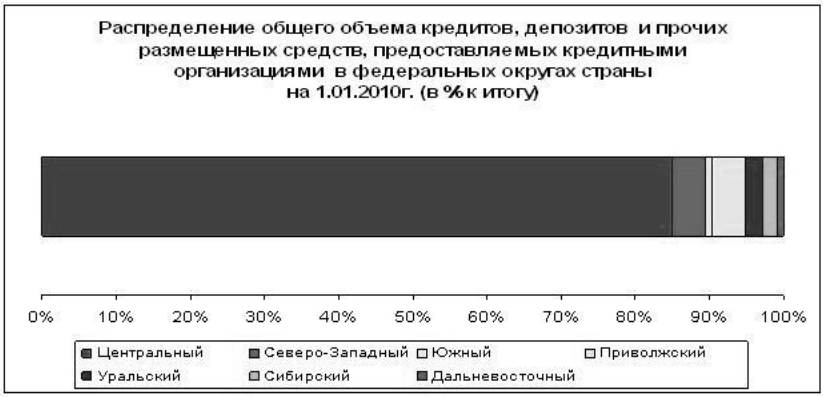


Рис. 1.

На начало 2010 г. в большинстве регионов страны подавляющая часть кредитов предоставляется в рублях. В отдельных субъектах РФ - г.

Москва, Калужской, Калининградской и Мурманской областях, г. Санкт-Петербург, Красноярском крае и Новосибирской области, - удельный вес кредитов в иностранной валюте составляет более 20% в общем объеме предоставляемых кредитов.

В отраслевой структуре кредитов, предоставленных банковским сектором страны, наблюдаются региональные различия.

Удельный вес кредитов предприятиям по добыче полезных ископаемых в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах составляет 3%, в Уральском – 2%, а в других федеральных округах – менее 1%. Самый высокий удельный вес кредитов предприятиям обрабатывающих производств отмечается в Приволжском и Уральском федеральных округах: соответственно, 31% и 26%, в других федеральных округах – от 12% до 19%.

По удельному весу кредитов, предоставляемых предприятиям сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства, лидирует Южный федеральный округ. Во всех федеральных округах пятая часть общего объема предоставляемых кредитов направляется предприятиям оптовой и розничной торговли.

Удельный вес кредитов предприятиям прочих видов экономической деятельности Центрального, Северо-Западного, Уральского и Сибирского федеральных округов составляет более 32% (рис. 2).

Рис. 2

На основе проведенного кластерного анализа была произведена группировка субъектов РФ по трем основным показателям, характеризующим объемы кредитования:

X1 - кредиты и прочие размещенные средства, предоставленные нефинансовым организациям;

X2 - кредиты, депозиты и прочие размещенные средства, предоставленные кредитным организациям;

X3 - кредиты, предоставленные физическим лицам.

Из совокупности регионов из-за отсутствия информации были исключены следующие субъекты РФ: Чеченская Республика, Забайкальский край, Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ.

Получены следующие результаты группировки регионов.

В первую группу, составляющую Кластер 1, вошел г. Санкт-Петербург.

Кластер 2 составили два региона: Самарская и Новосибирская области.

В третью группу (Кластер 3) вошли пять субъектов: Московская область, Республика Татарстан (Татарстан), Свердловская, Тюменская и Амурская области.

В пятую группу (Кластер 5) вошел только один регион – г. Москва.

Остальные регионы составили самую большую по численности группу (Кластер 4).

Средние значения рассматриваемых показателей кредитования в пяти представленных группах (Кластерах) существенно различаются: заметно выделяются кредитные организации г. Москвы (табл. № 1).

Таблица № 1.

Средние значения рассматриваемых показателей в группах (млн. руб.) на начало 2010г.

	X1	X2	X3
Кластер 1	511338,259	128297,638	63946,784
Кластер 2	133038,991	27875,1765	95850,9715
Кластер 3	88311,3774	12816,3564	35591,0004
Кластер 4	6450,44973	1113,027104	2363,70797
Кластер 5	10890582,4	2398550,544	2981779,31

В настоящее время отсутствует взаимодействие промышленного и банковского секторов российской экономики. При этом банковский сектор не выполняет важнейшей своей задачи - кредитования экономики (особенно в долгосрочной перспективе), и создает преграды для

экономического роста и модернизации производства, промышленный сектор обладает низкой инвестиционной привлекательностью.

Кредитование реального сектора экономики в нашей стране является достаточно рисованным направлением размещения денежных средств кредитных организаций. Сложность заключается и в том, что крупнейшие московские коммерческие банки являются кредиторами, в основном, крупных экспортноориентированных предприятий с минимальной степенью риска. Это объясняется сложным финансовым состоянием большинства региональных предприятий, возможной их неплатежеспособности, недостаточно профессиональным финансовым менеджментом.

Для улучшения ситуации на рынке кредитования необходимо принятие четкой и обоснованной государственной политики в отношении реального сектора экономики.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Федеральная служба государственной статистики России (Росстат) www.gks.ru

[2] Центральный банк России www.cbr.ru

РОССИЯ И ЕЕ РЕГИОНЫ В МИРОВОМ ИННОВАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Бабурин В.Л.,
д.геогр.наук, профессор географического факультета
МГУ им. М.В.Ломоносова
vbaburin@yandex.ru

Современный мир представляет из себя пространство очередной остро конкурентной гонки – гонки инноваций. Инновационная экономика, креативные индустрии, экономика знаний стали девизами новой модернизационной волны в рамках пятого Кондратьевского цикла.

Безусловными мировыми лидерами в области инвестиций в НИОКР в денежном выражении ныне являются Япония и США. Они значительно превосходят по этому показателю все остальные развитые страны (включая вместе взятые государства ЕС). Такая ситуация в сфере инновационной деятельности полностью соответствует их положению на международной арене. Они обладают целым рядом конкурентных преимуществ по отношению к другим развитым странам (табл. 1).

Таблица 1

Показатели развития инновационной сферы США, Японии и России.*

	Китай	США	Япония	Россия
Внутренние затраты на НИОКР в 2006 г., млн долл % от ВВП	 86758 1.42	 343747 2,62,9	 138782 3,39	 18633 1,07
Затраты на НИОКР, долл/чел. 2006 г.	66	1145	1553	131
Количество ученых на 10000 жителей	11,4	66	73	64
Число ВУЗов		2922	78	660
Число полученных патентов	210501	425966	408674	37691
Число выданных патентов	57785	171770	141399	23299
Торговля патентами, 1992 г. Доходы (млн долл) Расходы (млн долл)		 15300 2650	 2490 6040	
Индекс креативности**		5,77	0,41	
Эксопртвысоких технологий (% от экспорта товаров, 2006	 9	 30	 30	 9

*Таблица составлена по данным М.Миронова.

**Отношение доходов от продажи патентов к расходам на их приобретение

Из таблицы видно, что США являются крупнейшим экспортером технологий в современном мире, что дает им возможность удерживать первенство в области научно-технического развития и контролировать свои конкурентные преимущества во всех отраслях экономики. Если говорить о Японии, то она ведет в этом направлении прямо противоположную политику, которая выражается в активном привлечении и покупке новых технологий, т.е. Япония – сильный акцептор (оставаясь и вторым по масштабам креативным центром мира), а США выступают как крупнейший креативный ареал мировых инновационных рынков. Следует отметить, что США обеспечивают свой высокий и устойчивый креативный потенциал за счет системы импорта «мозгов» и стимулирующего воздействия ВПК. Достаточно посмотреть места рождения нобелевских лауреатов из США, что увидеть их внестрановое происхождение.

Наиболее развитые европейские страны значительно отстают по объему торговли патентами и лицензиями, как от США, так и от Японии. При этом, все они стараются поддерживать устойчивый баланс между экспортом и импортом технологий и обладают во внешней торговле ими небольшим отрицательным сальдо.

В целом, наиболее экономически развитые страны мира, а также некоторые новые индустриальные страны конкурируют сегодня на

международных рынках преимущественно на основе нововведений (США, Япония, ФРГ и т.д.) или накопленного богатства (Швейцария, частично Великобритания). Важнейшей особенностью их национальных экономик стало активное применение и внедрение научных знаний посредством НИОКР в сферу производственных процессов.

В эту гонку инновационных экономик уже активно включился Китай, который и по количественным и по качественным параметрам (табл. 1) стал сопоставимым с США и Японией акцепторно-креативным центром, значительно обогнав Россию, которая благодаря сохранению остатков советского наследия все еще входит в пятерку ведущих стран мира по масштабам своего инновационного потенциала.

Тем не менее, современная Россия, несмотря на свой сравнительно большой научно-технический потенциал, все быстрее опускается на стадию выхода на мировые рынки преимущественно с продукцией, произведенной на основе использования такого фактора производства, как природные ресурсы. Существенную же часть импорта, вновь, как и до революции, составляют машины и оборудование, фармацевтические товары, бытовая и оргтехника, искусственные волокна и материалы, т.е. продукция, базирующаяся на достижениях инновационной деятельности. Такой образец международной специализации является, по мнению автора, крайне невыгодным. Он ставит страну в зависимость от цен и ситуации на международных сырьевых рынках, ведет к сокращению национального богатства и ухудшению экологической ситуации в России, не является стимулом экономического роста и структурной перестройки национальной экономики и, как следствие, не приносит долгосрочных экономических выгод. Но главное, страна вновь оттеснена на мировую инновационную периферию, в следствие чего нарастают геополитические и внутренние социально-экономические риски.

Отмеченную тенденцию наглядно подтверждает анализ трендов изменения численности ученых по ведущим экономикам мира за последние 15 лет (рис. 1). Хорошо видно, что в то время как численность научно-исследовательского персонала в России стремительно сокращалась, даже в сравнении с не лучшим 1995 г. в других странах-конкурентах, и, прежде всего, в Китае она растет.

Еще более удручающей выглядит ситуация с производительностью трудресурсного потенциала инновационных секторов экономики, что можно проанализировать на примере патентной деятельности. Россия стремительно отстает не только от США и Японии, но и от быстро наращивающего свой инновационный потенциал Китая, из-за «спины» которого уже отчетливо проглядывается динамично развивающаяся инновационная экономик Индии (рис. 2).

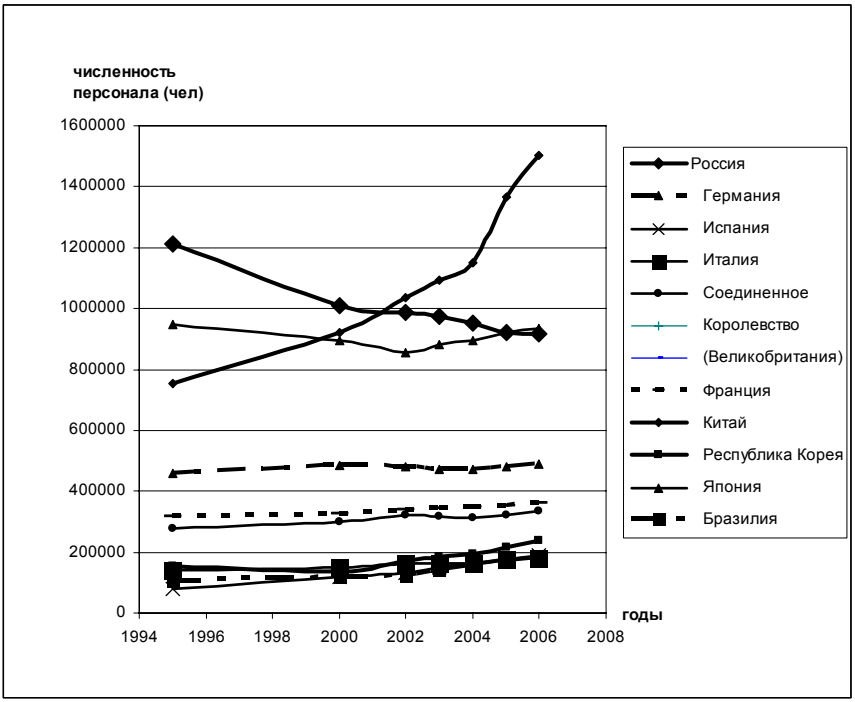


Рис. 1 Численность персонала занятого исследованиями и разработками

А по индексу цитируемости, Россия в настоящее время уступает даже таким странам как Индия, Австралия и Нидерланды, в то время как еще в конце кризисных 90-х гг. прошлого века она была на уровне Канады и Франции.

Не менее удручающая ситуация в секторах экономики потребителях инновационной продукции. По уровню использования современных коммуникационных технологий (рис. 3), даже Бразилия сегодня обходит Россию, а пока заметное отставание Китая исключительно следствие высокого удельного веса малых предприятий в общем числе хозяйствующих субъектов в китайской экономике.

Иными словами при деградации собственных креативных центров, Российские предприятия не стремятся к использованию хотя бы импортных технологий, хотя по уровню компьютеризации они находятся на уровне ведущих индустриальных стран. Но уже в области включенности в Интернет-сообщество явное отставание, а собственный

информационный «почерк» вообще находится в зачаточной стадии развития.

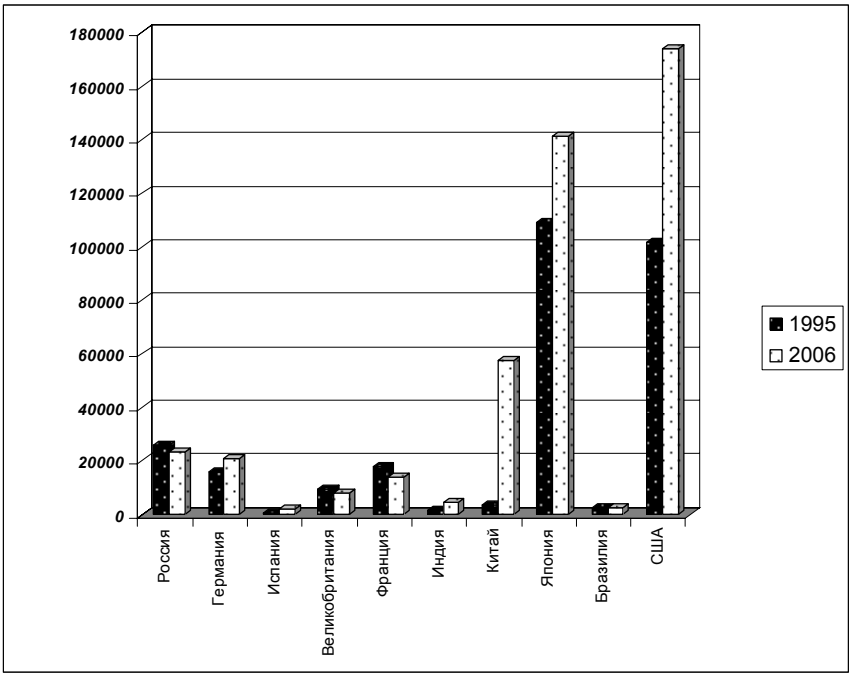


Рис. 2. Патентование изобретений

Еще более значительное отставание выявляется при анализе удельного веса организаций осуществляющих технологические инновации. Их доля (менее 10%) в два раза меньше, чем в Болгарии, Латвии и Румынии. А в сравнении с ведущими инновационными экономиками мира (Германией, США, Японией и малыми привилегированными странами Европы) это отставание на порядок) и разрыв продолжает увеличиваться

Однако особенностью нашей страны на протяжение всей ее многовековой истории было наверстывание отставания за счет территориальной сверхконцентрации ресурсов. Для оценки инновационного потенциала РФ и его внутренней дифференциации в рассмотрим некоторые параметры научно-технического сектора бывшего СССР на конец 80-х гг. и для территории РФ за 90-е – 2000-е гг. Для исследования были использованы следующие параметры: число высших

учебных заведений и студентов в них; число научных учреждений; число НИИ; число научных работников, занятых исследованиями и разработками; число изобретений; инновационная активность; количество аспирантов и затраты на НИОКР.

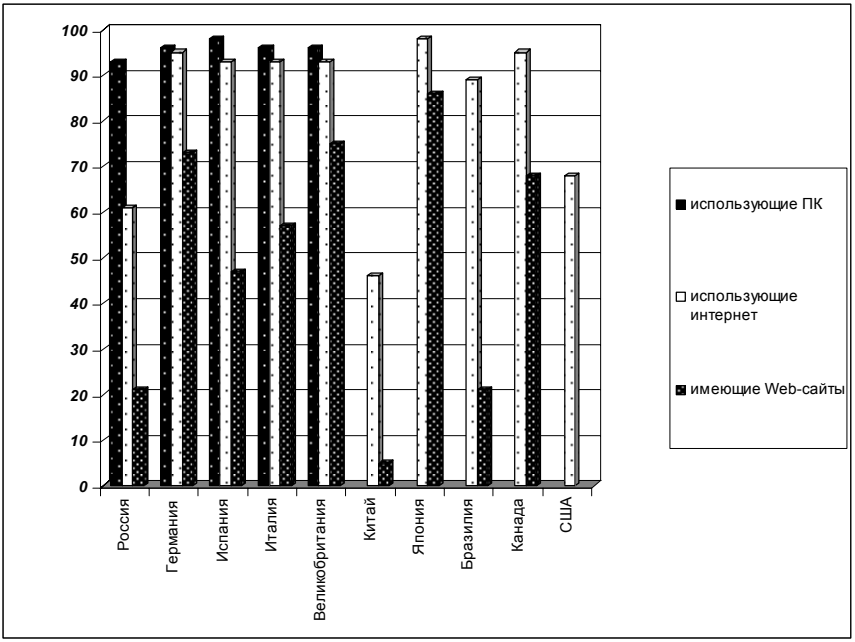


Рис. 3. Удельный вес организаций использующих информационные и коммуникационные технологии (2006 г.)

В 1988 г. РСФСР являлась одним из трех мировых лидеров и безоговорочным лидером среди других республик СССР по всем показателям, отражающим уровень научно-технического развития. По выбранным характеристикам доля России в суммарной величине соответствующих показателей для СССР в целом составила более 50% (без учета системы высшего образования, во многом выполнявшей общекультурную функцию для союзных республик – 2/3). Особо выделяется подавляющее превосходство России над другими бывшими республиками по таким показателям, как число внедренных инноваций (3/4) и затраты на НИОКР, которые говорят соответственно о конечном итоге инновационной деятельности и об инновационной активности в стране. Эти характеристики являются и сегодня основными

статистическими показателями при проведении международных исследований в сфере инновационной деятельности.

И в настоящее время РФ остается наиболее развитой в научно-техническом отношении страной СНГ, унаследовав большую часть научно-технического потенциала после разрушения СССР. Но переход к рыночным принципам экономики в начале 90-х гг. нанес колоссальный удар по инновационному потенциалу страны. Число изобретений и патентов сократилось на порядок, значительная часть наиболее подготовленных специалистов покинула страну, через систему соросовских грантов из страны были вывезены научно-технические заделы на десятки млрд долларов. Научно-технический потенциал, унаследованный от СССР, постепенно превратился в чисто научный (т.е. оказался оторван от производственно-технологической базы его материализации). Инновационная инфраструктура сильно устарела и оказалась нежизнеспособной, инвестиции в НИОКР сократились в разы.

Инновационная модель развития исходит из представления об инновационной сфере, как об одной из отраслей народного хозяйства страны. Основным ресурсом, на котором она базируется, является интеллектуальный или научно-технический потенциал. В качестве специфического способа производства выступают НИОКР, состоящие из трех стадий: фундаментальные исследования, прикладные исследования и опытно-конструкторские разработки. Есть у инновационной сферы и свой комплекс производственных предприятий, который входит в состав ее инфраструктуры и состоит из отдельных конструкторских и исследовательских лабораторий и институтов, а также из таких специфических организаций, как инкубаторы, технологические и иные парки, технополисы, инновационные зоны и районы. Все эти компоненты составляли в СССР единую организационную структуру, а взаимосвязи между ними координировались общегосударственной научно-технической политикой. Результатом взаимодействия всех перечисленных элементов является совершенно особый специфический продукт – инновация.

Теоретически, в современных условиях основными компонентами сферы инновационной деятельности являются:

- рынок создания новшеств и изобретений (этот компонент регионально «привязан» к городу, т.к. маловероятно создание инноваций в сельской местности);
- рынок вложений капитала и инвестиций (также приурочен к городам);
- рынок научно–технического персонала (территории близкие к крупным городам, научным центрам);

- инновационная инфраструктура (в принципе, может быть создана везде);
- рынок конкуренции инноваций (конкурировать могут только научные центры – города, «рождающие» инновации).

Огромное влияние на инновационные процессы оказывают также технологическая политика, научно-технические связи и уровень экономического развития тех или иных субъектов хозяйства. Все эти компоненты тесно взаимосвязаны и образуют своеобразный «инновационный узел», концы которого уходят глубоко в различные отрасли экономики.

Патентование изобретений и открытий, как способ регистрации интеллектуальной собственности в наиболее концентрированном виде (хотя и не всеобъемлюще), отражает инновационные процессы в сфере науки и техники. Это позволяет использовать патентную информацию для анализа интенсивности инновационной деятельности в этих сферах народного хозяйства и выявления особенностей ее территориальной дифференциации.

Для проверки гипотезы о возможности использовать пространственную динамику городов, как индикатор инновационных процессов, данные по патентам соотносились с численностью городского населения, как основного носителя специфических научно–технических инноваций. Сельские жители не учитывались по той причине, что вероятность «рождения» технологических инновации в сельской местности мала. Правильность выбранного подхода подтверждают высокие значения коэффициента корреляции между количеством заявок на изобретения и численностью городского населения в субъектах РФ (в 1989 г. он составил 0,96, 1999 – 0,98).

Для типологии районов по соотношению креативной и акцепторной составляющих для 1989 г. были рассчитаны соотношения инновационной производительности регионов СССР (число патентов на 100 тыс. городского населения) и уровня их инновационного потребления (отношения доли внедренных патентов к числу произведенных) или индекс креативности.

Результатом анализа распределения субъектов СССР, по соотношению производства и потребления нововведений, явилось выделение шести основных групп субъектов с различным соотношением исследуемых показателей (рис. 5.5).

В сочетании с распределением по территории СССР ранее рассмотренных показателей инновационного потенциала регионы страны можно отнести к нескольким типам.

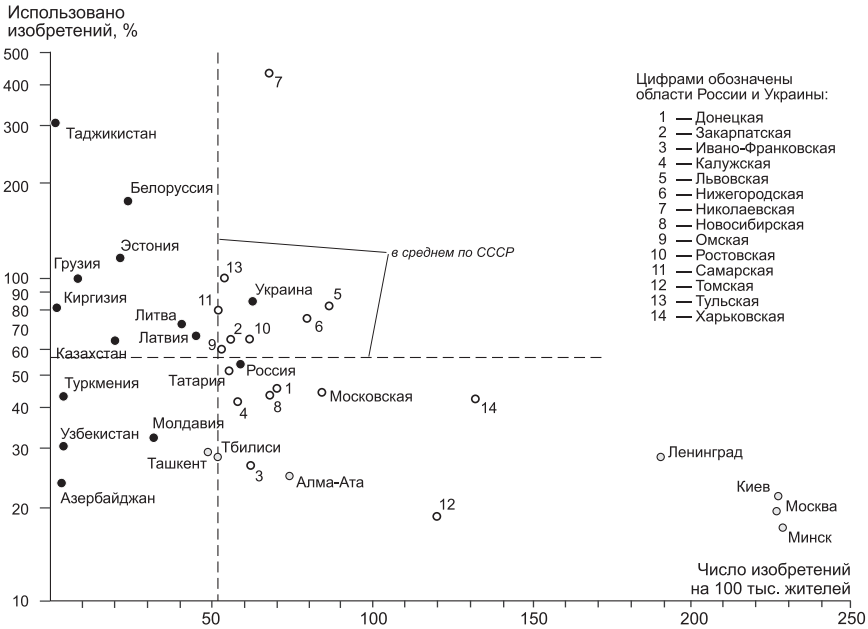


Рис. 4. Распределение регионов и городов СССР по соотношению производства и потребления нововведений

Креативные регионы (использующие изобретений намного меньше, чем их создают, при существенно выше среднесоюзной плотности). К числу таких регионов относились Московский столичный, а также Киев, Минск, Ленинград, Харьков, Алма-Ата и Томск с окружением. Первые три региона являются явными лидерами в этой группе и идут с большим отрывом от остальных. Нетрудно заметить, что все они столичные города-миллионеры, а Томск – старейший культурный и научный центр Сибири.

Субкреативные (использующие изобретений меньше, чем производят при выше средней плотности инноваций). К их числу относились: остальные районы Волжско-Окского междуречья, которое и в настоящее время дает более половины российских инноваций; Белорусско-Прибалтийский регион (без Эстонии); Урало-Поволжье; Восточная Украина и другие крупногородские, столичные и субстоличные ареалы; ареалы очень высокой плотности городов (Западная Украина и др.).

Акцепторно-креативные (с выше среднесоюзной генерацией нововведений, но с высокой долей использованных изобретений,

превышающей 100%). В России к ним относились индустриально-аграрные районы: Алтайский и Краснодарский края, Белгородская и Воронежская области, республики Чувашия и Марий-Эл; на Украине – это западные области Донецко-Приднепровского и южные Юго-Западного районов.

Сильные акцепторы (с относительно низкой генерацией нововведений, но с очень высокой долей использованных изобретений, превышающей 100%). Прежде всего это пристоличные области (Ленинградская, Минская, Киевская, Алма-Атинская), а также районы интенсивного хозяйственного освоения в 80-е гг.

Слабые акцепторы (с низкой генерацией нововведений и с долей использованных изобретений выше среднесоюзного уровня, но менее 100%). В этой группе широко представлены наиболее освоенные восточные районы России и Казахстана, а также области и республики внутренней периферии Европейской России.

Инновационная периферия (с крайне низкими показателями, как плотности изобретений, так и их использования). В эту группу входят преимущественно периферийные территории СССР и отдельные «медвежьи углы» Европейской России (Тамбовская, Костромская, Новгородская области).

К 1999 г. региональные различия в производстве изобретений в РФ почти не изменились, но резко снизилась их плотность. Даже Москва по их плотности спустилась до уровня Северной Осетии и Мордовии 1989 г. (рис. 5.7, 5.8). Еще сильнее, чем Москва, «пострадал» Санкт-Петербург. Показатель числа изобретений в нем упал почти в 9 раз, и город даже уступил Томской области по этому показателю. Изменился и среднероссийский показатель: 18,5 изобретений на 100 тыс. городского населения (против 92,3 в 1989 г.).

На общем фоне резкого ослабления позиции России в международном инновационном обмене, лишь Московский регион сохранил креативно-акцепторную функцию, а подавляющее число регионов либо вообще выпали из инновационного процесса, либо трансформировались в акцепторные, типичные для стран с догоняющим типом развития.

Сохранение тенденций последних двадцати лет приведет Россию к социально-экономической и геополитической катастрофе.

Литература

Бабурин В.Л. Инновационные циклы в Российской экономике. Изд. 4-е, исправленное и дополненное М., КРАСАНД, 2010, 210 с.

ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ «НОВОГО ЗАПАДНОГО ПОГРАНИЧЬЯ» РОССИИ[11]

Баринов С.Л., аспирант
отдела экономической, социальной, политической
и рекреационной географии
Института Географии РАН
azazel-rus@mail.ru

Монопозиционность означает игнорирование регионов
(Владимир Каганский)

Предпосылки, цель и методическая основа исследования

Феномен *новых границ* связан с распадом СССР и потому насчитывает менее 20-ти лет. «Новыми» в литературе называются границы, ставшие государственными в результате обретения независимости республиками бывшего Союза. По аналогии «*новым западным пограничьем*» мы будем называть территорию России, расположенную вдоль границ с Украиной, Белоруссией и Прибалтикой[12].

Рассуждения о том, какую территорию считать приграничной, далеко выходят за рамки и данного текста, и того исследования, на котором он базируется. В данном случае мы будем рассматривать развитие приграничных *регионов* с отдельным акцентом на приграничные *муниципалитеты*.

Очевидно, что попытка охватить в рамках одного краткосрочного исследования все плотно заселенное пограничье протяженностью почти в 3,5 тыс. км утопична. Поэтому мы акцентируем внимание только на тех участках, которые изучены сравнительно слабо. Речь пойдет о границах трех российских регионов: *Псковской* (с Латвией, Эстонией и Белоруссией), *Брянской* (с Белоруссией и Украиной) и *Курской* (с Украиной) областей.

Целью работы была диагностика и качественная оценка процессов регионализации, развитие которых можно было ожидать на относительно

[11] Исследование проводится при поддержке Гранта РГНФ 08-02-91202 а/U *«Украинско-российско-белорусское сотрудничество как инструмент развития трансграничного региона»* и Гранта РГНФ 10-02-00688а/Б2 *«Трансформация территориальной структуры расселения и хозяйства приграничных регионов России и Беларуси в постсоветский период»*.

[12] Из данного анализа исключена Калининградская область в силу того, что пограничье эксклава по определению сильно отличается от пограничья основной территории, и с этой точки зрения их совместный анализ нерелевантен.

прозрачных и потенциально контактных участках новой границы. Рассмотрев при подготовке исследования европейский опыт трансграничной регионализации, мы попытались найти на исследуемых участках границы аналоги тех процессов, которые описывают в своих трудах исследователи европейской практики [1][2][3] [6].

В содержательном плане исследование опирается на целый ряд предшествующих [4][5]. Методическая база преимущественно социологическая, что обусловлено как целью, так и масштабом исследования: для анализа проблем непосредственно пограничной полосы необходим большой массив первичной информации от тех, кто в этой полосе живет и осуществляет хозяйственную деятельность. При этом акцент сделан на *качественные методы*: глубинные экспертные интервью и включенные наблюдения.

Основные результаты исследования

Анализ пространственно-временных закономерностей развития рассматриваемого приграничья позволил выявить целый ряд историко-географических предпосылок к активному межграничному взаимодействию как минимум в социальном поле. К ним можно отнести:

- общность исторического пути, выразившуюся в частности в том, что приграничные муниципалитеты веками находились в рамках общих ячеек АТД;
- вторичность этнической составляющей в процессе самоидентификации жителей приграничья и фактическое игнорирование существующих административных границ в пространственной составляющей самоидентификации;
- неукорененность местного населения приграничья и высокая степень его кровного родства с соседями (доли как приезжих, так и имеющих родственников через границу, по оценкам экспертов, находятся в диапазоне от ⅓ до ½ всего населения).

Результаты многочисленных включенных наблюдений и экспертных интервью, проводившихся в Курской, Брянской и Псковской областях в 2006-2009 гг., показали, однако, что реальные масштабы приграничного взаимодействия в этой зоне куда меньше того, что можно было ожидать, исходя из выявленных предпосылок. На сегодняшний день они в основном сводятся к обмену делегациями всех уровней, совместному проведению фольклорно-народных праздников типа Радуницы, сотрудничеству в транспортно-таможенной сфере (в том числе по контролю за наркотрафиком) и мелкой межграничной торговле, масштабы которой в целом падают. Более того, сжатие поля взаимодействия наблюдается не только в отраслевом, но и в территориальном разрезе: в приграничном сотрудничестве участвуют либо

региональные центры, либо муниципалитеты, на территории которых расположены крупные пограничные пункты пропуска.

Помимо внутренних факторов, обусловленных свойствами самой границы и приграничных территорий, на подобное сжатие влияет целый ряд внешних: институциональных, имиджевых, инфраструктурных и др. Среди этих внешних факторов отдельной строкой идут факторы *геополитические*.

Постоянный дамоклов меч, висящий над трансграничными коммуникациями с Украиной, Эстонией и Латвией – взаимоотношения между этими странами и Россией. Примерами могут служить многочисленные словесные пикировки на официальном уровне между экс-президентом Украины Виктором Ющенко и российскими лидерами[13]. Для жителей приграничных территорий подобные пикировки оборачиваются ужесточением досмотров, повышенным вниманием к мигрантам (в т.ч. трудовым) из соседних сел и деревень по другую сторону границы и т.п.

Проблема могла быть не столь заметной, если бы не повышенное значение межграничных *миграций трудовых ресурсов* для хозяйственной деятельности приграничных регионов. Страны непосредственного соседства дают от 15% международных иммигрантов в случае с Псковской областью до 40% в Брянской. Пониженное значение этого показателя на прибалтийском направлении объяснимо: еще в советское время люди стремились скорее из России в Прибалтику, а не наоборот. Как следствие, Латвия и Эстония вместе с Беларусью забирают половину всех псковских *эмигрантов*.

У повышенных значений иммиграции на украинском направлении есть дополнительный мотив. Общеизвестно, что полевые сельскохозяйственные работы не равномерны по нагрузке в течение года, а имеют ярко выраженный сезонный характер. Приглашение на такие сезонные работы с целью их ускорения жителей соседних территорий практиковалось издавна. В частности, руководители более благополучных

[13] См. например обмен резкими заявлениями между Ющенко и Медведевым в августе 2009 г.: http://news.mail.ru/politics/2814729/

российских колхозов приглашали сравнительно мало пьющих украинских работников, а те с готовностью отзывались на подобные призывы, особенно в последнее десятилетие, поскольку испытывали проблемы и с работой, и с заработками. Но подобное сотрудничество, очевидно выгодное обеим сторонам, оказывается невыгодным федеральным российским структурам, которые во время особого охлаждения отношений между Россией и Украиной «настоятельно рекомендовали» владельцам гостиниц и мотелей в приграничных районах сообщать в местные органы ФСБ каждый раз, когда к ним заселяются приезжие из Украины.

У стремления федеральных властей к упорядочиванию режима пересечения границы есть и очевидно позитивные стороны. Плохо регулируемая граница на многих участках становится проницаемой для наркотрафика, это признают и представители администрации в частности Невельского района (граничащего с Белоруссией) Псковской области. Однако стремление к большему контролю при отсутствии индивидуального подхода и игнорировании местных особенностей территории приводит к перегибам и побочным эффектам, подобным уже проиллюстрированному.

Важным аспектом этих «местных особенностей» в сфере трансграничных пересечений является проблема *пунктов упрощенного перехода* (ПУП). Они были созданы для ускорения контактов местного населения на тех участках пограничья, где граница разделяла исторически и этнически спорные территории (рассматриваемое пограничье, как уже было отмечено, относится как раз к этому типу). Главное «слабое место» этих пунктов пересечения с точки зрения властей – их пониженная контролируемость, из-за которой такие пункты часто становятся коридорами наркотрафика. Именно этот их недостаток стал ключевым основанием политики оптимизации, реализуемой в последние годы по отношению к пунктам упрощенного пропуска. Увы, здесь национальные и отчасти геополитические интересы опять вошли в противоречие с интересами местного населения, для которых закрытие таких пунктов означает фактический запрет на контакт с родственниками и друзьями.

Геостратегические интересы в пограничной полосе реализуются российскими властями также через монополизацию медийного пространства. Особенно ярко это проявилось в последние годы на украинском участке границы. До 2002-го года в приграничной полосе Курской и Брянской областей легко ловились украинские телеканалы, поскольку транслятор в *Белополье* (райцентр Сумской области Украины, расположенный в пограничной полосе) был мощнее транслятора во *Льгове* (райцентр Курской области). В результате местные жители имели возможность узнавать хоть что-то о жизни своих родственников и друзей, живущих по другую сторону границы, и частично компенсировать таким образом дефицит прямого контакта. Однако затем транслятор во Льгове заменили, и сегодня из украинских телеканалов с российской стороны ловятся только два («1+1» и музыкальный), и то местами. Более того, Курская область была выбрана одним из трех пилотных российских регионов по оцифровке телевещания, которая гарантирует полный уход украинского вещания из эфира. Разумеется, оцифровка телевещания сама по себе – благо. Но критерии, по которым именно куряне оказались в числе первых, очевидно имеют геополитический подтекст.

Аналогичные процессы в последние годы шли и по другую сторону российско-украинской границы. Так, 2 октября 2008 г. Нацсовет по телевидению и радиовещанию Украины принял решение об исключении российских каналов из украинских кабельных сетей. Сходные тенденции наблюдаются и на прибалтийском направлении: Эстония периодически отключает и включает обратно российские телеканалы. Последнее отключение произошло в январе 2009 г., однако через месяц вещание возобновилось. Латвия до сих пор ограничивалась предложениями запретить трансляцию российского телевидения, но к действиям не переходила.

На прибалтийском направлении дополнительные проблемы для приграничного сотрудничества создает фактическое отсутствие рамочного соглашения о сотрудничестве между Россией и Евросоюзом. Срок последнего такого соглашения истек в конце 2007-го года, а новое до сих пор не подписано. Поскольку и Латвия, и Эстония являются членами ЕС, сотрудничество с этими странами может идти только в контексте сотрудничества с Евросоюзом – или, как минимум, с ведома Брюсселя. Отсутствие рамочного соглашения о партнерстве, таким образом, имеет целый ряд отрицательных последствий, и в первую очередь для российских НКО, которые теперь не могут выступать полноценными грантополучателями и участниками совместных с соседями проектов и вынуждены довольствоваться в лучшем случае ролью ассоциированных членов.

Резюмируя, следует еще раз отметить сильный дисбаланс между выявленными в изучаемом пограничье предпосылками к процессам трансграничной регионализации и текущей их слабой выраженностью. У этого дисбаланса есть целый ряд внешних, в том числе геополитических, факторов, что показал проведенный анализ. Если в 1990-е гг. основными препятствиями для приграничных коммуникаций были общий экономический кризис, потеря традиционных хозяйственных связей и пробелы в бюджете, не позволявшие выделять средства на сотрудничество с соседями, то в 2000-е гг. источник препятствий стал иным. Стремление федеральной власти к тотальному пограничному контролю, монополизация медийной сферы на фоне информационных войн с «непослушными соседями», агрессивное общение на международном уровне, осложняющее заключение договоров о сотрудничестве - все это в совокупности приводит к дальнейшему затуханию приграничных коммуникаций. В результате «новое западное пограничье» России лишается тех преимуществ, на которые опирались в последние десятилетия авторы трансграничной регионализации европейского образца.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Perkmann M. The rise of Euroregion. A bird’s eye perspective on European cross-border cooperation. Department of Sociology, Lancaster University, Lancaster LA1 4YN, UK. 2003 [Электронный ресурс]. URL: www.lancs.ac.uk

[2] Ratti R., Reichman S. Theory and practice of transborder cooperation. Basel – Frankfurt am Main. 1993.

[3] Бусыгина И.М. Концептуальные основы европейского регионализма // Регионы и регионализм в странах Запада и России / отв. ред. Р.Ф. Иванов. М., 2001. С. 7-15

[4] Колосов В.А. Как изучать новое пограничье России? // Международные процессы, 2004, т.2, N 3, с. 89-96.

[5] Колосов В.А., Бородулина Н.А. «Бремя геополитики» во взаимовосприятии России и стран Прибалтики // Международные процессы, 2007, том 5, номер 1(13), с. 101-107

[6] Яровой Г.О. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. СПб.: Норма, 2007.

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ

Боуш Г.Д., к.э.н., доцент
кафедры международных экономических отношений
факультета международного бизнеса
Омского государственного университета,
gboush@narod.ru

Мадгазин Д.И., соискатель
Омского государственного университета,
инженер-экономист
ОАО «Омскнефтехимпроект»,
denis_madgazin@mail.ru

Введение в проблему. В современной глобализирующейся мировой экономике одной из ярких тенденций стала регионализация хозяйственной деятельности, что объясняется повышением значимости местоположения как фактора конкурентоспособности хозяйствующих субъектов. Данные обстоятельства актуализируют исследование факторов, формирующихся на территории базирования компаний и обусловливающих высокий уровень их конкурентоспособности. Помимо этого, важным исследовательским направлением является поиск и развитие таких бизнес-форм, которые обладают высокой способностью использовать преимущества местоположения, более того, содействуют их развитию. Одной из них являются бизнес-кластеры. Однако на сегодняшний день, несмотря на большое число публикаций и обширную практику кластеризации экономики, они остаются недостаточно хорошо изученным феноменом. В частности, многими исследователями повышенное внимание уделяется позитивным экстерналиям, связанным с функционированием бизнес-кластеров, в то время как отрицательные эффекты остаются в тени. Полагаем, что односторонняя изученность эффектов экономической кластеризации препятствует взвешенной оценке роли и места бизнес-кластеров в региональной экономике, особенно в тех случаях, когда они используются в качестве инструмента обеспечения экономического роста и повышения конкурентоспособности регионов. Устранение указанного недостатка в исследованиях бизнес-кластеров позволит повысить эффективность кластерной политики, заявленной к реализации многими субъектами РФ. Решение проблемы возможно в

рамках исследования бизнес-кластеров с точки зрения рассмотрения их как частного случая кластеризации – одного из универсальных природных процессов объединения малых частей в большое целое. Такой подход позволит осмыслить положительные и отрицательные эффекты кластерного подхода к развитию региональной экономики и учесть их при формировании и реализации кластерных проектов.

Сущность бизнес-кластеров

Кластеры в экономике не являются уникальной формой объединения частей. Кластерные структуры широко распространены в живой, неживой природе, социуме. Поэтому было бы, по всей видимости, уместно понять, какие черты присущи бизнес-кластерам как частному случаю проявления универсальных природных кластеризационных процессов, а также какие из черт появляются у них в силу специфичности среды, в которой они возникают. Изучение публикаций, посвящённых исследованиям различных природных кластеров, позволило нам прийти к следующим выводам. Природные кластерные структуры обладают целым рядом черт, позволяющих выделять их среди иных составных [объединённых] объектов, таких как кристаллы, агломераты, конгломераты и др. Бизнес-кластеры являются носителями всех этих универсальных характеристик.

1. *Однородность элементов*. В кластеры объединяются однородные единицы для взаимного обмена имеющимися ресурсами и извлечения позитивных эффектов. Бизнес-кластеры с этой точки зрения также представляют собой объединение однородных элементов – самостоятельных (обособленных) хозяйствующих субъектов, заинтересованных в объединении, обмене, перераспределении собственных ресурсов с тем, чтобы оптимизировать их использование и повысить отдачу от них.

2. *Сочетание центростремительной и центробежной сил.* Центростремительные силы (например, гравитация) обеспечивают «слипаемость» частиц, удерживают их в кластерной структуре. Центробежные силы (отталкивания) препятствуют полной слипаемости частиц, потере их относительной самостоятельности. Сбалансированность центростремительной и центробежной сил позволяет кластеру находиться в относительно устойчивой конфигурации. Бизнес-кластеры возникают и изменяются под воздействием сил, подобных указанным: центростремительная сила воплощена в стремлении к кооперации, сотрудничеству, центробежная – в конкуренции, соперничестве. Состояние внешней среды в значительной степени определяет их равновесие.

3. *Нечёткость и подвижность границ и конфигурации*. Одни самостоятельные единицы под воздействием центростремительной силы

присоединяются к кластерному образованию, а другие в это же время могут испытывать на себе действие центробежных сил и покидать кластер. Поэтому границы и конфигурация кластеров нестабильны, изменчивы. То же наблюдается и в бизнес-кластерах.

4. *Общность (обобществление) ресурсов*. У атомов, например, обобществляются электроны, у молекул – атомы и т.п. Подобное обобществление ресурсов повышает устойчивость и адаптивность кластеров к среде. Наличие сил притяжения недостаточно для сохранения кластера и после объединения кластерных элементов возникает механизм обобществления составных частей самих кластерных элементов или их ресурсов. В бизнес-кластерах обобществляются и становятся доступными для всех участников такие ресурсы как местоположение, труд различного качества, научная и образовательная сферы, технико-технологический потенциал.

5. *Внутренняя инфраструктура*. Можно предположить наличие в кластерном образовании неких вспомогательных структур, обеспечивающих связность кластерных элементов и функционирование кластера как единого организма. Очевидно, что механизм обобществления ресурсов для этого не вполне достаточен. В бизнес-кластерах это объекты физической, производственной, социальной, рыночной и других видов инфраструктур, а также специальные кластерные институты взаимодействия и органы власти.

> Исследование кластерных структур различной природы и особенностей бизнес-кластеров как экономического феномена позволило нам сущность последних выразить в следующем определении: это добровольное неформальное объединение самостоятельных хозяйствующих субъектов на условиях близости территориальной, отраслевой, культурной; взаимодополняемости по продуктам, ресурсам, процессам; взаимосвязанности потоками материальными, нематериальными, информационными [1].

Положительные эффекты кластерного подхода

Заметим, что в отношении кластеров, даже несмотря на разнообразие групп их участников, нельзя говорить о преимуществах или недостатках отдельно для того или иного контингента заинтересованных лиц. Но в любом случае выгоды, генерируемые в кластере, пусть и в неодинаковой мере, становятся доступны для всех участников, равно как и возможные потери, которые также распределяются достаточно широко.

Большинство исследователей бизнес-кластеров обращают пристальное внимание главным образом на конкурентные преимущества бизнес-кластеров, при этом наиболее авторитетными и всеобъемлющими исследованиями продолжаются оставаться работы М. Портера.

В целом, положительные экстерналии, носителями которых являются бизнес-кластеры, так или иначе связаны с их пространственной локализацией, возникающим эффектом масштаба и специфическим сочетанием отношений соперничества и сотрудничества (конкуренции и кооперации) во взаимодействии участников кластера.

Природа генерируемых в кластере позитивных экстерналий может быть объяснена следующим образом. Однородность элементов и наличие центростремительных сил приводят к возникновению положительных эффектов, впервые обнаруженных в промышленных агломерациях и получивших название локализационных или экстерналий Маршалла-Эрроу-Ромера [8]. Стремление к получению эффекта от масштаба, потребность в близости к необходимым ресурсам, поставщикам или покупателям, высокие транспортные издержки способствовали возникновению индустриальных агломераций. Сегодня универсальные кластерные черты остаются одной из движущих сил объединительных процессов в экономической среде. Только теперь решающую роль в выборе фирмами местоположения играют так называемые «неосязаемые факторы», в первую очередь знания. Интенсивная конкуренция и значительный объём некодируемых знаний, возникающих в рамках отдельных территорий, ведут к появлению урбанизационных экстерналий или так называемых экстерналий Якобс. Исследования В. Хендерсона показали, что данные экстерналии приобретают всё большее значение в рамках отдельных территориальных систем [11]. Выделяют также диверсификационные экстерналии, возникающие в процессе взаимного обмена идеями между членами кластерного образования [3]. Все указанные положительные эффекты способствуют повышению темпов роста и конкурентоспособности участников кластера.

Нельзя не заметить, что происходящее в кластерах обобществление ресурсов участников и последующее формирование новых общекластерных ресурсов, доступных всем членам, а также отсутствие чётких границ кластерного образования привлекают новых участников с их ресурсами, что является фактором, поддерживающим перечисленные положительные экстерналии.

Традиционно, вслед за М. Портером, кластерные позитивные эффекты рассматривают по следующим направлениям: *1) производительность; 2) инновации; 3) поддержка и создание бизнес-образований* [2].

Повышение производительности бизнес-кластеров происходит благодаря лучшему доступу к специализированным факторам производства, рабочей силе, информации, другим общественным благам, а также через взаимодополняемость видов деятельности. Данные разновидности позитивного влияния кластеров на производительность находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Кластер, представляя собой концентрацию предприятий и организаций, создаёт работникам и специалистам возможности для наиболее рационального использования их специализированных знаний, навыков, умений и компетенций в отдельных сферах деятельности. Конкуренция как неотъемлемый компонент любого кластера повышает спрос на квалифицированную рабочую силу. В результате в тот или иной бизнес-кластер привлекается всё большее число работников, соответствующих требованиям заинтересованных в них предприятий и организаций. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении других факторов производства, которые различными способами адаптируются под нужды кластера. Итогом подобных процессов становится повышение производительности труда и других факторов производства в кластере.

Особое значение среди прочих общекластерных ресурсов занимает информация. В результате соседнего месторасположения, а также развития тесных контактов между фирмами информация внутри бизнес-кластера начинает циркулировать с гораздо большей скоростью, чем при обычных условиях. Утверждается, что так называемый «интеллектуальный» перелив, который происходит главным образом в виде циркуляции различной информации, является важной составляющей роста экономики [10]. Для функционирования бизнес-кластеров характерным является быстрое распространение как формальных (кодируемых), так и неформальных (некодируемых) знаний и другой информации. Подчёркивается тот факт, что «неосязаемые» знания могут передаваться лишь на индивидуальном уровне, при этом их значение для создания новых технологий и усовершенствования старых крайне велико [9]. Особенно сильно данные эффекты проявляются в рамках отдельных локализаций, в том числе в бизнес-кластерах. Есть свидетельства того, что накопленные результаты исследований и разработок отдельных компаний, а также пространственные экстерналии, связанные с распространением этих достижений в рамках близлежащих территорий, оказывают положительное влияние на рост производительности как в кратко-, так и в долгосрочной перспективе [15]. Действительно, информация выступает

основой прогресса в современной экономике. Доступность её ведёт к улучшению результатов ведения бизнеса.

Сочетание конкуренции и кооперации в бизнес-кластерах, воплощение центробежной и центростремительной сил, приводит к тому, что компании становятся лучше осведомлены об особенностях деятельности своих рыночных соперников, что позволяет принимать более адекватные управленческие решения, повышая внутрифирменную эффективность [4]. Помимо этого есть возможность сравнения собственных показателей с результатами конкурентов.

Доступ к специализированным факторам производства, в особенности рабочей силе и информации, является основанием для объяснения трёх оставшихся направлений влияния кластерных структур на производительность. В результате развития взаимодействий между фирмами-участниками кластера возникает необходимость и в то же время осознание возможностей организовать работу более качественным образом, что достигается развитием взаимодополняемости между элементами кластера. Квалифицированная рабочая сила, специализированная инфраструктура, снижающая издержки, другие положительные эффекты функционирования кластера могут рассматриваться в качестве так называемых квазиобщественных благ, доступ к которым требует осуществления некоторого количества затрат, однако в случае кластера значительно меньших.

Таким образом, видно, что влияние факторов, традиционно способствующих улучшению производительности отдельных компаний, значительно усиливается в рамках кластерных структур, что, прежде всего, обусловлено позитивными экстерналиями соседнего месторасположения.

Позитивное воздействие бизнес-кластеров на развитие инноваций объясняется Р. Джонстоном тем, что здесь обеспечивается доступ к более широкой и содержательной рыночной информации. В результате этого компании способны реагировать на соответствующие изменения с большей скоростью [12]. Требовательность потребителей также содействует активизации работы фирм в сфере применения инновационных подходов. Распространение знаний о новых методах и новейших разработках происходит гораздо быстрее вследствие наличия тесных контактов между фирмами. Приводятся следующие причины, по которым развитие инноваций и осуществление усовершенствований имеют тенденцию быть связанными с кластерами: 1) возрастающая потребность в снижении технической и экономической неопределённости; 2) необходимость в поддержании взаимосвязей между фирмами-членами кластера и специализированными институтами (включая исследования и

образование); 3) заинтересованность в непосредственном контакте и обмене информацией, а также создании новых ценных знаний [13].

Из трёх обозначенных выше направлений проявления позитивных кластерных экстерналий осталось нерассмотренным создание нового бизнеса. Возникновение новых экономических образований следует воспринимать как качественное изменение состава участников бизнес-кластера, вследствие чего будет постепенно возрастать интенсивность конкуренции. Выделяются два уровня положительного воздействия на кластер появления новых фирм: а) улучшение результатов деятельности благодаря повышению производительности уже существующих компаний; б) качественный и количественный экономический рост вследствие исчезновения относительно неэффективных и притока более конкурентоспособных бизнес-структур [5].

Концепция «спин-офф» является ещё одним подтверждением более активных процессов образования бизнеса в кластерных структурах [14]. В данном случае основатели нового предприятия используют опыт, накопленный в ходе работы в качестве сотрудников уже существующих игроков рынка. Это позволяет избежать большого числа ошибок и лучше организовать работу новой компании. «Спин-офф» усиливается технологическими успехами участников кластера, а это, в свою очередь, ведёт к росту числа игроков рынка и повышению региональной занятости.

В целом весьма очевидно, что в бизнес-кластерах присутствуют механизмы получения позитивных эффектов, которыми могут стать увеличение занятости, рост заработной платы и прибылей, выход на новые рынки, интенсификация предпринимательской активности и т.п. В конечном итоге кластеры позволяют достичь серьёзных результатов деятельности, обеспеченных повышением конкурентоспособности экономики.

Отрицательные эффекты кластерного подхода

Как указывалось выше, большинство исследователей кластерного феномена в экономике обращают внимание главным образом на позитивные экстерналии, генерируемые бизнес-кластерами. Однако нельзя не считаться с негативными эффектами, возникающими в результате их функционирования. К сожалению, недостатки кластеров остаются слабо изученными. Имеющиеся по этому вопросу публикации содержат, по большому счёту, лишь отдельные замечания, фундаментальных же трудов, уточняющих представление об эффектах, возникающих в результате функционирования бизнес-кластеров, включая помимо выгод, также и потери, практически нет. Сами же замечания сводятся, в основном, к

критике теории М. Портера, и не содержат попыток исследования негативных эффектов бизнес-кластеров, проистекающих из их сущности.

Мы будем отталкиваться от перечня недостатков, составленного Р. Мартином и П. Санли в результате анализа литературы по кластерам [16]. К отрицательным кластерным эффектам ими отнесены: а) технологический изоморфизм; б) рост стоимости рабочей силы; в) повышение цены на землю и недвижимость; г) увеличение разрыва между доходами богатых и бедных; д) избыточная специализация; е) институциональный и индустриальный «лок-ин»; ж) давление на окружающую среду.

Действие большинства перечисленных элементов очевидно. Как только кластер начинает функционировать более успешно, появляется соответствующая инфраструктура, компании повышают свой статус, по мере привлечения всё более высококлассных специалистов естественным образом растут ставки заработной платы, земля и недвижимость становятся более дорогими. Понятно, что в результате успеха отдельного кластера выигрывают хоть и все, но в большей мере сами его участники, поэтому те, кто остался вне кластера, продолжают получать меньше по сравнению с его членами. Это ведёт к увеличению разрыва между группами бедных и богатых. Ясно также и то, что по мере усиления концентрации производства в большинстве случаев возрастает давление на окружающую среду.

Есть доказательства, что в условиях, когда существует устойчивая рыночная специализация региона на каком-либо виде деятельности, то практически невозможно, по крайней мере, в короткие сроки кардинальным образом перестроить устоявшуюся структуру [7]. Это указывает на уязвимость кластеров в случае серьёзных технологических изменений в группах компаний-конкурентов.

Технологический изоморфизм представляет собой ситуацию, в которой фирма или совокупность организаций не создают нововведений собственными силами, а ориентируются на разработки других участников рынка – проще говоря, копируют инновационные достижения своих конкурентов. Отмечается, что экономические субъекты, использующие такие подходы, могут быть вполне успешны [17]. Однако нужно понимать, что в случае значительных изменений рыночной конъюнктуры участники кластера, в котором существует технологический изоморфизм, окажутся неспособными к тому, чтобы выжить в новых условиях.

Следствием излишней специализации и технологического изоморфизма является институциональный и индустриальный застой («лок-ин»). В этой ситуации развитие кластера приобретает центростремительный характер и не выходит за определённые границы, всё больше и больше углубляясь в

направлении выбранной специализации. В результате то, что поначалу казалось выдающимся, уже не приносит пользы, а, напротив, вредит деятельности компаний, поскольку доминирование одного решения, его безальтернативность, резко увеличивают риски, связанные со снижением гибкости кластера и его участников. О подобной опасности эффекта «локин» предупреждает и Д. Кортрайт, указывая, правда, при этом на возможность его преодоления посредством создания связей за пределами кластера [6].

Возможные потери от кластеризации распространяются по тем же направлениям, что и выгоды.

Резюме. Завершая обзор положительных и отрицательных эффектов кластерного подхода, отметим следующее. Важно понимать, что кластеризация региональной экономики несёт в себе потенциал выгод, но не обязательность их получения. Позитивные экстерналии генерируются кластерами, демонстрирующими динамичное прогрессивное развитие. В этом случае будут протекать интенсивные процессы вовлечения сторонних и формирования новых хозяйствующих субъектов, развивающих и дополняющих базовые процессы в кластере, будут активизироваться информационный обмен, стимулироваться инновационная активность. Всё это будет способствовать повышению эффективности деятельности участников кластера, а также распространению эффектов за пределы кластера по цепочке взаимосвязей с другими региональными хозяйствующими субъектами, что, в конечном счёте, приведёт к качественному улучшению региональной экономической среды.

Однако истории известны примеры кластеров, в которых баланс между центростремительной и центробежной силами нарушается и одна из сил становится доминирующей. Преобладание центростремительной силы приводит к замкнутости кластера, центробежной – к его разрушению. Но и в том, и в другом случае позитивные кластерные эффекты остаются нереализованными или утрачиваются. Причинами, препятствующими генерированию кластерами позитивных эффектов, могут быть также высокая неоднородность членов кластера, попытки фиксировать границы, а также недостаточная развитость внутрикластерной инфраструктуры. Другим словами, бизнес-кластер должен в полной мере обладать универсальными чертами природных кластерных структур с тем, чтобы его потенциал был реализован в виде позитивных эффектов.

Однако наличие потенциала позитивных экстерналий делает кластерный подход популярным направлением региональной экономической политики. Одной из основных задач, в свете изложенного, должно стать обеспечение прогресса в развитии кластеров, а для массового возникновения кластерных структур требуется соответствующее качество

экономической среды, способной возбудить процессы кластеризации и способствовать их активному протеканию.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Боуш Г.Д. Кластеры предприятий: терминологическая нечёткость и определение понятия // Вестник Омского университета. Сер. Международный бизнес. – 2009. – № 3. – С. 4-9.
[2] Портер М.Е. Конкуренция. – М.: ИД «Вильямс», 2005. – 608 с.
[3] APEC Symposium on industrial clustering for SMEs // APEC Small and Medium Enterprises Working Group. – url: http://www.apec.org.
[4] Boari C., Odorici V., Zamarian M. Clusters and rivalry: does localization really matter? // Dipartimento di Scienze Aziendali. – url: http://www2.sa.unibo.it.
[5] Bosma N., Stam E., Schutjens V. Creative Destruction and Regional Competitiveness // Kennissite MKB en Ondernemerschap. – url: http://www.ondernemerschap.nl.
[6] Cortright J. Making sense of clusters: regional competitiveness and economic development // The Brookings Institution. – url: http://www.brookings.edu.
[7] Duranton G., Puga D. Diversity and specialisation in cities: why, where and when does it matter? // Universitat Autònoma de Barcelona. – url: http://www.pareto.uab.es.
[8] Falck O., Heblich S. Dynamic clusters // Empirical Economics Universität Erlangen-Nürnberg. – url: http://www.lsw.wiso.uni-erlangen.de.
[9] Fallah H., Ibrahim S. Knowledge spillover and innovation in technological clusters // Stevens Institute of Technology. – url: http://www.personal.stevens.edu.
[10] Glaeser E. Cities, information and economic growth // HUD USER – Policy Development and Research's Information Service. – url: http://www.huduser.org.
[11] Henderson V. Externalities and industrial development // HUD USER – Policy Development and Research's Information Service. – url: http://www.huduser.org.
[12] Johnston R. Clusters: a review // Australian Government Department of Education, Employment and Workplace Relations. – url: http://www.dest.gov.au.
[13] Ketels C., Lindqvist G., Solvell O. Cluster initiatives in developing and transition economies // GCIS – global research project on cluster policy and cluster initiative. – url: http://www.cluster-research.org.

[14] Klepper S., Thompson P. Intra-industry Spinoffs // IDEAS Economics and Finance Research. – url: http://www.fiu.edu.
[15] Lu W., Chen J., Wang C. R&D, Spatial Spillovers and Productivity Growth: Evidence from Dynamic Panel // Institute of Economics. – url: http://www.econ.sinica.edu.tw.
[16] Martin R., Sunley P. Deconstructing clusters: chaotic concept or policy panacea // Oxford Journals. – url: http://www.joeg.oxfordjournals.org.
[17] Salmeron J., Bueno S. An information technologies and information systems industry-based classification in small and medium-sized enterprises: an institutional view // Workstations at Maryland.– http://www.wam.umd.edu.

ФИНАНСОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА: ПОНЯТИЕ И ОЦЕНКА

Булатова Ю.И., ассистент
кафедры финансов
финансово-экономического факультета
Оренбургского государственного университета,
bulatova_julia@mail.ru

В современных условиях для большинства субъектов Российской Федерации становится все более актуальной задача определения внутренних резервов экономического развития. Одним из таких резервов, безусловно, является финансовый потенциал региона.

В настоящее время в экономической литературе широко стало использоваться понятие «финансовый потенциал» как совокупность финансовых возможностей развития государства, регионов, фирм, домохозяйств. Несмотря на значимость финансового потенциала региона, не существует единого теоретического подхода к его определению.

Для раскрытия понятия «финансовый потенциал» были проанализированы сущности его составляющих «потенциал» и «финансы», а также исследованы подходы ученых к содержанию самого понятия «финансовый потенциал региона». Что позволило нам сформулировать следующее определение: «финансовый потенциал региона» - это совокупность накопленных, привлекаемых и образующихся в результате хозяйственной деятельности финансовых ресурсов, поступающих в распоряжении экономических агентов, обуславливающая достижение сбалансированного социально-экономического развития региона. В качестве экономических агентов выступают субъекты

экономических отношений, принимающие участие в производстве, распределении, обмене и потреблении экономических благ.

На наш взгляд финансовый потенциал региона имеет следующие особенности:

- является следствием финансовой политики, проводимой органами власти и управления на региональном и федеральном уровне;
- в силу целостности структуры не является уникальным, что позволяет сравнивать регионы между собой;
- зависит от наличия финансовых ресурсов, которыми располагает регион, независимо от того, используются они или нет;
- влияет на конкурентоспособность региона;
- максимизация финансового потенциала региона достигается путем оптимального использования всех имеющихся финансовых ресурсов.

Рассматривая понятие «финансовые ресурсы» как основу финансового потенциала региона, понимаем под ними денежные доходы, поступления и накопления, находящиеся в распоряжении государства и организаций, предназначенные для осуществления затрат по простому и расширенному воспроизводству, выполнения обязательств перед финансово-кредитной системой [1]. Финансовый потенциал региона включает в себя как финансовые ресурсы, которыми регион располагает в определенный период времени, так и финансовые ресурсы, которые могут быть привлечены экономическими агентами.

По назначению финансовые ресурсы делят на две группы:

- направляемые на простое воспроизводство (на возмещение израсходованных факторов производства);
- направляемые на расширенное воспроизводство (инвестиционные) [2].

Учитывая, что финансовые ресурсы являются основой финансового потенциала региона, в финансовом потенциале выделяем две составляющие: финансовый потенциал, обеспечивающий простое воспроизводство и финансовый потенциал, обеспечивающий расширенное воспроизводство (в дальнейшем, будем определять его как финансовый потенциал инвестиционной деятельности).

Исследование экономической сущности понятий «инвестиции» и «инвестиционная деятельность», позволяет сформулировать следующее определение: финансовый потенциал инвестиционной деятельности в регионе - это совокупная возможность обеспечить реализацию инвестиционных проектов за счет собственных и привлеченных средств экономических агентов в регионе.

Наличие финансовых ресурсов, достаточных для осуществления инвестиционной деятельности, не означает их автоматическое

использование. Задача органов власти субъекта Российской Федерации – обеспечить реальную инвестиционную активность частного сектора экономики, заинтересовать его в финансовых вложениях в приоритетные направления развития экономики региона. Для решения этой задачи необходимо сформировать эффективный механизм регулирования инвестиционной деятельности в субъекте РФ.

Под механизмом регулирования инвестиционной деятельности понимаем воздействие субъекта управления на участников инвестиционной деятельности с целью ее активизации и реализации приоритетов развития региона.

В процессе регулирования инвестиционной деятельности могут участвовать различные группы хозяйствующих субъектов. На уровне региональной системы следует различать три группы субъектов управления:- органы власти субъекта Российской Федерации;- органы местного самоуправления;- органы управления хозяйствующими субъектами.

Каждый из этих субъектов может формировать свой механизм регулирования инвестиционной деятельности. В качестве объекта управления выступают зависимые от данного субъекта управления региональные хозяйствующие субъекты, осуществляющие инвестиционную деятельность, и связи между ними по поводу осуществления инвестиционной деятельности и ее финансирования [3, 4].

В научных работах рассматриваются различные методы и инструменты регулирующего воздействия. Однако в этих исследованиях не учитывается основная цель механизма регулирования инвестиционной деятельности: обеспечить сбалансированное социально-экономическое развитие региона.

Исходя из сформулированной нами цели механизма регулирования инвестиционной деятельности субъекта, выделим три его основные системы: механизм мобилизации финансовых ресурсов (в том числе за счет привлечения внешних инвесторов); механизм реализации приоритетных инвестиционных проектов и направлений развития региона; механизм повышения финансового потенциала региона.

Основные методы и инструменты регулирования, используемые субъектами управления: информационное обеспечение инвестиционной деятельности; формирование инвестиционного законодательства; правовое обеспечение отдельных видов деятельности; совершенствование рыночной инфраструктуры; обеспечение экономической, политической и социальной стабильности в регионе;- инвестиционный

маркетинг; формирование рынка земли и природных ресурсов и прав. пользования ими.

Эффективное использование финансового потенциала региона позволяет достигать стратегических целей социально-экономического развития региона. Это возможно лишь при условии максимального вовлечения и оптимального использования всех имеющихся финансовых ресурсов. В связи с чем возникает необходимость оценки финансового потенциала инвестиционной деятельности региона. Сопоставление результатов оценки финансового потенциала инвестиционной деятельности региона с реальной инвестиционной активностью позволяет проанализировать эффективность его использования, и соответственно, исполнительные органы власти региона могут разработать систему мер, способствующих более полному использованию финансового потенциала инвестиционной деятельности региона [5].

Исследование научных публикаций в области финансового потенциала и инвестиционной деятельности региона, показало, что в настоящее время существуют методики оценки только финансового потенциала региона, в то время как, финансовый потенциал инвестиционной деятельности и методики его оценки как самостоятельной экономической категории экономистами не рассматриваются.

В настоящее время не существует единой теоретической базы определения финансового потенциала региона, поэтому различаются и методики его оценки. Исследования экономистов посвящены поиску наиболее рациональных и точных способов оценки финансового потенциала региона. Предлагаем систематизировать методики оценки финансового потенциала региона в соответствии с четырьмя методологическими подходами (таблица 1).

Таблица 1.

Методики оценки финансового потенциала региона

Название (авторы)	Сущность
1. Аналитическая методика (Г.Ж. Есенова; А.Б. Ахмедов)	Определяется показатель, имеющий наибольшее значение для оценки финансового потенциала и устанавливается аналитическая связь между ним и прочими показателями оценки финансового потенциала.
2. Рейтинговая методика (информационно-аналитическое агентство «АК &М»;С.Н. Яшин, Н.И. Яшина)	Рейтинговая методика на основе расчета финансовых коэффициентов. В разных методиках используются различные коэффициенты. При этом каждому коэффициенту присвоены веса значимости, определяющие степень влияния каждого критерия на финансовый потенциал региона.
3. Аддитивная методика (Р.Т. Абдрашитов; Л.Н. Лыкова; Н.М. Менькова)	Для оценки финансового потенциала суммируют основные показатели, его характеризующие.

4. Структурная методика (С.В. Зенченко; Э.К. Конярова; Р.А. Прокопенко)	Авторы определяют структуру финансового потенциала региона, затем оценивают каждый элемент отдельно, после чего, финансовый потенциал рассчитывается как сумма всех структурных элементов.

Проанализированы основные достоинства и недостатки каждой методики, которые представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Характеристика методик оценки финансового потенциала региона

Методика	Достоинства методики	Недостатки методики
1. Аналитическая методика	Доступная информационная база для расчетов; простота и обоснованность расчетов	Высокая трудоемкость; не позволяет определить количественные преимущества одного региона по сравнению с другим
2. Рейтинговая методика	Обоснованность расчетов; доступная информационная база для расчетов	Высокая трудоемкость; выбор показателей для расчета неоднозначен, что усложняет его применение на региональном уровне; субъективность присвоения весов значимости
3. Аддитивная методика	Простота сбора данных, их доступность; небольшая трудоемкость; обоснованность расчетов	Достоверность зависит от количества используемых параметров
4. Структурная методика	Высокая степень достоверности; более точное отражение фактического объема финансовых ресурсов	Высокая трудоемкость; требуется большой объем ретроспективной информации

Обобщая анализ 4 методик оценки финансового потенциала региона, заключаем, что аддитивные и структурные методики, несмотря на недостаточную обоснованность принципов агрегирования десятков отобранных показателей, являются наиболее продуманными и позволяют точнее оценить финансовый потенциал региона.

С учетом проведенного анализа, можно сделать вывод, что на сегодняшний день не существует единой методики, используемой всеми регионами, не разработана методика оценки финансового потенциала инвестиционной деятельности региона. Поэтому представляется целесообразным предложить собственную методику расчета финансового потенциала инвестиционной деятельности региона, с учетом преимуществ и недостатков существующих методик.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Е.Ф. Сысоева Финансовые ресурсы и капитал организации: воспроизводственный подход // Финансовый менеджмент. - 2007. - № 21. – С. 6-11.

[2] В.М. Родионова «Финансы». - М.: Финансы и статистика, 1993.

[3] С.В. Зенченко «Формирование и оценка финансового потенциала региона: монография». - Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2007.

[4] Е.В. Каменева Финансовый потенциал субъекта РФ // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. - 2006. - № 14. - С. 15-19.

[5] Н.М. Сабитова О понятии финансового потенциала региона и методологии его оценки // Финансы. - 2003. - № 2. - С. 63-68.

ЗАРУБЕЖНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ

Вязовская В.В., аспирант, ассистент
кафедры мировой экономики
факультета мировой экономики и финансов
Уральского государственного экономического университета,
veronika.vyazovskaya@gmail.com

Проблемой эффективного использования рекреационного потенциала, направленного на его сохранение и приумножение, активно занимаются специалисты многих стран мира. Впервые эта идея была реализована еще во второй половине XIX века в США при организации

сети национальных парков. На протяжении XX века европейские страны целенаправленно развивали различные виды туризма, связанные с использованием рекреационных возможностей природы, одновременно разрабатывая законодательные меры по охране природного потенциала. Россия так же не оставалась в стороне от данного процесса (рекреационная значимость курорта Кавказские Минеральные Воды была признана еще в начале XIX в., а первый заповедник Баргузинский в Бурятии был создан в 1916 г.). Однако, на сегодняшний день туристско-рекреационное природопользование, преследующее природоохранные цели, остается для нашей страны сравнительно новой отраслью, требующей дальнейшего развития. Применительно к российскому государству, речь идет не только о расширении сети особо охраняемых природных территорий, но и о разработке рациональной методики оценки рекреационного потенциала, учитывающей географическую, экологическую, социальную и экономическую специфику каждого отдельно взятого региона, а также программы по развитию, сбережению и приумножению туристско-рекреационных ресурсов и инфраструктуры. Зарубежный опыт использования природного рекреационного потенциала может быть взят за основу при разработке отечественных программ и методик. Тем не менее, на сегодняшний день нет единого мнения о самом понятии рекреации и рекреационного потенциала, которые находятся в стадии становления.

В наиболее широкой трактовке, рекреация (от лат. recreatio - восстановление) – это отдых, восстановление сил человека, израсходованных в процессе труда, и удовлетворение эстетических и духовных потребностей [1]. В научной литературе это понятие появилось в США в конце 90-х годов XIX века, благодаря введению нормированного рабочего дня, второго выходного дня, летних отпусков. Под рекреацией, соответственно, подразумевались восстановление, оздоровление и пространство, где осуществляются эти виды деятельности. Указанная точка зрения долгое время бытовала и в советской литературе, уступив место новому видению рекреации с начала 2000-х гг.

Привязка данного понятия к территориальному аспекту позволяет вывести более конкретное определение: рекреация – это совокупность явлений и отношений, возникающих в процессе использования свободного времени для оздоровительной, познавательной, спортивной и культурно-развлекательной деятельности людей на специализированных территориях, находящихся вне места их постоянного проживания [2]. Таким образом, рекреация представляет собой восстановление здоровья и трудоспособности путем отдыха вне жилища – на лоне природы или во время туристической поездки, связанной с посещением интересных для

обозрения мест, в т.ч. национальных парков, архитектурных и исторических памятников, музеев и т.п. [3].

Непосредственно понятие рекреационного потенциала, разрабатывалось в разные годы советскими и российскими учеными. Так, по мнению Н.Ф. Реймерса, рекреационный потенциал – это «один из показателей природно-ресурсного потенциала — степень способности природной территории оказывать на человека положительное физическое, психическое и социально-психологическое воздействие, связанное с отдыхом» [3]. Н.М. Большаков более подробно раскрывает понятие рекреационного потенциала, включая в его состав «совокупность природных лечебных факторов (минеральные воды, лечебные грязи, целебные климатические условия), природных территорий, обладающих ценными экологическими и эстетическими свойствами, объектов культурного наследия, обладающих исторической и художественной ценностью, оригинальностью, которые используются (или могут использоваться) для организации различных видов рекреационной деятельности» [4]. Наконец, В.М. Разумовский, продолжая мысль о составе рекреационного потенциала, в своем определении приводит рекомендации по его использованию: «рекреационный потенциал территории составляет совокупность приуроченных к этой территории природных рекреационных ресурсов, совместная эксплуатация которых технически возможна, экономически эффективна и экологически допустима» [5].

Экономическая эффективность использования рекреационного потенциала наиболее ярко продемонстрирована в США. Так, в 2007 г. в Системе национальных парков США зафиксировано 275,6 млн. рекреационных посещений. При этом, рекреанты потратили 11,79 млрд. долл. США на территориях, прилегающих к паркам до 50 миль (80 км). Расходы посетителей, проживавших за пределами парка в мотелях, отелях, кемпингах составляют 55% от общего числа затрат.

Больше всего расходов рекреантов зафиксировано в четырех секторах экономики: размещение, питание, розничная торговля, развлечения. Совокупный эффект от деятельности всех парков заключается в создании 209 тыс. рабочих мест, получении прибыли в размере 4,5 млрд. долл. США, и 7,0 млрд. долл. США добавленной стоимости [6].

Природные особо охраняемые территории группируются в США в 5 сетей:

1) национальные фаунистические заказники (свыше 500 единиц, общая площадь 13,5 млн. га);

2) национальная система сохранения участков дикой природы (130 участков, общая площадь более 4,8 млн. га, но расположены эти участки главным образом в пределах 40 фаунистических заказников общей площадью 230 тыс. га, и 85 национальных парков площадью 4,6 млн. га);

3) экологические резерваты научного назначения (свыше 300 резерватов, площадь около 1,7 млн. га, главным образом в пределах фаунистических заказников);

4) система национальных нетронутых и живописных рек (общая протяженность 165 тыс. км);

5) система национальных парков (около 40 парков и 160 других видов территорий общей площадью примерно 12 млн. га; сюда же входят природные достопримечательности — монументы);

6) указанные группы дополняет также находящаяся под эгидой Службы национальных парков Программа природных эталонов, которая охватывает около 450 территорий, юридически не охраняемых и находящихся под ответственностью частных землевладельцев;

7) разновидностью рекреационных территорий, также курируемых Службой национальных парков, являются национальные морские побережья (длина 970 км, площадь 238 тыс. га, всего 10 участков, первый из которых основан в 1937 г.) [7].

Очевидно, что даже краткий обзор территориальной охраны природы в США дает представление о разнообразных подходах к организации и деятельности рекреационных территорий. Особенностями США, позволяющими организовать эффективное рекреационное природопользование, являются: многообразие форм особо охраняемых природных территорий (ООПТ), значительное количество их функций и режимов (охраняются перелетные птицы и редкие виды животных, ведется менеджмент воды, прерий, природных территорий, пахотных земель, общественного доступа, археологических ресурсов и т.д.), а также различные системы управления.

Другим интересным примером организации рекреационной деятельности является опыт европейских стран, и в частности, Скандинавии, где расположено большинство ООПТ Европы (табл. 1).

Так, Швеция - это первая европейская страна, которая 1909 г. создала сеть из национальных парков. В настоящее время в королевстве существует 29 национальных парков, которые занимают 11% территории страны. Более того, 13 новых национальных парков будут созданы в период с 2009 по 2013 гг. Наиболее известные национальные парки Швеции - Абиску, Падьеланта, Муддус, Сарек, все они находятся в Лапландии на самом севере страны [9].

Главным учреждением в среде резерватов и национальных парков является Шведское агентство охраны окружающей среды. Оно в тесном взаимодействии с правительством и местными администрациями занимается практически всеми вопросами охраны природы. Под его эгидой парки проектируются, создаются и, в основном, финансируются.

Таблица 1.

Характеристика особо охраняемых природных территорий в отдельных странах мира

Страна	Количество ООПТ, ед.	Общая площадь ООПТ		Средняя площадь одного ООПТ, тыс. га
		тыс. га	в % от территории страны	
Россия	*141*	*34,9*	*2,0*	*294*
Европа				
Австрия	10	93	1,1	9
Беларусь	5	304	1,5	61
Германия	8	129	0,4	16
Дания	22	11	0,3	0,5
Испания	34	160	0,3	5
Италия	17	442	1,5	26
Нидерланды	12	42	1,0	4
Норвегия	110	1529	4,7	14
Украина	25	800	1,3	32
Финляндия	55	999	3,0	18
Швейцария	1	17	0,4	17
Швеция	750	3928	8,7	5

Источник: Природно-ресурсные ведомости [8]

Организация деятельности шведских парков имеет некоторые особенности, которые способствуют эффективности выполнения функций и привлечению туристов:

1. Децентрализованная модель управления национальными парками с привлечением местных общин. Для шведских национальных парков характерна вертикально интегрированная система управления (несколько узкоспециализированных агентств, функции между которыми распределяются согласно иерархии).

2. Создание менеджмент-плана функционирования парка на сезон.

3. Взаимодействие с местной администрацией и населением.

4. Осенью и зимой персонал парков (в зависимости от размеров) насчитывает небольшое количество сотрудников (три-пять человек). В летний период на временную работу дополнительно нанимают гидов и обслуживающий персонал. Небольшой штат сотрудников справляется с объемом работы благодаря хорошей технической оснащенности парков, а также волонтерским акциям населения, оказывающего помощь в охране территории национальных парков, сборе мусора и др.

Парковая рекреация в другой скандинавской стране, Норвегии, имеет следующую предысторию: закон об охране природы принят в Норвегии в 1910 г. Регуляцией системы занимаются: Совет по охране природы при Министерстве труда и общественных работ, Управление государственных лесов, Норвежский союз охраны природы. Национальный парк - лишь одна из форм охраны окружающей среды в Норвегии. Система национальных парков Норвегии одна из самых развитых в Европе и состоит из 32 парков на территории континентальной Норвегии и ещё семи парков на Шпицбергене. На островах Свальбард (Норвегия) расположены 3 национальных парка, природных и флористических резервата, 15 убежищ для птиц. Охраняемые зоны представлены 30-тью тундровыми заповедниками (50 000 га) с общим количеством: 18 государственных заповедников и 86 охраняемых зон, что занимает 4% площади страны.

Наконец, в Финляндии, охраняемые в экологическом отношении территории представляют собой сложноорганизованную и весьма специфическую систему. К ним относятся национальные парки, природные парки, охраняемые старовозрастные леса, болотные заказники, заповедные части девственных северных лесов и т.д. В 1996 г. в Финляндской Республике принят специальный законодательный акт об охране природы. В нем вместо «секторного регулирования» экологических отношений нормы об охране окружающей среды были сгруппированы в одном законе, в том числе о национальных парках и других особо охраняемых природных территориях.

На сегодняшний день в Финляндии насчитывается 35 национальных парков общей площадью более 8000 км², что занимает около 2,5% от общей площади страны. Общая площадь особо охраняемых природных территорий в Финляндии составляет 2 млн. 800 тыс. га (10% финской суши). Они сосредоточены в основном на севере Финляндии. В то же время в южной Финляндии эти территории занимают не более 1%.

Финские национальные парки основаны как районы охраны природы и открыты для всеобщего ознакомления с уникальными и наиболее значимыми для Финляндии уголками природы. Парки находятся под охраной государства и управляются разнообразными

государственными органы и организациями. Например, из 35 имеющихся в Финляндии национальных парков 33 управляет организация управления государственными лесами «Metsahallitus», а 2 - научно-исследовательский институт леса «METLA».

При изучении туристско-рекреационного потенциала регионов России выявляется проблема реализации рекреационных возможностей пространства. Она наиболее наглядно обозначается при соотнесении фактического развития инфраструктуры туризма и отдыха с природно-рекреационным потенциалом данной территории.

По состоянию на 1 января 2010 года на территории Российской Федерации существуют:

- 101 государственный природный заповедник общей площадью около 33 млн. га (2,0% от общей площади России);
- 41 национальный парк общей площадью около 8 млн. га (0,5% от общей площади России);
- 69 государственных природных заказников федерального значения общей площадью более 19 млн. га (1,2% от общей площади России);
- 39 памятников природы федерального значения [10].

Главной проблемой сети ООПТ России является ее неравномерность и малая густота в наиболее плотно-населенной малолесной зоне. В европейской России 5 регионов (Ивановская, Тульская, Волгоградская области, Ставропольский край и г. Санкт-Петербург) не имеют федеральных ООПТ. На юге Западной Сибири нет ни заповедников, ни национальных парков в 5 областях с богатым рекреационным потенциалом – Курганская, Тюменская, Омская, Томская, Новосибирская области. Таким образом, 6% субъектов России вообще не имеют федеральных ООПТ, еще в 7% существуют только федеральные заказники. Кроме того, проблемой является недостаточное финансирование рекреационного природопользования и дефицит квалифицированных специалистов.

Основываясь на опыте скандинавских стран и США, можно сделать вывод, что России необходим комплексный подход к вопросам сохранения и рационального использования рекреационного потенциала, формирование рациональных механизмов арендных и рекрутинговых отношений в национальных парках, создание предпосылок для привлечения крупных инвесторов, способных развивать туристскую и рекреационную деятельность в регионах.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000.

2. И.С. Мироненко, И.Т. Твердохлебов «Рекреационная география». – М.: Издательство Московского университета, 1981.

3. Н.Ф. Реймерс «Природопользование: словарь-справочник». – М.: Мысль, 1990.

4. Н.М. Большаков «Природа - для человека» // Регион. – 2003. – №5.

5. В.М. Разумовский «Природопользование». – СПб.: СПбГУ, 2003.

6. Официальный сайт Службы национальных парков департамента внутренних дел США. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nps.gov/tourism

7. Н.Ф. Реймерс «Экология (теории, законы, правила принципы и гипотезы)». — М.: Журнал «Россия Молодая», 1994.

8. А.Д. Думнов «Международные сравнения ООПТ» // Природно-ресурсные ведомости. – июль 2009 – №7 (346).

9. Информационный сайт Швеции по туризму. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.visitsweden.com

10. Официальный сайт информационно-справочной системы «ООПТ России». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://oopt.info

ОСОБЕННОСТИ РЫНКА ТРУДА МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ И ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА 2008-2009 ГГ. НА ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЮ[14]

Гусева Е.С., аспирантка кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
martick@mail.ru

Ефремова В.А., студентка кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
vera_str@mail.ru

Состояние рынка труда – важнейший индикатор общего социально-экономического состояния территории. Этот показатель является

[14] Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ №10-06-00278-а

производной от большинства базовых характеристик города: от состояния экономики, ее диверсификации, стабильности, адаптивности, от институциональной среды, количественной и качественной характеристики населения и связанных с ним показателей развития социальной сферы.

Данное исследование базируется на результатах полевого изучения шести городов Кировской, Саратовской областей и Республики Татарстан (по два города из каждого региона соответственно – Котельнич, Омутнинск, Аткарск, Новоузенск, Менделеевск, Мензелинск) летом 2009 года. Численность населения городов варьируется от 16 до 27 тыс. чел. – все они относятся к категории малых. В то же время исследуемые города значительно различаются по структуре экономики, организации рынка труда и прочим базовым характеристикам.

Факторы развития рынка труда малых городов

В качестве основных факторов развития можно назвать фактор экономической ситуации, институциональный (муниципальная власть), фактор человеческих ресурсов, условно внешний (экономико-географическое положение, близость к крупному городу) и внутренний (качество городской среды) факторы.

В ходе исследования была проведена оценка воздействия каждого из факторов на исследуемые города. Экономическая ситуация является основой, фоном всех происходящих процессов, но не определяющим элементом. Например, в Омутнинске, где градообразующим предприятием является металлургический завод, ведущую роль играет экономический фактор, когда от главного предприятия города зависит принятие практически всех решений в городе. В Мензелинске, напротив, наиболее существенным оказывается внешний фактор – на фоне слабо развитого спроса на трудовые ресурсы население находит выход во внешних трудовых связях.

Качество городской среды даже в самых успешных городах характеризуется наименьшим воздействием. Практически нигде данный фактор не в состоянии повлиять на ситуацию на рынке труда (путем удержания молодежи в городе, улучшения демографической ситуации через благоприятную экологическую обстановку, в результате притягивания вахтовых мигрантов, уехавших в другие регионы, за счет комфортной среды обитания, пр.).

Модели организации рынка труда малых городов. Ситуация на рынке труда есть функция двух переменных – предложения рабочей силы и спроса на неё со стороны предприятий. Увеличение количества предприятий по масштабу их деятельности и происхождению инвесторов, с одной стороны, формирует рынок труда с большим капиталом,

предприятия в целом крупнее по размеру, с большим оборотом и, в результате, с большим спросом на рабочую силу. В то же время увеличивается отрыв предприятия от территории, как с точки зрения рынка сбыта, так и с точки зрения взаимодействия с местными властями и степени влияния администрации на решения предприятий. С величиной предприятия растут риски для города. Особый случай представляют государственные предприятия и федеральные структуры. В целом можно говорить о положительном влиянии этого типа организаций. Они оказываются мало зависимы от внешних изменчивых факторов, и поэтому в кризисный период могут обеспечить постоянную занятость, без сокращений, и в отдельных случаях даже рост объема спроса на рынке труда.

Города в рамках данного исследования представляли различные модели предложения на рынке труда. Можно говорить о достаточно универсальном характере этих типов, особенно в пределах староосвоенных территорий страны.

Моноспециализированные города (Омутнинск и Менделеевск). На градообразующем предприятии занято более 20-30% экономически активного населения. Моноспециализация предприятия и города порождает высокие риски развития. Но, как правило, тесное взаимодействие администрации города (или вышестоящих административных структур) и предприятия порождает систему сдержек и противовесов, когда предприятию вменяется ряд социальных обязательств, в том числе по максимальному сохранению персонала в период кризиса.

Города с отсутствием основного работодателя с высокой ролью сельского хозяйства и связанных с ним производств (Мензелинск, Новоузенск). Сельское хозяйство обеспечивает высокий процент занятости людей в личном подсобном хозяйстве, что в среднем повышает уровень доходов жителей. Однако отсутствие крупного предприятия (особенно в том случае, если оно, это крупное предприятие, раньше присутствовало, как, например, в обоих городах данной группы) способствует повышенной роли различных вариантов занятости, когда люди вынуждены уезжать на вахту далеко за пределы города, в процессе маятниковых трудовых миграций.

Города-транспортные центры (Котельнич и Аткарск), уже своим выгодным экономико-географическим положением привлекают к себе ряд производств, что способствует диверсификации экономики. Города вблизи крупных железнодорожных станций отличаются более динамичной средой обитания, своеобразной промывной структурой миграционного потока, возможность быстрых перемещений стимулирует вахтовые трудовые поездки.

Для характеристики *предложения на рынке труда* следует рассматривать особенности населения – половозрастную структуру, роль иностранной рабочей силы, источники доходов населения и др. Для всех исследованных городов свойственны «типичные» для российских малых городов и сельской местности демографические процессы – естественная убыль населения, отток людей молодых возрастов в крупные города.

Одним из немногих показателей, доступных для характеристики рынка труда на низовом уровне, служит показатель уровня безработицы. В период кризиса последовал рост регистрируемой безработицы, связанный как с высвобождением людей, так и с ростом обращений в центры занятости хронических безработных с целью получения пособия по безработице. Наиболее высок уровень безработицы в индустриальных Омутнинске и Менделеевске, ниже он в «диверсифицированных» и сельскохозяйственных Котельниче, Аткарске и Новоузенске (для сельскохозяйственных территорий характерна «скрытая безработица», поэтому показатели официальной безработицы здесь ниже).

Интересно также соотношение двух форм «реакций» предприятий на кризис – высвобождение рабочей силы и перевод рабочих на неполную рабочую неделю. Первая форма характерна для крупных городов, крупного бизнеса, что повлекло возвратную трудовую миграцию в исследуемые города (из Набережных Челнов, Москвы, нефтедобывающих районов Западной Сибири). Сокращенный рабочий день и неполная рабочая неделя применяются как ответ на кризис в малых городах при стремлении работодателей (нередко под влиянием местных властей) сохранить рабочие места. Так, на июль 2009 года порядка 200-300 человек в каждом из обследованных городов были заняты неполный рабочий день. Такая ситуация свойственна машиностроительным (Котельничский механический завод, ОАО «Ударник» и ЗАО «Контактор» в Аткарске) и сельскохозяйственным предприятиям.

Стратегии поведения населения. Можно говорить о стратегиях преимущественно внешних и внутренних. Внешние стратегии ориентированы на возможности трудоустройства за пределами города и включают в себя разнообразные трудовые миграции. Внутренние стратегии ориентированы на ресурсы самого города, связаны с инициативами местного населения. Феномен трудовой миграции распространен в городах, где на сегодняшний день нет градообразующего предприятия – в Котельниче и Аткарске. Как правило, основные сферы приложения труда мигрантов – строительство, торговля и сфера услуг. Мигранты – главным образом мужчины 20-40 лет, при решении о трудовой миграции большое значение имеют социальные связи. Для населения многих малых городов Волжского бассейна характерна

занятость в нефтегазовом комплексе Западной Сибири, Республики Коми. Наиболее значима она в городах Республики Татарстан, где работа в нефтяной отрасли «традиционна» для мужского населения. Кроме того, в Татарстане существует практика набора рабочей силы в малых городах и сельской местности для строительства крупных объектов в городах республики.

Для малых городов, находящихся в составе агломераций, характерна маятниковая миграция на работу в «главный город». Подобная ситуация складывается в Мензелинске и Менделеевске, население которых занято на предприятиях города Набережные Челны (1,5-2 тыс. чел.). Крупные работодатели (например, КамАЗ) организуют движение специальных автобусов, предназначенных для работников из других городов. В период кризиса именно здесь произошло значительное высвобождение рабочей силы – в первую очередь увольнялись иногородние работники.

Другим полюсом решения проблемы поиска места приложения труда (в отличие от трудовой миграции – выхода на «внешний» рынок труда) является самозанятость в личном подсобном хозяйстве. Роль ЛПХ во многом зависит от природных условий. Но это лишь потенциал, использование которого во многом зависит от политики местных властей и ситуации на основных предприятиях города. В северных регионах, где ведение товарного ЛПХ невыгодно, важное значение имеет лесное хозяйство, а также сбор лесных дикоросов. Существуют различные модели вовлеченности в приведенные выше варианты самозанятости: основными характеристиками являются легальность и нелегальность вида деятельности; работа в качестве индивидуального предпринимателя или в качестве наемного работника; степень товарности процесса самозанятости. Наиболее активно самозанятость как способ снятия напряженности на рынке труда используется в городах Республики Татарстан. Существуют специальные антикризисные программы по выдаче льготных кредитов на ЛПХ, действующие и в малых городах.

Кризис в малых городах. Малая емкость внутреннего рынка, высокая зависимость от одной отрасли или от одного предприятия, а также слабый инновационный, институциональный, управленческий и кадровый потенциал определили положение малых городов в ряду наиболее потенциально депрессивных территорий России в период кризиса.

Рассматриваемые малые города входили в первую фазу кризиса с разным начальным базисом и разным потенциалом адаптации к кризису. Основными факторами стабильности (устойчивости) экономической структуры в кризис можно назвать высокое разнообразие экономической структуры и разнообразная организационно-правовая структура

экономики города (то есть наличие сбалансированной структуры экономики по размеру и собственности предприятий).

Была проведена оценка 4 основных показателей: количество основных предприятий города, размер крупнейшего предприятия, количество предприятий, формирующих моноспециализированную экономическую базу и количество федеральных собственников. В итоге на базе этих показателей были сформированы две шкалы оценки: уровень развития организационной структуры и уровень моноспециализированности.

Соотношение размещения городов на шкале оценок показывает, что наиболее устойчивыми к кризису оказываются Котельнич и Новоузенск – в этих городах наиболее благоприятное соотношение по оптимальности организационной структуры и специализации городов. В Новоузенске подобный результат не совсем соответствует действительности – в городе есть несколько предприятий, но они небольшие по размеру и скорее говорят о депрессивном состоянии города в целом. В то же время Котельнич действительно один из наиболее устойчивых по своей экономической структуре городов. В пользу данной гипотезы говорят рейтинги Котельнича среди муниципальных образований Кировской области, которые сильно выросли с началом кризиса. В Мензелинске и Аткарске хорошо развита организационная структура – в городе наблюдается достаточно большое количество предприятий разных размеров и разных уровней собственности. Но Мензелинск в целом обладает более депрессивной структурой экономики, отсутствием сильных предприятий.

Ответ на вопрос, хороша ли моноспециализация или нет, зависит от отрасли, на которой специализируется экономика города. К монопрофильным городам относятся Омутнинск и Менделеевск. По совокупному набору характеристик Омутнинск оказался в наиболее неблагоприятном положении. Специализация на черной металлургии и ориентирование на обеспечение спроса КамАЗа и ряда других крупных российских машиностроительных предприятий сыграло не в пользу Омутнинска. В результате происходит высвобождение рабочей силы, что формирует сложную ситуацию на рынке труда.

В период кризиса во всех рассматриваемых городах произошел спад экономической активности. Практически все крупные предприятия снизили объемы производства, те предприятия, которые ещё не вышли из кризиса 1990-х гг., снизили активность до минимума и фактически вошли в стадию банкротства. Наибольшие потрясения характерны для менее развитых Кировской и Саратовской областей, которые не всегда способны

поддержать свои предприятия. В Татарстане, наоборот, кризис значительно увеличил объемы помощи предприятиям малых городов.

Происходит изменение сложившихся стратегий поведения населения на рынке труда. Люди возвращаются к ЛПХ, которое уже успели забыть за несколько лет высоких доходов. Помимо ЛПХ, набирает обороты самозанятость в сборе дикоросов, рыбной ловле, неформальной занятости на малых предприятиях деревообработки, пр.

Происходит возвращение части людей с вахт (из регулярных трудовых миграций), причем возвращаются наименее квалифицированные кадры. В результате напряженность на рынке труда малых городов растет – это люди с завышенными запросами не вписываются в формат рынка труда малого города. В то же время растет легализация многих сфер жизни – в первую очередь сокращаются нелегальные работники и отменяются дополнительные выплаты, которые тоже имели нелегальную форму.

Разные модели организации рынка труда малых городов по-разному отреагировали на воздействие кризиса. Положение моноспециализированных городов оказалось в прямой зависимости от состояния градообразующего предприятия. Города с отсутствием основного работодателя характеризуются меньшей амплитудой изменений на рынке труда, но в целом уровень снижения экономической активности выше. Города-транспортные центры, несмотря на достаточно стабильное положение сферы транспорта и диверсификацию экономики, столкнулись с проблемой возвратных трудовых миграций.

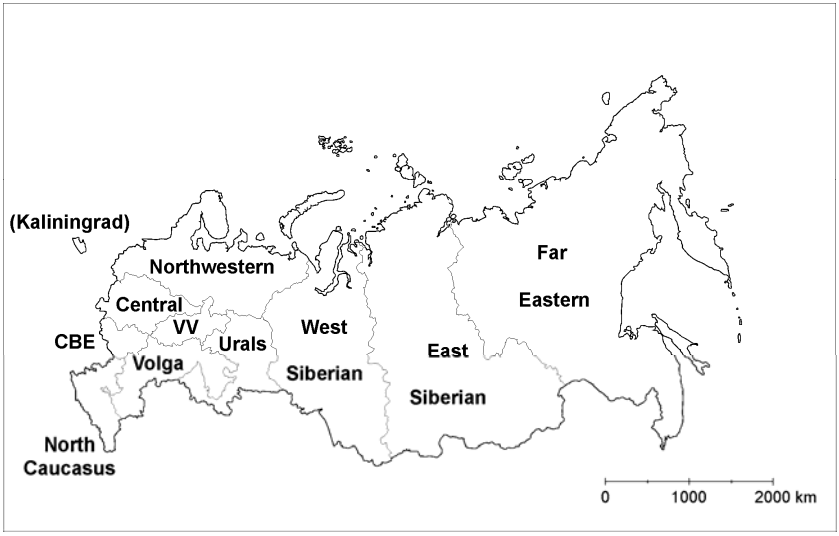
SOME ASPECTS OF REGIONAL DISPARITIES IN THE ERA OF TRANSITION AND GLOBALIZATION. THE CASE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Gyuris F., doctoral candidate
Institute of Geography
Ruprecht Karls University (Heidelberg)
lecturer
Department of Regional Science
Eötvös Loránd University (Budapest)
gyurisf@gmail.com

The political and economic transformation beginning with the early 1990s and the complex implications of globalization during the last two decades have caused serious changes in the spatial structure of the Russian Federation. This fact has made the country a popular subject of geographical and regional

economic analyses both among Russian and foreign experts, whose relating research projects have focused mainly on the spatial differences of the volume and branch structure of production [1] [2], or on regional disparities of income and well-being and their reasons [3] [4] [5] [6]. In this paper we examine some issues that, although being very important, are relatively underemphasized in concerning works. First, we reveal *some major tendencies of spatial disparities before the 1990s* as later trends can also not be interpreted and evaluated correctly (or they can be misinterpreted easily) if their antecedents remain unidentified. Second, in the light of the results we discuss the question how the *relative position of given regions has changed* in the course of time, or with other words, to what extent the transition and globalization have restructured the spatial pattern of economic well-being. Third, we present the crucial role played by the way of *choosing the statistical indicator* from alternative possibilities in our results and findings, paying particular consideration to the issue of spatial deflators and the *'real' purchase power of income*. And fourth, *social disparities within the regions* and spatial differences of this phenomenon are also discussed.

Trying to reveal the level of spatial disparities of income type indicators (such as per capita GRP or income) for the period before the 1990s is quite a difficult task in the case of Russia as the value of such indicators was usually published only at national level in the communist era, a fact being rooted in the highly centralized nature of the Soviet legislative and administrative system. Furthermore, numerous indicators not only remained unpublished but had not been registered at regional level at all as ministries being responsible for given branches of the whole country showed moderate interest towards them [7]. In this respect an interesting exception was the endeavour to put the command system of the economy on a regional basis against the branch-oriented one through the establishment of the people's economic councils in the late 1950s, a phase of cautious regionalisation [8]. Although the last years of the next decade put an end to the initiative, relating scientific work had begun in between, opening the way for the collection and release of different kinds of regional statistics. In her work L. Telepko published the per capita income values of the 18 Soviet economic districts among which 10 belonged fully to the Russian SSR (the Kaliningrad Oblast was a part of the Baltic economic district) [9]. Although these districts were disestablished with the end of the Soviet regime, thanks to the official statistics of the Russian Federal Service of State Statistics or Rosstat (and to those of its predecessor, the Goskomstat) the income level of the 83 federal subjects (forming the first subnational level with an own government in the Russian administrative system) can be aggregated according to the boundaries of the formerly existing 10 districts (Map 1.).



Map 1. The economic districts of the Russian SSR (abbreviations: CBE – Central Black Earth; VV – Volga-Vyatka)

The results indicate *a strong divergence of per capita income during the last two decades of the Soviet Union, and a remarkable convergence since 1990*: in 1968, the value of the 'richest' district was 1.51 times higher than that of the 'poorest' one, this ratio reached 3.12 by 1990, and dropped back to 1.91 by 2008 (Table 1). Some remarkable changes in the order of the districts can also be observed. Between 1968 and 1990 incomes rose dramatically in the Asian part of Russia as a result of rapidly improving extraction of their mineral resources, but the advantage of these regions reduced significantly in the last two decades. Meanwhile, the Central Black Earth, North Caucasus and Volga districts, traditionally characterized by a lower level of industrialization and a higher proportion of agriculture, has constantly belonged to the 'poorest' regions in the long term, while the Central district (containing the capital city of Moscow, the ultimate peak of Russian settlement hierarchy) has been the only one always being above the Russian average, with a somewhat weakening position in the 1970s and 1980s (generally not because of a real dropback but as a result of the rapid development of the Asian districts that also exerted an influence on the Russian average), but gaining momentum again after the transition.

Table 1.
Per capita income of the Russian economic districts compared to the average of the Russian SSR/Russian Federation.

1968		1990		2008	
District	**%**	**District**	**%**	**District**	**%**
Central	133.7	East Siberian	191.6	Central	140.3
Northwestern	132.7	West Siberian	141.9	West Siberian	108.4
Volga-Vyatka	119.9	Far Eastern	136.6	Far Eastern	105.3
Urals	115.0	Central	112.2	Northwestern	102.1
Far Eastern	107.6	Volga	89.7	Urals	94.8
West Siberian	106.0	Urals	89.5	East Siberian	87.4
East Siberian	91.6	Volga-Vyatka	88.2	Volga	81.0
Volga	91.2	CBE	86.5	CBE	76.7
N Caucasus	90.3	N Caucasus	81.1	Volga-Vyatka	75.0
CBE	88.5	Northwestern	61.5	N Caucasus	73.4
RUSSIA	*100.0*	*RUSSIA*	*100.0*	*RUSSIA*	*100.0*

Own calculations based on [9] [10]

However, *the processes mirrored by these simple data sets are diametrically opposed to the major common findings of relating researches* from the last two decades which indicate a strong divergence in the Russian Federation in the era of transition [4] [5] [6], and they also contradict the analyses revealing a similar tendency of growing regional disparities in the East Central European post-communist countries [11] [12]. The seeming controversy can be traced back to a methodological issue, namely the direct comparison of *different geographical levels*: an indisputable convergence of the 10 economic districts and a massive divergence of the 83 federal subjects indicate the absolutely possible tendency of growing disparities *within* the boundaries of the former economic districts. This process can be understood easily as economic districts were established as complex and specialized units of territorial production [13], with complexity manifested rather at district level and specialization characterizing foremost the subjects or cities (also lower-level units) belonging to the same district. As such – often monostructural – lower-level regions were strongly exposed to thorough sectoral changes [14], they followed remarkably different paths of development after 1991, with some of them belonging to the 'winners' of transformation while others facing deep recession.

An alternative possibility to reveal the long-term evolution of spatial disparities is offered by Human Development Reports of the UN Development

Programme. These documents release the value of HDI for most subjects for several years between 1979 and 2007. Although earlier reports are not totally comprehensive, the time series of 73 subjects (representing almost 98% of the total population) can be compiled based on them. The Gini coefficient calculated on these data sets chimes in with the analyses indicating strong divergence after the transformation, but also reveals that (with strengthening economic problems and much limited possibilities of spatial redistribution of financial resources) *regional disparities began to grow slowly just as early as the second part of the 1980s*, even if this tendency was much more moderate than in the 1990s (Table 2.).

Table 2.

Gini coefficient of HDI of selected 73 Russian subjects.

Year	1979	1985	1989	1994	2002	2007
Gini	0.0143	0.0122	0.0129	0.0194	0.0226	0.0261

Own calculations based on [15] [16]

It is also an important question what kind of regional changes stand in the background of these tendencies, or, with other words, to what extent has the *relative* development position of the regions changed in these almost three decades. Comparing the HDI *values* of given regions for different years in order to give an answer to this question is a popular method in relating papers [15]. Following this approach the Spearman rank correlation coefficient can be calculated among regional data sets for selected years: the results indicate gradual but significant changes in the 1980s and early 1990s, while the stabilization of the economy seemingly leads to the emergence of a spatial pattern somewhat similar to that of the late 1970s (Table 3.). However, these results can be highly misleading as they presumably mirror foremost the overall tendencies of recession and growth in Russia, and not unconditionally the changing relative position of the regions.

Thus, focusing on the *rank order* of the subjects according to their HDI values is a much better solution to reveal real changes in the order of the regions. In this case the rank correlation analysis mirrors generally similar tendencies to those based on the value of HDI, but lower absolute values indicate somewhat less stability and more significant changes in time (Table 3.). The results clearly show that the *transformation cannot be interpreted as a phenomenon causing thorough changes in a spatial structure that had been rather stable before in the long term.* Instead, the order of regions according to HDI underwent serious alterations even in the 1980s (the biggest positive change happened in the case of some Far Eastern regions with rapidly improving export of mineral resources, the heavy industrial district of Southwest

Siberia also benefitting from strong financial support of the state, and the city of Moscow). It speaks volumes that the order of subjects in 1989 was more similar to that in 2007 than to that in 1979 (related rank correlation values are +0.61 and +0.59). Of course this finding does not deny the fact of significant spatial restructuration right after 1991, also indicated by our results. However, our findings reveal a more dynamic spatial structure which underwent important changes even before the collapse of the Soviet Union, while increasing similarities of the order of regions by 2002 and 2007 compared to that in 1979 indicate a kind of revival of some characteristics of the late Brezhnevian spatial structure after the uncertainties of the late 1980s and early 1990s.

Table 3.

Spearman rank correlation coefficient of regional data sets for selected years (results based on regional HDI *values* and on the *rank* of regions according to their HDI are presented separately).

	1979;1985	1979;1989	1979;1994	1979;2002	1979;2007
value	+0.85	+0.63	+0.42	+0.56	+0.64
rank	+0.77	+0.59	+0.25	+0.39	+0.48

Own calculations based on [15] and [16]

As for the tendencies of the post-Soviet period, this issue should also be investigated from different points of view. Related articles usually emphasize the robust divergence after the transition [4] [5] [6], a fact also confirmed by our calculations based on HDI statistics. However, the decision which aspect of economic development do we take into account strongly determines the results in this case. Regarding 'economic development' as something relating to production (which can be measured by per capita GRP, for instance) gives an insight into remarkably different processes than interpreting the same term as an improvement of economic well-being (e.g. rising per capita income). In order to show this, we have compiled a coherent data set of per capita GRP and income values of 79 Russian subjects (representing more than 99% of the country's population) based on official statistics. Although the former one is available only for the time period beginning with 1996 (at least in a methodologically consistent form), the comparison of spatial inequalities of the two indicators reveals strikingly different trends (Figure 1.).

Regional disparities of *per capita income* at the level of the subjects almost tripled in *the first half of the 1990s* that *was* practically *the only 'time of divergence'*: in this respect the spatial restructuration of the economy was a very fast process against a long-lasting gradual one. Later on, disparities of income remained rather stable for several years before opening the way for a new phase of convergence during the Putin administration. However, *inequalities of per*

capita GRP were rising dramatically even in the late 1990s *without any signs of significant convergence after the turn of the millennium.* These trends reveal how the Russian state began to intervene in spatial economic processes through various transfers (redistributing financial sources from the dynamic regions to the ones lagging far away behind them) as soon as it was enabled by the revival of the economy [6].

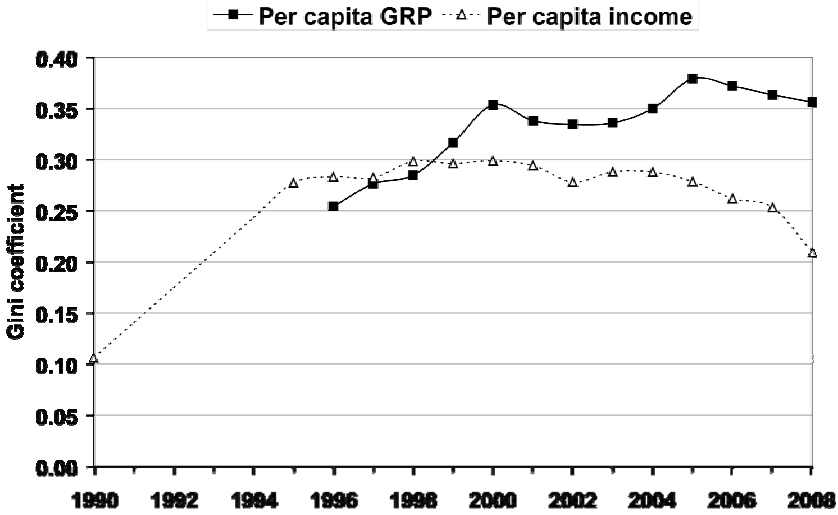


Figure 1. Gini coefficient of per capita GRP and per capita income in the selected 79 regions. Own calculations based on [10]

A rather similar tendency is mirrored by the spatial concentration index of GRP and income. While *economic production has become much more concentrated* than it had been before (especially as the proportion of Moscow of total GRP rose to 24.6% in 2008 from a value of 11.3% in 1996, thanks to the capital's ability to convert its central role in politics and public and economic administration into direct economic advantage among the circumstances of transition and globalization), *the spatial allocation of total income is far not as concentrated as it was in the late 1990s* – a further evidence of the implications of state controlled spatial redistribution of financial resources in favour of 'poorer' regions (Figure 2.).

The figures presented above clearly reveal the difference between the spatial disparities of economic production and those of incomes. However, the regional characteristics of 'real' economic well-being could not be identified unless taking *spatial deflators,* the regionally differing purchase power of a

given sum of money into consideration. This factor has a very important role even in relatively small countries, e.g. while the cost of living in urban districts is significantly higher than in rural ones.

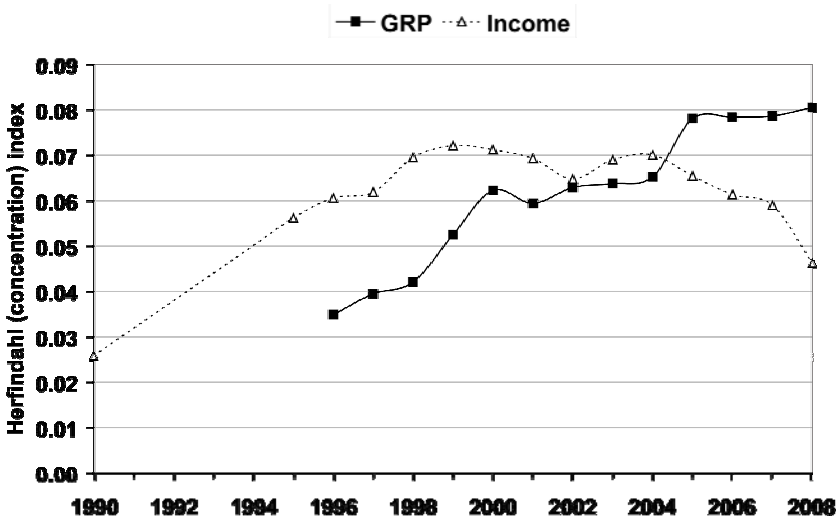


Figure 2. Herfindahl (concentration) index of per capita GRP and per capita income in the selected 79 regions. Own calculations based on [10]

In the case of such a huge country being the size of a continent regional differences of the purchasing power of income can be even much higher because of extremely altering physical geographical (foremost climatic) conditions and big distances that had to be surmounted. Although official Russian statistics are about nominal incomes, the real purchase power of the latter ones can be estimated if they are *divided by the officially calculated subsistence minimum*, released for each region.

Table 4.

Gini coefficient of per capita nominal and 'real' income of the 79 regions.

	1995	1999	2008
Per capita nominal income	0.2773	0.2962	0.2091
Per capita 'real' income	0.1957	0.2057	0.1439

Own calculations based on [10]

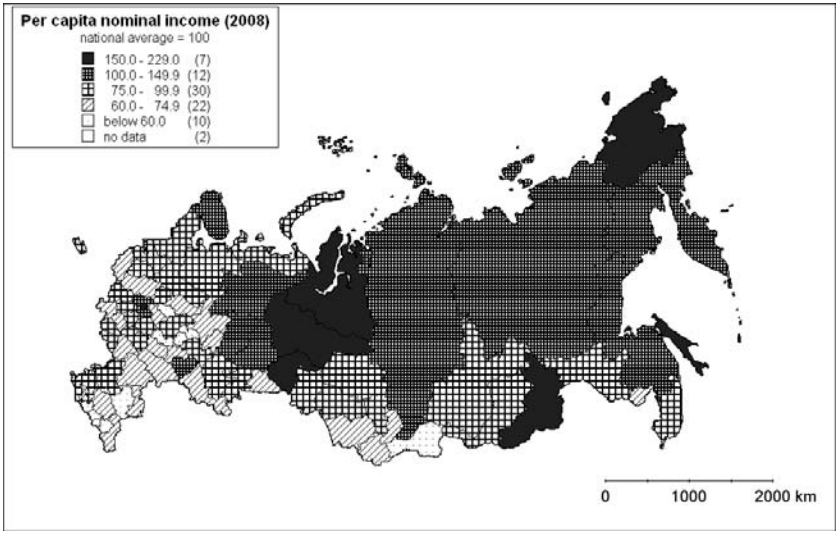
As for these 'real' incomes, their spatial disparities in various years mirror *the same tendency in time* as those of nominal income *but the level of*

inequalities is significantly smaller (Table 4.). This finding can be hardly wondered at as prices can usually be higher in areas with higher incomes, and where prices are higher, labour force also tends to claim higher wages and salaries. Instead, it is the *changing regional pattern of income distribution* if purchase power is taken into account that reveals some highly important phenomena. If spatial disparities of nominal income are depicted on a thematic map, the following relations can be recognized: (i) Income level in the Asian subjects (as well as in the Urals) is usually significantly higher than in the European ones. (ii) In the European Russia a strong centre-periphery dichotomy exists with the city of Moscow as core. St. Petersburg, Murmansk and Samara (the centre of Russian car industry) can be identified as further rich poles. Among poorer regions a North-South slope can be seen with the lowest incomes in the South. (iii) In the Asian part, incomes are much higher in the Northern regions than in the Southern peripheral border zones (Map 2.).

However, before giving a detailed interpretation of these results, a map of 'real' incomes should also be analyzed (Map 3.). The obvious difference between the European and Asian regions vanishes. Except for some important raw material (natural gas and crude oil or gold, silver and precious ores) producing and exporting regions with relatively few inhabitants (Sakhalin, Chukotka, Zabaykalsky krai), most Asian subjects' 'real' income lies below the national average despite of their high nominal incomes. The rank of Kamchatka, for instance, is 66 places worse according to 'real' income, while the difference is 46 places for Khabarovsk and varies from 33 to 39 places in the case of Primorye, Yakutia and the Amur Oblast. This is a consequence of dramatically high costs of living that can be traced back foremost to enormous heating and transport costs (because of severe climate and huge distance from the economic core districts) [17]. Thus, advantageous nominal income conditions do not mean a high level of economic well-being: in fact, even with state transfers, some of these regions belong to the poorest ones in Russia in. The North-South slope in the European part of the country disappears as well, therefore the dichotomy of some rich urban districts and the periphery becomes even more obvious. However, *the richness of the Western Siberian oil and gas producing regions* and that of the important ore extracting districts in the Urals *is not virtual* but is an indisputable fact. Although the cost of living is also high here, extremely high incomes profoundly balance it.

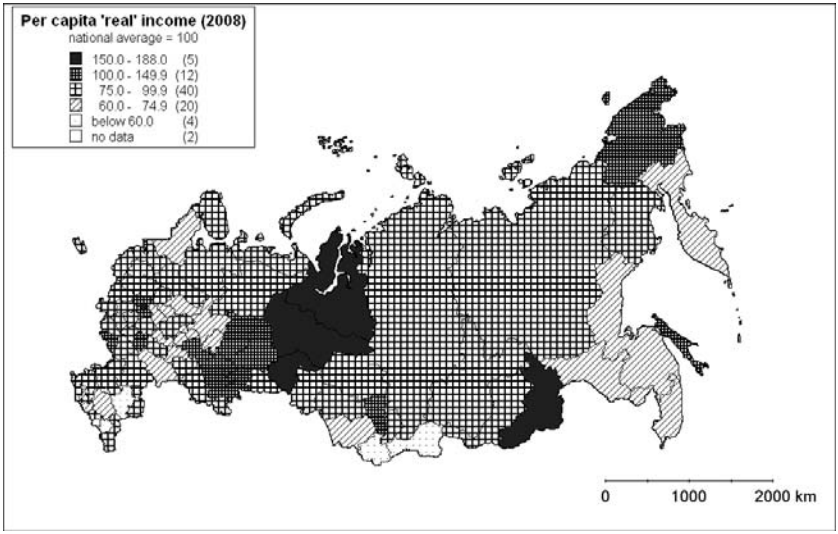
As for the level of income, there is one more fact highly important from the aspect of spatial disparities, namely the issue of *wages remaining hidden from statistics*. According to an estimation of Rosstat, ca. 40% of total income is not mirrored by official data sets. By the way, not all of these wages are illegal as wages of employees in small business also belong to this unregistered category for regulatory reasons [16] [18]. Although it is almost impossible to

gain further information on the spatial (or even social) distribution of this vast amount of money, some findings of relating international researches should be considered. In the post-communist Hungary alternative estimation methods to reveal the real income situation of the population in the microregions (150 units at the time when the analyses were made) indicated *somewhat smaller regional disparities in case 'grey' and 'black' incomes are considered*. However, these findings *merely affect the general spatial pattern of income disparities* [19]. Following this way of reasoning we can suppose that taking unregistered sources of income into account would mirror somewhat smaller inequalities but with a basically similar regional pattern.



Map 2. Per capita nominal income of the Russian subjects. Own map and calculations based on the data sets of [10]

A final question that should be investigated is the level of disparities *within* given regions, also at an even lower level. Here a possible method is the analysis of internal social income disparities of the regions compared to those at national level. In the actual case we use the income ratio of the richest and poorest 20% of the population as an indicator of this kind of inequality. As an implication of the transformation and the collapse of state level financial redistribution *social disparities of income began to rise in Russia in the early 1990s, and they gained a new impetus with the revival of the economy after the turn of the millennium* (economic growth with polarisation) (Figure 3.).



Map 3. Per capita 'real' income of the Russian subjects. Own map and calculations based on the data sets of [10]

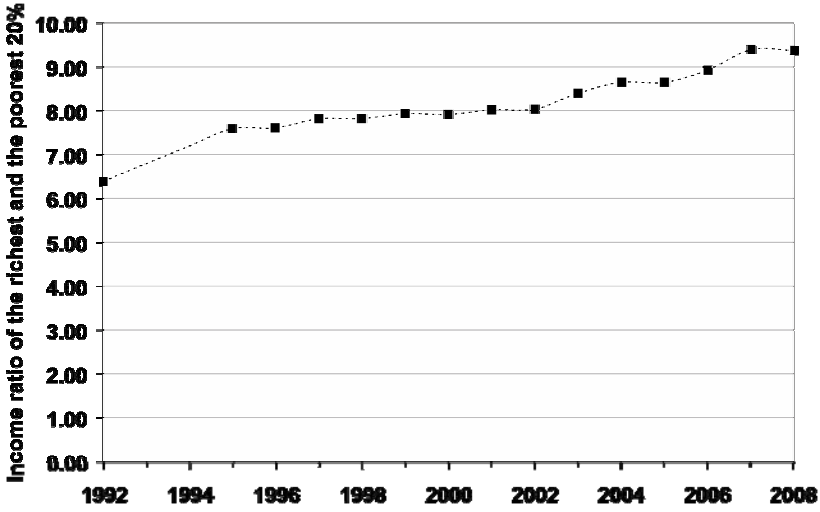
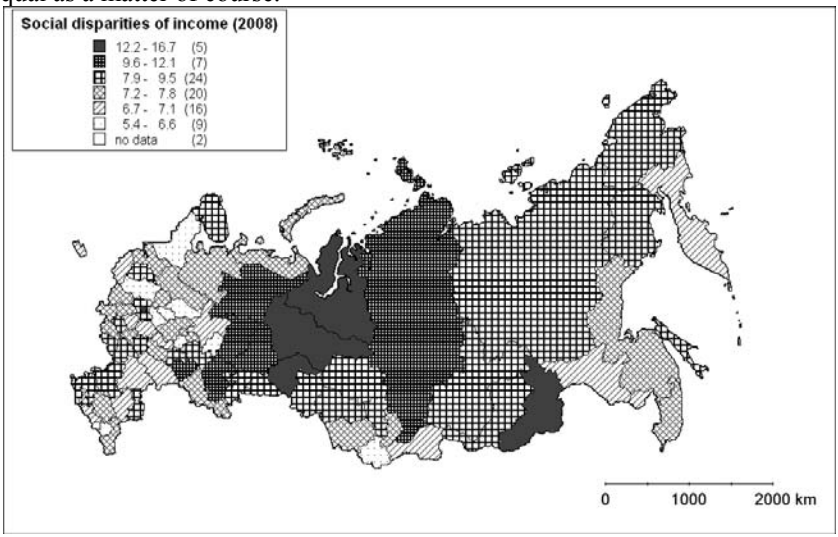


Figure 3. The income ratio of the richest and the poorest 20% of the society (based on nominal income). Own calculations based on [10]

However, although social disparities of this kind also grew in almost all federal subjects in the meanwhile, the level of inequalities varies significantly by regions. Generally speaking, there is *a rather strong positive connection between the level of 'real' per capita incomes and the disparities of nominal incomes* (Map 4.). The rank correlation coefficient of these two regional data sets for 2008 is +0.79. This remarkably high value reveals a similar regularity at regional level to that at the national one: higher productivity is accompanied by bigger disparities as a disproportional segment of real economic production (especially in the leading branches of energy production and high-level services, the main engines of Russian economic growth) is controlled by a relatively small number of investors. On the other hand, social disparities of economic well-being are relatively moderate in the underdeveloped peripheries as a major part of their incomes originates from transfers whose distribution is much more equal as a matter of course.



Map 4. The income ratio of the richest and the poorest 20% in the regions of Russia. Own map and calculations based on [10]

Concluding the results, the growth of regional economic disparities can be traced back before the transition in the early 1990s. Divergence of the big economic districts was a matter of fact during the 1970s and 1980s, while gradual regional divergence also began in the second part of the 1980s (also significantly redistributing the order of regions) – even if the strongest 'time of divergence' was the first period of the 1990s. Later on, differences of the big economic districts have decreased while inequalities at the level of subjects

followed a more complicated path. While an increasing regional gap and a stronger and stronger concentration to a few core regions are characterizing economic production, spatial disparities of income have tended to decrease in the last years as the revival of the economy enabled the state to intervene efficiently through financial redistribution. A new convergence of economic well-being can be detected especially well if considering the real purchase power of regional incomes – although it is only because several seemingly prosperous Asian subjects are poor in fact. As for social disparities, they are steadily rising not only at national level but in most regions as well, although this tendency can be revealed foremost in the most prosperous subjects.

BIBLIOGRAPHY

[1] A. Trejvis: Posztindusztriális regionális folyamatok és a régiók újraiparosítása. ['Postindustrial regional processes and reindustrialization of the regions.'] In: Horváth Gy. (ed.): Regionális fejlődés és politika az átalakuló Oroszországban. ['Regional development and policy in the transforming Russia.'] Pécs, MTA RKK, 2008. 171-198.

[2] T. Nefjodova: A mezőgazdaság térségi átrendeződése. ['Regional restructuration of the agriculture.']. In: Horváth Gy. (ed.) 2008. 214-236.

[3] M. J. Bradshaw, K. Vartapetov: A New Perspective on Regional Inequalities in Russia. Eurasian Geography and Economics. 2003. 44(6). 403–429.

[4] F. Carluér: Dynamics of Russian Regional Clubs. The Time of Divergence. Regional Studies. 2005. 39(6). 713–726.

[5] L. Solanko: An empirical note on growth and convergence across Russian regions. BOFIT Discussion Papers No. 9. Helsinki 2003.

[6] N. Zubarevics: A területi különbségek alakulása. ['Changes of spatial differences.']. In: Horváth Gy. (ed.) 2008. 151-170.

[7] H. Westlund: The Soviet paradox: imbalanced equalisation and balanced divergency. In: H. Westlund, A. Granberg, F. Snickars (eds.): Regional Development in Russia. Past Policies and Future Prospects. Cheltenham-Northampton, Edward Elgar, 2000. 1-36.

[8] A. Trejvis: Centralizmus és regionalizmus, szovjet és posztszovjet ciklusok. ['Centralism and regionalism, Soviet and post-Soviet cycles.'] In: Horváth Gy. (ed.) 2008. 279-293.

[9] L. N. Telepko: Urovny ekonomicheskaga razvitiya. Rayonov SSSR. ['The level of economic development. Regions of the USSR.'] Moscow, Izdatel'stvo 'Ekonomika', 1971.

[10] Tsentralnaya Baza Statisticheskikh Dannikh. ['Central Statistical Database.'] Federal State Statistic Service.

http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi

[11] Nemes Nagy J.: Fordulatra várva – a regionális egyenlőtlenségek hullámai. [‘Waiting for a turn – the waves of regional disparities.’]. In: Dövényi Z., Schweitzer F. (eds.): A földrajz dimenziói. [‘Dimensions of geography.’] Budapest, MTA FKI, 2005. 141-158.

[12] Gyuris F.: Changing Spatial Disparities during the Transformation – A Comparative Analysis for China and East Central Europe. Chinese Journal of Regional Science 2010. 2(1). 21-34. (in Chinese)

[13] Krajkó Gy.: A gazdasági körzetek néhány fontosabb vonása. [‘Some major characteristics of economic districts.’] In: Beluszky P., Sikos T. (eds.): Területi Kutatások 5. [‘Spatial Researches.’] Budapest, MTA FKI, 1982. 25-41.

[14] Horváth Gy.: Regionális átalakulás Oroszországban. [‘Regional transformation in Russia.’] In: Horváth Gy. (ed.) 2008. 11-62.

[15] Human Development Report. Russian Federation 2004. Towards a Knowledge-based Society. Moscow, UNDP, 2004.

[16] National Human Development Report in the Russian Federation. Energy Sector and Sustainable Development. Moscow, UNDP, 2010.

[17] H. Klüter: Der Norden Russlands – vom Niedergang einer Entwicklungsregion. [‘Russia’s North – about the Decline of a Developing Region.’] Geographische Rundschau 2000. 49(12). 723-729.

[18] Social Situation and Living Standards in Russia, 2008. Statistical Digest. Moscow, Rosstat

[19] Jakobi Á., Kiss J. P.: A lakossági jövedelmek kistérségi becslése. [‘An estimation of residential income in the microregions.’] In: Nemes Nagy J. (ed.): Kistérségi mozaik. [‘Microregional mosaic.’] RTT 8. Budapest, ELTE RFT, 2003. 55-86.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ[15]

Давыдова Т.А., научный сотрудник
Чувашского национального музея
tat_dav81@mail.ru

Интересы стратегического управления территориальным развитием России неизбежно требуют учета всех, даже малозначительных, факторов. Одним из таких аспектов, на наш взгляд, является этническая среда, которая определяется взаимодействием двух или нескольких народов,

[15] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 09-06-00117

исторически сформировавших особый этнокультурный ландшафт территории региона. Эта предпосылка актуализируется благодаря региональной культурной специфике и, прежде всего, благодаря региональной культурной установке. В таких условиях своеобразно функционируют практически все институты региона, включая бизнес и экономическую среду в целом. В российских национальных республиках сложился опыт развития самобытного социокультурного пространства, обретающего уникальные черты, обусловленные этническим и культурным разнообразием. Это подтверждает их относительно успешное развитие, среди которых достойное место занимает Чувашская Республика.

Региональная идентичность представляет собой особый вид социально-общностной идентичности, характеризующийся процессом самоотнесения индивида к определенному территориально ограниченному сообществу (региону). При этом «регион» понимается как единица, в которой процессы исторического развития деятельности должны «замкнуться» на структурах воспроизводства человеческой жизнедеятельности, культурных форм, природных и трудовых ресурсов. В структуре региональной идентификации обычно выделяют два основных компонента – когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознания себя её членом) и аффективный (оценка качеств собственной группы, значимость членства в ней) [1]. Наиболее успешной классификацией региональных идентичностей является факторная система. Она основана на выделении фактора сегментирующего населения единого национально-государственного образования на различные идентификационные локальности. В соответствии с этой системой можно условно выделить пять факторов идентификационной регионализации населения: исторический, этнический, географический, административно-территориальный и экологический [2]. Составной частью этнического фактора является этнокультурный капитал, который представляет собой совокупность эстетических ценностей, образования, творческих способностей, т.е. богатство в форме знания и идей этноса. Оценка степени весомости этнического фактора возможна через анализ национального состава населения региона.

Национальный состав Чувашской Республики традиционно отличается явным доминированием титульного этноса, хотя за годы советской власти этнический состав постепенно дифференцировался. По данным переписи 2002 года в республике проживают граждане 97 национальностей и 9 этнических групп, но доминируют чуваши, их доля – 67,7%, русских – 26,5%, татар – 2,8%, мордвы – 1,2%, других национальностей – 1,8%.

В *задачу* статьи входит анализ этнокультурного потенциала республики через сопоставление этнической мозаичности районов и городов.

Методика исследования. В основу исследования положена известная методика расчета уровня этнической мозаичности с помощью индекса Б.М. Эккеля, которая широко используется отечественными этнографами. Географичность работы определяется территориальной оценкой уровня этнической мозаичности городов и районов республики. Территориальная оценка уровня этнической мозаичности проводилась по 1926 и 2002 годам, полученные результаты сравнивались. Индекс по Б.М. Эккелю рассчитывается следующим образом:

$$P_j = 1 - \sum_{i=1}^{m} (a_i)^2 ,$$

где P_j – индекс этнической мозаичности, m – количество национальностей, a_i - доля национальности i в населенном пункте.

Следует учесть, что по переписи 2002 года национальность указывалась по желанию респондента.

*Результаты исследования. Н*а перепись 1926 года в республике, как и по всей России, сохранялось уездно-волостное административное деление. Для корректного анализа полученных результатов мы привели данные уездно-волостного деления к современному административному делению республики на районы и города. В Чувашской АССР по данным переписи 1926 года доля титульной нации составляла 74%. В то же время отдельные районы и города отличались этническим составом. Расчет индекса этнической мозаичности по районам и городам республики позволил выявить три группы территорий (табл. 1).

К первой группе с низким значением P_j, что говорит о моноэтничности территории, относятся 12 районов. В большинстве из них доминируют чуваши, в то же время в Алатырском и Порецком районах преобладают русские. Эти территории были включены в состав ЧАССР позже в 1925 году путем перевода из Ульяновской губернии.

Во второй группе с относительно средним значением P_j представлено 6 районов. На их территории наряду с преобладанием чувашей в незначительном количестве представлены русские, татары, мордва. В основном это территории районов, по которым проходит ветка Сасово-Свияжск Московско-Казанской железной дороги: Канашский, Урмарский, Шумерлинский. Существенное влияние на многообразие этнического состава в Урмарском районе, по нашему мнению, оказало строительство мебельной фабрики, куда еще до революции привлекались рабочие из Европы. Близость железной дороги, лесных массивов и Суры

дали толчок строительству первых промышленных предприятий в поселке Шумерля, что способствовало миграции трудовых ресурсов из соседней Нижегородской области, а также сельских районов Чувашии. Полиэтничность в г. Ядрин формировалась длительное время, со времен создания русской крепости на чувашской земле. Со временем в городе оседали беженцы и военнопленные, которые были разбросаны и по деревням уезда. Судя по фамилиям, среди переселенцев были латыши, поляки, евреи, белорусы и украинцы. Полиэтничность Янтиковского района объясняется транзитностью его положения. Наряду с чувашскими деревнями в районе сохраняются русские деревни, в которых, по-видимому, проживают потомки полоняников, захваченных казанской ханской знатью при набегах на соседние русские земли Московского государства [3]. Территория Яльчикского района осваивалась в XVI веке, при заселении «дикого поля»: здесь наравне с чувашами селились и татары, и мордва.

Таблица 1

Распределение районов Чувашской Республики по степени этнической мозаичности по данным переписи 1926 г. (P_i)

1-я группа, P_i от 0 до 0,003		2-я группа, P_i от 0,004 до 0,009		3-я группа, P_i более 0,01	
Алатырский р-н	0,002	Канашский р-н	0,005	г. Чебоксары	0,024
Аликовский р-н	0	Урмарский р-н	0,004	г. Алатырь	0,037
Вурнарский р-н	0,001	Шумерлинский р-н	0,007	г. Канаш	0,039
Козловский р-н	0,001	Ядринский р-н	0,006	Батыревский р-н	0,026
Комсомольский р-н	0,002	Яльчикский р-н	0,005	Ибресинский р-н	0,059
Красноармейский р-н	0	Янтиковский р-н	0,008	Шемуршинский р-н	0,015
Красночетайский р-н	0,001				
Марпосадский р-н	0,001				
Моргаушский р-н	0,002				
Порецкий р-н	0,001				
Цивильский р-н	0,002				
Чебоксарский р-н	0,001				

Действительно полиэтничными в республике являлись 3 города и 3 района (табл. 1). Здесь высока не только доля чувашей, но и русских, татар, мордвы, марийцев, а также есть представители других национальностей. Наличие торговых и промышленных предприятий в г. Чебоксары, водного и железнодорожного транспорта г. Канаш и г. Алатырь способствовало развитию городов и росту многонационального населения в них. На полиэтничность Ибресинского района оказало влияние строительство ветки Московско-Казанской железной дороги. Благодаря наличию лесных массивов сюда потянулись предприимчивые и

состоятельные люди из числа русских, здесь же основали свои фирмы французские лесопромышленники Морис и Шевалье. В Батыревском районе, который лишь в 1921 году обрел современные границы, благодаря присоединению Шихирдановской волости, полностью состоящей из татарских селений, доля татар составила 21% [4]. Шемуршинский район, являясь пограничным с Республикой Татарстан, так же как и Батыревский имеет повышенную долю татар, равную 7%. Сведения о татарах, проживающих в районе, упоминаются еще в XIX в итогах 10 ревизии. Для духовного утверждения в православной вере и соблюдения христианских обрядов, «часть этих новокрещенных татар в 1837 году, из своих родных деревень, была правительством переселена в Три-Избы-Шемуршу, в приходскую деревню Шемуршинской церкви» [5].

В 2002 году по сравнению с переписью 1926 года удельный вес чувашей снизился с 74% до 67,7%. Если в 1926 г. общее число других национальностей (за исключением чувашей, русских, татар и мордвы) едва достигало 900 человек (больше половины их составляли украинцы, русские, белорусы, евреи и поляки), то к 2002 году выросла более чем в 20 раз. Увеличился уровень полиэтничности районов и городов республики. Если в 1926 году величина индекса варьировала от 0 до 0,059, то в 2002 верхняя планка индекса увеличилась до 0,07 (табл. 1 и 2). В 2002 году 10 районов и городов Чувашии превысили среднюю величину этнической мозаичности 1926 года, равную 0,01. К первой группе с низким значением P_j относятся 14 районов, в которых доминируют чуваши. Моноэтничными остались территории Аликовского, Вурнарского, Комсомольского, Красноармейского, Красночетайского, Моргаушского районов. Кроме того, к ним добавились Канашский, Шумерлинский, Яльчикский и Янтиковский районы. Намного уменьшилась этническая мозаичность Батыревского и Ибресинского районов. Доля татар в Батыревском районе – 19%, русских – 0,3%, в Ибресинском районе соответственно – 2,7% и 10,9%. По-видимому, часть русских и татар мигрировало в другие регионы России.

Во второй группе с относительно низким значением P_j представлено 7 районов. Все эти районы, кроме Ядринского, по переписи 1926 года являлись моноэтничными территориями. Увеличению полиэтничности за исследуемый период в основном способствовала индустриализация республики. Незначительное влияние оказала и эвакуация беженцев на территорию Чувашской АССР во время Великой отечественной войны. Действительно полиэтничными в республике являются города, которые входят в список городов республиканского значения. Они являются центром миграции населения из сельской местности и соседних

республик, так как выполняют функции административно-политических, градообразующих и культурных центров.

Таблица 2

Распределение районов Чувашской Республики по степени этнической мозаичности по данным переписи 2002 года (P_j)

1-я группа, P_j от 0 до 0,01		2-я группа P_j от 0,02 до 0,03		3-я группа P_j более 0,04	
Районы и города	P_j	Районы и города	P_j	Районы и города	P_j
Аликовский р-н	0,01	Алатырский р-н	0,02	г. Чебоксары	0,06
Батыревский р-н	0	Козловский р-н	0,03	г. Алатырь	0,07
Вурнарский р-н	0,01	Марпосадский р-н	0,02	г. Канаш	0,04
Ибресинский р-н	0,01	Порецкий р-н	0,02		
Канашский р-н	0,01	Цивильский р-н	0,02		
Комсомольский р-н	0,01	Чебоксарский р-н	0,02		
Красночетайский р-н	0,01	Ядринский р-н	0,02		
Красночетайский р-н	0,01				
Моргаушский р-н	0,01				
Урмарский р-н	0,01				
Шемуршинский р-н	0,01				
Шумерлинский р-н	0,01				
Яльчикский р-н	0				
Янтиковский р-н	0,01				

Сравнение динамики изменений национального состава населения Чувашской Республики показало, что за годы советской власти увеличилась полиэтничность населения районов и городов. В свою очередь полиэтничность повлияла на качество компонентов региональной идентичности. Итогом этого является трансформация ракурсов от традиционалистской к надтрадиционной (по М. П. Крылову).

Заключение. Чувашская республика – один из субъектов Российской Федерации, чья этнокультурная специфика официально признана и институционализирована, а межэтнические отношения отличаются стабильностью, что может служить моделью относительно гармоничной и равной интеграции этнических групп в составе регионального социума. Устойчивость ее развития зависит от политического состояния республики и качества региональной общности. Осознание населением собственного экономического и политического статуса неизбежно отражается и в характере хозяйственного развития с положительной стороны. Таким образом, этнокультурная и организационная близость Чувашской

республики является важным экономическим ресурсом и одним из факторов конкурентных преимуществ.

ЛИТЕРАТУРА

[1]. Межевич Н.М. Основные направления региональной политики Российской Федерации. Ч.2. Механизмы региональной политики. [Эл. ресурс]. - Режим доступа: http://dvo.sut.ru/libr/history/i299mez1/index.htm

[2]. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России / М.П. Крылов – М.: Новый хронограф, 2010.

[3]. Семенов А.С., Терентьев М.С. Делп и люди Янтиковского района. – Чебоксары, 2002.

[4]. Матросов И.М., Карягин С.А., Мефодьев А.И. Батыревская энциклопедия. – Чебоксары, 2005.

[5]. Ухтияров А.И. Родной край – село родное (Краткая история села Трехизб-Шемурша) – Ч: «Чувашия», 1996.

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА НА ПЕРИОД ДО 2025 ГОДА КАК МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Добромыслова В.Ю., аспирантка
кафедры экономической и социальной географии России
географического факультета
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова,
Dobromyslova-Vika@yandex.ru

В декабре прошлого года во Владивостоке распоряжением Правительства Российской Федерации была утверждена Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года.

Основными инструментами реализации Стратегии развития являются План мероприятий по ее реализации, а также федеральные целевые программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2013», «Социально-экономическое развитие Курильских островов на 2007-2015 годы» и «Повышение устойчивости жилых домов, основных объектов и систем жизнеобеспечения в сейсмических районах Российской Федерации».

В данной статье речь пойдет о проекте Плана мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года, разрабатываемого в настоящее время.

Данный документ соответствует цели государственной политики на Дальнем Востоке - формирование развитой экономики и комфортной среды обитания населения в субъектах Российской Федерации, расположенных на этой территории, достижение среднероссийского уровня социально-экономического развития в интересах решения геополитической задачи закрепления населения на Дальнем Востоке.

Это документ стратегического планирования развития крупнейшего макрорегиона страны на 15 лет вперед.

Во-первых, это комплексный документ. Он вобрал в себя совокупность стратегических решений, принятых в государственных отраслевых и корпоративных стратегиях, с учетом стратегий субъектов Федерации. Речь идет не о механическом сложении, а о достигнутом балансе интересов по целому ряду направлений развития. Достаточно сказать, что заложенный в Стратегии облик энергетики Дальнего Востока, Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области 2025 года, прогнозный баланс выработки и потребления электроэнергии стал результатом сложнейших процедур согласования между участниками рынка.

Во-вторых, сама фиксация в едином публичном документе стратегических приоритетов государственной политики - четкий сигнал бизнес-сообществу о наших долгосрочных планах. Да и для людей важно понять, что интеграция Дальнего Востока и Восточной Сибири в единое экономическое пространство страны будет силой постоянно действующей, а не сиюминутной компанией. Значит, здесь можно жить и работать, видеть перспективу.

В-третьих, изложенные в Стратегии основные положения в области международного и приграничного сотрудничества, базирующиеся на четко заявленных интересах государства в Азиатско-Тихоокеанском регионе - лишнее свидетельство тому, что мы видим этот макрорегион не как сырьевой придаток динамично развивающихся соседей, а как геостратегический центр сопряжения экономик на выгодных для России условиях. Проведение саммита АТЭС и те очевидные улучшения, которые происходят в ходе его подготовки, в частности строительство Дальневосточного федерального университета - одно из доказательств такого подхода и нашей ориентации на формирование в регионе экономики знаний.

Проект Плана включает мероприятия, направленные на создание

условий для эффективного развития экономики региона, комфортного проживания населения, на снятие транспортных, энергетических и других инфраструктурных ограничений, на развитие внешнеэкономического сотрудничества, в том числе приграничного, а также на решение экологических проблем.

При разработке проекта Плана мероприятий приоритет отдавался мероприятиям, способствующим решению геополитической задачи закрепления и привлечения экономически активного населения, использование регионами конкурентных преимуществ высшего порядка.

В первую очередь, реализации комплексных проектов территориального развития, в рамках зон опережающего экономического роста и развития опорной сети поселений, на которых базируется Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года.

В проекте Плана мероприятий предусмотрены механизмы, направленные на развитие и поддержку как добывающих, так и перерабатывающих отраслей промышленности Дальнего Востока и Байкальского региона. Один из наиболее масштабных проектов - создание крупного межрегионального горно-металлургического территориально-производственного комплекса в Забайкалье на базе, прежде всего, Удоканского месторождения. Это даст мультипликативный эффект развития Байкало-Амурской магистрали.

Кроме того, предложены мероприятия по реализации «якорных» инвестиционных проектов Комплексное развитие Южной Якутии (строительство Якутского газоперерабатывающего и газохимического комплекса; ВЛ-220 кВ Нерюнгринская ГРЭС-Нижний Куранах-Томмот-Майя с ПС-220 кВ Томмот и ПС-220 кВ Майя), Яно-Колымская золоторудная провинция (строительств объектов Наталкинского ГОКа), строительство железнодорожной линии Беркакит – Томмот – Якутск с автомобильно-железнодорожным мостовым переходом через реку Лена (длинной 3,2 км), нефтегазопровод ВСТО, газопровод (Чаяндинское месторождение (Якутия) – Хабаровск – Сахалин, Хабаровск-Владивосток), развитие Дальневосточного национального космического центра на базе ЗАТО «Углегорск» и космодрома «Восточный», развитие инфраструктуры к саммиту АТЭС (строительство комплекса зданий саммита (ДВФУ) на о.Русский площадью 500 тыс. м2; реконструкция и развитие коммунальной инфраструктуры Владивостокской агломерации; развитие энергетической инфраструктуры региона; реконструкция аэропорта и строительство международного терминала; развитие портовой инфраструктуры и дорожной сети), Ванинско-Советско-Гаванский транспортно-промышленный узел, проекты Сахалина

(Сахалин-1,3,5,9), в частности создания топливно-энергетического комплекса на западном побережье острова Сахалин, серийное производство авиационных комплексов Су-35, разработка и строительства истребителя пятого поколения, авиалайнеров «Сухой Супер Джет – 100», строительство Транскамчасткого коридора, создание корякской горно-добывающей зоны.

Для достижения синергетического эффекта от реализации этих проектов предполагается усиление участия государства в создании мощного инфраструктурного каркаса на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири.

В этой связи в проект Плана включен раздел мероприятий по созданию условий для снятия инфраструктурных ограничений. Например, пункт, касающийся разработки комплекса мер, направленных на развитие зоны Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, предусматривающих, в том числе освоение природных ресурсов, строительство автомобильных дорог («Амур» Чита-Хабаровск и второй очереди автодорожной части совмещенного железнодорожно-автомобильного мостового перехода через реку Амур у Хабаровска, реконструкция автодороги «Байкал»), социально-культурных и жилых объектов, инженерной инфраструктуры (ВЛ 500 кВ «Усть-Кут – Нижнеангарск», ВЛ 500 кВ «Нижнеангарск – Витим», ВЛ 500 кВ «БПП - Усть-Илимская ГЭС – Усть-Кут (2-я ВЛ)», ВЛ 500 кВ «Мокская ГЭС – Витим») [1].

Также в План включены мероприятия по интенсификации воздушного сообщения (Аэропорты Иркутска, Хабаровска и Владивостока будут развиваться как международные узловые аэропорты. Улан-Удэ, Чита, Благовещенск, Якутск, Магадан, Мирный, Анадырь, Петропавловск-Камчатский и Южно-Сахалинск как внутрироссийские узловые аэропорты), которые в совокупности с мерами по развитию наземных путей сообщения дадут синергетический эффект качественного улучшения транспортной доступности (в том числе наращивания транзитного потенциала, включая создание Дальневосточного зернового коридора).

Содержащиеся в Стратегии масштабные проекты в базовых экономических специализациях требуют превентивного создания генераций и мощного сетевого хозяйства, ориентированного на преодоление автономности отдельных энергорайонов, повышение надежности энергоснабжения.

В этой связи в проекте Плана мероприятий отражены действия по развитию энергетики, что позволит поэтапно создать на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири мощный и целостный сегмент единой

энергетической системы страны (ввод новых генерирующих мощностей - Уссурийской ТЭЦ, ветропарка на островных территориях Владивостока, Сахалинской ГРЭС-2, Якутской ГРЭС-2, атомной электростанции на базе плавучего энергоблока в г. Певек, Канкунской ГЭС) [1].

Формирование внутренних источников саморазвития макрорегиона при государственной поддержке инфраструктурных проектов - основной стержень, на который опирается Стратегия.

В соответствии с этим в проекте Плана мероприятий в качестве важнейшего направления предусматривается реализация комплекса взаимосвязанных стратегических решений по расширению Единой системы газоснабжения страны на восток. Прогнозные экспертные оценки о добыче к 2020 году на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири порядка 150 млрд. $м^3$ газа позволили заложить в документ мероприятия, направленные на развитие поисковых и геологоразведочных работ, нефтегазохимической промышленности.

Это будет способствовать созданию крупных энергетических и газоперерабатывающих комплексов в Иркутской области, на Камчатке, в Республике Саха (Якутия), на Сахалине, Хабаровском и Приморском краях, отраженных в Стратегии, а также существенному повышению уровня газификации территории, уровня ее социальной обустроенности и привлекательности. Энергоемкость производств перестанет быть сдерживающим фактором их развития (создание и развитие газотранспортной системы «Сахалин – Хабаровск – Владивосток», ввод первого пускового комплекса в конце 2011 года. Комплекс позволит начать обеспечение газом проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2» потребителей Приморского и Хабаровского краев, Сахалинской области. В 2010 г. будет завершен I этап проекта газоснабжения Камчатского края, включая строительство газопровода с западного побережья Камчатки до г. Петропавловска-Камчатского) [1].

Увеличение глубины переработки природных ресурсов, наращивание добавленной стоимости, структурный маневр в сторону увеличения доли перерабатывающих отраслей, является безусловным стратегическим приоритетом социально-экономического развития макрорегиона.

Для достижения этой цели Дальний Восток и Восточная Сибирь в стратегической перспективе станет крупнейшим центром развития химии, нефтегазохимии (модернизация Комсомольского НПЗ Хабаровский край (7 млн. тонн нефтепродуктов), углехимия и производство удобрений, нефтегазохимическое производство, развитие фармацевтики и бытовой химии в Республике Саха (Якутия), Хабаровском крае, Амурской, Сахалинской и Иркутской областях.

Газоперерабатывающий завод (на базе ОАО «Саянскхимпласт», Ковыктинская зона месторождений), производство биобутанола из отходов лесозаготовки и сельского хозяйства (проект «Восточно-Сибирского комбината биотехнологий» Иркутская область). В проекте Плана мероприятий предусмотрены проекты развития соответствующей инфраструктуры.

Значительная роль использования конкурентных преимуществ высшего порядка, модернизации экономики будут принадлежать формируемым научно-образовательным комплексам. Дальневосточный и Северо-Восточный федеральные университеты, Байкальский центр нанотехнологий в Иркутске, Восточно-Сибирский научно-образовательный комплекс в Улан-Удэ, другие образовательные центры в интеграции с отделениями Российской академии наук способны, сформировать механизм генерации инноваций, генерации бизнеса в инновационной сфере.

В проекте Плана мероприятий предусмотрены мероприятия по подготовке федерального норматива финансирования федеральных государственных университетов Дальнего Востока и Байкальского региона, предусматривающий финансирование обучения в полном объеме за счет федерального бюджета.

Проектом Плана также предусмотрено организация на территории Дальнего Востока и Байкальского региона мониторинга реализации решений Правительства Российской Федерации по созданию условий, стимулирующих развитие и внедрение инноваций, включая государственную поддержку предприятиям, внедряющим инновационные технологии, в том числе малым инновационным предприятиям, создаваемым при ВУЗах и научных учреждениях.

Кроме того, предполагается создать единую информационную систему, содержащую сведения об инновационных разработках регионов Дальнего Востока и Байкальского региона

Стратегией и проектом Плана предусмотрена реализация ряда проектов, направленных на модернизацию машиностроения, включая судостроение.

Здесь выделяются проекты реконструкции и строительства предприятий в порту Восточный, формирование Дальневосточной судостроительной лизинговой компании, Дальневосточного инновационно-технологического центра морских технологий. Важным представляется строительство платформ добычи нефти и газа на шельфе.

Знаковым проектом является создание автомобильного производства ОАО «Соллерс» во Владивостоке, где организуется автосборочное производство японских и корейских марок.

Существенный импульс должно получить авиастроение, в том числе, производство самолетов Суперджет-100 в Хабаровском крае.

Хорошие перспективы у производства оборудования для добывающих отраслей, малой энергетики, высокотехнологичной продукции и материалов для космической техники.

Создание на Дальнем Востоке космодрома «Восточный» - станет примером масштабного воплощения политики инновационного развития и внедрения высоких технологий.

Развитие судостроения тесно связано с перспективами рыболовства, развития его береговой инфраструктуры, рыболовецкого флота, повышения роли отрасли в формировании оптимальной структуры продовольственного баланса страны, в наращивании ее экспортного потенциала. Предусмотрена разработка отдельного плана мероприятий, направленного на сохранение и развитие машиностроительного комплекса Дальнего Востока и Байкальского региона. Все эти мероприятия отражены в Плане.

Дополнительным мощным стимулом закрепления населения и привлечения трудовых ресурсов должны стать качественные изменения в социальной сфере.

И, как следствие, проект Плана, содержит целый раздел мероприятий, направленных на создание условий для комфортного проживания населения.

В первую очередь, это меры по стимулированию жилищного строительства, повышение доступности высокотехнологичной медицинской помощи для жителей Дальнего Востока и Байкальского региона, а также разработка Схемы размещения межрегиональных центров телемедицины, санитарной авиации и оказания экстренной медицинской помощи в отдаленных северных и труднодоступных территориях Дальнего Востока, Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области.

Планом также закреплены мероприятия по введению дополнительных преференции гражданам, проживающим или желающим проживать на Дальнем Востоке и Байкальском регионе. Одно из основных - это однократное предоставление на льготной основе участков для индивидуального жилищного строительства. В связи с этим, в Плане мероприятий прописан пункт о разработке комплекса мер по стимулированию индивидуального жилищного строительства, в том числе за счет безвозмездного выделения земельных участков для индивидуального строительства, в том числе в сельской местности (безусловно это потребует соответствующего правового обеспечения), преференции по обеспечению жильем военнослужащих, желающих

поселиться на Дальнем Востоке в виде жилья большей площади.

В документе также изложены стратегические мероприятия по развитию культуры, физической культуры и спорта, развитию рекреации на основе уникальных природных объектов.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Стратегия социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р.

[2] П.А. Минакир «Экономика регионов. Дальний Восток». – М.: Экономика, 2006.

[3] О.В. Кузнецова «Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования». – М.: КомКнига, 2005.

[4] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

[5] Проект Плана мероприятий по реализации Стратегии социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р.

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ ДЕПРЕССИВНОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Дулова Е.Н., аспирант
кафедры «Региональной экономики»
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации, Москва,
dulova_ekaterina@mail.ru

Кризис в России имеет ярко выраженную региональную составляющую. Кризисные явления начались в регионах в разное время и оказали на региональное развитие различное влияние.

Начиная с 2009 г. для преодоления кризисной ситуации, в отношении регионов страны принимались антикризисные меры, как на уровне федеральной власти, так и на уровне субъектов.

Правительство РФ закрепило основные направления поддержки регионов в 2009 г. в антикризисной программе[16], согласно которой на региональном уровне реализовывалась единая система антикризисных мер. Данные меры являлись общими для всех регионов страны, не учитывали особенностей регионов.

Основными целями системы антикризисных мер, принимаемых на уровне регионов, согласно программе, являлись:

- обеспечение сбалансированности региональных и местных бюджетов с целью исполнения публичных обязательств, выплаты заработной платы работникам бюджетной сферы, оплаты первоочередных расходов;
- содействие занятости населения, сохранение и создание рабочих мест.

Согласно данной программе существовало шесть основных направлений антикризисной политики в субъектах Российской Федерации, включающих:

- поддержание сбалансированности бюджетной системы;
- содействие занятости;
- поддержку реального сектора экономики для сохранения рабочих мест;
- поддержку предприятий малого и среднего бизнеса;
- поддержку регионов со сложными условиями ведения экономической деятельности;
- обеспечение прав граждан на бесплатную медицинскую помощь.

На практике поддержка федерального центра регионов оказывалась с помощью нескольких основных антикризисных механизмов[17]:

- перечисления из федерального Фонда содействия реформированию ЖКХ (самый большой по объему),
- дотации на обеспечение сбалансированности бюджетов регионов (в 2008 г. такие дотации получили только шесть регионов, а в 2009 г. – три четверти регионов страны),
- финансирование федеральных целевых программам (формально не является антикризисным механизмом, однако в период кризиса

[16] Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год

[17] Н.В. Зубаревич «Влияние кризиса на регионы России: мониторинг». - Независимый Институт Социальной Политики

выполнение обязательств по ФЦП является для региона важным поддерживающим фактором),

- поддержка региональных рынков труда.

В 2010 г. в антикризисной программе Правительства не выделено отдельного раздела, посвященного регионам, хотя отдельной статьей выделена поддержка моногородов, что, безусловно, относится к вопросам поддержки регионов. Предусмотрены меры для стабилизации на рынке труда, которые должны принимать регионы, используя финансирование федерального бюджета. Также согласно программе, прежде всего, из антикризисных механизмов, использованных в 2009 г., будет продолжена реализация наиболее эффективных из них.

Сами регионы также должны были принимать собственные программные документы по выходу их сложившейся сложной экономической ситуации. Согласно данным отчета компании ФБК[18] по состоянию на апрель 2009 г. лишь 28 регионов имели собственные антикризисные программы (планы). Соответственно, многие регионы не смогли адекватно и своевременно отреагировать на спад в экономике и принять меры, необходимые для их региона. Опора только на помощь и планы федерального Правительства представляется неоправданной, т.к. не учитываются конкретные проблемы региона.

Стабильно депрессивные регионы испытали на себя последствия кризиса особенно резко. Их инертное развитие на фоне общего роста экономики страны перестало их поддерживать. Этими регионами принимались антикризисные меры в основном схожие с федеральными, несмотря на то, что данные регионы имеют свои значительные отличия.

Рассмотрим предложенные антикризисные меры на примере Кировской области, которая, согласно классификации Министерства регионального развития (по уровню социально-экономического развития[19]), является депрессивным регионом.

В 2009 г. область испытала на себе последствия кризиса, включающие:

- двукратное увеличения уровня безработицы;
- значительное падение инвестиций в основной капитал (по темпам прироста реальных инвестиций область занимает место в восьмом десятке регионов РФ);

[18] И.А. Николаев, Т.Е. Марченко, М.В. Титова, Ю.А. Кулиш «Российские регионы в борьбе с кризисом». – М.: ФБК, 2009

[19] Типология социально-экономического развития субъектов Российской Федерации – http://archive.minregion.ru/

• падение реальных денежных доходов в области оказалось одним из самых сильных, как и падение оборота розничной торговли;

• общие доходы бюджета выросли, хотя собственные поступления сократились (почти на 5%), поступления от налога на прибыль упали на половину.

Согласно исследованию «Независимого Института Социальной Политики», область входит в число регионов с сильнейшим спадом промышленного производства и в конце 2009 г. находилась еще в состоянии стагнации, а не роста. Согласно антикризисному бюллетеню агентства Эксперт РА, область входит в число регионов с глубоким спадом.

В течение 2009 г. область получала в качестве антикризисных мер федеральные трансферты. Доля полученных трансфертов в консолидированных доходах бюджета области составила 12-13%, что выше среднероссийского показателя (9-10%). По поступлениям от Фонда реформирования ЖКХ (4-5% от доходов консолидированного бюджета), дотациям на сбалансирование бюджетов (3%), субвенциям по обязательствам РФ по созданию занятости (3-4%), субсидиям на снижение напряженности на рынке труда (3%) доля области выше соответствующих показателей в среднем по России, что говорит о существенной поддержке региона федеральным центром. Однако такой показатель как доля субсидий выделяемых области в рамках реализации ФЦП, в которых участвует регион, существенно ниже среднероссийского показателя и составляет менее 1%. Следовательно, со стороны федерального центра основное значение имело поддержание рынка труда в области, какого-либо развивающего влияние оказано не было.

Согласно утверждению Правительства области с начала 2009 г. в Кировской области реализуются мероприятия, направленные на стабилизацию ситуации в экономике. Утвержден План действий по обеспечению устойчивого функционирования экономики области. Нужно отметить, что данный План был представлен в виде тезисов и не являлся отдельным документом. Лишь в конце 2009 г. он был представлен, как часть стратегии социально-экономического развития области до 2020 г.[20], где также были указаны достигнутые результаты по данным направлениям работы.

Антикризисные меры были реализованы по нескольким основным направлениям:

• поддержка промышленных предприятий,

• поддержка строительного комплекса области,

• поддержка сельхозтоваропроизводителей и организаций АПК,

[20] Стратегия социально-экономического развития Кировской области на период до 2020 года

• поддержка малого предпринимательства,

• содействие занятости.

Как уже было отмечено, данные меры были включены в стратегию развития области до 2020 г., при этом данная стратегия изменилась в 2009 году. Предыдущая редакция была принята в конце 2008 г. Соответственно с учетом всего выше сказанного, можно отметить, что принятые меры имели следующие недостатки.

• Несвоевременность принятых мер и недооценка возможных последствий кризиса в 2009 году. Проблемы области не были в полной мере выявлены на начало 2009 года (по данным мониторинга социально-экономического состояния регионов, Кировская область по состоянию на февраль 2009 относилась к числу регионов со средней степенью проявления кризисных явлений, хотя за 2009 год по сводному индексу социально-экономического развития область находилась на 4 месте с конца).

• Непроработанность и тезисное изложение мер не могли способствовать быстрому их применению.

• Отсутствие мер для решения особенных проблем области, принятые меры схожи с общими направлениями мер Правительства РФ.

• Смена стратегии области в течение кризисного года, которая не могла привести к положительным результатам.

• Отсутствие публичного документа, регулирующего действия Правительства области в 2009 году. Несмотря на название Плана, он являлся не планом действий на краткосрочный период, т.е. на текущее ухудшение ситуации, а среднесрочным планом действий, которые сможет быть реализован лишь за несколько лет.

Положительный момент в том, что область встроила план антикризисных мер в свою стратегию и на среднесрочную перспективу, данные меры возможно смогут принести свои результаты.

Нельзя говорить, что сложившаяся кризисная ситуация стала лишь результатом недостаточной реакции на изменившиеся условия. Она является результатом еще докризисных проблем области, а также низкой активностью Правительства области в период кризиса.

Итак, в течение 2009 г. и первой половины 2010 г. область, несмотря на принятые меры, не смогла улучшить свои показатели деятельности, о чем свидетельствуют данные Министерства

регионального развития РФ[21]. По этим данным область по прежнему находится в аутсайдерах по основным показателям:

- по значению сводного индекса социально-экономического положения регионов область находиться на 5 месте с конца (значение 90,9 по состоянию за 7 месяцев 2010 г),
- по значению сводного индекса инвестиционной привлекательности область находиться на 11 с конца месте (значение 59,8 за 7 месяцев 2010 г.),
- по значению сводного индекса по доходам и занятости населения – 7 место с конца списка, значение 85,1 за тот же период (максимальное значение по регионам 133,2).

В дальнейшем область может сформировать документ – план действий в кризисной ситуации (подобно антикризисным планам действий предприятий), который будет описывать план действий в условиях общего спада экономики, где должны быть описаны краткосрочные мероприятия, которые нужно провести, при возникновении данной ситуации, например:

- перечень предприятий, отрасли и территории региона, которые возможно первыми войдут в состоянии кризиса,
- разделить обязательства региона на первоочередные и второстепенный,
- проверить эластичность доходов бюджета по различным параметрам,
- выявить точки роста (предприятия, отрасли, территории), на которые можно будет опереться в период снижения экономической активности, прочие.

На данный момент, подводить итоги антикризисных программ регионов и федерального правительства еще рано, тем более что данные статистики запаздывают. Однако можно отметить, что они носят больше поддерживающий (социальный) характер, чем развивающий, особенно это относится к депрессивным регионам, не участвующим в крупных федеральных проектах. Хотя в Программе на 2010 год отмечено, что основной приоритет должен отдаваться развивающим мерам.

В ходе кризиса возможны изменения регионального экономического ландшафта России, смена лидирующих регионов. Поэтому, одной из задач регионального развития в период кризиса является предвидение и выявление новых регионов – «точек роста» российской экономики.

[21] Доклады о ситуации в экономике, финансово-банковской и социальных сферах субъетов РФ в январе – июле 2010 года

ЛИТЕРАТУРА

[1] Антикризисный бюллетень - Рейтинговое агентство Эксперт РА, http://www.raexpert.ru/editions/anticrisis/anticrisis2/

[2] Доклад «Регионы России: 2009 итоги и перспективы». – Некоммерческое партнерство «Институт содействия социальному, экономическому и общественно-политическому развитию регионов», 2010

[3] Доклады о ситуации в экономике, финансово-банковской и социальных сферах субъетов РФ в январе – июле 2010 года, в 2009 году и феврале 2009 года.

http://www.minregion.ru/activities/monitor/region_dev_monitor/

[4] Основные направления антикризисных действий Правительства РФ на 2010 год - http://premier.gov.ru/anticrisis/3.html

[5] Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год

http://www.premier.gov.ru/anticrisis/1.htmlЛИТЕРАТУРА

[6] Стратегия социально-экономического развития Кировской области на период до 2020 года. Принята постановлением Правительства Кировской области от 06.12.2009 № 33/432

[7] Типология социально-экономического развития субъектов Российской Федерации – http://archive.minregion.ru/

[8] И.А. Николаев, Т.Е. Марченко, М.В. Титова, Ю.А. Кулиш «Российские регионы в борьбе с кризисом». – М.: ФБК, 2009

[9] Н.В. Зубаревич «Влияние кризиса на регионы России: мониторинг». - Независимый Институт Социальной Политики, http://atlas.socpol.ru/overviews/social_sphere/kris.shtml

ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Загайнова Н.Л., к.э.н.,
заведующая кафедрой экономической теории
Института экономики управления и финансов
Марийского государственного университета,
Zagainova-znl@mail.ru

Современная российская экономика постепенно переходит к инновационному социально-ориентированному типу развития, предполагающему создание новых факторов экономического роста. Новизна и сложность поставленных перед страной задач в условиях

выхода из экономического кризиса и активной структурной диверсификации экономики ставят вопрос глубокого и всестороннего теоретического осмысления сложившейся ситуации, обуславливают необходимость решения проблем, возникающих на современном этапе развития экономики. К числу основных проблем, оказывающих инерционное воздействие на развитие национальной экономики, следует отнести проблему дифференциации развития регионов России, которые создают неоднородность социально-экономического развития национальной экономики. Разница между субъектами Федерации по большинству основных параметров феноменальна и достигает десятки раз [1]. Поэтому сокращение уровня дифференциации социально-экономического развития территорий является одной из приоритетных задач развития регионов и России в целом.

В связи с этим особую актуальность приобретает проблема разработки механизмов развития регионов, позволяющих иметь достаточные ресурсы для обеспечения комплексного подъема экономики территорий, формирование оптимальной доходной части региональных и местных бюджетов, повышения эффективности их расходов с целью выравнивания вертикальных и горизонтальных дисбалансов.

Цель данной работы заключается в исследовании вертикальной и горизонтальной структуры функционирования экономических отношений в бюджетной системе в рамках теории бюджетного федерализма и ее воздействие на экономические параметры конкретного региона.

Теоретическую проработку вопросов в данном случае проведем в аспекте исполнения принципов бюджетного федерализма в процессе оптимизации структуры функционирования экономических отношений в бюджетной системе в современных условиях.

В ходе реализации полного комплекса государственных функций и задач Федерация и ее субъекты вступают между собой в отношения, предметами которых являются разработка и осуществление государственных решений в сфере бюджетной, налоговой, финансовой, социальной, внешнеэкономической и т.п. политики. Определенную часть системы федеративных отношений составляют экономические отношения, организация и регулирование которых должны быть обеспечены в полном соответствии с принципами федерализма. В Российской Федерации экономические отношения между федеральными, региональными и местными органами власти строятся на основе бюджетного федерализма. Бюджетный федерализм, как экономический механизм, обеспечивает баланс интересов различных органов власти в области привлечения доходов и размещения ресурсов. Выравнивание бюджетной

обеспеченности регионов является наиболее сложной проблемой бюджетного федерализма.

Согласно экономической теории, модель бюджетного федерализма должна основываться на трех главных составляющих: на четком разграничении полномочий между всеми уровнями власти по расходам; на сглаживании вертикальных и горизонтальных дисбалансов с помощью системы бюджетных грантов с тем, чтобы обеспечить по всей территории страны определенный стандарт государственных услуг; на наделении соответствующих уровней власти достаточными полномочиями для реализации этих полномочий фискальными ресурсами.

Как показывает мировой опыт, бюджетные системы часто не адекватны теоретической модели бюджетного федерализма [5]. Сформированная система бюджетного федерализма России, начиная со времен перестройки, многократно корректировалась, главным образом меняя собственно финансовые технологии формирования бюджетов и организации межбюджетных отношений. Процесс сопровождался острыми противоречиями в экономических отношениях центра с регионами и регионов с местным самоуправлением. Возникали проблемы хронической несбалансированности бюджетов и увеличивающаяся дифференциация социально-экономического положения субъектов Федерации. Но и сейчас, когда экономика страны стала рыночной, названные проблемы остались. Это связано не с недостатками существующей системы бюджетного федерализма, а с тем, что не была учтена дифференциация исходных региональных условий. Используемые по примеру развитых стран бюджетно-налоговые методы выравнивания показывают и сейчас малую результативность. Поэтому возникает потребность в пересмотре сути и механизмов российского бюджетного федерализма с учетом российских реалий. Для решения данной задачи, по нашему мнению, более всех изученных моделей подходит выведенная академиком РАН Д.С. Львовым универсальная теоретическая модель бюджетного федерализма[3].

Согласно его концепции: а) сосуществуют несколько уровней бюджетно-налоговой системы, соответствующих уровням территориально-государственного и территориально-административного устройства страны; б) между различными уровнями власти законодательным или договорным образом распределены полномочия и закреплена ответственность каждого из них за конкретные направления и виды деятельности на подведомственной территории; в) имеются устойчивые представления (они могут быть зафиксированы в нормативах) о величине необходимых и достаточных бюджетных расходов для самостоятельной реализации каждым из уровней власти его исключительных полномочий и ответственности; г) существуют надежные

и общепризнанные (законодательно установленные) способы учета индивидуальных особенностей территориальных субъектов государства, используемые для корректировки величины расходов (их нормативов) соответствующих бюджетов; д) законом закрепляются за бюджетами всех уровней власти доходные источники исходя из критерия достаточности для покрытия нормативно распределенных расходов; е) в классификации расходов федерального и региональных бюджетов предусматриваются специальные позиции финансирования таких направлений региональной политики федеративного государства, как компенсация нижестоящим бюджетам недостаточности их собственных средств для покрытия нормативно установленных расходов (осуществление так называемого горизонтального бюджетного выравнивания), реализация программ селективной поддержки развития отдельных регионов, принятие мер по чрезвычайной поддержке депрессивных территорий и т.п. При этом законодательно устанавливаются процедуры обоснования соответствующих расходов, их распределения не только между бюджетами (отдельных регионов и муниципальных образований), но и между конечными получателями – бюджетно финансируемыми предприятиями, организациями, группами населения.

Проблема существования вертикального дисбаланса, который означает несоответствие расходных обязательств доходным полномочиям того или иного уровня государственной власти и горизонтального, который выражается в неравномерности размещения по территории страны расходных и доходных факторов, сигнализирует о неравномерности бюджетной обеспеченности регионов страны. Однако регулирование налогов и налоговых ставок само по себе мало что дает для пополнения бюджетов. Возможности развития региона заключаются не в изыскании способов перекачки денежных средств в региональные бюджеты, а в росте доходов предприятий и населения, образующих налогооблагаемую базу. Чем выше будут эти доходы, тем больше налоговых поступлений в бюджет может быть собрано при том же уровне ставок налогообложения. Но если не будет притока финансовых ресурсов из сферы производства, то никакие налоговые изъятия, бюджетные распределения и перераспределения не помогут.

Огромная социальная дифференциация населения и большой разрыв в уровнях жизни населения различных регионов требуют концентрации бюджетных ресурсов для проведения политики, противоположной обычной государственной благотворительности. Общеизвестно, что подавляющее большинство субъектов Российской Федерации являются дотационными. По мнению профессора А. Шулуса в стране фактически успешно развиваются 4-5 регионов, остальные

находятся ниже среднероссийского уровня. В этой ситуации лишь с большей долей условности можно говорить о едином социальном пространстве нашей страны, что нарушает конституционные права российских граждан и подрывает идею социальности нашего государства, закрепленную в статье 7 Конституции Российской Федерации. Для решения названных проблем не следует надеться на «невидимую руку» рынка, она способна лишь усугубить эту дифференциацию. Необходима «видимая рука» государства для выравнивания стартовых условий, создания новых рабочих мест, активной политики развития инфраструктуры [4]. Не отвергая практику государственной «поддержки» необходимо сформировать политику собственно территориального развития с целью обеспечения устойчивого и сбалансированного функционирования регионов.

Для этого необходимо:

-осуществлять мониторинг социально-экономического пространства региона по видам экономической деятельности, по плотности размещения трудовых ресурсов, транспортной инфраструктуры, систем энергообеспечения для выявления депрессивных участков с целью предотвращения возникновения «узких мест» в развитии экономики региона;

-выделять «точки» роста экономики и приоритетных направлений его развития;

-создавать концентрацию финансовых и экономических ресурсов для реализации основополагающих направлений развития экономики региона.

Перечисленные положения осуществимы при условии многоуровневой государственной поддержки при встроенном механизме саморазвития экономики региона в политику федеральных органов власти. Основным же звеном финансового механизма развития региона являются не распределительные бюджетные отношения между федеральным центром, субъектами и муниципальными образованиями, а экономические рычаги, способствующие росту производства и повышению доходов хозяйствующих субъектов в регионе. Переход региона на режим саморазвития требует осуществления финансовой политики, которая ориентирована на доходы создаваемые экономикой региона при одновременном обеспечении сбалансированности с объемами располагаемых финансовых ресурсов, формируемых на основе этих доходов. В России разработаны и действуют механизмы софинансирования перспективных проектов с федеральным бюджетом, определения критериев эффективности отдачи от вложений в реализацию данных проектов. Но для обеспечения «региональной справедливости»

необходимо установить качественно иные требования к обоснованию и оценке результатов федеральной поддержки регионов. Необходимо уйти от формальной оценки «бюджетной обеспеченности» к понятию «бюджетной зависимости». Структура и особенно масштабы «бюджетной зависимости» по субъектам Федерации и, особенно по муниципальным образованиям намного (иногда на порядок) превосходит разброс показателей «бюджетной обеспеченности», учитываемой при расчете федеральных и региональных трансфертов [3]. В этой связи было бы правильным классифицировать финансовое положение регионов и территорий не только с позиции «донор – реципиент», но и с позиций их прямой зависимости от бюджетных источников существования.

Решая задачу радикального повышения эффективности экономики регионов, должны быть стимулы и условия для продвижения целого ряда направлений: формирование территориальной инновационной системы; развитие базовых секторов экономики, включая использование энергетических, транспортных и сельскохозяйственных возможностей региона; модернизация существующих производств, требующая качественного управления предприятиями; применение новых технологий (энергоэффективных, энергосберегающих, информационных экономичных, экологически чистых). Необходимо развитие рыночных институтов и конкурентоспособной среды, которая будет мотивировать предприятия снижать издержки, обновлять продукцию и гибко учитывать запросы потребителей.

Учитывая политическую, экономическую и социальную ситуацию в стране для устранения дифференциации между социально-экономическим развитием регионов необходимо модель бюджетного федерализма привести к оптимальной модели - модели конкурентного федерализма

Среди самых богатых стран мира, которые наилучшим образом используют формы и методы конкурентного федерализма в течение длительного времени являются США, Канада и Австралия. Принципами конкурентного федерализма, действующими в названных странах являются: принцип субсидиарности, принцип происхождения, исключительности в наделении властными полномочиями и фискальной эквивалентности.

Принцип субсидиарности означает, что задачи коллективных действий в принципе должны решаться на возможно более низком уровне власти. Ответственность за целесообразность делегирования функций управления наверх, по иерархии органов власти, следовало бы возложить на тех, кто выступает за это. Принцип субсидиарности будет эффективно работать если он подкреплен тремя другими принципами:

-принципом происхождения, согласно которому продукты, легально произведенные на одной территории, автоматически разрешается продавать по всей стране;

-принцип исключительности в наделении властными полномочиями без их дублирования на различных уровнях власти;

-принцип фискальной эквивалентности, по которому функции власти на данном уровне должны финансироваться с помощью взимаемых ею налогов и сборов, что предполагает строгое ограничение трансфертов средств по вертикали и горизонтали в рамках федеральной финансовой системы. Этот набор принципов мы и называем «конкурентным федерализмом» [2].

Исследуем названные принципы более детально. Принцип происхождения относится к свободной торговле товарами и услугами. Он препятствует административной дискриминации аутсайдеров. Согласно ему, продукт или услуга автоматически может продаваться в стране, если отвечает требованиям в отношении здоровья, безопасности и других норм, установленных на территории, где они произведены. Местные власти не должны проверять или лицензировать подлежащие продаже продукты, уже разрешенные к сбыту в каком-либо другом месте страны. Помимо того, что эта процедура требует больших расходов и не является необходимой, она создает возможность «зарегулирования». Органы власти не должны при применении этого принципа ограничивать конкуренцию. У властей территории, желающих привлечь предпринимателей с целью расширения базы налогообложения, есть большой стимул к взаимному соперничеству в области установления правил, наилучшим образом отвечающих нуждам граждан. Территории с излишними и плохо продуманными правилами быстро лишаются производственных мощностей и рабочих мест, поскольку последние перемещаются в районы с более благоприятным «климатом» регулирования. Наиболее конкурентоспособными не обязательно окажутся территории, предлагающие наименее строгие требования в отношении обеспечения здоровья, безопасности, качества окружающей среды и т.д., поскольку предприниматели от политики и управления часто будут стремиться к созданию внешних институтов, которые рынок мобильных предпринимателей сочтет выгодными. Возможно, многие производители захотят, чтобы их удерживали от соглашательства и будут искать территории с регламентациями, лучше всего способствующими их долгосрочному успеху.

Упорядочение конкуренции с помощью принципа происхождения обещает более рациональное использование поощрительных мер,

способствующих адекватности инновационных рисков и стремлению общества к экономическому прогрессу.

По общему признанию, принцип субсидиарности не является функциональным в политической жизни, поскольку он влияет на политику, необходимо конституционное закрепление отдельных функций за центральным правительством и установление общего положения о том, что другие задачи власти выполняют исключительно администрации территорий.

Принцип исключительности. Вторым важным дополнением к субсидиарности, необходимым для реализации конкурентного федерализма, является эксклюзивное, четкое и определенное возложение ответственности за коллективные действия на данный уровень власти. Обычно в конституциях прописаны функции федеральной власти и указывается, что все другие функции выполняются на более низких уровнях. Однако, центральное правительство часто узурпирует функции, далеко выходящие за установленные конституцией пределы, например, в области регулирования промышленности, образования, социального обеспечения, защиты окружающей среды и в сфере местного управления. Следовательно, сегодня многие федерации страдают от неупорядоченного и дорогостоящего дублирования и противоречий между различными уровнями власти. Параллелизм приводит к ненужным расходам на координацию и выполнение установленных правил. Федеральные власти узурпировали надзорные функции, часто не производя товаров и не предоставляя никаких услуг.

При строгом соблюдении принципа субсидиарности федеральным властям можно передать, прежде всего, такие функции, как внешние связи, оборона, обеспечение стабильности денег, регулирование транспорта и связи, правовые нормы и правила, касающиеся регулярной гражданской и коммерческой деятельности.

Территориальные власти могли бы заниматься такими вопросами, как обеспечение инфраструктуры для транспорта, связи и энергетики, регулирование общих условий работы промышленности с точки зрения требований здравоохранения, безопасности и экологии. Это дало бы им большую свободу в определении более конкретных условий жизни и труда, включая необходимые государственные обязательства по выплатам в области социального обеспечения и образования. Большинство функций власти выполнялось бы конкурирующими между собой органами власти территорий. Такая конкуренция позволила бы найти оптимальные формы коллективной деятельности и обеспечить эффективный контроль за работой администрации.

Фискальная эквивалентность означает, что каждая административная территория должна финансировать свои властные функции, переданные ей или взятые ею на себя за счет средств, полученных от налогов, сборов и заимствований, за которые она несет ответственность. Основа фискальной эквивалентности заключается в том, что государственные расходы «дисциплинируются» благодаря необходимости собирать налоги или брать в долг. Те, кто пользуется государственными услугами, должны, насколько возможно, финансировать их. Только фискальная децентрализация в сочетании с фискальной эквивалентностью создает необходимые стимулы для местных органов власти расширять базу своих доходов и развития. У властей появляются сильные стимулы для проведения политики экономического развития и конкуренции с соседними администрациями за мобильные ресурсы, увеличивающие их доходы, а не для конкуренции в лоббировании трансфертов, что типично для большинства современных федеральных систем.

В странах, где действует здоровый принцип конкуренции, власть не является централизованной. Этот принцип заставляет властные органы одной территории конкурировать с властями других территорий. Эффективность различных конкурентных административных решений можно проверить внутри страны и использовать успешные варианты. Кроме того, в эпоху глобализации правительству приходится выступать в новой роли – поддерживать движение мобильных ресурсов, создавать недискриминационные условия, в рамках которых граждане могут эффективно взаимодействовать на основе доверия и с возрастающей производительностью.

Самым важным эффектом конкурентного федерализма является то, что он стимулирует экономические реформы, а в долгосрочном плане изменяет само качество государственного управления.

В российской национальной модели федерализма принципы конкурентного федерализма должны быть дополнены еще двумя: открытости и транспарентности. Проблема открытости и транспарентности особенно актуальна в отношении территориальных и местных бюджетов. Это наиболее скрытая от общества часть деятельности субнациональных властей в России.

Для обеспечения транспарентности и открытости в бюджетной сфере необходимо соблюдение четырех базовых принципа:

-в законодательстве четко определить границы бюджетного сектора и функции органов бюджетной сферы, государственных и муниципальных унитарных предприятий, предусмотреть в том числе участие субнациональных органов власти в капитале частных предприятий,

выявить квазибюджетную деятельность последних, а также принадлежащих им финансовых и нефинансовых предприятий;

-иметь, а также в полном объеме и своевременно публиковать бюджетную информацию за текущий период, ряд предшествующих лет и прогноз на ряд лет, включая сведения о квазибюджетной деятельности, об условных обязательствах и о налоговых расходах, об объеме и о структуре задолженности бюджета и об имеющихся активах;

-обеспечивать открытость процесса подготовки и исполнения бюджета, используя при этом общепринятые стандарты отчетности, делать общедоступной информацию о приоритетах бюджетной политики, об используемых оценках и методиках планирования, учета и отчетности;

-осуществлять независимые проверки деятельности органов муниципальной власти и обеспечивать доступность их результатов общественности и представительной власти [3].

Принцип открытости и транспарентности заставит субнациональные органы власти конкурировать между собой, что является наиболее эффективным дополнением других способов, перечисленных в принципах конкурентного федерализма. Необходимо также отметить, что принцип открытости и транспарентности в настоящее время с успехом можно реализовать через сеть Internet.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2007 года "О состоянии законодательства в Российской Федерации" / Под общ.ред.С.М.Миронова, Г.Э.Бурбулиса. – М.: Совет Федерации, 2008. С.50.).

[2] Каспер, В Конкурентный федерализм. Politekonom № 2 1997. С.39.

[3] Львов, Д.С., Поршнев, А.Г. Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы – М.: ЗАО "Изд-во "Экономика", 2002 – 702с.

[4] Смолякова, С. Доходный разрыв. По-прежнему сохраняются серьезные различия между социально-экономическим развитием регионов// Российская газета 10 сентября 2008 № 190 (4747)

[5] Hughes, G., Smith, S,. Economics Aspects of Decentralized Government; Structure, Functions and Finance. London, 1991.

ВЛИЯНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ ТЕРРИТОРИИ

Захарова И.В., к.п.н., доцент
кафедры экономики и менеджмента
Ульяновского государственного
технического университета
Inna-reg73ofrus@rambler.ru

Уровень развития человеческого потенциала территории прямо влияет на стояние и перспективы её экономики. Понятие «человеческий потенциал» в современной экономической науке является многозначным. На микроэкономическом уровне, рассматривая человеческие ресурсы отдельного предприятия, специалисты оценивают и уровень профессиональной подготовки, и уровень мотивации сотрудников. На макроэкономическом уровне характеристика человеческого потенциала отдельной отрасли, региона, страны, связана с демографическими показателями (численность и возрастной состав населения, продолжительность жизни и пр.) Этого второго значения мы будем придерживаться в данной работе. В последнем докладе ООН о развитии человека, по данным 2007г., Россия вошла в группу стран с высоким уровнем человеческого развития (индекс 0,817, 71 место), исходя из средней ожидаемой продолжительности жизни 66,2 года и ВВП на душу населения 14690 долларов в год [1]. Эти результаты отражают достаточно позитивное докризисное развитие отечественной экономики и могут быть ориентиром для современной социальной политики.

Внутри страны развитие человеческого потенциала дифференцировано, исходя из специфики территорий, причём диспропорции имеют тенденцию нарастания. Низкий уровень экономики территории даёт мало возможности для развития её человеческого потенциала, что в перспективе снижает и саму возможность экономического развития. И напротив, экономические успехи региона позволяют наращивать человеческий потенциал, что обуславливает будущий экономический рост.

Каждый из показателей состояния человеческого потенциала территории (здоровье и продолжительность жизни, образование, благосостояние) заслуживает отдельного исследования. Наша задача – анализ влияния на территориальную экономику такой составляющей человеческого потенциала как образование. Объектом исследования является *территориальная система образования* (ТСО) – структурированная совокупность образовательных учреждений, связей

между ними, образовательных и управленческих процессов, обеспечивающая выполнение функций образования, воспитания, социализации и профессиональной подготовки населения территории.

Несмотря на социально-экономическую дифференциацию территорий России, есть общие закономерности влияния ТСО на их экономику. Они основаны на следующих предпосылках:

- во всех регионах России исторически сложились три уровня ТСО (дошкольное образование, основное общее и дополнительное образование школьников, профессиональное образование);

- содержание деятельности ТСО во всех регионах близко, поскольку регламентируется Государственными образовательными стандартами;

- во всех регионах сформированы схожие модели управления ТСО и их финансирования, а региональные нормативы финансового обеспечения образовательной деятельности рассчитываются по единой методике.

Важно отметить, что три выделенных уровня ТСО имеют неодинаковую связь с экономическими процессами территории. Если профессиональное образование в среднесрочной перспективе приносит региону доход как структура, производящая трудовые ресурсы, то низшие уровни ТСО, напротив, требуют расходов. Немало исследований посвящено влиянию системы профессионального образования на территориальный рынок труда и связи данных услуг с запросами территориальной экономики. Но фактически не исследовано, насколько школьное образование влияет на *стратегические перспективы* экономики территорий. Хотя такое влияние имеет место, поскольку качество школьного образования определяет, в конечном счёте, качество трудовых ресурсов: для инновационной экономики важна не только технологическая модернизация, но и кадры инженеров, чьё мышление связано со школьной подготовкой по математике, физике, химии.

Профессиональное образование определяет развитие трёх ведущих показателей территориальной экономики – ВРП, объём инноваций, объём привлечённых извне инвестиций, – а их непосредственные результаты отражаются на доходах территории. При этом финансовое обеспечение вузов до последнего времени осуществлялось из средств федерального бюджета, а финансирование низших уровней ТСО происходило из местных бюджетов. Данная диспропорция корректируется Федеральным законом №83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» от 23.04.2010г. Роль этого закона для развития инфраструктуры ТСО ждёт исследований.

Для выявления региональной специфики ТСО мы предлагаем *индекс развития ТСО* $\mathbf{I}_i$ (1), основанный на количественных показателях инфраструктуры образования.

$$\mathbf{I}_i = \frac{N_i}{n} \quad , \tag{1}$$

где N_i – количество муниципальных образовательных учреждений (МОУ) i - той территории, n – среднегодовая численность жителей младше трудоспособного возраста. Количество негосударственных образовательных учреждений при этом не учитывается как незначительное (так в 2009г. в России насчитывалось 1,5 % частных школ, в них обучалось всего 0,5 % школьников). Влияние ТСО на экономику территории можно проследить, ответив на следующие вопросы:

1) есть ли корреляция индекса образовательного потенциала территории с объёмом ВРП (по принципу «богатый регион – много образовательных учреждений»)?

2) связано ли число потребителей начального, среднего, высшего профессионального образования с объёмом ВРП?

3) зависит ли инновационная активность территории от количества учреждений профессионального образования?

4) влияет ли количество образовательных учреждений на инвестиционную привлекательность территории?

Проанализируем эти связи на примере Приволжского федерального округа на основе данных Росстата [2]. Расчёт индексов развития ТСО приведён в таблице 1, он позволяет сопоставлять территории по обеспеченности образовательной инфраструктурой и расходы на неё. Так при близком количестве детей до трудоспособного возраста Мордовии и Марийской республики, их инфраструктура образования сильно различается. Высокая наполненность образовательных учреждений, как правило, обратно пропорциональна качеству обучения. Хотя она должна бы экономить средства бюджетов, но по данным таблицы 1 нет связи между расходами на образование и состоянием инфраструктуры ТСО.

Важно заметить, что в последние годы в нашей стране внедряется принцип нормативного финансового обеспечения образования, «деньги следуют за учеником». Одно из его логических следствий – массовое закрытие малокомплектных образовательных учреждений. Это рационально с точки зрения текущей бюджетной политики, но вредно с точки зрения перспектив развития ТСО. Так сокращение количества детских садов в 90-е годы в ряде регионов доходило до 25%, а сегодня требуются значительные ресурсы, чтобы вновь строить данные объекты

социокультурной сферы. И не ясно, почему при значительной недогрузке производственных мощностей предприятий они, тем не менее, не объявляются банкротами, а «недогрузка» инфраструктуры образования автоматически приводит к закрытию образовательных учреждений?

Таблица 1 – Индексы развития ТСО на 1.01 2009г.

Анализируемые территории	Количество МОУ, шт.	Жителей младше трудоспособ. возраста, чел.	I_i	Расходы консолидир. бюджета на образование, млн.руб.*
Российская Федерация	101 481	22 571 067,6	0,0045	1 292 200
ПФО, всего	27 580	4 779 594	0,0058	-
1) Респ.Башкортостан	4420	722 146	0,0061	28 177,2
2) Респ. Марий Эл	561	114 100	0,0049	4168,8
3) Респ. Мордовия	856	119 119	0,0072	4406,0
4) Респ. Татарстан	4283	621 885	0,0069	29 674,2
5) Удмуртская Респ.	1673	264 215	0,0063	11 681,7
6) Чувашская Респ.	1000	209 756	0,0048	7339,4
7) Пермский край	2209	460 360	0,0048	25 345,7
8) Кировская обл.	1339	207 348	0,0065	8757,2
9) Нижегород. обл.	2846	477 763	0,0059	23 490,4
10) Оренбургская обл.	2125	356 928	0,0059	14 800,1
11) Пензенская обл.	1153	191 820	0,0060	8440,9
12) Самарская обл.	1510	469 308	0,0032	22 126,8
13) Саратовская обл.	2638	378 231	0,0070	15 186,1
14) Ульяновская обл.	967	186 615	0,0052	6830,2

* данные 2008г.

Если нижние уровни ТСО требуют бюджетных расходов территорий, то профессиональное образование – верхний уровень ТСО – непосредственно влияет на территориальные доходы. При этом финансовое обеспечение вузов осуществляется во многом из федеральных средств. На примере Приволжского ФО рассмотрим корреляцию развития инфраструктуры профессионального образования с ведущими показателями экономических успехов территорий. Можно предположить, что студенты НПО, СПО и ВПО, через три-пять лет становятся производителями материальных ресурсов, непосредственно влияют на ВРП и инновационную активность территории, что повышает её инвестиционную привлекательность. На основе данных таблицы 2 мы рассчитали коэффициент ранговой корреляции, он равен 0,912 (при

данном размере выборки и погрешности 0,001 статистически значимым будет уже значение 0,776). Это показывает высокую взаимосвязь объёмов ВРП и объёмов предоставляемых услуг профессионального образования. Регионы, где значительное число студентов, в среднесрочной перспективе опережают соседей по уровню ВРП. Заметим, что расчёт сделан не «год к году», а с шагом в три года – период, за который исследуемая совокупность студентов адаптируется на рынке труда и становится силой, формирующей ВРП.

Таблица 2 – Потребление услуг профессионального образования как фактор экономики ПФО

Анализируемые территории	Количество студентов 2004/2005 уч.г., тыс.чел.				ВРП 2007г., млн. руб.
	НПО	СПО	ВПО	Всего	
ПФО, всего	348,3	647,0	1341,5	2336,8	4391076,1
1. Респ. Башкортостан	51,3	93,1	150,2	294,6	601310,1
2. Респ. Марий Эл	10,1	13,9	28,5	52,5	56391,2
3. Респ. Мордовия	11,1	16,8	42,9	70,8	77003,3
4. Респ. Татарстан	42,7	62,2	207,1	312	770729,6
5. Удмуртская Респ.	18,4	44,3	73,3	136	205824,4
6. Чувашская Респ.	14,6	27,7	63,9	106,2	121904,3
7. Пермский край	47,5	63,5	89,5	200,5	480022,6
8. Кировская обл.	18,0	35,1	54,7	107,8	120238,8
9. Нижегород. обл.	22,9	64,3	161,8	249	473909,0
10. Оренбургская обл.	26,9	48,3	75,8	151	375072,7
11. Пензенская обл.	13,8	27,1	51,5	92,4	119905,3
12. Самарская обл.	30,3	66,3	170,5	267,1	600367,9
13. Саратовская обл.	30,3	52,7	120,9	203,9	261682,9
14. Ульяновская обл.	10,4	31,7	50,9	93	126714,0

Для анализа влияния системы профессионального образования на экономику территории мы предлагаем *коэффициент образовательного потенциала территории* $\mathbf{K}_i$, основанный на количестве учреждений профессионального образования. При этом количество вузов в любом регионе объективно меньше, чем учреждений СПО и НПО, но их влияние на развитие экономики и на инновационную активность территории значительно выше. Поэтому в формуле (2) число вузов утраивается.

$$\mathbf{K}_i = \sum \{k_N + k_S + 3 \times k_V + k_F\} \ , \qquad (2)$$

где k_N – количество учреждений начального профессионального образования, k_S – учреждений среднего профессионального образования, k_V – количество вузов, k_F – количество филиалов вузов и средних профессиональных образовательных учреждений.

Таблица 3 – Инновационная активность
и инвестиционная привлекательность территорий ПФО (2008г.)

Анализируемые территории	$\mathbf{K}_i$	Орг-й с инноват. технологиями, %	Инноват. производ. технологий	Объём инновацион. товаров, работ, услуг		Привлеч. инвестиц в основ. капитал (на душу нас.), руб.
				млн. руб.	%	
ПФО, всего	2182	12,5	191	475640,7	9,8	25825,5
Респ. Башкортостан	291	12,6	9	26967,2	4,2	26562,1
Респ. Марий Эл	49	7,5	-	889,7	1,9	23078,3
Респ. Мордовия	66	8,8	5	10539,9	9,9	30415,1
Респ. Татарстан	310	14,3	9	132817,1	14,8	37524,8
Удмуртская Респ.	108	11,4	1	9577,1	4,2	15706,9
Чувашская Респ.	82	13,4	7	8408,7	8,0	27303,2
Пермский край	202	26,4	15	64715,6	10,8	22072,1
Кировская обл.	132	9,2	2	9629,8	8,6	19718,4
Нижегород. обл.	237	13,2	73	22479,7	3,5	36672,7
Оренбургская обл.	145	17,0	6	10923,6	2,8	23418,7
Пензенская обл.	91	9,3	12	3391,6	5,2	29332,4
Самарская обл.	229	13,8	30	142275,1	21,8	20500,4
Саратовская обл.	151	7,7	20	10472,6	4,4	14529,5
Ульяновская обл.	89	8,7	2	22552,9	19,4	24666,9

Сопоставив $\mathbf{K}_i$ со статистикой привлечённых регионами внешних инвестиций в расчёте на душу населения, можно заключить, что «интеллектуальные регионы» более интересны для инвесторов. На основе данных Росстата (таблица 3) был рассчитан коэффициент Спирмена, он равен 0,660, критическим для данной выборки при погрешности 0,01 будет значение 0,622. Заметим здесь, что выявленные нами связи показателей

развития ТСО и экономики территорий характерны для ПФО и нуждаются в подтверждении анализом других регионов.

Основная доля выпускников учреждений профессионального образования остаётся работать в тех же регионах, это позволяет предположить, что инновационная активность выше у тех территорий, где выше $\mathbf{K}_i$. Но в этом явной зависимости не наблюдается. В частности, нет связи между $\mathbf{K}_i$ с количеством существующих на территории организаций, применяющих инновационные технологии и слабая связь с долей производимых на территории инновационных товаров, работ, услуг в общем объёме производства. Из этого следует весьма неновый вывод об отсутствии соответствия потребностей производственных предприятий в кадрах и работой образовательных учреждений данной территории.

О неоднозначной связи экономических процессов и развития системы образования говорят многие исследования. Так учёные из Петрозаводска отмечают, что «за годы реформирования численность выпускников высших учебных заведений выросла в 2,5 раза (практически до 1 млн чел.), число выпускников средних профессиональных учреждений сохранилось на уровне советского времени, а ежегодный выпуск из учреждений начального профессионального образования уменьшился практически вдвое – можно констатировать сложность взаимосвязей рынка труда и рынка образовательных услуг» [3, с.35].

Одна из причин такого рассогласования в том, что управление ТСО не является только прерогативой региональной властей. Это связано с существовавшей системой финансирования образования. До последнего времени наблюдалось несовпадение властных функций с их финансовым подкреплением. По закону № 131-ФЗ «О местном самоуправлении», местный и региональный бюджеты ответственны за функционирование учреждений дошкольного, основного общего и дополнительного образования. Частично им подконтрольны среднее и начальное профессиональное образование, но все студенты этих учреждений, вместе взятые, во всех регионах не превышают числа студентов вузов (таблица 2). То есть, большая доля выпускников приходит на рынок труда из вузов, чья деятельность финансируется федеральным бюджетом и мало подконтрольна нуждам территорий.

С настороженностью воспринят общественностью федеральный закон №83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений», особенно при существующих планах оставить 100-120 университетов федерального подчинения. Вместе с тем, такая структура власти и финансового обеспечения ТСО включит

механизмы рыночного регулирования профессионального (в первую очередь вузовского) образования – структура предлагаемых образовательных услуг приблизится к запросам предприятий в регионах. Вторым позитивным следствием нового закона станет финансовая самостоятельность образовательных учреждений. Появляются новые механизмы привлечения инвестиций самостоятельными образовательными учреждениями, о чём внесены соответствующие поправки в Бюджетный кодекс, в федеральные законы №7-ФЗ «О некоммерческих организациях», №174-ФЗ «Об автономных учреждениях», «Об образовании».

За переходный период с 1.11.2011г. по 1.07.2012г., установленный новым законом, можно будет наблюдать интересные в научном смысле процессы – формирование рыночных отношений в экономике общественного сектора. На них, несомненно, будет влиять ситуация преодоления глобального экономического кризиса. Сохраняется опасность, что при массовом дефиците бюджетов региональные власти будут экономить средства на развитие социальных отраслей. В этой связи образовательные учреждения будут проходить тот же «тест на прочность», какой пережили промышленные предприятия в 2008-2009гг. Тем важнее, чтобы экономисты обосновывали значимость системы образования как механизма, формирующего человеческий потенциал территорий.

Сложность такого обоснования связана с отсроченностью экономических эффектов, которые оказывает система образования на хозяйственную жизнь территории. Но управленческие решения относительно ТСО серьёзно влияют на экономику в стратегической перспективе. Это не нуждается в доказательстве ввиду того, что ООН постоянно проводится мониторинг человеческих ресурсов в мире.

Перспективы исследования влияния системы образования на экономику связаны со следующими вопросами:

- как повлияют изменения законодательства на качество человеческих ресурсов территорий и их образовательный потенциал?
- как региональные власти будут управлять в новых условиях отраслями общественного сектора, в том числе образованием?
- каким будет соотношение бюджетных и внебюджетных образовательных услуг в регионах России?
- станут ли учреждения ТСО привлекательны для инвестирования?
- насколько система профессионального образования станет адекватной потребностям региональных рынков труда?
- появится ли действенный общественный контроль за учреждениями ТСО в новых условиях финансового обеспечения?

ЛИТЕРАТУРА

[1] Рейтинг качества жизни в странах мира на 2009 год **http://gtmarket.ru/news/state/2009/10/06/2192 .** – 6.10.2009 г.

[2] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. / Ред. А.П. Кевеш; Росстат. – М., 2009. – 990 с.

[3] Васильев, В.Н. Рынок труда и рынок образовательных услуг в субъектах Российской Федерации / В.Н.Васильев, В.А.Гуртов, Е.А.Питухин и др. – М.: Техносфера, 2007. – 680 с.

ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В ЭКОНОМИКЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Землянская С.Ю., соискатель
кафедры региональной экономики и географии
экономического факультета
Российского университета дружбы народов,
zemlyanskayas@mail.ru

В настоящее время в Российской Федерации происходят сложные трансформационные процессы, целью которых является построение конкурентоспособной национальной экономики, открытой для широкого международного общения. Международные отношения XXI в. будут определяться дальнейшим ускорением информатизации, углублением международного разделения труда и стремлением России изменить сырьевую структуру (экспорта) и машинно-техническую (импорта). Геополитическое распределение сфер влияния будет осуществляться в усиливающейся конкуренции между российскими и иностранными производителями [1].

Успешное осуществление рыночных преобразований, стабилизация и экономический рост страны и ее регионов невозможны без учета реалий и тенденций сегодняшнего мира, процессов глобализации мировой экономики. Для многих субъектов Российской Федерации внешнеэкономические связи стали важным фактором динамичного социально-экономического развития. Участие в глобальных процессах предоставляет регионам возможности проникновения на новые рынки сбыта продукции, привлечения прямых иностранных инвестиций и новых технологий. Однако внешнеэкономическое сотрудничество может иметь и неблагоприятную направленность для национальной экономики в целом и ее региональных составляющих: несет угрозы оттока части ресурсов

развития - кадров высокой квалификации, научно-технических разработок, финансовых ресурсов и пр.

В развитии международного сотрудничества России в последние годы четко прослеживается целенаправленная политика, когда при выборе страны потенциального партнера все более важное значение приобретает фактор экономической целесообразности, политической стабильности и географической близости. К примеру, Ставропольский край осуществляет торгово-экономическое, научно-техническое и культурное сотрудничество в рамках 12 соглашений, подписанных с зарубежными партнерами. Основными внешнеторговыми партнерами края являются развитые европейские страны (Германия, Италия, Франция - как поставщики высокотехнологичного оборудования) и страны СНГ (Украина, Беларусь, Казахстан - как потребители продукции высокой степени обработки). Экономика Ставропольского края имеет достаточно прочные и стабильные международные торговые связи. Значительным фактором, сдерживающим развитие ВЭД в крае, выступает сильная дифференциация социально-экономического развития муниципальных образований.

Внешнеэкономическое сотрудничество призвано содействовать привлечению на территорию Ставропольского края финансовых ресурсов, зарубежных технологий и опыта, созданию рабочих мест и условий для экономического роста. Как и любая другая «внутренняя» экономическая деятельность, внешнеэкономическая деятельность (ВЭД) оказывает позитивное воздействие на состояние хозяйственного комплекса края и требует от его хозяйственного комплекса соответствующего уровня развития. Все это обеспечивает успешное позиционирование Ставропольского края на внешнем рынке в условиях нарастания процессов глобализации мировой экономики.

Ставропольский край обладает благоприятным инвестиционным климатом. Положительными факторами, обеспечивающими привлекательность региона для инвесторов являются: выгодное географическое положение, близость емких рынков сбыта; ресурсный потенциал и наличие дешевых энергоносителей; развитые транспортные коммуникации, производственная инфраструктура, надежная связь; наличие законодательства, предусматривающего для инвесторов гарантирование их имущественных прав и льготный налоговый режим; уникальные и комфортабельные условия для отдыха, туризма и лечения; организационная и финансовая поддержка инвестиционных проектов; наличие высококвалифицированных трудовых ресурсов.

Инвестиционным риском является соседство с Чеченской Республикой и др. Риски внезапных террористических атак выше, чем в среднем по стране, что сдерживает поток инвестиций и приток мигрантов,

что создает дополнительное давление на региональный бюджет и ограничивает развитие налоговой базы.

Для экономики Ставропольского края характерно нестабильное привлечение иностранных инвестиций (рис.1). В 2007 г. заметно резкое увеличение притоков иностранных инвестиций в экономику Ставропольского края по сравнению с предшествующим десятилетием; инвесторы из 52 стран мира вложили свои деньги в экономику Ставропольского края. Самые крупные инвесторы - европейские страны: Франция (более 70,6 млн. долл.), США (более 31,1 млн. долл.), Турция (14,5 млн. долл.), Люксембург (11,7 млн. долл.), Германия (6,5 млн. долл.) и Кипр (4,3 млн. долл.) (рис.2) [3]. Инвестиционная активность этих стран характеризуется стремлением к размещению предприятий в Ставропольском крае, а также проникновением на российский рынок средних по размерам фирм. Основная часть промышленных проектов ориентирована на производство потребительских товаров [2].

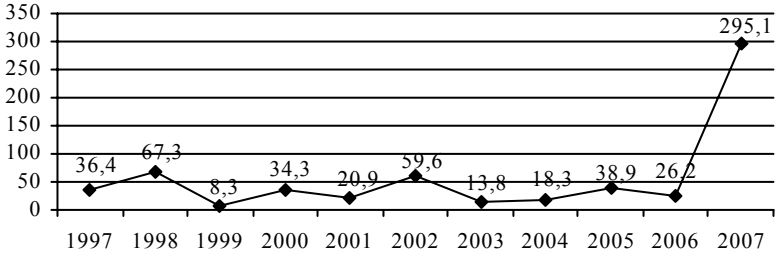


Рис. 1. Иностранные инвестиции в Ставропольский край (млн. долл.) [3].

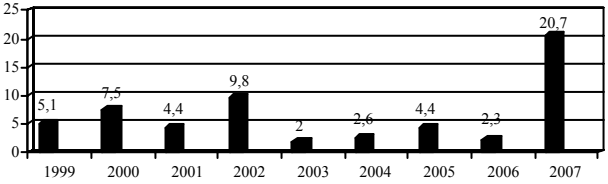


Рис. 2. Доля иностранных инвестиций в общем их объёме в Ставропольском крае (в %) [3].

За 2007 г. в край поступило 295,1 млн. долларов иностранных инвестиций, что в 11,3 раз больше, чем за 2006 г. Доля иностранных

инвестиций в общем объеме инвестиций составляет 20,7%. Около 80% всех иностранных вложений были осуществлены предпринимателями США. На долю Кипра приходилось 15,8% иностранных инвестиций [3].

Основные потоки инвестиций в Ставропольский край направлены в электроэнергетическую, пищевую, химическую и нефтехимическая промышленность, строительство, транспорт и связь, переработку сельскохозяйственной продукции, а также в объекты непроизводственного значения: жилищное строительство, здравоохранение, коммунальное хозяйство. Иностранные инвесторы начинают проявлять повышенный интерес к курортам региона.

Одной из основных форм привлечения иностранных инвестиций является создание совместных предприятий (СП). На территории края в 1999–2009 гг. зарегистрировано более 400 предприятий с участием иностранных инвестиций. В совместных предприятиях работает 2,5% занятых в промышленном производстве, на них приходится 15% выпуска промышленной продукции и 22% общего экспорта края [4].

Наибольшее количество совместных предприятий расположено в Ставрополе (более 120), а также: Невинномысске, Пятигорске, Минеральных Водах, Кисловодске. Созданы СП в Андроповском, Кочубеевском, Изобильненском, Нефтекумском и Арзгирском районах края [4].

В Ставропольском крае построен самый крупный в России и один из лучших в Европе завод по розливу минеральной воды и напитков – российское предприятие XXI века ОАО «Рокадовские минеральные воды». Общий объем инвестиций по данному проекту оценивается в 150 миллионов долларов, треть из них уже освоена. С момента выхода на отечественный потребительский рынок продукция «Рокадовских минеральных вод» получила широкое признание [4].

Особое внимание иностранных инвесторов уделяется Кавказским Минеральным Водам (КМВ). За 1999–2009 гг. появились новые современные гостиницы, санатории, крупные развлекательные центры, созданные на основе иностранных инвестиций. Например, санатории «Украина» и «Казахстан» благоустроены по евростандарту.

Одним из масштабных инвестиционных проектов в этом направлении является строительство комплекса «Гранд - СПА – Юца» в рамках особой экономической зоны, в который предполагается вложить 15 млрд. рублей частных и 2 млрд. рублей государственных и иностранных инвестиций. Новый курорт разместится на юго-восточной стороне горы Юца в окрестностях городов-курортов Пятигорск и Ессентуки. На участке в 840 га предполагается построить 14 отелей, которые смогут принимать ежегодно до 160 тыс. туристов. Центром «Гранд - СПА - Юца» станет

крупный оздоровительный комплекс, оснащенный современным медицинским оборудованием. На территории комплекса предполагается создание ботанического сада, каскада искусственных озер и водопадов, а также 3 полей для гольфа и центра верховой езды.

На международном инвестиционном форуме MIPIM-2008 в Каннах Ставропольский край представил три инвестиционных проекта общей стоимостью около 40 млрд. рублей [4]. Наиболее масштабный проект - город-спутник Южный города Минеральные Воды. Стоимость проекта 32 млрд. рублей; город Южный будет представлять собой совокупность микрорайонов с развитой инфраструктурой, его площадь составит 450 га, от основной части города он будет отделен федеральной трассой «Кавказ». Проект предполагает расположенные вдоль трассы торгово-развлекательные, сервисные центры. Первый ярус микрорайона будет застроен многоэтажными домами. Дальше будут расположены парковая зона, коттеджная застройка, виллы, спортивные сооружения. Проект получил высокую оценку на Всероссийском конкурсе «Зодчество-2006» в Москве, а чуть позже - на Международной выставке «Глобал-Сити» в Лионе.

Московская компания «Горная чаша» представила проект аквапарка в Ессентуках (проект оценивается в 3,6 млрд. рублей); Пятигорская «Геофизика» - международной системы предупреждения населения о землетрясениях и иных климатических явлениях (общая стоимость проекта - 1,3 млрд. рублей) [4].

Таким образом, выявлена тенденция увеличения иностранных инвестиций в Ставропольский край; наиболее крепкие связи региона - с Францией, США, Кипром. Иностранные партнеры предпочитают вкладывать свои средства в промышленность, строительство, транспорт и связь, переработку сельскохозяйственной продукции, развитие туризма.

Реализация инвестиционных проектов имеет ряд негативных последствий для перспективного социально-экономического развития, в частности, низкая инвестиционная активность обуславливает значительную нагрузку на бюджетную систему. Подход к решению региональных проблем предусматривает повышение инвестиционной привлекательности предприятий, например, в результате реструктуризации в целях создания совместных предприятий. Это является основой для планирования всего инвестиционного процесса: от определения будущих объемов вложений до управления финансово–хозяйственной деятельностью с целью достижения желаемого притока капитала.

Для дальнейшего активного включения Ставропольского края в процессы мирового разделения труда необходимо решить ряд серьезных

задач, в числе которых выделяются следующие: создание благоприятного предпринимательского и инвестиционного климата; совершенствование форм привлечения иностранного капитала и инфраструктуры инвестиционной деятельности; использование природного и культурного потенциала региона для развития иностранного туризма; обеспечение участия в общероссийских международных и внешнеэкономических программах и мероприятиях, включение в общероссийские информационные системы.

ЛИТЕРАТУРА

[1] О.М. Джавадова «Значение внешнеэкономической деятельности в развитии экономики Ставропольского края»

[2] Е. Сидорова «Внешние инвестиции: предкризисная панорама»

[3] http://www.stavstat.ru

[4] http://kmvtut.ru

[5] http://www.regnum.ru

ВЫРАВНИВАНИЕ И ПОЛЯРИЗАЦИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Зуева Г.С., аспирант
кафедры экономического анализа
и государственного управления
ИЭиБ Ульяновского Государственного Университета
g.zueva@mail.ru

Положительный вектор эффективного регионального экономического развития зависит от степени согласованности трёх уровней власти: центра, региональных властей и муниципальных органов. Сейчас наметился определённый тренд в зарождении процесса договорного сотрудничества, но мы ещё можем отметить определённые разногласия, незакреплённые законодательно правовые акты, угрожающие целостности нашего государства. С одной стороны, это может привести к кризисным явлениям, которые могут иметь как различные последствия, так и степень тяжести: увеличение государственного долга, инфляции, а с другой стороны, к вертикальной и горизонтальной нестабильности всей бюджетной системы на выше обозначенных уровнях государственного регулирования власти.

В связи с резкой сменой государственного устройства, отсутствием традиций федерализма и несовершенством законодательно оформленной региональной политики постепенно выявились **проблемы действующей модели региональной экономической политики**:

1. Диспропорциональность и неравномерность формирования уровней социально-экономического развития регионов;

2. Ограниченность финансовых возможностей и властных полномочий местных органов управления;

3. Рост национального иждивенчества, реализующийся через систему федеральных дотаций и государственных трансфертов;

4. Отсутствие в регионах системы стимулов по наращиванию налогового и социально-экономического потенциала;

5. Существующий административно-экономический механизм только усиливает отставание беднейших регионов;

6. Централизация финансовых ресурсов приводит к тому, что весь объём налоговых поступлений недостаточен для стимулирования экономического роста в регионах и реализации важнейших социальных программ;

Для того, чтобы определить наиболее корректный стратегический путь развития как всей нашей региональной экономической политики, так и отдельно взятого субъекта Федерации необходимо не только обозначить общие проблемы развития, но и рассмотреть существующие модели практической реализации политики регионов в нашей стране.

В исследованиях учёных-регионалистов, политологов и экономистов сформировалось два подхода к реализации региональной экономики: поляризация и выравнивание.

Политика поляризации.Для благоприятной реализации концепции поляризованного развития на территории страны планируется формирование сети полюсов роста разного уровня (международного, федерального, окружного).

Современный российский регионалист А. Гранберг предлагает рассматривать регион как «квазигосударство» или «квазикорпорацию». Сущность модели региона как «квазифирмы» заключается в применении к региону ряда подходов, характеризующих его поведение как фирму. Так, регион должен не только производить ряд общественных благ, но и формировать нужную среду, привлекать и создавать ресурсы, обеспечивая их эффективное размещение. Данный подход предусматривает глобальную ориентированность региона, поскольку в него заложена идея глобальной конкуренции в необходимости поиска внутренних сил для развития территориального субъекта в целом и его инфраструктуры, в

частности. С базиса конкурентоориентированности региона начинается само направление поляризации [2].

Сам термин «пространственное развитие» (Spatial development) окончательно утвердился в западной методологии в начале 70-х гг. прошлого века; первоначально оно использовалось в контексте теорий «глобального мышления» (одним из основоположником которых следует считать Ф. Перроу) и в пределах отраслевой терминологии, где ключевым понятием считается пространственное или региональное планирование. В Современном Европейском словаре это понятие обозначает комплекс организованных действий по управлению элементами и связями территорий, систему действий, направленных на оптимизацию происходящих пространственных изменений [1].

Перечислим **основные положения** стратегического планирования:

- объектом управления является не административная единица, а территория разная по протяжённости – от кластера нескольких регионов до одного города, представляющий потенциальный интерес инвесторов;
- стратегическое планирование рассматривает объект в дальней перспективе;
- институты управления - прогнозирование, проектирование, мониторинг развития;
- в стратегическом планировании участвуют все стейкхолдеры (внутренние и внешние), взаимодействующие на данной территории, которая удерживается в их сознании как объект управления.

Согласно данной концепции, «регионы-чемпионы» призваны способствовать развитию экономически слабых соседних территорий, что позволит на практике реализовать принцип субсидиарности в региональной политике. **Принцип субсидиарности** предполагает процедуру распределения и перераспределения полномочий между управленческими уровнями государственной власти. Смысл принципа субсидиарности иллюстрируется одним из положений в Конституции США: "Полномочия, не делегированные Конституцией Соединенным Штатам и не запрещенные в соответствии с нею штатам, соответственно являются закрепленными за штатами или за народом". Он имеет два измерения: вертикальное и горизонтальное. Вертикальный вектор включает распределение властных полномочий между уровнями власти в направлении от местной власти к федеральной. Динамичный характер происходящих в городах процессов требует учета соответствия имеющихся потребностей населения и властных полномочий, вверенных уровням государственного и муниципального управления. Горизонтальный вектор охватывает процедуру распределения полномочий между ветвями власти на федеральном, региональном или местном

уровнях. В триаде исполнительная-законодательная-судебная ветви власти горизонтальный разрез принципа субсидиарности устанавливает устойчивую последовательность в организации социальной политики, начиная от законодательной ветви, задающей правовые рамки такой политики; затем исполнительная власть определяет ее реальные направления, а судебная - контролирует механизмы ее реализации в конкретных социальных и политических условиях.

Отметим тезисно ещё несколько моментов, о которых мы не упоминали: полюс роста не самоцель, а средство подъёма района; полюс роста эффективен только в сети из таких же полюсов; полюс роста должен осуществлять связь между страной и регионом.

Политика выравнивания. С началом рыночных реформ механизмы территориального выравнивания и перераспределения либо были свернуты, либо значительно сократились в объемах. В условиях экономического кризиса значительно сократились объемы перераспределения финансово-бюджетных ресурсов для поддержки слаборазвитых и приоритетных регионов. В результате роста территориальных экономических диспропорций за 90-е годы и свертывания механизмов выравнивания региональные различия в уровне доходов и бедности граждан стали намного сильнее.

В настоящее время в Российской Федерации региональная экономика развивается исходя из принципов политики выравнивания. Концепция выравнивания учитывает воздействие следующих **внешних и внутренних факторов экономического неравенства**:

Внешние факторы:

• Политика федеральных властей – этот фактор особенно начинает приобретать свою значимость в период политических и экономических преобразований (что особенно было актуально в период 90-х гг. - перехода к рыночной экономике). Также наблюдается некоторое усиление роли федерального центра и в настоящее время из-за начавшихся процессов рецентрализации, что проявляется в основном в перераспределении бюджетных средств.

• Глобализация и включение России в сферу мировых торговых отношений – воздействие этого фактора на региональную экономику также значительно, поскольку влияние мирового рынка распространяется на территории нашей страны достаточно неравномерно, ориентируясь, в основном, на крупные города, что достаточно логично. И именно от степени выбора и включённости в мировое торговое сообщество регионы могут получать, или наоборот не получать, тот уровень социально-экономического развития, на который ориентируется сам регион.

Внутренние факторы:

• Унаследованные особенности развития (зависимость от пройденного пути, path dependency) - любой регион имеет свои тренды как формирования, так и развития, которые зависят от сложившейся в регионе структуры экономики, степени освоенности территорий (географический, сырьевой, демографический показатель), социокультурных особенностей населения (традиции, характерные для данного региона), а также влияющих на формы занятости, доходов, мобильности населения.

Под "выравниванием" мы понимаем, в первую очередь, сближение уровней социально-экономического развития территорий при уменьшении диспропорций их развития, приоритетного развития экономики и социальной сферы наиболее отсталых поселений, создания условий для экономического роста всех муниципальных образований района. Выравнивание может производиться за счет развития социальной сферы и инфраструктуры проблемных территорий, за счет перераспределения финансовых ресурсов в рамках межбюджетных отношений, а также стимулирования их опережающего экономического развития. Таким образом, **целью концепта выравнивания** диспропорций развития регионов является обеспечение устойчивого экономического роста территориального субъекта при постепенном сокращении дифференциации основных показателей развития экономики и социальной сферы территорий и предоставление базовых социальных гарантий населению всего района. При этом сохраняется требование к обеспечению устойчивого экономического роста района в целом.

Обозначим основные **принципы политики выравнивания** социально-экономического развития территорий:

• приоритетное использование экономических инструментов для решения социальных и политических проблем;

• достаточный объем помощи, адресность, проектная ориентированность, паритетное участие всех источников финансирования;

• сохранение экономического роста регионов-доноров при изъятии и перераспределении у них ресурсов;

• гласность, стабильность и предсказуемость, системность и программный характер выравнивающей политики;

• институциональная проработанность и законодательная закрепленность мер и механизмов выравнивающей политики.

В качестве действенных **мер**, способствующих выравниванию территориальных диспропорций, предлагается освобождение от местных и областных налогов предприятий, создающих рабочие места в отдаленных поселениях на депрессивных территориях, и применение целевых субсидий, бюджетных кредитов и гарантий для инвесторов. Решения по

этим вопросам необходимо будет принимать на областном и районном уровнях. Для сельскохозяйственных предприятий и малого бизнеса выравниванию территориальных диспропорций будет способствовать создание гарантий в части административного регулирования, реализации контрольных объемов продукции, защита от монопольных проявлений. Основные решения по данным вопросам должны приниматься на федеральном, областном и районном уровнях [3].

Действенным механизмом выравнивания экономического развития территорий должны стать комплексные программы социально-экономического развития муниципальных образований. Программы, разработанные на основе комплексного и системного анализа развития всех городских и сельских поселений за последние пять-семь лет, должны иметь все муниципальные образования. На основе информации о текущем положении территории и заданных в стратегических документах муниципальных образований параметрах, можно стимулировать муниципальные образования к использованию и накоплению ресурсов, вытягивать отстающие звенья. Программный подход позволяет увидеть те сектора жизнедеятельности городских и сельских поселений, в которых она отстает, как и сферы, где их позиции наиболее сильны, правильно распределить имеющиеся ресурсы и использовать их с максимальной эффективностью.

Финансовое выравнивание в федеративном государстве при реализации вышеобозначенного концепта реализует **принцип поручительства** друг за друга **(солидарности)**, который действует как в отношении федерации и субъектов, так и в отношении субъектов друг с другом. Этот принцип обязывает федерацию улучшать финансовое положение одного или нескольких субъектов Федерации, если это финансовое положение нуждается в коррекции относительно разделения налогов в пределах совокупности субъектов. Но этот принцип обязывает также и субъекты, несмотря на их собственную государственность и финансовую самостоятельность, к определенному оказанию услуг (своего рода «финансовое покровительство») другим слабым субъектам. По этой причине финансовый федерализм предусматривает или коррекцию разделения доходов между субъектами, или коррекцию доходных источников и расходных полномочий между федерацией и субъектами. Соответственно, эти формы в системе межбюджетных отношений федеративного государства сильно зависят от соответствующего оформления федеративного государственного порядка.

Подводя итог, отметим, что в соответствии с новой парадигмой территориального развития основными принципами региональной политики должны стать:

1. ***Принцип поляризованного («сфокусированного») развития,*** которое приходит на смену политике выравнивания уровня регионального развития и предполагает специальную фокусировку финансовых, административно-управленческих, человеческих и других ресурсов в «опорных регионах», а также последующее распространение инновационной активности в другие регионы.

2. ***Принцип «преференции за реформы»***. Если территория не получила статуса опорного региона, государственная поддержка должна быть направлена первостепенно на обеспечение равного доступа населения этой территории к бюджетным услугам, гарантирующим реализацию конституционных прав граждан. На достижение данной задачи должны быть направлены меры по стимулированию региональных инициатив. В частности, финансовая помощь регионам – она должна поддерживать социальными трансфертами отсталые территории, а депрессивные территории ориентировать на обеспечение экономического роста и увеличение налоговой базы. Необходимо развивать внебюджетные и инвестиционные инструменты поддержки стратегических проектов регионального развития, в рамках согласованных стратегических приоритетов регионального развития должна оказываться селективная бюджетная (грантовая) поддержка региональных инициатив.

3. ***Принцип синхронизации действий («принцип синергии»)***. Реализация этого принципа предусматривает синхронизацию основных реформ, осуществляемых в стране и оказывающих влияние на социально-экономическое развитие регионов, выстраивание федеральных приоритетов в логике кооперации регионов, согласованность направлений поддержки субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в области регионального развития.

4. ***Принцип дифференцированности государственной политики регионального развития***. Интеграция Российской Федерации в глобальную экономику в ближайшее время приведет к выделению на ее территории зон, в отношении которых должны быть сформулированы цели социально-экономического развития, и сформированы различные меры их достижения (например, сырьевые зоны, старопромышленные регионы).

5. ***Принцип субсидиарности***, который предполагает децентрализацию и исполнение тех или иных властных полномочий социально-экономического развития регионов Российской Федерации (и соответствующую передачу этих полномочий) на уровне управления, на котором они могут быть исполнены наиболее эффективным образом.

На наш взгляд, в современных условиях реформирование местного самоуправления должно стать самым важным национальным проектом

нашего государства, поскольку данная реформа объединяет образование, здравоохранение, доступное жилье, жилищно-коммунальное хозяйство, оказание содействия в развитии сельскохозяйственного производства - все это вопросы местного значения, закрепленные законодательно.

ЛИТЕРАТУРА

[1] В. Княгинин, Ю. Перелыгин. Пространственное развитие России в долгосрочной перспективе. http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ida=1657&ids=139.

[2] П.И. Зайцева. Особенности межрегиональной конкуренции в России. http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=23233

[3] Е.В. Горшевина. Регион как объект экономического исследования. http://www.erce.ru/internet-magazine/all_current_year/10/70/

[4] Т.А. Петрова. Некоторые аспекты формирования устойчивого развития муниципальных образований. http://www.science-education.ru/23-762

[5] П.Щедровицкий. Государственная политика регионального развития в РФ: проблемы и перспективы. http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/evolution/formula/prospect/

[6] Корчагин Ю.А. Региональная финансовая политика и экономика / Ю.А. Корчагин. – Ростов н/Д.: Феникс, 2006. – 284 с. – (Высшее образование).

[7] Региональная экономика. Основной курс: Учебник /Под ред. В.И. Видяпина, М.В. Степанова. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 686 с. – (100 лет РЭА им. Г.В. Плеханова).

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ЭВОЛЮЦИЯ ПРИОРИТЕТОВ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Имашев Э.Ж., аспирант
кафедры экономической географии
географического факультета
Башкирского государственного университета,
imashev_edik@mail.ru

Предпосылками эволюции приоритетов пространственного развития выступает дальнейшее развитие и усложнение территориальных общественных систем, в том числе региональных территориальных

социально-экономических систем, влияющие на региональную политику страны.

По Ю.Н. Гладкову и А.И. Чистобаеву [5, с. 19]: «Региональная (социально-экономическая) политика государства – сфера деятельности по управлению политическим, экономическим, социальным и экологическим развитием страны в пространственном, региональном аспекте и отражающих как взаимоотношения между государством и регионами, так и регионов между собой». В истории региональной политики можно выделить следующие приоритеты пространственного развития регионов: экономические; социальные; экологические; комплексные. Эволюция приоритетов региональной политики в разных странах происходили в разных хронологических рамках, связанная с уровнем социально-экономического и политического развития той или иной страны.

Экономические приоритеты пространственного развития прослеживается с 20-х гг. XX века в региональном развитии СССР и связанно с планом ГОЭЛРО, названным «В.И. Лениным второй программой партии…» [17, с. 105]. Разработка плана ГОЭЛРО связана с вопросами экономического районирования, реформированием административно-территориального деления СССР и дальнейшее решение проблем размещения производительных сил со сдвигом на Восток страны с богатыми и неосвоенными природными ресурсами, ликвидации неравенства, в первую очередь экономическом и социальном развитие различных частей страны и т. д.

В странах Западной Европы и Северной Америки вмешательство государства в регулирование размещения промышленных предприятий и возникновение региональной политики определяется мировым экономическим кризисом 1929–1932 гг. Кризис «заставил осознать всю важность задач регионального переустройства и рационального использования ресурсов», - пишет Филиппоно (1964) [10, с. 280]. Политика регионального (планирования) развития в странах развитого капитализма так же имели экономические приоритеты [12, с. 365]. Прежде всего, это связанно с упадком старопромышленных районов и возникновением депрессивных территорий, требовавших решения и пересмотра пространственного перераспределения производительных сил в стране с активной экономической политикой стимулирования развития кризисных районов.

Региональная политика в менее развитых странах формировалось под влиянием метрополии и имело экономическую направленность, главной целью которого являлось освоение тех регионов, способных дать максимальную прибыль при минимуме авансированного капитала [5, с. 630]. В последующем появление в национальных планах социально-

экономического развития страны региональных разделов в государствах Латинской Америки и Индии относятся к концу 50-х – началу 60-х годов XX века, а в африканских странах схожие разделы получили законодательное закрепление еще позже (вторая половина 60-х гг.), и характеризовались экономическими приоритетами [4, с. 116 – 135; 5, с. 631; 6, с. 266]. Например, диспропорция в развитии территории в странах Латинской Америки связанная с экспортной направленностью хозяйства в колониальный период способствовало развитию прибрежных территорий с развитой портово-промышленной зоны, что способствовало переориентации экономических связей вглубь страны, на неосвоенное пространство [5, с. 639 – 641].

Британский регионалист Г. Маккроун утверждал: «Было бы неверно рассматривать региональную политику как чисто экономическое явление – ошибка, которую иногда допускают экономисты» (1969) [3, с. 188]. Соглашаясь со словами С.С. Артоболевского о том что «региональная политика решает, прежде всего, социальные, а не экономические проблемы (правда, действуя через экономику)» [1], рассмотрим вкратце переход от экономических приоритетов пространственного развития регионов к *социальным*, в некоторых субрегионах и странах мира.

С конца 60-х и начала 70-х гг. XX в. в странах Западной Европы [7, с. 81 – 82], Японии [5, с. 626 – 627], Китае [11, с. 177], США [14, с. 3; 2, с. 37 – 38; 16, с. 58 – 59] региональные различия и территориальные диспропорции в социально-демографическом развитии, асимметрия в уровне жизни населения и другие проблемы, определили изменения политических приоритетов пространственного развития регионов на решения социальных проблем.

В СССР приоритеты регионального экономического развития меняются на социальные, лишь в начале 80-х гг. была определена задача «выравнивания социальных различий… в территориальном плане»» [17, с. 176], и «чтобы при общем росте потребления материальных и духовных благ неуклонно преодолевалась унаследованные от прошлого различия между социальными группами и регионами» [8, с. 132]. Б.С. Хорев пишет: «Речь идет о двух главных аспектах решения проблем: 1) выравнивание социальных различий на уровне регионов страны; 2) выравнивание или стирание социальных различий между городом и деревней» [17, с. 176].

Загрязнение окружающей среды и ухудшение экологической обстановки и среды обитания людей во многих странах заставило государственных органов управления проводить активную *экологическую* политику, в том числе и в региональном развитии со второй половины 70-х гг. XX века, после Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде (1972). В некоторых африканских странах «в 80-е гг. в связи с

крайне неблагоприятной экологической ситуацией, сложившейся в аридных зонах тропиков, уже развивающиеся государства выступают за усиление внимания к природной среде…» [4, с. 221].

В СССР активизировали экологическую политику по отношению ко всей стране и её регионов только со второй половины 80-х гг. Одной из актуальных направлений экологической политики «развитие регионального подхода к решению природоохранных проблем, оценка эффективности региональных систем «производство – среда – население» в целом, разработка и применение определенных форм контроля и управления в регионах, в том числе и окружающей средой» [17, с. 216]. «При этом особое внимание, - отмечает Г.И. Зайков, - обращено на необходимость благоприятной экологической обстановки в регионах страны с высокой концентрацией промышленного и сельскохозяйственного производства…» [9, с. 32].

На конференции ООН в Рио-де-Жанейро (1992) по окружающей среде и развитию, была принята «Программа устойчивого развития», и определялась «как ряд целевых направлений, включающих в себя обеспечение прав человека на здоровую жизнь, охрану окружающей среды, уменьшение разрыва между уровнями жизни народов мира и др.» [13, с. 36 – 37]. «Первоначальное представление об экологическом устойчивом развитии выросли до устойчивого взаимоувязанного развития экономики, экологических систем, социума» [15, с. 33]. В результате с 90-х гг. прошлого столетия во многих странах мира разрабатывается и реализуется «Концепция устойчивого развития», что повлияло на политику регионального развития, где приоритеты отдаются на *комплексное* решение территориальных (социально-эколого-экономических) проблем.

Таким образом, эволюция приоритетов пространственного развития регионов (от экономического до комплексного) связано с проблемами усложнения территориальных общественных систем, и её давлением на окружающую природную среду. Эволюция приоритетов пространственного развития регионов в разных субрегионах и странах мира проходила в разное время. На постсоветском пространстве впервые с 1920-х гг. планомерно осуществлялся план территориального экономического развития регионов СССР. Чуть позже, в странах развитого капитализма кризис 1929-1932 гг. побудил государственных органов управления вмешиваться и контролировать территориальное развитие регионов, акцентирую внимание на экономическую составляющую.

Быстрое накопление материальных благ за счет ресурсов колониальных территорий в странах Запада с конца 1960-х гг. способствовало решению в первую очередь уже не экономических, а

социальных проблем регионов. К этому времени во многих развивающихся странах получивших независимость формируется собственная региональная политика с законодательным закреплением национальных программ регионального развития, для решения, прежде всего экономических проблем. Экономические приоритеты пространственного развития в СССР сохранились до начала 1980-х гг. Это связано с тем, что в СССР были огромные неосвоенные территории с богатыми природными ресурсами при наличии малого количества трудовых ресурсов. И только с начала 80-х гг. в СССР приоритеты регионального развития меняются на решение социальных проблем.

Быстрый рост численности населения и производственных мощностей, как в развитых, так и развивающихся странах увеличило антропогенную нагрузку на природную среду, что привело к ухудшению окружающей обстановки. Эти проблемы экологического характера побудили как развитые, так и развивающие страны со второй половины 1970-х и 1980-х гг. проводить региональную политику по охране окружающей среды.

В результате экологизации всех сторон общественной жизни, как необходимость сохранения ресурсов биосферы для следующего поколения с начала 1990-х гг. многие страны мира разработали и реализуют программы и планы по устойчивому развитию всей страны и её составных частей. Сейчас «Программы устойчивого развития» стали неотъемлемой и основной частью региональной политики в развитых и развивающихся странах.

Анализ вопроса эволюции приоритетов пространственного развития регионов, непосредственно связан с историей становления и развития региональной политики. Именно с помощью региональной политики государство регулирует и стимулирует пространственное социально-экономическое и экологическое развитие регионов.

Без активной региональной политики, именно в отношении комплексного пространственного развития регионов, в современных рыночных отношениях с острой конкуренции в условиях глобализации не возможно сформировать конкурентоспособную территориальную социально-экономическую систему и соответственно экономику способную удовлетворить все возрастающие потребности общества.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Артоболевский С.С. «Идеология региональной политики» // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития / Под ред. А.Г. Дружинина, В.Е. Шувалова:

Материалы Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 4 – 8 мая 2010 г.). – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. – 476 с. С. 5 – 7.

[2] Борисюк В.И., Шамберг В.М. «Экономический и социальный портрет США». – М.: Знание, 1990. – 64 с.

[3] Буржуазная региональная теория и государственно-монополистическое регулирование размещения производительных сил. – М.: Мысль, 1981. – 251 с.

[4] Гладкий Ю.Н. «Индустриализация и региональное развитие в Африке». – Л.: Наука, 1987. – 237 с.

[5] Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. «Основы региональной политики»: Учебник. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1998. – 659 с.

[6] Государственное регулирование размещения производительных сил в капиталистических и развивающихся странах / Отв. ред. В.В. Вольский, Ю.А. Колосова. – М.: Мысль, 1975. – 424 с.

[7] Грицай О.В. «Западная Европа: региональные контрасты на новом этапе НТР». – М.: Наука, 1988. – 148 с.

[8] Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. «Центр и периферия в региональном развитии». – М.: Наука, 1991. – 168 с.

[9] Зайков Г.И. «Экологизация социалистического производства: политико-экономический аспект». – М.: Высш. шк., 1990. – 112 с.

[10] Исаченко А.Г. «Развитие географических идей». – М.: Мысль, 1971. – 416 с.

[11] Максаковский В.П. «Географическая картина мира». Кн.: 2: Региональная характеристика мира. – 2-е изд., стериотип. – М.: Дрофа, 2005. – 480 с.

[12] Павлов Ю.М. «Региональная политика капиталистических государств». М.: Наука, 1970. – 390 с.

[13] Сигов И.И. «Региональная политика на современном этапе»: Учеб. пособ. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1999. – 208 с.

[14] США: государство и социальная политика (к анализу консервативных тенденций 80-х годов) / В.И. Борисюк, И.В. Велихова, Е.П. Ионова, А А. Попов и др. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

[15] Тикунов В.С., Цапук Д.А. «Устойчивое развитие территорий: картографо-геоинформационное обеспечение». – Москва – Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. – 176 с.

[16] Управление региональными программами в США и Канаде. – М.: Наука, 1983. – 280 с.

[17] Хорев Б.С. «Региональная политика в СССР». – М.: Мысль, 1989. – 286 с.

СТАТИСТИЧЕСКОЕИССЛЕДОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Ковалева Т.Ю., к.э.н., доцент
кафедры бухгалтерского учета, анализа,
аудита и налогообложения
Института экономики и управления
Хакасского государственного
университета им.Н.Ф. Катанова
koval_t@inbox.ru

В мировой экономике происходят качественные изменения, обусловленные глобализацией, нарастанием дифференциации и конкурентной борьбы между странами и регионами. Актуальность выполненного исследования заключается в анализе существующих подходов в разработке стратегии развития государства и территорий в современных условиях, а также оценка эффективности инновационной составляющей устойчивого развития на основе публичных данных регулярного статистического наблюдения.

В современной научной литературе принято рассматривать стратегии развития, на основе двух подходов: конкурентоспособности и устойчивого развития. В первом случае, конкурентоспособность страны определяется через конкурентоспособность её производителей, а конкурентоспособность региона, как обусловленное экономическими, социальными, политическими и другими факторами положение региона и его отдельных товаропроизводителей на внутреннем и внешнем рынках, отражаемое через показатели (индикаторы), адекватно характеризующие его состояние и динамику. [1]

Аналогичный подход, в оценке конкурентоспособности, используется в концепции оценки конкурентоспособности страны, предложенной М. Портером [2], через продуктивность (производительность) использования региональных ресурсов, в первую очередь рабочей силы и капитала, по сравнению с другими регионами. Таким образом, основываясь на методике Всемирного банка, благополучие региона может быть оценено на основе четырех величин: по размеру ВРП, по величине производственных ресурсов (основные фонды и т.д.), по величине природных ресурсов, по величине человеческих ресурсов (уровень образованности) в расчете на душу населения. [3]

Иначе, под конкурентоспособностью региона как субъекта рыночных отношений понимается способность выступать на рынке наравне с конкурирующими субъектами.

Все вышесказанное звучит убедительно, но как быть с особыми экстремальными климатическими условиями России, её огромной протяженностью, а значит, существенными транспортными расходами? Себестоимость огурца, выращенного в Сибири, в разы превышает расходы на его производство в Китае. Затраты на отопление, создание сносных условий для производства продукции и оплату труда рабочих, расходы которых на восстановление сил, одежду, питание в разы превышают аналогичные расходы китайских трудящихся, все это делает продукцию производимую на наших предприятиях неконкурентоспособной на мировом рынке.

Глобализация и свободное движение капитала ведут к тому, что производство продукции из развитых стран переносится в развивающиеся, с дешевой рабочей силой и более мягкими климатическими условиями. Это приводит к росту эффективности бизнеса, но ухудшает благосостояние общества старого света. Например, правительство пытается запретить компании «Рено» переносить своё производство в Турцию, где прямые затраты в 4 раза меньше, однако, для Франции это означает рост безработицы, снижение платежеспособного спроса, сокращение размеров экономики.[22]

То, что эффективно и конкурентоспособно для западных стран, для нас означает смерть от голода и холода. Наша «эффективность» не должна базироваться на принципах свободного перемещения капитала по всему миру в поисках наивыгоднейшего соотношения «выручка/затраты». [4]

Смена общественного строя в России по времени практически совпала с генерированием в мировом сообществе дискуссии о необходимости перехода цивилизации к устойчивому развитию, которое начинается с отказа от принципов «экономического детерминизма» - постулата о том, что все общественное развитие, в конечном счете, направляется только экономическими законами, и ориентацией на другие ценности. [5]

Традиционный рост экономики в физическом измерении (дороги, заводы и т.д.) ведет к сокращению возможности сохранения естественных экосистем и возможному уничтожению человечества.

Беременность протекает у женщины 9 месяцев, для социализации личности требуются годы, а мощность микросхем, а значит, и их операционные возможности удваиваются каждые 18 месяцев. [6] Попытки

[22] по данным СМИ

обосновать совместимость технического прогресса и биологической эволюции оказались напрасными, так как скорость протекания этих процессов отличается в разы.

Возникновение концепции устойчивого развития, прежде всего, связывают с приближением глобального экологического кризиса, проявляющегося в разрушении естественных механизмов регулирования и стабилизации окружающей среды, которые обеспечиваются естественными экосистемами. [7] Очевидно, что он не преодолим в рамках существующей парадигмы эффективности и антропоцентрического подхода, согласно которым природная среда имеет ценность только в той мере, в какой её можно использовать в производственных и рекреационных целях. Другими словами, в качестве источника ресурсов для экономического использования и места поглощения отходов антропогенной деятельности.

Экологический кризис сегодняшнего дня - это следствие не только биологических, но и социально-экономических проблем. Голод и бедность явления, не искорененные до сих пор, во многом являются результатом демографического кризиса причина, которого в не управляемом росте численности населения с 1,5 млрд. в начале 20 века до 6 млрд. на начало 21 века. С одной стороны, природа не в состоянии обеспечить, с другой стороны, наиболее эффективная на сегодняшний день социально-экономическая система (рыночная) не может справедливо перераспределить полученные ресурсы для удовлетворения все возрастающих потребностей людей.

В связи с этим, формирование любой стратегии развития государства и регионов в современных условиях будет обоснованным только в случае базирования на постулатах экологического императива, на основе соблюдения всей суммы экологических правил и требований, ограничений и запретов, в одних случаях существующих в настоящее время, а в других случаях могущих возникнуть в будущем, в том числе сбалансированность производства с природой. [3]

Следствием экологического императива является необходимость решения четырех основных задач:

1. сохранение уцелевших и восстановление до уровня естественной продуктивности деградировавших экосистем (65% поверхности суши должно быть ненарушенными экосистемами);

2. рационализация структуры потребления (формирование здоровых потребностей, соответствующих принципам устойчивого развития индивида, как части ноосферы);

3. экологизация производства (технологии замкнутого цикла, безотходные производства и т.д.);

4. нормализация численности населения (2,2 ребенка на одну семью). [5]

Количественны рост через расширение масштабов экономики и антропогенной нагрузки, и качественное развитие за счет реализации потенциальных возможностей, подчиняются разным законам. Развиваясь без роста длительное время, биота нашей планеты становится все более сложной. [5]

Однако, анализируя печатные материалы, не трудно заметить, что обращаясь к этой теме, специалисты различных областей науки и практики фактически воспринимают устойчивое развитие, как наличие устойчивых трендов роста масштабов экономической деятельности, удовлетворение существующих и формирование новых потребностей населения, то есть в условиях существующих принципов и механизмов хозяйствования.

Очевидно, что это очередная попытка соединить не соединимое. Современное общество нуждается в новой модели взаимоотношений человека и окружающей среды, пересмотре взглядов на источники экономического роста и структуру человеческих потребностей, которые должны иметь ценностно-ориентированный характер, и гармонизированы не только с интересами общества, но и с интересами среды обитания.

Такой подход позволяет весьма эффективно решать обратную задачу, зная структуру потребления, соответствующую образу жизни более высокого качества, можно представить экономический фундамент, выстроенный на основе принципов устойчивого развития и, прежде всего, стабилизации рождаемости на оптимальном уровне, так как, её рост, не подкрепленный адекватным ростом экономики, приводит население страны к нищете. Затем, можно провести оценку возможностей достижения намеченных целей исходя из существующих сегодня условий, необходимости трансформации и реформ, а также, сколько времени на это потребуется.

Таким образом, общество на пути к устойчивому развитию, приняв на себя ряд ограничений, вытекающих из экологического императива, должно создать экономические условия, в которых станет не выгодно превышать сложившиеся в обществе, с учетом интересов будущих поколений, нормы потребления.

В современной научной литературе популярным становится поиск новых путей социально-экономического развития на основе факторов, эффективность которых с точки зрения мировой экономики низкая, но с точки зрения региона достаточная. Некоторые авторы пытаются, например, связать этно-культурную составляющую уклада и образа жизни людей с конкурентоспособностью региона, через развитие туризма и связанных с этим комплексов услуг. На мой взгляд, главным достоинством

этого фактора является не возможность его экспортировать. Этно-культурный компонент в той или иной мере основывается на традиционном образе жизни наиболее оптимальном для природно-климатических условий данной территории, а значит, наиболее коррелированный с принципами устойчивого развития

Другой подход, основывается на использовании инновационной составляющей. В этом случае, существует риск того, что инновация или нововведение могут быть вывезены из страны и будут использованы там, где экономическая эффективность их применения будет выше.

Тогда, какого рода инновации будут наиболее привлекательными с точки зрения обывателя, живущего за тысячу верст от столицы? Те, которые сделают его повседневную жизнь легче и не нанесут особого вреда окружающей среде. Другими слова, которые органично войдут и существенно дополнят традиционный образ жизни и не будут противоречить этно-культурным особенностям территории.

Например, в передаче, которую ведет журналист Михаил Кожухов по 5 каналу г. Санкт-Петербург, и в которой он рассказывает о своих поездках по миру, был репортаж о его путешествие по Республике Тыва. Там, среди бескрайних степей, рядом с многотысячными отарами овец, лошадей, стоят традиционные юрты, а рядом с некоторыми их них небольшие переносные солнечные батареи, как рассказали местные жители, ведущие традиционный кочевой образ жизни, в солнечный день мощности этой батарей хватает согреть чайник и приготовить еду, а значит не нужно тратить топливо. Если еще будет придумано переносное компактное устройство для использования энергии ветра, то и жители Тывы, Калмыкии и других регионов, где ветры частое явление будут весьма благодарны и приобретут эти устройства на свои средства, а государству не придется искать огромные ресурсы на строительство очередных гидросооружения и атомных станций, очевидно, не полезных для окружающей среды.

С точки зрения государственной статистики, инновационная деятельность, связана с трансформацией идей (обычно результатов научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений) в технологически новые или усовершенствованные продукты или услуги, внедренные на рынке, в новые или усовершенствованные технологические процессы или способы производства (передачи) услуг, использованные в практической деятельности. Она предполагает целый комплекс: научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий, совокупность которых и приводит к инновациям.

Виды инновационной деятельности[23]:

1. исследование и разработки;

2. инструментальная подготовка и организация производства, охватывающие приобретение производственного оборудования и инструмента, изменения в них, а также в процедурах, методах и стандартах производства и контроля качества, необходимых для изготовления нового продукта или применения нового технологического процесса;

3. производственное проектирование дизайн и другие разработки (не связанные с научными исследованиями и разработками) новых продуктов, услуг, методов их производства (передачи), новых производственных процессов, включая подготовку планов и чертежей, предусмотренных для определения производственных процедур, технических спецификаций, эксплуатационных характеристик, необходимых для создания концепций, разработки, производства и маркетинга новых продуктов, процессов, услуг;

4. приобретение овеществленных технологий – машин и оборудования, по своему технологическому назначению связанных с внедрением технологических и прочих инноваций;

5. приобретение неовеществленных технологий со стороны в форме патентов, лицензий (договоров) на использование изобретений, промышленных образцов, полезных моделей, раскрытия ноу-хау, а также услуг технологического содержания, приобретения программных средств, связанных с осуществлением технологических инноваций;

6. обучение, подготовка и переподготовка персонала, обусловленные внедрением технологических инноваций;

7. маркетинговые исследования.

Отнесение последних к видам инновационной деятельности весьма спорно. В развитых странах при появлении идеи нового товара или услуги, приглашается маркетолог для того чтобы определить какова целевая аудитория, емкость данного рынка, другими словами сколько и как быстро на этом можно заработать, пока не появились конкуренты. У нас же, как во времена Советского Союза приходится сталкиваться с ситуацией, когда считается, что главное что-нибудь произвести, а затем покупатель всегда найдется. Пренебрежительное отношение к маркетингу как важнейшей составляющей успешной деятельности на рынке, скорее говорит о низкой профессиональной компетентности менеджмента хозяйствующего субъекта, чем об инновационной активности.

[23] www.gks.ru

К инновационным товарам, работам, услугам относятся товары, работы, услуги, подвергшиеся в течение последних трех лет разной степени технологическим изменениям. По уровню новизны инновационные товары, работы, услуги делятся на вновь внедренные (или подвергшиеся значительным технологическим изменениям) и подвергшиеся усовершенствованию.

Государственное статистическое наблюдение ведется по следующим показателям:

1. Динамика основных показателей инновационной деятельности организаций.

По данным за 2009г. на организации, осуществляющие технологические инновации, в общем числе организаций добывающих, обрабатывающих производств, по производству и распределению электроэнергии, газа и воды приходится 9,4% от их общего числа, а объем отгруженных товаров, работ и услуг этими организациями составил 877,7 млрд. руб. или 4,6% в общем объеме отгруженных ими товаров, выполненных работ, оказанных услуг. Соответствующие показатели для организаций связи составили 11,2% и 2,4%. По другим видам деятельности информация на официальном сайте Госкомстата РФ не представлена, рискну предположить по причине не значительности показателей.

2. Динамика инновационной активности организаций по субъектам РФ.

Уровень инновационной активности организаций по субъектам РФ оценивается как отношение числа организаций, осуществляющих технологические, организационные или маркетинговые инновации к общему числу обследованных за определенный период времени организаций в стране, отрасли, регионе и т.д.

Агрегированные данные по отдельным Федеральным округам представлены в табл.1. Выполненные ранее автором исследования позволили выделить три группы Федеральный округов по скорости рост ВРП: 1 группа – темп роста выше среднего темпа роста ВРП в целом по субъектам РФ: это Центральный и Уральский ФО; 2 группа – темп роста равен или ниже среднего темпа роста ВРП в целом по субъектам РФ, но не более чем на 3%: Северо-Западный, Южный, Приволжский ФО; 3 группа – темп роста ниже среднего темпа роста ВРП более чем на 3%: Сибирский и Дальневосточный ФО. [9]

Из данных табл. 2 видно, что лидеры по темпу роста ВРП Центральный и Уральский ФО не являются таковыми по удельному весу организаций осуществляющих инновации, то есть можно предположить, что рост экономики субъектов, входящих в эти Федеральные округа, определяется скорее традиционными экстенсивными, чем интенсивными

инновационными факторами. Лидером же по удельному весу инновационных организаций как в 2006, так и в 2009 г. является Приволжский ФО, хуже всего в 2006 году ситуация была в Дальневосточном ФО (6%) и Сибирском ФО (8,1%) к 2009 году ситуация несколько изменилась: на последнем месте Южный ФО (6,8%), затем Сибирский ФО (7,3%).

Таблица 1

Инновационная активность организаций по Федеральным округам и Российской Федерации в целом

Федеральные округа	2006	2007	2008	2009
Российская Федерация	9,9	10,0	9,4	9,3
Центральный	10,4	10,0	9,4	8,8
Северо-Западный	11,0	9,8	8,9	9,5
Южный	8,2	8,3	7,2	6,8
Приволжский	11,4	12,8	12,5	12,8
Уральский	11,2	11,5	10,1	10,2
Сибирский	8,1	8,1	7,7	7,3
Дальневосточный	6,0	5,8	7,2	8,3

В табл. 3 представлен фрагмент рейтинга субъектов РФ с наибольшей инновационной активностью, в 2009 году (с указанием места этого субъекта в рейтинге 2006 года).

Кроме того, данные табл. 2 указывают на то, что динамика инновационной активности по субъектам РФ не является устойчивой, в течение такого небольшого периода времени с 2006 по 2009 год колебания в рейтинге оказались весьма заметными из лидеров 2006 года в первой десятке остались: Пермский край, Нижегородская, Томская и Орловская области, г. Москва, Самарская область с 3-го места в 2006 году переместилась на 16 место в 2009г, Владимирская с 4-го на 25-е, Свердловская с 7-го на 13-е, Воронежская с 8-го на 39-е, Калининградская область с 10-го на 77 место. Положительную динамику продемонстрировали Магаданская область с 35-го места в 2006году на 1, Оренбургская область с 14-го на 5-е, Республика Татарстан с 16-го на 6-е, Чувашская Республика с 42-го на 9-е место в 2009 году.

Подтверждением высокой инновационной активности в Приволжском ФО отмеченной ранее является то, что среди десяти первых регионов по уровню инновационной активности 5 субъектов входят в состав Приволжского ФО, 2 субъекта представляют Центральный ФО и по одному, Дальневосточный, Сибирский и Северо-Западный ФО.

Таблица 2

Рейтинг субъектов РФ по удельному весу организаций, осуществляющих инновационную деятельность, в общем числе организаций, в 2009 году (фрагмент таблицы)

Наименование		2006		2009	
субъект РФ	федеральный округ	уд. вес	место	уд. Вес	место
Магаданская область	Дальневосточный	9,5	35	33,3	1
Пермский край	Приволжский	26,1	1	23,7	2
Нижегородская область	Приволжский	14,8	6	18,4	3
Томская область	Сибирский	18,4	2	15,3	4
Оренбургская область	Приволжский	13,3	14	15,2	5
Республика Татарстан	Приволжский	12,8	16	14,5	6
Орловская область	Центральный	14,2	9	14,2	7
г. Москва	Центральный	14,9	5	14,1	8
Чувашская Республика	Приволжский	8,8	42	14,1	9
г.Санкт-Петербург	Северо-Западный	14,1	11	14,0	10

3. Объем отгруженных инновационных товаров, работ, по видам экономической деятельности.

На сайте Госкомстата РФ представлены данные в стоимостном выражении и в процентах от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ услуг. Данные табл. 3 показывают, что за период с 2005 по 2009 год рост удельного веса отгруженных инновационных товаров, работ, услуг произошел по следующим видам экономической деятельности: Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака, Текстильное и швейное производство, Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви, Химическое производство, Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий Производство машин и оборудования, Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования.

В целом по видам деятельности произошло снижение объемов отгруженных инновационных товаров, работ услуг с 5% в 2005 до 4,6% в 2009году.

Таблица 3

Объем отгруженных инновационных товаров, работ, услуг по видам экономической деятельности в период с 2005 по 2009г. в процентах от общего объема (фрагмент таблицы)

Вид экономической деятельности	2005	2009
Всего	5,0	4,6
Добыча полезных ископаемых	2,7	2,7
Обрабатывающие производства	7,0	6,1
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	4,5	4,8
Текстильное и швейное производство	2,0	4,7
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	2,8	6,1
Химическое производство	7,1	11,4
Производство резиновых и пластмассовых изделий	10,5	6,8
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	3,8	5,5
Производство машин и оборудования	6,2	8,3
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	8,9	9,9
Производство транспортных средств и оборудования	20,1	16,2
Прочие производства, не включенные в другие группировки обрабатывающих производств	9,7	5,8

Причиной этого может быть то, что в результате мирового финансового кризиса хозяйствующие субъекты в целях экономии свернули свои инновационные проекты.

Число организаций, осуществляющих технологические инновации по видам экономической деятельности. Анализ данных табл.5 и табл. 4 показывает, что, несмотря на то, что наибольшая инновационная активность приходится на производство кокса и нефтепродуктов 31,4% и 32,7% инновационных организаций в их общей численности в 2005 и 2009 годах соответственно, объем отгруженных инновационных товаров по этому виду деятельности (табл.4) настолько незначителен, что не был включен в представленный фрагмент таблицы.

Таким образом, рост удельного веса инновационных организаций по видам экономической деятельности в 2009 по сравнению с 2005 годом не во всех случаях подтверждается увеличением удельного веса отгруженной продукции инновационных товаров, выполненных работ услуг.

Таблица 5

Динамика инновационной активности (удельный вес организаций, осуществляющих инновационную деятельность, в общем числе организаций) организаций по видам экономической деятельности (фрагмент таблицы)

Вид экономической деятельности	2005	2009
Всего	9,3	9,4
Добыча полезных ископаемых	5,6	5,8
Обрабатывающие производства	10,9	11,5
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	8,0	9,5
Текстильное и швейное производство	4,3	6,9
Производство кокса и нефтепродуктов	31,4	32,7
Химическое производство	23,5	23,6
Производство резиновых и пластмассовых изделий	10,7	11,5
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	9,3	7,1
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	11,9	12,9
Производство машин и оборудования	13,5	14,9
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	26,8	25,7
Производство транспортных средств и оборудования	23,8	19,2
Прочие производства, не включенные в другие группировки обрабатывающих производств	14,2	15,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	4,2	4,3

4. Затраты на технологические инновации по видам экономической деятельности представлены в абсолютном выражении (млн. руб.) в текущих ценах, что делает оценку их динамики не показательной.

Кроме того, на сайте Госкомстата РФ представлены следующие показатели:

- поступление патентных заявок и выдача патентов на интеллектуальную собственность;

- поступление патентных заявок и выдача патентов на интеллектуальную собственность по субъектам Российской Федерации.

Очевидно, что для выполнения более полного статистического исследования инновационной составляющей устойчивого развития регионов России на основе принципов и доводов представленных ранее, вышеперечисленных показателей явно не достаточно. Прежде всего, не хватает видовой классификации, позволяющей оценить эффективность и новизну инновации. Иначе, можно перепутать производительные новшества с изобретательством ради изобретательства, а именно, любой патентовед Вам скажет, что наибольшее число патентов в мире получено на изобретение или усовершенствование водяного затвора известного человечеству еще с Древнего Рима под видом унитаза.

Не повышение конкурентоспособности, а устойчивое развитие в условиях сохранения окружающей среды должно быть целью стратегического планирования развития, как отдельных субъектов РФ, так и страны в целом. При этом, наиболее эффективная реализация такой стратегии будет находиться в рамках разумного компромисса между традиционным укладом жизни и инновационным трендом развития техники и технологии.

ЛИТЕРАТУРА

1.Селезнев А.З. Конкурентные позиции и инфраструктура рынка России.- М.: Юристъ, 1999.

2.Портер М. Международная конкуренция – М. Международные отношения, 1993.

3.Шеховцева Л.С. Методология разработки стратегии развития окраинного региона страны в условиях ОЗС // Прогнозирование и стратегии развития Особой экономической зоны России: Межвуз.сб.науч. труд./ Калининград.ун-т.- Калининград, 2000.

4.Паршев А.П. Почему Россия не Америка? / М.: Крымксий мост-9Д, 2000.

5. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Экологический вызов и устойчивое развитие. Учебное пособие. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

6. http://ru.wikipedia.org

7.Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / Под ред. А.Г. Гранберга, В.И. Данилова-Данильяна, М.М. Циканова, Е.С. Шопхоева.- М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002.

8. Новая парадигма развития России в XXI веке. Комплексные исследования проблем устойчивого развития: идеи и результаты. / Под

ред. В.А. Коптюга, В.М. Матросова, В.К. Левашова. Изд. 2-е. М.: Academia, 2000.

9. Ковалева Т.Ю. Оценка изменений отраслевой и региональной структуры ВРП по видам экономической деятельности и Федеральным округам РФ // Проблемы современной экономики. – 2009.- №1(29).

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗВИТИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ[24]

Козловцева С.П., аспирант
Оренбургского филиала
Института экономики
Уральского отделения РАН

Извозчикова С.А., научный сотрудник
Оренбургского филиала
Института экономики УрО РАН

Чиркова В.Ю., научный сотрудник
Оренбургского филиала
Института экономики УрО РАН

Новичков Д.А., аспирант
Оренбургского филиала
Института экономики УрО РАН,
ofguieuroran@mail.ru

В условиях вступления России в информационное общество развитие агропромышленного комплекса (АПК) нашей страны связан с переходом к инновационной модели хозяйствования. Важная роль в этом аспекте отводится совершенствованию информационно-коммутационных технологий (ИКТ) и средств автоматизации в сельскохозяйственных организациях. Исследования показывают, что в большинстве сельхозорганизаций недостаточно решены вопросы автоматизации экономического анализа, использования экспертных систем для выработки

[24] Работа выполнена при финансовой поддержке проектов молодых ученых Уральским отделением Российской академии наук 2010 год

оптимальных управленческих решений. Необходимо создание новой системы менеджмента с электронным документооборотом на всех уровнях. Это подразумевает использование корпоративных информационных систем (КИС), способных автоматизировать все бизнес-процессы управления. Внедрение КИС в конкретной сельскохозяйственной организации предполагает тщательное предварительное обследование объекта с целью определения набора автоматизированных рабочих мест (АРМ), их модульного состава для последующего обеспечения основного программного комплекса [1].

Понятно, что для решения поставленных задач необходимы квалифицированные кадры. Однако квалификация работника определяется как совокупность нескольких составляющих, которые включают необходимый уровень образования, знания, навыки, умения, опыт, профессионализм. В условиях становления информационного общества и экономики каждый специалист независимо от профессии и занимающей должности должен владеть компьютерными методами сбора, редактирования, хранения и обработки информации, уметь использовать прикладное программное обеспечение, применяющее взаимосвязанную систему экономико-математических методов и моделей, с помощью которых разрабатываются, анализируются и обосновываются варианты оптимальных управленческих решений. Профессионал должен уметь решать задачи по эффективному использованию информационных ресурсов и всех возможностей всемирной сети, различных методов анализа для решения экономических задач, по участию в математическом моделировании процессов и систем в конкретных отраслях деятельности предприятия в сфере агропромышленного комплекса. Такой специалист является конкурентоспособным на рынке труда, он становится частью региональной маркетинговой информационной системы, которая должна обеспечивать продвижение товаров АПК на внешние рынки.

Основным условием формирования профессионализма специалиста АПК является непрерывное его обучение, его личное желание получать новые знания, приобретать новые навыки и умения. Учитывая специфику трудовой деятельности работников сельского хозяйства, связанную с сезонностью, большим объёмом их работы, ограниченным временем на учёбу, главным принципом повышения квалификации специалистов АПК является организация цента дистанционного обучения АПК (ЦДО АПК), в основе которого положены принципы непрерывного образования на основе ИКТ.

Развитие сферы ИКТ, создание на их основе единого образовательного пространства имеют исключительно важное значение для кардинальной модернизации всей сферы образования. Традиционные

групповые методы обучения и передачи знаний в современных условиях оказываются малоэффективными для повышения качества и объема образовательной деятельности, лишь ИКТ обеспечивает продвижение в данном направлении.

Мировой опыт уже продемонстрировал, а эксперимент подтвердил возможность предоставлять качественное образование посредством ИКТ людям любого возраста на месте их проживания или работы.

Дистанционное образование (ДО) с опорой на ИКТ перестало быть модой, оно определилось как магистральный путь модернизации сферы отечественного образования в целом. Однако его развитие сдерживается несовершенством законодательной и нормативной базы, психолого-педагогической не проработанностью узловых проблем дидактики, основанной на новых технологиях, отставанием в подготовке педагогических кадров, готовых к использованию информационных технологий, недостаточным количеством современных баз знаний, неразвитостью информационных сетей [2].

Для России, особенностью которой является наличие огромных территорий с неравномерной плотностью заселения, проблема внедрения в практику преподавания новых информационных технологий стоит особенно остро. В связи с этим жители практически всех субъектов РФ по объективным причинам не имеют равных прав закончить среднее образование, а тем более получить непрерывное образование — неукоснительное условие для превращения страны в «общество знаний», или «информационное общество».

Реализация интеллектуального потенциала АПК невозможна без повышения квалификации специалистов, поднятия их образовательного уровня через ИКТ. Для этого необходимо разработать комплексную программу по развитию непрерывного образования на основе информационно-коммуникационных технологий в рамках государственной кадровой политики. Основные этапы программы предусматривают:

- формирование законодательного поля, обеспечивающего легитимность осуществления всех ее частей;
- разработку и внедрение национальной кредитной системы оценки образовательного уровня каждого работника АПК;
- создание национальной цифровой образовательной библиотеки;
- разработку образовательных программ, адаптированных к информационно-коммуникационным образовательным технологиям;
- создание национальной образовательной телекоммуникационной системы;
- организацию сети учебных ЦДО.

Особенность аграрного сектора экономики в плане разработки и реализации каждой организацией собственной кадровой политики для обеспечения необходимого уровня квалификации персонала в условиях рыночной экономики заключается в том, что данная сфера в большинстве обеспечивается ресурсами по остаточному принципу. Следовательно, существует необходимость восстановления на новом, более высоком уровне систем, позволяющих государству управлять качеством кадров организаций агропромышленного комплекса. Эти системы должны обеспечить, с одной стороны, возможность получения необходимых знаний, умений и навыков руководителями и специалистами, с другой – позволять государству регулировать этот процесс на основе объективного анализа качества кадров АПК с учетом интересов государства в устойчивом развитии экономики сельского хозяйства [3].

В качестве основных направлений государственной кадровой политики в АПК выделим следующие:

– обеспечение профессиональной подготовки кадров для сельского хозяйства;

– обеспечение возможностей для профессиональной переподготовки и повышения квалификации персонала организаций АПК;

– совершенствование социальных механизмов профессионализации кадров АПК.

Отсутствие опыта руководящей работы, а также знаний руководителей в области управления современной сельскохозяйственной организацией и рыночной экономики существенно снижает эффективность их деятельности. Таким образом, определение государственной кадровой политики в АПК тесно связано с уровнем квалификации кадров агропромышленного комплекса.

Очевидно, что большинство организаций АПК региона в современных условиях не уделяют должного внимания кадровой политике. В таких условиях роль государства, заключается в обеспечении возможности профессионализации каждого специалиста отрасли – через обеспечение возможностей получения образования, трудоустройства в соответствии с полученной специальностью, а в дальнейшем – через обеспечения доступа к профессиональной переподготовке и повышению квалификации. Региональные программы кадрового обеспечения АПК реализуются прежде всего по трем направлениям: подготовка кадров, профессиональная переподготовка, государственная финансовая поддержка специалистов. Анализ существующей государственной кадровой политики в АПК выявил ряд проблем в её реализации, а именно: недостаточная обеспеченность сельскохозяйственного производства

специалистами; низкий уровень профессионального образования кадров АПК – налицо тенденция к сокращению специалистов, имеющих профессиональное образование в области сельскохозяйственного производства, рост числа специалистов, имеющих только практический опыт; «старение» кадров, нежелание молодых специалистов работать на селе, что опять же приводит к низкому уровню профессиональной подготовки кадрового состава АПК; высокая сменяемость, и, следовательно, недостаточная опытность руководителей сельскохозяйственных организаций, вызванная прежде всего отсутствием экономической стабильности в сельскохозяйственном производстве.

В области обеспечения профессионального развития персонала АПК также имеются проблемы: несовершенство существующих методов оценки потребностей в профессиональной подготовке и повышению квалификации кадров АПК;отсутствие у организаций достаточных финансовых ресурсов для организации подготовки и повышения квалификации кадров; отсутствие методических материалов для организации профессионального развития персонала в организациях сельского хозяйства; несовершенство (отрыв от реальных потребностей) программ профессиональной подготовки и повышения квалификации; отсутствие действенных механизмов контроля эффективности обучения.

В информационном обществе можно выделить следующие четыре актуальные области знаний, необходимых руководителям организаций АПК, требующих повышения квалификации:

Экономика	**Информатизация**
Государственное регулирование АПК. Кредитование. Планирование и прогнозирование. Формирование стратегии развития хозяйства. Реформирование. Интеграция. Маркетинг. Бизнес-план. Методы стимулирования. Экономика труда и организация заработной платы. Налоги и налогообложение. Единый сельхозналог. Бухгалтерский учёт. Менеджмент. Работа с персоналом. Планирование рабочего времени руководителя. Психология управления.	Информационные технологии в управлении: основы информационной культуры, техническая база информационных технологий, системное программное обеспечение, прикладное программное обеспечение. Интернет ресурсы. ГИС технологии.
Право	**Сельскохозяйственное производство**
Управление собственностью, выделение имущественных паев. Защита интересов собственника. Гражданское право. Административное право. Конституция РФ. Новое в законодательстве о земле и землепользовании. Трудовое право.	Техническое и технологическое перевооружение АПК Энергоресурсосберегающие технологии в АПК Интенсификация АПК

Курсы повышения квалификации призваны обновить существующие знания путем передачи той новой информации, которую наука и практика наработали за последние годы. Важно также давать изменения в законодательстве, особенно касающиеся деятельности сельхозорганизаций.

В области организации повышения квалификации кадров АПК предлагается уделять не базовым знаниям, а инновационным технологиям, новым научным достижениям, а также изменениям в законодательстве. Для решения описанных проблем, возникающих при организации обучения специалистов АПК, с учётом развития ИКТ, по нашему мнению, необходимо создать ЦДО АПК в системе Министерства сельского хозяйства Оренбургской области по переподготовке кадров и повышению квалификации специалистов и руководителей организаций АПК, который позволяет:

- проводить обучение, переподготовку и повышение квалификации без отрыва от производства;

- повысить уровень навыков специалистов и руководителей как пользователей вычислительных комплексов и информационных технологий (интернет, электронная почта, специализированные программные продукты);

- организовать курсы можно на рабочем месте в свободное или специально выделенное для этого время; проводить аттестацию в виде итоговом тестировании, видеоконференции, семинара или круглого стола, на которых с помощью вопросов комиссия сможет оценить уровень подготовки данного специалиста или руководителя организации.

Организация повышения квалификации в таком центре эффективнее, чем обучение с отрывом от производства, так как позволяет при тех же финансовых затратах охватить больший круг обучаемых, а более рациональное использование рабочего времени является важным средством повышения эффективности труда и, что не мало важно, увеличения заработной платы, качества жизни и имиджа региона.

ЛИТЕРАТУРА

[1] В.И. Колеснев Кадровое обеспечение для совершенствования информатизации в АПК. Материалы международной научно-практической конференции «Инновации и подготовка научных кадров высшей квалификации в Республике Беларусь и за рубежом» / Под ред. И.В. Войтова. — Минск: ГУ «БелИСА», 2008. — 316 с.

[2] М. Карпенко Непрерывное образование на основе информационно-коммуникационных технологиях. Интернет-ресурс. Режим доступа file:///C:/DOCUME~1/Admin/LOCALS~1/Temp/nov17.htm

[3] Гарнык Б.В. Государственная кадровая политика как одно из направлений реализации приоритетного национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса» // Вестник университета «Государственный университет управления». 2006. № 10 (26). С. 189-193.

МЕСТО СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ В ОБЪЁМЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА РОССИИ

Котов А. В., аспирант
кафедры управления недвижимостью и
развитием территорий факультета экономики
Московского государственного университета
геодезии и картографии
alexandr-kotov@yandex.ru

Важность современного изучения трансформаций, происходящих в северных регионах во многом актуализируется той ролью, которую играют эти территории как для внутреннего рынка, так и для внешних потребителей ресурсов.

Север Российской Федерации охватывает полностью или частично территории 27 субъектов страны. Регионы, естественно-географические особенности хозяйственной деятельности которых приходятся на зону Севера, составляют 79,6% территории России. Непосредственно к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям относятся 65% территории страны, на которых проживает около 10,7 миллиона человек, что составляет 7,5% населения страны. При этом на Севере производится свыше 20% валового внутреннего продукта. Экспортный потенциал Севера обеспечивает около 60% валютных поступлений. Около 4/5 этого объёма дают производства по добыче и переработке полезных ископаемых, в том числе углеводородного сырья, и энергетики.

В национальном разделении труда в настоящее время экономика Севера обеспечивает добычу нефти – 73,7%, природного газа (включая газовый конденсат) – 92,6%, угля – 9,7%, в производстве фанеры – 16,8%, в производстве пиломатериалов – 19,7%, в производстве деловой древесины – 21,5%, бумаги – 46,9%, целлюлозы – 51,5%, электроэнергии - 12,6%. Доминирующими отраслями экономик регионов Севера составляют

топливный сектор (64,9% объёма промышленной продукции), цветной металлургии – 8%, лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности – 5,5% и электроэнергетики – 9,6%.

В обобщенном виде место северных регионов в промышленном производстве страны может продемонстрировать динамика показателя - объём промышленного производства - в целом по северным регионам и отдельно по всей России [1].

Период 1995-2008 гг. отмечен относительно ровной траекторией вклада регионов Севера в формирование объёма промышленной продукции страны. За рассматриваемый период доля северных регионов возросла в формировании этого показателя с 12,41% до 13,56%.

Таблица 1

Удельный вес объёма промышленной продукции в суммарном объёме промышленной продукции России в 1995-2008 гг.

Наименование региона / Годы	В фактически действовавших ценах, млн. руб. (до 1998 г. – млрд. руб.); для России – трлн.руб.				
	1995	1998	2000	2004	2008
Россия в целом	1108	1681	4763	11209	24709
Северные регионы	137477	227210	760079	1803893	3350954
Доля, %					
Россия в целом	100	100	100	100	100
северные регионы	12,41%	13,52%	15,96%	16,09%	13,56%

Основными факторами такого роста являлись благоприятная ситуация на мировом рынке энергоносителей, последствия девальвации рубля и появление свободных производственных мощностей после кризиса в 1998 г.

Производство промышленной продукции распределено по регионам Севера крайне неравномерно [2]. На протяжении и позднесоветского периода, и в настоящее время наибольший вклад в общий объём промышленной продукции вносят Ханты-Мансийский (с 25,26% в1985 г. до 52,29% в 2008 г.) и Ямало-Ненецкий (с 8,93% в 1985 г. до 15,42% в 2008 г.) автономные округа. Самые низкие показатели зафиксированы у Таймырского и Эвенкийского автономных округов – 0,07% и 0,04% в 2008 году соответственно. Во многом этот контраст объясняется малым объемом экспортной продукции добывающих и обрабатывающих видов

деятельности этих регионов, локальностью экономик – в основном обслуживающей внутренний рынок и малочисленностью населения. Около четверти объёма промышленного производства сосредоточено в республиках Саха (Якутия) и Коми, Архангельской, Мурманской и Сахалинской областях. Эти территориальные диспропорции в распределении объёма промышленной продукции связаны с исторически природно-ресурсным типом освоения Севера, в ходе рыночных реформ лишь усилившемся.

Одним из важнейших факторов экономического развития регионов являются секторная структура промышленного производства. В целом по Северу и в большинстве его регионов она характеризуется высоким уровнем добавленной стоимости в первичном и третичном секторах, и низким – во вторичном. Доля первичного сектора в 2006 г. составила 56,1% суммарной добавленной стоимости регионов Севера, третичного – 38,2 и вторичного – лишь 4,8%. В первичном секторе главенствующее положение занимает показатель *«добыча полезных ископаемых»* (53,8%).

Удельные веса данного сектора и показателя имеют стабильно высокие значения для всех регионов. Противоположная картина отмечена во вторичном секторе, особенно в сравнении с общероссийскими показателями. Его доля в объёме промышленного производства Севера в 2006 г. составила всего лишь 4,8% против 18,9% по РФ. (см. табл. 2) Видовая структура промышленного производства по регионам Севера отличается высоким уровнем добавленной стоимости по показателю «*добыча полезных ископаемых»* в Ханты-Мансийском (73,6%), Ненецком (60,8) и Ямало-Ненецком (58) автономных округах, определяемого нефтегазовой специализацией этих регионов. Наименьшие удельные веса первичного сектора имеют Эвенкийский (0,6%), что может быть объяснено не в достаточной мере интенсивным развитием добывающих отраслей и большей ориентаций на третичный сектор.

Среди северных регионов высокой долей добавленной стоимости по подразделу «обрабатывающие производства» в 2006 г. выделяются Мурманская (26,4%) и Архангельская (15,7) области, а также Республика Карелия (19,2) и Республика Коми (10,3). Они представляют старопромышленные регионы, с достаточно диверсифицированной структурой промышленности.

Высоким удельным весом добавленной стоимости третичном секторе, а именно по показателю *«Производство и распределение электроэнергии, газа и воды»* выделяются Эвенкийский (14,5%), и Чукотский (19,9%) автономные округа. Регионы, характеризующиеся высоким уровнем развития первичного сектора, демонстрируют невысокий уровень развития третичного сектора – 1,6% и 1,9% в ХМАО и

ЯНАО соответственно. Таким образом, можно охарактеризовать некоторые особенности регионов российского Севера - повышенный, относительно российского, уровень добавленной стоимости в первичном секторе, обусловленный интенсивной эксплуатацией природно-сырьевого потенциала, а также существенное отставание вторичного и третичного секторов или, другими словами, недостаточная степень постиндустриальной трансформации экономики Севера.

Таблица 2

Территориальная структура производимой промышленной продукции по видам экономической деятельности в регионах Севера РФ в 2006 г. (в %)

Наименование региона	Добавленная стоимость					
	Первичный сектор, в том числе *добыча полезных ископаемых*		Вторичный сектор в том числе *обрабатывающие производства*		Третичный сектор в том числе *производство и распределение электроэнергии, газа и воды*	
Россия	17,1	*11,9*	18,9	*18,9*	62,1	*3,8*
Регионы Севера	56,1	*53,8*	4,8	*4,8*	38,2	*2,4*
Р. Карелия	18,5	*12,8*	19,2	*19,2*	61,5	*4,6*
Р. Коми	36,2	*33,7*	10,3	*10,3*	53,0	*3,7*
Архан. обл.	23,4	*17,8*	15,7	*15,7*	60,1	*1,7*
Ненецкий АО	62	*60,8*	0,3	*0,3*	36,9	*1,0*
Мурман. обл.	20,3	*9,5*	26,4	*26,4*	52,6	*2,8*
ХМАО	73,9	*73,6*	1,1	*1,1*	24,1	*1,6*
ЯНАО	58,1	*58*	2,4	*2,4*	39,2	*1,9*
Таймыр. АО*	9,1	*7,5*	1,4	*1,4*	88,6	*5,7*
Эвенк. АО*	4,8	*0,6*	0,7	*0,7*	92,7	*14,5*
Р. Саха	43,2	*39,2*	1,9	*1,9*	53,8	*3,6*
Камчат. обл	28,9	*3,4*	7,1	*7,1*	62,8	*8,9*
Корякский АО	46,9	*23,1*	6,5	*6,5*	46,6	*4,0*
Магадан. обл.	26,1	*21,1*	3,8	*3,8*	68,9	*12,6*
Сахалин обл.	32	*25,7*	3,3	*3,3*	63,8	*1,9*
Чукотский АО	11,7	*7,9*	1,0	*1,0*	87,0	*19,9*

Структура отраслей промышленности на Севере традиционно смещалась в сторону первичных стадий производства, связанных с добычей и переработкой сырья. Характерным для региона является преобладающий вывоз продукции отраслей тяжелой (в основном добывающей) промышленности при значительно уступающих объёмах ввоза продукции машиностроения. В совокупности перечисленные положения приводили к однонаправленности освоения, проблемам в эффективности использования сырья, слабой утилизации отходов горного и обогатительного производств.

В условиях экономического кризиса условия «северности» (периферийность, суровые природные условия, зависимость от северного завоза и т.д.) наложили на экономики циркумполярных регионов более существенные трудности, чем на другие территории России. Сырьевой характер экономик северных регионов в период финансового кризиса показал более высокую стабильность в сфере промышленности. Традиционные отрасли экспорта – нефть и газ, лес, металлы – поддержали уровень промышленного производства.

Низкие темпы трансформации территориально-отраслевой структуры промышленности вследствие значительного износа основных фондов и замедленные темпы модернизации и расширения перерабатывающего сектора фактически ещё более усиливают сырьевую направленность северных экономик. Кроме этого, недооценка специфики функционирования северной экономики выразилась в непропорциональности обмена ресурсами и скрытом значительном оттоке финансовых средств за пределы северных регионов. Нахождение основных интересов корпораций за пределами северных территорий ещё более способствовало консервации отраслевой структуры промышленности.

Пути преодоления сложившейся ситуации лежат в плоскости двух факторов: внедрении научных разработок и совершенствовании территориальной организации хозяйства, и, прежде всего, сокращении до необходимого уровня вспомогательных и обслуживающих производств. Вместе с тем, реструктуризация экономики на базе использования природных и других ресурсов с учётом рыночных условий, новых социальных и экологических требований». Рост отдельных секторов может происходить за счёт перехода предприятий из одного сектора в другой. Например, после модернизации производства предприятие может перейти на другой технологический уровень.

На постиндустриальное развитие промышленности в регионах Севера влияют трудности переходного периода, связанные с отсутствием чёткой промышленной политики в отношении северных территорий и

несовершенства «северного» законодательства. На наш взгляд, идеи «полюсов развития» для Севера не сработали полностью, став, по сути, новыми редакциями крупных инвестиционных проектов, не затрагивающих глубинные проблемы развития северной периферии.

Трансформации территориально-отраслевых структур промышленности вступают во взаимодействие с формирующимися элементами «новой» экономики, что позволяет говорить об инновационном промышленном развитии Севера. Это становится особенно важным для формирования целевых ориентиров в деятельности отдельных промышленных предприятий, крупных региональных структур. Подобные исследования сначала можно проводить в целях расширения практики индикативного планирования, для разработки стратегий и программ.

Северные территории не живут за счёт дотаций, а сами дотируют другие регионы. Их пространство является ценнейшим ресурсом и, как подсказывает здравый смысл, стоит найти разумным аргумент локализации освоения Севера в перспективный период, ввиду того, что приоритетность инициатив развития должна исходить от местных сообществ, «снизу» при государственной поддержке.

Поэтому в условиях глобализации, подразумевающей свободный ввоз товаров производителей, следует сосредоточить усилия на создании условий для раскрытия потенциала территориальных особенностей региона с целью повышения роли малого предпринимательства.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Регионы России. Основные характеристики субъектов РФ 2001-2007 гг. [Электронный ресурс] - Режим доступа:http://www.gks.ru,

[2] Макроэкономическая динамика северных регионов России / Коллектив авторов. – Сыктывкар, 2009. – 336 с. (Коми научный центр УрО РАН)

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ ВЫЯВЛЕНИЯ И МОБИЛИЗАЦИИ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ ИННОВАЦИОННО ОРИЕНТИРОВАННОГО РЕГИОНА

Криошина О.А., к.э.н., доцент
кафедры менеджмента, маркетинга
и организации производства
ГОУ ВПО «Волгоградский государственный
технический университет»,
krioshina-oa@yandex.ru

В условиях обострения конкуренции развитых и развивающихся стран за миграционные и финансовые потоки, права на интеллектуальную собственность постоянно растет интерес к обширному комплексу региональных проблем. Постепенно становится все более очевидным, что успешное развитие государства тесно связано с развитием территорий страны и формированием конкурентоспособности регионов. Применительно к развитым и даже развивающимся государствам регионы все более становятся не только объектами, но и субъектами стратегического управления.

В настоящее время в мировом хозяйстве активно формируется новый тип экономического роста, сутью которого являются целенаправленно создаваемые с участием государства и национально ориентированного бизнеса системы воспроизводства и использования знаний, воплощения их в инновации, обеспечивающие экономическую и социальную (в широком смысле) конкурентоспособность регионов. При этом задача повышения конкурентоспособности российских регионов состоит не только в расширении имеющихся и поиске новых ниш на национальном и мировом рынках, но и в обеспечении эффективной структуры рыночных обменов, не истощающих природный, материальный и человеческий капитал территорий, а в перспективе – в создании предпосылок для выравнивания воспроизводственных возможностей на обширной гетерогенной территории страны.

В большинстве российских регионов имеются необходимые предпосылки для формирования конкурентных преимуществ. Для того чтобы эти предпосылки могли реализоваться в значимый фактор регионального и национального экономического развития, необходима специальная целенаправленная экономическая политика и центра, и самих регионов.

Под инновационно ориентированным регионом сейчас, как правило, понимают регион, экономика которого направлена на инновационный тип своего развития. Инновационно ориентированный регион – это регион, в котором развитие экономики идет за счет опоры на науку и инновации. [1] Однако, кроме того, здесь на постоянной основе внедряются инновации в социальной сфере (освоение новых образовательных технологий, развитие регионального здравоохранения, внедрение новых социальных стандартов в жилищном строительстве, социальном обеспечении и др.), в институциональной сфере (разработка нового законодательства, развитие институциональных отношений и др.), во внешнеэкономической деятельности (выход на международные рынки как традиционные, так и высокотехнологичные; увеличение региональной доли в общероссийском экспорте и др.).

На основе исследования сущности и политико-экономического содержания межрегиональной конкуренции, понимаемой как процесс управления субъектом РФ своими конкурентными преимуществами для достижения регионом рыночных, экономических, социальных и иных целей развития, разработана концепция межрегиональной конкуренции в условиях российского федерализма. Данная концепция охватывает: институциональные основы межрегиональной конкуренции в условиях российского федерализма; субъекты межрегиональной конкуренции и их конкурентные интересы, предметно-объектные области конкуренции; формы и способы межрегиональной конкуренции; их положительные и отрицательные эффекты, предметно-методологические особенности межрегиональной конкуренции. [2]

Опираясь на современные тенденции трансформации региональных образований, выявлено существенное проявление неоднородности российских регионов, которое возможно дополнить стратегическими механизмами создания и удержания конкурентных преимуществ, нацеленных на достижение высокого качества жизни людей. Проблема экономической конкурентоспособности имеет существенные особенности применительно к разным типам регионов: разные регионы обладают разной стратегической конкурентоспособностью, а потому нет (и, в принципе, не может быть) единой стратегии развития экономики для всех российских регионов. Наряду с различиями обнаружены системные основы стратегического развития российских регионов, играющие роль принципов стратегического управления.

Эти принципы можно разделить на базовые (общие) и дополнительные или частные, присущие исследуемой совокупности регионов. К базовым относятся:

1) обеспечивающие динамическую устойчивость экономики региона

2) обеспечивающие структурную трансформацию региональной экономики.

Положительная динамика региональной экономики предполагает необратимость, закономерность и целенаправленность ее изменения. Трансформация структурных характеристик экономики направлена на формирование оптимальных воспроизводственных пропорций, а также обеспечение свойств экономической и бюджетно-финансовой устойчивости региона, комплексность воспроизводственного цикла путем (за счет) приоритетного создания и использования инновационных факторов развития региональной экономики. К дополнительным относятся: экономические приоритеты развития региона; иерархическая упорядоченность регионального развития.

Исследование современных подходов российского государства к конкурентному развитию региональной экономики показало, что современные механизмы государственного регулирования инновационной деятельности российских регионов не способствуют значительному повышению их конкурентоспособности. Институциональное несовершенство государственного регулирования инновационной деятельности российских регионов выражается в отсутствии общефедерального концепта пространственного инновационного развития и «стратегической слабости» государства при реализации новейших механизмов инновационного развития. Сама постановка приоритетности стратегии инновационно-технологического прорыва, предполагающая активную инновационную стратегию и ускоренный перевод российской экономики на инновационный путь развития, пока не обеспечена методологическим сопровождением.

На основе критического анализа и практической апробации разных методов оценки инновационной активности российских регионов можно сформулировать общий алгоритм оценки уровня инновационного потенциала и типологии российских регионов, которая включает: регионы, составляющие инновационное ядро России (регионы – абсолютные лидеры по имеющимся инновационным ресурсам и инновационным результатам) и примыкающие к ним инновационно активные регионы (регионы с высоким уровнем инновационного потенциала и высоким уровнем его использования); регионы восприятия и диффузии инноваций (регионы с менее высоким и незначительным уровнем инновационного потенциала, но высоким уровнем использования имеющегося потенциала); регионы – реципиенты инноваций (регионы, имеющие незначительный уровень потенциала и низкий уровень его использования).[3]

Сложившееся к настоящему времени одностороннее движение кадров, финансов, проектов и других инновационных ресурсов из регионов инновационной периферии в регионы инновационного ядра в стратегической перспективе отрицательно отразится на конкурентоспособности российской экономики, и будет способствовать еще более глубокой дифференциации социально-экономического развития российских регионов. Таким образом, очевидна необходимость модернизации сложившихся механизмов развития российских регионов.

Основным направлением развития здесь может стать интеграция регионального инновационного потенциала в рамках национальной инновационной системы России, построенной на принципах конкурентного взаимодействия, взаимовыгоды, рыночной и социальной эффективности, а также формирование новой методологии стратегического управления инновационным развитием регионов.

Региональная инновационная политика заключается в создании предпосылок и условий инновационного развития и в большей степени косвенно, чем напрямую, влияет на интенсивность инновационных процессов, хотя прямое воздействие, естественно, не исключается. Целенаправленно это воздействие оказывается через кадровую составляющую регионального управления, поддержку инновационного бизнеса и системы регионального образования, которая служит важнейшей интеллектуальной предпосылкой повышения уровня инновационного потенциала и общей конкурентоспособности региона.

Для реализации инновационной стратегии региона должны быть использованы следующие рычаги: региональное законодательство, региональные налоговые льготы, отвод земли, свободные арендные площади и другие. Решающими при этом будут следующие факторы: приемлемая цена земли и арендной платы; привлекательная по сравнению с другими регионами налоговая система; благоприятные тарифы на энергоресурсы; удовлетворительная логистика всех (нескольких) видов транспорта; хорошо развитая система подготовки и переподготовки кадров.

Конкурентоспособность региона, являясь его особым комплексным свойством, формируемым совокупностью качественно новых факторов и условий, необходимых для перехода на более высокие ступени социально-экономического и научно-технического развития региона, представляет собой синтетическую многогранную категорию, соединяющую в себе содержательные моменты рынка и администрирования, состязательности и сотрудничества, а также их общественно-государственные регуляторы, реализующуюся на объектно-субъектном уровнях рынка. Одновременно, она представляет собой наиболее точную и достоверную форму

проявления продуктивности использования ресурсов, показатель эффективности конкурентного взаимодействия регионов.

Под конкурентным преимуществом региона понимается совокупность его внутренних возможностей, связанных с особенностями комбинаций рынков факторов производства и потребительских рынков. Содержание понятия «конкурентные преимущества региона» включает не только экономическую составляющую, но также социальную и экологическую. Конкурентные преимущества региона обусловлены степенью открытости его экономики, местом в международном разделении труда, эффективностью использования всех имеющихся ресурсов. Реализация конкурентных преимуществ повышает конкурентоспособность региональной экономики, что важно в условиях превращения регионов в субъекты международных экономических отношений. [4]

Основными конкурентными преимуществами региона в настоящее время выступают: интеллектуально-образовательный потенциал региона и его инновационная динамика; территориально-производственного кластера; единство технологической базы возможность краткосрочного достижения структурной сбалансированности региональной экономики; интеграция производственно-хозяйственных единиц региональной экономики в целях обеспечения роста качества и конкурентоспособности продукции и услуг данной территории; использование инвестиций и технологических нововведений.

Вместе с тем, реализация конкурентных преимуществ, приводящая к существенному росту экономической эффективности регионального производства, способна сократить показатели трудовой занятости населения, или, например, ухудшить экологические показатели, что является негативной оборотной стороной экономического развития.

Факторами потенциальных конкурентных преимуществ на региональном уровне национальной экономики следует также считать размеры производственных мощностей, уровень технологического развития производства, квалификацию кадров, меру обеспеченности регионального производства сырьем и материалами, развитость инфраструктурных отраслей. Увеличение конкурентных преимуществ региона связано с техническим перевооружением производства и инновационным развитием экономики.

Главным рыночным фактором формирования конкурентных преимуществ региона является наличие возрастающего по потенциальному объему платежеспособного спроса на высокотехнологичное оборудование. Необходимо учитывать, что важным дополнительным импульсом к формированию конкурентного

преимущества региона выступают на начальном этапе данного процесса крупные первоначальные инвестиции из бюджетных источников, которые затем – по мере формирования благоприятного инвестиционного климата – должны заменяться инвестициями крупных частных корпораций.

Самостоятельным фактором формирования конкурентных преимуществ региона выступают инновационные инвестиции. Как правило, ощутимая доля подобных инвестиций принадлежит иностранным корпорациям, при этом важно, чтобы инвестиции оформлялись в виде долгосрочных контрактов с ведущими мировыми изготовителями определенного производственного оборудования, а также в форме кредитов ведущих международных финансовых организаций.

Для ускоренного формирования конкурентных преимуществ региона необходимо максимально использовать возможности, предоставляемые участием в открытых тендерах, на которых распределяются займы международных финансовых организаций. В межрегиональном конкурентном соревновании за опережающее формирование конкурентных преимуществ в более выгодном положении находятся те регионы, которые в силу своей производственной специализации могут использовать доходы от сырьевого экспорта (на прямые инновационные инвестиции).

Регулируемыми факторами ускоренного формирования и развития конкурентных преимуществ региона выступают: реализация высокотехнологичного оборудования и его инфраструктурное обеспечение; привлечение в экономику региона внебюджетных источников для финансирования инновационных разработок; стимулирование освоения за счет внутренних источников региональными предприятиями наукоемкой продукции; конверсия оборонного производства в целях гражданской диверсификации оборонно-промышленного комплекса; снятие препятствий в межотраслевой кооперации регионального производства; предоставление системы государственных гарантий частным инвестициям от коммерческих и некоммерческих рисков. При этом рост эффективности малого и среднего предпринимательства определяется степенью реструктуризации крупных региональных корпораций. На этой базе возможно формирование межрегионального альянса, интегратором которого должны стать смежные регионообразующие производства.

В организационно-управленческом аспекте основным фактором деформации конкурентных преимуществ региона нередко является нарушение обязательств со стороны дистрибьюторов по срокам поставки производственного оборудования, что особенно негативно сказывается на региональных связях с корпоративными заказчиками. Инфраструктурная

сфера регионов в настоящее время характеризуется формированием рынка, который располагает ассортиментом всех классов продуктов, необходимых корпоративному заказчику.

Инфраструктурное обеспечение конкурентных преимуществ региона базируется на значительных объемах двух сегментов корпоративных продаж производственного оборудования, технологий и инновационных разработок. На одном сегменте представлена продукция преимущественно мировых производителей. Продажи во втором сегменте представлены в основном продукцией отечественной сборки из комплектующих деталей. Конкурентные преимущества региона должны формироваться на базе второго сегмента, удовлетворяющего по приемлемой цене тяготение региональных предприятий к мировым брендам. В то же время практика показала, что реализация территориальных конкурентных преимуществ в значительной мере определяется взаимодействием экономической и правовой сфер региона, степенью единства их усилий.

Пространственное размещение объектов производства и инфраструктуры также следует отнести к числу существенных факторов региональной конкурентоспособности. Очевидно, что административно подчиненные региональному центру территории многократно уступают по размерам муниципалитетам региона, а это диктует необходимость высокой концентрации производства и промышленной инфраструктуры. Однако неразвитость во многих регионах инфраструктурного обеспечения производства усиливает интерес инвесторов к размещению своих предприятий и офисов именно в региональном центре.

Для развития высокотехнологичных отраслей производства главным фактором становится качество трудовых ресурсов региона. Это качество определяется развитостью системы высших учебных заведений, разнопрофильных научных институтов и конструкторских бюро, уровнем развития экономики, формирующим реальную потребность в высококвалифицированных кадрах. [5]

Рассмотрение возможностей механизма осуществления конкурентных преимуществ в регионе, позволяет сделать вывод, что он во многом связан с развитостью рынка интеллектуально-образовательных услуг. Именно здесь, на этом рынке, может быть получен наибольший рыночный эффект. В условиях развития в вузовском секторе рыночных отношений, а также постепенного перехода на рыночные принципы сотрудничества всех субъектов региональной экономики, соответственно расширяются и возможности механизма реализации конкурентных преимуществ региона.

В то же время ограничения механизма осуществления конкурентных преимуществ проявляются, прежде всего, в низкой доле затрат региональных бюджетов на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические разработки. Это касается и многих производственных предприятий. Это же можно сказать и в целом о системе высшего образования, рост финансирования которого ограничен.

В итоге инновации обычно появляются в индустриальных регионах - интернационально-конкурентоспособных центрах экономического роста. Общая черта этих регионов - присутствие критической массы учреждений исследовательского профиля (университеты, колледжи, технические институты, специализированные отраслевые лаборатории, инфраструктура частного сектора). Более того, у успешных групп регионов формируется предпринимательская основа для сетевых взаимозависимых фирм. В таких группах регионов ускоряются темпы внедрения новшеств, привлекаются инвестиции, создаются новые рабочие места. В настоящее время в качестве основного инструмента повышения рейтинга инвестиционной привлекательности региона применяется законодательное стимулирование соответствующей деятельности и обеспечение максимальной открытости инвестиционных проектов на стадии их оценки. [6]

Инновационное развитие региона - сложный, долгосрочный процесс, который требует создания уникальной и критической массы существующих ресурсов территориального сообщества, элементами которой являются: передовая научно-исследовательская позиция; обеспечивающая инновационное развитие инфраструктура; способность массовой передачи технологий; наличие высококвалифицированных кадров; долгосрочные источники кредитования или инвестиционного капитала; наличие бизнес-инкубаторов.

При разработке регионально-инновационной политики, в аспекте реализации конкурентных преимуществ региона, необходимо учитывать, что инновация – это конечный результат инновационной деятельности, получивший реализацию в виде нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности. И эта деятельность требует административной и правовой поддержки в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Территориальное управление экономикой / Под ред. проф. В.П. Колесова, проф. В.В. Шупыро. – М.: ТЕИС, 2001.

[2] Н.Я. Калюжнова Конкурентоспособность регионов в условиях глобализации. – М.: ТЕИС, 2003.

[3] Конкурентоспособность регионов: теоретико-прикладные аспекты / Под ред. Ю.К. Перского. – М.:ТЕИС, 2003.

[4] М. Портер Конкуренция. – М., 2008

[5] М.К. Тамова Конкурентоспособность и конкурентные преимущества проблемных регионов. / «Экономический вестник Ростовского государственного университета», 2007. - Т.5 №1 часть 3.

[6] А.А. Керашев, М.К. Тамова Методические основы оценки конкурентоспособности региона как фактора реализации его конкурентных преимуществ. / Вестник АГУ. Выпуск 1 (25), 2007.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В РАЗВИТИИ РЫНКА ТРУДА РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

Кылгыдай А.Ч., м.н.с.
лаборатории региональной экономики
Тувинского института комплексного
освоения природных ресурсов СО РАН,
aikys_k@mail.ru

Коренные изменения экономической системы России в начале 90-х гг. XX столетия по разному отразились на развитии ее регионов. Часть регионов, воспользовавшись своим конкурентным преимуществом, достигла значительных успехов в социально-экономическом развитии. К таким регионам относятся, в первую очередь, Тюменская область и Республика Татарстан. У группы традиционно отсталых регионов, типичным представителем которой является Республика Тыва, в течение этого периода, напротив ухудшились основные социально-экономические показатели развития, которые и до сих пор не достигли дореформенного уровня [1]. Негативные тенденции в экономике России очень остро сказались на социально-экономическом развитии Тувы в силу ее относительной транспортной изолированности и существующего на тот момент комплекса нерешенных социальных проблем. Ошибки управления, нарушение производственно-технологических связей большинства предприятий и многие другие факторы привели к кризисной экономической ситуации: снижению социально-экономических

показателей, высокому уровню дотационности республиканского бюджета, проблемам в социальной сфере[2].

За годы реформ на российском рынке труда произошло значительное по масштабам и устойчивое по времени сокращение спроса на рабочую силу. Резкое снижение численности занятых произошло на фоне увеличения численности населения трудоспособном возрасте. Россия перешла в категорию стран с высоким уровнем безработицы. Одновременно с увеличением масштабов происходил и рост продолжительности безработицы, которая в ряде регионов приняла хроническую форму[3]. Особую значимость процессы, происходящие в сфере социально-трудовых отношений, приобретают на региональном уровне, выступая чаще всего в качестве деструктивного фактора развития региона. Следует подчеркнуть, каждый регион в силу своего своеобразия (уровня социально-экономического, культурного и политического развития, менталитета народов проживающих, на определенной территории, а также национальных традиций и обычаев), имеет свои региональные особенности формирования и развития рынка труда.

Современный рынок труда Республики Тыва (Тува) сформировался в условиях реформирования российской экономики и продолжает испытывать негативное воздействие социально-экономического кризиса 90-х годов, обусловившего спад в сельскохозяйственном секторе и промышленности, снижение спроса на рабочую силу, рост общей и регистрируемой безработицы.

Тува является самым молодым регионом Российской Федерации и занимает особое место среди регионов Сибири в связи с особенностями ее исторического развития и более сжатыми по сравнению с другими регионами Сибири сроками прохождения экономических преобразований во всех сферах жизнедеятельности. Из аграрного региона за менее чем полувековой период Тува к началу 90-х годов прошлого века стала агропромышленным регионом. Производство промышленной продукции в республике в расчете на душу населения было в пять раз меньше, чем в среднем по России, а производство сельскохозяйственной продукции вышло на уровень 75% от среднероссийского. Среднедушевые доходы населения уверенно росли и в 1990 г. составляли 75 процентов от среднероссийского уровня. По объему выпускаемой продукции ведущей отраслью хозяйства Тувы в 1990 г. являлась промышленность (табл.1), которая представлена преимущественно средними и мелкими предприятиями с численностью работающих до 500 чел. и стоимостью основных производственных фондов менее 3 млн. руб. (на 01.01.1990 г.) [4]. В структуре промышленного производства основными отраслями являются (1990 г.): промышленность строительных материалов (30% в

общем объеме продукции), пищевая(23%), лесная и деревообрабатывающая (16%).

Ввиду небольшой численности населения и ограниченности внутреннего рынка, а также отсутствия ряда отраслей промышленности Республика Тыва значительную часть своих потребностей удовлетворяла за счет ввоза из других регионов страны и из-за границы. Так, около 80% розничного товарооборота республики обеспечивалось ввозимой продукцией, почти 85% электроэнергии Тыва получала из объединенной энергосистемы Сибири. Республика имела пассивный экономический баланс ввоза и вывоза товаров народного потребления – вывозила продуктов и товаров по стоимости в 11 раз меньше (1990 г.), чем ввозила, что предопределяло ее высокую зависимость от других регионов. Указанная разница покрывается за счет дотаций из федерального бюджета[4], республиканский бюджет на 25% состоял из собственных доходов и на 75% зависел от поступлений из федерального бюджета.

Таблица 1

Структура совокупной валовой продукции основных отраслей Республики Тыва в 1980-1995 гг., % к итогу*

	1980	1985	1990	1993	1995
Промышленность	40,1	43,4	39,3	36,4	23,0
Строительство	30,2	28,6	26,6	16,4	25,2
Сельское хозяйство	29,7	28,0	34,1	47,2	51,8

*Показатели социального и экономического развития Республики Тыва. – Стат. сб. – Кызыл, 1994. – С. 5.; Основные показатели социально-экономического развития и хода экономической реформы в Республике Тыва. – Стат. сб. – Кызыл, 1996. – С. 1.

Сельское хозяйство Тувы имеет животноводческое направление: продукция животноводства составляет 80% продукции сельского хозяйства, вместе с тем в целом продукция сельского хозяйства республики составляло не более 0,5% общероссийского производства.

Уровень жизни населения республики отстает от средних показателей по России. Это различие относительно невелико по розничному товарообороту, велик разрыв (более 20%) в обеспечении населения жильем, учреждениями просвещения и здравоохранения, культуры[4].

Экономические реформы постсоветского времени (1991–2000 гг.) буквально за 3-4 года развалили и парализовали экономику республики, оставив без работы и средств существования десятки тысяч людей: объем производимой промышленной продукции ежегодно падал на 10-20% в год, сельскохозяйственной на 5-10%, ввод в действие основных фондов в ряде отраслей практически приостановился, в других сильно замедлился; численность занятых в экономике ежегодно снижалась. Падали доходы

населения, в 1995 г. только 60% от среднероссийского уровня, а к 1998 г. снизились до 54% от среднероссийских.

Кризисное положение в республике обусловливалось узкоспециализированным характером производства, преобладанием сельскохозяйственных, добывающих производств и предприятий по первичной переработке сырья. Так же сказалась неподготовленность региональной экономики к вступлению в рыночную экономику, складывающиеся из года в год экономические связи рушились, новые, в силу специфики республиканской экономики, не удавалось наладить.

Вплоть до 1995 г. темпы падения промышленного производства в республике были близки к среднероссийским – в 1995 г. падение промышленного производства было даже меньшим, чем в среднем по России: индекс промышленного производства к уровню 1990 г. в республике составил 50,8%, а в Российской Федерации – 49,7%. В следующие годы падение промышленного производства в России замедлилось, а в республике не удалось предотвратить дальнейшего спада и к 1999 г. индекс физического объема промышленного производства к уровню 1990 г. (табл.2) составил 36,0% (Россия – 45,9%). Среди факторов усиления спада в промышленности республики стали: разрыв хозяйственных связей внутри Российской Федерации, падение договорной и трудовой дисциплины, резкое повышение цен на энергоносители возникшая в результате ценовая волна по другим видам продукции, свертывание инвестиционной деятельности, кризис сбыта готовой продукции из-за ее дороговизны, отсутствие необходимого количества сырья, материалов, топлива, комплектующих изделий[4]. Также усугубляющей причиной такого положения стали высокие транспортные тарифы – практически отрезавшие экономику и население республики от других регионов страны.

Таблица 2

Динамика основных показателей Республики Тыва, в 1990-1999 гг. (в % к 1990 г.)*

	1990	**1991**	**1993**	**1995**	**1996**	**1997**	**1998**	**1999**
Продукция промышленности	100	88,0	69,1	50,7	39,1	33,8	32,5	36,0
Сельское хозяйство	100	98,0	77,6	62,8	55,3	53,7	48,7	45,9

*Промышленность Республики Тыва 2000 год. Стат. сб. – Кызыл: Госкомстат, 2001. – С.10; Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. – М.: Росстат., 2004. – С. 530; Стратегия социально-экономического развития Республики Тыва до 2020 года. Кызыл. – 2007 – С.12-13.

После финансового кризиса в августе 1998 г., в 1999 г. появились первые признаки оживления промышленности республики – за 1998-2000 г. рост к уровню 1998 г. составил 122%, что всего на два процента меньше, чем в среднем по России за тот же период.

Период 1990-2000 гг. в аграрном комплексе республики характеризуется резким сокращением производимой продукции – ежегодное падение составляло около 8-10%, даже в кризисном 1998 г., когда в России наметился рост аграрного сектора экономики, в Тыве продолжилось падение, которое удалось остановить только в 2000 году. Индекс производства сельскохозяйственной продукции в 2000 г. к уровню 1990 г. составил 45,9%, при среднем по России – 63,4%.

Уровень и качество жизни населения Тувы в 1990-2000 гг. резко ухудшились: денежные доходы населения за 1990-1992 гг. снизились с 75% от среднероссйиского уровня до 55% и на таком уровне оставались вплоть до 1997 г., когда опять произошло падение уровня денежных доходов населения до 48% в 1999 г., в 2000 г. показатель увеличился до 51%; реальные денежные доходы населения за период 1994-2000 гг. снизились на 31%, в то время как в среднем по России снижение составило 19%; численность населения с доходами ниже прожиточного минимума росла вплоть до 1999 г., когда она составила 78,6%, при среднем по России 29,9%.

Численность занятого населения снижалась вплоть до 2000 г., когда сокращение занятости в республике достигло предельно высокой отметки – 27,1%. Незначительное увеличение спроса на труд в республике началось с 2001 г. Хотя вследствие стабилизации развития ряда отраслей экономики в республике, происходит дальнейшее повышение спроса на труд, тем не менее, по темпам роста численности занятых Республика Тыва отстает от Российской Федерации и Сибирского федерального округа. Наметившиеся в последние годы позитивные сдвиги в занятости республики, хотя и способствовали оживлению социально-трудовой сферы, пока не принесли устойчивых изменений в динамику занятости населения региона (рис.1.).

С конца 2008 г. экономика Тувы, как и экономика России, испытывает воздействие мирового финансового кризиса. По сравнению с другими регионами РФ влияние кризиса на экономику Тувы является менее заметным и выраженным. В республике мало крупных экономических субъектов, деятельность которых в условиях кризиса находится в зоне риска. Хотя для Тувы не являются характерными большие потери финансовых капиталов, массовые увольнения, но все же произошли сокращения рабочих и служащих. Происходит снижение занятости населения, основными причинами которой явились обвальное

падение объемов производства во всех сферах экономики, сопровождавшееся сокращением спроса на труд. В начале 2009 г. уровень занятости населения составил 45,9%.

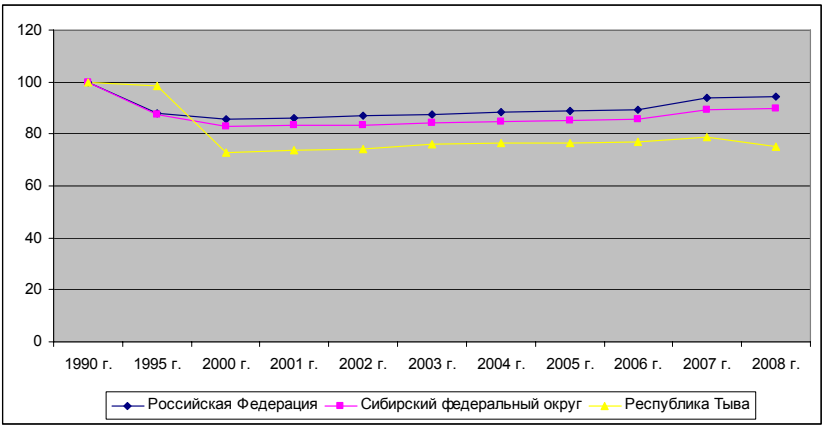


Рис. 1. Среднегодовая численность занятых в экономике, % к 1990 г.
Источники: Регионы России Социально-экономические показатели – Статистический сборник. – Москва: Росстат, 2007 – С.102-103; О состоянии рынка труда / Тувинская правда от 28 февраля 2009, № 21-22.

Среди регионов Сибирского федерального округа Республика Тыва отнесена к регионам с крайне напряженной ситуацией на рынке труда, по уровню общей и регистрируемой безработицы, начиная с 2000 г. стабильно занимает первое место в округе. Наиболее негативной тенденцией на рынке труда Тувы является устойчивая безработица (рис.2.). Общий уровень безработицы в республике к 2008 г. уменьшился и составил 19,2%, чем в 2001 гг. когда показатель достиг наибольшей отметки в исследуемые годы – 23,8%, в 1993 г. он составлял 6,5%.

По итогам 2000-2008 гг. социально-экономического развитие Тувы характеризуется чрезвычайно низкими душевыми доходами населения и недостаточным производственным и финансовым потенциалами[5]. Экономика республики характеризуется неразвитой отраслевой структурой промышленного производства, преобладанием в структуре валового регионального продукта (ВРП) сельского хозяйства и нерыночных услуг. Рост эффективности производства в регионе сдерживается высокими транспортными затратами, обусловленными территориальной удаленностью республики от транспортных, финансовых и торговых центров, неразвитостью транспортной сети, отсутствием железной дороги.

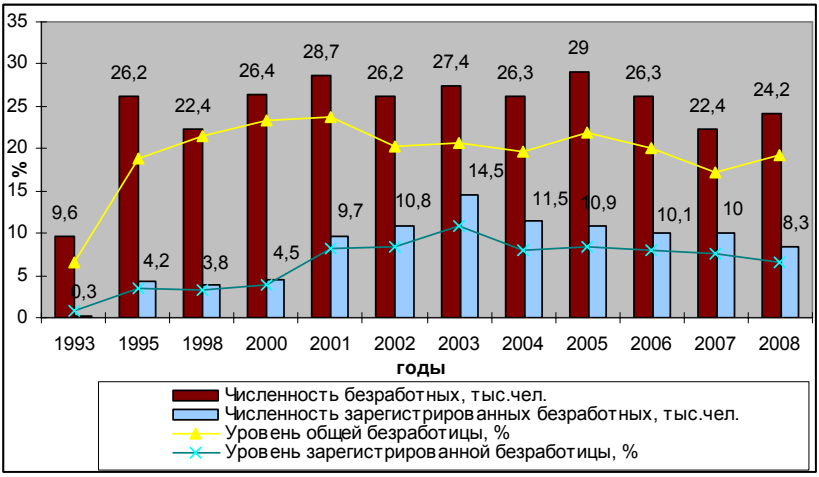


Рис. 2. Показатели безработицы в Республике Тыва.

Источники: Труд и занятость в Республике Тыва – Статистический сборник. – Кызыл: Тывастат, 2008 с.35; Социально-экономическое положение Республики Тыва за январь-декабрь 2008 года – Статистический сборник – Кызыл: Тывастат, 2008. с.38-39; Регионы России. Социально-экономические показатели. – М.:Госкомстат РФ, 2004, с 112, 126-128.

В настоящее время разрушительные последствия кризиса в ряде отраслей преодолеваются – стабильно увеличиваются объемы ВРП и промышленного производства, стабилизируется ситуация в сельском хозяйстве и строительстве. В целом рост экономики в 2001-2007 гг. характеризовался положительной динамикой изменения макроэкономических показателей, с темпами близкими к среднероссийским (табл.3). Показатели уровня и качества жизни населения стали постепенно улучшаться, но продолжают оставаться ниже средних по стране. В 2007-2008 гг. развитие экономики и социальной сферы можно охарактеризовать как стадию стабильного развития, подготовки к рывку в экономическом развитии путем решения проблем вовлечения в хозяйственный оборот крупных месторождений полезных ископаемых: по итогам федеральных конкурсов лицензию на право промышленной разработки месторождений получили крупные российские и международные компании, в частности «Норильский никель» (Красноярск), «Базовый элемент» (Москва), компания «Лунсин» (КНР); начаты подготовительные работы к строительству железной дороги, которая свяжет республику с рельсовой сетью страны[5].

Таблица 3

Динамика основных макроэкономических показателей РТ в 2000-2007 гг.*

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
ВРП, млн р., по РФ ВВП – млрд р.	3594	5197	6847	8121	9839	11663	14820	16530
на душу населения, р.	11749	17012	22421	26540	32042	37856	47968	53340
в % к предыдущему году	103,1	114,0	103,5	105,8	105,4	99,9	103,9	106,5
Индекс пром. пр-ва, в % к предыдущему году	106,0	105,7	100,0	102,9	106,7	110,2	103,2	101,2
Продукция сельск. хоз-ва, млн р. (по РФ– млрд р.)	1285	1602	1640	1973	2196	2460	2873	3211
в % к предыдущему году	100,0	107,7	96,4	115,9	105,9	93,6	104,6	103,4
Индекс потребительских цен, декабрь к декабрю предыдущего года, %	122,2	115,0	109,6	111,6	112,0	109,9	107,2	110,8
Ввод в действие общ. площади жилых домов, тыс. м² (по РФ– млн м²)	31	34	27	20	17	17	24	33
в % к предыдущему году	147,2	109,6	78,7	73,3	87,9	97,1	142,7	136,8

* Социальное положение и уровень жизни населения Республики Тыва. Стат. сборник. – Кызыл: Тывастат, 2007. – С. 8; Социальное положение и уровень жизни населения Республики Тыва. Стат. сборник. – Кызыл: Тывастат, 2009. – С. 8;

Сегодня даже в отсутствие железнодорожного сообщения, компаниями «Норильский никель», «Лунсин» в Туве начато освоение двух

крупных месторождений цветных металлов. Промышленные проекты открывают новые возможности для незанятого населения республики, поскольку возведение крупных объектов и дальнейшая эксплуатация станет мощным фактором социально-экономического развития коренного населения республики, возрастет занятость населения.

В республике совершенствуются подходы к решению проблемы сокращения безработицы, позволяющие рассматривать проблему рынка труда на уровне региона в ее многогранных связях с развитием экономики, отраслевой структурой хозяйства, особенностями населения, социальными аспектами. В «Стратегии социально-экономического развития Республики Тыва до 2020 г»[3, с.42] согласно потребности в квалифицированных специалистах определена потребность в подготовки кадров для региональной экономики. Предусматривается наращивать число специалистов с высшим образованием, особенно в сфере промышленного производства и на селе. С учетом перспективной потребности отраслей экономики и социальной сферы республики предстоит направлять на обучение в высшие и средние специальные учебные заведения до 1,5 тыс. человек ежегодно. В профессиональных училищах требуется обучить рабочим профессиям около 4 тыс. человек по 50 специальностям.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Соян М.К. Оценка эффективности развития производственного комплекса и его влияния на социально-экономическое состояние региона (на примере освоения угольных месторождений Республики Тыва): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Новосибирск, 2006.

[2] Дабиев Д.Ф. Экономическая оценка освоения минеральных ресурсов региона (на примере Республики Тыва): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Новосибирск, 2009.

[3] Авдеева Л.Н. Особенности российского рынка труда // Трансформационные процессы и экономическое развитие. М.: ИЭ РАН, 2003.

[4] Балакина Г.Ф. Экономика региона в период реформ: Республика Тыва. – Новосибирск: «Наука». Сибирская издательская фирма РАН. – 1996.

[5] Балакина Г.Ф. Стратегии развития депрессивного региона / Отв. ред. докт. экон. наук С.В. Парамонова. – Кызыл: ТУВИКОПР СО РАН, 2009.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНОРЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА КАК ФАКТОРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Лиманская (Иванова) Е.М., соискатель
кафедры региональной экономики и географии
экономического факультета
Российского университета дружбы народов,
ga58lni@mail.ru

В условиях глобализации при и определении роли и места России в международных экономических отношениях приоритет отдается, прежде всего, обеспечению национальных интересов. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537, под национальными интересами РФ понимают «совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства» [1]. Самоопределение России в геоэкономическом и геополитическом пространстве делает актуальными вопросы национальной безопасности, поскольку в глобализирующемся экономическом пространстве велико влияние достаточно жесткой конкуренции за ресурсы (природные, информационные, технологические) и рынки сбыта и капитала [2], несмотря на новые возможности, которые глобализация открывает перед странами и обществами [3].

В связи с отсутствием в научной литературе однозначного определения понятия «национальная безопасность», представляющего собой сложный и многоплановый феномен [4], будем понимать под ней «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие РФ, оборону и безопасность государства» [1].

Как система взаимосвязанных структурных компонентов, национальная безопасность включает в себя социально-политическую, экономическую, информационную, экологическую, социально-культурную составляющие [5]. Поскольку в настоящее время международные отношения строятся на основе принципов геоэкономики, на наш взгляд, бесспорно утверждение, что комплексная национальная безопасность страны в первую очередь базируется на экономической

безопасности государства и субъектов РФ [6]. Для достижения экономической безопасности требуется создание и обеспечение стабильного функционирования механизмов реализации и защиты экономических интересов страны в целях устойчивого социально-экономического развития.

В работах Арсентьевой И.И. отмечается, что активное развитие процессов регионализации (внешней и внутренней по отношению к конкретному субъекту международных отношений), как в мире, так и в России, оказывает непосредственное воздействие на формирование и становление государственности и изменения состояния различных сфер жизнедеятельности в нашей стране. Социально-экономическая стабильность государства, устойчивость развития национальной экономики сказываются на статусе России в системе международных отношений, в связи с чем возрастает значение внутренней регионализации для национальной безопасности страны [7]. При этом автор подчеркивает, что именно внутренние регионы определяют направление развития и безопасность России. Дамаскин О.В. также указывает на весомый вклад региональной политики в создании необходимых условий для обеспечения безопасного и устойчивого развития России.

Для нивелирования негативных тенденций в ходе самоопределения российских регионов регулирование регионального развития страны необходимо выстраивать с учетом значительных межрегиональных различий (природных, пространственных, социально-исторических, экономических, демографических, этноконфессиональных, геополитических, экологических) [8]. В связи с этим с учетом роли и места российских регионов в национальном хозяйстве страны, а также возрастающего значения экономической составляющей национальной безопасности страны, ключевые позиции в обеспечении безопасности России занимает экономическая безопасность регионов. В научной литературе данное понятие трактуется, как:

- совокупность текущего состояния, условий и факторов, характеризующих стабильность, устойчивость и поступательность развития экономики региона, определенной независимости и интеграции с экономикой Федерации [9];

- состояние экономики региона, обеспечивающее достойный уровень и условия жизни населения (такой уровень жизни, который обеспечивает нормальные условия для воспроизводства населения, политическую стабильность и общественное спокойствие), поступательное социально-экономическое развитие в режиме расширенного воспроизводства при объективно допустимой зависимости от внешних

воздействий и способность противодействия внутренним и внешним угрозам интересам региона в области экономики [10];

- комплекс мер, направленных на устойчивое, постоянное развитие и совершенствование экономики региона, обязательно предполагающий механизм противодействия внешним и внутренним угрозам [11] и т.д.

В качестве материальной основы экономической безопасности России выделяется экономический потенциал страны [12], в состав которого многие экономисты включают природно-ресурсную составляющую [13, 14]. Последняя же приобретает особое значение для обеспечения национальной безопасности, в том числе экономической безопасности страны и регионов.

По нашему убеждению, на современном этапе интеграции России в мировую экономику именно северным регионам должна отводиться особая роль в обеспечении национальной безопасности государства, так как ее уровень непосредственным образом зависит от уровня региональной экономической безопасности.

Исследование основных компонентов геоэкономического потенциала регионов Крайнего Севера позволило нам выявить негативные тенденции и изменения в экономике, социальной сфере и экологии данных регионов, что в совокупности является источником угроз их экономической безопасности. Среди основных угроз экономической безопасности северных регионов необходимо выделить следующие: кризис сферы производства; критическое сокращение основных фондов; усиление структурной деформации региональных экономик и национальной экономики; свертывание государственной политики поддержки предприятий; отсталость научно-технологической базы в результате прекращения финансирования научно-исследовательской, инновационной деятельности; угроза возникновения социальной напряженности в результате сокращения рабочих мест, снижения уровня и качества жизни населения; угроза истощения совокупного потенциала регионов, в том числе природно-ресурсного, экологического, трудового, производственного, финансового и др.; угроза экспансии территорий, в первую очередь приграничных, со стороны иностранных государств; угроза отчуждения территорий из состава РФ и др.

Поскольку в настоящее время и в ближайшем будущем экономика России находится в зависимости от природно-ресурсного потенциала, основу которого составляют природные богатства Российского Севера, при формировании и реализации государственной политики в части обеспечения национальной экономической безопасности необходима разработка мер, направленных на предотвращение и ликвидацию угроз

сокращения природно-ресурсного и экологического потенциалов северных территорий.

Величина и разнообразие природно-ресурсного потенциала арктических регионов России обусловили формирование на их территории различных видов природопользования. Анализ научных работ, посвященных исследованию проблем природопользования, охраны окружающей среды, показал, что в современной структуре природопользования регионов Крайнего Севера, в которой по степени распространения преобладающими элементами являются фоновое природопользование (большей частью традиционное и лесохозяйственное) и крупноочаговое и очаговое виды природопользования, включающие в различных соотношениях промышленное, транспортное, энергетическое, военное и селитебное природопользование, усиливаются явные и неявные конфликты природопользования.

Высокая конкуренция за природно-экологические ресурсы Севера между субъектами различных сфер хозяйственной деятельности, одним из которых выступает население, породила конфликты между различными видами природопользования. Анализ научных работ, посвященных исследованию экологической ситуации на севере, проблем природопользования и охраны окружающей среды, показал, что сильную нагрузку на экосистемы оказывает промышленный тип освоения северных природно-экологических ресурсов, несмотря на то, что по разнообразию направлений антропогенного воздействия данный вид природопользования уступает рекреационному и селитебному.

Наибольшую угрозу экологической безопасности представляют отрасли добывающей промышленности и производство стройматериалов, нерациональная деятельность которых вызывает необратимые разрушительные процессы, имеющие локальные и глобальные последствия. Данные изменения снижают возможности дальнейшей эксплуатации арктических экосистем на уровне, необходимом для обеспечения достойного уровня и качества жизни населения.

Большое влияние на характер и перспективы развития природопользования в регионах Крайнего Севера оказывает ряд факторов, прежде всего – состояние социально-экономической сферы. Так, с началом индустриального освоения Российского Севера приток населения способствовал появлению и развитию в северных регионах промышленного, транспортного, селитебного, военного, рекреационного, природоохранного видов природопользования. Однако в настоящее время складывающаяся на Севере России демографическая ситуация с учетом миграционных процессов способствует не только разрушению трудового потенциала с качественной и количественной точек зрения, но и

непосредственно способствует вытеснению традиционных видов деятельности, сокращение сельскохозяйственного и селитебного природопользования.

С началом рыночных преобразований хозяйственное развитие северных регионов все больше стало походить на реализацию концепции одноцелевого развития хозяйства Севера России, выдвинутой еще в начальный период индустриального освоения ресурсов северных территорий. Еще в советский период данный подход признавался в научных кругах нецелесообразным [15], поскольку он подразумевает выборочное освоение только высокоэффективных природных ресурсов без крупных инвестиционных затрат на диверсификацию отраслей промышленности и создание социальной инфраструктуры. Такой подход отражает потребительское отношение к ресурсам Севера России, а при игнорировании соблюдения природоохранных норм грозит экологической катастрофой в местах разработки месторождений.

В настоящее время ресурсно-сырьевая специализация региональных экономик Крайнего Севера усиливается, что находит отражение, в том числе, и в государственных стратегиях. Хотя в различных концепциях и стратегиях развития экономики страны и регионов высшим руководством страны уже не раз объявлялась концепция перехода на инновационный путь развития государства, финансирование в реалии пока мизерно. Кроме того, перспективы социально-экономического развития Восточной Сибири и Дальнего Востока, по сути, сводятся к освоению топливно-энергетических ресурсов, а конкретных мероприятий и направлений переориентации экономики Западной Сибири (нынешнего топливно-сырьевого гиганта) не выработано.

Фактические результаты реализуемой государством политики в области социально-экономического развития страны и освоения недр являются еще одним доказательством неэффективного использования геоэкономического, в том числе природно-ресурсного, потенциала северных регионов России. На наш взгляд, разработка региональной политики государства в отношении регионов Крайнего Севера требует индивидуального подхода, поскольку в отличие от более южных территорий России арктические пространства имеют свои социально-культурные, экономические и экологические особенности.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html)

[2] Дамаскин О.В. Россия в современном мире: проблемы национальной безопасности. – М.: Флинта: Наука, 2007.

[3] Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М.: Гардарики, 2007.

[4] Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. – СПб.: Северная звезда, 2004.

[5] Арсентьева И.И. Российские регионы в системе национальной безопасности: монография. – М.: Восток – Запад, 2008.

[6] Дюженкова Н.В. Управление экономической безопасностью региона в современной России: автореферат диссертации … кандидата экономических наук. – Тамбов, 2002; Бабаев К.Н. Экономическая безопасность региона: Политикоэкономический аспект: диссертация... кандидата экономических наук: 08.00.01. – Кострома, 2000; Вечканов Г.С. Экономическая безопасность: Учебник для вузов. – СПб: Питер, 2007.

[7] Арсентьева И.И. Российские регионы в системе национальной безопасности. – М.: Восток - Запад, 2008; Арсентьева И.И. Региональные факторы национальной безопасности Российской Федерации. - Чита: ЧитГУ, 2008; Арсентьева И.И. Процессы регионализации в современной России // Вестник Читинского государственного университета. – Чита, 2006. – Вып. 3 (40). – С. 136- 141.

[8] Гладкий Ю.Н. Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.

[9] Основы экономической безопасности. (Государство, регион, предприятие, личность)/ Под ред. Е. А. Олейникова. – М.: ЗАО «Бизнесшкола» «Интелсинтез», 1997; Вечканов Г.С. Экономическая безопасность: Учебник для вузов. – СПб: Питер, 2007.

[10] Илюмжинов К.Н. Калмыкия в политическом и экономическом пространстве России (1996–2002) URL: http:// pda.region08.ru/kilyumzhinov/38vzglyady/252sovremennayaekonomika.html

[11] Быков В.П., Дембовская О.А., Лебедько Е.М. Экономическая безопасность регионов и преодоление угроз в современных условиях (URL: http://sciencebsea.narod.ru/2006/ekonom_2006/bykov_ekonom.htm)

[12] Яковлев М.В. Индикаторы экономического положения и принципы экономической безопасности северных регионов: автореферат диссертации … кандидата экономических наук. – Апатиты, 1998.

[13] Вечканов Г.С. Экономическая безопасность: Учебник для вузов. – СПб: Питер, 2007. – С. 195208;

[14] Шкарина Е.Н. Экономическая безопасность регионов и преодоление угроз в современных условиях (URL: http://science.ncstu.ru/articles/econom/11/43.pdf)

[15] Егоров Е.Г., Лищенюк С.Н. Методологические аспекты исследований экономики Севера. – Новосибирск: Наука, 1987.

[16] Евсеев А.В., Воробьева Т.А.. Котова О.И., Красовская Т.М. Современная структура природопользования на европейском Севере России // Материалы Всероссийской научной конференции «Стратегия развития северных регионов России». – Архангельск, 2003.

ДИСПРОПОРЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Миронова М.Н., к.г.н., доцент
кафедры региональной экономики и географии
экономического факультета
Российского университета дружбы народов,
mirmar@yandex.ru

Холина В.Н., к.г.н., доцент,
зав. каф. региональной экономики и географии
экономического факультета
Российского университета дружбы народов,
vkholina@gmail.com

Региональные диспропорции в РФ: основные причины. Определяющее влияние на преимущественное развитие тех или иных территорий, по П. Кругману, принадлежит двум группам факторов:

- «первой природы», которые даны «свыше», но изменяются по мере развития общества и были наиболее важными в индустриальную эпоху (богатство природными ресурсами, выгодное географическое положение);
- «второй природы», что приобрели наибольшее значение в постиндустриальную эпоху, связаны с деятельностью общества и государства и играют важную роль в модернизации (агломерационный эффект, человеческий капитал, институты) [1].

Такая ситуация ведет к формированию различий не только между регионами страны, но и внутри каждого из них, даже самого небольшого по площади. Концентрация обеспечивает максимальную эффективность экономики, но ведет к росту территориальных диспропорций и, как следствие, к социальной и политической напряженности.

Причины регионального неравенства в России, во-первых, связаны с различиями в природных условиях и ресурсах, географическом положении, исторической специфике заселения и характером

экономического освоения территории. Неравномерность размещения производства и населения проявляется в контрастах между западом и востоком, севером и югом: экономический потенциал сконцентрирован преимущественно в европейской части и юге страны, ориентированных на развитие внешних связей с соседями; а основные природные ресурсы – в малоосвоенной азиатской и северо-восточной части, суровой по природно-климатическим условиям. Ситуация осложняется отдаленностью и низкой инфраструктурной связанностью этих территорий, что «консервирует» региональные контрасты и сдерживает мобильность населения. Во-вторых, в последние десятилетия усилилось проявление модели «центр-периферия»: нарастала концентрация финансовых, производственных, трудовых ресурсов в наиболее развитых регионах, в первую очередь - в крупнейших агломерациях страны, в первую очередь столичных – в Москве и Санкт-Петербурге. Так, за 1995-2008 г. доля Москвы в валовом региональном продукте возросла с 12% до 25% (а включая Московскую область – 30%), в Москве сконцентрировано 4/5 банковского капитала. К 2009 г. суммарная численность населения Московской и Санкт-Петербургской агломераций (по официальной статистике) достигла 20 млн. человек (14% населения страны), а доля занятых в экономике – 18%, и это – на 0,77% территории страны.[2].

Концентрация финансовых ресурсов в Москве и Санкт-Петербурге способствовала активной приватизации региональных объектов столичными финансово-промышленными группами (объекты добывающей промышленности, торговые сети, транспортные предприятия). Причем, особо «опасной» для устойчивого развития экономики регионов была приватизация технологически связанных между собой промышленных объектов по частям, особенно когда новые собственники принимали бизнес-решения без учета интересов смежников. Вслед за приватизацией шла перерегистрация предприятий в столицах или оффшорах, что сокращало доходы региональных бюджетов, а значит, и социальные выплаты и расходы.

Трансфертное ценообразование, активно используемое нефтедобывающими компаниями, способствовало занижению ВРП в ресурсных регионах и завышению в местах размещения штаб-квартир, т.е. в столицах. При этом наиболее собираемые налоги – НДС и налог на добычу полезных ископаемых, экспортные пошлины были отнесены к федеральному бюджету, а налог на прибыль (размер которого связан с экономическим циклом) и НДФЛ – на региональный уровни.

Агломерационный эффект способствовал оттоку финансовых и трудовых ресурсов из периферийных территорий и создал проблему для их инновационного развития и ухудшил социально-культурную среду

проживания. За 1995-2006 гг. наблюдался четко выраженный тренд роста асимметрии по ВРП на душу населения между 10 самыми бедными и богатыми регионами: с каждым годом растет разница между лидерами и аутсайдерами - в 1995 г. она составляла 4,9 раз, 2000 г. - 6,6 раза, 2006 г. - 7,1 раз (Табл. 1).

Таблица 1.

Концентрация экономики России (доля ВРП регионов-лидеров в ВРП РФ), %, 1995-2008 гг. [2]

Регионы-лидеры	**1995**	**2000**	**2004**	**2008**
Москва	12,2	21,0	19,0	24,6
Тюменская область	9,4	9,9	13,0	9,2
Московская область	3,6	3,2	3,8	4,9
С.-Петербург	3,4	3,3	3,6	4,1
Татарстан	3,0	3,3	2,8	2,7
Красноярский край	3,0	3,5	2,6	2,1
Свердловская область	3,5	2,7	2,5	2,8
Самарская область	3,1	2,5	2,4	2,0
Башкортостан	2,9	2,6	2,3	2,2
Краснодарский край	2,3	2,4	2,2	2,4
Итого 10 регионов	**46,4**	**54,4**	**54,2**	**57,0**

Динамика региональной асимметрии в 1990-2008 гг. и ее следствия. Проблемы регионального развития существовали и в советские годы, но решались в условиях административно-командной системы и плановой экономики через перераспределение экспортных доходов от ресурсных и военно-промышленных производств через бюджет и капиталовложения пропорционально численности населения регионов. К 1990 г. различие в среднедушевых доходах населения между «бедными» и «богатыми» регионами было 3-х кратным, объемах инвестиций в основной капитал в расчете на душу населения – почти 30-и кратным. В последующие годы экономических реформ старые механизмы были

нарушены, что привело к усилению дисбалансов регионального развития. (Табл. 2).

Таблица 2.

Коэффициент региональной асимметрии регионов России по основным социально-экономическим показателям в1990-2008 гг., раз [составлено по 3]

Годы	**1990**	**1995**	**2000**	**2006**	**2008**
1. ВРП на душу населения	*	20,0	26,5	41,5	24,4**
2. Объем инвестиций в основной капитал на душу населения	28,4	49,3	179,8	186,7	173,1
3. Среднедушевые доходы населения, в месяц	2,7	13,9	13,8	9,9	8,9

* Расчет ВРП ведется с 1994 г.

** По материалам сайта www.gks.ru

По мнению академика А. Гранберга, экономические и политические реформы 1990-х гг., ставившие целью формирование рыночной экономики, открытие национальной экономики для внешнего рынка (в т.ч. на уровне субъектов РФ); изменение политических и экономических отношений «центра» и регионов обусловили различия в адаптации регионов страны к новым рыночным условиям. В стране выделились две группы регионов – наиболее уязвимые регионы и регионы, обладающие конкурентными преимуществами.

Рыночные реформы 1990-х гг. привели к спаду производства в большинстве отраслей, и как следствие – в уровне социально-экономического развития. Наибольший спад наблюдался в регионах с обрабатывающими производствами (особенно в лишившихся госзаказов регионах со специализацией на отраслях военно-промышленного комплекса и машиностроения, регионах, специализирующихся на выпуске товаров потребительского назначения, неконкурентоспособных с импортируемыми аналогами); в отдаленных регионах, пострадавших из-за оттока населения и высоких транспортных тарифов и зоны Севера, которые получали в советское время значительные бюджетные дотации.

В выигрышном положении оказались добывающие регионы, в первую очередь, нефтедобывающие в условиях растущей цены на нефть на мировом рынке в 2000-2008 гг. (Тюменская область и особенно Ямало-Ненецкий автономный округ, Ненецкий автономный округ, Сахалинская

область, Республика Коми и др.); регионы, сконцентрировавшие торгово-посредническую и финансовую деятельность («две столицы» – Москва и Санкт-Петербург). Традиционными аутсайдерами стали республики Северного Кавказа, Калмыкия, Тыва, Ивановская область, Республика Марий Эл. [4]

Крайне неравномерное распределение инвестиций в основной капитал за время перестройки и спада в экономике РФ привели к резкому сокращению числа «богатых» регионов и увеличению – «бедных», создавало предпосылки углубления регионального неравенства. Наиболее бурное развитие получили экспортоориентированные, специализирующиеся на топливной и металлургической промышленности, и «столичные» регионы, в которые активно поступали национальные и иностранные инвестиции в связи с возможностью быстрой окупаемости капиталов.

За 1990-2000 гг. размах региональной асимметрии по душевым показателям инвестиций в основной капитал вырос в 8 раз, а среднедушевым доходам населения – в 5, показатели по ВРП на душу населения различались в 26,5 раз (Табл. 1). К началу XXI в. четко проявились основные проблемы регионального развития России: усиление межрегиональной дифференциации социально-экономического развития; узкоспециализированный характер специализации экономики большинства регионов страны; концентрация производства и инвестиций в регионах-лидерах. [5]

Благоприятная конъюнктура мировых цен на нефть и металлы в 2000-07 гг. привела к росту экономики страны, но негативным изменениям в ее структурных пропорциях и обострению проблем регионального развития. В эти годы усилилась сырьевая направленность экспорта РФ: к 2007 г. удельный вес экспорта продукции ТЭК РФ вырос до 64,1%. Получили быстрое развитие отрасли, ориентированные на внутренне потребление, за счет притока экспортных поступлений в страну – торговля и другие услуги, жилищное строительство, пищевая промышленность и пр.. Сформировалась тенденция упрощения отраслевой структуры обрабатывающей промышленности – сокращался удельный вес отраслей машиностроения и химической промышленностей при росте пищевой промышленности, нефтепереработки и производства кокса [6].

Период экономического роста сопровождался дальнейшей поляризацией регионов – «бедные беднели, богатые богатели». К 2008 г. лишь 15% населения проживало в регионах с ВРП на душу населения выше среднего по стране. В 2006 г. размах региональной асимметрии по основным показателям еще больше вырос и составил по объемам инвестиций в основной капитал на душу населения 187 раз, душевым

показателям ВРП – 41,5 раза. Однако межрегиональные различия по среднедушевым денежным доходам населения несколько сократились и стали 10-и кратными (в основном в связи с мероприятиями Правительства РФ по повышению зарплат врачам, учителям и военнослужащим и индексацией пенсий).

В 2008-2009 годы влияние мирового финансово-экономического кризиса вмешалось в ход развития экономики страны и привело к падению производства, преимущественно автомобилестроения и металлургии, и ударило по наиболее развитым регионам России. Антикризисными мерами Правительства РФ и регионов стали поддержка системообразующих предприятий федерального и регионального значения, меры по сокращению безработицы за счет организации общественных работ, переобучения кадров, стимулирования развития малого бизнеса и т.п.. [7]. За счет этих мер диспропорции уровня социально-экономического развития регионов России несколько снизились, особенно по душевым показателям ВРП (Табл. 1.).

Другой институциональный фактор – реализация национального проекта «Здоровье» с 2006 г. – приостановил также пространственную поляризацию регионов страны по качеству жизни населения, оказав наибольшее положительное воздействие (при увеличившейся доступности медицинской помощи) на показатели смертности населения в самых проблемных регионах страны с низким долголетием. [8]

Региональная политика РФ в контексте проблема территориального неравенства. Сильные межрегиональные контрасты становится особенно опасными, если экономическое неравенство между регионами совпадает с политическими, религиозными, этническими различиями. Нарастающая отсталость регионов ведет к социальной и экономической нестабильности в обществе, ограничивает возможности регулирования миграционных потоков. Все это при наихудшем сценарии может привести к распаду экономического пространства и расколу государства. Способом разрешения противоречий регионального неравенства является эффективная региональная политика государства, соблюдающая компромисс между нуждами экономической эффективности и социальной справедливости. Создание Министерства регионального развития России в начале 2005 г. отражало внимание, которое стало уделяться в стране проблемам роста территориального неравенства.

Основной вектор региональной политики России – выравнивающий, наиболее явно преобладал над вторым, стимулирующим, в 1990-е гг. и первой половине 2000-ых гг. Основным инструментом выравнивающей региональной политики служат межбюджетные отношения. Он не оказался успешным, как и во всех странах догоняющего развития, где

территориальное неравенство усиливается за счет концентрации экономической активности в регионах с конкурентными преимуществами.

Поэтому с середины 2000-ых гг. акценты были перенесены на стимулирующий вектор региональной политики. Последний основан на стимулировании точек и полюсов роста экономики. Его основной инструмент – особые экономические зоны (ОЭЗ) и крупные инвестиционные проекты на основе частно-государственного партнерства. Но на практике он также слабо реализуется из-за отсутствия баланса между двумя данными векторами, режима «ручного управления», проблем выбора пространственных приоритетов развития, отсутствия согласования интересов центра и регионов. При этом, формально доля трансфертов из ФФПР стала меньше (до 70% в общем объеме трансфертов из федерального бюджета в нач. 2000-ых гг., 34% в 2007 г. и 23% в 2009 г.), но выросла доля целевых перечислений регионам на выполнение социальных обязательств. Это в результате определяет фактическое доминирование выравнивающего вектора в современной региональной политике страны [8].

Сложившееся региональное неравенство и действующая бюджетно-налоговая политика весьма ограничили возможности самоуправления большинства регионов страны. Высокую степень бюджетной самостоятельности показывают лишь 12 из 83 субъектов Российской Федерации – нефтегазодобывающие регионы: Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа, Республика Коми; регионы с развитой тяжелой промышленностью (в т. ч. топливной) – Республики Татарстан, Удмуртия и Башкортостан, Оренбургская и Томская области, крупные финансово-кредитные центры: Москва, Санкт-Петербург. Они, по сути, являются немногочисленными донорами федерального бюджета. К условным донорам можно отнести Ленинградскую, Рязанскую и Саратовскую области, в которых уровень обеспеченности бюджетных расходов собственным налоговым потенциалом лишь несколько ниже среднероссийского (в 2007 г. составлял 1,45) [9] .

Преобладающая часть российских регионов (60% от всех) является реципиентами, еще около четверти занимают промежуточное положение. Самые высокодотационные реципиенты – наиболее отстающие в социально-экономическом развитии регионы, половина из которых аграрные Республики Северного Кавказа, а также слаборазвитые регионы Дальнего Востока и Сибири.

Региональная политика России предусматривает выявление проблемных территорий и регионов. Выделяются четыре основных типа регионов, для которых разрабатываются специальные Федеральные целевые программы (ФЦП) регионального паритета, призванные решать

специфические проблемы, угрожающие социально-экономическому развитию страны в целом (табл. 3).

Таблица 3.

Основные Федеральные целевые программы регионального развития РФ в 2006-2010 годы [10]

Типы регионов	Названия ФЦП
Приграничные	Программа развития Калининградской области на период до 2014 года; Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2007-2015 гг.
Отстающие в социально-экономическом развитии	Юг России (2008-2012 годы); Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002 - 2010 гг.)
Политических конфликтов	Социально-экономическое развитие социальной сферы Чеченской Республики на 2008-2011 гг.; Социально-экономическое развитие Республики Ингушетия на 2010 - 2016 гг.
С большим риском экологических катастроф	Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 г.

При этом две программы регионального развития вошли в первую десятку ФЦП по объемам финансирования в 2010 г.: «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 года» (2-е место по объемам финансирования, 225,7 млрд. руб.) и «Социально-экономическое развитие социальной сферы Чеченской Республики на 2008-2011 годы» (9-е место, 15,1 млрд. руб.). [10] Это свидетельствует о приоритетах региональной политики государства, направленной на решение наиболее острых проблем отставания социально-экономического развития, осложненного политической и экологической ситуацией.

В 2005 г. был принят Федеральный Закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» с целью улучшение инвестиционного и предпринимательского климата, развития «новой экономики» и депрессивных территорий [11]. Это послужило основой формирования разных типов ОЭЗ, в дополнении к комплексным (в Калининградской и Магаданской областях): 2 – промышленно-производственных (в Липецкой области и Татарстане), 4 – технико-внедренческих (в Москве, Санкт-Петербурге, Московской и Томской

областях), 8 – туристско-рекреационных (в Краснодарском, Ставропольском, Алтайском и Приморском краях, республике Алтай и Бурятия, Калининградской и Иркутской области) и 2 портовых (в Хабаровском крае и Ульяновской области). Однако, несмотря на достаточный срок с момента принятия этого закона в большинстве указанных регионов, реализация проектов пока не принесла ощутимых результатов, за исключением Калининградской, Липецкой и некоторых других.

Из вышеизложенного ясно, что меры региональной политики РФ не оказывают существенного влияния на положительное решение проблемы регионального неравенства. Региональное неравенство в РФ приняло характер угрозы национальной безопасности, поэтому уже в течение ряда лет ведется работа над проектом «Концепции совершенствования региональной политики в Российской Федерации».

Хотя содержание Концепции вызывает много нареканий специалистов-регионалистов относительно территориальных приоритетов районов нового освоения, стратегического планирования специализации экономики регионов на десятилетия вперед и пр., ряд ее положений заслуживает внимания. Это относится к кардинальному совершенствованию налогово-бюджетных инструментов региональной политики, и развитие федеративных отношений и местного самоуправления. Реализация Концепции потребует внесения изменений в федеральные законы и нормативные правовые акты Президента и Правительства РФ, разработку новой правовой базы.

Проект Концепции отмечает, что современная политика страны в налоговой сфере и в области межбюджетных отношений имеет недостатки, заключающиеся в чрезмерной концентрации доходных источников на федеральном уровне и увеличение доли «мобильных» налоговых доходов, (прежде всего, налога на прибыль) в доходах бюджетов российских регионов. Это создает условия для бессистемного, непрогнозируемого перераспределения налоговой базы между регионами и нарастание дифференциации уровня бюджетной обеспеченности.

Кроме этого, нужна координация применяемых инструментов регионального развития (межбюджетных трансфертов, федеральных целевых программ, инвестиционного фонда и др.) и ликвидации дисбаланса в социально-экономическом положении регионов России, который в рамках действующего управления региональным развитием компенсируется наращиванием объема межбюджетных трансфертов. Объем финансовой помощи бюджетам субъектов Российской Федерации из федерального бюджета постоянно возрастает: если в 2004 году объем

межбюджетных трансфертов (без учета субвенций) составлял 343 млрд. рублей, то к 2008 году он достиг 762,5 млрд. рублей. [12]

Необходим переход к новым принципам финансово-бюджетных отношений, внедрения механизмов, обеспечивающих стимулы к повышению эффективности деятельности региональных органов власти, передача им действенных полномочий и реализация в полном объеме принципов местного самоуправления. Немаловажную позитивную роль должны сыграть и устранение институциональных барьеров в региональном развитии России, а улучшение институциональной среды в комбинации с другими преимуществами пространственного развития сможет повысить конкурентоспособность российских регионов. Это даст возможность решения проблемы регионального неравенства и сбалансированного территориального развития в РФ.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Krugman P.R. Geography and Trade 1991. MIT Press, Cambridge, MA

[2] Издания разных лет «Россия в цифрах». Крат.стат.сб./Росстат.

[3] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – 990 с.

[4] А.Г.Гранберг «Основы региональной экономики». – М.: ГУ ВШЭ, 2006.

[5] Рязанова Л.А., Миронова М.Н., Заргарян П.А. Тенденции развития регионов России. - Федеральный справочник, выпуск 15, январь-июнь 2004 года. Москва, «Родина-Про», 2004, С. 247 – 253

[6] Миронова М.Н. Отраслевая структура промышленности РФ в начале XXI века: региональный аспект. - Мир и Россия: регионализм в условиях глобализации, М.: Экон-Информ, 2009, 260 с., С. 251-264с.

[7] http://www.minregion.ru официальный сайт Министерства регионального развития РФ (Антикризисные меры Правительства РФ)

[8] Зубаревич Н.В. Региональное развитие и институты. // ж. Региональные исследования, 2010, №2, с.3-15

[9] Финансы России. 2008: Стат.сб./ Росстат - М., 2008. - 453 с.

[10] http://fcp.vpk.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/Title/ - сайт Федеральные целевые программы России

[11] http://www.economy.gov.ru – Министерство экономического развития Российской Федерации (Особые экономические зоны)

[12] http://www.minregion.ru – Министерство регионального развития (Концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации. 2009 г.)

ОЦЕНКА УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ВЫВОДЫ

Пашкеева Е.Е., аспирантка
кафедры мировой и национальной экономики
социально-экономического факультета
Татарского государственного
гуманитарно-педагогического университета
e.pashkeeva@gmail.com

Главными задачами социально-экономической политики региона являются обеспечение устойчивого сбалансированного развития, повышение качества жизни населения, развитие материального производства. Решение этих задач во многом обусловлено усилением межрегиональных экономических связей, обеспечивающих повышение эффективности региональной экономики.

Основная выгода формирования региональных интеграционных структур состоит в их экономической эффективности, а именно в снижении уровня общественных издержек. Движущей силой интеграционных процессов выступает взаимовыгодное экономическое сотрудничество хозяйствующих субъектов и регионов. При этом потребность в экономической интеграции реальных хозяйствующих субъектов является основным условием ее поступательного движения.

Огромные пространственные размеры и исторически сложившиеся отличия в развитии и специализации регионов России требуют особой внимательности и взвешенности подходов при выборе возможностей для страны, отслеживая при этом показатели мировых тенденций. Однако мировая хозяйственная практика показывает, что развитие межрегиональных экономических кооперационных связей позитивно воздействует на большинство макроэкономических показателей интегрирующихся регионов. Региональные интеграционные союзы рассматриваются многими странами в качестве наиболее эффективного способа улучшения конкурентоспособности как отдельных стран, так и региона в целом. Во многом обозначившееся стремление к расширению регионального сотрудничества на новом витке стало ответом на глобализационные процессы. Укрепление хозяйственных региональных связей, институтов локальной кооперации, а также сотрудничество в других сферах создают, как показывает мировая практика, лучшие перспективы социально-экономического развития отдельных стран, отдельных регионов, а в конечном итоге, - мирового сообщества в целом.

Однако результаты современных исследований доказывают слабость российского рынка как единого целого, а также отмечают центробежные силы процессов дифференциации и дезинтеграции регионов.

Для Российской Федерации с ее огромной территорией, природно-климатическим и национальным разнообразием экономическая интеграция регионов имеет первостепенное значение и рассматривается в качестве инструмента усиления однородности экономического пространства, ускорения экономического роста, повышения качества жизни населения. В результате усиления внутренних социально-экономических связей российских регионов проявятся статические и динамические эффекты, позитивно воздействующие на параметры экономического развития.

Экономическое пространство страны, как единая система кооперационного взаимодействия, остается слабо изученным. В настоящее время, развитие методики анализа, оценки и регулирования процессов межрегиональной экономической интеграции имеет огромное значение для практического применения в рамках разработки и внедрения социально-экономической политики региона и страны в целом. Для повышения эффективности управления интеграционными процессами необходимо разработать методику оценки и регулирования уровня экономической интеграции регионов.

В научной литературе можно выделить два основных подхода к оценке интенсивности экономического взаимодействия регионов. Попытаемся проанализировать и оценить преимущества и недостатки каждого из них.

Первый подход основан на сравнении показателей интенсивности интеграционных связей. При этом выбирается набор показателей, характеризующих экономические связи между регионами в динамике за ряд периодов. Например, основными показателями назначаются доля межрегионального товарооборота интегрирующихся регионов в их совокупном ВРП, соотношение межрегионального товарооборота интегрирующихся регионов и товарооборота с остальными регионами страны.

Суть этого подхода заключается в табличном или графическом сравнении определенных показателей, характеризующих экономические связи регионов за несколько периодов. Динамика этих показателей отражает усиление или ослабление интеграционных тенденций. Большинство авторов едины в том, что основным показателем интенсивности взаимодействия является наличие устойчивой тенденции к росту объемов торговли между объединяющимися регионами. Для выявления тенденции роста объемов торговли внутри интеграционного

объединения используют динамическое сравнение рассматриваемых ниже экономических показателей.

Наиболее часто сравнивают объемы производства товаров и услуг внутри регионального интеграционного объединения. Для этого оценивают долю от суммарного валового регионального продукта, приходящуюся на экспорт, импорт, товарооборот внутри объединения. Этот показатель можно трактовать как долю совместной торговли участников объединения в объеме их ВРП с некоторыми оговорками, заключающимися в следующем: ВРП учитывается по добавленной стоимости, а экспорт и импорт по ценам экспортируемых (импортируемых) товаров и услуг. Этот показатель часто исчисляют только по товарам, так как доля услуг в объеме экспорта и импорта обычно не значительна. Динамика рассматриваемого показателя говорит об усилении или ослаблении интенсивности экономического взаимодействия, а абсолютное значение показывает важность межрегионального экспорта (импорта, товарооборота) для экономики участника интеграционных связей. Этот же показатель может применяться как для оценки уровня интеграции, так и интернационализации, а также для оценки вовлеченности региона в процессы глобализации.

Что касается минусов данного метода, то для расчета показателя доли товарооборота между субъектами РФ в их совокупном ВРП, который бы явился характеристикой уровня интеграции российских регионов и макрорегионов, в настоящее время, к сожалению, не достаточно статистической информации. Оценить уровень интеграции федеральных округов РФ на основе показателя доли товарооборота между субъектами РФ в их совокупном ВРП в настоящее время не представляется возможным. Существует лишь возможность проанализировать уровень экономического взаимодействия отдельных субъектов РФ с основными регионами мира, так как в рамках отдельных субъектов РФ информация представлена в большем объеме и содержит данные об объемах экспорта и импорта по регионам мира.

Еще один показатель, используемый для оценки уровня экономического взаимодействия регионов путем выявления тенденции роста объемов совместной торговли участников интеграционного объединения, - это доля межрегионального товарооборота интегрирующихся регионов в товарообороте с остальными регионами страны. Данный показатель отражает прямую зависимость, т.е. рост или падение величины показателя означает усиление или соответственно ослабевание взаимосвязи и дополняемости экономик интегрирующихся регионов.

Для характеристики и оценки уровня интеграции региона также может использоваться информация об объеме взаимных прямых инвестиций между интегрирующимися регионами в сравнении с объемом их прямых инвестиций в другие регионы. Подобно двум вышеописанным показателям, такое соотношение также необходимо оценивать в динамике. Использование инвестиционного показателя основано на том, что за счет выноса отдельных стадий производственного процесса на территорию другого участника интеграционного объединения создается еще один канал интеграции экономик — вывоз производительного капитала. Следует, однако, отметить, что существует тенденция приобретения потоками инвестиций в рамках региональных интеграционных объединений внутрикорпоративного характера, что с одной стороны, придает им особую устойчивость, а с другой стороны, является показателем глобализации мировой экономики.

Расчет рассмотренных выше показателей, характеризующих экономические связи региона за несколько лет, имеет технически простой алгоритм. Результаты, получаемые по итогам расчетов, достаточно наглядны и легко интерпретируемы. Однако практическое использование данного подхода при оценке уровня экономической интеграции российских регионов в настоящее время невозможно, так как статистическими органами не ведется учет показателей, дающих адекватное представление о состоянии экономических связей между субъектами РФ.

Второй альтернативный подход к оценке уровня экономической интеграции основан на проверке выполнения закона единой цены, осуществляемый путем эконометрического моделирования. Понятие «интегрированное» характеризуется наличием по умолчанию единого внутреннего рынка, единой инфраструктуры, а также единой экономической политики. Так как при рассмотрении региональной интеграции условие, связанное с единством экономической политики, выполняется автоматически, то следовательно сущностными признаками интеграции будут единый национальный рынок и единая производственная и социальная инфраструктура.

При таких идеальных условиях выполнение закона единой цены может быть использовано в качестве надежного критерия интрегрированности рынка. Интегрированность пространственно распределенного рынка в рамках эконометрических моделей, основанных на проверке выполнения закона единой цены, означает отсутствие препятствий движению товаров между территориально удаленными регионами. При условии отсутствия препятствий, арбитраж будет выравнивать цены одинаковых мобильных товаров во всех сегментах единого рынка.

Закон единой цены на товарном рынке (Law of one price) утверждает, что в рамках единого экономического пространства все мобильные товары (tradable goods), другими словами те, которые можно физически перемещать из одного населенного пункта в другой, должны продаваться по одной и той же цене.

Закон единой цены может быть использован в двух формах: строгой и слабой. Слабая форма закона предполагает наличие определенных ограничений товарооборота на «естественном», т.е. обусловленном объективными условиями (местные особенности, расстояние между населенными пунктами и пр.) уровне. Строгая форма закона единой цены предполагает, что отсутствуют абсолютно все, как «естественные», так и «искусственные» (административные) ограничения на пути товародвижения.

На основе использования закона единой цены существуют эконометрические модели с различной степенью приближенности к реальной экономике. Модели разных авторов (М.П. Кругмана, Обстфельда [1], А.М. Тэйлора, К.П. Глущенко [3], Д. Берковица, ДеИонга и др.), использующие для оценки уровня экономической интеграции регионов закон единой цены, характеризуются определенными особенностями и разной степенью сложности.

Основным преимуществом метода оценки уровня интеграции, основанного на проверке выполнения закона единой цены, является то, что при его использовании требуется достаточно мало статистической информации, а все необходимые данные учитываются статистическими органами. Недостатком метода является его сложность при практическом использовании. Для приближения к реальности в рассмотренных моделях используется множество параметров, усложняющих расчет и требующих громоздких математических вычислений, специальных знаний и достаточно высокого уровня подготовки.

С учетом вышесказанного, существует необходимость разработки наглядной и простой при практическом использовании модели количественной оценки уровня интеграции региона, в частности, для определения характеристик уровня интеграции экономического пространства региона с целью последующей оценки эффективности программ по стимулированию интеграционных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Кругман П.Р., Обстфельд М. Международная экономика. Теория и практика. Учебник для вузов. Пер. с англ. Москва: Экономический факультет МГУ, ЮНИТИ, 1997,799 С.

[2] Krugman P. Increasing Returnes and Economic Geography // Journal of Political Economy. 1999 (3)

[3] Глущенко К.П. Интегрированность российского рынка: эмпирический анализ // Москва: EERC. 2004. 84с.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И ПОКАЗАТЕЛИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Плисецкий Е.Л., д.п.н.,
заведующий кафедрой региональной экономики
Финансового Университета при Правительстве РФ,
plissetsky@mail.ru

Еремеева Л.Н., к.э.н., доцент
кафедры региональной экономики
Финансового Университета при Правительстве РФ,
caikmo@rambler.ru

На современном этапе глобализации Россия заявила стратегию своего развития как инновационную, направленную на переход от сырьевой экономики к инновационной, основанной на информационных и интеллектуальных ресурсах и наукоемких технологиях. Решение этой задачи предполагает активное вовлечение в этот процесс субъектов Федерации и муниципальных образований. Инновационная направленность деятельности регионов и муниципалитетов должна стать составной частью национальной стратегии инновационного развития страны.

Для выявления готовности регионов России к решению проблем перехода на инновационный путь нами были проанализированы факторы, позволяющие дать оценку их потенциальных возможностей для осуществления преобразований. Были рассмотрены федеральная и региональная правовая база осуществления инновационной деятельности на предмет ее соответствия потребностям перехода к модернизации, региональные особенности развития инновационной инфраструктуры, региональный аспект стартового состояния экономики, финансовое обеспечение инновационного развития на региональном уровне.

Проведенный с использованием данных официальной статистики анализ факторов, влияющих на переход к инновационному развитию, позволил выявить целый ряд моментов, сдерживающих этот процесс в субъектах Федерации. К ним относятся проблемы нормативно-правового и

законодательного характера, ухудшение в большинстве регионов состояния инновационной инфраструктуры, существенное уменьшение численности занятых в НИОКР, снижение заинтересованности молодежи в занятиях научно-исследовательской деятельностью, резкое повсеместное сокращение подготовки квалифицированных рабочих.

В стране понизилась заинтересованность в осуществлении фундаментальных исследований, способных обеспечивать долговременные приоритеты инновационного развития, отмечается подмена их исследованиями, решающими преимущественно сиюминутные задачи.

Развитию инноваций препятствуют и преимущественно невысокие показатели социально-экономического развития большинства субъектов Федерации. Состояние экономики и инфраструктуры большинства муниципальных образований, представленных малыми городами, поселками, сельскими населенными пунктами не способствуют формированию качественных характеристик рынка труда, необходимых для перехода к инновационному развитию.

Слабое финансовое обеспечение большинства субъектов Федерации и особенности финансового рынка России также пока не стимулируют развитие инноваций. При большом разнообразии существующих форм финансирования инновационной деятельности, основным источником остаются собственные средства предприятий.

В соответствии с данными статистики[25], в 2008г. затраты на информационные и коммуникационные технологии в целом по России составили 372,7 млрд руб. Почти 40% из них пришлось на Центральный ФО, 17% – на Приволжский, чуть больше, чем по 10% – на Северо-Западный, Уральский и Сибирский ФО, около 5% – на Южный и Дальневосточный. Наибольшие вложения осуществила Москва – больше чем Северо-Западный, Южный и Дальневосточные федеральные округа вместе взятые. Затраты на обучение сотрудников, связанные с развитием и использованием ИКТ составили в среднем по России всего лишь 8% от всех затрат на технологии. Только в 14 субъектах Федерации доля этих затрат была выше чем в среднем по стране. Самая большая доля затрат на обучение была в Пермском крае, она составила 4% от суммарных по России. Самая низкая – 0,2% всех затрат была характерна для абсолютного большинства субъектов Федерации.

Показатель числа компьютеров с выходом в Интернет, приходящихся на 100 работников, в среднем по России составляет всего

[25] Регионы России: Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. / Росстат. – М., 2009. С. 694-700.

лишь 13 ед. Только в 11 субъектах Федерации их больше, чем в среднем по России, да и то незначительно. Выделяются Москва – 36 ед., Томская область – 23 и Санкт-Петербург – 21. По 10 компьютеров на 100 работающих имеется лишь в 13 субъектах Федерации. В большинстве же субъектов Федерации их число не превышает 10 единиц. Исходя из этого, следует констатировать, что значительная часть работников в регионах не имеет компьютеров и не умеет на них работать. Основные финансовые ресурсы, выделяемые на ИКТ, тратятся на увеличение количества компьютеров, программное обеспечение и оплату интернета. Однако, судя по количеству имеющихся компьютеров, выделяемые средства не очень значительны.

Одним из показателей степени активности в сфере инновационного развития может служить наличие поданных патентных заявок[26]. Больше 46% всех заявок было подано от Центрального ФО, причем 36% от Москвы и Московской области, на втором месте по числу поданных заявок Приволжский ФО, примерно равное число заявок было подано от Северо-Западного, Южного и Сибирского ФО. В Приволжском ФО наибольшее число их было подано Татарстаном, Самарской областью, Башкортостаном, Пермским краем и Нижегородской областью; в Северо-Западном – Санкт-Петербургом; в Сибирском – Новосибирской, Томской областями и Красноярским краем; в Южном – Ростовской областью, Краснодарским краем и республикой Дагестан; в Уральском – Свердловской и Челябинской областями. Перечисленными выше 14-ю субъектами Федерации исчерпывается перечень наиболее активных в инновационном плане субъектов Федерации. Доля поданных ими патентных заявок составила почти 70%. Это свидетельствует о том, что лишь небольшая доля регионов активно занимается разработкой новых продуктов и технологий, создавая задел для перехода на путь инновационного развития.

Результатом научных разработок явилось то, что в 2008 г. в России было создано 854 передовые производственные технологии, столько же, сколько создавалось и в предыдущие годы. Из них 26% появилось в Москве и Московской области, 14% в Нижегородской, Самарской и Саратовской областях, 10% – в Санкт-Петербурге. Более низкие, но также неплохие, по сравнению с другими субъектами Федерации показатели продемонстрировали Калужская, Свердловская, Владимирская, Воронежская, Новосибирская, Иркутская и Челябинская области. Перечисленные 15 субъектов Федерации относительно активно, в

[26] Там же, с.782-822.

сравнении с абсолютным большинством субъектов, движутся по пути инновационного развития.

О том, как влияет на инновационный климат появление новых технологий свидетельствуют доля предприятий, применявших инновации и доля инновационной продукции в отгруженной товарной продукции. В среднем по России удельный вес организаций, использовавших в 2008 г. инновационные технологии составляет менее 10%. При этом у 70% субъектов Федерации данный показатель ниже среднероссийского. Самые высокие его значения в Магаданской области и Пермском крае.

Результирующим показателем инновационного развития является доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции. И он свидетельствует о том, что предпринимаемые усилия по инновационному развитию пока еще далеко не везде дают желаемые результаты – доля инновационной продукции составляет в среднем по России всего лишь 5%. В самом лучшем положении находится Приволжский ФО. В 7 из 14 его субъектов Федерации значение этого показателя выше среднероссийского: в Самарской области почти 22% всей отгружаемой продукции отнесено к инновационной, в Ульяновской – около 20%. В Центральном ФО всего 7 субъектов Федерации из 18 имеют показатели выше среднероссийских; в Северо-Западном – 3; в Уральском 2, Сибирском – 1. В Дальневосточном ФО во всех субъектах Федерации значения показателя ниже средних по России.

Следует также отметить чрезвычайно низкий показатель доли инновационной продукции в отгруженной товарной продукции Москвы и Санкт-Петербурга – соответственно 1,7 и 2,8%. Это может свидетельствовать о том, что сегодня инновационная деятельность в крупнейших промышленных центрах еще слабо связана с производством, а ее результаты зачастую не находят своего потребителя.

Подводя итоги, следует сказать, что наиболее активно переход на инновационный путь развития идет в регионах, на территории которых размещены предприятия крупных компаний, чаще всего со значительным участием иностранных партнеров, занятых добычей и переработкой российского сырья, предприятия оборонно-промышленного комплекса, а также регионы, в которых создаются новые совместные предприятия по сборке автомобилей. К числу таких субъектов Федерации можно отнести Ямало-Ненецкий АО, Пермский край, Свердловскую, Новосибирскую, Воронежскую, Курскую, Калужскую, Архангельскую, Нижегородскую и Амурскую области. Практически по всем показателям, характеризующим наличие и состояние инновационной инфраструктуры, финансовую обеспеченность, а также уровень социально-экономического развития выделяются Москва и Московская область.

Основная же часть субъектов Федерации стоит в самом начале этого сложного и долгого пути. Роль стимулирующих инновационное развитие факторов в большинстве регионов России существенно ниже, чем роль факторов, препятствующих инновациям.

Накопившиеся негативные последствия прошедших десятилетий и непродуманных реформ, инерционность факторов производства, существенное технологическое отставание, неравнозначность экономического и социального положения регионов требуют разработки и реализации стратегии государственного регулирования инновационного развития, учитывающей особенности субъектов Федерации и муниципальных образований, определяющей приоритеты, основные направления и этапы перехода к инновационному развитию, механизмы поддержки инноваций, т.е. всего того, что позволит решить основную задачу – создать благоприятный климат на всей территории России для развития инновационной деятельности, вовлечения технологических разработок в производственный процесс, привлечения частных инвестиций в высокотехнологичный сектор экономики.

СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Салихов Р.У., аспирант
кафедры менеджмента и экономических теорий
факультета экономики, менеджмента и информатики
Пензенского государственного педагогического
университета им. В.Г. Белинского,
salihovu@gmail.com

Пензенская область в современных границах образована 4 февраля 1939 года. Она расположена на Восточно-Европейской (Русской) равнине и занимает среднюю и западную часть Приволжской возвышенности. Административный центр - город Пенза (507 047 жителей). Население области 1379,8 тыс. человек; в его составе – представители почти 80 народов и народностей.

По данным исследования, проведенного Лабораторией математических методов политического анализа и прогнозирования факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова по заказу и при содействии Института региональной информации, которое позволяет

оценить динамические процессы в развитии российских регионов и определенную степень изменчивости условий качества жизни на протяжении года. По качеству жизни в регионах, где в I квартале 2010 года произошло наиболее заметное изменение качества жизни по сравнению с I кварталом 2006 года улучшили свои места в рейтинге следующие субъекты РФ: Камчатский край - поднялся на 56 мест выше, Магаданская область - на 45, Сахалинская область - на 32, Тамбовская область - на 28, Пензенская область - на 21, Курская область - на 16, Ростовская область - на 12, Хакасия - на 12, Хабаровский край - на 11, Кабардино-Балкария - на 10 [1].

Переход экономики России на рыночные механизмы, введение частной собственности, в том числе на недвижимость и землю, открытие границ, либерализация цен и заработной платы способствовали усилению процесса свободного перемещения населения, создания достаточно подвижного рынка рабочей силы.

Характер и динамика миграционных потоков является существенным индикатором социально-экономического развития территорий. [2]

С 1990-2009 г. население РФ сократилось на 5800 тыс. чел или на 4%. Подобная ситуация и в Приволжском федеральном округе: население сократилось на 1600 тыс. чел или на 5%. Пензенский регион ещё более тяжело перенес смену системы хозяйственно-экономической деятельности. Демографический спад составил 163 тыс. чел. или 10,5%. [3]

Как известно, главным элементом любой хозяйственно-экономической деятельности являются человеческие ресурсы. Нехватка экономически активного населения и разрыв преемственности в подготовке кадров катализировала переход к военной службе на контрактной основе. Для преодоления кадрового голодания необходимо привлечение специалистов из внешнего окружения социально-экономической системы. Такими поставщиками могут стать близлежащие регионы с заметно более слабой экономикой, а так же страны третьего мира. Переселение позволит увеличить внутренний спрос на региональном уровне на большинство продуктов питания, промышленные товары, а также обеспечить невостребованные по тем или иным причинам вакансии в городе работниками. Новые трудовые ресурсы будут выступать ускорителями хозяйственно-экономической деятельности в области сельского хозяйства.

Различие в социально-экономическом положении между Пензенской областью и соседствующими регионами недостаточно для привлечения человеческих ресурсов из соседних регионов.

Переселение большого числа специалистов из других стран, как правило, болезненно воспринимается коренным населением. Наряду с изменением идеологии государства, уровень толерантности социума заметно снизился. Для минимизации возможных проявлений агрессии, предпочтительными переселенцами являются жители бывших советских республик, таких как Украина, Белоруссия, Киргизия, Таджикистан, Молдавия, Узбекистан, Туркменистан и т.д.

Увеличение численности населения в регионе посредством переселения, так же является инвестированием в экономику Пензенской области. При переселении на дальние расстояния, семья, как правило, распродаёт имеющееся имущество для того, чтобы приобрести необходимое на новом месте, например, эмиграция в Пензенскую область одной тысячи семей, может сопровождаться прямыми инвестициями, которыми располагают эмигранты, составляющими от ста до пятисот миллионов рублей.

Таким образом, одним из важнейших элементов региональной антикризисной политики, в долгосрочном периоде, может стать принятие целевой программы переселения трудоспособного населения из бывших республик Средней Азии. Это будет способствовать значительному росту спроса на недвижимость низкой ценовой категории в сельской местности, повышению регионального внутреннего спроса на продукты первой необходимости, в частности на продовольственные товары, а также создаст благоприятные условия для опережающего развития инфраструктуры: энергоснабжения, водоснабжения, канализации и социальной сферы.

Приоритетом в сфере экономического развития России является формирование условий, обеспечивающих последовательное повышение благосостояния и качества жизни населения на основе динамичного и устойчивого развития российской экономики.

Привлечение и развитие бизнеса на территориях муниципальных образований является одной из важнейших задач Администраций муниципалитетов, что требует новых институциональных решений, как на федеральном, так и на региональном уровнях.

На федеральном уровне одним из инструментов создания «точек роста» и новых центров прибыли путем концентрации на определенной территории передовых и высокотехнологичных производств, является создание особых экономических зон (ОЭЗ), которые успешно зарекомендовали себя в ряде зарубежных стран. Так, например, ОЭЗ Китая Шэньчжэнь, Чжухай и Шаньтоу созданы в провинции Гуандун, Сямэнь в провинции Фуцзянь, пятая зона - провинция Хайнань. В 1995 г. суммарный объем внешнеторговых операций этих пяти зон составил $55

млрд., около 20% всего внешнего товарооборота КНР. В них зарегистрировано около 40 тысяч предприятий с иноинвестициями - 15% от их общего количества в Китае. Инвестированные в ОЭЗ иностранные капиталы составляют около $20 млрд. - около 12% всех привлеченных в КНР прямых зарубежных капиталовложений.

Объем инвестиций в особую экономическую зону "Липецк" (Липецкая область) в первом полугодии 2009 года составил 23 миллиарда рублей. Все проекты (ОЭЗ) находятся в работе, ни один из них не приостановлен. Более того, объем иностранных инвестиций за первое полугодие вырос в 5,5 раза. Только за первое полугодие объем инвестиций составляет 23 миллиарда рублей, что равняется годовому бюджету Липецкой области [4].

В то же время, некоторые регионы РФ распространили практику применения экономического механизма по созданию ОЭЗ регионального уровня в целях создания дополнительных преференций для потенциальных инвесторов.

Так, например, Администрацией Липецкой области были разработаны региональные нормативные акты по созданию ОЭЗ регионального уровня. На сегодняшний день в Липецкой области создано 5 особых экономических зон регионального уровня, из них две промышленно-производственного типа «Тербуны» и «Чаплыгинская», две туристко-рекреационные «Елец» и «Задонщина» и одна агропромышленного типа «Астапово».

Участникам ОЭЗ РУ Липецкой области предоставляется государственная поддержка инвестиционной деятельности в следующих формах:

• освобождение от налогообложения организации в отношении имущества, учитываемого на балансе организации - участника ОЭЗ РУ, в течение пяти лет с момента постановки имущества на учет;

• освобождение от уплаты транспортного налога организации - участника ОЭЗ РУ в отношении транспортных средств, учитываемых на балансе организации - участника ОЭЗ РУ, в течение пяти лет с момента постановки транспортного средства на учет;

• снижение участнику ОЭЗ РУ налоговой ставки, подлежащей зачислению в областной бюджет, на 4 процентных пункта в отношении прибыли, полученной от реализации инвестиционного проекта на территории ОЭЗ РУ в течение пяти лет;

• максимальный размер арендной платы за земельные участки, предоставляемые участнику ОЭЗ РУ на основании договора о ведении деятельности (в соответствии с типом зоны), составляет 2% их кадастровой стоимости в год;

• субсидирование процентной ставки по кредитам, привлеченным участниками ОЭЗ РУ для реализации инвестиционных проектов, в порядке и размерах, установленных нормативным правовым актом администрации области;

• на конкурсной основе предоставляются государственные гарантии Липецкой области по инвестиционным проектам предприятиям и организациям при привлечении кредитных ресурсов для осуществления инвестиций в форме капитальных вложений, а также возможность использования областного залогового фонда.

В настоящее время заявлены такие проекты как: завод металлоконструкций, сахарный завод, фармацевтический комплекс, кирпичный завод, завод запорной арматуры, предприятие по переработке нефтепродуктов, завод по производству бумаги из макулатуры, строительство ТЭЦ 50 МВт, предприятие по ремонту подвижного состава, производство крахмала и многие другие.

Такой инновационный экономический механизм позволяет на региональном уровне сочетать, как предоставление резидентам ОЭЗ РУ налоговых преференций регионального и муниципального уровня, так и развивать государственно-частное партнерство для подготовки и осуществления приоритетных и высокорентабельных инвестиционных проектов, когда на каждый рубль государственных инвестиций может дополнительно привлечено до четырёх-пяти рублей частных инвестиций.

«Одним из важнейших приоритетов дальнейшего развития российской государственности является переход от экономики, основанной на эксплуатации невосполнимых природных ресурсов, к экономике высоких технологий…» В.В. Путин.

Эффективное ведение хозяйства невозможно без развитой инфраструктуры. За последние 5 лет на территории области начали свою деятельность многие элементы системы продвижения принципиально новых продуктов, от идеи до массового производства.

В Пензе, по инициативе губернатора области Василия Бочкарева, создан региональный Клуб идей. Его цель — предоставление оптимальных условий для неформального общения талантливых людей, имеющих оригинальные предложения, но по каким-либо причинам, не встретивших должного отклика и поддержки. Участниками Клуба могут стать ученые, изобретатели, предприниматели, инвесторы, а его базой — Пензенский региональный центр содействия инновациям и Пензенская государственная технологическая академия.

Клуб позволит создать единую базу идей (к примеру, на сайте Центра содействия инновациям), открытую для всех участников инновационного процесса. Вступление в клуб, а попросту – размещение

идеи на сайте в «прозрачном режиме», познакомит всех посетителей (потенциальных инвесторов, экспертов, менеджеров, маркетологов, возможных потребителей услуги) с содержанием инновации. Обсуждение в неформальной обстановке интернет-форума определит перспективность предложенного проекта. А далее включаются механизмы по превращению идеи в инновационный бизнес: в Клубе идей оформляется проект, формируется команда специалистов, способная его реализовать, подключаются менеджеры. В результате – регистрация новой бизнес-структуры, выпускающей конкурентоспособную продукцию.

Для эффективной деятельности Клуба идей в Пензенской области есть все: поддержка инноваций властью региона, бизнес-инкубаторы, высокий научный потенциал, модернизированная производственно-технологическая база.

Для осуществления прогрессивного ведения хозяйства создана специальная структура на уровне правительства субъекта РФ. Управление экономики, инновационной и научно-технической политики Пензенской области является исполнительным органом государственной власти Пензенской области, осуществляющим функции по выработке единой государственной экономической политики на территории Пензенской области, определению приоритетов и путей развития экономики Пензенской области и методов ее регулирования, обеспечивающих устойчивое экономическое развитие Пензенской области, по контролю в сфере размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг, по выработке и проведению инновационной и научно-технической политики Пензенской области. Финансирование деятельности Управления осуществляется за счет средств бюджета Пензенской области.

Вместе с тем, мощный потенциал НИИ практически полностью разрушен, отраслевые прикладные и фундаментальные институты РАН финансируются крайне мало и разрабатывают в основном темы 20 летней давности; основные прорывные технологии давно вывезены из России вместе с разработчиками; разработчики, в абсолютном большинстве, переоценивают как потенциал своих идей, так и возможные перспективы реализации проекта.

Переход к новым рыночным отношениям стимулировало переориентацию разработок. В советское время патенты, в 90% случаев, были нужны для защиты диссертаций, или просто для самоутверждения (графоманство). Связанно это было и с тем, что разработчики были отстранены от дальнейшей жизни их детищ, так как всеми правами обладало государство. В настоящее время авторы должны сами искать финансирование и решать многие проблемы связанные с получением

патентов, разработкой пробного образца, внедрением на производство, осуществление массового выпуска и т.д.

Настоящей проблемой является поиск финансирования на первых этапах создания объекта интеллектуальной собственности, когда риски очень высоки и так же высока степень неопределенности. На стадии генерации знания финансирование проекта, как правило, происходит лишь за счет личных сбережений изобретателя, или, достаточно редко, за счет организации – заказчика. На всех последующих стадиях по тем или иным причинам отсеиваются наиболее жизнеспособные проекты, снижается степень неопределенности, возрастают потребности в финансовых ресурсах.

На более поздних стадиях более активное участие принимает частное финансирование.

Отсутствие квалифицированных специалистов на протяжении всего периода создания инновационного продукта в значительной мере тормозит развитие продукта. В настоящее время, лишь немногие университеты готовят специалистов по данной тематике, и, в основном, такими являются частные образовательные учреждения.

В заключении хочется отметить что, несмотря на достаточное количество нерешенных проблем в регионе созданы основные структурные элементы, призванные ускорить процесс разработки и внедрения инновационного аспекта хозяйствования.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Информационное агентство «REGNUM» http://www.regnum.ru/news/economy/1305966.html

[2] А.В. Кольчугина «Типология субъектов РФ по характеру и интенсивности межрегиональной миграции населения» // Федерализм. 2006. №2

[3] Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Пензенской области. http://pnz.gks.ru/

[4] Официальный сайт ОАО «Особые экономические зоны регионального уровня» http://www.oezru.ru/

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТОРГОВЛИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сафина С.С. к.г.н., доцент
Санкт-Петербургского торгово-
экономического института
sadgida@rambler.ru

Лимонина И.Г. к.г.н., доцент
Санкт-Петербургского торгово-
экономического института
Limonina-inna@mail.ru

На современном этапе развития экономики изучение территориальной организации торговли является одним из востребованных направлений науки о регионах.

История изучения региональных особенностей развития торговли уходит в XVIII век, когда М.Д Чулков осуществил фундаментальное исследование «Историческое описание российской коммерции». Далее в конце XIX века В.И. Чеславский опубликовал очень серьезную работу, посвященную хлебной торговле в Центральной России. А.П. Субботиным написал учебник по коммерческой географии, в котором описал и проанализировал торговлю по отдельным районам страны. Безусловно, ведущим ученым в области изучения географии торговли был В.П. Семенов-Тянь-Шанский. Его капитальный труд «Торговля и промышленность Европейской части страны по районам» внес большой вклад в изучение территориальной организации торговли. В советский период развития региональной науки в условиях командно-административной экономики развитие такого научного направления как, географии торговли приостановилось. Возрождение интереса к региональным исследованиям торговли произошло только в 60-е годы XX века, когда были опубликованы работы проф. И.В. Никольского, а позже серия работ Н.И. Поросенковой. В последние годы вклад в изучение территориальной организации торговли в рамках исследования географических аспектов инфраструктуры рынка внес Е.Л. Плисецкий. При этом другим направлениям региональной науки, по сравнению с географией торговли уделялось значительно больше внимания, несмотря на то, что торговля по многим показателям играла и играет ведущую роль в экономике страны, развиваясь крайне неравномерно по регионам России.

Торговая отрасль на протяжении нескольких лет – одна из наиболее быстро развивающихся отраслей экономики России. Так доля торговли в

добавленной стоимости страны, как считают специалисты в посткризисном 2009 году составила 19,7%, обойдя по этому показателю такие страны как Словакию (12,?%), Нидерланды (12,6%), США (11,9%), Великобританию (11,8). Так же Россия занимает лидирующие позиции в мире по доле торговой отрасли в занятости страны (17,3%), пропустив вперед только Словакию (19,4%) и оставив позади Латвию (16,9%), Нидерланды (16,6%), Польшу (15%) и другие страны.Торговля дает наибольшее количество рабочих мест в российской экономике. Эта отрасль опережает обрабатывающие производства (16,5%,), сельское хозяйство (9,8%), образование (8,7%), строительство (8,1%)[1].

В Российской Федерации по темпам роста торговая отрасль опередила многие другие отрасли. С 2003 по 2009 годы выручка организаций отрасли торговли показывала один из самых высоких темпов роста, который составил 7%, уступая только строительству, производству и распределению электроэнергии, газа и воды и обрабатывающим производствам. Так с 2000 года этот показатель увеличился с 2300 млрд. рублей до 13900 млрд. рублей в 2008 году[27]. При этом на протяжении последних нескольких лет доля непродовольственных товаров незначительно превышает долю продовольственных товаров в общем обороте розничной торговли в России. Однако, безусловно, глобальный экономический кризис середины 2008 года отразился на темпах развития торговых оборотов в мире и в нашей стране в частности. Однако в связи с экономическим кризисом, повлекшим за собой падение промышленного производства, сокращение инвестиций в экономику, рост безработицы и снижение доходов населения, рост оборота внутренней торговли, начиная с ноября 2008 года, замедлился, а уже в феврале 2009 года показал отрицательные показатели развития. Так по уточненным данным Росстата (по итогам обследования субъектов малого предпринимательства) в 2009 году оборот розничной торговли составил 14602,5 млрд. рублей, сократившись на 4,9% к 2008 году[28]. Но уже в 2010 году опять показатели стали увеличиваться.

Как уже отмечалось выше, уровень развития торговли очень неоднороден по регионам РФ. На региональную организацию торговли влияют различные факторы: накопленный социально-экономический потенциал территории, численность населения, особенности расселения и уровень урбанизации, развитие транспорта и транспортной инфраструктуры и др. Торговля в большей степени развивается в крупных

---

[27] Росстат России, www.gks.ru

[28] Розничная торговля. Отчет о состоянии розничной торговли в январе-марте 2010 г. Минпромторга. http://www.minprom.gov.ru/activity/avia/stat/26/6

городах, являющихся региональными центрами. Это объясняется высокой привлекательностью отрасли ввиду высокого спроса и концентрации товаропотоков в региональных центрах. В городах формируется более плотная торговая и снабженческая сеть. Здесь получила развитие специализация в торговле отдельными видами промышленных товаров (хозяйственные, спортивные, мебель, аудио- и видеотехника, бытовая электроника, одежда, обувь, ткани, книги и др.)[29]. Работают крупные универмаги и супермаркеты с годовым товарооборотом, исчисляемым сотнями миллионов рублей.

При этом для многих регионов торговля является основой экономики. Так, для 13 регионов РФ торговля оказывает наибольший вклад в ВРП, и для 24 – в занятость. Например, для Москвы доля вклада торговли в ВРП составляет 39%, а в занятость 25%. Наряду с регионами с высоким вкладом торговли в экономику, есть регионы, в которых торговля осуществляет меньший вклад, но при этом остаётся одной из наиболее важных отраслей экономики. Например, в Чукотском автономном округе занятость в торговле составляет всего 6,2%, а вклад в ВРП 6,3%. Но для этого региона высокую роль играет межрегиональная торговля, поскольку большая часть продукции доставляется из других регионов.

Успешное развитие торговли во многом зависит от того, насколько полно учитывается спрос населения на те или иные виды товаров. В такой огромной стране, как Россия, потребности населения в различных товарах и услугах заметно различаются по регионам. Так, жители северных территорий предъявляют повышенный спрос на теплую одежду и обувь, мясные и плодоовощные консервы. Население крупных промышленных центров отдает предпочтение товарам, обладающим высокими потребительскими свойствами: высококлассной аудио- и видеоаппаратуре, персональным компьютерам, сложным электробытовым приборам (автоматические стиральные машины, морозильники, электроплиты). В сельских районах, особенно там, где получили развитие фермерские хозяйства, растет спрос на технику по обработке небольших участков земли (минитракторы, культиваторы, другой технический инвентарь), по переработке сельскохозяйственной продукции (сепараторы, электросушильное и коптильное оборудование).

В связи с этим встает вопрос, в каком направлении должно двигаться изучение региональных особенностей развития торговли? На взгляд авторов одним из направлений подобных исследований могут быть изучение региональных особенностей развития торговли по ее видам и

[29] Плисецкий Е.Л. Коммерческая география России: Территориальная организация производства и рынка: учебное пособие/ М. 2007, стр. 108

разновидностям. Торговлю принято делить на ряд видов. Можно привести следующие классификации торговли.

1.По методу перехода продукта от продавца к покупателю - непосредственная продажа и продажа за безналичный расчет.

2.По количеству продаж на рынке – розничная и оптовая торговля

3.По способам организации торговли – частная торговля и торговля через торговое заведение

4.По видам собственности - государственная и негосударственная

Все эти виды торговли могут быть объектом исследования территориальной организации торговли.

По Е.Л. Плисецкому, с точки зрения изучения территориальных особенностей можно выделить следующие основные виды и формы организации торговли:

Розничная торговля – магазины, торговые центры (супермаркеты, гипермаркеты, киоски и др).

Бартерная торговля – непосредственный обмен одного вида товарной продукции на другой.

Рыночная торговля – городские рынки, ярмарки по продаже сельскохозяйственных продуктов, вещевые и продовольственные мелкооптовые рынки.

Оптовая торговля:

1.Крупнооптовая – предприятия (фирмы) оптовой торговли.

2.Биржевая - регулярно функционирующий оптовый рынок товаров массового производства, осуществляющий торговлю по образцам или стандартам.

3.Ярмарочная – регулярно проводимые выставки образцов продукции различных предприятий с заключением контрактов на их производство и поставку.

На взгляд авторов, в современных реалиях предметом изучения региональных особенностей торговли может быть продажа товаров через сеть Internet (Internet-торговля).

По мнению Л.М. Литвиновой, на современном этапе развития России важным является исследование территориальной организации торговли на локальном уровне. По ее представлениям, в этом случае первичным элементов изучения будет являться торговое предприятие и зона его влияния. Крупномасштабные исследования торговли по Л.М. Литвиновой должны предусматривать изучение торговых центров, то есть совокупности торговых предприятий и зон их влияния. В рамках такого вида исследований можно изучать региональные различия в обеспеченности территорий торговыми площадями или что более сложно доходности с единицы площади.

Важную роль в жизни населения страны играет розничная торговля. Она представляет собой конечное торговое звено на пути к потребителю. Именно торговля связывает районы производства товаров с районами их потребления, и является крупным звеном хозяйственных комплексов регионов[30]. В отличие от оптовой торговли товарные запасы и товарооборот розничной торговли распределяются по территории страны более равномерно, так как учитывает численность населения и его платежеспособность. Соотношение размещения по районам розничного товарооборота и населения сказывается на размерах душевого показателя обеспеченности этой торговли. Поэтому, по мнению авторов, изучение территориальных особенностей розничной торговли может стать центральным предметом изучения региональных особенностей развития торговли в Российской Федерации.

Показатель оборота розничной торговли на душу населения неуклонно растет на протяжении последних лет. Очевидно, что после 1990 года произошел колоссальный скачок, что может быть объяснено либерализацией экономики после распада СССР. Так с 1990 по 1995 данный показатель увеличился более чем в 2000 раз. После 1998 года темпы прироста оборота розничной торговли также увеличились. Так в 1998 году этот показатель составлял 7099 млрд. руб., в 2000 – 16207 млрд. руб., а в 2005 – уже 49202 млрд. руб. Стоит добавить, что к 2008 году эта цифра достигла 98055 млрд. руб., то есть за 3 года рост составил почти 90%. (См рис.1.).

Среди показателей, характеризующих региональное развитие розничной торговли также необходимо упомянуть индекс физического объема оборота розничной торговли, а особенно необходимо обратить внимание на те регионы, где он снижался в связи со снижением покупательского спроса на непродовольственные товары. Так, в 2009 г. ниже среднероссийского уровня индекс физического объема оборота розничной торговли был в 33 регионах из 83, в том числе в Республике Коми (88%), Алтайском крае (82,5%), Кемеровской области (77,8%), Ростовской (84,7%), Тюменской (86,8%), Вологодской (89,4%), Иркутской (89,5%) и Нижегородской (90%) областях[31].

Кроме того, согласно данным Росстата авторами был проведен анализ оборота розничной торговли на душу населения в течение следующих лет: 1990, 2000 и 2008 года. Как ни странно, на протяжении периода проведения рыночных

[30] Кистанов В.В, Копылов Н.В, Региональная экономика России, М. 2004, стр. 174

[31] Росстат России, www.gks.ru

реформ значительных изменений в удельном весе регионов России не произошло. Начиная с 1990 года, лидерами объема розничных продаж на душу населения остаются Москва, Московская область и Санкт-Петербург.

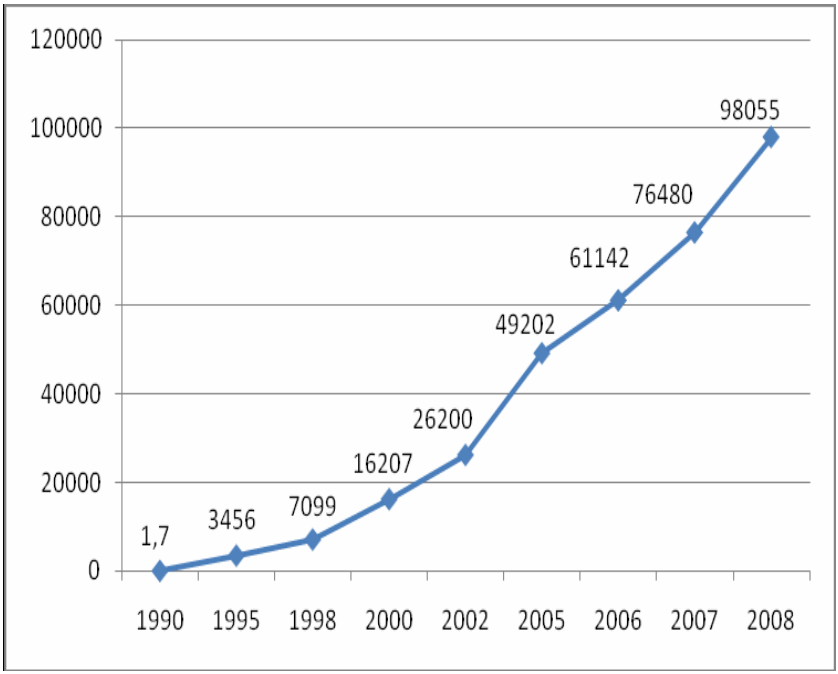


Рис.1. Оборот розничной торговли на душу населения в фактических ценах, млрд. руб. (1990, 1995 - трлн. руб.)

Так в 1990 году на эти регионы приходилось 12,29%, 3,80% и 4,49% общего оборота розничной торговли, а к 2008 году – 16,99%, 6,38% и 4,18% соответственно. Кроме того, заметную роль играют следующие регионы: Краснодарский край, Ростовская область, республика Башкортостан, Свердловская и Тюменская области. На 2008 год на каждый из этих регионов приходилось более чем 3% от общего оборота торговли. При чем, интересно отметить, что этот показатель у всех незначительно вырос за истекший период. Также необходимо обозначить, что самый низкий показатель розничной торговли характерен для регионов с низким промышленным потенциалом, а именно: республики

Ингушетия, Калмыкия, Тыва, Алтай и автономные округа: Ненецкий и Чукотский. На их долю приходится 0,01 до 0,03%.

Таблица 1.

Разделение субъектов РФ по уровню оборота розничной торговли на душу населения в 2009 году

Оборот розничной торговли в расчете на душу населения, тыс.рублей	Число субъектов РФ	Наименование субъектов РФ с минимальным и максимальным значением в группе (тыс.рублей)
До 50,0	5	Республика Ингушетия (14,1) Республика Хакасия (46,8)
50,1-60,0	10	Республика Алтай (51,9) Владимирская область (59,7)
60,1-70,0	9	Кабардино-Балкарская Республика (61,5) Амурская область (69,0)
70,1-80,0	15	Республика Адыгея (71,0) Республика Бурятия (78,3)
80,1-90,0	18	Ленинградская область (81,1) Липецкая область (90,0)
Свыше 90,0	26	Калининградская область (91,7) г.Москва (239,9)

По данным Росстата за 2009 год, все федеральные округа по объему оборота розничной торговли на душу населения можно разделить на три больших группы: первая - Центральный и Уральский федеральные округа (133 тыс. и 123 тыс. рублей); вторая - Северо-Западный федеральный округ и Дальневосточный (102 тыс. и 92 тыс. рублей о) и третья - все остальные федеральные округа значительно отстают от лидеров (81-89 тыс. рублей). Такие различия легко объяснимы. В первую группу входят наиболее богатые субъекты РФ – регионы-«доноры». Так в Центральный федеральный округ входит столица РФ - Москва, которая среди субъектов Российской Федерации по уровню оборота розничной торговли на душу населения занимает первое место (240 тыс. рублей), а в Уральский федеральный округ – газо- и нефтедобывающие Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, которые занимают 2 и 3 место соответственно (179 тыс. и 177 тыс. рублей); в последнюю группу – субъекты-«реципиенты» - с самым низким среднедушевым оборотом:

Республика Ингушетия (14 тыс. рублей), Чеченская Республика (25 тыс. рублей), республики Калмыкия (30 тыс. рублей) и Тыва (32 тыс. рублей).

Одной из ведущих характеристик развития розничной торговли является развитие розничных торговых сетей. В 2009 г. розничные торговые сети занимали в среднем по Российской Федерации в целом 14,6% общего оборота розничной торговли, При этом в 28 субъектах Российской Федерации доля сетевых торговых организаций оказалась выше среднероссийского показателя. В то же время, в 13 субъектах Российской Федерации сетевые структуры в 2009 г. обеспечивали менее 5% общего оборота розничной торговли и даже отсутствовали вовсе в таких субъектах как республики Ингушетия, Северная Осетия - Алания, Тыве, Чеченской Республике, Ненецком и Чукотского автономных округах. Очень сильно отличается по доле розничных торговых сетей в общем обороте розничной торговли Москва (14,3%) и Санкт-Петербург - 48,3%.

Таблица 2.

Распределение субъектов Российской Федерации по удельному весу продажи товаров на рынках и ярмарках в обороте розничной торговли

Удельный вес продажи товаров на рынках и ярмарках в обороте розничной торговли, процентов	Число субъектов РФ		Субъекты РФ с минимальным и максимальным значением в группе в 2008 г.
	2007	2008	
До 10,0	23	36	Республика Калмыкия (2,9%) Самарская область (10,0%)
10,1 – 15,0	27	22	Иркутская область (10,1%) Камчатский край (15,0%)
15,1 – 20,0	13	14	Ханты-Мансийский АО (15,2%) Курская область (19,9%)
20,1 – 25,0	7	3	Тамбовская область (20,3%) Карачаево-Черкесская республика (24,8%)
25,1 – 30,0	5	-	
свыше 30	6	6	Республика Хакасия (30,8%) Чеченская республика (69,8%)

Источник: «Торговля в России», Росстат, 2009, стр. 50

Кроме того, необходимо проанализировать более подробно долю рыночной и ярмарочной торговли в обороте розничной торговли. Ярмарки – наиболее традиционная форма внутренней торговли в России. На ярмарках продаются всевозможные товары промышленного и хозяйственно-бытового назначения: текстиль, металлические изделия, а также сельскохозяйственные продукты. Если говорить, о региональной организации ярмарочной торговли на территории России, то наибольшая доля по удельному весу продаж на рынках приходится на Чеченскую республику. Здесь этот показатель составляет 69,8%. Далее следует Республика Хакасия, но доля рыночной торговли в этом регионе уже значительно меньше, всего 30%. Интересно отметить, что наименее развита ярмарочная торговля в республике Калмыкия, где на долю продаж товаров на рынках приходится не более 2,9%.

По данным Министерства промышленности и торговли, ожидается, что российский розничный сектор вступит в стадию замедления роста через 5-10 лет. Для этого этапа характерно равномерное территориальное распространение торговых сетей, рост уровня консолидации отрасли, высокий уровень розничного предложения и конкуренции, что приводит к замедлению роста цен.

В РФ торговая отрасль чутко реагирует на изменение экономических условий в регионах. Поэтому изучение территориальных особенностей торговой отрасли помогут определить проблемы, тенденции как развития собственно торговой отрасли, так и спрогнозировать тренды развития регионов в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Росстат России, www.gks.ru
2. Розничная торговля. Отчет о состоянии розничной торговли в январе-марте 2010 г. Минпромторга. http://www.minprom.gov.ru/activity/avia/stat/26/6
3. Стратегия развития торговли в Российской Федерации на 2010-2015 годы и на период до 2020 года. Проект. Министерство промышленности и торговли Российской Федерации М. 2010.
4. Литвинова Л.М. География торговли и современные крупномасштабные географические исследования/ «Вестник Воронежского государственногго университета» Серия «География, геоэкология» №1 2006 г.
5. Плисецкий Е.Л. Коммерческая география России: Территориальная организация производства и рынка: учебное пособие/ М. 2007
6. Кистанов В.В, Копылов Н.В, Региональная экономика России, М. 2004,

7. Торговля в России, Росстат, М, 2009

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: РЕАЛИИ, ПРОБЛЕМЫ, ОЖИДАНИЯ

Сафиуллин Р.Г., д.г.н., профессор
кафедры экономической географии
географического факультета
Башкирского государственного университета,
SafiullinRG@yandex.ru

Сафиуллина Р.М., к.г.н., доцент
кафедры экономической географии
географического факультета
Башкирского государственного университета,

По мнению специалистов в области территориального управления и развития (Анимица Е.Г., Бакланов П.Я., Калашникова Т.М., Синдяшкин Н.И., Сысоев А.П., Шарыгин М.Д., Чистобаев А.И., Хрущев А.Т. и др.) в настоящее время одними из наиболее сложных вопросов коренной реформы государственного управления являются проблемы переосмысления роли и функций всей системы территориального управления в рыночной экономике. Возрастание значимости территориальных факторов связано, с одной стороны, с необходимостью повышения эффективности всей системы управления отечественной экономикой, с другой – с существенным обострением в ряде регионов Российской Федерации национальных, социально-экономических, геодемографических, природоохранных и других проблем национальной безопасности страны.

Недооценка роли территориального управления оборачивается потерей огромных социально-экономических, экологических преимуществ, заложенных в территориальном разделении труда и возникновением угроз регионального сепаратизма, идеологически прикрывающегося в условиях цивилизованного развития теорией регионального суверенитета (этнического, экологического, экономического). «Угроза распада Российской Федерации исходит не только от политических побуждений, но и социально-экономических мотивов. Среди них выделяются следующие: территориальная несправедливость, резкое снижение внутрироссийских хозяйственных связей, недостаточное развитие производственной (линейной) и рыночной

инфраструктуры, ориентация внешних связей регионов … на соседние страны, а не на российские регионы, чрезмерные амбиции региональной элиты, неоднозначность отношений центра и регионов, «финансовые переливания» из регионов-доноров в регионы-реципиенты и др.» [18, с.368].

Региональная политика в России на нынешнем этапе развития находится в стадии становления. Этим определяется терминологическая неупорядоченность, противоречивость, неконкретность, неполнота содержательной части понятия «региональная политика». На протяжении уже почти двадцати лет не удается выработать научно обоснованные критерии разграничения государственной собственности на федеральную, региональную (собственность субъектов РФ) и муниципальную собственность, а последнюю – на собственность муниципальных районов и сельских (городских) поселений.

«Основные положения региональной политики в РФ», утвержденные Указом Президента РФ в 1996 году, безнадежно устарели [9]. Обеспечению эффективного территориального управления (социально-экономического, инвестиционного, инновационного, геодемографического, экологического) на нынешнем этапе препятствуют следующие до сих пор не решенные научно-прикладные проблемы:

1. Нет адекватного интегрального инструментария оценки эффективности территориального управления на уровне субъектов России и муниципальных образований. Личная, корпоративная преданность по структурам вертикальной власти управления – пережиток времени.

2. «Не ясно, как дальше будет развиваться политическое и административно-территориальное деление страны…» [15, с.68]. Не ясно, чего следует ожидать в экономико-географическом районировании страны, как важнейшего инструментария обеспечения территориального управления России в социально-экономической, геодемографической, природоохранной, инвестиционной, инновационной сферах. Территориальное управление страной по восьми федеральным округам является примером кризисного территориального управления Россией. Экономико-географическое районирование России в практическом преломлении необходимо в целях выделения устойчивых для конкретного этапа (рыночного) развития территориальных социально-экономических систем (районов), применительно к которым будет реализовываться региональная политика государства.

3. Отсутствие в России совокупности взаимодействующих научно-исследовательских институтов (как это было раньше - Институт географии АН СССР, СОПС при Госплане РСФСР, ЦЭНИИ при Госплане РСФСР и др.) и вузов со специализированными научными лабораториями

(например, на географическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова в 1960-1990 годы работала лаборатория по проблемам экономико-географического районирования СССР), то есть научно-прикладного исследовательского кластера районирования, занимающихся теоретическими и прикладными разработками в области территориального управления и соответственно экономико-географического районирования. В 2004 году предполагалось создание при правительстве Российской Федерации Института пространственного развития с приглашением специалистов научных организаций из регионов, которые должны были разрабатывать комплексную программу пространственного развития страны. При этом решение федеральных задач пространственного развития при их главенстве, не должно «…ущемлять интересы территорий» [19]. Однако «воз и ныне там».

4. Пренебрежительное отношение правительственных структур России к территориальному управлению в настоящее время, свидетельствующее о не понимании роли и значения территориального управления и экономико-географического районирования.

Бывший вице-премьер В. Яковлев указывал на недостатки пространственного развития России: «Долгое время нерешенные задачи с макроэкономической ситуацией и укреплением вертикали власти, не позволяли заниматься проблемами пространственного развития… В России экономическое планирование регионов осуществляется по принципу лоскутного одеяла… Каждый из субъектов федерации имеет свой план развития. Есть стратегии для отдельных отраслей: энергетики, транспорта, связи. Но эти планы не связаны и не взаимодействуют друг с другом, они не объединены общими государственными задачами. Как один из результатов – огромные разрывы в уровне благосостояния регионов… Увязать развитие территорий со стратегическими задачами развития всей страны может только государство, создав …пространственный каркас, на котором будут обозначены точки экономического роста…» [19].

Экс-министром регионального развития Д. Козаком в декабре 2007 года было отмечено, что ключевым принципом в развитии российских территорий будет экономическое районирование [11].

5. В соответствии с Положением о Министерстве регионального развития РФ главной функцией является выработка государственной политики и нормативно-правовое регулирование в сфере социально-экономического развития субъектов РФ и муниципальных образований, административно-территориального устройства страны, разграничения полномочий по предметам совместного ведения между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти

субъектов РФ и органами местного самоуправления, строительства, архитектуры, градостроительства и жилищно-коммунального хозяйства, государственной национальной политики и межнациональных отношений в РФ. Однако отсутствие в Министерстве регионального развития РФ научно-исследовательской базы, дефицит специалистов, профессионально разбирающихся в вопросах территориального управления и экономико-географического районирования страны привело к тому, что это министерство все в большем объеме начинает выполнять функции, которые в советскую эпоху развития возлагались и исполнялись республиканскими министерствами жилищно-коммунального хозяйства: ремонт систем тепло- и водоснабжения, подготовка жилищного фонда к зиме, контроль за строительством жилья для населения и т.п.

6. Отсутствует понимание того, что региональная политика является многоуровневым понятием. Уровни региональной политики: страновой (мега-), районный (макро-), субъектный (мезо-), внутрисубъектный (микроуровень). Министерство регионального развития РФ должно стать федеральным центром генерации и поиска направлений решения важнейших социально-экономических и эколого-экономических проблем пространственного развития регионов. Именно это министерство должно инициировать разработку новой государственной региональной политики, соответствующей условиям глобализации экономики, организацию государственных научно-прикладных заказов по важнейшим теоретическим исследованиям в области территориального управления и экономико-географического, эколого-экономического районирования страны.

7. Отсутствует научно обоснованная методика оценки эффективности социально-экономического развития регионов России. Ежегодно бюджетам субъектов РФ и особых муниципальных образований (наукограды, ЗАТО) выделяются из федерального бюджета средства на реализацию мер по обеспечению сбалансированности бюджетов. Нынешняя политика трансфертов, дотаций, субвенций, субсидий не стимулирует социально-экономическое развитие субъектов РФ. Не существует мониторинга обратной связи между выделяемыми федеральным центром средствами и эффективностью их использования в регионах. Для обеспечения такого территориального мониторинга необходима методика оценки эффективности социально-экономического развития регионов (субъектов РФ и муниципальных образований), которой в настоящее время нет. По мнению А.П. Сысоева, данная методика должна обеспечивать не только оценку достигнутого уровня социально-экономического развития регионов, но и содержать оценку динамики этого развития [15, с.70].

Кардинально изменившаяся экономическая и политическая ситуация в стране, формирующиеся рыночные отношения между центром и регионами требуют использования новых методов и инструментов разрешения противоречий. Только что закончилась реформа местного самоуправления, имеющая прямое отношение к региональной политике, которая была призвана дать местным органам власти больше самостоятельности за результаты своей деятельности. Однако обретаемые новые полномочия на местах не подкреплены ростом собственных доходов. Все больше укрепляется «ручное» территориальное управление по типу модели всероссийского Пикалево. Она (эта модель) опасна с точки зрения эффективности государственного управления. Федеральный центр оказывается функционально перегружен, потому что должен вмешиваться во все большее число местных территориальных проблем. В результате не появляется стимулов к тому, чтобы учиться решать проблемы на местах собственными силами, развивать бизнес, оптимизировать расходы. Возврат к прежнему централизованному управлению регионами через концентрацию финансов, капитала, административного, политического ресурсов приводит к тому, что региональные лидеры и элита снимают с себя ответственность за обострение многих местных социально-экономических и иных проблем и перекладывают вину на федеральный центр.

Цель региональной политики государства определяет ее содержание. Однако до сих пор нет единого понимания цели региональной политики российского государства. Одни ученые при определении региональной политики имеют в виду только политику государства по отношению к регионам (субъектам РФ), другие подразумевают регулирование регионами отношений между собой. Третьи же рассматривают региональную политику как отношение государства или субъекта РФ к субъектам местного самоуправления. Четвертые «подтягивают» к региональной политике всю совокупность социально-экономических, политических, геодемографических, экологических и иных процессов и проблем на том основании, что все они имеют территориальную привязку [4, 5, 6].

Региональная политика в России развивается на основе центристской концепции и в целом определяется как политика центра, т.е. государства (федеральных органов) по отношению к своему субъекту (региону), с целью достижения определенных экономических и иных результатов.

Примеры различных толкований цели и содержания региональной политики в России:

1. Андреев А.В., Борисова Л.М., Плучевская Э.В. считают, что «главная цель предстоящего времени – стабилизация производства, возобновление экономического роста в каждом из регионов РФ, повышение на этой основе уровня жизни населения, создание научно-технических предпосылок укрепления позиций России в мире» [2, с.67].

2. Синдяшкин Н.И. полагает, что «главная цель региональной политики – создание условий для вхождения в рынок всех заинтересованных регионов, предприятий и граждан, для раскрытия и развития их целевых способностей и предприимчивости с учетом территориальной специфики» [10, с.69].

3. Анимица Е.Г. и Шарыгин М.Д. считают, что «долгосрочной целью региональной политики должна стать высококачественная жизнь населения, его благополучие, физическое, социальное и психическое здоровье» [3, с.19].

Определения региональной политики:

1. Алаев Э.Б. – «Региональная политика государства – сфера деятельности по управлению экономическим, социальным и политическим развитием страны в пространственном, региональном аспекте, то есть связанная с взаимоотношениями между государством и районами, а также районов между собой» [1, с.189-190].

2. Шарыгин М.Д. – «Под региональной политикой в Российской Федерации следует понимать совокупность (систему) мероприятий государственных и местных органов власти по обеспечению условий для сбалансированного социально-экономического саморазвития территорий и достижению пространственного равновесия страны с соблюдением общенациональных, региональных и местных интересов» [18, с.377-378].

3. Коваленко Е.Г и др. – «Региональной политикой можно считать такую систему действий, которая реализует интересы государства в отношении регионов и внутренние интересы самих регионов по отношению к самим себе и государству адекватными методами и способами» [8, с.150].

4. Андреев А.В., Борисова Л.М., Плучевская Э.В. – «Региональная политика – система намерений и действий, которая реализует интересы государства в отношении регионов и внутренние интересы самих регионов методами и средствами, соответствующими современным региональным процессам» [2, с.66].

Новые принципы региональной политики в России также еще окончательно не определены [5, 10, 14, 16, 17, 18]:

1. Децентрализации власти путем расширения полномочий субъектов РФ при одновременном повышении степени их ответственности перед населением.

2. Обеспечение равноправия субъектов РФ между собой и в их отношениях с федеральными органами власти.

3. Принцип партнерства и сотрудничества при согласовании общенациональных, региональных и местных интересов.

4. Принцип единства действий и разделения полномочий между властными структурами. Региональная политика, проводимая на всех уровнях и подчиняясь общей социальной цели, должна быть согласована по времени, ресурсам, приоритетам.

5. Принцип эффективности. Разработка и реализация региональной политики, принятие управленческих решений осуществляется лишь в том случае, если приносят социальный, экономический и экологический эффект в региональном развитии.

6. Долгосрочность, так как реализация основных задач региональной политики требует длительного времени и определенности «правил игры» для субъектов.

7. Социальная приоритетность региональной политики.

Специфика социально-экономического пространства России определяется следующими группами особенностей, которые необходимо объективно учитывать при реализации государственной региональной политики, направленной на формирование конкурентоспособной инновационной экономики.

Первая группа. Регионы России характеризуются существенными различиями в природно-климатических условиях. Различна их насыщенность транспортной и энергетической инфраструктурами, различна численность и плотность проживающего в регионах населения. В этих условиях качественно различаются нормативы обеспечения социальных потребностей граждан, расходы государства, регионов и муниципалитетов, например, в сфере здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения.

Вторая группа. Базовым принципом размещения производительных сил, осуществлявшихся в советский период, было формирование экономики страны как «единой фабрики», в рамках которой хозяйственные комплексы республик и регионов рассматривались как «цеха». Их задачей было в первую очередь удовлетворить потребности народного хозяйства страны и только затем – потребности проживающего в них населения. Во многом по этой причине при переходе к рынку сформировавшиеся региональные хозяйственные комплексы оказались не способными обеспечить даже элементарные потребности населения: в регионах не оказалось достаточной производственной базы, инфраструктуры, системы межрегионального обмена, ориентированной на удовлетворение потребностей ни производства, а населения.

Третья группа. В рыночных условиях развития продолжает нарастать территориальная дифференциация уровней социально-экономического развития субъектов РФ. Поляризация социально-экономического развития субъектов России усиливается. Разрыв по показателю ВРП между регионами увеличился за 1990-2006 годы с 14 до 42 раз, по денежным доходам на душу населения – по существу не изменился, по уровню безработицы - с 5,2 до 42 раз и только по производительности труда в промышленности (в ценах 2000 года) – уменьшилась с 116 до 68 раз [14, с.10-11].

Четвертая группа. Вопреки принципам реального федерализма СССР и входившая в его состав РСФСР были сформированы по национально-территориальному принципу. Это положение сохраняется и по сей день. В результате регионы, не способные по экономическим причинам выполнять функции субъекта Федерации, имеют те же права при принятии общегосударственных решений, что и экономически самодостаточные регионы РФ.

Пятая группа. Национальная политика России характеризуется подменой национального интереса всех граждан механической суммой интересов отдельных этнических сообществ. Такой подход способствует тому, что в отношениях между федеральным центром и регионами основной акцент делается не на социально-экономическую составляющую их взаимодействия, а на этнополитический аспект. Как отмечает Валентей С.Д. «…на региональном уровне … признается приоритет представителей так называемых титульных наций на занятие руководящих должностей» [7, с.19].

В течение последних двадцати лет эти отмеченные пространственные особенности России реально не учитывались при формировании принципов и направлений социально-экономической политики на федеральном и региональном уровнях. Следствием этого является отсутствие внятной, экономически мотивированной модели государственной региональной политики.

В России необходима государственная региональная политика, устраняющая или сводящая к минимуму противоречия и дезинтеграционные тенденции в социально-экономическом развитии отдельных субъектов России. Такая политика должна быть ориентирована, во-первых, на создание равных начальных условий для социально-экономического развития, во-вторых, на обеспечение свободы перемещения (движения) товаров и населения по всей территории страны и выхода на мировые товарные рынки, в-третьих, на сохранение многообразия исторически сложившихся укладов жизни на отдельных территориях.

Самоизоляция региональных хозяйственных комплексов противоречит задаче обеспечения единства экономического и правового пространства страны. Этому также противоречит направленное на преодоление автаркизации регионов ограничение региональной политики государства бюджетным выравниванием. Ее результатом уже выступило усиление тенденции дотационной зависимости субъектов РФ. Игнорируя региональную специфику, названное выравнивание обусловливает ответное игнорирование на местах ряда инициатив российского правительства. Данная тенденция будет углубляться, если не предложить концепцию новой региональной политики, соответствующую условиям устойчивого экономического роста, включающую механизмы, стимулирующие интерес регионов к экономическому развитию их хозяйственных комплексов. Следует отметить низкую экономико-географическую культуру управленцев, порождающей примитивизм в трактовке целей и механизмов региональной политики. Государственная региональная политика в нынешних условиях должна быть ориентирована на содействие интеграционному социально-экономическому инновационному развитию субъектов России.

Сглаживание различий социально-экономических условий развития субъектов РФ представляет важное направление региональной политики федерального правительства. При разработке мер и механизмов реализации этой политики необходимо, прежде всего определить, какие региональные социально-экономические различия нуждаются в выравнивании. Эта проблема часто трактуется слишком упрощенно, как необходимость стремиться к максимальному сглаживанию любых из них. Такая постановка неприемлема даже теоретически, а на практике ее реализация приведет к снижению эффективности производства, торможению научно-технического прогресса, обострению социальной напряженности и другим негативным социально-экономическим последствиям. Например, правительство ФРГ способствует через трансферты снижению различий в уровнях доходов бюджетов земель с тем, чтобы преодолеть опасность дестабилизации положения в стране вследствие роста неуправляемой межрегиональной миграции трудоспособного населения.

Повышение объективности и эффективности региональной политики требует оценки различий условий инновационной деятельности в регионах России. Экономико-географической задачей является разработка дифференцированных мер государственного регулирования и государственной поддержки инновационной деятельности применительно к различным типам регионов в зависимости от уровня развития их инновационного потенциала. В условиях, когда инновации

рассматриваются как основной источник экономического роста, актуальным становится вопрос о классификации субъектов РФ по уровню инновационного потенциала и повышению эффективности его использования.

Следует отметить многообразие целей политики регионального инвестиционно-инновационного развития. Одной из основных задач является обновление традиционных и технологически отсталых или экологически вредных производств, сконцентрированных преимущественно в старых промышленных узлах и центрах. Без этого предприятиям таких регионов грозит снижение конкурентоспособности из-за более низкой производительности труда, высокой себестоимости продукции, низкого ее качества, а сами регионы оказываются перед угрозой спада производства и неминуемого роста безработицы.

В странах ЕС региональная политика – это политика государства по выравниванию условий жизни населения и ведению предпринимательской деятельности в разных частях его территории.

В странах ЕС за последние 20 лет значительно возросло значение регионального научно-технического и инновационного сотрудничества. Появление новых технологий и глобализация экономики, ограниченность правительственных бюджетов, ориентация национальных научно-технических политик на распространение знаний в экономике – все это привело к росту значения регионов в развитии экономики. В стратегии создания европейской конкурентоспособной экономики региональной инвестиционно-инновационной политике придается первостепенное значение. При этом акцент делается на повышении и выравнивании уровней регионального инвестиционно-инновационного развития.

Инновационная политика стала составной частью государственной региональной политики в странах ЕС. Как правило, национальные правительства отдают предпочтение уже развитым в научно-техническом отношении регионам. Однако правительства государств ЕС оказывают помощь отсталым регионам не столько путем прямых финансовых вливаний, а через содействие в разработке инновационной политики и развитии инфраструктуры. Именно смягчение диспропорций технологического регионального развития является важнейшей функцией ЕС в области региональной политики.

В условиях рыночной экономики инновации один из важнейших факторов конкурентоспособности регионов России, которые невозможны без науки. Российская экономика в этом направлении уже в течение последних 20 лет теряет свою конкурентоспособность: финансирование науки в США в 18,5 раз превышает российские, в Японии – в 7,5 раза, в

КНР – в 4,7 раза, в Германии – в 3,6 раза, во Франции – в 2,2 раза, в Великобритании – в 1,9 раза (см. табл. 1).

При этом нарастает абсолютный разрыв в финансировании инновационной сферы в России. Если в 1995 году объем финансирования науки в США превышал российский на 176 млрд. долларов, то в 2006 году – уже на 325,2 млрд. долларов. Китай, который по объему финансирования научных исследований в 1995 году опережал Россию на 2,4 млрд. долларов, то в 2006 году уже на 68,2 млрд. долларов.

Сохранение таких трендов в России неминуемо приведет к деградации инновационной сферы и следствием этого уже будет катастрофическое падение конкурентоспособности экономики страны и регионов.

Таблица 1.

Расходы на научные исследования и разработки ведущих стран мира и в России (млрд. долларов США)*

Годы	США	Япо-ния	Герма-ния	Фран-ция	Велико-британия	Рос-сия	КНР
1995	184,1	82,1	39,4	28,5	22,5	8,1	10,5
2000	267,8	98,8	51,5	33,8	28,0	10,7	27,0
2004	312,5	118,0	59,1	39,0	33,2	16,5	57,7
2006	343,8	138,8	66,7	41,4	35,6	18,6	86,8

* [12, с.307; 13, с.306].

В течение уже 20 лет идет стабильное вымывание специалистов из России («утечка мозгов» за рубеж и «бегство» из профессиональной среды), старение научно-исследовательских кадров, падение качества научно-исследовательских кадров. За период с 1995 года по 2006 год из научной сферы России выбыло 294 тыс. специалистов, что составляет 24% от уровня 1995 года. В то же время численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками в Китае увеличилось с 752 тыс. до 1503 тыс., то в 2 раза, что свидетельствует о приоритетах инновационного развития китайской экономики (см. табл. 2).

Таблица 2.

Численность персонала, занятого исследованиями и разработками в ведущих странах мира и в России (тыс. человек)*

Годы	Япония	Германия	Франция	Велико-британия	Россия	КНР
1995	948	459	318	277	1211	752
2000	897	485	328	299	1007	922
2004	896	471	349	314	952	1153

2006	935	489	354	335	917	1503

* [13, с.305].

Таким образом, специфика экономики нашей страны в ее пространственной природно-климатической и экономико-географической неоднородности. Именно это определяет в отличие от большинства стран мира высокую научно-прикладную роль экономической и социальной географии при разработке и реализации государственной региональной политики.

Интеграция регионов России в новых социально-экономических и политических условиях должно достигаться не за счет усиления административной вертикали федерального управления, а прежде всего, за счет эффективного взаимодействия и согласования федерального и регионального социально-экономических механизмов управления.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Э.Б. Алаев «Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь». – М.: Мысль, 1983. - 350с.

[2] А.В. Андреев, Л.М. Борисова, Э.В. Плучевская «Основы региональной экономики». - М.: КНОРУС, 2007. - 336с.

[3] Е.Г. Анимица, М.Д. Шарыгин «Становление новой региональной политики в России» // Экономико-географический вестник РГУ, 2004, №1, с.15-20.

[4] В.В. Воронин, М.Д. Шарыгин «Региональная политика в России». – Самара: 2001.-208с.

[5] Ю.Н. Гладкий, А.И. Чистобаев «Основы региональной политики». – С.-П.: 1998.-257с.

[6] А.Г. Гранберг «Основы региональной экономики». - М.: 2001. - 495с.

[7] Движение регионов России к инновационной экономике. - М.: Наука, 2006. - 402с.

[8] Е.Г. Коваленко, Г.М.Зинчук, С.А.Кочеткова и др. «Региональная экономика и управление».-С.-П.: 2008.-288с.

[9] Основные положения региональной политики Российской Федерации // Указ Президента РФ от 3 июня 1996 года, №803.

[10] Региональная экономика // Под ред.В.И. Видяпина и М.В. Степанова. – М.: ИНФРА-М, 2007. - 666с.

[11] Россию разделят на районы // «Известия». 3 декабря 2007 г.

[12] Россия и страны мира. 2006. Стат. Сб. – М.: Росстат, 2006. – 360с.

[13] Россия и страны мира. 2008. Стат. Сб. – М.: Росстат, 2008. – 361с.

[14] Р.Г. Сафиуллин, Р.М. Сафиуллина «Экономико-географические основы региональной политики в России: цель, определения, задачи, виды, проблемы» // В кн.: Экономическая и социальная география России. – Уфа: БГУ, 2009, с.5-18.

[15] А.П. Сысоев «Проблемы реформирования территориального управления» // ВМУ. Сер.6. Экономика. 2007. №6, с.67-71.

[16] А.Т. Хрущев «Географические основы государственной региональной политики в России» // ВМУ. Сер.5. География. 1999. №4, с.3-10.

[17] М.Д. Шарыгин «Основы региональной политики».– Пермь: 2006. - 224с.

[18] М.Д. Шарыгин «Современные проблемы экономической и социальной географии».-Пермь: 2008. - 427с.

[19] В. Яковлев «Страна не может жить по принципу лоскутного одеяла». // «Известия». 15 января 2004 г.

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ МАРКЕТИНГ В РЕГИОНЕ

Сибирская Е.В. д.э.н., профессор
кафедры коммерции и рекламы
Орловского государственного института
экономики и торговли
e-sibirskaya@rambler.ru

Левкина О.В. студентка факультета коммерции
Орловского государственного института
экономики и торговли

В новых условиях хозяйствования требуется существенная переоценка важнейших направлений социально-экономического развития отдельных регионов, административных образований Российской Федерации. Региональные особенности хозяйствования включают в себя специфику природного, исторического, научного, производственного, экономического и инновационного потенциалов, что во многом предопределяет различные стартовые условия и возможности каждого из территориальных преобразований. Поэтому, наряду с общими для страны приоритетами и задачами, должны обосновываться и решаться местные специфические региональные проблемы, а сочетание региональных и

федеральных целей развития должно естественным образом влиять на рост уровня жизни населения региона.

Расширение функций органов власти в регионе сопровождается одновременным усложнением механизма принятия управленческих решений, усилением влияния и изменчивости факторов внешней среды.

В сложившихся условиях необходимым стало обновление форм и методов управления региональными социально-экономическими системами, в связи с этим нельзя не принимать во внимание достижения интеграционного маркетинга, который в своей существенной части может быть применен к управлению региональной экономикой.

Одним из важнейших направлений деятельности властных структур по модернизации региональных социально-экономических систем может стать проведение мониторинга и создание региональных маркетинговых программ в сфере управления, с целью выявления наиболее эффективных в социальном и экономическом смысле «способов принятия управленческих решений на региональном уровне».

Специфические особенности региона, динамическое изменение ситуации заставляет субъектов управления постоянно искать и адаптировать новые управленческие модели, поэтому использование интеграционного маркетинга применительно к региональным социально-экономическим системам в условиях интеграции мировой экономики является актуальным.

Несмотря на имеющиеся положительные результаты деятельности региональных администраций, нельзя утверждать, что удалось создать все необходимые предпосылки для использования преимуществ маркетинга в целях развития реального сектора экономики региона, проведения структурных преобразований в промышленности региона, повышения конкурентоспособности и активного продвижения продукции отечественных товаропроизводителей на внутренние и зарубежные рынки.

На сегодняшний день отсутствует целостный и обоснованный механизм развития региональных социально-экономических систем на основе интеграционного маркетинга, скоординированный с процессами реформирования и реструктуризации в регионе.

В основе концепции управления региональной экономикой на основе интеграционного маркетинга лежит соглашение сонаправленных мер стратегического характера по развитию региональных социально-экономических систем, они содержит основные идеи и принципы, которые ориентируют производителей товаров и услуг, инвесторов, администрацию и население, помогая им осуществлять решения, базирующиеся на выделении путей развития.

Данный подход к развитию региональных социально-

экономических систем призван: содействовать формированию многосекторной экономики; проводить активные структурные преобразования; стимулировать деятельность хозяйствующих субъектов по объединению в холдинговые структуры, с целью получения дополнительных конкурентных преимуществ.

Концепция управления региональной экономикой является основой для формирования целевых программ, представляющих собой плановые и адресные документы, направленные на устранение наиболее актуальных проблем, на достижение конечных целей в виде целевых показателей и мероприятий, увязанных по срокам, исполнителям и сбалансированных по ресурсам.

Выстраивается «вертикаль интересов», задачей которой становится создание предпосылок для гармонизации целей развития экономики региона с учетом пространственного аспекта воспроизводства. В концепции учтены закономерности функционирования региональных рынков, особенности рыночного пространства, в рамках которого формируются экономические интересы и взаимоотношения. Важно увязать современное состояние интеграционного маркетинга с деятельностью региональных субъектов, так как инструментарий интеграционного маркетинга имеет свой набор экономических правил, которые опираются на интеграцию рынков товаров, услуг и капиталов; на ускорение распространения научно-технических достижений; на информационную открытость; на быстром технологическом обновлении; на коммуникационном сближении. Данная вертикаль способствует укреплению конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности региона.

Управление региональной экономикой на основе интеграционного маркетинга вырабатывает требования к реформам, как на федеральном, так и на региональном уровне: перенесение центра тяжести реформационных усилий на региональный уровень (выработка правовых установок и регламентов хозяйственной деятельности); создание необходимых маркетинговых организационно-экономических структур и внерыночных институтов, обеспечивающих равенство правил хозяйственного поведения для всех, и обязательность их соблюдения.

Гармонизация целей развития национальной и региональной экономики, учет условий, влияющих на процессы управления регионом, анализ результатов хозяйственной деятельности свидетельствуют о необходимости внедрения изменений в процессы функционирования региона.

Разработка стратегии развития региональной социально-

экономической системы должна содействовать рациональному сочетанию централизованного управления с развитием хозяйственной самостоятельности, укреплению и развитию принципа отраслевого управления с органическим сочетанием развития региона, совершенствованию организационных форм производства и экономических механизмов управления, углублению факторов интеграции.

Интеграционный маркетинг в процессах управления региональными социально-экономическими системами связан с проведением мониторинга рыночного потенциала, с институциональными изменениями, с созданием благоприятного имиджа региона. Главная особенность, которая отличает предлагаемую концепцию от существующих, заключается в том, что управление региональной экономикой на основе интеграционного маркетинга требует не только объединения отдельных элементов предпринимательской, производственной, управленческой деятельности региона, но и выявление имеющихся и возможных между ними взаимосвязей и взаимозависимостей, а также прогнозирование их эффективной стратегии развития.

В современных условиях межрегиональное сотрудничество расширяет возможности региональных органов управления в увеличении рыночного потенциала регионов, создает условия для более эффективного решения региональных проблем в экономической, социальной и политической сферах.

Существуют различные формы и механизмы взаимодействия региональных социально–экономических систем. К экономическим формам относятся сотрудничество регионов путем их участия в деятельности межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия субъектов Федерации, совместная работа при реализации крупных инвестиционных проектов, затрагивающие интересы нескольких регионов, в том числе в рамках федеральных целевых программ, участие в межрегиональных выставках и т.п.

Процессы интеграции позволяют влиять на: маркетинговые действия, которые производятся с единых позиции, не только в мероприятиях региональных органов власти, но и на основе оптимального сочетания административных и экономических методов регулирования; одновременное достижение поставленных целей; взаимосвязи и взаимозависимости, формируемые единой направленностью действий.

Под интеграционным маркетингом мы понимаем деятельность, направленную на удовлетворение экономических, социальных и экологических нужд и потребностей, функционирующих на данной территории населения и субъектов хозяйствования, включая органы

управления региона, посредством обмена потребительскими ценностями. Данная деятельность основана на учете, исследовании и использовании взаимосвязей между отдельными подсистемами и элементами системы маркетинга, стадиями жизненного цикла объекта управления, уровнями и субъектами управления по вертикали и горизонтали с целью формирования систем обеспечения эффективного воспроизводства на региональном уровне.

Система управления регионом на современном этапе должна отвечать закономерностям социально–экономических процессов, должна быть гибкой и эффективной. Это обусловливает необходимость применения маркетингового подхода как основного метода управления в рыночных условиях, применяемого на всех стадиях управления региональным развитием и призванным помочь успешному решению вопросов территориального развития и достижению целей местного самоуправления.

Предпосылками для использования данной модели являются: практика использования маркетингового подхода при разработке экономической политики приводит к значительному улучшению качественных показателей социально–экономического развития, повышению уровня жизни населения, улучшения условий труда и развития экономики; интеграционный маркетинг, занимающий позицию между программами воздействия на национальную экономику (макро–уровень) и маркетингом на микро–уровне (экономических агентов), позволит обеспечить сочетание интересов и целей макро–, мезо– и микро–уровней; возможности согласования разноуровневых социально–экономических интересов обусловлены расположением регионального маркетинга между центральными управляющими структурами и непосредственными субъектами регионального рынка.

Основой применения интеграционного маркетинга являются модели согласования интересов различных уровней являются: сбор информации о возникающих на микро–уровне возможностях производства; сбор информации о потребностях рынка региона; мониторинг данных о конъюнктуре рынков более высокого уровня регионах–конкурентах по тем или иным товарам.

В понятие «паспорт региона» все вкладывают разный смысл. Информация о регионе, которую субъекты РФ часто называют свои паспортом, очень разнообразно и далека от унификации. Одни имеют ввиду очень скромный набор социально-экономических показателей, другие указывают налоговые данные региона, третьи – показатели, отражающие инвестиционную привлекательность.

Проведенный нами анализ информационных ресурсов показал, что материалы, характеризующие положение регионов, таковы: в 15 субъектах РФ есть итоги социально-экономического положения, в 39 регионах есть прогноз социально-экономического развития, в 20 субъектах РФ есть набор показателей социально-экономического развития, в трех субъектах РФ есть постановление Правительства региона; в 13 субъектах представлены только самые общие социально-экономические сведения; 17 субъектах вообще нет материалов, дающих какую-то информацию о регионе; в нескольких субъектах РФ в качестве паспорта региона выставлено послание губернатора законодательному собранию.

Каждый субъект управления применяет, как правило, собственный методический подход и технологию управления, избирая и комбинируя различные виды, используя их в определенной последовательности и сочетаниях. Создание паспорта региона позволит снять ряд проблем: обеспечит сопоставимость информационных данных; обновление информации в паспорте будет вестись в реальном режиме времени; инвесторы смогут отследить ситуацию в каждом регионе.

На основе таких разноплановых, совершенно не соизмеримых данных нельзя провести серьезный анализ, получить представление о регионе, округе и, соответственно нельзя понять и оценить общее состояние региональной социально-экономической системы. И это весомый аргумент в пользу создания паспорта региона.

Паспорт региона – это «живой» инструмент, позволяющий региону, определить свое место в рейтинге регионов в той или иной сфере, а любому министерству воспользовавшись этим же инструментом, получить данные о рыночном потенциале регионов, эффективности их использования и экономическом развитии.

Основная функция паспорта региона – предоставление унифицированных данных, выведенных по общепринятым методикам, признанным и самими регионами, и федеральными министерствами и ведомствами.

Нами предлагается следующий состав и структура паспорта региона:

1. Общая информация.
2. Административная структура.
3. Население.
4. Инфраструктура (бизнес-структура; инновации; инвестиции; рыночный потенциал; интеграционный маркетинг).
5. Хозяйственный комплекс (валовой региональный продукт; промышленность; сельское хозяйство; малое предпринимательство;

сфера услуг; свободные промышленные площадки и производственные мощности и т.д.).

6. Региональная политика и нормативно-законодательное обеспечение.

7. Стратегия долгосрочного социально-экономического развития.

8. Web-сайт региона в сети Интернет.

Регионы должны приложить больше усилий по организационно-институциональному обеспечению процесса управления. Для совершенствования управления на региональном уровне, административному аппарату необходимо восполнить имеющийся пробел в системе управления регионом и выполнить следующие рекомендации: создание регионального центра устойчивого развития, примерная организационная структура территориального центра устойчивого развития, рекомендуемая для внедрения в практику управления на региональном уровне; разработка единой экономической и технической политики развития рыночной инфраструктуры в регионе; создание единой информационной системы для анализа и прогнозирования развития региональных рынков; координация работы отдельных элементов рыночной инфраструктуры в целях решения общерегиональных задач; обеспечение пропорционального развития всех подсистем рыночной инфраструктуры региона; формирование благоприятного экономического и инвестиционного климата в регионе для развития предпринимательской деятельности и привлечения новых инвестиций из других регионов и государств; создание условий для развития всей системы региональных рынков и повышения эффективности регионального воспроизводственного процесса.

Администрация выступает в качестве системообразующего фактора, так как создает нормативно-правовую базу, единую для всех участников данного процесса, включая и реализацию региональных проектов.

Целью деятельности территориального центра устойчивого развития является создание и развитие паспорта региона на основе интеграционного маркетинга.

Интеграционный маркетинг должен обеспечить согласование интересов и целей четырех субъектов хозяйствования: 1) учредители; 2) партнеры; 3) услуги; 4) потребители.

Интеграционный маркетинг не может выполнять присущие ему функции без соответствующих управленческих структур, он должен быть «встроен» в региональную систему управления, возможно, что позволит в перспективе стать стержнем этой системы.

Паспортизация регионов должна проводиться структурным

подразделением администрации области. На наш взгляд, целесообразно создать в деятельность администрации территориальный центр устойчивого развития, который будет формировать, и обновлять паспорт региона.Контролировать достоверность вносимых в паспорт данных будет территориальный центр устойчивого развития на основе законодательной базы Российской Федерации.

Активизация собственной маркетинговой политики в регионах обусловливается ростом в них социальной направленности, связанным с «перебросом социальных расходов с федерального на региональные бюджеты, не имеющих соответствующей доходной базы».

Реализация процесса согласования интересов возможно при ориентации системы органов управления региона на маркетинговую стратегию, распределении прав и ответственности между уровнями хозяйствования, следовании соглашениям о предметах ведения центра и территории.

В условиях значительного расширения самостоятельности регионов появляется реальная возможность гибкого согласования макро–интересов и интересов региона; региональных интересов и микро–интересов хозяйствующих субъектов.

Обоснована необходимость по использованию паспорта региона на основе интеграционного маркетинга для совершенствования управления регионом, отличительной особенностью которых является координирование процессов управления и комплекс мер по организационно-управленческим моментам создания и функционирования территориального центра устойчивого развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемов, А. Модернизация государственного управления экономикой [Текст] / А. Артемов, А. Брыкин, В. Шумаев // Экономист. – 2008. – № 2. – С. 3-15

2. Валиулова, А Эффективность инструментов управления организацией [Текст] / А. Валиулова, В. Приходько // Проблемы теории и практики управления. – 2007. – № 12. – С. 103-109

3. Зарова, Е.В. Тенденции развития инфраструктуры региона [Текст] / Е.В. Зарова // Регионология. – 2006. – № 4. – С. 11–20.

4. Кудымов, В. Взаимосвязь социально-экономических процессов с показателем валового регионального продукта [Текст] / В. Кудымов // Экономический анализ: теория и практика. – 2007. – № 24. – С. 37-47

5. Молотков, Ю.И. Системное управление социально-экономическими объектами и процессами [Текст] / Ю.П. Молотков. – Новосибирский государственный университет, Сибирская академия

государственной службы. - Новосибирск: Наука, 2004. – 508 с.

6. Силина, С. Маркетинговая концепция управления региональным развитием [Текст] / С. Силина // Маркетинг. – 2004. - № 1. – С. 29-42

7. Смирнов, В. Социально-экономические условия эффективного развития региона: оценка, интеграционный вектор [Текст] / В. Смирнов // Проблемы теории и практики управления. – 2008. – № 3. – С. 31-39

ОСОБЕННОСТИ ПОСТКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Столярова Е.И., к.э.н., асс.
кафедры политической экономии
экономического факультета
Российского университета дружбы народов,
Stolyarova-ei@yandex.ru

Площадь Сибирского федерального округа – более 5 млн. км^2, что составляет 30% всей территории Российской Федерации; численность населения округа – около 20000 человек (13,77% населения России).

Уровень социально-экономического развития регионов, входящих в состав Сибирского федерального округа (далее - СФО), различен. Так, Красноярский край относится к числу развитых, опорных регионов-доноров. Отставание по сравнению с другими регионами здесь наблюдается по показателям дифференциации доходов населения, по уровню инновативности и качества жизни.

Томская, Новосибирская, Кемеровская, Иркутская и Омская области относятся к группе опорных старопромышленных экспортно-ресурсных регионов СФО. Общей для этих субъектов проблемой является отставание по уровню качества жизни и высокая степень дифференциации доходов населения.

Алтайский край входит в число депрессивных фоновых регионов-реципиентов. Проблемы в крае – высокая дифференциация доходов населения и качества жизни.

Республика Хакасия и Республика Бурятия относятся к регионам-реципиентам с низкими основными показателями развития, характеризующиеся спадом в основных отраслях. В республике Хакасия наблюдается отставание по степени инновативности; в Республике Бурятия – по уровню развития человеческого потенциала, качества жизни, по динамике объема инвестиций. Кроме того, также имеет место проблема высокой дифференциации доходов населения.

В число депрессивных проблемных и кризисных регионов входят Забайкальский край и Республика Алтай. Основными проблемами здесь

являются качество жизни, развитие человеческого потенциала, внедрение инноваций.

Республика Тыва является хроническим реципиентом с самым низким потенциалом, требующим особого внимания. К числу основных проблем Республики относятся низкое качество жизни и развития человеческого потенциала, низкий уровень инновативности и демократичности.

Кризис российской экономики явился следствием мирового финансово-экономического кризиса, но вместе с тем имел свои характерные, четко выраженные имманентные особенности, явившиеся следствием непродуманных и низкоэффективных реформ 1980-х – 1990-х годов. Это структурно-технологическая несбалансированность, потеря социальной мотивации и поляризация общества, падение эффективности и конкурентоспособности, неспособность идентифицировать свои объективные экономические интересы в глобализирующемся мире.

В условиях кризиса особенно ярко проявляются различия в уровне воспроизводственного потенциала регионов (природных ресурсов, производственных мощностей, рабочей силы, технологий и институтов), в уровне экономического и индустриального развития.

В результате этого финансово-инвестиционные процессы в большей части федеральных округов РФ – и СФО в частности – оказались в состоянии дезорганизации и фактически вернулись на уровень начала реформ. Темпы развития производственного потенциала сократились.

Для борьбы с кризисом и его последствиями субъекты Российской Федерации, входящие в состав СФО, разработали и приняли программы, планы и стратегии антикризисных мер.

Интересным представляется тот факт, что в СФО, в отличие от некоторых других федеральных округов, основные направления антикризисных программ почти всех регионов совпадают с приоритетными антикризисными мероприятиями, прописанными в Программе антикризисных мер Правительства Российской Федерации.

Анализ соответствия антикризисных программ и планов субъектов СФО Программе антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 г. позволяет сделать обоснованный вывод о приоритетных направлениях антикризисной политики отдельных субъектов СФО и Федерального округа в целом.

1. Особое внимание в субъектах СФО уделяется политике занятости (включая сдерживание роста безработицы), развитию программ переподготовки работников, оказанию адресной поддержки гражданам в трудоустройстве. 10 из 12 субъектов Федерального округа выделяют в качестве приоритетных мер именно содействие занятости населения,

сохранение и создание рабочих мест (исключение составляют Забайкальский край и Республика Тыва).

2. Акцент в СФО делается на развитии ЖКХ, ремонте, в том числе капитальном, имеющегося жилищного фонда, строительстве нового жилья и содействии развитию ипотечного кредитования.

3. Сбалансированность бюджетов с целью исполнения публичных обязательств, выплаты заработной платы работникам бюджетной сферы, оплаты первоочередных расходов считают одной их основных задач антикризисного регулирования 83,3% субъектов СФО. В меньшей степени уделяют внимание данному пункту Забайкальский край и Республика Тыва.

4. На поддержке и стимулировании развития малого и среднего предпринимательства, снижении административного давления на бизнес акцентируют свое внимание 10 субъектов СФО. Данный пункт не входит в число основных в антикризисных планах (программах, стратегиях) Забайкальского края и Республики Тыва.

5. П**оддержка сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности, о**рганизация с/х производства занимает следующую позицию в списке приоритетных антикризисных мер 75% субъектов СФО. Не уделяют должного внимания данному вопросу Омская область, Забайкальский край, Республика Тыва. Также внимание акцентируется на поддержке и развитии лесопромышленного комплекса (исключение составляют Красноярский край, Иркутская область, Республика Бурятия).

6. В 6 субъектах СФО из 12 (Красноярский край, Томская, Новосибирская, Кемеровская области, Алтайский край, республика Бурятия) в антикризисных планах и программах прописана поддержка инновационных проектов, финансирование инноваций, а, следовательно, и направление инвестиций, в том числе за счет федерального бюджета, в данные проекты. Так, в частности, для создания благоприятных условий для экономического подъема в Красноярском крае реализуется проект «Комплексное развитие Нижнего Приангарья»; в Томской области создана особая экономическая зона (далее - ОЭЗ) технико-внедренческого типа; в Новосибирской и Кемеровской областях создаются технопарки; в Алтайском крае развивается наукоград Бийск.

7. Перспективным направлением выхода из кризиса и посткризисной перестройки экономики многие субъекты СФО видят развитие туризма. Так, в Алтайском крае создана ОЭЗ туристско-рекреационнного типа (далее – ОЭЗ ТРТ) «Бирюзовая Катунь», в Бурятии - ОЭЗ ТРТ «Байкальская гавань», в Республике Алтай – ОЭЗ ТРТ «Алтайская долина», в Иркутской области – ОЭЗ ТРТ «Ворота Байкала».

Некоторые особенности географической, природно-климатической и экономической структуры позволяют отдельным субъектам СФО наряду с приоритетными антикризисными мероприятиями выделять свои собственные, присущие только им, направления.

1. В Красноярском крае особое внимание уделяется повышению уровня доходов и качества жизни населения, социальной поддержке и обеспечению необходимых объемов и качества медицинских услуг, развитию внутреннего спроса.

2. В антикризисной программе Новосибирской области прописана модернизация предприятий.

3. В Кемеровской области значительное внимание уделяется профилактике и лечению туберкулеза, льготам больным. В области, наряду с Алтайским краем, проводятся разъяснительные пропагандистские мероприятия, в частности распространение информационных буклетов и брошюр в рамках антикризисных планов.

4. В Иркутской области проводится анализ существующего положения по товарам первой необходимости, применяются налоговые льготы, осуществляется стабилизация и развитие системы страхования.

5. Антикризисная программа Омской области содержит раздел, посвященный противодействию коррупции.

6. В Алтайском крае запланировано развитие наукоградов, биофармацевтического кластера; прорабатываются вопросы миграционной политики и взаимодействия с профсоюзами. Наряду с Республикой Бурятия, в крае планируется минимизация торговых надбавок на лекарственные средства.

7. В Республике Бурятия, кроме того, проводится политика сдерживания роста цен на товары первой необходимости и тарифов на услуги жилищно-коммунального хозяйства.

8. В Забайкальском крае реализуется проект «Создание транспортной инфраструктуры для освоения полиметаллических месторождений юго-востока Забайкальского края».

9. Правительство Республики Алтай акцентирует внимание на развитии электроэнергетики

10. В Республике Тыва будет реализован проект строительства железной дороги Кызыл-Курагино в увязке с освоением минерально-сырьевой базы региона.

На основании имеющихся данных мы можем сделать вывод о том, что те субъекты, которые предоставляют статистическую информацию в открытый доступ, во-первых, реализуют приоритетные направления своих антикризисных программ и планов на практике.

Во-вторых, действия, предпринимаемые Правительствами субъектов СФО, направлены на решение фундаментальных задач, улучшение положения и отдельных субъектов, и Сибирского федерального округа в целом.

Несмотря на прилагаемые усилия, социально-экономическое положение СФО в 2009 - начале 2010 года ухудшилось по сравнению с 2008 годом. Снижение финансовых возможностей и падение производства постепенно привело к замедлению активности в торговле и снижении потребления. В социальной сфере кризис уже отбросил население страны по отдельным параметрам уровня жизни на 9-10 лет назад – к началу экономического подъема.

Анализ статистических данных, представленных Федеральной службой государственной статистики, позволяет сделать вывод о том, что негативное влияние мирового кризиса продолжает сказываться на большинстве субъектов СФО, динамично развивавшихся в докризисный период. Основные социально-экономические показатели, несмотря на некоторую стабилизацию, все еще не достигли докризисного уровня.

Статистические данные характеризуют неустойчивость наблюдаемого оживления экономики в СФО и свидетельствуют о нормализации экономики лишь в некоторых регионах СФО, в большинстве же устойчивые темпы роста пока не зафиксированы. Однако, за прошедший кризисный период в 2009 году многие субъекты округа проявили себя вполне успешно по сравнению с другими регионами РФ.

Оборот организаций федерального округа по всем видам деятельности и оборот розничной торговли в СФО в 2009 году по сравнению с 2008 г. сократились.

А показатели промышленного производства по видам экономической деятельности "Добыча полезных ископаемых" и "Обрабатывающие производства" и показатели производства продукции сельского хозяйства, наоборот, выросли.

На развитие экономики и социальной сферы СФО в 2009 г. использовано 831,4 млрд. рублей инвестиций в основной капитал, или 83,6% к уровню соответствующего периода предыдущего года[32].

Несмотря на ряд важных конкурентных преимуществ, в СФО существуют и определенные ограничения для развития (табл. 1).

Перспективы будущего динамичного и опережающего развития отечественной экономики во многом определяются состоянием и тенденциями изменения хозяйственно-экономического тренда в

[32] См. Интернет-сайт www.gks.ru

федеральных округах Российской Федерации и регионах, входящих в их состав.

Таблица 1.

Конкурентные преимущества и ограничения для развития Сибирского федерального округа

Преимущества	**Ограничения**
1. Природные ресурсы:	1. Наличие территорий с экстремальными условиями климатическими условиями
- гидроэнергетический потенциал	2. Неразвитость институциональной среды, что создает условия для вывоза капитала в европейскую часть страны и за границу. Главное препятствие экономического роста СФО - острый дефицит финансовых ресурсов
- запасы нефти (70% от российских ресурсов), природного газа и угля (80%), меди (70%), никеля (68%), свинца (86%), цинка (77%), молибдена (82%), золота (41%), металлов платиновой группы (99%)	
- около 40% лесного фонда России и 9% мировых запасов древесины	3. Высокая волатильность цен на мировых рынках сырья
- первое место в России по добыче ценных пушных зверей	
2. Мощный военно-промышленный потенциал, особое уникальное геополитическое положение	4. Транспортная удаленность от развитых регионов страны и мировых рынков
3. Географическое положение	5. Чрезмерная ориентация на внешние рынки, высокая территориальная дифференциация социально-экономических показателей, слабость внутренних интеграционных связей и низкая транспортная освоенность территории
- транспортный узел России, через который проходят основные транзитные потоки (грузовые и пассажирские перевозки) из европейской части страны в азиатскую	
- транспортный мост между странами Западной Европы, Северной Америки и Восточной Азии (Транссиб, Северо-Российская железнодорожная магистраль)	
4. Промышленный потенциал в цветной и черной металлургии, ТЭК, пищевой промышленности, химии и нефтехимии, строительном комплексе и агропромышленном секторе	6. Стремление мировых экономических элит закрепить за Сибирью роль сырьевого придатка развитых экономик
5. Научно-технический и научно-образовательный потенциал	

В Сибирском федеральном округе нужно приложить определенные усилия по развитию металлообработки, химической промышленности, пищевой и легкой промышленностей.

В целях изменения сложившейся ситуации необходимо создать более благоприятные условия для развития банковского, страхового и инвестиционного рынка и привлечения иностранных инвестиций, для проведения модернизации основных фондов, увеличения денежных доходов и сбережений населения (как источника частных инвестиций), для участия Российской Федерации в международной промышленной кооперации, развития инновационной деятельности.

Серьезные перспективы развития СФО связаны с повышением эффективности использования природно-ресурсной базы; с использованием инновационной среды, многочисленных научных центров, с привлечением инвестиций, с развитием обрабатывающих производств. Важно совершенствовать транспортную инфраструктуру Сибири, провести модернизацию автодорог, восстановить активную работу Северного морского пути, необходима модернизация приграничной инфраструктуры.

Точки роста экономики СФО:

1. Развитие индустрии отдыха и туризма – важнейшая региональная точка роста как для ряда территорий Сибири, относящихся к категории «депрессивных» (это, в частности, республики Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия, Забайкальский край), так и для промышленно развитых регионов (Иркутская, Кемеровская, Новосибирская области).

2. Ресурс свободных территорий. Даже на юге Сибири, в зонах вполне комфортного проживания, таких территорий достаточно для того, чтобы рассматривать их также как стратегический ресурс мирового уровня.

3. Возможность строительства в более отдаленной перспективе железнодорожной магистрали через Берингов пролив – создание новых торгово-транспортных отношений между Северной Америкой и Евразией.

К числу факторов, сдерживающих активность СФО, помимо перечисленных, можно отнести недостаточный спрос на отечественную продукцию внутри страны и за рубежом, отсутствие надлежащего оборудования, высокую конкуренцию со стороны зарубежных товаропроизводителей, недостаток денежных средств, неопределенность экономической обстановки, высокие инвестиционные риски.

Для добывающих отраслей экономики СФО кризис обернулся сужением сбыта как внутри страны, так и за границей, размыканием

производственных цепочек, для обрабатывающей промышленности – технологическим отставанием от зарубежных конкурентов, потерей определенных сегментов рынка в условиях низкой степени приспосабливаемости.

Следует отметить, что практически не происходит перераспределения средств от ограниченного круга отраслей в пользу обрабатывающих отраслей промышленности и сектора услуг, в которых не хватает инвестиций для обновления основных фондов и внедрения новых технологий. При сложившейся структуре основного капитала низкие объемы инвестиций в отрасли обрабатывающей промышленности являются одним из ключевых факторов, тормозящих темпы экономического роста. На макроэкономическом уровне такое распределение средств весьма неперспективно, так как приводит к неравномерному развитию экономики.

Недофинансирование и вследствие этого недостаточное поступление новых основных фондов сдерживают замену устаревших и изношенных фондов и негативно влияют на воспроизводственные характеристики оборудования. Высокая степень физического и морального износа основного капитала, неблагоприятная структура парка машин и оборудования, транспортных средств является довольно серьезным ограничением будущего развития.

Эти факторы сопровождали экономическое развитие в Российской Федерации на протяжении всего пореформенного периода. И даже экономический рост 2000-х годов не решил основные проблемы – фундаментальных изменений в экономике не произошло, необходимую конъюнктуру поддерживали и продолжают поддерживать сырьевые отрасли и отрасли первого передела.

ИНСТРУМЕНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Строева О.А., к.э.н., доцент
кафедры коммерции и рекламы
Орловского государственного института
экономики и торговли
stroeva-olesya@mail.ru

Эффективными методами современного менеджмента являются стратегическое планирование и прогнозирование. Эти методы широко применяются в рыночной экономике и решают задачи развития коммерческих фирм или осуществления коммерческих проектов.

Стратегическое планирование зародилось в недрах корпоративного мира, что наложило специфические особенности на его принципы и методы и отражает недоверие к человеческим способностям предсказывать будущее. Из этого проистекает существенное отличие стратегического планирования от всеобъемлющего, заключающееся в том, что первое никогда не имеет логического завершения, а всегда касается частного и заранее выбранного. Стратегическое планирование основывается на презентации случайностей и способности указать на необходимость организационной интеграции и координации для адекватного реагирования на возникающие случайности[33]. Как показывает практика, стратегическое планирование может с успехом применяться не только в коммерческой, но и в других сферах общественной деятельности.

На современном этапе стратегическое планирование все чаще применяется в качестве одного из основных инструментов регионального управления. Научно разработанные и обоснованные стратегические планы, объективно необходимые в рыночной экономике, позволяют с минимальными затратами достичь цели общественного развития в каждый конкретный промежуток времени, служат основой для создания эффективной сбалансированности в регионах[34]. Необходимость планирования инновационного развития региона обусловлена тем, что наличие долгосрочного стратегического плана, включающего основные направления и ориентиры создания политически стабильного и устойчиво развивающегося общества, позволит региону выделить приоритетные направления инновационного развития и сконцентрировать имеющиеся ресурсы на этих направлениях.

Сущность стратегического планирования инновационного развития региона можно определить как деятельность представительных и исполнительных органов власти по реализации централизованного начала управления с целью обеспечения эффективного функционирования в долгосрочной перспективе с учетом изменяющихся условий внешней среды, а также обеспечения баланса отраслевых и региональных интересов в решении совокупности проблем реформирования и инновационного развития региона.

Из этого следует, что главная задача в сфере планового регулирования инновационного развития региона состоит в создании научно обоснованной системы стратегического планирования. Разработка

---

[33] Гаврильев, В. Прогнозирование в системе стратегического планирования [Текст] / В. Гаврильев, А. Ковалев // Экономист. – 2008. – № 3. – С. 64-73

[34] Шифрин, М.Б. Стратегический менеджмент [Текст] / М.Б. Шифрин. -СПб.: Питер, 2006. - 240 с. ISBN 5-469-00970-X

действий, направленных на улучшение дел в экономике, социальной сфере, не видя перспектив на ближайшие 10-15 лет, нецелесообразна. Тезис о приоритетности стратегии над тактикой в полной мере подтверждается мировой практикой. В связи с этим особую актуальность приобретает задача формирования документов стратегического характера, содержащих замысел инновационного развития региона.

Понятие стратегического планирования в литературе трактуется по-разному. Иногда стратегическое планирование отождествляется с выработкой долгосрочных целей с детальным всесторонним комплексным планом, предназначенным для того, чтобы обеспечить осуществление миссии организации и достижение ее целей.

Сущность стратегического планирования инновационного развития региона нами рассматривается в трех плоскостях.

Во-первых, «собственно стратегическое планирование» понимается как документально представленное выражение о желаемом будущем инновационного состоянии региона и о системе мер и ресурсов, используемых для приближения этого будущего.

Во-вторых, «стратегический план инновационного развития», трактуется как комплект документов, включающий собственно стратегический план и блок документов по его реализации - набор стратегических программ и конкретный план мероприятий по осуществлению экономического и инновационного развития региона.

В-третьих, «стратегический план как процесс», понимается как система документов по стратегическому управлению в совокупности с организационными структурами и процедурами, задающими определенные, постоянно воспроизводимые схемы разработки стратегического плана региона и обеспечивающие реализацию стратегических целей и задач.

В основе стратегического планирования лежит научное обоснование стратегического выбора, разработка технологических подходов и инструментов для реализации выбранного стратегического плана, обоснование, поиск путей и необходимых ресурсов, обеспечивающих достижение стратегических целей.

Исходя из этого, можно сформулировать следующее определение: стратегический план инновационного развития региона - это управленческий документ, который содержит взаимосвязанное описание различных аспектов деятельности и предусматривает выдвижение таких целей, реализация которых обеспечивает эффективное функционирование системы региона в долгосрочной перспективе с учетом изменяющихся условий внешней среды.

Деятельность по стратегическому планированию региона должна

«пронизывать» все звенья национальной экономики от ее первичного звена (хозяйствующего субъекта) до экономики в целом и представлять собой взаимоувязанный комплекс проектов стратегических решений. Эффективность такого комплекса зависит от эффективности механизма, используемого для реализации региональной стратегии, в том числе от степени эффективности взаимодействия органов региональной власти и общественности (представителей частного бизнеса и государственных предприятий, общественных организаций и учреждений науки, потенциальных инвесторов) в интересах достижения поставленных в стратегическом плане целей.

Стратегический план инновационного развития региона - это индикативный документ, который позволяет администрации региона и региональному сообществу действовать совместно. Это - документ не исключительно администрации, а в большей мере всех субъектов процесса регионального инновационного развития, включая экономических агентов и участников политического процесса. Это - не директива сверху, направленная от региональной администрации к предпринимателям и жителям региона, а ориентир, выработанный с участием всех агентов экономической деятельности[35].

Основными задачами регионального управления являются, естественно, повышение уровня жизни населения данного региона, анализ и долгосрочное прогнозирование его всестороннего развития, выполнение мероприятий по обеспечению экологической безопасности и защите окружающей среды. Основополагающими принципами разработки стратегического плана развития региона должны являться:

– обоснование стратегических целей и приоритетов инновационного развития;

– ориентация экономики региона на решение социальных задач, достижение высокого уровня жизни;

– учет взаимосвязей региона, характеризующихся взаимозависимостью с другими регионами и страной в целом;

– формирование высокоэффективной, гибкой и восприимчивой к нововведениям социально ориентированной экономики, сочетающей механизмы рыночного саморегулирования с активным государственным воздействием на экономические и социальные процессы;

– сочетание и взаимодействие различных форм собственности и хозяйствования, обеспечивающих устойчивую мотивацию трудовой и

[35] Бекетов, Н.В. Управление наукой в регионе: инновационная политика и особенности финансирования [Текст] / Н.В. Бекетов / под редакцией проф. А.А. Попова. - М.: Academia, 2000. - 96 с.

предпринимательской активности;

– определение точки равновесия между властными структурами профессиональными и общественными группами населения, относительно стратегических целей и приоритетов развития региона, а также механизмов их практической реализации;

– обеспечение открытости хода и результатов работ по формированию стратегического плана инновационного развития региона, привлечение к рассмотрению и экспертизе проектов документов научной общественности и населения;

– учет глобальных мировых тенденций, а также опыта стран и регионов, добившихся скачка в инновационном развитии.

По мнению автора, этапы разработки стратегического плана инновационного развития региона должны включать:

1. Оценку достигнутого уровня и особенностей социально-экономического развития региона, предполагающую также проведение анализа региональной ресурсной базы этого развития.

2. Определение целей регионального развития с учетом формирования новых и уже имеющихся местных преимуществ в условиях ограниченных ресурсов региона.

3. Разработку концепции инновационного развития региона, проработку сценариев и механизмов осуществления стратегии с учетом системы межрегиональных связей и взаимосвязей.

4. Мониторинг и анализ его эффективности и результативности, корректировку целей и методов достижения.

На первоначальном этапе разработки стратегического плана необходимо провести анализ региональных особенностей экономики и социальной сферы, который обеспечивает базу, как для определения целей регионального развития, так и для выработки стратегического плана, позволяющего достичь поставленных целей по инновационному развитию. Такой анализ предполагает изучение следующих элементов сферы: макросреды; непосредственного окружения; внутренней среды региона.

Анализ макросреды и непосредственного окружения включает изучение влияния экономики страны и соседних регионов, правового регулирования и управления, политических процессов, природной среды и ресурсов, социальной и культурной составляющих общества, научно-технического и технологического развития общества, инфраструктуры и т.п.

Анализ внутренней среды вскрывает те возможности, тот потенциал, на который может рассчитывать регион в процессе достижения своих целей при инновационном развитии.

Главной задачей этапа определения основных целей

стратегического плана является установление баланса интересов экономических субъектов, социальных институтов и групп людей, заинтересованных в стабильности и оказывающих влияние на содержание и направленность инновационного развития региона.

После того как определены цели, наступает этап разработки концепции социально-экономического развития региона и проработки сценариев и механизмов ее осуществления. На этом этапе основной задачей является создание необходимых предпосылок для успешной реализации стратегического плана и принятие решения по поводу того, как, какими средствами будет обеспечиваться достижение поставленных целей.

Мониторинг, оценка и контроль выполнения стратегического плана являются завершающим этапом стратегического планирования. Данный процесс обеспечивает устойчивую обратную связь между ходом процесса достижения целей и собственно целями инновационного развития региона.

В случае мониторинга реализации стратегического плана инновационного развития эти задачи приобретают вполне определенную специфику, обусловленную тем, что основной целью мониторинга является обеспечение реализации и постоянное поддержание актуальности стратегического плана.

В результате четкого соблюдения принципов и этапов стратегического планирования, в конечном итоге реализация стратегического плана позволит достичь стабилизации экономической и социальной обстановки, сохранения производственного и кадрового потенциала, создания основ экономики рыночного типа, сочетающей предпринимательскую деятельность с государственным регулированием, формирования предпосылок и условий для устойчивого инновационного развития региона.

Необходимо также отметить, что в процессе стратегического планирования регионального развития в современных условиях полезным может оказаться изучение зарубежного опыта в области прогнозирования и стратегического планирования, региональных и местных социально-экономических систем.

Возможность использования зарубежного опыта вытекает из существующих сходных проблем в области техники и технологии, экономики и социальной жизни, так как научно-технический прогресс и его пространственная диффузия идут практически по единому сценарию, в результате чего и в разных странах возникают сходные региональные проблемы, в частности, продолжающаяся дифференциация экономической и социальной жизни экономических районов, центра и периферии. Нельзя не согласиться и с тем, что в области осмысления региональных проблем и

разработки путей их решения развитые страны продвинулись дальше нас.

Система развития регионов, созданная в Японии, основывается на государственных планах развития территорий, которые составляются с начала 60-ых годов XX века на 10 лет. Основной задачей таких планов является: региональное размещение производительных сил; уменьшение хозяйственных диспропорций между различными экономическими районами; обеспечение равных социально-экономических условий жизнедеятельности населения на всей территории страны; улучшение экологической обстановки.

Большое значение в региональной политике страны играет ее экономической районирование. Так же как и в СССР в целях планирования и прогнозирования развития производительных сил различными экономическими, правительственными и научными учреждениями территория Японии разбита на 10 экономических районов (префектур в стране 47). Экономическое районирование в Японии служит не только основой экономического анализа, планирования развития префектур, городов, но несет и практическую нагрузку, определяет социально-экономическое развитие страны в целом. Это проявляется в следующих крупных направлениях[36]:

– экономическое районирование служит основой для разработки утверждаемых правительством долгосрочных планов комплексного развития территории страны, а также других законодательных актов по региональному развитию;

– на основе схемы экономических районов действует финансовая и, прежде всего, налоговая системы, определяющие меры, обеспечивающие самофинансирование территорий. При этом убыточные, отсталые регионы, например, экономический район Хокайдо, получают дотацию за счет процветающих районов;

– большое внимание при планировании по районам уделяется решению социальных проблем населения посредством экономического регулирования расселения и передвижения населения с использованием кредита, налогов и других экономических рычагов.

Главными государственными органами, занимающимися разработкой и контролем исполнения региональных стратегических планов развития являются Экономический консультативный совет и Консультативный совет планирования комплексного развития территории при кабинете министров Японии. Первый разрабатывает основные

[36] Бусыгина, И.М. Концептуальные основы европейского регионализма [Текст] / И.М. Бусыгина // Регионы и регионализм в странах Запада и России: сб. науч. тр. – М.: ИВИ РАН, 2001. – С. 7–15.

направления развития экономики страны с учетом регионов, второй - конкретно региональные аспекты.

Значительная работа по разработке программ и планов по заказам правительственных и местных органов осуществляется частными научными и другими организациями. В последние годы в решении вопросов регионального развития усиливается роль местных органов управления - префектур. Для этих целей они имеют отделы развития районов, планирования, привлечения предприятий и т.п. Многие имеют консультативные советы по развитию территории, охране местных ресурсов. Прослеживается тенденция передачи в ведение местных властей на правах автономии решения всех вопросов развития территорий.

Для всех уровней власти в странах Западной Европы наиболее актуальны сегодня проблемы безработицы и социального партнерства. Планирование регионального развития должно решить основные социально-экономические проблемы, выполнить основную роль «катализаторов роста» и «центров инноваций»[37].

В большей части программ развития фиксируются цели, задачи, определяются важнейшие сектора экономики и общие условия развития, проводится анализ SWOT (сильные и слабые места, возможности и опасности), формулируется стратегический план.

Стратегические планы дополняются планами практических действий или планами мероприятий, которые могут подразделяться на отраслевые планы (например, планы действий в сфере экологии, в важнейших отраслях, в сфере малых и средних предприятий).

В Федеративной Республике Германия ответственность за проведение региональной политики возложена на земли. Законодательное обеспечение региональной политики ФРГ определяется федеральной конституцией (Основной закон), где выделены «общие задачи федерации и земель», в том числе задача «улучшения региональной экономической структуры», в рамках которой оба уровня по затратам выступают на паритетной основе. Одновременно действует федеральный рамочный закон о территориальном планировании, определяющий основные принципы, которым должны следовать земли в данной сфере[38].

В качестве основной функции федерального правительства в области региональной политики выделяют установление партнерских отношений с землями в рамках Gemeinschaftsaufgabe (GA) (Совместной оперативной группы). Комитет по планированию определяет состав GA,

[37] Региональное развитие: опыт России и Европейского союза [Текст] / А.Г. Гранберг [и др.]; под общ. ред. А.Г. Гранберга. – М.: Экономика, 2003. – 435 с.

[38] Данилевский, Н.Я. Россия и Европа [Текст] / Н.Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991

разрабатывает проект ежегодного Генерального плана, а также приоритеты регионального развития. Проект Генерального плана содержит в себе меры и условия оказания необходимой помощи районам, карту районов, которые нуждаются в ней. Финансирование данной региональной политики осуществляется в равных долях с двух сторон: с одной стороны, Федеральным правительством и землей - с другой стороны. Администрации земель несут ответственность за осуществление региональной политики.

Плановый комитет предоставляет подробный годовой Рамочный План (Rahmenplan), в котором указываются: территории, отмеченные на карте помощи, меры помощи, условия предоставления помощи и приоритеты регионального развития. План выпускается ежегодно, но при этом каждый входит в четырехлетний период, включающий тот год, когда план был согласован, и следующие два года, например, план на 1995 год на период 1995-1998. Таким образом, планы обеспечивают предсказуемость последующего планирования как минимум на следующие три года.

Задачи региональной политики Франции определяются законом по обустройству территории. Согласно закону регионы разрабатывают долгосрочные схемы развития территорий. Участие государства в региональном развитии осуществляется посредством системы пятилетних плановых контрактов «государство-регионы». Такие плановые контракты являются децентрализованным элементом национальной социально-экономической системы планирования. Законодательно плановые контракты (CPER) были сформулированы в 1982 г., и представляли собой контрактные соглашения на несколько лет между государством и региональными властями[39].

Подготовка контрактов длится обычно до двух лет и включает в себя три этапа: правительство устанавливает приоритеты региональной политики; региональные префекты подготавливают проекты планов, получая при этом консультации у президента регионального совета и плановых комитетов, В консультациях принимают участие все основные региональные организации самоуправления; следующим шагом является согласование подготовленных планов между регионами и государством, после чего они входят в состав приоритетов национального плана и становятся официальным плановым контрактом между двумя сторонами.

CPER четко устанавливают перечень мероприятий, срок исполнения

[39] Бусыгина, И.М. Концептуальные основы европейского регионализма [Текст] / И.М. Бусыгина // Регионы и регионализм в странах Запада и России: сб. науч. тр. – М.: ИВИ РАН, 2001. – С. 7–15.

и вид финансирования данных действий. Мероприятия, которые финансируются по контрактам, отличаются своим многообразием и включают большое число различных организаций и отделов. Они классифицируются на четыре большие группы: физическая инфраструктура; программы согласованных действий в целях регионального развития, направленные на территории с особыми проблемами; обучение, проведение исследовательских работ, финансирование ВУЗов и т.д.; мероприятия по повышению занятости и экономического развития, нацеленные на улучшение бизнес-среды для малых предприятий путем предоставления грантов и консультаций.

Наряду с контрактами «государство-регион», сохранилась и используется другая подсистема: долгосрочные планы обустройства территории на 15 лет, актуализируемые каждые 5 лет. Таким планом располагает каждый регион Франции.

Интересным моментом в западноевропейской практике является понятие «институт партнерства». Система планирования Франции имеет коллегиальный характер. Трех сторонний состав Государственного Комитета планирования (администрация, профессиональные и профсоюзные организации, эксперты) исключает появление государственной монополии планирования.

Рассмотренный опыт планирования регионального развития зарубежных стран в совокупности с изучением современного состояния отечественной системы регионального планирования может оказать позитивное влияние на процесс стратегического планирования инновационного развития регионов России.

Так, введение такого понятия как «институт партнерства», используемого во Франции, в процесс стратегического планирования инновационного развития позволит исключить появление государственной монополии планирования, а так же четко определить структуру целей стратегического плана, ввиду непосредственного участия в процессе всех заинтересованных структур и слоев общества.

Опыт Германии интересен тем, что применение дополнений стратегического плана планами практического действия и планами мероприятий позволит охватить все важные направления инновационного развития региона. Но, необходимо избежать дублирования, посредством четко построенной и регламентированной иерархий планов. Для этого необходимо определить взаимосвязь стратегического плана с планами практического действия и планами мероприятий и установить приоритетность их реализации.

Целесообразно так же перенять практику привлечения научных и других организаций к разработке стратегических планов, которая имеет

место быть в Японии. Данная практика позволит подойти к процессу стратегического планирования с различных сторон, что в свою очередь приведет к значительному увеличению внедрения инноваций в сфере управления и стратегического планирования развитием региона. Привлечение сторонних научных и других организаций и экспертов будет способствовать повышению квалификации специалистов непосредственно занимающихся формированием и реализацией стратегического плана, а также его мониторингом, за счет обмена знаниями, опытом и информацией.

Однако необходимо отметить, что при оценке возможностей использования того или иного опыта и подготовке соответствующих рекомендаций целесообразно учитывать разницу в культурно-историческом и социально-экономическом развитии.

Важным фактором формирования стратегического плана инновационного развития является внедрение новых технологий регионального планирования, которое становится невозможным без соответствующей подготовки и переподготовки кадров (на всех уровнях - федеральном, региональном и местном) по вопросам регионального анализа инновационного развития, прогнозирования, планирования, проектного управления и т.п. Необходимо улучшить информированность работающих в этой сфере специалистов и создать для них возможность общения и обмена опытом на основе современных информационных технологий. Для решения этой задачи необходимо проведение на систематической основе учебно-практических семинаров, конференций по вопросам разработки и реализации программ инновационного развития регионов с привлечением органов государственной власти и местного самоуправления. Это позволит выявлять существующие проблемы, распространять положительный опыт их решения.

Еще одним важным аспектом формирования качественного стратегического плана инновационного развития является создание единой системы государственного регионального планирования инновационного развития.

На сегодняшний момент единственным федеральным законом, установившим формат и процедуры разработки документов, определяющих перспективы территориального развития, является Федеральный закон от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации», в котором содержатся понятия: «концепция социально-экономического развития Российской Федерации» (система представлений о стратегических целях и приоритетах социально-экономической политики государства, важнейших направлениях и

средствах реализации указанных целей) и «программа социально-экономического развития Российской Федерации» (комплексная система целевых ориентиров социально-экономического развития Российской Федерации и планируемых государством эффективных путей и средств достижения указанных ориентиров).

Ряд конкретизирующих положений содержится в подзаконных актах Правительства Российской Федерации и федеральных министерств. Так, распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 июня 2001 г. № 800-р установлено, что координацию деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти по реализации программ экономического и социального развития субъектов Российской Федерации, имеющих федеральное значение и предлагаемых к финансированию с использованием средств федерального бюджета, осуществляет Минэкономразвития России. На основании приказа Минэкономразвития России от 17 июня 2002 г. № 170 программа экономического и социального развития субъекта Российской Федерации и перечень мероприятий (объектов), имеющих федеральное значение и предлагаемых к финансированию с использованием средств федерального бюджета, представляются в Минэкономразвития России для определения их соответствия типовому макету программы экономического и социального развития субъекта Российской Федерации.

Необходимо отметить, что в действующем законодательстве не рассматривается вопрос взаимосвязи основных документов социально-экономического планирования федерального, регионального и местного уровней (стратегических планов и программ социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, стратегических планов и программ социально-экономического развития муниципальных образований). Отсутствие взаимосвязи может привести к дублированию целей и, соответственно, к нерациональному использованию имеющихся ресурсов.

Вместе с тем приходится констатировать, что разработанные в регионах стратегические планы и принятые программы устойчивого развития реализуются не достаточно эффективно.

Причиной в данном случае могут служить ошибки, допущенные при разработке территориальной стратегии, такие, например, как: преувеличенное возложение надежд на привлекаемых к работе высокопрофессиональных иногородних консультантов и другая крайность - разработка стратегии силами лишь работников министерств и администрации. Как показывает опыт, такой подход обречен на провал. Только прямые обращения к собственным представителям науки, бизнеса, общественных организаций делают стратегический план

всеохватывающим, и в конечном итоге эффективным для региона. Практика привлечения предпринимательских, научных и общественных кругов к разработке важных экономических документов в последние годы начинает использоваться всё чаще.

Представители бизнес структур, принимающие непосредственное участие в процессе разработки и реализации стратегического плана, получают возможность аргументировать приоритетность представляемых им сфер и, соответственно, рассчитывать на совместные действия с властями. Кроме того, разработка становится для них так же средством диалога со своими деловыми партнерами и конкурентами, работающими в городе. Руководители администрации получают механизм регулярного открытого взаимодействия с бизнесом и общественностью, механизм обратной связи, позволяющий ориентировать действия властей в интересах общественно признанных целей и направлений. Представители науки и общества, получают возможность непосредственно влиять на выбор приоритетов и направлений развития, реализовать свой творчески и гражданский потенциал.

Таким образом, создание стабильного и устойчиво развивающегося общества осуществимо только при помощи грамотно выработанного, стратегического плана социально-экономического развития региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекетов, Н.В. Управление наукой в регионе: инновационная политика и особенности финансирования [Текст] / Н.В. Бекетов / под редакцией проф. А.А. Попова. - М.: Academia, 2000. - 96 с.

2. Бусыгина, И.М. Концептуальные основы европейского регионализма [Текст] / И.М. Бусыгина // Регионы и регионализм в странах Запада и России: сб. науч. тр. – М.: ИВИ РАН, 2001. – С. 7–15.

3. Гаврильев, В. Прогнозирование в системе стратегического планирования [Текст] / В. Гаврильев, А. Ковалев // Экономист. – 2008. – № 3. – С. 64-73

4. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа [Текст] / Н.Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991

5. Региональное развитие: опыт России и Европейского союза [Текст] / А.Г. Гранберг [и др.]; под общ. ред. А.Г. Гранберга. – М.: Экономика, 2003. – 435 с.

6. Шифрин, М.Б. Стратегический менеджмент [Текст] / М.Б. Шифрин. - СПб.: Питер, 2006. - 240 с. ISBN 5-469-00970-X

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: ИМПЕРАТИВЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Ханчук Н.Н., к.и.н., доцент,
Зав. кафедрой управления инновациями
Дальневосточного института инновационных
технологий и качества ДВГУ
nadnik48@mail.ru

Вместо предисловия. На рубеже XX и XXI столетий существенно изменились внутренние и внешние условия развития России, её регионов. Политические, экономические и социальные реформы, идущие в России в течение 20-ти последних лет кардинально трансформировали социально-экономическую жизнь в стране. В России объективно совершался (на наш взгляд, процесс еще не завершен) масштабный переход к новой пространственной экономике, новой системе расселения, а также к новой структуре отношений "центра" и "регионов" и др.

Стал ли этот процесс трансформации благом? Это зависит только от того, насколько сбалансированными в результате перемен оказались все компоненты потенциала функционирования территории — социальный (связанный с интересами, качеством и уровнем жизни населения), хозяйственный, природно-ресурсный, экологический и др. Любой дисбаланс ведет к деструкциям (в наиболее резкой форме – к депрессиям); любая сбалансированная динамика лучше одностороннего "развития" (например, лишь роста рождаемости или только наращивания выпуска экспортной продукции хозяйствующими субъектами ареала)[40].

Трансформационные процессы в России, ее регионах шли драматично, крайне болезненно для населения. Это, если так можно сказать, вариант все того же «прусского пути развития капитализма» (крайне мучительного, затяжного) в России в новейших историко-экономических и социально-политических реалиях.

Российский Дальний Восток (Дальневосточный регион). В течение двух веков Россия целеустремленно и настойчиво продвигалась к берегам Тихого океана. Полтора века длится освоение этой огромной территории. Что входит в понятие "Дальневосточный регион"?

[40]Лексин В., Швецов А. Региональная Россия начала XXI века: новая ситуация и новые подходы к ее исследованию и регулированию/В. Лесин, А.Шевцов. – Электрон. текст. дан. – Режим доступа: http://www.terrus.ru/sources/magazines/id705.shtml. 03.01.10

Автор не преследует цель досконально исследовать это операционное понятие. Удивительно, но факт, стоило обратиться к материалам четырех, прошедших под эгидой Межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации “Дальний Восток и Забайкалье” и “Сибирское соглашение” в 2006-2009 годах Дальневосточных международных экономических форумов, то обнаруживается пестрая, не всегда корректная, терминологическая палитра. “Дальний Восток” – это “Дальний Восток и Забайкалье”, это “Восток России”, это “Дальний Восток России”, но это и “Дальний Восток, Забайкалье, Бурятия и Иркутская область”[41].

На сервере администрации Хабаровского края опубликован проект “О стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года” с 25-ю приложениями, из них в 24-х речь идет о 12 субъектах РФ. Типичный, давно всеми понимаемый термин “Дальний Восток” (9 субъектов РФ: Республика Саха, Хабаровский и Приморский края, Камчатская, Магаданская, Сахалинская области, а также Еврейская и Чукотская автономные области) пополнился такими субъектами, как: Республика Бурятия, Иркутская область, Забайкальский край. При этом следует напомнить, что все предыдущие стратегии адресовались Дальнему Востоку и Забайкалью.

Таким образом, география Дальнего Востока России существенно “расширена”. Статистика дополняет географию. Обращение к российской статистике показывает, что доминантным признаком стал выступать федеральный округ. Таких округов в России до недавнего времени было шесть. В 2010 году образовался седьмой.

Доминантный признак любого федерального округа остался тот же: в качестве такового принят ареал юрисдикции региональных (на уровне субъектов РФ) органов власти в рамках их административно-территориальных границ. Дальневосточный федеральный округ включает 9 субъектов РФ, это: Республика Саха (Якутия), Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Магаданская и Сахалинская области, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ.

В таком случае, возникает вопрос об “окружном” принципе построения региона. Какой маневр (политический, экономический, стратегический) скрыт за такой статистико-географической диффузией?

Вероятно масштабирование территорий (в сторону макрорегионов) диктует формирующаяся в условиях глобализации и внутренней регионализации (с учетом развития межрегиональной интеграции,

[41] См. архив 4-х Дальневосточных международных экономических форумов, 2006-2009 гг.- Режим доступа: http://www.adm.khv.ru/

способствующей обеспечению сбалансированного развития всех участвующих в интеграционных процессах регионов) новая модель национальной экономики.

Увеличение региона должно вытекать из воспроизводственного принципа его формирования. Это базовый принцип, поскольку нормальный ход процесса воспроизводства возможен при наличии мощностей, населения, комплексности, участия в общефедеральной и мировой специализации.

Отметим, что федеральный округ – не является экономическим субъектом (агентом). Не располагает никакой собственностью. Собственность в регионе является либо федеральной ((РФ), субъектов РФ (республиканская – Республика Саха, краевой, областной, автономных области и округа). Нет в ДФО единого окружного бюджета (см. Бюджетный кодекс РФ) и т.п. Фактически, окружные органы не имеют реальной экономической власти.

Несмотря на условное расширение (см. выше) за последние почти 20 лет в масштабе новой страны – Российской Федерации географические параметры Дальнего Востока России принципиально иными не стали. Размеры и границы, широтная структура территорий дальневосточного региона остались прежними. Изменения произошли в административном устройстве региона: ряд автономных образований выделились в самостоятельные субъекты, например, Еврейская и Чукотская автономные области. Но существенно изменились геополитические реальности, размещение экономического и социально-инфраструктурного потенциалов, характер хозяйственных и социальных связей, пропорции государственного и корпоративного воздействия на это размещение и эти связи, и многое другое. Изменились внешняя среда и масштабы ее воздействия на регионально опосредованную жизнедеятельность общества. В результате кардинально изменилась сущность региональных ситуаций и проблем на российском Дальнем Востоке, содержание которых ныне обусловливают как “рудименты прошлого”, так и новейшие, ранее отсутствовавшие явления и процессы.

От прошлого российскому Дальнему Востоку в его новейшей истории (после 1991 г.) достались последствия его жесткой автаркии. Во-первых, и самое главное, – это то, что регион в советский период в течение длительного времени был сверхмилитаристским форпостом, когда фактически каждый третий мужчина в трудоспособном возрасте на Дальнем Востоке был военнослужащим. К этому следует добавить материальные ресурсы, направлявшиеся на военно-техническое оснащение. Переход к рыночной экономике требовал значительных

денежных ресурсов на демилитаризацию региона с тем, чтобы регион смог найти иные источники социально-экономического роста и развития.

Во-вторых, автаркия проявлялась и в месте Дальнего Востока во всесоюзном разделении труда. Главными отраслями региональной специализации выступали топливно-энергетическое и сырьевое производство. Оценки потенциальных запасов угля, золота, алмазов, олова были высоки. Но доля Дальневосточного экономического района в производстве валового промышленного и сельскохозяйственного производства, в экспорте была незначительна. В указанных отраслях потенциал динамического роста производства был исчерпан еще в 70-е годы XX в. Отсюда падение темпов роста производства и экспорта. Главная структурная причина замедления развития ДВЭР крылась в резком отставании производственной и социальной инфраструктуры, слабом удовлетворении спроса населения на основные товары и услуги. Отсюда и текучесть кадров: ежегодно на 100 приезжавших приходилось 80-90 уезжавших. То есть регион воспринимался как временное пристанище со всеми вытекавшими из этого последствиями[42].

Потому не случайными были и низкие качественные показатели развития Дальнего Востока. Рост производительности труда в регионе характеризовался показателями, близкими к нулю, ее уровень был ниже общесоюзного на 15-20%. На долю интенсивных факторов приходилось не более 20% прироста промышленного потенциала[43].

В-третьих, стоит назвать и такое следствие автаркического подхода к Дальнему Востоку, как социально-психологическая мотивация населения. Особенности внешнеполитического и экономического положения ДВЭР не могли не сказаться на настроениях и ожиданиях дальневосточников. Ведь в жизни и обыденной и политической большое значение принадлежит тому, что имеют люди “в уме”, в том числе и те, кто принимает ответственные политические решения, на какую модель, идею, основополагающий тезис ориентировано их мышление. “Дальневосточный форпост” и “база минералов” – это клише долго преобладало в массовом сознании дальневосточников. Жизнь меняется достаточно медленно, инерционность сознания сохраняется, потому старые подходы – они ведь привычнее и потому доступнее – нередко воспроизводятся и в новых условиях.

---

[42] Мировое хозяйство и советская экономика. Шансы и иллюзии. – М.: Международные отношения. 1990. С. 367.

[43] Развитие внешнеэкономических связей Дальневосточных районов СССР со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. – М., 1987. С.124.

Все вышеизложенное имело под собой общий знаменатель – государственный патернализм, который реально осуществлялся в форме постановки и реализации государством четких стратегических целей на Тихом океане. Важнейшим инструментом государственной политики в отношении развития Дальнего Востока с 30-х годов XX в. являлись (и остаются) целевые программы. По мере усложнения задач, которые ставились и решались в регионе, по мере умножения государственных приоритетов степень реализации этих программ постоянно снижалась. Но они всегда оставались важным методом постановки и решения сложнейших геостратегических и экономических проблем государства в этом регионе (табл. 1).

Таблица 1.

Выполнение инвестиционных программ развития Дальнего Востока и Забайкалья[44]

Документ, решение	% выполнения
Постановление ВЦИК и ЦК ВКП (б) 1930 г.	130
Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР 1967 г.	80
Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР 1972 г.	65
Государственная целевая программа на 1986-2000 гг. (1987 г.)	30
Президентская Программа на 1996 – 2005 гг. (1996 г.)	10

К 2001 году не удалось реализовать программные намерения практически ни по одному важнейшему параметру первой государственной целевой программы на 1986-2000 гг.

Новому состоянию российской экономики и новой системе экономических институтов соответствовала уже вторая Президентская программа, которая была направлена на вывод региона из депрессивного состояния и преобразование его экономической структуры.

Программа оказала определенное влияние на ситуацию (вложения федерального бюджета в программные мероприятия и объекты составили 23 млрд руб. в ценах 2000 г., это 10,6% проектировавшихся затрат федерального бюджета и 10,4% валовых капиталовложений в экономику региона за 1996-2000 гг.), все же в целом экономическое развитие происходило вне связи с программными усилиями (по созданию равных условий социально-экономического развития для региона, и в первую очередь за счет решения проблем транспортных и энергетических

[44] Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации / Под редакцией академика А.Г. Гранберга. - М.: Наука, 2004. С. 603.

тарифов; обеспечению устойчивой работы топливно-энергетического комплекса; структурной перестройки экономики региона с учетом требований внутреннего и внешнего рынков; активной интеграции региона в Тихоокеанском бассейне; закрепление населения и содействие росту жизненного уровня) или с какими-либо управленческими новациями. Экономика региона развивалась практически автономно в соответствии с внутренними и внешними импульсами рынка.

Президентская программа оказалась несбалансированной по целям и ресурсам. Федеральный бюджет переоценил свою готовность финансировать продекларированный приоритет развития Дальнего Востока и Забайкалья. Программа не выполнила свою главную функцию мобилизации инвестиций. Инвестиции все же шли в регион, но не в тех направлениях и не на те цели, которые предусматривались Программой. То есть Программа не смогла выполнить своего предназначения индикативного регулятора развития.[45]

Достигнутые в регионе результаты были связаны с политикой "здравого смысла" в субъектах Федерации Дальнего Востока и Забайкалья в большей мере, чем с осознанной региональной политикой федерального правительства.

В ходе «нового реформирования» в 2000 – 2009 гг. Центр стал поворачиваться к Дальнему Востоку, что привело к некоторым наметившимся положительным тенденциям в процессе стабилизации региональных отношений. Практически уходит в прошлое "неразбериха" с полномочиями Центра и субъектов Федерации. Решение региональных проблем возможно только при наличии обоснованной и сбалансированной политики, эффективной социально-экономической стратегии, оптимально учитывающей условия и потребности экономики и населения региона.

Заслуживает внимания оценка[46], что тренды экономического развития отдельных стран, а также регионов в составе федеративных образований (особенно с такой большой территорией, как Россия) наиболее четко проявляются в "транснациональной" и "национально-государственной" формах. Перед Дальним Востоком, как и перед другими крупнейшими российскими регионами, стоит проблема обеспечения цивилизованного симбиоза этих трендов с учетом того, что "транснациональный" связан с открытием региональной экономики, вхождением в мировые экономические, в том числе финансово-

[45] Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации / Под редакцией академика А.Г. Гранберга. - М.: Наука, 2004. С. 604- 605.

[46] Дарькин С.М. Тихоокеанская Россия: стратегия, экономика, безопасность / С.М. Дарькин. - М.: Дело, 2007. С. 10.

банковские, отношения, а “национально-государственный” тренд призван конституировать социально-экономические особенности региона, специфические экономические активы, сохранить этнос и государственность, обеспечить безопасность. Эффективное соединение этих трендов будет способствовать, с одной стороны, нейтрализации угроз экономике региона, с другой – преодолению разлома единой национально-экономической региональной общности.

В настоящее время Дальний Восток Россия, как впрочем и другие ее регионы, испытывает большие инвестиционные потребности. Поэтому целесообразно сделать упор на стадию инвестиций с последующим переходом к инновационному развитию. Те факторы, которыми обладает государство в данный момент времени оказываются менее значимыми, чем скорость и эффективность их создания и обновления, а также применения в конкретных отраслях. Поэтому уже сегодня существует объективная потребность в инновационной «наполненности» привлекаемых инвестиций.

В создании конкурентного преимущества региона инновации, научно-технические знания, информация, образование играют немаловажную роль – и как факторы развития производства, и как факторы формирования инновационного и инвестиционного потенциала региона. Накопление знаний и институтов, способствующих нововведениям, согласно эволюционным теориям, повышает жизнеспособность регионов и имеет первостепенное значение в обеспечении национальной конкурентоспособности. Как бы ни был высок риск нововведений, неспособность к их осуществлению порождает еще больший риск.

Необходимость внедрения и развития инновационных процессов в отечественной экономике приобретает еще большую актуальность в связи с тем, что, по мнению экспертов, в 2010-2020 гг. Россия должна вернуться в глобальную экономику в качестве игрока, в заметной степени формирующего хозяйственную парадигму следующей длинной волны» (тогда как глобальный экономический мир переживает последнее десятилетие – фазу стагнации – длинной волны, которая началась в 80-е гг. XX в. и которую Россия пропустила полностью). Это значит, что позиции России в международном разделении труда будут формироваться не по “остаточному принципу”, а страной самостоятельно. И независимо от того, какие отрасли будут задействованы для сильного позиционирования в мировом хозяйстве, российская экономика будет по своему характеру инновационной, так как инновации – это не только технически новые продукты, но и новые рынки, использование новых технологий и пр., то есть все то, в чем реализуется творческий потенциал нации.

В чем потенциал Дальнего Востока России? Есть ли предпосылки его инновационного развития?

Мощные стимулы для промышленного развития Дальневосточного федерального округа, как и прежде, связаны с добычей и переработкой полезных ископаемых, спектр которых — чуть ли не вся таблица Менделеева. В целом здесь сосредоточено около 40% сырьевых ресурсов страны. Для региона характерен высокий уровень развития рыбной промышленности. Издавна развиваются здесь и такие отрасли, как лесная, деревообрабатывающая промышленность.

При всем этом богатстве Дальний Восток еще занимает крайне выгодное экономико-географическое положение, соседствуя с Китаем, Японией, Республикой Кореей и КНДР. Регион находится на кратчайших путях из Западной Европы в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). К портам Дальнего Востока имеют выходы транспортные системы Транссибирской и Байкало-Амурской магистральных железных дорог, пересекающих Евразию, а вдоль дальневосточных берегов проходит Северный морской путь.

Стратегическое значение региона многократно повышается в связи с возрастающей ролью в мировой экономике стран АТР. Соотношение экономической мощи трех основных центров мирового хозяйства – Северной Америки, Западной Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона, на которые, по оценкам Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, приходится три четверти мирового валового продукта, довольно быстро меняется в пользу АТР. Удельный вес Азиатско-Тихоокеанского региона возрастает и в производстве мирового валового продукта, и в международной торговле.

Специфика географического и экономического положения российского Дальнего Востока, экстремальные природно-климатические условия, отдаленность от промышленно-развитых регионов России, транспортные проблемы, демографические особенности региона и т.д. - диктуют поиск особых подходов к решению социально-экономических задач развития региона. Сущность этого подхода (по мнению ученых ДВО РАН): ***опережающее развитие высокотехнологичных и наукоемких производств наряду с поддержанием на высоком уровне развития ресурсных отраслей промышленности***. Опыт интенсивно развивающихся соседних государств Азиатско-Тихоокеанского региона убеждает в этом.

Дальний Восток России обладает немалым научным и технологическим потенциалом. Здесь сложилась и развивается разветвленная система подготовки и переподготовки кадров, способной обеспечить как развитие перспективных научных направлений, так и

высокотехнологичных и наукоемких производств. Поэтому есть определенные предпосылки для реализации инновационных проектов, направленных на экономическое развитие территорий субъектов РФ на этой территории.

Но в условиях глобализации инновационной деятельности эффективно использовать имеющиеся предпосылки становится все труднее и труднее. Одна из главных проблем: ***отсутствие*** материально-технической базы в виде ***инфраструктуры*** для доведения прикладных разработок до стадии, когда они становятся товаром и востребованы реальным сектором экономики. До недавнего времени ни один из институтов ДВО РАН не имел экспериментальной базы, нет экспериментальных цехов, опытных участков, собственных конструкторских бюро и проектных организаций, которые составили бы, как это сложилось в Сибирском отделении РАН, "пояс внедрения". Но времени на создание "пояса внедрения" нет, оно упущено.

Существенной проблемой, не позволяющей активизировать инновационную деятельность в регионе: ***недостаточный уровень концентрации капитала***, что ограничивает возможности реализации крупномасштабных инвестиционных и инновационных проектов в регионе.

Следует обозначить и ряд серьезных проблем, не позволяющих Дальнему Востоку России в полной мере развиваться в настоящее время и в перспективе. Это:

• "Сохранность" парадигмы регионального развития. В целом сырьевая специализация Дальнего Востока России усилилась, произошло "утяжеление" региональной промышленной структуры.

• Продолжающийся отток населения (историческая для России проблема - "некем брать").

• Большая степень декапитализации основных отраслей экономики региона.

• Длительная инвестиционная стагнация (в последние годы благодаря бюджетным ассигнованиям из федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ преодолевается).

• Слабость финансово-банковской региональной системы.

• Территориальный фактор (огромная пространственная протяженность и неоднородность - социально-экономическая и природная) не оптимизирует масштабы производства даже в рамках локальных (местных) рынков.

Достижение существенных результатов в развитии инновационной сферы среди широкого круга предприятий в ближайшее время представляется проблематичным в большинстве регионов РФ. Не

исключение и Дальний Восток. Причинами тому служат отсутствие серьезного опыта ведения инновационной деятельности в рыночных условиях, отсутствие хорошо сформированной инфраструктуры поддержки горизонтальных связей между промышленными предприятиями, научными и финансовыми организациями, "утечка умов" и старение научных кадров.

Россия, имеющая стратегические интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (а сложившаяся ситуация не в пользу России),[47] должна иметь стратегию долгосрочного подъема и развития Дальнего Востока. Полноценное включение азиатской части России и, прежде всего, Дальнего Востока в систему хозяйственных связей, представляет собой основное условие нормального социально-экономического развития самого региона и укрепления позиций России в мировой экономике и мировой политике. При этом Азиатско-Тихоокеанское направление естественным образом должно стать основным вектором стратегии взаимодействия российского Дальнего Востока с мировым хозяйством.

Активизация международного экономического сотрудничества и включения восточных регионов в систему мирохозяйственных связей в АТР призвана способствовать удовлетворению следующих ключевых требований и четырех групп стратегических задач:

1. Способствовать оздоровлению и развитию экономики региона, выявлению его преимуществ на российском и мировом рынках.

2. Содействовать нормальному выполнению регионом ("окно" России в мир) общегосударственных функций в сфере обороны, транспорта, добычи и переработки природных ресурсов, внешнеэкономических связей.

3. Способствовать реализации стратегических целей Азиатско-Тихоокеанской политики России в целом.

4. Создание экономической и социально-культурной привлекательности региона.

Общий вывод. Российская экономика переживает этап, на котором основные усилия государства направлены на модернизацию экономики, переход ее к инновационному социально-ориентированному типу развития. Во многих регионах большое внимание уделяется развитию инновационной инфраструктуры и созданию эффективных институтов, способствующих коммерциализации научных идей и разработок. Инновационное развитие Дальнего Востока России требует системного

[47] Титаренко М.Л. Развитие восточных регионов России в процессе интеграции в экономическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона: возможности и вызовы. – Режим доступа: http://www.dvforum.ru/doklads/2007/dok1_PZ_Titarenko.aspx

подхода и должно воплощать в себе единство технологических, институциональных и социальных нововведений, в ходе реализации которых должна быть сформирована модель развития, преобразования и использования общественных, природных и экономических ресурсов Дальнего Востока России, конечной целью которой является ускорение повышения благосостояния населения региона. Основания для этого есть, определена ***система приоритетов.*** Они изложены в целом ряде программных документов по развитию Дальнего Востока и Забайкалья Вопрос только в том, насколько и как эффективно будут реализованы программные установки. Вопрос еще и в том, что удастся ли региону в ближайшее десятилетие совершить "инновационный" прорыв. История не оставляет времени для выбора.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Архив 4-х Дальневосточных международных экономических форумов, 2006-2009 гг.- Режим доступа: http://www.adm.khv.ru/

[2] Дарькин С.М. Тихоокеанская Россия: стратегия, экономика, безопасность / С.М. Дарькин. - М.: Дело, 2007.

[3] Лексин В., Швецов А. Региональная Россия начала XXI века: новая ситуация и новые подходы к ее исследованию и регулированию/В. Лесин, А.Шевцов. – Электрон. текст. дан. – Режим доступа: http://www.terrus.ru/sources/magazines/id705.shtml. 03.01.10

[4] Мировое хозяйство и советская экономика. Шансы и иллюзии. – М.: Международные отношения. 1990.

[5] Развитие внешнеэкономических связей Дальневосточных районов СССР со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. – М., 1987. С.124.

[6] Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации / Под редакцией академика А.Г. Гранберга. - М.: Наука, 2004.

[7] Титаренко М.Л. Развитие восточных регионов России в процессе интеграции в экономическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона: возможности и вызовы. – Режим доступа: http://www.dvforum.ru/doklads/2007/dok1_PZ_Titarenko.aspx

СВОЕОБРАЗИЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Чебанова Л.А., к.г.н., доцент
кафедры региональной экономики и географии
экономического факультета
Российского университета дружбы народов (Москва),
chebanova@economist.rudn.ru

Сухинин С.А, к.п.н., научный сотрудник
Северо-Кавказского НИИ
экономических и социальных проблем
Южного федерального
университета (Ростов-на Дону)
suhmax@mail.ru

Своеобразие региона и основные этапы его развития. Тверская область занимает северо-западную часть Центрального федерального округа (ЦФО) и является самой крупной по площади область в составе ЦФО (84,2 тыс. кв. км). Находясь между Москвой и Санкт-Петербургом, она представляет собой транзитную территорию, связывающую Центр с северо-западными и северными регионами Европейской России, странами Балтии и Скандинавии [1].

Особое географическое положение Тверской области относительно крупнейших политических и экономических центров России всегда определяли ее историческую роль и функции в архитектонике государства.

Тверская область относится к числу староосвоенных территорий и является одним из ключевых исторических центров российской государственности. Основы хозяйства, системы расселения, производственной специализации Тверской области сформировались в ходе индустриализации XIX-XX века, но опирались на наследие аграрного этапа развития региона предыдущих веков. Во времена Домосковской Руси Тверское княжество было одним из политических и торговых центров, конкурировавшим за политическое первенство. Вслед за взлетом политического влияния Твери, закончившимся во второй половине XV в., пришел период формирования централизованного Московского государства. С этого момента складывается парадигма развития территории Тверского края, в котором доминировал фактор близости к столице [2].

С момента создания империи и основания Санкт-Петербурга Тверской край приобрел мощную транзитную функцию, актуальную до настоящего

времени. Со временем трансформировалась лишь форма этой функции – начиная с Вышневолоцкого водного канала, построенного Петром I, затем уступившего место Николаевской железной дороге, и заканчивая проектами строительства высокоскоростной магистрали и платной скоростной автодороги Москва – Санкт-Петербург. Развитие льноводства и первых мануфактур определило хозяйственную специализацию области и закрепило густую систему расселения, необходимую для массового возделывания льна. Уже в XVIII в. лен приобрел значение стратегического экспортного товара, в некоторые периоды более значимого, чем хлеб и мех, благодаря чему хозяйственное значение Тверской области оставалось высоким. В первой половине XX века сложились железнодорожное машиностроение и торфяная энергетика. Развитие экономики в послевоенное время (1950-60-е гг.) характеризовалось диверсификацией структуры промышленного производства и появлением таких новых отраслей как химия, полиграфия, строительные материалы, стекольное производство и производство электроаппаратуры.

Демографическое сжатие территории. Население Тверской области на 1 января 2009 года составило 1 млн. 369 тыс. человек. Область является одним из наиболее пострадавших в следствии оттока населения за последние 80 лет регионов: благодаря урбанизации (как внутриобластной, так и в Москве, Санкт-Петербурге (а затем Ленинграде) и других центрах) и интенсивной индустриализации, пережившим пик в 1920-30-е гг. и продолжавшимся в послевоенное время, население Тверской области сократилось почти на 2 млн. чел. (с более чем 2,5 млн. человек в начале XX века до 1,3 млн. человек в начале XXI в) [2].

Если естественная убыль населения фиксируется, начиная с середины 1960-х годов, то миграционный отток начался с 1945-1950-х годов, что еще более усугубило демографическую ситуацию (рис. 2). Таким образом, во второй половине XX века (после «демографической ямы» 1945-1950 годов) прослеживается явная тенденция к сокращению численности постоянного населения Тверской области, при этом одновременно с количественным происходит качественное изменение состава населения.

Высокий уровень естественной убыли населения Тверской области (в 2008 году -10‰, по сравнению с -2,5‰ в среднем по России и -5,8‰ в среднем по ЦФО) обусловлен сверхвысокой смертностью населения, прежде всего в трудоспособном возрасте: Показатели смертности населения, в том числе и в трудоспособном возрасте в 1,4 раза превышают средние по ЦФО и РФ. Центры влияния (Москва и Санкт-Петербург) оттягивают наиболее квалифицированную и активную часть населения – прежде всего молодежь. Таким образом, на протяжении всего XX века Тверская область выступала донором человеческих ресурсов для растущих

городов и промышленных центров. Регион продолжал терять население в силу оттока молодежи в города и за пределы региона, система расселения слабела [1].

Уровень рождаемости в целом соответствует среднему по России и ЦФО. Средняя ожидаемая продолжительность жизни на 2008 год составила 64,8 лет, что на 5% ниже показателя 1990 года, в 1,1-1,2 раза ниже среднего по РФ и ЦФО показателей (74,16 и 74,73 соответственно). Миграция не компенсирует потери в численности населения: наибольший миграционный приток в регион фиксировался в начале-середине 1990-х годов, за счет возвратной миграции из стран СНГ и переселенцев с Севера. Далее миграционная привлекательность региона стремительно снижается, в 2000-2001 годах миграционное сальдо становится вновь отрицательным и начинает расти с 2003 года, прежде всего за счет миграционных потоков из Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркменистана, Армении, Азербайджана, Украины и Молдовы. По состоянию на 2008 год сальдо миграции по Тверской области составляет 25,6‰, при этом сальдо межрегиональной миграции – отрицательное и составляет -19,6‰. В итоге, естественная убыль населения, отрицательное сальдо межрегиональной миграции, долгосрочный тренд оттока населения из Тверской области в Петербургскую и Московскую агломерации негативно сказываются на социально-экономическом развитии региона в целом и являются одним из наиболее значимых факторов, тормозящих активный экономический рост.

Упадок сельского хозяйства, в особенности льноводства, характеризующегося высокой трудоемкостью, привел к высвобождению трудоспособного населения в периферийных районах с большой долей сельского населения и миграционному оттоку людей в направлении Твери, Торжка, Ржева, Конаковского и Кимрского района, а также за пределы области. Привлекательность Твери и других центров притяжения обусловлена в т.ч. и тем, что новые рабочие места создаются именно в этом ареале.

Средняя плотность населения в Тверской области одна из самых низких в ЦФО – 17 чел. на кв. км (для ЦФО – 63 чел. на кв. км). Область относится к зоне комфортных для жизни и отдыха климатических условий. Тверская область относится к среднеурбанизированным регионам Российской Федерации. Доля городского населения на 1 января 2009 года составила 74,3% (+3,0% по сравнению с уровнем 1990 года). Система расселения характеризуется: моноцентричностью (около 29% всего населения и около 40% городского населения области проживает в городе Тверь, еще около 15% всего и 20% городского населения проживает в крупных городах: Ржев, Вышний Волочек, Кимры, Торжок) с наличием крупного расселенческого центра (столица области) и сети мелких

подцентров, ориентированных на главный центр расселения области, а также на Московскую агломерацию, связанных между собой капиллярной сетью дорог [2].

Всего система расселения Тверской области включает в себя 23 города, 28 поселков городского типа и 318 сельских поселений. В Тверской области стремительно разрушается сложившаяся сельская система расселения, что обусловлено сменой экономической функции региона и сворачиванием сельского хозяйства, как в общественном, так и в частном секторе; массовом оттоке населения в индустриальные центры. Только горожане-дачники (агрорекреанты) продолжали активную сезонную сельскохозяйственную деятельность в сельских поселениях (в том числе пустующих деревнях).

Для области характерны высокая степень концентрации населения в обращенной к Москве юго-восточной части и в полосе вдоль федеральной трассы Москва - С.-Петербург, а также наличие большого количества пустующих (либо сезонно пустующих сел и деревень). В среднесрочной перспективе столица региона и локальная тверская система расселения могут рассматриваться как крупный городской центр в рамках Большой Московской агломерации. В этом случае привлекательность Твери для внешних мигрантов резко возрастет. Это приведет к росту численности населения и увеличению нагрузки на основные инженерные и социальные инфраструктуры.

Таким образом, традиционная старожильческая сельская система расселения сворачивается, уступая место дачам или исчезая в принципе. В связи с изменениями в структуре системы расселения необходимо пересмотреть стратегию развития основных элементов инженерной и социальной инфраструктуры – предусмотреть пути оптимизации избыточной сети объектов инфраструктуры и повышения качества в зонах роста.

В 2000-е годы существенным изменениям подвергся рынок труда Тверской области. Они были вызваны, с одной стороны феноменом массового высшего образования, а с другой стороны – дисбалансом спроса и предложения трудовых ресурсов низкой и средней квалификации. Численность студентов вузов в 2008 году составила 42,7 тыс., увеличившись по сравнению с 2000-м на 15,7 тыс., что укладывалось в общенациональный феномен массовизации высшего образования. В результате, доля работников с высшим профессиональным образованием выросла с 12,7% в 1992 году до 19,7% в 2008, а число работающих «не по специальности» сотрудников - расширилось. Основную роль играли семьи, стимулировавшие детей к получению высшего образования, символизировавшего успех и большие возможности, а также крупнейшие

вузы – Тверской государственный университет, Тверской государственный технический университет и Государственная медицинская академия - резко повысившие доступность высшего образования и собственные образовательные возможности. В результате, в короткий промежуток времени в Тверской области, преимущественно в городе Твери, сформировался широкий класс молодых специалистов с высокой квалификацией, требованиями к среде проживания, новым для старопромышленного уклада образом жизни и высокой профессиональной и пространственной мобильностью [2].

Однако, наиболее талантливые молодые тверичи – выпускники вузов, не находя необходимых условий и перспектив самореализации, покидают малую родину, включаясь в рынки труда Москвы и, в меньшей степени, Санкт-Петербурга. Дисбаланс на рынке труда низкой и средней квалификации стал следствием двух разнонаправленных процессов: с одной стороны, в результате упадка сельского хозяйства и старой промышленности высвободились значительные массы людей низкой и средней квалификации. С другой стороны, в обновляющемся производственном секторе и расширяющемся секторе «простых» платных услуг создавалось относительно большое количество рабочих мест. Компании, модернизирующие производства и бизнес-процессы, открывающие новые заводы или офисы, включаясь в принципиально новую деятельность (например, логистику, секторы деловых услуг, ритейл и прочее), выдвинули запросы на относительно недорогие трудовые ресурсы, но с современными квалификациями - навыками работы с автоматизированными производственными линиями, современной оргтехникой, начальные коммуникативные навыки. Кризис системы начального и средне-специального профессионального образования не позволил безболезненно преодолеть диспропорции, обеспечив быстрое и эффективное переобучение.

Результатом диспропорций стала парадоксальная ситуация формального избытка трудовых ресурсов и реального дефицита кадров под создаваемые рабочие места.

Пространственная структура рынка труда также изменяется, стимулируя долгосрочные изменения в системе расселения. Новые рабочие места в 2000-е годы создавались преимущественно в зоне инвестиционного подъема – вдоль транспортного коридора Москва – С-Петербург до Торжка – и в городе Твери, ставшем основным центром становления сектора услуг. Ухудшающаяся половозрастная структура населения, даже в условиях «слома» нисходящего демографического тренда в среднесрочной перспективе, будет создавать дополнительную нагрузку на бюджет региона.

Особенности промышленного развития. В XXI век Тверская область вступила как индустриально развитый старопромышленный регион, экономика которого начиная с 2003-04 гг. переживает модернизацию производственного сектора, появляются новые сектора и предприятия, опережающим образом развивается сектор услуг. Основу хозяйственной специализации Тверской области традиционно составляли промышленный сектор и сельское хозяйство. Специализация по отдельным видам промышленного производства была обусловлена политикой размещения производительных сил, реализуемой СССР, и экономико-географическим положением. Экономический спад 1990-х годов был прежде всего обусловлен коллапсом традиционных связей тверских предприятий с потребителями и поставщиками, сложившихся в рамках плановой экономической системы.

Многие существовавшие промышленные и сельскохозяйственные предприятия не смогли эффективно работать в рыночных условиях и их производственная активность сошла на нет. Другие к 2000-м годам выжили и восстановили позиции на рынках главным образом за счет интеграции в крупные холдинги и корпорации, например: ОАО «Тверской вагоностроительный завод» вошел в «Трансмашхолдинг», имеющий ОАО РЖД в составе акционеров; Группа ГАЗ (Базовый элемент) приобрела ОАО «Тверской экскаватор»; а Группа «Бородино» - «Конаковский завод механического инструмента». Ведущие предприятия энергетики – Конаковская ГРЭС и Калининская АЭС – также оказались интегрированы в крупные корпорации ОАО «Энел ОГК-5» и ГК «Росатом» соответственно. Такие предприятия восстановили объемы выпуска в годы экономического бума, провели модернизацию основных фондов, зачастую сопряженную с изменением требований к квалификации сотрудников и оптимизацией числа занятых, а также приступили к созданию новых видов продукции и внедрению новых технологий [1].

Модернизация и превращение унаследованных производств в относительно современные процессинговые центры крупных успешных корпораций способствовало удержанию сложившейся специализации, отраслевой и пространственной структуры хозяйства Тверской области. Однако под воздействием мощных внешних факторов - таких как развитие «форматной» торговли и рынков потребительских товаров в Москве и Санкт-Петербурге в начале 2000-х, расширение зоны влияния Москвы и формирование агломерации, национальный экономический подъем (рост благосостояния россиян и подъем в строительном секторе) и появление новых секторов высокотехнологичных услуг - структурные изменения были неизбежны. Однако, новые предприятия и рабочие места создаются в ограниченном ареале. Они ориентированы на использование факторов

близости к Москве, хорошей инфраструктуры и наличия относительно дешевых кадров.

Тверская область, даже в лице своего основного экономического центра – города Твери, зачастую слабо подготовлена к принятию новых видов деятельности и инвестиций: рынка классной деловой и коммерческой недвижимости практически нет, рынок жилья находится в начальной фазе развития, ключевые агенты современного рынка труда – кадровые агентства – только начали работу в Твери.

Сельское хозяйство. Экономическое развитие Тверской области характеризуется кризисом сельского хозяйства и сельских поселений. Сельскохозяйственный комплекс Тверской области переживает упадок ввиду кризиса важнейшего сектора – льноводства - устаревшей технологической платформы (фактически, начала XX века) во всех отраслях сельского хозяйства, и проблем с построением новых каналов продаж и включением в цепочки поставок на рынки Москвы, С-Петербурга и других крупных городов через систему торговых сетей.

Занятость в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве сократилась с 114,34 тыс. чел. в 1998 году (18% от общей занятости) до 72,04 тыс. чел. (11,8% от общей занятости). В итоге при общем сокращении занятых в экономике на 3% в 2007 году по сравнению с 1998, сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство «упало» на 37%.

Некогда бывшая основной специализацией хозяйства области, льноводная отрасль, находится сегодня в глубоком упадке. В сравнении со своим прежним объемом производства - в 2007 году в Тверской области было посеяно 11,4 тыс. га льна, сбор льноволокна составил 5,2 тыс. т., а в 2008 лен-долгунец был посеян на 11,6 тыс. га, сбор доведен до 6,9 тыс. т, тогда как в 1950-60-е годы сборы достигали 45-55 тыс. т, а посевные площади – 140-180 тыс. га. Кризисная трансформация унаследованного сельскохозяйственного комплекса неизбежна. Она сопряжена с резким и территориально неравномерным сокращением занятости и изменением квалификационных требований. Перестройка сельского хозяйства проблематизирует сложившуюся систему расселения в части сети сельских населенных пунктов [2].

Обновление сектора носит спорадический характер и имеет место главным образом при условии появления крупных профильных инвесторов и поддержки Россельхозбанка. Привнесение принципиально новых технологий наталкивается на проблемы с кадрами – людей много, но специалистов необходимой для эксплуатации современных агрокомплексов квалификации практически нет.

Наиболее перспективным сектором АПК в Тверской области является молочно-мясное животноводство - регион занимает третье место по

производству молока и мяса в ЦФО. Среди крупнейших производителей – межрегиональный холдинг Агропромкомплектация, с 1998 г., осуществляющий экспансию в регионе на базе предприятий в Твери и в Конаковском районе. Племзавод «Заволжское», ОАО «Птицефабрика Верхневолжская» и Вышневолоцкий мясокомбинат в последние годы входили в рейтинг крупнейших сельскохозяйственных предприятий России АГРО-300 [2].

Высокий потенциал имеют рыбоводство - лидерами являются Конаковский завод товарного осетроводства и колхоз «Восход» (разведение карповых, Калининский район) – и выращивание рапса и других культур для производства био-дизеля.

Транспортный комплекс Тверской области. Автодорожная сеть – более 16 тыс. км (93,2% из которых – с твердым покрытием - 179 км на 1000 кв. км территории, в то время как аналогичный показатель по России составляет 31 км, по ЦФО – 179). 32 районных центра из 36 соединены между собой железнодорожной линией. На территории области расположены такие крупные железнодорожные узлы как Бологое, Ржев и Сонково. Эксплуатационная длина железнодорожных путей составляет 1800 км. Протяженность внутренних судоходных путей составляет 384 км. Из 36 районов области газифицировано 16. Уровень газификации в регионе составляет 52%, в том числе в городах и поселках 69%, в сельской местности 18% (средний показатель газификации по ЦФО – около 82,3%). Основная часть расположена на р. Волга, ее притоках и оз. Селигер. Имеется два аэропорта – Змеево и Мигалово. Первый способен принимать и отправлять вертолеты всех типов, а также самолеты малой авиации. Второй принимает Ан-12, Ан-24, Ан-26, Ил-76 и используется Министерством обороны, МЧС и ГТК «Россия» для перевозки официальных лиц и делегаций [2].

Для Тверской области характерен высокий уровень оснащенности основными инженерными инфраструктурами, развернутыми преимущественно в створе основных транзитных коридоров и в границах основной городской системы, и мощная внешняя транзитная и энергетическая функция. В 1990-2000-е годы роль Тверской области как инфраструктурного коридора только возрастала.

Железнодорожный и автомобильный транзит по направлению Москва – Санкт-Петербург обеспечивается благодаря Европейскому транспортному коридору №9, включающему железнодорожный маршрут Санкт-Петербург – Тверь – Москва и автомагистраль «Россия» Москва – Санкт-Петербург (М-10). В конце1990-х годов продолжительность путешествия Москва – С-Петербург сократилась до 6 часов и появились вечерние скоростные поезда. Трасса постоянно модернизируется и уже в

2010 году скорость движения поездов может быть доведена до 160-200 км/час. Автомагистраль также постоянно улучшается и оборудуется новыми системами безопасности [1].

Трасса Москва – Рига «Балтия» является второй по значению автодорогой региона – она обеспечивает преимущественно грузовые экспортно-импортные перевозки, связывающие московский регион с портами Латвии и Литвы.

Новые важнейшие коридоры экспортных поставок углеводородов пролегли по территории области – к построенным в советские годы магистральным газопроводам в направлении Санкт-Петербурга добавился участок системы МГП «Ямал-Европа» мощностью 33 млрд. куб. м. В 2000-2006 годах была построена и выведена на полную мощность (74 млн т) Балтийская трубопроводная система (БТС), обеспечивающая экспорт нефти морем через новых российский терминал в Приморске. Запланировано расширение системы МНП за счет строительства БТС-2.

Значимость Тверской области как важнейшего элемента энергосистемы центральной части России постоянно повышается. Тверская область традиционно относится к числу регионов с энергетическим профицитом, т.к. основу энергетики составляют Конаковская ГРЭС (2,4 ГВт) и Калининская АЭС. В 2005 г. в промышленную эксплуатацию был сдан третий энергоблок КАЭС, а Конаковская ГРЭС в 2006-2007 годах прошла модернизацию. Ведется строительство четвертого энергоблока КАЭС и изучаются возможности строительства Тверской АЭС [2].

Несмотря на высокие темпы роста и качество инвестиций в Тверскую область по сравнению с другими регионами Центрального федерального округа в целом, практически по всем ключевым параметрам (ВРП на душу населения, темпы роста ВРП, уровень доходов и объем инвестиций на душу населения, промышленное производство на душу населения и проч.) наблюдается отставание области от Московского региона. Это процесс носит устойчивый характер и связан с закреплением за Тверской областью статуса периферийной относительно Московской агломерации территорией (хотя и одной из самых перспективных благодаря своему экономико-географическому положению, историческому наследию и природно-рекреационным комплексам). Таким образом, неравномерность экономического роста в ЦФО и в самой области ставит Тверской регион перед вызовами: закрепления за территорией статуса периферии (т.е. хинтерланда) относительно Москвы и ее городской агломерации с вытекающими из этого ограничениями в части функций и проектов, на которые регион в целом может претендовать; и снижения уровня освоенности территории, «омертвления» значительных ресурсов развития и нарастания проблем социального характера - социальная устойчивость

будет нарушаться на деградирующих территориях, а уровень социальной нагрузки на бюджет – нарастать. Использование территории буде носить неоптимальный характер [2].

В Тверской области традиционно были сосредоточены производства, которые предъявляли достаточно специфичные требования к навыкам и умениям рабочих (льноводство, фарфорово-стекольная промышленность, легкая промышленность и др.). В результате кризиса начального и среднего профобразования в 1990-х годах, а также закрытия большинства вышеуказанных производств, сложилась ситуация, при которой высвобождавшиеся работники этих отраслей не смогли быстро и относительно безболезненно переквалифицироваться и «встроиться» в другие (растущие) сегменты рынка труда.

Одновременно наступило действие второго негативного фактора – близость Московской агломерации: в условиях невозможности быстро найти работу и обеспечить необходимый доход в Тверской области, большинство работников предпочло уехать в столицу, либо в Санкт-Петербург – в регионы, чей широкий рынок труда был в состоянии поглотить прибывающую рабочую силу, не требуя ее переквалификации. Таким образом, наблюдалась высокая пространственная мобильность при одновременной низкой квалификации.

Похожая ситуация складывается и с выпускниками вузов за тем исключением, что квалификационная мобильность осуществляется в форме «работы не по специальности», а переезд в Москву или СПб осуществляется чаще без смены квалификации. Поэтому стратегией развития Тверской области на ближайшую перспективу может стать лозунг: «Меж двух столиц себя не потерять!».

Литература

[1] Скатерщиков С.В., Чистобаев А.И. Территориальное планирование Тверской области: мероприятия и пути их реализации // Региональные исследования. – 2009. - № 2. – с. 35-42.

[2] Стратегия социально-экономического развития Тверской области на долгосрочную перспективу. – Санкт-Петербург-Тверь: Фонд «Центр стратегических разработок «Северо-Запад», 2009.

(GEO)POLITICAL ASPECTS OF REGIONALIZATIN OF SERBIA

Dedjanski S., Ph.D., assistant professor
Faculty of Business
Megatrend University
sdedjanski@megatrend.edu.rs

Andjelkovic D., M. S.
Center for Strategic Cooperation
dragomir.an@sbb.rs

Summary: This study analysis (geo)political motives which stand behind the attempt for regionalization of Serbia, i.e. economic and political reasons for and against regionalization. The emphasis is put on the role of Russian Federation and other great powers, as well as European Union, in this process. The consequences for misuse of regionalization have especially been considered, together with so called civilization and religious and national criteria as basis for it, concerning unification and functionality of the state.

Key words: local government, European funds, development, regionalization, culture, federalism, secession, strategic roads, energy infrastructure.

Republic of Serbia has no regions with historical and political subjectivity, nor, except for the north, regions defined by physical and geographical features. In the central and south part of the Republic, which is characteristic by hilly and mountainous area, there are numerous smaller, geographically framed regions, which can not be really seen as natural regions, while in the north, flat part of Serbia, there are three such regions: Srem, Banat and Bachka. On the other hand, within Serbia there are regions which, although in danger of that, can be seen as regions because of their historical, ethnical, religious and cultural characteristics.

Historical and ethnical 'regions' of Serbia

Kingdom of Serbia liberated the west and southwest parts of Serbia as late as 1912-1913, which had been under Turkish domain for about 500 years. Then *Rashka region* (which the Muslims call *Sandzak*) and *Kosovo and Metohia*

were joined to Serbia. Rashka region is a border region with Montenegro and is populated by 50% of Serbian Orthodox and Bosnian population (Serbian people who under Turkish domain accepted Islam and gradually developed special ethnical identity).

Kosovo and Metohia (K&M) stretch along the Albanian border, and the dominant population is Albanian. Serbian people, after the big uprising to liberate themselves from the Turkish domain at the end of 17 century failed, started to desert that territory in great numbers because of the fear of severe repression by the winner. In that way they became a zone of Albanian-Muslim settling. In order to provide loyal population in the territory of the once centre of Serbian state, Istanbul helped in and encouraged the settling of the Albanians, and they by different kinds of pressure, which from time to time grew to exiles, cleared the territory from the remained Serbian people. So, it happened that in 1912 the Albanians made 60% of the population of K&M. The pressure on the Serbian population, of course in a weaker form, started again at the end of 1960s, since when the autonomy of K&M within the territory of Serbia has become stronger. Because of that, as well as because of bigger birth rate of the Albanians, towards the end of the 20th century Albanian population already made about 80% of the population of K&M.

The third bigger region with historical, ethnical and religious features is Vojvodina. We are talking about a common name for three regions (Srem, Banat, and Bachka) which until 1918 were part of the Austrian-Hungarian Country. Those parts, inhabited by Slovene population, were occupied by Hungarians towards the end of 10^{th} century. During the following years there were two way ethnical processes. The Hungarians were settling especially in Bachka, and partly assimilated the remained Slovene population. On the other hand, because of Turkish mass approach, Serbian population was settling Srem, Banat and Bachka from the south. As far as today's common name is concerned it dates from the mid 19^{th} century. The Serbian, under the circumstances of series of democratic and nationalistic revolutions in Europe, strived for their own state unit within the Habsburg Empire. It was established and for a while it functioned and it was appointed as Dukedom (Vojvodina) of Serbia (in contrast to Princedom of Serbia, which was in the south and just formally recognized the central government of the Ottoman Empire). The full name had its shortened version-Vojvodina which has remained till today.

The Serbian in Vojvodina traditionally dominate, but for long the domination had been relative (about 40%). But after the World War 2, after the German population was removed from Vojvodina (and other parts of Eastern Europe), Serbian have had absolute domination. Today in Vojvodina there are about 70% of Serbian population, while the biggest minority are the Hungarians

(14%). In Vojvodina also live relatively numerous Slovaks, Romanian, Croatian, Ukrainian, as well as other nationalities.

Territorial organization of Serbia

Republic of Serbia at present has two autonomous provinces as an integral part, although traditionally it was centralized in its constitution. After the Communists took the control, in the context of federalization of Yugoslavia according to Soviet model, asymmetrical kind of centralization was accepted, with introduction of autonomous regions and provinces. But further decentralization of the republics in which Yugoslavia was divided was applied just to Serbia. The new authorities, similarly to Bolsheviks in Russia, wanted to inspire national equality by weakening the position of the nations who had a key role in pre revolution countries. In that way they went to a completely different direction, so that in the name of equality sometimes used solutions which were not fair. In accordance with that, although the other republics had historically and ethnically specific parts, too, territorial autonomies were introduced just in Serbia.

Kosovo and Metohia, as especially economically and in all other ways undeveloped region, with rudimentary capacity for self management, by the constitution from 1946, got a status of autonomous territory with relatively small authority, while Vojvodina became an autonomous province with a little bit bigger jurisdiction. There were attempts for Rashka to get autonomous status, but because of geographical heterogenic type of that territory, economic reliance of certain parts on different parts of Serbia, this didn't happen. In all of this an important role had the resistance of the leading authorities of Montenegro. They were afraid that by giving such autonomy to Sandzak could lead to such wishes in Montenegro parts with Muslim population.

By additional constitutional solutions the range of activities of both autonomous units was enlarged, and they were legally equalized, so that when professional conditions were acquired, Kosovo and Metohia got a status of an autonomous province. By the constitution of 1974 the things went so far that Serbia in fact was federalized, so that all the key integrations, from security to economic matters were transferred to the Autonomous Provinces; while the Republic government went on to govern just the central part of Serbia. A paradox happened that in the Republic government were representatives of the Provinces and in that way took part in governing the central part of Serbia, while the Republic government didn't have direct competence on the territory of the Provinces. Such a state, that in combination with strengthening the Albanian separatist movement on Kosovo, and a series of attacks on the Serbian population there, provoked and from year to year increased dissatisfaction of the

people and the government of Serbia. During the second half of the 80s, by the approach of a new and more energetic and nationally more aware team on top of the country, energetic measures were taken to establish a functional centralization of Serbia. By the constitutional amendments and then amendments decisions from 1990, the key integrations were transferred to Republic level again.

The majority of population of Vojvodina supported the new situation, and after introducing the multiparty system, voted for parties, principally, of centralistic determination. On Kosovo and Metohia the situation was different. The major Albanian population followed their separatist leaders. An extremist fraction of secessionist movement started an armed uprising towards the end of the 90s. It was used by NATO for starting an aggression on Serbia. The aggression was, after catastrophic bombing, finally stopped, after Serbia – by being given a guarantee, in a form of Security Council Resolution 1244 that UNO would treat K&M as its integral part, left the control of its south Province to UNO military and police forces and administration, and in fact to NATO

After, in the spirit of later 'orange resolutions' and with strong Western involvement, on post Soviet territory, in October 2000, in Serbia the government changed, the activities of autonomous movements in Vojvodina strengthened. They took part in the new leading coalition and had USA, German and some other western countries' support and insisted on broadening the authorization of Vojvodina. Although not radically, Belgrade made certain concessions. The widening of the autonomy of Vojvodina came after in the middle of 2008 the government of Serbia was independently taken over by extremely western oriented parts of political forces who came on top in 2000.

In order to satisfy their coalitional partners who worked on a wide autonomy of Vojvodina, as well as their fractions who dealt on the territory of the Province, and also Brussels, which emphasized the importance of decentralization for accelerating European integration of Serbia, the leading circles in Belgrade decided to give greater independence to Vojvodina. The culmination of that process was the introduction of the new Statute of Vojvodina, which went into effect on 1st January, 2010.

Policy of regionalization of Serbia

The government prepares to go one step further. They announced a range of resolutions including change of the Statute, in order to enable decentralization and regionalization of the whole country. As it is pointed out, the reason for that is the fact that Serbia is a country with biggest regional differences in Europe - between individual parts of Serbia the differences in view of home gross product are almost ten times different. As it is said,

centralization binds less developed areas to develop and decentralization would enable each region to successfully solve their economic and other problems.

Official Belgrade also points out that the regionalization of the country would make access to European funds easier. After entering EU (and that is the main objective of the actual authorities in Serbia) the competences of controlling the funds could further be decentralized within the country but after fulfillment of the key condition, and that is existence of administrative abilities for doing this work on regional level. And decentralized countries, as it is said, have a bigger capacity to get means i.e. regions are more capable of getting them for local needs than central authorities.

The basis for regionalization of the country is 'the Strategy for Territorial Development of Serbia', which was made by the Ministry of territorial planning and human environment. It is treated by official Belgrade as basis for political program for economic and every other development of Serbia. And as it is foreseen, the regionalization of Serbia should be done in two phases. It is planned that the first one should be finished by 2013, and the other one by 2020. The first actual step will be made when the Government accepts 'the law of regional development'. According to it, in Serbia there should be formed seven Euro regions: Vojvodina, Belgrade, West, East, Central and South region and Kosovo and Metohia.

In the first phase it is all about statistical regions. They will be done by 'Nomenclature of units of territorial statistics' (NUTS), which is a European Union (EU) statistical model, introduced in 1988. According to this model within EU a unique net of units of territorial statistics has been established. NUTS recognize three levels of statistical classification, where for regions minimal and maximal average number of population is issued.

Statistical regions in which Serbia should be divided will have 800 thousand and two million inhabitants. The anticipated model of regionalization at the beginning doesn't mean autonomy, but definition of municipalities and cities which go into the frame of competence of regional agencies which will coordinate the projects with Belgrade and accessible funds of EU. Euro regions will not have legal subjectivity; each of them will have its own public agency for regional development. But, at the beginning, the government of Republic of Serbia, i.e. its institutions will have a complete supervision and control over the regional agencies.

Yet the regions should learn to create programs and projects themselves which will be financed by European funds, which means development of capacities for programming and finance management. The statistical regions would in that way learn to gradually manage themselves at least in some fields, and that would later be a basis for giving political content for regionalization. According to the plan, about 2020, the regions should get administrative and

political status. On central level should probably remain: security, monetary policy, home and foreign affairs, macroeconomic and fiscal policy, on condition that one of its parts would be transferred to the regions. That should mean that Serbia by 2020 would be divided in more autonomies, similar to today's status of the Provinces of Vojvodina and Kosovo (which at the moment is not in control of Belgrade).

Reasons against political regionalization

The opponents of suggested regionalization - in the first plan from opposition patriotic parties and non governmental sectors of similar orientation- give more reasons against the regionalization which the government strongly suggests. First of all, they claim that essential regionalization of the country wouldn't lead to faster and more balanced progress of the country. To support this they give the example of Poland. Poland accepted the new model of territorial and administrative organization of the country in 1999. Instead of previous 49 regions, 16 regions were introduced with a lot bigger authorization and directly chosen parliaments. But in spite of that, and quite big donations from EU funds, Poland didn't manage to reduce the undevelopness of the eastern regions. On the contrary the regional differences become even bigger. Five eastern Dukedoms in Poland now make just 15,4% of GDP of the country, and in 1995 they made 16,9% of GDP. On the other hand, Mazoviec dukedom, Silesian, Lower Silesian, Great Poland, make 59,2% of GDP, which is more than before.

Big regional differences are present in exceptionally decentralized Belgium, too, while they are a lot smaller in centralized countries like for example Finland. The opponents of regionalization point out that for its success, qualitative professionals are necessary, and a big problem is that only Belgrade and Vojvodina have them. From this, according to the example of Poland, Belgrade and Vojvodina would even more jump from the rest of Serbia, i.e. it would further on, and even faster, go down. An argument against essential regionalization is also the fact that it is not a condition for entering EU, nor it is necessary for attracting means from European funds. EU doesn't have over nation standards for establishing regions, nor needs big decentralization, but the only thing that it asks for is uniformity in the domain of statistical education. In Portugal, Cyprus, Slovenia, and some other contemporary members of EU, regions are present just as statistical and planned units, i.e. they have no political and administrative independence, so there is no reason why they should get it in Serbia. There is even less reason for that as Serbia faces separatist tendencies.

Albanian minority in the south of Central Serbia show an open wish to separate and join Kosovo quasi country. A number of politicians from

Hungarian minority which inhabit the Northern part of Vojvodina have also such tendencies. They are stronger and stronger, and more open – especially since when Turkey started strengthening its influence over the once Ottoman Empire – separatist trends are also present among Yugoslav Muslim population of Rashka region. In such circumstances, to begin a process of true regionalization would mean to open Pandora's box.

Although statistical regions and regions that are suggested to be political and administrative units in the future, are defined in such a way that it does not make minorities predominant, they are becoming more adamant in their demands to define regions on historical and civilization grounds, thus making these regions national and religious zones within Serbia. Not only would a beginning of a process of true regionalization cause federalization of Serbia like that in Germany or Austria, but it would also cause acceptance of national and religious criteria for such a process. The reason for this is the fact that it is not internal separatist tendencies only that it is facing, which would not endanger it by themselves, but also by a systematic foreign action against its integrity. By and large, internal factors are means of such a foreign action against Serbia.

Geopolitical background of imposing regionalization

In Anglo-Americans' opinion, the bordering line ("Rimland") which encircles the heart of land ("Heartland") – consisting of Russia and other parts of Post-Soviet area – has a huge importance in the game for global domination. In order to subjugate or at least restrain Russia, it is of great importance to subjugate Eastern Europe. This would ensure hegemony over Eurasia ("the world island"), and, as Mackinder stated in 1904 – Who rules the World Island, commands the world." Mackinder was a British geographer and one of the founding fathers of both geopolitics and geo strategy. His thought had a major influence on the policy of the Cold War and modern American foreign policy

In the spirit of the Anglo-Saxon concept of global domination, the countries in the area of "Rimland", have a mission to keep around them a large rival Eurasian space ("Heartland") for the sake of Washington, with the objective of disabling the free and unconditional approach of Russia to the warm seas and oceans, i.e. in our times, the markets thirsty for the Russian gas and oil. Moreover, Serbia and other Serbian countries (The Republic of Srpska, Montenegro) are situated in the area of one of the several key zones for in-depth besiegement of Russia. In other words, important land and river roads connecting Northern and Central Europe to the Southern part of Europe and Middle East have been going through Serbia for millennia. However, what used to be a problem for Britain once, is a problem for the US now – Serbs are traditionally inclined towards Russia.

On the basis of religious and ethnical kinship, as well as political identification with Russia, Russia being felt, in the spirit of Byzantine tradition, as the centre of the orthodox world, the Serbian people is persistently inclined towards Russia. Therefore it has been exposed to either a direct or an implicit animosity of the Anglo-Saxon powers. Moreover, when uncritical West-oriented circles (which is a case now), came (or were brought) to lead the country, because of the elements of long lasting connections between Serbian and Russian people, Washington and London started to be reserved towards Serbia, and tend to weaken it. In bad geopolitical circumstances, in order to survive and enable economic development, Serbian people accepted political structures which are not in accordance with their geopolitical tendencies, but this for the West is an unreliable basis for making a union with Serbia.

The USA, as well as a number of countries subordinated to the wish of Washington by NATO or in some other ways, because of the reasons already mentioned, have lead an open enemy policy against Serbia, while on top of the country there was a regime that had 'unsuitable' geopolitical beliefs. But nothing has essentially changed even since Serbia has been ruled by friends of USA. Atlantic Block, although a little hidden, still works against the interests of Serbia. The aim is get it in hopeless situation, which will ensure long lasting Washington domination over Balkan territories. We can perceive the insisting of certain American and European circles on fast decentralization of Serbia in this way, too, i.e. the insisting on more complete connecting of certain regions to the neighboring countries which are considered more reliable to Western allies, as well as the presence of capital and institutions of different western countries in certain parts of Serbia (German presence in Vojvodina, Turkish in Rashka, American in central parts of Serbia). So, in circumstances when the power of America weakens, before West looses the possibility of outside control over Serbia its powers should be paralyzed from inside.

As far as Russian Federation is concerned, after it military-politically and economically stepped on stable grounds, it strengthened its presence in Serbian territory. Moscow tends to support Serbia in its fight for defending Kosovo and Metohia, in that way that it is trying to stop Security Council to introduce a new resolution which will eliminate resolution 1244, i.e. in a way that it works against American lobbing for more and more countries to recognize Kosovo as a separate country. Russia doesn't interfere with the inside policy of Serbia, but it is clear that it supports its territorial integrity, i.e. those resolutions which guarantee unity and functionality of Serbia. This is supported by recent enlargement of presence of Russian capital.

The most important thing is that Russian capital has taken over the bigger share in the Oil Industry of Serbia (NIS). This company of a key national importance works all over the country, and its successful work is supported by

the decisions which help the functioning of the central government. Also, this is important for construction of gas pipe system 'South_Flow', which on its way to Central Europe should pass through Serbia. And if the gas pipe_system is completed, as it is planned by inter countries' agreement, the strategic importance of Serbia for Russia will significantly grow, and by that it will have an interest to engage itself more seriously in every field, so it keeps a more efficient balance to Western influence. Russia already helps Serbia, but it does this discreetly, tending not to interfere with the inside policy. But when this is of an importance for its economic and by that geopolitical interests, it will probably be more present in media sphere, nongovernmental sector, but also in a way that West does this on the political scene. In that way the patriotic forces in Serbia would get a support which would enable them to fight against the harmful model of regionalization of the country, i.e. in the circumstances when the people are inclined to this, as soon as a real geopolitical alternative to the West appears, to lead Serbia to radical geopolitical reorientation.

Conclusion

It is difficult to say whether a constructive regionalization would positively affect the faster and more balanced development of Serbia. There are reasons for and against it. But, it is important to have in mind that Serbia is further on exposed to silent aggression by those who fought a real war, are against this country. They want to weaken it and put it in their domination, and thus separate it from its traditional friend - Russia. Because of this a model of regionalization is imposed in Belgrade which could lead to federalization of Serbia, by which its soft occupation could be completed and made long lasting, and the unity of the country could be threatened, too.

The actual government, in hope to prove loyalty to Washington, and to control the process of decentralization, accepts to work in accordance with the will of USA in many ways. Aware of that, even the establishment which is principally pro western oriented, and which as its priority emphasizes joining Serbia to EU, against the will of the Western mentors, persevered in selling NIS to their Russian partners and in signing the agreement for construction of the 'South Flow'. In that way, by harmful centrifugal processes which are a price for eventual opening of the European gates for Serbia, it strives to balance the centripetal processes which arise from stronger connection to Russia.

As far as patriotic opposition is concerned which puts strengthening of Serbia on the first place and not Euro-integrations, it sees regionalization which gets out of the statistical frames as a danger for the country, and strives to stop it. It sees Economic and every other presence of Russia not only as a counter

balance to the processes which could be dangerous for the unity of the country, but also as a chance for coming to the throne and (geo)political turn of events.

All in all, regionalization is a crossroad of inner policy, economy and geopolitical orientation of Serbia. This problem is for many countries of great importance in the context of adjustment to global changes, but for Serbia it is, without exaggeration, also a matter of survival as a sovereign and united country. Of great importance for this today is, and in the future it will be even of greater importance, Russian Federation as a factor of support to vital interests of Serbia.

BIBLIOGRAPHY

[1] B. Derić „Regionalizacija Srbije". – Beograd: Geografski fakultet, 2004.

[2] D. Petrović „Srpski narod i velike sile". – Beograd: Institut za političke studije, 2008

[3] D. Petrović „Aspekti globalizacije". – Beograd: NSPM, 2009.

[4] J. Komšić „Principi evropskog regionalizma". – Novi Sad: Asocijacija multietničkih gradova, 2007.

[5] M. Stepić „Srpsko pitanje – geopolitičko pitanje". – Beograd: Jantar grupa, 2004.

[6] M. Stepić „U vrtlogu balkanizacije". – Beograd: Službeni list, 2001.

[7] M. Knežević „Mozaik geopolitike". – Beograd: Institut za političke studije, 2008

[8] M. Knežević „Paradigma raspada". – Beograd: Institut za političke studije, 2009

[9] S. Đukić „Vreme energije". – Službeni glasnik, 2009.

[10] V. Stančetić „Region kao razvojna perspektiva u Evropskoj uniji". – Beograd: Službeni glasnik, 2009.

[11] V. Mićović „Globalizacija i Novi svetski poredak". – Beograd: Čigoja, 2001.

DILLEMAS OF POLISH LABOUR MARKET AT THE GLOBALIZATION TIME

Balcerowicz-Szkutnik M., PhD, Prof in
Department of Statistical-Mathematical
Methods in Economics
Faculty of Economics
Karol Adamiecki University of Economics in Katowice
mariabal@ae.katowice.pl

Szkutnik W., PhD, Professor
Department of Statistical-Mathematical
Methods in Economics
Faculty of Economics
Karol Adamiecki University of Economics in Katowice
szkutnik@ae.katowice.pl

Abstract

In the presented article the analysis includes the basic statistical parameters which characterize Polish labour market, i.e., the coefficient of occupational activity, employment index and the measures of both unemployment in general as well as with the consideration of time of being unemployed regardless of age of the analyzed people. The analysis is based on the statistical data available in the Local Data Bank data base of the Central Statistical Office. The analyses will be carried out with the consideration of territorial division of the country because a territorial heterogeneity of the labor market has been observed in Poland for many years.

Key words: labour market, occupational activity, employment level, unemployment rate, long-term unemployment.

Introduction

The unification of Europe and the enlargement of the European Union in the recent years has influenced the simplified comprehension of globalization as a support for the processes of enlarging the EU. In an economic sense globalization consists mainly in ensuring a free flow of goods and services. One of the effects of economic globalization includes changes in the labour market. The most convenient way to analyze the changeability and instability of the labour market, which picture the current economic situation of a country, is to use the statistical parameters that characterize this market. However, in order to ensure a proper picture of the situation on the labor market, the detailed analyzes should be carried out with the consideration of age groups within the society. The age groups which react to the adverse situation on the labor market in the strongest way are the outermost groups of productive age, i.e., the

graduates of secondary schools or higher education schools (for whom there are no work places yet) and the employees at the close of their occupational career who belong to the group called "*generation 50+"*. Polish labour market changed a lot in the last ten years; the changes related both to the level of employment and the unemployment rate were particularly visible after year 2005, which was the moment of Poland joining the European Union.

1. Polish labour market - the dynamics of changes in the employment level

The changeable condition of Polish labour market is directly influenced by a changing age structure of the society. In the last decade the proportions between the number of subpopulation of people at the productive age and at the unproductive age have changed. The percentage of people at the productive age has increased, which was the result of the fact that young people born at the time of the second post-war birth peak entered the labor market. However, the internal structure of this subpopulation also has changed . While the general subpopulation of people at the productive age (both mobile and immobile[48]) increased by 7.453% in 2009 as compared to year 1998, where the level of increase equalled 8.03% for men and 6.83% for women, the number of mobile age groups showed an unnoticeable decrease by approximately 0.07% (there was an increase by 0.053% for men and a decrease by 0.188% for women). Within the group of people at the immobile productive age the growth was significant and it equalled, in general, 21.44% (22.04% for men and 20.53% for women). The dynamics of changes for economic population groups is presented in figure 1.

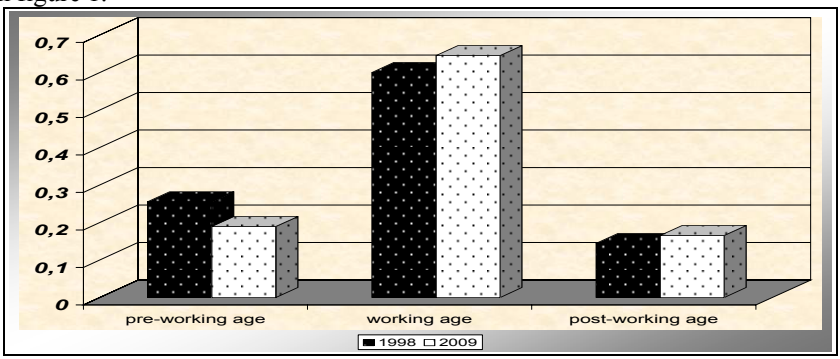


Fig. 1 Activity and inactivity rate in population, 1998- 2009
Source: elaboration own

[48] Mobile productive age means 20-44 years for men and women; immobile productive age means 45-64 years for men and 45-59 for women

At the same time, it is visible that in the period from 1998 to 2009 there were also changes in the proportions of subpopulation of people at the unproductive age; i.e., there was a decrease in the share of people at the pre-productive age and an increase of share of people at the post-productive age. This has an important influence on the change of level demographic load for people at the productive age. If we consider the reciprocal dependences among the groups of people at the pre-productive, productive and post-productive age (fig. 2) for years 2002 and 2009, the conclusions drawn before are confirmed. One should notice that while the proportions between the number of people at the post-productive and productive age did not change, there were significant changes in the proportions within the group of unproductive people (it means proportions between the numbers of people at the productive age falling on the people at the pre-productive age). The increase in load by approximately 20 percentage points (presented in fig. 2) is a consequence of the changes in basic demographic processes, i.e., a drop of birth level (which is a highly distressing and a negative phenomenon) and at the same time an increase of the coefficient of ageing. In Poland, as compared to other EU countries, the coefficient of ageing remains at the level lower than the average but the tempo of its changes is not optimistic and it may be a source of distress (in combination with downward trend of birth level) for the future of labor market.

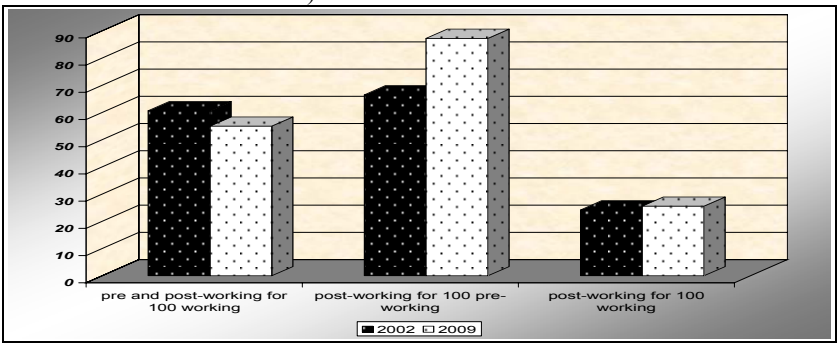


Fig. 2 Dependences between the activity and inactivity population in Poland in years 2002 and 2009
Source: elaboration own

As it was mentioned before, the indicators that best characterize the condition of labor market are the coefficient of occupational activity and the employment index in juxtaposition with the unemployment level (the so called unemployment rate). In case of Poland the values of measures for years 1998 and 2009 are shown in figure 3 and figure 4. We can observe a difference in the level of measures for men and women, which confirms the previous observations and a peculiar historical regularity. In case of the coefficient of

occupational activity there is decrease in its value in the analyzed period by approximately 2 percentage points. While for men the employment index remains almost unchanged in the analyzed period, for women there is a slight increase, which generates a slight increase of the index for all the employed people. The decrease of coefficient of occupational activity may be justified by a change in age structure of the subpopulation of people at the productive age as well as by the earnings migrations specific at that time and related to the accession of Poland into EU. Stability of the employment index is a reflection of the absorptivity of the labor market and the need to maintain the "gained" work place.

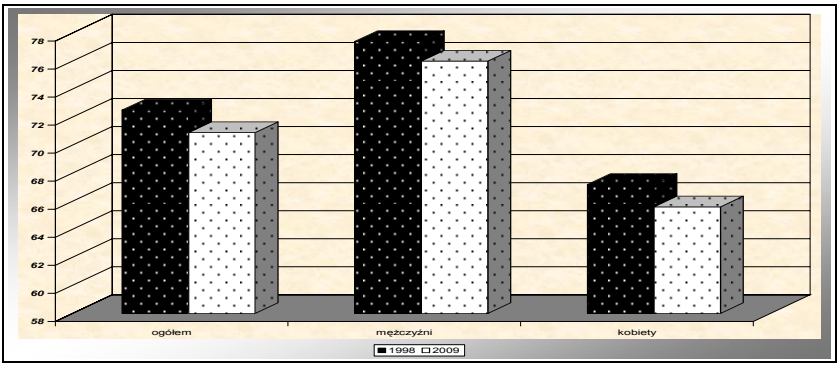


Fig. 3. Activity rate (15 to 64 years) for Poland according to gender in years 1998 and 2009
Source: elaboration own

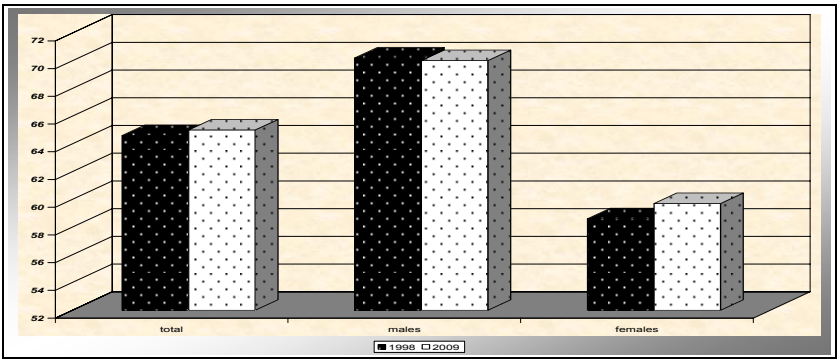


Fig. 4. Employment rate to gender within the group of activity population in Poland in years 1998 and 2009

Source: elaboration own

A separately analyzed dynamics of the employment index shows a reaction of the employment level to the fact of Poland joining the European Union and, at the same time, the outflow of labour force from the national labor market. A visible decrease of the employment index in years 2003-2005 is simultaneously the effect of an additional activity of other factors such as the introduction of a statutory possibility of an earlier retirement or the use of a wide range of pre-pension services, or the appearance of the new years of labour resources- people born at in the years of the second post-war birth peak.

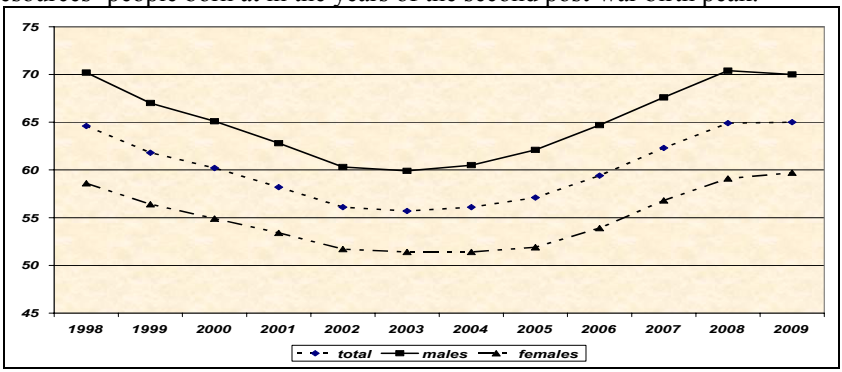


Fig. 5. The dynamics of changes in the employment index in Poland for years 1998 – 2009

Source: elaboration own

It is comforting that after the period of decrease of the employment index there was its slow increase in the successive years- such that in year 2009 the value of measure reached the level from year 1998. At the same time, attention should be paid to an irregular territorial distribution of coefficients in the scale of the whole country. Both the coefficient of occupational activity and the employment index is a derivative of the economic structure of the region and its density of population. Therefore, we may expect that in traditionally more industrialized provinces or in the provinces with a higher density of population the measures should have higher values. A territorial distribution of the level of occupational activity and employment are shown in figures 6 and 7, respectively. Each of the measures is analyzed for year 2009, however, additional analyses are carried out also for years 1998 and 2005. The comparison concerning the location of intensity of occupational activity on labour market will allow for statement regarding its stability. Similar comparative analyses are carried out for the employment index.

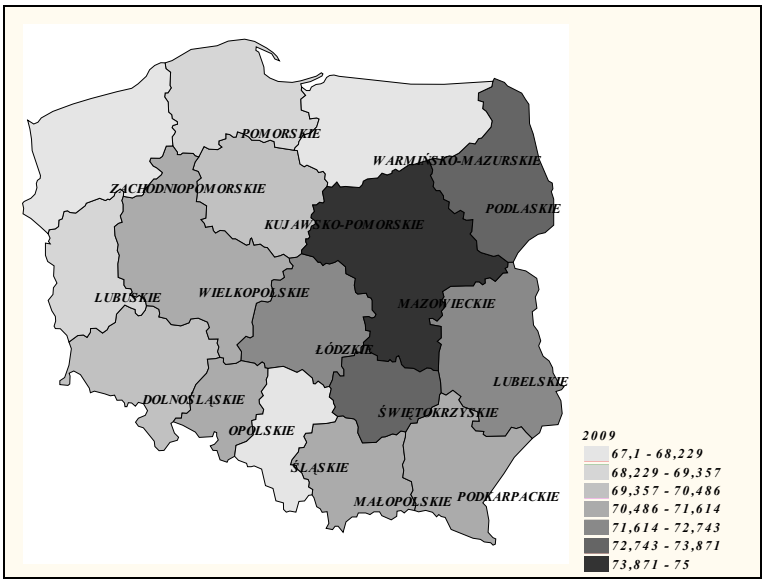


Fig. 6. The activity rate in Poland in year 2009- territorial distribution
Source: elaboration own

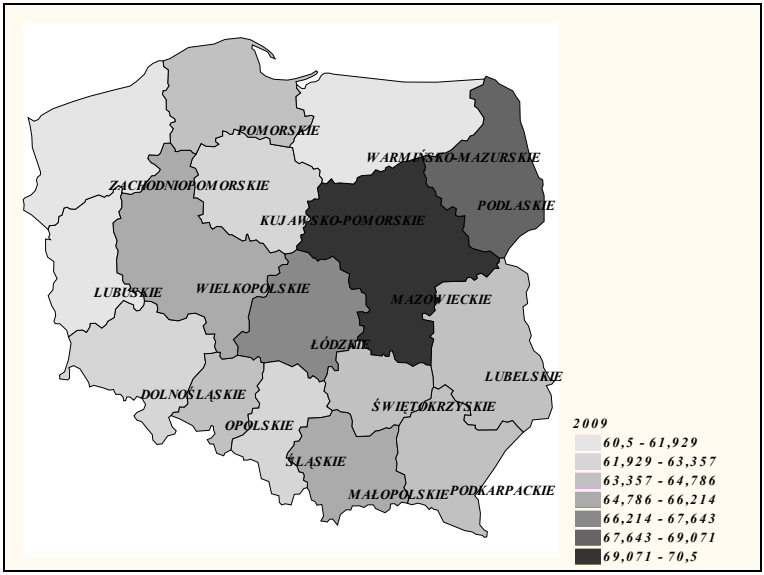


Fig. 7. Employment index in Poland in year 2009- territorial distribution
Source: elaboration own

As it was mentioned earlier, the level of occupational activity and employment should be the highest in greatly industrialized regions which are characterized by a high density of population. These regions include, for instance, Śląskie province. A detailed analysis of the coefficients of occupational activity shows in case of this province extremely low values. A reason for such a situation may be a changeable structure of age within the society and a fact that in regions with a relatively low level of industrialization, frankly agricultural regions, a high value of the coefficient of occupational activity may be influenced by a strong increase of the percentage of people at the productive age (e.g., by more than 6 percentage points in Podlaskie or Podkarpackie province) connected with the entrance onto the labor market of the youth born in the period of early eighties, i.e., at the time of the second post-war birth peak. The comparison of the percentage of population at the productive age confirms these suggestions (fig. 8). A vertical line at the level o 4.51% refers to the average national level of growth of the labour resource potential from year 1998 to year 2009.

It is also important to show, in the scale of Poland, the regions with the highest and the lowest levels of measures of occupational activity and employment. On the basis of above presented figures 7 and 9 (for year 1998) and figures 8 and 10 (for year 2009) we may explicitly conclude that the highest market saturation, both in terms of labour resources and employment, occurred in 1998 in the provinces of central-eastern Poland, i.e., the following provinces: Mazowieckie, Podlaskie, Lubelskie and Świętokrzyskie. However, in year 2009 this region narrowed down to Mazowieckie province. The region with a decidedly lowest level of labour resources and employment is Śląskie province. A low level of employment is certainly related to the changes of the industrial structure of the region, liquidation or a significant limitation of heavy industry units, changes in the forms of management and changes in the system of social insurance. Previous pensions and pre-pension services impoverished the labor market. Simultaneously, “the wave” of earnings migration that appeared at that time changed the picture of the previously industrialized region which had a developed resource of labor force into a region with a low employment potential and a weak (or even the weakest) level of occupational activity.

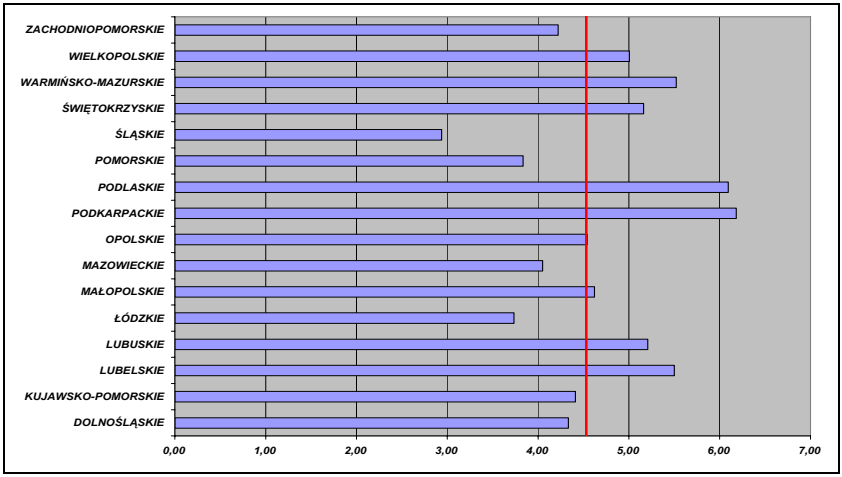


Fig. 8. The Growth of the percentage of people at the productive age (conventionally 17+) in years 1998-2009
Source: elaboration own

2. The picture of Polish unemployment

The analysis of unemployment level[49] is a supplement to the statistical analyses concerning the scope of labour market. Apart from the registered unemployment there exists also, to a considerable degree, a latent unemployment (not registered anywhere). This phenomenon is a very difficult to grasp- it requires special questionnaire research or statistical estimations. A specific example of this phenomenon is a latent unemployment in the countryside. In the cities the latent unemployment occurs (and it mainly occurred in the past) in the form of a redundant employment mainly in huge enterprises. Latent unemployment occurs also in the form of an escape from the labour market (often independent) to pensions or earlier retirement, which leads to the disturbance in the system of financing for social insurance because the benefits are used by the people able to work who should pay the insurance premium and not benefit from the undue services. A pretty big problem is also a voluntary unemployment which exists in a situation when an unemployed person does not accept an offered job, wages or conditions or circumstances of employment. The unemployed person's decision depends on the comparison of costs and benefits related to the employment and unemployment. Unemployed people voluntarily constitute a subgroup of the registered unemployed and,

[49] Due to the availability of data the analyses will include only registered unemployment

therefore, they are included in the detailed statistical analyses carried out by the Central Statistical Office or Labour Offices.

The dynamics of changes in the unemployment rate is usually presented in statistical publications in two ways- with reference to the totality of occupationally active people at the age of more than 17 years or with reference to the population at the productive age. The basis for the below considerations is the community of people at the productive age and with regards to this community the groups of people without a job will be analyzed.

Figure 9 presents the dynamics of unemployment rate as divided into the employee's gender.

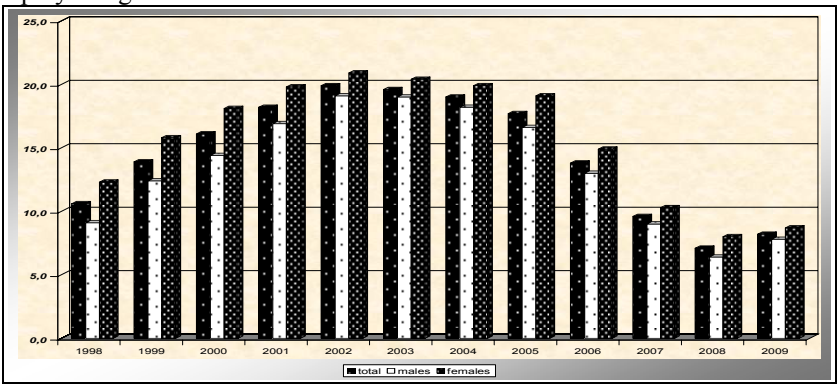


Fig. 9. Unemployment rate in Poland in years 1998–2009 with consideration of the employee's gender.
Source: elaboration own

When analyzing the changes in the unemployment level in the given period we can distinguish the periods of rapid increase and decrease of the intensity of unemployment. In years 1998-2002 the percentage of the unemployed increased almost twice, both in general case and case of division into the employee's gender (while the dependence, already observed in earlier periods, that the level of unemployment among women exceeds the level of unemployment of men by a few percentage points remains unchanged). After year 2003, when the unemployment rate decreased slightly as compared to year 2002, in the course of the following five years a rapid decrease of unemployment to the level lower than in year 1998 was observed. In the last period, i.e., in year 2009, the index increased slightly but the tempo of changes was slight and the measure still remains at the level slightly lower than in year 1998, adopted as the basis year. The experts look for the reasons for the increase and later decrease of unemployment level in the change of the management

system, in structural changes of economy and changes concerning the principles of social security and social insurance. The fact that Poland joined the European Union and the opening, at least partial, of the union labour markets is also very important. The reasons for these changes can be minutely divided as follows:

- The period from 1998 to 2002- structural changes of the economy, liquidation of work places, influx of the so called "peak" years, i.e., the youth born at the time of the second post-war birth peak, onto the labour market and, consequently, the increase of the percentage of people without a job and a dynamic increase if the unemployment rate
- The period from 2003 to 2008- these are the first years of accession of Poland in the EU, the delight concerning the chance to work in other countries, which was equivalent to leaving work places for other employees, changes in the pension system, introduction of a wide a range of pre-pension services and earlier retirement and, therefore, further leaving of the work places or resignation from the status of being unemployed, which in result caused a decrease of the unemployment level. Indeed, a latent unemployment occurred and the first signs of a new social phenomenon called "economic old age"[50], but in terms of the statistical measures the unemployment decreased.

When analyzing the phenomenon of unemployment in a more detailed way we should additionally consider the age of people who are without a job. As it was suggested before, the more unstable labour market exists for outmost age groups, i.e., the youngest employees, usually the graduates of secondary or higher education schools, and for the oldest employees, when the structural changes in the economy enforce the change of the type of job and the habits or routine of the employee is in contradiction with such changes.

The level of unemployment, similarly to the employment level, is territorially diversified in case of Poland. The following graph shows the intensity of unemployment rate in particular Polish provinces in year 2009.

Generally, one may state that Zachodniopomorskie and Warmińsko-Mazurskie provinces were most influenced by the problem of unemployment in years 1998 and 2005. In year 2009 these two provinces were joined by the following provinces: Kujawsko-Pomorskie, Podkarpackie and Świętokrzyskie. The unemployment indices in year 2009 were lower than in previous years but the phenomenon of the extension of unemployment regions can be regarded as alarming because it is equivalent to the extension of the area of the social poverty. Separate research concerning the social well-being point to these regions of the country as the regions of the so called "Polish poverty". It turns

[50] See Balcerowicz-Szkutnik M., *Demograficzne aspekty ryzyka w ubezpieczeniach społecznych. Uwarunkowania i analiza demo ekonometryczna,* AE Katowice, 2005

out that no governmental actions which aim at prevention of unemployment are effective and temporary decreases of the indices of unemployment level do not improve the problem of the society impoverishment.

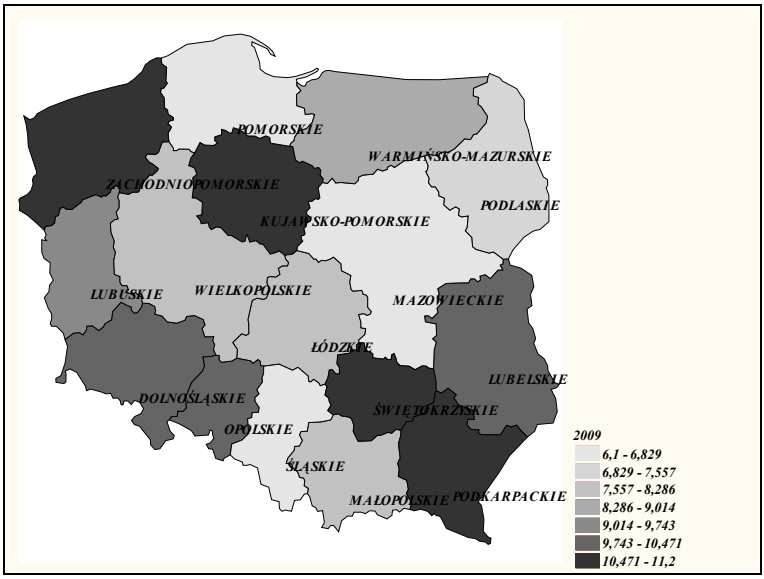


Fig. 10. Unemployment rate in Poland according to provinces in year 2009
Source: elaboration own

3. Long-term unemployment.

As it was mentioned before, a separate problem concerning the considerations related to unemployment is the long-term unemployment, i.e. a situation when an employee is vainly looking for a job within the period of more than one year. Long-term unemployment is a peculiar form of unemployment and differs significantly from its other forms. This can be shown as follows: firstly, there is a characteristic 'professionalization' of the unemployed status, so unemployment becomes, to a higher degree, a way for a living; secondly, activation of the long-term unemployed is more difficult than activation of the temporarily unemployed people. Long-term unemployment is highly determined by gender. A considerable part of this group of unemployed people consists of women, because women are considered to be less available and more troublesome (maternity leaves, parental leave, leaves related to mother's care of a sick child) and the scope of occupational availability is narrower in case of women (they work in a smaller number of professions, especially these professions associated with heavy industry). The age and job seniority, as strong features correlated with each other, have a similar influence upon the time of

being unemployed. Young people at the age of maximum 25 years as well as people who are at the age of more than 50 years constitute a huge group among the unemployed. The majority of the long-term unemployed are people who used to work. For the most part they lost their job due to the liquidation of the working place or the working post. Most often these were the industry or building workers and rarely the employees of private trade. The log-term character of unemployment is a result of inadequate qualifications or even the lack of qualifications, or the lack of adjustment of qualifications to the requirements of labour market. The scale of long-term unemployment is studied on the basis of the ***long-term unemployment rate***, i.e., the percentage of the unemployed people looking for a job for more than 12 months. Similarly as in case of general unemployment, the level of long-term unemployment will be monitored on the basis of the indices for whole Poland with the division into the employee's gender and from the territorial point of view for the selected years.

The following figure presents the dynamics of the percentage of permanently unemployed people (the time of being without a job longer than 12 months) with relation to the all working people within the period from 1998 to 2009.

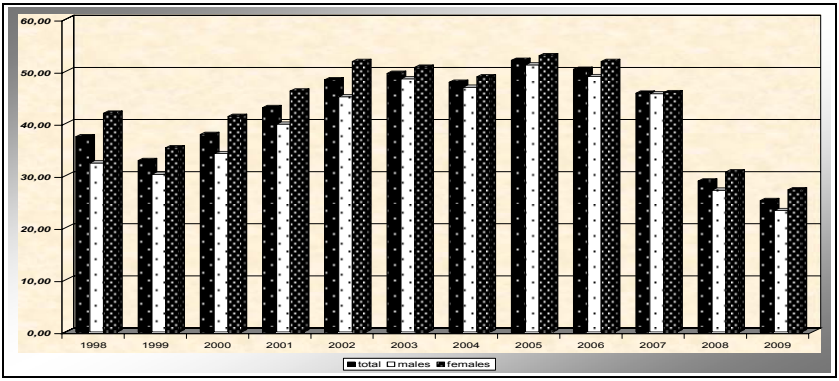


Fig.11. The long-term unemployed in percentage of total unemployed, in Poland 1998-2009.
Source: elaboration own

We can observe, that in the total group of the unemployed the percentage of unemployed people without a job for more than one year is considerable and, in the best case, it equals approximately 25% and in the worst case more than 50%, which means that more than a half of unemployed people (and registered in relevant offices) were without a job for more than one year. Such a situation existed in years 2003-2007. This is an alarming phenomenon because, as it was observed before, unemployment becomes a way for a living and a fact of adopting an occupational passivity and holding the country responsible for the

providing for a people themselves and often their families constitutes a burden for the remaining group of employees. In the last two years, in year 2008 and 2009, the percentage of the long-term unemployed within the total group of unemployed people decreases but it is not certain if this is the merit of the change in economic system or a sign of social resourcefulness and a proverbial "taking things in somebody's own hands", or simply the element of demographic dynamics and retirement of the employees. Unfortunately, in the available statistical sources the age of the employee at the time of working is clearly stated and, therefore, the status of employment at the time retirement cannot be explicitly settled, which is a direct reason for the decrease in the percentage of the long-term unemployed.

Considering the territorial distribution of the long-term unemployed we conclude that the intensity of the index differs slightly from the general level of unemployment in terms of a territorial location (figure 12).

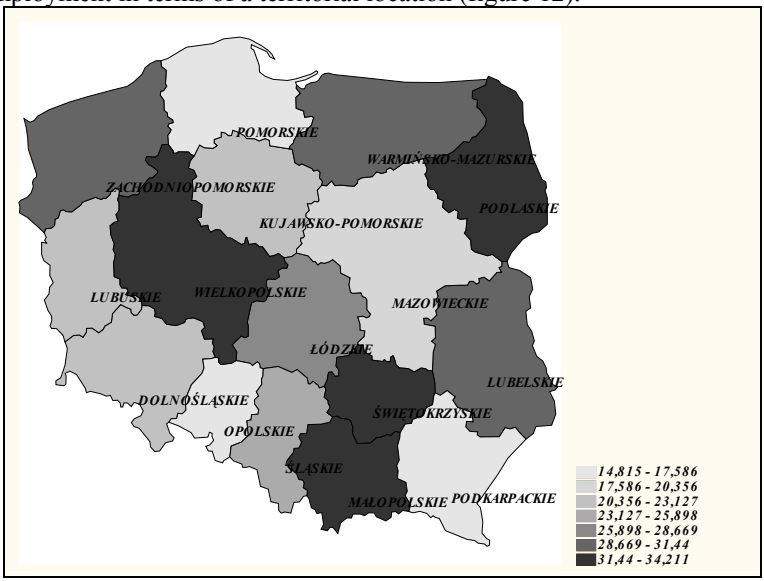


Fig. 12. The long-term unemployed as a percentage of unemployed people in general in year 2009
Source: elaboration own.

In year 1998 the regions with the highest level of long-term unemployment were Świętokrzyskie province and Podkarpackie provinces and, to a smaller degree, the following provinces: Mazowieckie, Dolnośląskie and Podlaskie. In year 2005 a territorial structure concerning the intensity of long-

term unemployment changed and the provinces with the highest percentage of unemployed people without a job for more than one year were the following provinces: Podkarpackie, Łódzkie and Śląskie (however, it should be reminded that in years 2002-2007 the percentage of long-term unemployed people within the total number of the unemployed increased almost twice in comparison with year 1998). Year 2009, when the index decreased, is a year with the next changes and at that time the highest percentage of people without a job for more than one year was observed in the following provinces: Świętokrzyskie, Małopolskie, Wielkopolskie and Podlaskie. As observed above, the dynamics of indices is considerable it is highly difficult to indicate explicitly the reasons for such changes. It is alarming that the phenomenon of long-term unemployment is, in principle, avoidance of work and, in a wider dimension it may have a pathological character. In such a case the actions aimed at limitation of unemployment are not too effective and, in spite of engaging a wide resource of means and bearing huge costs by governmental entities, they will not bring the expected results.

Summary

The purpose of this article was to focus on the pretty significant problem of an economic and social meaning, namely an adverse direction of changes in the coefficients that characterize the labour market. This adverse direction of changes includes a downward trend of the coefficients of occupational activity and employment indices, and an upward trend of the level of unemployment rate. The presented directions of changes are typical not only for Polish labor market. Similar problems are also visible in the scale of other European countries. Therefore, there is a need to work out a common programme which will be possible to use by most EU countries and which aims at the occupational activation especially of people at the age 50+. A separate problem is posed by unemployment, and particularly the long-term unemployment. This is a serious social problem. Being unemployed for a long time activates the process of destruction expressed in social isolation, lack of trust towards oneself, stress within a family, lower intellectual and spiritual form, faint degree of occupational activity. This is a serious problem both from the social and economic point of view. People who are unemployed for a long time have smaller chances to find a job due to three issues: their qualifications decrease, abilities and experience are slowly de-actualized, their optimistic and enthusiastic approach towards looking for a job decreases. Being without a job for a long time leads to a social pathology and pathology combating belongs to the most difficult and most expensive methods of controlling the adverse results of unemployment. One of the forms of preventing the adverse trends on the labour market was to be execution of Lisbon Strategy provisions. However, at this moment is certain that they will not be fully fulfilled at the expected time

and the time horizon defined for their full execution should be extended, nobody knows for how long. Even though the particular EU countries that accept the Lisbon Strategy provisions offer the date of their final execution, however, it is not sure if the social conditions will allow for their fulfilment.

REFERENCES

[1] *Aktywność ekonomiczna ludności Polski* GUS Warszawa 2009

[2] Balcerowicz-Szkutnik M. *Demograficzne aspekty ryzyka w ubezpieczeniach społecznych. Uwarunkowania i analiza demoekonometryczna* Katowice 2005

[3] *Popyt na pracę w 2008*. GUS Warszawa 2009

[4] *Przejście z pracy na emeryturę* GUS Warszawa 2007

[5] *Unia Europejska- wskaźniki krótkookresowe*. GUS Warszawa 2007

[6] *Wybrane aspekty aktywności ekonomicznej ludności* GUS Warszawa 2007

[7]http://www.stat.gov.pl/bdr_n/app/dane_podgrup.katgrupg?p_dane=0&p_kate=4

[8]http://www.stat.gov.pl/bdr_n/app/dane_podgrup.wymiary?p_kate=4&p_grup=380&p_pgru=2355&p_dane=0

[9]http://www.stat.gov.pl/bdr_n/app/dane_podgrup.wymiary?p_kate=4&p_grup=380&p_pgru=2361&p_dane=0

[10]http://www.stat.gov.pl/bdr_n/app/dane_podgrup.wymiary?p_kate=4&p_grup=380&p_pgru=2360&p_dane=0

[11]http://www.stat.gov.pl/bdr_n/app/dane_podgrup.wymiary?p_kate=3&p_grup=7&p_pgru=2426&p_dane=0

FOREIGN TRADE TURNOVER BETWEEN POLAND AND RUSSIA IN FIGURES

Wolny-Dominiak A., Phd,
Department of Statistical and Mathematical Methods in Economics, Faculty of Economics
University of Economics in Katowice, Poland
alicja.wolny-dominiak@ae.katowice.pl

The paper presents general information on trade in goods between Poland and Russia in the last 3 years. The data come mainly from the yearbooks generalny called: „*The Yearbook of Foreign Trade Statistics"* by Polish Central Statistical Office. Data are collected systematically on the basis of the customs

document SAD (Single Administrative Document), which applies in the Polish-Russian trade.

The following tables provide basic information about the Polish and the Russian economy.

Table 1. GDP

	Poland (mld USD)	Russia (billion USD)
2009	689,3	2,116
2008	677,1	2,298
2007	644,9	2,176

Source: www.stat.gov.pl, www.gks.ru

Table 2. GDP per capita

	Poland (USD)	Russia (USD)
2009	17900	15100
2008	17600	16300
2007	16700	15300

Source: www.stat.gov.pl, www.gks.ru

Table 3. GDP composision by sector

	Poland	Russia
agriculture	4,60%	4,70%
industry	28,10%	34,80%
services	67,30%	60,50%

Source: www.stat.gov.pl, www.gks.ru

Table 4. Public debt - % of GDP

	Poland	Russia
2009	46,50%	6,30%
2008	44,50%	6,20%

Source: www.stat.gov.pl, www.gks.ru

Table 5. Inflation rate

	Poland	Russia
2009	3,50%	11,70%
2008	4,20%	14,10%

Source: www.stat.gov.pl, www.gks.ru

Table 6. Imports (billion USD)

	Poland	Russia
2009	144,3	191,8
2008	204,7	291,9

Source: www.stat.gov.pl, www.gks.ru

Table 7. Exports (billion USD)

	Poland	Russia
2009	139,5	303,4
2008	178,7	471,6

Source: www.stat.gov.pl, www.gks.ru

Poland is the leading trade partners of Russia. According to Central Statistical Office data for the period January - June 2010, Russia is ranked second in the Polish foreign trade. In the last years trade turnover between Poland and Russia were as follows:

Table 8. thousand EUR

	Imports	Exports	Total Turnover
2007	10 499 113	4 706 799	15 205 912
2008	13 877 208	6 049 599	19 926 807

Source: „The Yearbook of Foreign Trade Statistics 2008", „The Yearbook of Foreign Trade Statistics 2009", Central Statistical Office

In the year 2008 will see a significant increase in Polish imports by over 32% of Polish exports and more than 28%. Total turnover increased by more than 31%.

Trade between two countries in 2007-2008 in terms of goods categories was as follows:

Table 9.

Polish imports – exports: goods categories

		Imports	Exports	Imports	Exports
Food and live animals	2007	46 602	432 934	0,44%	9,20%
	2008	37 977	450 496	0,27%	7,45%
Crude materials, inedible, except fuels	2007	372 836	17 216	3,55%	0,37%
	2008	439 849	32 074	3,17%	0,53%

Mineral fuels, lubricants and related materiale	2007	7 589 320	15 330	72,29%	0,33%
	2008	9 989 804	21 627	71,99%	0,36%
Chemicals and related products	2007	299 180	734 858	2,85%	15,61%
	2008	430 864	862 762	3,10%	14,26%
Manufactured goods classified chiefly by material	2007	715 498	1 228 506	6,81%	26,10%
	2008	618 799	924 174	4,46%	15,28%
Machinery and transport equipment	2007	118 025	1 607 040	1,12%	34,14%
	2008	105 403	2 579 658	0,76%	42,64%
Miscellaneous manufactured articles	2007	16910	655900	0,16%	13,94%
	2008	21 170	762 543	0,15%	12,60%
Commodo. And transact. not classified elsewhere in the SITC	2007	1 337 570	1 742	12,74%	0,04%
	2008	2 225 601	3 972	16,04%	0,07%

Source: „The Yearbook of Foreign Trade Statistics 2008", „The Yearbook of Foreign Trade Statistics 2009", Central Statistical Office

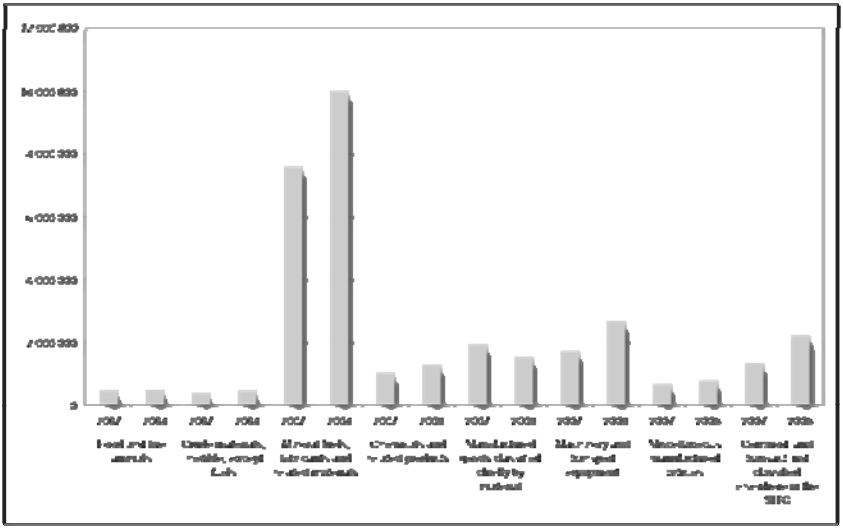
The main Polish export goods to Russia are machinery equipment and chemical products which gave over 56% of total foreign trade turnover. However, Russian exports is based maliny on mineral fuel, chich represent more than 70% of total Rissian exports to Poland.

In 2009 there was a decline in the growth of trade by around 40%. The total volume of trade between the Polish and Russia in January-November 2009 amounted to more than 12 billion EUR. Decline in the growth of Russian exports amounted to about 36%, while Russian imports about 45%. Polish-Russian trade turnover in January-November 2009 amounted in value:

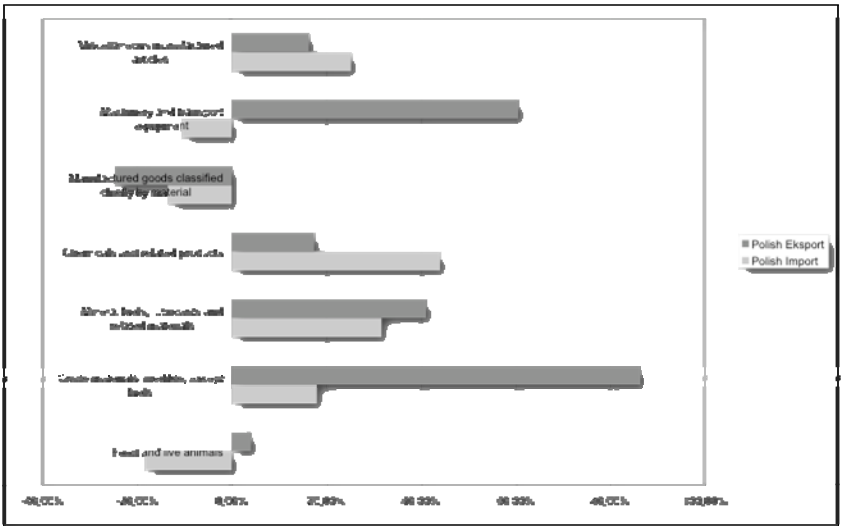
Table 10. Polish exports - imports January-November 2009 (in billion EUR)

Imports	Exports	Total Turnover
8 759	3 297	12 056

Source: Foreign trade turnover in total and by countries I-IX 2009, Central Statistical Office



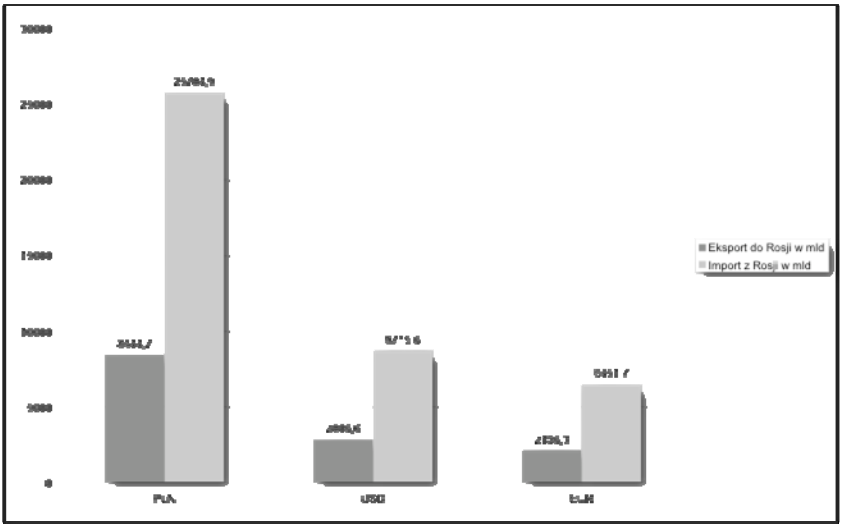
Graph 1. Total foreign trade turnover between Poland and Russia



Graph 2. The dynamics of Polish exports and imports in product categories in 2008 compared to 2007

In the period January - November 2009 main Polish export goods to Russia were machinery and transport equipment - 22.7%, which recorded the largest decrease compared to 2008, and chemicals and related products - 17%. The Polish imports from Russia has traditionally dominated supply of petroleum and natural gas, which represent approximately 75.0% of imports.

The latest figures are for the period January - June 2010. Turnover is as follows:



Graph 2. Polish Exports and imports January – June 2010 (in billion EUR)

Source: Foreign trade turnover in total and by countries I-IX 2009, Central Statistical Office

In the same period January - June 2009 there has been a dynamic growth of Polish exports (expressed in EUR) by 28% while the Russian by 47%.

Table 11. The largest items of Polish exports to Russia after six months of 2010 (more than 10 mln USD)

Group name	Value (mln USD)	Value %
Apples, pears	185,89	8,40%
Drugs	105,85	4,80%
Cosmetics and clothing	147,9	6,70%

Source: Your Market, Newsletter WPHiI, 09/2010

Table 12. The largest items of Polish imports from Russia after six months of 2010 years (more than 10 mln USD)

Group name	Value (mln USD)	Value %
Oil	4 674,50	71,90%
Natural gas	913,37	14,00%
Coal	254,47	3,90%

Source: Your Market, Newsletter WPHiI, 09/2010

As regards the geographical distribution, in 2009 the largest regional recipient of Polish goods in Russia were:

- Moscow - 52%,
- Moscow district - 13%,
- Kaliningrad - 10%,
- Saint-Petersburg - 9%.

To those places in the period January-September 2009, exported about 84% of Polish production. In turn, the largest regional exporters to Poland were:

- Moscow – 80%,
- Saint Petersburg – 12%,
- Perm district - 4%.

It should be noted, however, that the Russian Customs Service has not provided information on the origin of products exported abroad. Moscow is very often only a place of transit.

Finally it is worth mentioning also the purchases made in border traffic at Polish-Russian border. Preliminary results of survey on this issue were published by the Central Statistical Office in the report "Study on the trade of goods and services in border activity at the external border of the European Union Polish territory in the second quarter of 2010".

The value of purchases is not high, however, important because of the development of neighborly relations between the two countries. Expenses incurred by foreigners in Poland and Poles abroad, crossing the Polish-Russian border on the Polish territory in the second quarter of 2010 exalted: foreign nationals - 25.1 million PLN, Poles - 9.9 million PLN. Aliens crossing the border of the Polish-Russian Polish largest item of expenditure on clothing and footwear - 26.8%, meat and meat products - 9.7% and services - 12.0%, in particular the accommodation and catering services. The average expenditure incurred in the Polish-Russian border activity amounted to: in Poland by a foreigner - 226 PLN and by Pole abroad - 168 PLN. Aliens crossing the border of the Polish-Russian average, seemed the most on clothing and footwear - 60 PLN, meat and meat products - 22 PLN and articles for the decoration of

apartments - 17 PLN. By contrast, the average Pole seemed the most fuel - 129 PLN, alcoholic beverages - 13 PLN, tobacco - 5 PLN, and lodging - 5 PLN.

BIBLIOGRAPHY

[1] „*Foreign trade turnover in total and by countries I-IX 2009*", Central Statistical Office, www.stat.gov.pl

[2] *„Foreign trade turnover in total and by countries I-IV 2010*", Central Statistical Office, www.stat.gov.pl

[3] *„Study on the trade of goods and services in border activity at the external border of the European Union Polish territory in the second quarter of 2010*", Central Statistical Office, www.stat.gov.pl

[5] „*The Yearbook of Foreign Trade Statistics 2008"*, Central Statistical Office, www.stat.gov.pl

[6] „*The Yearbook of Foreign Trade Statistics 2009"*, Central Statistical Office, www.stat.gov.pl

[7] Your Market, Newsletter WPHiI, 09/2010

ECONOMIC INTERESTS GROUPS INFLUENCE ON TRADING OF ENERGY RESOURCES IN LITHUANIA

Guzavicius A., PhD (economics), associate professor
Department of business economics
of the Faculty of Economics and management
Kaunas University of Technology
andrius.guzavicius@ktu.lt

Bruneckiene J., PhD (economics), associate professor
Department of business economics
of the Faculty of Economics and management
Kaunas University of Technology
jurgita.bruneckiene@ktu.lt

Barkauskas V., lector
Department of business economics
of the Faculty of Economics and management
Kaunas University of Technology
vytautas.barkauskas@ktu.lt

Abstract: Development of action undertaken by economic interest groups resulted in debates held by the researchers of different countries about purposefulness of the action in question with respect to the group itself and to

the society at large. Impact of the action undertaken by the economic interest groups for the economic prosperity is still the topic of the longterm scientific debates. According to some researchers the economic interest groups contribute to the boost of the society's prosperity, while according to the others monopolistic structures tend to emerge due to the economic interest groups. Taking into consideration the scientific academic approach development of the uniform opinion on the role of the economic interest groups as the connecting element between economy and politics would be of high importance. The present opinion would facilitate process of the society's judgment about the outcomes of the action undertaken by the groups.

Introduction

An organizational structure – enterprise – unites various individual interests. The classification of enterprises into profit-seeking and non-profit organizations manifests different individual interest groups. Profit-seeking business enterprises give priority to economic individual interests. A business enterprise is influenced by exterior environment which in its turn is effected by the business enterprise itself.

The enterprise is mostly influenced by legal surrounding. An economic subject can influence this business environment rather slightly, however, the merge into an interest group increases its powers in making strategic decisions and realizing them. Economic interest groups are considered as an intermediate chain between policy and economy. Due to it the benefit of a business enterprise is increased.

During the recent 40 years the influence made by economic interest groups on the country's economic environment has been in the focus of attention. In the 6-th decade the formation of economic interest groups was analysed in the eighth decade rent seeking theories made their influence. Rent seeking theory includes the analysis of interest representation effectiveness and resource distribution. In the 9 th decade research included the influence of interest groups on nation growth and recession (Olson, 1982; Elster, 1989; Holmstorm, Tirole, 1989; Morris, 1999). Bennett (1997) carried out empiric research of the European Union interest policy. Later research embraced the influence of economic interest groups on the regional development of countries as well as on the policy of European environmental safety and on the economic growth of developing countries (Gordon, 2001; Horowitz, Marsh, 2002, Bouwen, 2002, Mahoney, 2004).

Participating in a collective activity and seeking to influence the EU administration institutions as well as basing on the analysis of the benefit obtained and costs, an economic subject has to choose one of the strategies having influence on the EU administration institutions and evaluate commodity supply and to forecast their demand.

Aim of the research is to present economic interests groups influence on trading of energy resources in Lithuania.

Research object – economic interest groups and trading process of energy recourses.

Research methods – the comparative and structural as well as the qualitative and quantitative analysis of scientific economic literature, graphical modelling and logical analysis.

Situation in Lithuanian energy market

The Lithuanian NPP is going to be shut down at the end of 2010; the Baltic States are linked with the West only by a low-capacity cable located between Finland and Estonia. Power bridges to Poland and Sweden are just in a planning stage and there are no technical possibilities to import gas from Poland (or via Poland). The construction of the National or joint Baltic LNG terminal is being designed.

A state enterprise “Klaipėdos Nafta” has been chosen as the main instrument for the terminal construction. It is expected that capacity of the terminal shall be up to 3 billion cubic meters per year. The terminal construction is directly related to the so-called implementation of the EU Third Energy Package in Lithuania. The Third Package requires the natural gas transmission and distribution management to be separated. The construction of the terminal would not make any sense, if the gas transmission and distribution were not separated, because Lithuania would not be able to supply consumers with gas shipped to Klaipėda as the gas transfer pipelines are not currently controlled by the state. Gas transmission and distribution is now controlled by the company "Lietuvos dujos", whose main shareholder is the Russian company “Gazprom”. Together with the terminal construction and the implementation of the Third Package, next steps are being projected, which will allow the Lithuanian gas market move forward: the establishment of gas market and the construction of the gas pipeline Klaipėda–Jurbarkas (thereby creating a "ring" of main gas transfer pipelines in Lithuania). Another important issue of the energy strategy is the establishment of energy market, power bridges to Sweden and Poland, the construction of nuclear power plant in Visaginas, joining to the Electrical Power Distribution System of the European Union.

And still, it is also impossible to replace the natural gas by alternative resources (renewable energy sources, nuclear energy) in various sectors of Lithuania at least in the medium term, even just because of renewable resource development costs and because of the lack of the resources themselves (e.g., biofuels, solar, wind, water energy).

The project of the intended NPP construction in Lithuania is being delayed, and there are alternative projects in the neighbouring countries of Belarus and Kaliningrad. The Belarusian NPP shall be constructed in Astrov

settlement in Grodno district (near the Lithuanian border). It is planned that the first power-generating unit shall be put into operation in 2016; the second unit – in 2018. The total planned capacity of the NPP is 2,000 MW.

Kaliningrad NNP. The official ceremony of the construction start of the Baltic NPP was held on February 25, 2010, and it is expected that the first NPP unit shall be put into operation in 2016, even if foreign investors have no intention to buy shares of the power plant and thus participate in its construction. The second unit of the Baltic NPP should be completed by 2018. The total planned power capacity shall be 2,300 MW.

The Belarus project is primarily aimed at the domestic market, and the Kaliningrad NPP is constructed with the intention to export its energy abroad, as the Kaliningrad district shall not need such an amount of electric power. According to the view of the expert of V. Miškinis from the Lithuanian Energy Institute, the Baltic NPP is constructed or it is worth being constructed in Kaliningrad district with the aim of exporting electricity to Germany and other Western countries. In principle, a part of the electric power generated by the NPP may be used by the Baltic region. This also concerns Lithuania, bearing in mind that energy systems of the Baltic countries are integrated into the Unified Power System/Integrated Power System (UPS/IPS).

In 2010, Lithuania shall need approximately 9.1 terawatt-hours (TWh) of electric power. It is expected that up to 3 TWh shall be generated by the Lithuanian power plant in Elektrėnai, 0.35 TWh – by renewable sources (hydro electrical power plant, wind power plants), up to 1.15 TWh – by national thermal power plants, and 1 TWh shall be purchased under a preliminary agreement with Estonia. Thus, 5.5 TWh shall be ensured by preliminary contracts. The other part, i.e. about 35 percent of electric power shall be purchased at market prices from Estonia, Latvia, and the Scandinavian countries, Ukraine, Russia and Belarus. In the future, it shall be necessary to import a significant proportion of electric power, unless NPP shall be constructed in our country, which is very doubtful.

Lithuania has very ambitious plans for the construction of the new NPP in its territory, but these are difficult to implement. Ways of implementation of projects of this kind in Lithuania have been well-demonstrated by the case of LEO LT, and there is no reason to think that the next experiment shall be a far more successful: the internal political bickering is a traditional feature of Lithuanian political and economical life, and the expert potential of Lithuania and its Ministry of Energy in the are of nuclear energy is very limited. Secondly, the NPP is too expensive for Lithuania: it is estimated that investment into the construction of new NPP can reach about 3-5 billion Euro. In other words, it needs partners, the number of which is not yet clear, and with whom long and

boring negotiations on the agreement of various project components shall take place.

Furthermore, the progress of Russian and Belarusian NPP construction is quite rapid comparing to Lithuania, where the company Visagino Atominė Elektrinė, which is engaged in project development of the new Lithuanian nuclear power plant (NPP), and the company "Deloitte Lithuania" have just signed a contract on 29 March, 2010, according to which the international expert team is committed to assess the Lithuanian business opportunities to participate in the construction project of the new NPP. First of all, the existing business abilities of the Baltic states (Lithuania, Latvia and Estonia) and readiness to take part in new NPP construction project shall be identified and evaluated. The second phase shall include development of strategy and action plan for Lithuanian institutions and business, which would assist in adequate preparation for participation in the NPP project.

The probability that the Baltic region shall have not two, but three NPPs are is low because the perspectives of the Lithuanian project are more than doubtful. Therefore, it will be necessary for Lithuania to import a significant proportion of electricity from abroad, and not only from the EU countries.

Economic interest groups influence on trading natural gas

Evaluation of the efficiency of the action undertaken by the economic interest groups is of great importance for development of the uniform opinion, that in turn calls for objective evaluation of the profits received due to and costs spent by the economic entities for participation in the shared action. Papers of some economists provide analysis of both the economic interests groups and impact they make for the entities that make and implement strategic decisions. On the other hand, the lack of the analysis of the efficiency of the action undertaken by the economic interest groups with respect to the microeconomics, when evaluating the profits received from the shared action and the costs related to that with respect to the economic entity, as well as a shortage of the original patterns to demonstrate efficiency of the shared action undertaken by the economic interest groups are obvious. Economic interest groups may cause creation of collusive institutions.

A collusive institution is a formal (explicit) agreement among firms. It is a formal organization of producers that agree to coordinate prices and production. (Sullivan, Sheffrin, 2003). Collusive institutions usually occur in an oligopolistic market, where there is a small number of sellers and usually involve homogeneous products. Collusive institution's members may agree on such matters as price fixing, total industry output, market shares, allocation of customers, allocation of territories, bid rigging, establishment of common sales agencies, and the division of profits or combination of these. The aim of such collusion is to increase individual members' benefit by reducing competition.

Competition laws oft forbid collusive institutions. Identifying and breaking up collusive institutions is an important part of the competition policy in most countries, although proving the existence of a collusive institution is rarely easy, as firms are usually not so careless as to put agreements to collude on paper (Khemani, Shapiro, 1993).

A distinction needs to be drawn between public and private collusive institutions. In the case of public collusive institutions, the government may establish and enforce the rules relating to prices, output and other such matters. Different economic interest groups could be examples of public collusive institutions, as well as labor unions. In many countries, depression collusive institutions have been permitted in industries deemed to be requiring price and production stability and to permit rationalization of industry structure and excess capacity. In Japan for example, such arrangements have been permitted in the steel, aluminum smelting, ship building and various chemical industries. Public collusive institutions were also permitted in the United States during the Great Depression in the 1930s and continued to exist for some time after World War II in industries such as coal mining and oil production. Collusive institutions have also played an extensive role in the German economy during the inter-war period. International commodity agreements covering products such as coffee, sugar, tin and more recently oil (OPEC) are examples of international collusive institutions which have publicly entailed agreements between different national governments. Crisis collusive institutions have also been organized by governments for various industries or products in different countries in order to fix prices and ration production and distribution in periods of acute shortages.

States having energy resources at their disposal, have gained enormous importance in the international arena, while the energy policy is often used as a lever for their own interests. Energy resources are becoming even more powerful weapons, if the countries owing them are joining organizations. A prime example of this may be illustrated by the Organization of the Petroleum Exporting Countries (OPEC), which has been dictating the world its conditions for already several decades.

The energy lever had been already used in the past by the OPEC. The 1973 petroleum crisis is known as the worst energy crisis. At that time, OPEC cut the volumes of petroleum extraction not only due to the world petroleum prices, but also in order to make a political impact on the world community and reduce the support of Western countries for Israel. The situation prevailing at that time has showed the dependency of the advanced countries on the petroleum price, which has only being increased recently.

As concerns available gas reserves, Russia ranks first in the world, Iran is the second, and Qatar only is the third. While the countries having the largest

gas reserves highlight the spirit of cooperation in the field of gas export, it means that maybe “gas OPEC”, an organization that brings together the largest gas producers and exporters, is being created.

Russia would gain economically from the “gas OPEC” agreement, as it could control gas production levels and world prices. The gas cartel would give Russia a possibility to strengthen its positions with respect to China, since China's economy needs lots of energy sources, that China itself has not enough.

Qatar seeks to maximize the economic benefits, since the country’s political focus are sufficiently neutral in the international arena. Both the country's social programs and Qatar's development of investment and innovation are based on billions gained from energy exports. Therefore, the establishment of such cartel is mostly interested from an economic point of view. The economy is based on petroleum extraction and refining. With the aim to reduce the country's dependence on petroleum, the government promotes fishing and agriculture. In the fifth decade, countries with lower petroleum extraction, such as Qatar and Kuwait, began to invite workers from other regions of the Middle East, India and Pakistan. Their own workforce was not enough for the rapidly growing petroleum industry. Currently, there are more immigrants than local people. Therefore, the country's economy needs vast funds for energy export.

In order to influence the global gas sector on the monopoly basis, piping systems should be developed. Such a system does not make great problems for Russia. Meanwhile, Iran does not have such, but most of the gas produced due to poor energy development in the country is consumed in the domestic market as fuel or as a source of electric power generation. Qatar also does not have a powerful gas export line.

Conclusions

1. Analysis of the theoretical concepts on the efficiency of the action undertaken by the economic interest groups completed revealed inequality and in some cases even contrariety of the evaluations of the action undertaken by the economic interest groups. According to some researchers the economic interest groups contribute to the boost of the society’s prosperity, while according to the others collusive institutions tend to emerge due to the economic interest groups.
2. For Lithuania it is impossible to replace the natural gas by alternative resources (renewable energy sources, nuclear energy) in various sectors of Lithuania at least in the medium term, even just because of renewable resource development costs and because of the lack of the resources themselves (e.g., biofuels, solar, wind, water energy).
3. As concerns available gas reserves, Russia ranks first in the world, Iran is the second, and Qatar only is the third. While the countries having the largest gas reserves highlight the spirit of cooperation in the field of gas export,

it means that maybe “gas OPEC”, an organization that brings together the largest gas producers and exporters, is being created.

4. The probability that the Baltic region shall have not two, but three NPPs are is low because the perspectives of the Lithuanian project are more than doubtful. Therefore, it will be necessary for Lithuania to import a significant proportion of electricity from abroad, and not only from the EU countries.

BIBLIOGRAPHY

1. Литовский эксперт: Энергия с Балтийской АЭС может частично потребляться и в Прибалтике http://www.regnum.ru/news/ 1211809.html, 2009.
2. Bennett, R.J. The impact of European Economics Integration on Business Associations: The UK Case. West European Politics, 1997.
3. Bishop, Simon and Mike Walker: The Economics of EC Competition Law. Sweet and Maxwell, 1999.
4. Bouwen, P. Corporate Lobbying in the European Union: The Logic of Access. Journal of European Public Policy, Vol. 9, No 3, 2002
5. Connor, John M.: Global Price Fixing: 2nd Paperback Edition. Heidelberg: Springer, 2008
6. Elster, J. Nuts and Bolts for the Social Sciences. Cambridge: Cambridge University Press. 1989
7. Gordon, S. B. All votes are not created equal: campaign contributions and critical votes Journal of politics, 63 (1), 2001
8. Holmstorm, B. & Tirole J. The Theory of the Firm Handbook of Industrial Organization, Vol. I, Amsterdam: North-Holland, 1989
9. Horowitz, S. & Marsh, C. Explaining regional economic policies in China: interest groups, institutions, and identities, Communist and post-communist studies. Oxford, 2002.
10. Khemani, R. S. and D. M. Shapiro: Glossary of Industrial Organisation Economics and Competition Law1993.
11. Levenstein, Margaret C. and Valerie Y. Suslow. What Determines Collusive institution Success? Journal of Economic Literature 64 (March 2006).
12. Mahoney, C. The power of institutions State and interest group activity in the European Union European union politics, 5 (4). 2004
13. Morris, M.W. Su, S.K. Social psychological obstacles in environmental conflict resolution American behavioral scientist, 42 (8), 1999.
14. Olson, M. The Rise and Decline of Nations. New Haven: Yale University Press 1982.
15. Sullivan, Arthur; Steven M. Sheffrin Economics: Principles in action. Upper Saddle River, New Jersey 07458: Pearson Prentice Hall 2003.

16. The collusive institution of good intentions, Foreign Policy, Washington, Jul/Aug 2002,
17. Tirole, Jean: The Theory of Industrial Organization. The MIT Press, Cambridge, Massachusetts 1988

EFFECT OF EUROPEAN UNION MEANS ON THE DIVERSIFICATION OF ECONOMIC ACTIVITY IN THE RURAL AREAS OF WIELKOPOLSKA VOIVODESHIP

Dubownik A., PhD student
Institute of Socio-Economic Geography
and Spatial Management
Adam Mickiewicz University in Poznan, Poland
annadbv@amu.edu.pl

Since the beginning of Poland's integration with the European Union, modernization of the agricultural sector has been one of the most difficult yet inevitable processes. Now these changes are increasingly marked, chiefly because farms have been absorbing EU funds on a large scale. The huge investments in rural areas are aimed at modernization and market stability of economically robust farms as well as eliminating production on poorly performing farms. Food processing and sales of food products are gaining in importance at the expense of the role of agriculture in food management. In rural areas, developing other forms of agricultural activities, the resultant creation of new jobs in non-farm sectors related to agriculture and its environment have become as important as agriculture itself [3].

Support for non-farm activities in rural areas was the goal of two programmes: SAPARD before Poland's accession in 2002-2004 – activity 4. "Diversifying economic activity in rural areas" followed by the Sectoral Operational Programme "Restructuring and modernization of the food sector and development of rural areas" (SOP Agriculture) in 2004-2006. The post-accession programme continued the former activities under the name: 2.4

Diversification of farming and farming-like activity in order to ensure diversified activities or alternative sources of income. The currently administered EU funds include activity 3.1 Diversification towards non-farming activity as part of the Rural Areas Development Programme 2007-2013. This work pertains to analysing the spatial distribution of absorption of funds allocated as part of SAPARD and SOP Agriculture programmes by farmers or their household members in Wielkopolska (Greater Poland) communes. While activity 4. SAPARD was also dedicated to local authorities and entrepreneurs,

this article considers only scheme 4.1 which accounted for the beneficiaries (farmers) to create sources of extra income.

In my survey, I took into consideration rural communes and combinations of metropolitan and rural communes in Wielkopolska voivodeship because both above mentioned activities include restrictions on the size of the location measured by the number of inhabitants. The successive analyses employ data provided in the National Agricultural Census 2002 on the total number of households in communes even if the EU beneficiaries can only be producers registered in the Agency for Restructuring and Modernisation of Agriculture (ARMA). Research conducted by R. Rudnicki [7] suggests that, according to ARMA data, in Wielkopolska voivodeship the share of production farms in the total number of farms as provided by Poland's Central Statistical Office (GUS) is very large and exceeds 80% against the national average of 71.8%.

Rural areas in Wielkopolska voivodeship

Despite the high general level of agriculture, a large part of rural areas in Wielkopolska voivodeship represents less favoured areas (LFA). These are lowlands where the quality ratio of agricultural production environment does not exceed 56 points in the case of lowland area 1 and 52 points in lowland area 2 (cf. Figure 1). It is quite clear that communes in central and southern Wielkopolska enjoy the best conditions for agricultural development. In the remaining areas of the voivodeship, actions should be instigated to diversify economic activity leading to multi-functional development of rural areas. Such development is the basic strategy in levelling regional differences in economic growth [4]. As a survey conducted by Bański [2] suggests, the biggest number of companies involved in non-farm business render services related to agriculture, retail, tourism, transport and accommodation. When services directly related to agriculture are left disregarded, it turns out that the desired changes in the functions of rural areas are extremely slow despite the relevant EU programmes.

The rural areas of Wielkopolska voivodeship host 138.9 thousand farms among which 61.6% are farms involved solely in agricultural activity while only 3.8% of the farms were involved strictly in non-farm operations. Farms involved in agricultural and other activities represented 17.3%. The same held true for the fourth category of farms, namely not involved in any economic activity. In order to measure the level of non-farm operations carried out on farms, the ratio employed was the share of farms undertaking non-farm activities (exclusively or together with farming) in the total number of farms [6].

In Wielkopolska voivodeship, the resultant indicator averaged on 21.2%. It was highest in the rural parts of combined metropolitan and rural communes and in communes surrounding county towns.

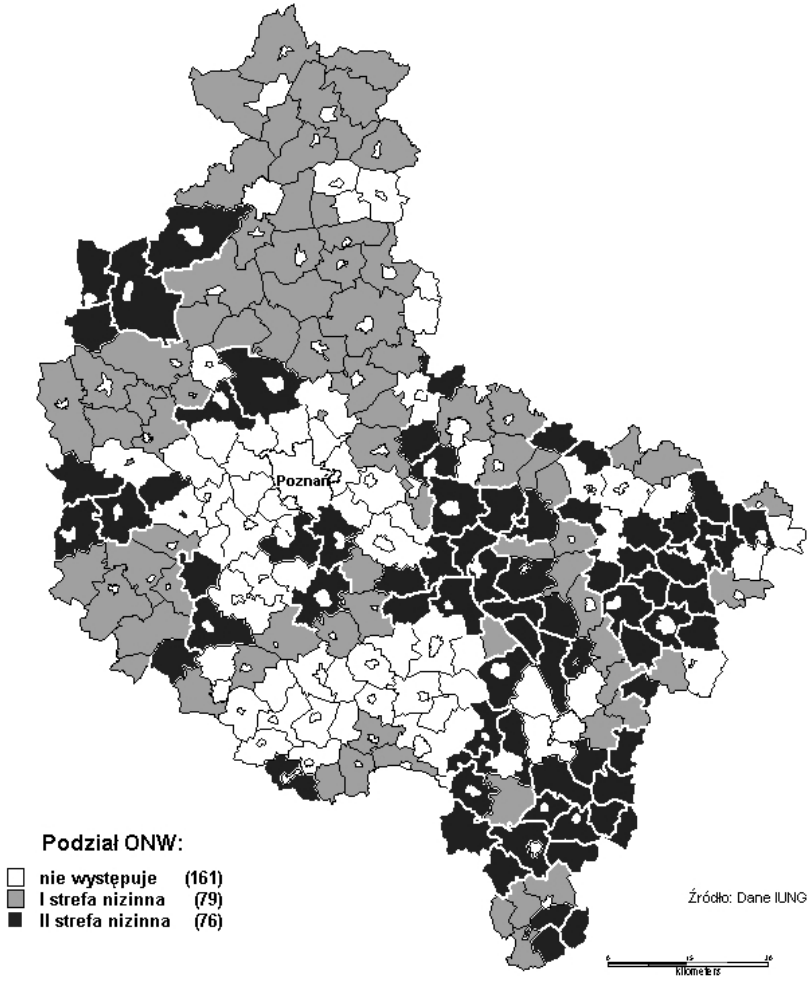


Figure 1. Less favoured areas in Wielkopolska voivodeship
Source: Kołodziejczak A. 2006. Natural conditionings of the spatial structure of agriculture in Wielkopolska.

In Poznań commune, the indicator in all counties except for Stęszew exceeded 15% which is a perfectly natural phenomenon. In four communes adjacent to the city of Poznań, over 25% of farms were involved in non-farm activities. Communes enjoying the highest ratio also tended to accumulate

around the city of Leszno, Krotoszyn, Kalisz, Konin, Koło and Wągrowiec. On the other hand, in less favoured areas the ratio tended to be below the average. The only exceptions were communes of Miedzychód and Nowy Tomyśl counties, most certainly owing to special tourist values in those areas.

The above mentioned analysis led to separating 3 problem areas in the region with respect to the shortage of non-farm activities in rural areas. In the northern part of the voivodeship: communes of Czarnków and Trzcianka counties, in the eastern part – communes of Turek, Konin, Słupia counties and in the southern part – communes of Ostrów and Ostrzeszów counties.

EU funds dedicated to business non-farm activities carried out on farms in rural areas

Support for the multi-functional development of rural areas is among the goals of the Common Agricultural Policy. As early as two years before Poland's accession to the EU, inhabitants of rural areas in Poland had been beneficiaries of SAPARD funds earmarked to diversify business activity. This article includes as beneficiaries only farmers or members of their households who could employ funds as part of scheme 4.1 of the above mentioned programme before Poland's accession to EU. The programme was targeted at creating sources of extra income. After Poland's accession, the above was somewhat continued in activity 2.4. of the Sectoral Operational Programme "Restructuring and modernisation of the food sector and development of rural areas" entitled "Diversifying farming and farming-like activity to ensure diversity of activities or alternative sources of income". As part of both activities, the beneficiaries could receive subsidies amounting to 50% of the investment's eligible costs paid in the realm of:

- services for farms,
- tourist services,
- small-scale production (craftsmanship, handicraft),
- building construction services,
- transport and storage services,
- direct sales of products coming primarily from own farms and other. [8], [9].

For both programmes, the criteria of funds accessibility were similar. These activities were targeted at farmers from counties endangered with particularly high structural unemployment and with small taxable income. In a farm household, there should be no more than 15 conversion hectares of agricultural land per one working person. In the case of SAPARD, extra points were scored for the beneficiary's young age while in SOP Agriculture, the beneficiary's farm was to fulfil the economic size criterion adopted for Poland.

Two indicators were adopted as the characteristics of EU funds absorption: the number of processed applications per 1,000 farms in the

commune and the average subsidy per application (Pln). The Figures below present the quoted indicators totalled for SAPARD and SOP Agriculture programmes.

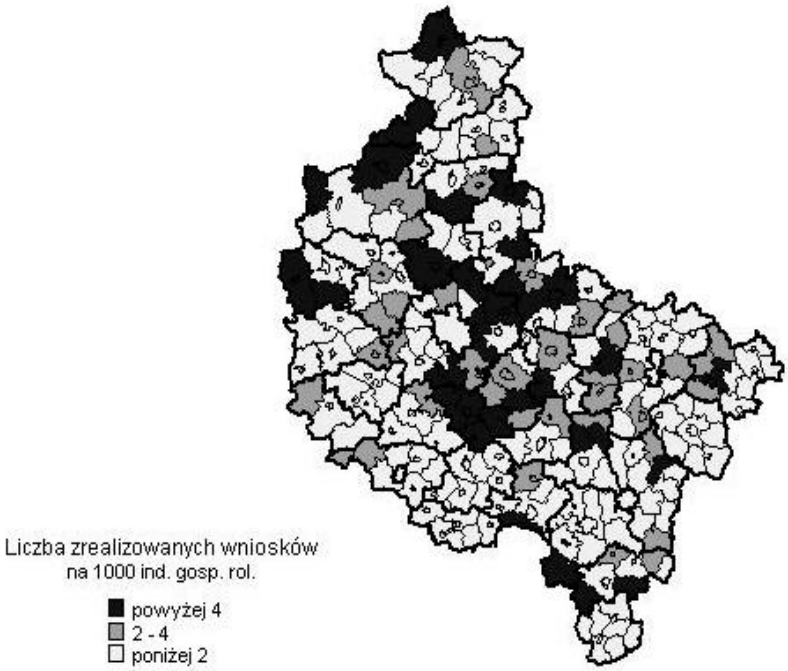


Figure 3. Number of processed applications per 1,000 farms in Wielkopolska voivodeship.
Source: own work on the basis of data from ARMA's Management Information System

Bearing in mind the first indicator, it is quite clear that both were "pilot" activities. As for SAPARD, the indicator in the entire voivodeship revolved around one processed application. Slightly more projects in the relevant activity were completed as part of SOP Agriculture. The largest number of projects was conducted in Brodnica commune, Śrem county, followed by Słupca commune. The voivodeship's average amounted to 2 projects per 1,000 farms (cf. Figure 3). An analysis of the spatial distribution of absorption referred to with the average subsidy per application suggests that the accession programme was of greater importance. The total value of an average project in the voivodeship's communes amounted to Pln 36.4 thou. for SAPARD programme while for SOP Agriculture it was Pln 52.5 thou. Communes with a high average project value were located in the north and north-west of the voivodeship, in Złotów, Czarnków, Trzcianka and Międzychód counties. As for the SOP programme, a

number of communes enjoyed the average project value of Pln 100 thou. The communes are accumulated south of the city of Poznań in Poznań, Środa, Jarocin, Gostyń and Krotoszyn counties i.e. areas with dominant intensive agricultural economy.

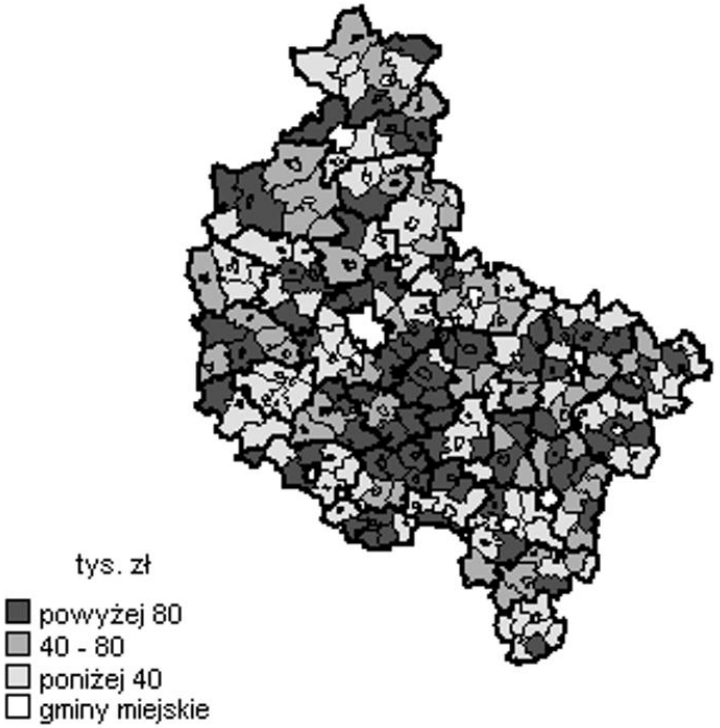


Figure 4. Average subsidy per application (Pln).
Source: own work on the basis of data from ARMA's Management Information System

Bearing in mind the formerly delineated problem areas, one can note that both programmes were active in the communes of Czarnków and Trzcianka county. One could conclude that the EU funds have contributed to developing non-farm activities in rural areas. The situation is less favourable in the eastern and southern communes of Wielkopolska voivodeship. The number of

processed applications and the average project value suggest that the lowest ratios occurred in the communes of Turek county and in the southern part of Konin county. These phenomena were accompanied by a small share of farms undertaking non-farm activities. Communes in Ostrów and Ostrzeszów counties faced a similar situation.

Summary

An analysis of the impact of EU funds on diversification of business activity in the rural areas of Wielkopolska voivodeship indicates that a multi-functional growth of rural areas takes place naturally in the vicinity of large cities. One of the findings included the impact of EU funds on functional transformations of communes located in environmentally valuable areas and those offering tourist services (communes of Czarnków and Trzcianka county, Międzychód and Nowy Tomyśl counties). I also highlighted areas with underdeveloped non-farm activities in rural areas which call for special attention. In these areas, the effectiveness of investments co-financed with EU funds tends to be poor. It is worth emphasizing that the funds earmarked now (Rural Areas Development Programme 2007-2013) for diversifying business activities in rural areas are much bigger and one should hope that their impact on Wielkopolska voivodeship will be stronger.

BIBLIOGRAPHY

[1] Bański J., 2004. Możliwości rozwoju alternatywnych źródeł dochodu na obszarach wiejskich, Studia Obszarów Wiejskich, tom 5 [Opportunities to develop alternative sources of income in rural areas, Studies of Rural Areas, volume 5], pp. 9-22. Warsaw.

[2] Bański J., 2006. Przestrzenny wymiar współczesnych procesów na wsi. Studia Obszarów Wiejskich, tom 9 [The spatial dimension of contemporary processes in the country. Studies of Rural Areas, volume 9]. Warsaw.

[3] Duczkowska-Małysz K., 1998. Rolnictwo, wieś, państwo. Wokół interwencji państwa w sferę wsi i rolnictwa [Agriculture, the country, the state. About the state's intervention in the country and agriculture]. Wydawnictwo Naukowe PWN. Warsaw.

[4] Kołodziejczak A., 2008. Wsparcie wielofunkcyjnego rozwoju obszarów wiejskich poprzez fundusze programu SAPARD [Support for multifunction development of rural areas by means of SAPARD funds]. [W:] Przedakcesyjny [5] Program Rozwoju Rolnictwa i Obszarów Wiejskich SAPARD – studium przestrzenne, Rudnicki R. (red.), Biuletyn Instytutu Geografii Społeczno-Ekonomicznej i Gospodarki Przestrzennej Uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu, Seria Rozwój Regionalny i Polityka Regionalna, nr 2, Bogucki Wydawnictwo Naukowe, Poznań. pp. 161-192.

[6] Rudnicki R., Biczkowski M., 2004. Zróżnicowanie przestrzenne i uwarunkowania pozarolniczej działalności gospodarstw rolnych w województwie kujawsko-pomorskim. Studia Obszarów Wiejskich, tom 5. [Spatial diversification and conditioning of non-farm activities conducted on farms in Kuyavian-Pomeranian voivodeship. Studies of Rural Areas, volume 5, Warsaw. pp. 103-121.

[7] Rudnicki R., 2009, Renty strukturalne jako czynnik przemian agrarnych i demograficznych w rolnictwie polskim w latach 2004-2006, [Structural pensions as a factor facilitating agrarian and demographic transformation in Poland in 2004-2006], Bogucki Wydawnictwo Naukowe, Poznań, p. 197.

[8] Sektorowy Program Operacyjny „Restrukturyzacja i modernizacja sektora żywnościowego i rozwój obszarów wiejskich", 2004, Narodowy Plan Rozwoju na lata 2004-2006 [Sectoral Operational programme "Restructuring and modernisation of the food sector and development of rural areas, Ministry of Agriculture and Rural Development, Warsaw.

[9] SAPARD. Operational Programme for Poland. 2004. Ministry of Agriculture and Rural Development, Warsaw.

РОЛЬ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ В РАЗВИТИИ НАУКОЕМКИХ ОТРАСЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ НАНОИНДУСТРИИ ФРАНЦИИ)[51]

Зобов А.М., к.э.н., профессор,
заведующий кафедрой маркетинга
экономического факультета
Российского университета дружбы народов,
a_zobov@mail.ru

Происходящие в России изменения в политической сфере, ставящие целью модернизацию экономики и посткризисное развитие на основе технологических инноваций, требуют внимательного изучения опыта ведущих стран мира в развитии наукоемких отраслей. Одним из возможных «локомотивов» будущего технологического развития, по

[51] Доклад подготовлен при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Разработка теоретических основ управления конкурентоспособностью предприятий промышленности и создание стратегии инновационного развития союзного государства Белоруссия-Россия в кризисных и посткризисных условиях»), проект № 10-02-00-685а/Б

мнению многих экспертов, выступает такая глобальная межотраслевая сфера экономики как *наноиндустрия.*

Форсированное развитие наноиндустрии происходит последние 10-15 лет и практически все ведущие страны – начиная от таких крупных как США, Китай, Россия, и заканчивая относительно небольшими, как Израиль и Финляндия, активно включились в глобальную конкуренцию в области фундаментальных и прикладных исследований и их коммерциализацию в области нанотехнологий.

В России развитие нанотехнологий получило приоритетное значение и с целью содействия реализации государственной политики в сфере нанотехнологий в 2007 году в России была, как известно, создана ***Государственная корпорация «Российская корпорация нанотехнологий» (РОСНАНО)*** с уставным капиталом 130 млрд. рублей.

Как показала практика деятельности РОСНАНО, эта государственная корпорация представляет собой фактически инвестиционный фонд, ориентированный в основном на финансирование научных проектов, находящихся на поздней стадии разработок. Реализуя инвестиционные задачи, РОСНАНО, вместе с тем не решала и не решит проблемы ускоренного развития наноиндустрии на уровне фундаментальных и прикладных исследований. Мировой опыт демонстрирует здесь необходимость формирования комплесных научно-образовательных систем, опирающихся на различный уровень интеграции участников наноиндустрии, масштабы и территориальную определенность. Наиболее развитый характер такой интеграции достигнут в кластерной модели. Примером ее реализации может служить нанокластер в Олбани штата Нью-Йорк (США), который является одним из мировых лидеров в развитии наноиндустрии в области микроэлектроники. На относительно небольшой территории в течении последних 20 лет путем объединенных усилий федерального правительства США, властей штата Нью-Йорк, Университета штата Нью-Йорк, крупнейших мировых корпораций создан мощный центр развития наноиндустрии, охватывающий все этапы жизненного ее цикла – от фундаментальных исследований до промышленного производства микрочипов на основе нанотехнологий. При этом общий объем инвестиций составил более 50 млрд. долл., что является беспрецедентным в сравнении с другими странами.

Подобный кластерный подход, реализуемый в США, во многом будет использован при реализации инновационного проекта «Сколково» в России. Вместе с тем, констатируя масштабы и мировое лидерство известных американских кластеров, необходимо учитывать, что в начале их развития инновационный процесс организационно шел в рамках *научно-образовательных центров (НОЦов).*

Для России создание и успешное развитие инновационного кластера «Сколково», даже при достаточном финансировании, предполагает в соответствии с мировой практикой развитие такой интеграции именно в виде НОЦов. Научно-образовательные центры, аккумулирующие научные проекты и образовательные программы выступают исходными точками роста, одной из основных задач является подготовка необходимого количества специалистов в области нанотехнологий. Следовательно, изучение подобной мировой практики позволит более эффективно и целенаправленно решить стратегически важную задачу участия России в формировании отечественной наноиндустрии.

В настоящее время, достаточно развитый характер практика развития НОЦов реализуется странах ЕС, в том числе, во Франции. Французский опыт развития НОЦов показателен тем, что, даже при относительно ограниченных финансовых ресурсах можно охватывать достаточно широкий спектр исследований в области нанотехнологий и формировать национальные школы исследователей и разработчиков.

Во Франции в настоящее время действуют 9 НОЦов в области нанотехнологий, что отражает в общем достаточный по европейским масштабам уровень развития научных исследований в данной области. Все французские НОЦы созданы и реализуют проекты в структуре крупных технических университетов и высших технологических школ, что находится в русле общемировой тенденции старта развития нанотехнологий с соответствующего центра крупного классического или технического университета.

Необходимо отметить, что среди данных НОЦов нет явных национальных лидеров в области научно-образовательных проектов по нанотехнологиям. Каждый их существующих НОЦов представляет структурно обособленное подразделение, как правило, реализующее смежные с нанопроектами, научные исследования. Численность научных сотрудников и исследователей не превышает 40-100 чел., что отражает ограниченность выполняемых проектов по своим масштабам и сфере исследования.

Среди наиболее крупных французских НОЦов можно выделить *Институт электроники, микроэлектроники и нанотехнологий Университета Лиль 1*. О масштабах его деятельности свидетельствует следующие данные. Количество сотрудников: более 500 человек: 112 профессоров, 46 исследователей, 112 инженеров и технических работников, более 194 докторантов и постдокторантов, около 41 студентов-магистрантов и стажеров. При этом нанотехнологии выступают как одно из нескольких направлений исследования и обучения в области

микроэлектроники, что означает количество специалистов, реально занимающихся нанотехнологиями, составляет около 100-150 чел.

Другим крупным центром Франции в области нанотехнологий выступает Совместный франко-американский проект «Наночастицы и окружающая среда» на базе Университета имени Пьера и Марии КЮРИ в Париже. Американские и французские ученые объединились в рамках Ассоциации международных исследований (GDRI) для изучения влияния наночастиц на окружающую среду. Этот проект, названный Международным Консорциумом по влиянию нанотехнологий на окружающую среду (ICEINT (International Consortium for the Environmental Implications of Nanotechnology)) усилил уже существующее с 2001 года сотрудничество нескольких научных лабораторий, в том числе, иностранных. С французской стороны в нем участвуют 9 лабораторий: (CNRS, CEA, Universités d'Aix-Marseille I и III, Universités Joseph Fourier de Grenoble, Paul Verlaine de Metz, Paul Sabatier de Toulouse, Université Pierre et Marie Curie (UPMC), Université de Strasbourg), и 8 университетов с американской стороны.

Общей особенностью практически всех французских НОЦов в области нанотехнологий является их специализация на «нанофизике», прежде всего, микроэлектроники, наночастицах, и т.д. Более мелкие НОЦы выполняют роль «ведомых» в общем потоке исследований и не ставят задач комплексного, широкого охвата исследуемых проблем.

Организационной основой развития крупных французских НОЦов является Национальная сеть больших технологических централов, предназначенных для базисных технологических исследований (RTB). Так с 2003 года Институт электроники, микроэлектроники и нанотехнологий Университета Лиль 1. входит в RTB. Одна из основных задач этой сети, основанной Министерством научных исследований и Национальным центром научных исследований (CNRS) – это поддержка развития академической науки во Франции путем предоставления в распоряжение государственных научных организаций лучшего оборудования и компетенций в области микро- и нанотехнологий.

В отношении финансирования французских НОЦов нельзя выделить какую-то характерную модель. Практически все исследованные НОЦы получают смешанное финансирование, как из источников ЕС, так и целевого финансирования со стороны центрального правительства, различные гранты. Так, годовой бюджет Института электроники, микроэлектроники и нанотехнологий Университета Лиль 1 составляет 30 млн. евро, из которых государственные гранты – 3 млн. евро, контракты и заказы со стороны компаний – 8 млн. евро, и основную часть

финансирования представляет непосредственное финансирование за счет бюджета Университета Лиль 1.

Не выявлены факты значительной финансовой поддержки со стороны промышленных компаний. Хотя в каждом НОЦе констатируется сотрудничество с 10-20 компаниями и корпорациями, в основном, французскими.

Заметной особенностью НОЦов в области нанотехнологий Франции следует считать значительный, иногда определяющий образовательный компонент. **Во всех НОЦах действуют учебные программы подготовки в области нанотехнологий.** Такие программы включают два основных типа.

Первый тип образовательных программ, так называемая магистерская программа 2., которая длится один год и предполагает наличие у студента базового технического образования. Типичным примером такой программы является программа «Магистр в области электроники, оптики и нанотехнологий», Университета Париж 13. Цель программы - подготовка технических специалистов в области электроники, оптоэлектроники и промышленной оптики с ориентацией на высокие технологии. Подобный тип программ в области нанотехнологий является наиболее массовым для Франции (количество всех обучающихся можно оценить на уровне 250-300 чел.) и предполагает возможность подготовки специалистов в области нанотехнологий среднего уровня квалификации. Данная программа университета Париж 13 реализуются с 2006 г. совместно с Департаментом физики и электроники Института Галилея и Лицеем имени Поля Эдуарда в Сан-Дени.

В магистерской программе Института электроники, микроэлектроники и нанотехнологий Университета Лиль 1 имеется 3 специализации:

- микро- и нано-технологии (MNT) – техники производства и интеграции материалов и электронных составляющих;
- телекоммуникации (TELECOM) – анализ и создание телекоммуникационных решений с использованием нанотехнологий во всех отраслях
- системы коммуникации радиочастот (SysComRF) – высокие технологии на службе потребителя.

Также существует специальная программа, - Master MiNT, которая ориентирована на научные исследования, проводимые в научных лабораториях международного уровня и которая открывает студенту путь для написания докторской диссертации.

Второй тип учебных программ – это базовая полная подготовка в области нанотехнологий. Примером таких программ выступает 5-летняя

программа в Высшей инженерной школе, кампус в Рене (INSA Rennes). Специальность «Материалы и нанотехнологии». Количество студентов-48-50 чел. в год. Для данной программы обязательно изучение английского языка, а также второго иностранного языка. Во время учебного процесса обязательным является прохождение стажировки на предприятии на 4-м курсе во Франции или за границей. Также студенты могут обучаться на последнем курс в одном из университетов-партнеров: США (Rochester), Канада (Montréal), Испания (Madrid, Valence), Тайвань (NTNU), Финляндия (Tampere), Дания (SDU), Бразилия (BRAFITECH), Германия (Aix-la-Chapelle). Данный тип программ можно отнести к уровню подготовки технических специалистов высокой квалификации, обладающих широким профессиональным кругозором и компетенциями, в том числе, полученных в процессе международных обменов.

Во всех НОЦах реализуются программы подготовки аспирантов, которые, как и студенты по базовым магистерским программам, активно участвуют в научных исследованиях, реализуемых в соответствующих НОЦах.

ВЫВОДЫ.

Франция в современных условиях сформировала развитую систему научно-образовательных центров в области нанотехнологий. Даная модель основана на создании и относительно стабильном развитии таких центров на базе ведущих инженерных и технических учебных заведений.

Реализуется «сетевой» принцип развития, дающий возможность, с одной стороны, участвовать в общем тренде развития наноидустрии, с другой, опираться на относительно ограниченные финансовые ресурсы.

Развитие французских НОЦов, во многом подчинено образовательным целям. Научные исследования выступают как необходимая предпосылка и базис формирования достаточного количества специалистов в области нанотехнологий. Относительно масштабные проекты реализуются в кооперации с американским университетами.

С учетом сохраняющегося значительного государственного финансирования французских высших учебных заведений в области инженерных наук, основным источником финансирования НОЦов выступает прямое государственной финансирование в виде финансирования университета в целом. Целевые гранты и заказы частных компаний занимают незначительную долю.

Для России опыт создания и развития НОЦов во Франции важен и именно возможностью достаточно быстрого развития научно-образовательной базы наноидустрии при относительно небольшом финансовом ее обеспечении. Так же принципиальное значение имеет кооперация с ведущими НОЦами других стран.

РАСТУЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ МЕТРОПОЛИТЕНСКИХ РЕГИОНОВ В НЕРАВЕНСТВАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛИЗУЮЩИХСЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Йенеи Л., PhD (География), assistant professor
кафедры экономической географии
факультета бизнес-администрирования
Университета «Корвинус» г. Будапешта, Венгрия
laci@ludens.elte.hu

1. Значение крупных городов в Европе

Одним из наиболее важных региональных процессов в Европе – усиление позиций крупных городов, проявляющееся самым ярким образом в постсоциалистическом пространстве. Экономическая динамика восточных метрополисов имеет двоякое влияние на пространственную структуру континента: с одной стороны внутри сети метрополисов всей Европы экономический разрыв между Востоком и Западом постепенно сокращается, с другой стороны в постсоциалистических странах дихотомия между крупными городами и сельскими местностями становится основным элементом региональных процессов. Хотя общеизвестно, что внутри блока стран Восточно-Центральной Европы (Чешская Республика, Польша, Венгрия, Словакия) образовался западо-восточный склон с уменьшающейся степенью развитости, всё же по большому счёту крупнейшими победителями десятилетия после смены режима (1990-х годов) являются не регионы вдоль западных государственных границ (соседствующие с Германией, Австрией) а крупные города.

Ещё бóльший социально-экономический вес представляют метрополисы в странах постсоветского пространства. Доля людей живущих в городах с численностью населения выше 500 тысяч внутри всего населения страны достигает максимум на континенте в Латвии (32%). Вслед за Ирландией 3–5 места занимают Беларусь, европейская часть России[52] и Украина (23, 22 и 21%) (Рис. 1). В перечисленных странах экономический вес крупных городов превышает их долю в общей численности населения.

[52] Азиатская часть России представлена ещё более высоким показателем (24%).

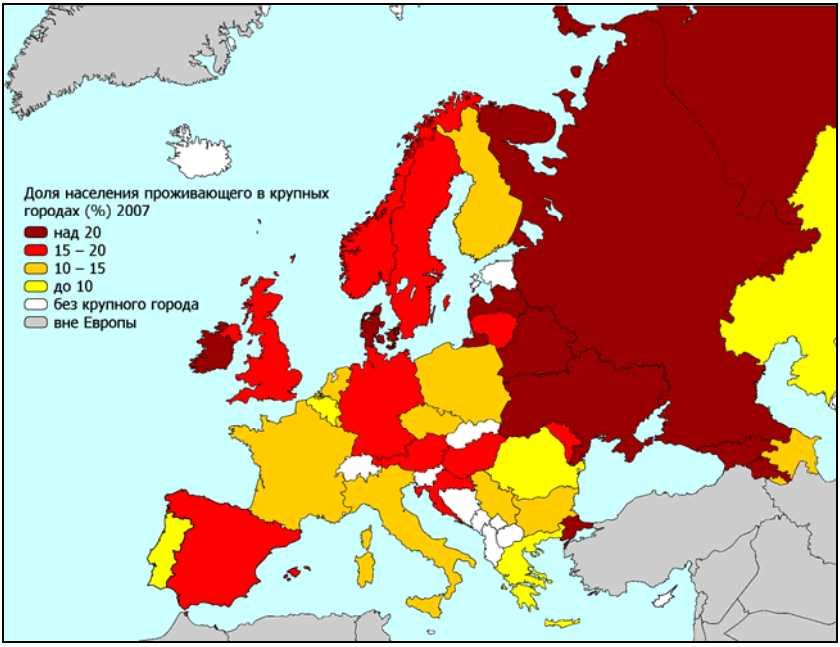


Рис. 1. Доля жителей крупных городов (%) от численности населения стран Европы, 2007. Источник: World Gazetteer [12]

На основе предыдущих видно, что крупные города исполняют важную роль в пространственной структуре многих стран, становясь таким образом ключевыми фигурами региональных процессов. Поэтому успех отдельных стран во многом зависит от экономичесого положения крупных городов, так как преуспевающие метрополисы являются двигателями динамически развивающихся экономик мира. Поэтому одной из важнейших задач при изучении региональных процессов должно быть исследование крупных городов, которое часто даёт объяснение на повышенный темп развития национальной экономики в целом. Географическая наука должна дать ответ на вопрос: какими потенциалами располагают пост-социалистические крупные города, которые могут привести к успеху? Благодаря чему может улучшиться конкурентоспособность городов: благоприятной отраслевой структуре, человеческим ресурсам, более соответствующим рыночным условиям, или лучшим инфраструктурной обеспеченности и географическим связям. Также важным вопросом является, каким образом могут быть

использованы опыты, полученные при изучении крупных городов, для подъёма сельских местностей.

2. Выделение крупных городов в регионально-экономических процессах

Импульсы развития, достигающие крупные города и сельские местности постсоциалистических стран в повороте тысячилетий, отличаются между собой. Общей закономерностью является (гипотеза Уильямсона), что в начале периода экономической конъюнктуры экономически более развитые центры могут пользоваться возможностями, и это в свою очередь ведёт к росту региональных различий. Вопрос заключается в том, какую роль играют крупные города в пространственной структуре постсоциалистических стран.

В настоящем анализе, включающем страны Восточно-Центральной Европы, крупными городами считаются населенные пункты с числом жителей больше чем полмиллиона и Братислава. Таким образом в четырёх странах имеется всего восемь метрополисов: Чехия, Венгрия и Словакия представлены столицами, а полицентричная Польша – кроме Варшавы – четыремя крупными городами (Краков, Лодзь, Познань и Вроцлав). Хотя экономическая развитость является сложным понятием, в нашем случае для измерения степени экономического развития будут служить временные ряды с сайта ЕвроСтат, показывающие изменение ВВП в текущих рыночных ценах в евро на душу населения по NUTS3 между 1995–2004 (Eurostat) [11].

2.1. Измерение дихотомии крупный город–сельская местность

Во всех странах-членах ЕС крупные города принадлежат к развитым элементам пространственной структуры, однако их преимущество над сельскими местностями[53] различается по странам. Для измерения дихотомии может быть использован дуальный коэффициент D_{UR} данной страны

$$D_{UR} = \frac{\bar{y}_U}{\bar{y}_R}$$

где y_U означает среднедушевой ВВП крупных городов, а y_R – среднедушевой ВВП сельских местностей. Наиболее резко выраженная дихотомия крупные города–сельские местности наблюдается в динамически догоняющихся постсоциалистических странах Восточно-

[53] Настоящий очерк рассматривает сельские местности в смысле территориально дополняющим (комплементерном) метрополитенским регионам, т.е. за пределами крупных городов все регионы считаются сельскими. Эти два вместе покрывают всю территорию ичучаемых стран.

Центральной Европы. В 2004-ом г. в ЕС-27 в целом ВВП метрополитенских регионов 1,5-кратно превысил ВВП сельских местностей, в то же время это соотношение было 2,5-кратным в странах Восточно-центральной Европы.

Высокая дихотомия крупные города–сельские местности характерна для постсоциалистических стран. Внутри ЕС-27 максимум контраст наблюдается в Латвии, а за ней следуют четыре страны Восточно-Центральной Европы. В 2004-ом г. среднедушевой ВВП Риги был три раза больше чем тот же показатель для сельских регионов Латвии; значение для Братиславы – 2,7-кратно, Будапешта – 2,6-кратно, Праги – 2,4-кратно, а польских крупных городов 2,3-кратно превысил среднедушевой ВВП для сельских местностей соответствующей страны.

Одновременно пример Польши указывает на тот факт, что среди крупных городов экономическое развитие столиц выделяется на фоне остальных регионов. Доказательство тому – относительное низкое значение этой страны по сравнению с остальными тремя. Однако если остальные метрополисы противопоставить столице и причитать к сельским местностям, Варшава будеть иметь больше чем трёхкратное преимущество над польской провинцией[54]. Таким образом, наивысшая дихотомия наблюдается в Польше в ЕС-27. В литературе имеются ссылки [напр. 2] на то, что по сравнению с остальными постсоциалистическими крупными городами как раз столицы стран Восточно-Центральной Европы имеют наилучшие возможности на присоединение к системе метрополисей Европы, хотя шансы у Братиславы несколько слабее – из-за более низкого числа жителей.

2.2. Взаимосвязь между дихотомией крупный город–сельская местность и экономическим развитием

По гипотезе Уильямсона более высокий уровень экономического развития характеризуется низшими региональными различиями. Как это следует из вышесказанных, дихотомия крупный город–сельская местность является более резкой в странах Восточно-Центральной Европы, чем в старых и более развитых странах-членах ЕС[55]. В странах-членах ЕС корреляция Пирсона рассчитанная между экономической развитостью измеряемой среднедушевым ВВП и дихотомией крупный город–сельская местность свидетельствует о тесной связи ($r = –0,7$), и поддерживает гипотезу Уильямсона.

[54] В этом случае провинция будет включать четыре метрополиса страны (кроме столицы).

[55] Среди старых стран-членов интеграции единственной является Бельгия, где дихотомия столица (Брюссель)–провинция превышает двухкратное значение.

Дихотомия крупный город–сельская местность в постсоциалистических странах является преобладающей не только в статическом, а также и в динамическом отношении, на базе её временного хода. Между 1995 и 2004 этот процесс роста дуализма стал характерным явлением в постсоциалистических странах, и развивался медленнее в более развитых странах с заведомо более низкими значениями. Из выше сказанного следует, что настоящие победителями тренда являются крупные города постсоциалистических стран.

Несмотря на то что процесс глобализации также сопровождался неблагоприятными социо-экономическими и культурными явлениями, большинство статей по теме подчёркивает её фундаментальное значение для развития городской сети [1, 3, 4, 7], главными победителями которого являются «world cities» [5] или «global cities» [10]. Наступившее тысячилетие создает новые условия для развития крупных городов. В глобализующемся мире успех городов зависит от того, насколько они способны интегрироваться в иерархию урбанизованных населённых пунктов мирового масштаба [9]. Это особенно важно для столиц, но другие метрополисы также отделяются от своей провинциальной окрестности.

Таким образом, растущая в постсоциалистических странах дивергенция вытекает из роста преимущества метрополисов. В условиях европейской интеграции и процесса глобализации они занимают более удобные позиции в соревновании городов – они традиционно более богатые, имеют черты агломерирования, развитую инфраструтктуру, транспортные и коммуникационные связи, высокообразованное население, т.е. именно они предпочитаются транснациональными корпорациями, делающими выбор для размещения штаб-квартиры („headquarters”, HQ) своей фирмы. Корпоративные и региональные центры становятся очагами процессов территориального агломерирования. Присутствие территориальной агломерации или способствующие её факторы сами по себе представляют факторы размещения.

Всё это может привести к углублению поляризационных трендов внутри городской сети, вызывая перелом в пользу крупных городов в структуре городской иерархии. Дело не только в том, что лишь несколько городов способно обновиться и ускорить своё развитие за счёт глобализации, а также в том, что возникает глубокий разрыв между ними и уровнями, следующие за ними. Получается, диффузия роста пока ещё не работает внутри городской иерархии.

В ЕС между экономической развитостью (изменение среднедушевого ВВП между 1995–2004) и изменением дихотомии крупный город–сельская местность существует тесная корреляционная

связь (r = 0,7). По всей видимости этот процесс начался ещё до 1995, считаемым базисным годом; свидетелство тому, что порядок стран-членов установился к середине 1990-х годов.

Значит, в общем можно принимать тезис о том, что догоняющие, быстро развивающиеся страны в большей степени поляризуются. Причина заключается в том что внутри постсоциалистических стран только динамические центры способны принимать участие в соревновании будучи победителями смены режима. Рывок экономики произошёл точечным, территориально селективным образом, бэкграунд догоняет только позже, на высшей стадии развития. Доказательство тому пример Греции и Португалии, где роль метрополисов тоже вырос.

Наряду с рыночными процессами – но в меньшей степени – кохезионный фонд играет в пользу крупных городов. В последнее время всё больше внимания обращается к т. наз. теории конвергенции, противопоставляющей территориальные неравенства внутри отдельных стран и в пределах сообщества. Есть аргументы, что кохезионная политика ЕС действует против региональной политики внутри стран. В Испании, например, стимулы для поднятия страны на уровень сообщества и выплаты из Кохезионного фонда были выгодны для пары метрополисов (Мадрид, Барселона), а это привело к усилению неравенств между регионами страны. Экономический подъём страны между 1980 и 1996 произошёл за счёт несколько регионов динамического роста, которые одновременно являются наиболее развитыми (Каталония и Мадрид) [8]. Посколько динамика сосредотачивается всего на нескольких крупных городах, конвергенция более отсталых стран приводит к поляризации внутри периферий, которая проявляется в отношении крупный город–сельские местности. Таким образом, конвергенция на уровне содружества сопровождается дивергенцией внутри отдельно взятых постсоциалистических стран.

3. Роль дихотомии крупный город–сельские местности в дифференциации по развитию

Мера дихотомии крупный город–сельские местности не обязательно может быть отождествлена со значением этого фактора неравенства в пространственной структуре. Иногда прочие факторы (напр. традиционные разделяющие линии, западо-восточный или северо-южный склоны развития, соотношение центр-периферия, расстояние от берега моря) являются намного более определяющими в территориальном неравенстве. В случае сильно разнородных стран резкая дихотомия крупный город–сельские местности не обязательно играет важную роль в общих диспропорциях, в то же время дихотомия крупный город–сельские местности очень низкого уровня может иметь большое значение в

структуре гомогенной страны. Таким образом, понятие дихотомии должно быть отделено от её роли в пространственных диспропорциях.

Дихотомия крупный город–сельские местности в рамках общих диспропорций может быть также эмпирически определена как отношение между индексами Гувера (известны ещё как индексы несходства) подсчитанными для двух территориальных уровней. Один из индексов Гувера (*H*) измеряет общее неравенство по формуле:

$$H = \frac{\sum_{i=1}^{n} \left| x_i - f_i \right|}{2}$$

где *n* выражает число регионов уровня NUTS3 (*n* = 87 в государствах Восточно-центральной Европы), x_i показывает долю *„i"*-го региона от ВВП данной страны, а f_i –долю региона *„i"* от общей численности населения этой же страны. Другой индекс Гувера (H_{UR}) применяется для измерения дихотомии крупный город–сельские местности. В этом случае формула является такой же, как и в первом, в то же время число территориальных единиц меньше на одно (*n* = 2), одно значение – сумма восьми метрополисов, а другое – сумма 79-ти сельских NUTS3 регионов.

Наконец дихотомия крупный город–сельские местности внутри общих диспаритетах (R_{UR}) может быть подсчитана, если индекс Гувера на уровне крупный город–сельские местности (H_{UR}) выразить в процентах от индекса Гувера на уровне NUTS3 (*H*) по формуле:

$$R_{ur} = \frac{H_{ur}}{H}$$

Эти восемь метрополисов представили 12% общей численности населения четырёх стран Восточно-Центральной Европы, и дали 26% их ВВП. Между 1995 и 2004 преимущество крупных городов увеличилось, так как их экономический вес вырос на 3%, однако число их жителей почти не менялось (наоборот, из-за слабого демографического положения крупных городов даже немного уменьшилось). Разрыв между соотношениями ВВП и числа жителей также выражен временным рядом значений индекса Гувера подсчитанных на уровень крупный город–сельские местности, которые выросли с 10 до 14 между 1995 и 2004.

За этот же период внутренние диспропорции стран Восточно-Центральной Европы тоже увеличились (значение индекса Гувера ВВП–население для 87 NUTS3 регионов с 29-ти подскочил к 34-м между 1995 и 2004). Этот рост однако не достиг скорости роста того же индекса

измеренного в контексте крупный город–сельские местности. Из этого следует, что последняя дихотомия составила 34% территориальных диспропорций уровня NUTS3 в 1995, а этот показатель вырос почти до 40% к 2004.

В диаграмме (Рис. 2) высота столбов (тёмная нижняя и светлая верхняя части вместе) показывает региональные диспропорции внутри отдельных стран-членов содружества на уровне NUTS3 регионов. Из них нижняя (более тёмная) часть изображает дихотомию крупный город–сельские местности характерную для стран ЕС. Четыре страны Восточно-Центральной Европы представляют несколько более высокую степень территориальных диспропорций развития.

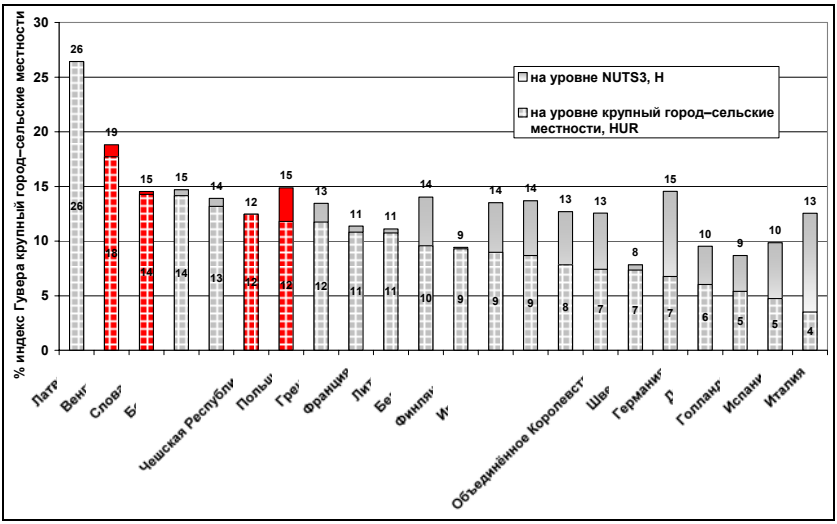


Рис. 2. Территориальные диспропорции внутри отдельных стран-членов ЕС на уровне NUTS3 регионов и значения индекса Гувера в контексте крупный город–сельские местности (2004)

Источник: расчёты автора на основе данных Евростата

Характерная черта постсоциалистических стран, что у них преобладающая часть региональных диспропорций вытекает из неравенств развития крупных городов и сельских местностей[56]. В Чешской Республике индекс Гувера на уровне NUTS3 полностью совпадает с

[56] Для Германии, Италии и Румынии также характерны резкими внутренними диспропорциями регионального развития, однако они не сопровождены значительной дихотомией крупный город–сельские местности.

индексом, рассчитанным для дихотомии Прага–провинция, но и в Словакии и Венгрии дихотомия крупный город–сельские местности представляет собой 98% и 94% соотвественно, в контексте всех диспропорций развития. В Польше почти 4/5 приходится на дихотомию крупный город–сельские местности, в этом отношении она немного отстаёт от трёх других стран, но и это считается высоким значением.

Значения индекса Гувера, рассчитанные для измерения дихотомии крупный город–сельские местности в основном определяется тем, сколько среди крупных городов и сельских местностей оказывается выше среднего по стране. Карта (Рис. 3) изображает позиции крупных городов и сельских местностей по отношению общенационального среднего уровня. Посколько эти средние по странам отличаются, одни и те же цветные оттенки в разных странах выражают разные уровни степени развития.

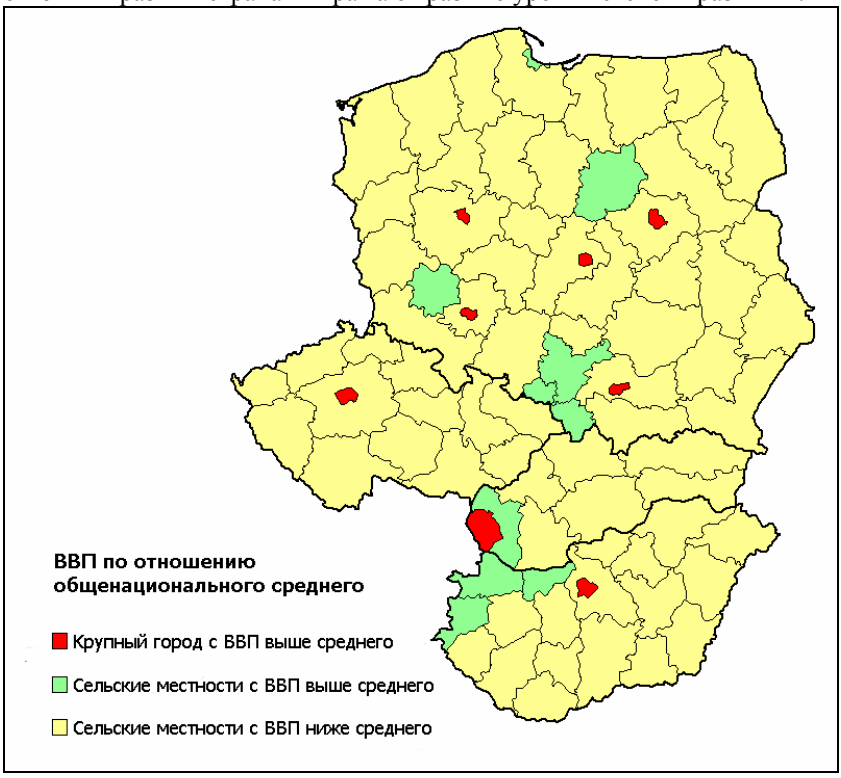


Рис. 3. Степень развития крупных городов и сельских местностей по отношению национального среднего (2004)
Источник: расчёты автора на основе данных Евростата

Основным изменением в пространственной структуре Восточно-Центральной Европы было как раз то, что под влиянием смены режима крупные города постсоциалистических стран, или хотя бы их столицы включились в соревнование между метрополисами континента, которое привело к интенсивной терциеризации и спаду значения обрабатывающей примышленоости. В то же время в сельских местностях промышленность стала носителем динамики, фактором, создающим территориальные диспропорции.

По карте видно, что уровень развития всех восьми метрополисов превышает среднее своей страны, однако среди сельских регионов почти нет таковых. В Чехии их вообще нет, в этой стране только Прага отличается развитостью выше средненациональной. В трёх остальных странах существуют всего 10 таких «высокоразвитых» сельских регионов. Они как правило находятся в западной половине стран, поддерживающая концепцию Горзелака о «центрально европейском бумеранге» [6]. К развитым сельским местностям относятся регион Трнава в Словакии, три медье Трансданубии в Венгрии, более индустриализованные ареалы Силезии или город Гданьск в Польше, который по своему размеру хотя и не является метрополисом, но показывает фундаментальную тенденцию концентрации экономически развитых зон вокруг динамически развивающихся центров.

4. Выводы

Пространственную структуру постсоциалистических стран характеризует резкая дихотомия крупные города–сельские местности, которая с наступлением нового тысячилетия росла дальше. Пример Польши – страны с несколькими метрополисами – показывает, что это столицы, которые в первую очередь являются экономически динамическими регионами. Уровень экономического развития стран-членов Европейского Содружества и степень дихотомии крупные города–сельские местности тесно связаны между собой, поддерживающие гипотезу Уильямсона. Страны Восточно-Центральной Европы являются странами-членами Евросоюза с более значительными региональными диспропорциями, но – что ещё намного важнее – преобладающая часть различий по развитию вытекает из дихотомии крупные города–сельские местности. Причина этому, что это почти исключительно метрополисы, которые превышают среднее значение степени развития страны и среди без одного 80 «сельских» регионов всего 10 оказываются более развитыми среднего.

Всё это обращает внимание на важность изучения конкурентноспособности крупных городов, которая имеет стратегическое значение в исследовании пространственных процессов и в управлении ими. Большинство аналитических работ единогласны в том, что городская сеть Восточно-Центральной Европы – подобно средиземноморскому региону – присоединится ко второму кругу европейских городов [7]. В Восточно-Центральной Европе деиндустриализация начала 1990-х годов – наподобие южных стран – была сменена новой волной индустриализации, основанной на притоке капитала в виде международных инвестиций. Таким образом постсоциалистическое пространство является сценой интеграционного процесса, который через формирование новой экономики ускоряла географическую поляризацию и кроме классических зон урбанизации (как например Голубой банан) формировала также новые оси развития городов (Золотой банан и Центрально-европейский бумеранг). Очевидно, качество и территориальная обширность интеграции во многом зависят от характерных особенностей постсоциалистического пространства.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Beaverstock, J.V. – Smith, R.G. – Taylor, P.J. (2000): World City Network: A New Metageography? *Annals of the Association of American Geographers.* Vol. 90, No. 1 (March), pp. 123–134.

[2] Bourdeau-Lepage, L. (2004): Metropolization in Central and Eastern Europe: Unequal Chances. *GaWC Research Bulletin.* No. 141 (2004), http://www.lboro.ac.uk/gawc/rb/rb141.html

[3] Castells, M. (1993): European Cities, the Informational Society, and the Global Economy. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie.* Vol. 84, No. 4 (September), pp. 247–257.

[4] Derudder, B. – Taylor, P.J. – Witlox, F. – Catalano, G. (2003): Hierarchical Tendencies and Regional Patterns in the World City Network: A Global Urban Analysis of 234 Cities. *Regional Studies.* Vol. 37, No. 9 (Spring), pp. 875–886.

[5] Friedmann, J. (1986): The World City Hypothesis. *Development and Change.* Vol. 17, No. 1 (January), pp. 69–84.

[6] Gorzelak, G. – Kuklinski, A. (ed.) (1992): *Dilemmas of Regional Policies in Eastern and Central Europe.* University of Warsaw, Warsaw. ISBN 8390028387.

[7] Hall, P. (1993): Forces Shaping Urban Europe. *Urban Studies.* Vol. 30, No. 6 (June), pp. 883–898.

[8] Hallet, M.–Garnier, C.–Davies, S. (2001): Real convergence and catching-up in the EU. *European Economy*. (June), pp. 173–206.

[9] Jeney, L. (2003): The Role of Urban Development in European Regional Inequalities. In: *Frontiers of Geography*. Budapest–Heidelberg. ISBN 963 463 671 3, pp. 249–261.

[10] Sassen, S. (1991): *The Global City, New York, London, Tokyo*. Princeton University Press, Princeton. ISBN 0-691-07063-6.

[11] Eurostat: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/

[12] World Gazetteer: http://www.world-gazetteer.com/

НОВЫЕ ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ СТРАНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

Колосов Е.Н., к.т.н.,
доцент кафедры региональной экономики и географии,
экономического факультета
Российского университета дружбы народов *nkolosova@gmail.com*
Бедненко И.С., студент 2 курса экономического факультета
Российского университета дружбы народов *ibed@list.ru*

Появление новых индустриальных стран Юго-Восточной и Восточной Азии (НИС ЮВ. и В. Азии) — один из феноменов экономического развития в мире во второй половине XX века. Азиатские страны Республику Корею, Тайвань, Сингапур относят к НИС первой волны («тиграм» или «драконам»). Малайзию, Таиланд, Индонезию и Филиппины – к НИС второй волны. За несколько десятилетий перечисленные страны из колониальных и полуколониальных окраин превратились в стремительно экономически развивающиеся территории. Опыт наших неблизких соседей во многих аспектах поучителен и интересен. **НИС ЮВ. и В. Азии первой волны.** Экономика Республики Кореи, Тайваня и Сингапура формировалась в значительной степени однотипно, на сходной цивилизационной основе. Важную роль в их развитии сыграло выгодное географическое положение — нахождение на оживленном перекрестке морских путей, а также в зоне соприкосновения государств второго и первого мира, что побуждало последних на оказание политической, экономической и военной поддержки странам, претендовавшим на ускоренное развитие и, тем самым, превращало их в «образцовые рыночные субъекты». Позитивно повлияло на экономическое развитие Тайваня, Республики Кореи и Сингапура наличие в них трудолюбивых, дисциплинированных, смекалистых работников, воспитанных в духе конфуцианства. Одним из решающих факторов

«экономического чуда» явилась ориентация азиатских «тигров» на японскую модель развития, которая предусматривает: реформирование сельского хозяйства с целью максимального удовлетворения внутреннего спроса на продовольствие и создания сырья для пищевой и текстильной промышленности как базы первоначального накопления капитала, необходимого для модернизации производства; широкое привлечение иностранных инвестиций; отыскание зарубежных и разработку собственных передовых технологий для производства массовой экспортной конкурентоспособной продукции, активно продвигаемой на внешний рынок; значительную и гибкую роль государства в экономической жизни страны; подготовку хорошо образованных, высококвалифицированных кадров.

Важным элементом экономической стратегии «тигров» является создание и развитие в них научно-производственных парков (НПП), имеющих территориальную и хозяйственную обособленность, экспортную ориентацию, государственную поддержку в виде валютных ассигнований, финансовых и налоговых льгот. В НПП осуществляется разработка принципиально новых технологий, материалов и товаров, организуется их мелкосерийное производство, широко используется принцип рискобизнеса. В случае удачных экспериментов налаживается массовый выпуск продукции, которая, как правило, предназначается для экспорта. НПП организуются рядом с научными центрами, университетами, колледжами, а зачастую составляют с ними единый комплекс.

При общности основных направлений и этапов развития, высоких хозяйственных достижениях «тигры» имеют свои экономические особенности, представляющие интерес для России.

Республика Корея. Подняла свою экономику за счёт прямой финансовой помощи США, оказанной стране после разрушительной трёхлетней «корейской войны» 1950 – 1953 гг., широких иностранных инвестиций и умелого хозяйствования. В Республике Корее существует государственное стратегическое экономическое планирование, предусматривающее для частных и государственных компаний основные направления развития и централизованные заёмные ресурсы под их выполнение. Государство само выступает как крупный предприниматель, играя решающую роль в банковском деле и с помощью своих предприятий контролируя добывающую, военную отрасли производства, табачную, женьшеневую промышленность, энергетику, транспорт, внешнюю торговлю [1]. Государство оказывает значительную поддержку как крупным отечественным финансово-промышленным группам («чеболям») – «Хендай, «Самсунг», «Дэу», «LG» и др., так и среднему и малому бизнесу.

Республика Корея является одной из ведущих индустриальных держав мира. В минувшем году она вышла на десятое место в мире по объёму ВВП. Страна является одним из лидеров в мире по судостроению, нефтехимии, автомобилестроению, производству металла, выпуску полупроводников, радиоприёмников и др.

Тайвань. «Взлёт» экономики «чудо острова» обеспечили иностранная помощь (главным образом со стороны США), аграрная реформа, сделавшая хозяевами земли и выращиваемого на ней урожая тайваньских крестьян, и финансовая политика властей, обеспечившая сдерживание инфляции, приток денежных средств от населения и от многочисленных иностранных инвесторов.

Краеугольным камнем тайваньской экономики является местный частный бизнес. Его особенность – наличие традиционных мелких и средних, преимущественно семейных компаний. На острове действует около 800 тыс. частных предприятий, обеспечивающих 75% занятости [14]. Вместе с тем, существует государственный сектор из двух десятков компаний, формирующих ключевые отрасли экономики (энергетика, машиностроение, химические удобрения, производство стали и др.).

Сочетание рыночной экономики с государственной собственностью и элементами планирования (обеспечение режима наибольшего благоприятствования, установление оптимальных пропорций между отраслями и т.п.) способствовало успешному экономическому развитию Тайваня.

На острове имеются высокотехнологичные предприятия чёрной и цветной металлургии, нефтехимии. Развито станкостроение, роботостроение, ведётся сборка автомобилей из поставляемых из-за рубежа комплектующих. Тайвань третий в мире производитель компьютеров – 15% мирового производства. В большом объёме создаются интегральные схемы, микропроцессоры, материалы для гибких печатных плат, а также аудио- и видеотехника. Тайвань сформировался как крупный финансовый центр. Его валютные резервы составляют 90,6 млрд. ам. долл.

Сингапур. Небольшое город-государство, не имеющее собственных природных ресурсов и вынужденное импортировать даже питьевую воду, стало «оазисом первого мира в регионе третьего мира» [4] благодаря очень выгодному географическому положению, а также интеллекту, трудолюбию и дисциплине своих жителей (на 75% это китайцы).

Бурный экономический рост Сингапура начался, когда в страну хлынул иностранный капитал, для работы которого были созданы благоприятные условия. Приток американского, английского, японского капитала (в стране насчитывается свыше 600 филиалов ТНК) и отечественный бизнес превратили Сингапур в третий в мире центр по переработке нефти (после Хьюстона и Роттердама), в мирового производителя компьютеров, электронного телекоммуникационного оборудования, продукции лазерной оптики, морских судов, передвижных буровых установок для шельфа и др.

Морской порт Сингапура занял первое место в мире по тоннажу заходящих в него судов, а по объёму грузооборота в настоящее время уступает только Гамбургу и Нью-Йорку. В порту оборудовано полтора десятка гаваней и причалов, созданы превосходные судоремонтные мастерские и хранилища с одними из самых низких в мире тарифов по складированию грузов.

К 90-м годам Сингапур стал крупнейшим финансовым центром мира, по объёму валютных операций, уступающим только Нью-Йорку, Лондону и Токио. Имеется «Золотая биржа», осуществляющая операции непосредственно с благородными металлами.

По уровню компьютеризации населения и внедрению роботов Сингапур занимает второе место после Японии, а по степени пользования Интернетом лидирует в мире. Город Сингапур – один из самых оптимально управляемых, чистых, рационально обустроенных и некорумпированных городов мира.

НИС ЮВ. и В. Азии второй волны. Малайзия, Таиланд, Индонезия и Филиппины — результативные участники гонки за “тиграми” первой волны. По многим показателям они уже настигли лидеров.

Общим для перечисленных государств, так же как и для государств первой волны, является принятие японской модели развития. При этом экспортная ориентация сочетается с более либеральной экономической политикой, большей зависимостью от инвестиций, не столь существенным, как в НИС первой волны, государственным вмешательством.

НИС ЮВ. и В. Азии второй волны отличают крупные размеры территории, значительные природные и людские ресурсы, этническое и конфессиональное разнообразие населения, наличие в предпринимательской среде представителей многочисленной китайской диаспоры.

Малайзия, Таиланд, Индонезия и Филиппины в начальный период создания наукоемкой экспортной продукции приняли за бесценок от ведущих стран Запада и НИС первой волны отслужившие им стартовые технологии компьютерного производства с тем, чтобы получить какие-то доходы, а главное — освоить новое дело.

Малайзия. Начало малазийского экономического чуда связано с несколькими важнейшими событиями в жизни страны.

Во-первых, это прекращение в конце 80-х годов длившейся четыре десятилетия гражданской войны и установление социального мира, подкрепленного складывающимся расово-национальным единством. Общественно-политическое спокойствие и стабильность явились хорошей предпосылкой для социально-экономических преобразований в стране и для притока иностранного капитала.

Во-вторых, умело проведенная аграрная реформа, передавшая землю тем, кто на ней работает, и долгосрочная государственная политика поддержки стабильного развития аграрной сферы обеспечили устойчивый рост производства продовольствия и сырья для промышленности, способствовали мобилизации внутренних источников финансирования в экономику.

В-третьих, введение сильнодействующих стимулов для привлечения иностранных инвесторов во многие отрасли экономики с целью их вывода на передовые рубежи позволили добиться ежегодных инвестиционных поступлений в значительных размерах.

В-четвертых, политика прагматизма, гибкости, предвидения и технократизма, проводимая руководством страны, наладила, наряду с традиционными экспортными товарами, производство электронной и электротехнической продукции, средств транспорта, резинотехнических и других изделий, находящих спрос на мировом рынке.

Современная Малайзия — интенсивно развивающаяся индустриально-аграрная страна. Она занимает первое место в мире по производству олова и пальмового масла, третье – по производству натурального каучука, входит в число ведущих государств по производству деловой древесины. В стране добываются нефть, железная руда, бокситы, золото.

С середины 80-х годов лидирующей отраслью малазийской экономики стала электроника. По производству полупроводников страна занимает третье место в мире. Выпускаются цветные телевизоры, кондиционеры, видео- и аудиотехника, радиоаппаратура. Широко известное в мире дочернее предприятие американской ТНК «Моторола» Пинанг выпускает портативные радиостанции.

Малайзия создала автомобилестроение (ее автомобили «Протон Сага» успешно реализуются в развивающихся странах), расширила производство и ассортимент сельскохозяйственных машин, мотоциклов, велосипедов, небольших морских судов, электротехнических изделий, текстиля, одежды, обуви, пищевых продуктов. Динамичными секторами экономики стали химическая промышленность и строительство. Создана программа проведения космических исследований.

В Малайзии развитие государственного сектора выполняет задачу перераспределения экономического потенциала между различными этническими группами в пользу коренного населения. Постепенная мягкая, умело проводимая «малаизация» экономики позволяет ослабить остроту межнациональных и социальных противоречий.

Таиланд. До начала 50-х годов страна относилась к числу наиболее отсталых аграрных государств мира. Приход к власти правительства Пибунсонграма (1947—1957 гг.) и деятельность кабинета другой сильной личности — маршала Сарита Танарата (1958—1963 гг.) способствовали существенным изменениям в жизни страны.

Наделение крестьян землей, кредитование их на льготных условиях, осуществление ряда крупных аграрных государственных проектов позволили ликвидировать нищету в деревне, решить продовольственную проблему, в значительных объемах поставлять на внутренний и мировой рынок рис, натуральный каучук, кукурузу, джут, ананасы, морепродукты.

Использование производимой сельскохозяйственной продукции, собственного промышленного сырья, иностранной финансовой помощи (главным образом из США) и зарубежных кредитов (США, Япония. Сингапур) дали возможность создать импортозамещающие отрасли экономики и начать накопление национального производственного капитала.

С начала 70-х годов широкий приток иностранных инвестиций в стабильно развивающуюся страну и наличие национальных денежных накоплений явились основой для создания экспорто-ориентированной экономики. На первых порах трудоемкой и технологически несложной (текстиль, пищевые продукты), а затем капитало- и наукоемкой (электроника, электротехника).

Мощный поток экспортной продукции и туризм превратили Таиланд в динамично развивающуюся индустриально-аграрную страну.

В Таиланде добывают олово (четвёртое место в мире), вольфрам, железную руду, сурьму, марганец, свинец, цинк, барит, сапфиры и рубины. Работают предприятия черной и цветной металлургии, нефтеперерабатывающей, химической, фармацевтической промышленности. Производится сборка автомобилей, тракторов, ремонт морских судов. Много предприятий текстильной, обувной, пищевой промышленности. Страна занимает ведущее место в мире по выпуску консервированных ананасов и тунца, мороженых креветок. Широко налажено производство стройматериалов, деловой древесины. Развит туризм.

Однако «визитной карточкой» современного индустриального Таиланда является его электронная и электротехническая промышленность. Их основу составляет производство компьютеров, дисководов (второе место в мире), интегральных схем, калькуляторов, радиоприёмников, телевизоров, видеомагнитофонов, трансформаторов, электромоторов и др.

Избежавший на своем историческом пути колониальной зависимости Таиланд, управляемый пользующейся доверием народа «работающей монархией», традиционно придерживается осмотрительного экономического курса. Его характерными чертами являются консерватизм финансовой политики, выражавшийся в поддержании сбалансированного бюджета; ограниченное вмешательство государства в экономические процессы; гибкое сочетание импортозамещения и развития экспортных отраслей как средства успешной интеграции страны в мировое хозяйство.

Индонезия. Экономика Индонезии до середины 80-х годов развивалась в рамках импортозамещения. В этот период страна достигла самообеспеченности продовольствием, роста темпов экономического развития, создания значительных внутренних накоплений капитала. Основой развития Индонезии долгое время была нефть, доходы от продажи которой умело использовались.

Переходя к экспорто-ориентированной экономике и выбирая приоритетные отрасли, правительство Индонезии сделало упор на капитало- и наукоемкую авиационную промышленность и космическую программу, на спутниковую связь. Ведь наилучшим образом объединить «Нусатару» (так ласково индонезийцы называют свою Родину, дословно — «острова и то, что между ними») [13] в одно целое можно лишь по воздуху, и столь нужная для этой цели продукция стала и хорошим товаром.

Сегодня Индонезия производит несколько видов самолетов и вертолетов. Готовая продукция продается в Саудовскую Аравию, Турцию, Республику Корея, а авиадетали — даже в США. Вокруг Земли летает индонезийский спутник «Палапа».

В стране, помимо авиастроения, созданы автомобилестроение (автомашины марки «Киджанг»), судостроение, железнодорожное машиностроение, производство мотоциклов, велосипедов, военной техники. На мировой рынок выходят ЭВМ и средства телекоммуникаций индонезийского производства.

Филиппины. Превращение Филиппин из долго находившегося на излечении «азиатского больного» в «новую азиатскую звезду» связывают с силой примера соседей, вырвавшихся на передовые экономические рубежи; ослаблением вооруженного леворадикального движения; появлением в руководстве страной патриотических, не коррумпированных политических деятелей; приобщением за годы американского правления большой части филиппинцев к деловитости и предпринимательству, и, наконец, широким распространением среди населения английского языка, само владение которым как бы влечет к мирохозяйственным связям и облегчает их.

Многие годы ускоренное экономическое развитие сдерживалось трудностями в проведении аграрной реформы. Ограничение размеров землевладений, передача земли безземельным и малоземельным крестьянам, сокращение производства монокультуры — сахарного тростника встречали ожесточенное сопротивление латифундистов, да и бюджетных денег не хватало на реформирование деревни.

И все же произошедшие аграрные преобразования и крупные иностранные кредиты и инвестиции, в первую очередь со стороны США, в начале 90-х годов явились решающим фактором филиппинских экономических преобразований.

Ежегодный прирост ВВП в тот период составлял 5-7%. Примерно на 7-8% росло промышленное производство. Стала устойчивой тенденция к росту в структуре ВВП удельного веса промышленности и сферы услуг (особенно туризма).

Несмотря на характерную для Филиппин высокую долю в ВВП потребительских расходов, полученные сбережения позволили перейти на выпуск новых экспортных товаров капитало- и наукоемкого производства — электронной и телекоммуникационной техники, бытовой электротехники, мотоциклов, морских судов и паромов.

Особенность экономического развития Филиппин состоит в том, что инициаторами выпуска новой экспорто-ориентированной продукции выступили региональные центры страны — Олангапо, Субик-Бэй, Пангасинана, в которых созданы свободные экономические зоны.

НИС ЮВ. и В. Азии и Россия. Между Россией и НИС ЮВ. и В. Азии длительное время существуют прочные торговые отношения. В настоящее время в российском товарообороте указанные страны занимают всего около 3-х процентов объёма. Невысоки показатели доли российского товарооборота и во внешней торговле рассматриваемых государств [14].

Основу российского экспорта составляют энергоносители, продукция черной металлургии, удобрения, лесоматериалы, нефтебуровые установки, военная техника. Импортируются в Россию автомобили, электронная продукция, бытовая электротехника, натуральный каучук, продовольственные товары (особенно пальмовое масло и тропические культуры), мебель из высокосортной древесины, ткани, одежда, обувь[14].

Среди стран НИС ЮВ. и В. Азии по объему товарооборота с Россией лидирует Республика Корея. Объём товарооборота – 15 млрд. ам. долл.[57] [15]. При этом в российском экспорте 80% составляют минеральное топливо, нефть и нефтепродукты, 11% – металлы и изделия из них; в импорте в Россию на долю машин, оборудования и транспортных средств приходится 82%, на продукцию химической промышленности – 10. Южнокорейские инвестиционные накопления для реализации ряда проектов в России составляют около 900 млн. ам. долл.

Малайзия занимает второе место по объёму товарооборота – 1,35 млрд. ам. долл. Она покупает в России нефть, металл, удобрения, военную технику и продаёт продукцию электронной промышленности, запасные части к автомобилям, мебель, натуральный каучук, пальмовое масло. Реализуются совместные российско-малазийские проекты по производству мебели, компьютерных чипов. Ведутся исследования в области медицины и биотехнологий.

Товарооборот России с Сингапуром достигает 1 млрд. ам. долл., с Таиландом – 0,6 млрд. ам. долл., с Индонезией – 0,5 млрд. ам. долл., с Филиппинами – 0,1 млрд. ам. долл.[12, 16].

[57] Все приведённые в статье статистические данные относятся к 2009 году, если это не оговорено в тексте

У России и НИС ЮВ. и В. Азии существует значительный потенциал для взаимовыгодной торговли и имеется взаимозаинтересованность в её расширении. Перспективы дальнейшего сотрудничества во многом будут зависеть от возможности партнёров организовывать кредитование торговых операций, поддерживать на государственном уровне научно-техническую кооперацию, реализовывать стремление к созданию адекватной юридической базы, преодолению исторически сложившегося дефицита соответствующей коммерческой информации.

На наш взгляд, реформируемая Россия может извлечь из опыта экономического развития НИС ЮВ. и В. Азии ряд полезных для себя уроков. Назовём их.

Урок первый. Преобразования в НИС ЮВ. и В. Азии начались и проводились по хорошо разработанной стратегии развития. Проверенная временем, тщательно изученная и умело применённая японская модель экономических преобразований, о которой говорилось выше, стала «путепрокладчиком» последовательного, нелихорадочного экономического движения новых индустриальных стран Азии.

Такой подход ничего общего не имел с началом российского реформирования, которое «напоминало самолёт, стремительно поднятый в воздух и оправленный в полёт без чётко обозначенного маршрута» [12].

Урок второй. В соответствии с японской моделью усиленное экономическое развитие в НИС ЮВ. и В. Азии началось с подъема аграрной сферы как источника обеспечения населения продовольствием и базы быстрого накопления капитала для развития промышленности. Аналогичный подход характерен и для близкой России китайской модели реформирования экономики. Однако в нашей стране подъёма аграрного сектора как важного элемента перестройки экономики произведено не было. Больше того, были ликвидированы многие позитивные способы организации хозяйственной деятельности на селе, которое до сих пор не выходит из состояния деградации. **Урок третий.** Ощутимой поддержкой государства в НИС ЮВ. и В. Азии пользуется имеющий большое значение в развитии экономики малый и средний бизнес. Так, в Республике Корее с участием государства созданы консалтинговые, технические, кадровые, инвестиционные фонды по поддержке малого и среднего бизнеса. Специально для этого сектора экономики образована ассоциация внешней торговли, помогающая продвижению товаров на внешних рынках. Получили развитие специальные центры розничной торговли, предоставляющие в аренду помещения по льготной цене. Регистрация предприятий носит заявительный характер [1].

На Тайване предприятия малого и среднего бизнеса имеют низкие проценты за банковский кредит, пользуются пятилетними налоговыми каникулами, существенными налоговыми льготами [7].

Думается, эти и другие примеры достойны изучения. Реальное государственное содействие развитию малого и среднего бизнеса в России крайне необходимо.

Урок четвёртый. Иностранные инвестиции играют значительную роль в экономике НИС ЮВ. и В. Азии. Их масштабное внесение в экономику азиатских НИС обусловлено рядом факторов. Важнейший из этих факторов творец сингапурского «экономического чуда» Ли Куан Ю назвал одним словом «доверие», имея в виду выработку на длительный срок и неуклонное соблюдение государством и частным бизнесом приемлемых для инвесторов законов, а также обязательное выполнение взаимных договорённостей [4]. Неплохой пример для России.

Урок пятый. Сердцевиной механизма, обеспечившего экономический взлёт азиатских «тигров», являются отыскиваемые или создаваемые самими НИС ЮВ. и В. Азии новейшие промышленные технологии. Они позволяют быстро производить высококачественную, высокорентабельную, находящую спрос на мировом рынке продукцию. Создание в азиатских НИС развитой современной базы для научных и инженерно-конструкторских разработок, крупные расходы на НИОКР со стороны государственного и особенно частного сектора направлено на решение этой задачи. С ней также связано и особое внимание на развитие образования и подготовку инженерных кадров [8]. Несомненно, это важное, судьбоносное направление деятельности.

Уроки шестой, седьмой и т.д. В НИС ЮВ. и В. Азии господствует убеждение, что для успешного развития экономики личная заинтересованность людей в результатах работы и в вознаграждении за труд являются жизненно важными. Главной заботой руководителей рассмотренных стран стало обеспечение каждому гражданину его доли в богатстве страны и достойного места в её будущем.

Интересен в этом отношении опыт Сингапура. В городе-государстве взят курс на развитие частного домовладения, создание фондов медицинского страхования и пенсионного обеспечения, содействия гражданам в накоплении ими личных денежных сбережений. Воровство, насилие, наркотики, коррупция наказываются смертной казнью. Изданы строгие законы, запрещающие бросать мусор, допускать скорость езды на автомашинах более 80 км/ч. и обязательно подвозить на них в дневные часы своих коллег по работе или попутчиков и др. [4].

На Тайване поощряются крупные денежные накопления населением путём установления высокой процентной ставки на банковские вклады, постоянно растут значительные государственные ассигнования по статье «образование, наука и культура», создана система всеобщего девятилетнего образования. Бюджет социального обеспечения ежегодно увеличивается и состоит из двух частей – расходы на социальное страхование и пенсионные расходы. Для совершенствования управленческой деятельности и борьбы с коррупцией создана специальная контрольная система, включающая экзаменационный отбор чиновников на должности в государственном аппарате [7].

Результативные меры по социальной помощи населению приняты в Республике Корея, Малайзии, Таиланде, Индонезии, на Филиппинах.

Повествование об уроках для России опыта НИС ЮВ. и В. Азии закончим словами упомянутого нами Ли Куан Ю, сказанными в адрес нашей страны: «Общий урок для России таков – соединитесь с миром. У вас могут быть все ресурсы мира, но у вас всё равно нет и не будет всех идей и всех лучших продуктов, всех услуг и всех изобретений. А отставать нельзя …..Но вам не нужно много навёрстывать. Ведь вы летали в космос. Однако вам надо догонять в потребительской сфере. И у нас вы можете научиться тому, как мы привлекали капитал, оборудование, опыт, технологии, как продвигались вперёд»[4]. Последуем его совету.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Воронцов А.В. Республика Корея: социально-экономическая структура и торгово-экономические отношения с СНГ. 2-е издание, исправленное и дополнительное. — М.: Институт востоковедения РАН, 1998.

[2] Гренвилл Дж. История XX века. Люди. События. Факты / Пер. с англ. О. Суворов.— М.: «Аквариум», 1999.

[3] Колосов Е.Н. Новые индустриальные страны Юго-Восточной и Восточной Азии: Учебно-методическое пособие. 3-е изд. – М.: РУДН, 2009.

[4] Ли Куан Ю. Сингапурская история: 1965 – 2000 гг. Из третьего мира – в первый. Пер. с англ. 2-е изд., стереотипное. – М.: МГИМО-Университет, 2010.

[5] Ломакин В.К. Мировая экономика. Изд. 3-е. — М: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.

[6] Максаковский В.П. Географическая картина мира: В 2 кн. – М.: Дрофа, 2007.

[7] Островский А.В. Тайвань накануне XXI века — М.: Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1999.

[8] Холина В.Н. Общественная география современного мира. Электронный учебник (диск). – М.: Дрофа, 2008.

[9] Холина В.Н., Наумов А.С., Родионова И.А. Социально-экономическая география мира. Справочное пособие. 3-е издание. – М.: Дрофа, 2008.

[10] Экономическая, социальная и политическая география: мир, регионы, страны. / Под ред. проф. И.А. Родионовой. – М.: Экон-Информ, 2008.

[11] Энциклопедия стран мира. – М.: Экономика, 2007.

[12] Журнал «Мировая экономика и международные отношения».

[13] Журнал «Азия и Африка сегодня».

[14] The World Almanac and Book of Facts 2009, New York.

[15] http://www.un.org - сайт ООН.

[16] http://www/cia.gov - сайт «Всемирная книга фактов ЦРУ».

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КНР

Колпакова Т.В., к.ф.н., доцент
кафедры востоковедения
факультета управления
Читинского государственного университета,
tataktv@mail.ru

Серьезность существующих сегодня социально-экологических проблем актуализирует необходимость осуществления эффективной экологической политики, как на глобальном, так и региональном уровнях.

Региональная экологическая политика в последнее время становится определяющей в функционировании региональных образований и органов их власти. Усиливающаяся концентрация производства, диктуемая потребностями его развития, урбанизация и скученность населения, широкое применение синтетических материалов, которые не могут быть преобразованы природой, привело к резко возросшей нагрузке на окружающую среду. Нарушение естественного круговорота веществ и энергетических потоков в биосфере поставили человечество на грань глобального кризиса. Стало очевидно: ухудшение качества окружающей среды носит ярко выраженный региональный характер. Это связано как с

различиями в хозяйственной специализации стран и регионов, так и с неодинаковыми возможностями государства регулировать качество экологической среды. В этом отношении проведение целенаправленной региональной экологической политики является неотложной потребностью [1].

Для Китайской Народной Республики, которая отличается не только обширной территорией, но и значительным разнообразием природно-климатических, социально-экономических, политических и культурных факторов, особенно важны разработка и реализация такой экологической политики, которая в полной мере учитывала бы региональную специфику. В этой связи, по мере роста социально-экологических проблем китайского государства, которые в последнее время приняли кризисный характер, руководством страны уделяется все большее внимание именно региональной экологической политике, направленной на улучшение экологической ситуации, как во внутренних регионах государства, так и на трансграничных территориях.

В самом общем виде региональная политика Китая может быть рассмотрена в единстве ее внешних и внутренних характеристик. Она направлена на выработку широких политических стратегий развития китайского государства как целостности в единстве гармоничного развития ее подсистем, общественных процессов и территориальных образований, во взаимодействии с окружающей средой, мировыми глобализационными процессами [2].

В целом, региональная политика – это государственная политика в отношении крупных территориальных общин (как внутри государства, так и во вне), учитывающая их геополитические, социокультурные и экономические особенности. Региональная политика регламентирует отношения центральной власти и регионов, определяет права и полномочия политико-административных единиц.

Региональная экологическая политика при этом определяется как система политических, экономических, юридических, образовательных и иных мер, принимаемых для управления экологически сбалансированным устойчивым социально-экономическим развитием региона, а также механизм их реализации.

Стратегической целью государственной экологической политики КНР является сохранение природных систем, поддержание их целостности и жизнеобеспечивающих функций для устойчивого развития общества, повышения качества жизни, улучшения здоровья населения и демократической ситуации, обеспечения экологической безопасности страны.

Для этого необходимо решение следующих задач:

– сохранение и восстановление природных систем, их биологического разнообразия и способности к саморегуляции как необходимого условия существования человеческого общества;

– обеспечение рационального природопользования и равноправного доступа к природным ресурсам ныне живущих и будущих поколений людей;

– обеспечение благоприятного состояния окружающей среды как необходимого условия улучшения качества жизни и здоровья населения;

– стабилизация демографических процессов.

В этих условиях, для решения социально-экологических проблем на внутрирегиональном уровне, китайское руководство обращается к традиционным идеологемам, оформляющим взаимодействие человека, общества и природы в китайской культуре. Следование формуле «совпадающее единство Неба и человека» ставит во главу угла коренное изменение стратегии развития с перенесением акцента на защиту среды обитания, на замедление и последующее прекращение её разрушения. Речь идёт о внедрении в производство природосберегающих технологий и строительстве эффективных очистных сооружений, о ресурсосберегающем хозяйствовании. Всё это требует поворота в политике государственных и других видов инвестиций без расчёта на их быструю отдачу [2].

Своеобразным «ответом» и попыткой снизить степень угроз и опасности, корректировкой стратегии развития явилась разработка концепции «гармоничного общества» и начало практического построения такого общества в Китае. Идея социальной гармонии − «хэсе шэхуэй» − новейшая в истории китайского общества идеология, выдвинутая руководством КНР для решения проблем глобальной устремлённости, стоящих перед страной и нацией.

Самые острые проблемы нынешнего столетия, которые предстоит решить китайскому обществу, связаны с ростом населения и усилением давления на окружающую среду. В терминах концепции «гармоничного общества» это относится к проблематике взаимодействия человека и природы. Серьёзное увеличение антропогенной нагрузки на территорию страны, связанное с быстрым экономическим ростом, привело к негативным последствиям для среды обитания. Расточительный характер использования природных ресурсов становится одним из сдерживающих факторов на пути развития эффективности экономики.

Современное содержание концепции «гармоничного социалистического общества» связано со стремлением нынешнего китайского руководства исправить дисбалансы, накопившиеся в период ускоренного развития рыночной системы в 1990-е годы. Так, в настоящее время построение гармоничного социалистического общества

предусматривает, прежде всего, постепенный переход к интенсивной модели экономического роста, преодоление ресурсных и экологических ограничений за счет повышения качественных характеристик роста, а также ослабления остроты социальных проблем [3].

Гармонизация отношений между человеком и природой является одним из приоритетных направлений в стратегии построения гармоничного общества и реализуется посредством экологической политики, институционально закрепленной в экологическом законодательстве КНР. При этом следует отметить, что в современных условиях формирования нового мирового порядка, традиционное экологическое законодательство КНР, сформированное главным образом во второй половине XX века, является отсталым и не может соответствовать требованиям современного развития. В связи с этим, сегодня в Китае формируется новая модель экологического законодательства, способная институционально обеспечить устойчивое социально-экологическое развитие китайского государства.

Законодательными основами региональной экологической политики Китая являются Конституция КНР и национальное законодательство в сфере экологической безопасности, международные договоры и соглашения, заключенные или признанные государством. Система экологической безопасности призвана обеспечить все необходимые меры для предотвращения ущерба населению и окружающей природной среде других государств от трансграничного воздействия источников экологической опасности, находящихся на территории государства. Также государственные органы обеспечивают участие национальных сил и средств в предотвращении и ликвидации последствий экологических катастроф и стихийных бедствий, произошедших в других странах, в соответствии с международными соглашениями или по просьбе соответствующих стран.

Официально китайское руководство проводит достаточно активную экологическую политику, включающую меры по ресурсосбережению, утилизации отходов, защите атмосферы, водных ресурсов, защите от шума и др. С 1970-х гг. государство и правительство приняли 8 законов об охране окружающей среды, 35 законов о контроле над природными ресурсами и 34 законоположения об охране окружающей среды. Ведомства по охране окружающей среды разработали более 100 положений всекитайского значения и свыше 1000 законоположений местного значения об охране окружающей среды. Законодательная система в области охраны окружающей среды продолжает совершенствоваться.

После Всемирного форума по развитию окружающей среды, прошедшего в Рио-де-Жанейро в 1992 г., ЦК КПК официально приняло концепцию устойчивого развития на основе экологического баланса и опубликовало «10 основных мероприятий по охране среды» и «Программу на XXI век». По мере развития экономики Китай укрепляет правовую базу природопользования и наращивает ассигнования на экологическое строительство. Так, 29 августа 2008 г. принят закон, целью которого явилась выработка законодательной базы под переработку промышленных и бытовых отходов, а также утилизацию мусора; 1 июня 2008 г. в силу вступил закон КНР о предотвращении загрязнения водных ресурсов, в частности, введены штрафные санкции и наказания за самовольную скрытую прокладку труб; 1 мая 2008 г. вступили в силу нормы и правила раскрытия экологической информации [4]. Данные правила обязывают ведомства, ответственные за охрану окружающей среды, и экологически грязные предприятия раскрывать для публичного доступа важнейшие сведения о состоянии экологии, тем самым предоставляя обществу площадку для участия в работе по уменьшению загрязнения окружающей среды. Китайские власти намерены расширить список городов, где будет введен режим ежедневного информирования общественности о качестве воздуха, предпринять меры по профилактике загрязнения воды в главных водоемах, включая верховья рек Янцзы и Хуанхэ и основное течение реки Сунхуацзян [5].

Подчеркивается, что традиционная законодательная модель, ориентированная главным образом на экономическое развитие и регулирующая в правовом плане лишь отдельные элементы экосистемы, должна быть заменена такой моделью, которая будет согласовывать весь комплекс элементов экосистемы как с экономическим, политическим, социальным развитием китайского общества, так и с культурно-цивилизационными ценностями, этическим аспектом. Кроме того, новая модель экологического законодательства КНР должна учитывать тенденцию китайской экосистемы к расширению, вслед за распространением в мире влияния Китая, все более прочно утверждающегося на позициях одной из ведущих мировых держав.

Хуан Гуйцинь и Гао Чуншэн в работе «Система экологического права в Китае и ее усовершенствование» также пишут о том, что новая модель экологического законодательства КНР, прежде всего, должна быть комплексной. В ее основе не должны лежать линейные связи отдельно взятых элементов экосистемы, эти связи должны стать многоуровневыми, сложными, кроме того, эти связи также должны быть разумными, честными и справедливыми [6].

Чжао Хуэйюй в работе «Исследование законов управления экосистемой» определяет следующие характеристики новой модели экологического законодательства КНР [7]:

– полное соответствие целям устойчивого развития;

– ориентированность на сохранение экологического равновесия не только в рамках национальных границ своего государства, но и на глобальном уровне;

– определение необходимости гармонизации экономики и экологии, не отказываясь от экономического развития (но не роста) как такового;

– отказ от приоритета ценности экономики, ориентированность на общечеловеческие ценности разумности, справедливости, честности;

– ориентированность на рациональное использование природных ресурсов и сохранение их для последующих поколений;

– соответствие и скоординированность с планом регионального развития;

– использование передовых науки и техники, минимизирующих негативное антропогенное воздействие на окружающую среду;

– использование передовых источников информации для экоаудита.

Что же касается экологической политики Китая, ориентированной главным образом на соблюдение собственных интересов развития, в целом она имеет следующие особенности: во-первых, направленность на защиту государственных интересов и противостояние давлению развитых государств в вопросах охраны окружающей среды, препятствующих экономическому развитию Китая; во-вторых, активное привлечение экономической, политической и другой помощи со стороны мирового сообщества для решения внутренних социально-экологических проблем [8].

Регионализм китайской внешней политики по отношению к приграничным государствам нередко реализуется в простом термине «добрососедство», который вошел и в договор о межрегиональном сотрудничестве с Россией, подписанный в Москве 16 июля 2001 года. Этот договор, по сути, представляет собой стратегию долговременного взаимовыгодного сотрудничества обеих стран в XXI веке и является определенным вектором в дальнейшем развитии взаимоотношений, направленных на решение социально-экологических вопросов как в регионе, так и на международной арене в целом.

Заключив договор, Российская Федерация и КНР определили основные стратегические направления сотрудничества, которые обеспечивают благоприятные условия взаимовыгодного развития и обеспечения безопасности обеих стран. Сотрудничество же в области

защиты и улучшения состояния окружающей среды, сохранения биоресурсов, природных экосистем, предупреждения катастроф техногенного характера и ликвидации их последствий было названо одним из наиболее приоритетных направлений Российско-Китайских отношений.

Нельзя недооценивать роль КНР как в стабилизации двусторонних соглашений с РФ в сфере защиты и улучшения окружающей среды, так и в обеспечении региональной (коллективной) экологической безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в других процессах глобального масштаба (в решении глобальных социально-экологических проблем), но при этом нельзя оставлять без внимания национальную специфику китайского государства. Китайский регионализм невозможно рассматривать без учета влияния аксеологического фактора. КНР в формировании стратегии улучшения состояния окружающей среды постоянно опирается на традиционные социально-экологические ценности, накладывая их на современные условия развития. Неизменно присутствующий национализм во внешней и внутренней политике Китая и видение своего государства в центре мировой системы (Срединное Царство), а остальных государств как поля для реализации своих национальных интересов, являются достаточным поводом для беспокойства. Очевидно, что китайское государство не сможет в среднесрочной перспективе отказаться от данной модели, что представляет угрозу не только китайским провинциям, но и приграничным российским регионам.

Неуклонный рост населения Китая усугубляет проблемы, связанные с состоянием окружающей среды. Ограниченность территории в комплексе с демографическими проблемами и недостатком природных ресурсов представляют потенциальную угрозу территориальной целостности и нерушимости границ соседних государств. Китай находится на одном из первых мест по уровню загрязнения окружающей среды, что несет в себе реальную экологическую угрозу всему мировому сообществу и отдельным его субъектам [9].

С учетом того, что российская цивилизация развивается в культурном ареале на стыке крупнейших локально-региональных цивилизаций индоевропейского и азиатского типов, и именно восточноазиатский вектор имеет немаловажное значение во внешней стратегии России, более конструктивный и глубокий анализ экологических угроз совершенно необходим для обеспечения российской экологической безопасности в рамках сотрудничества с Китаем. В сфере обеспечения экологической безопасности РФ очень важно видение новой внутренней и внешней региональной политики КНР, направленной на решение региональных и глобальных социально-экологических проблем и в

соответствии с этим выстраивание уже собственной парадигмы национальных интересов, способных обеспечить экологическую безопасность.

Таким образом, и экологическое законодательство КНР, и обширная научная литература подчеркивают необходимость гармонизации отношений человека и природы как одного из приоритетных направлений в стратегии построения «гармоничного социалистического общества», выступающей идеологической основой региональной экологической политики государства. Однако, несмотря на энергичные меры, предпринимаемые в последние годы китайским правительством, качество окружающей среды по всем базовым параметрам по-прежнему уступает среднемировым показателям. Более того, на практике в Китае продолжает действовать экстенсивная модель развития, ориентированная главным образом на экономическое развитие и регулирующая в правовом плане лишь отдельные элементы экосистемы. Осознавая значимость защиты окружающей среды, Китай тем не менее не намерен жертвовать своим правом на экономическое развитие.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Барыгин, И.Н. Регионоведение. Учебник для вузов / И.Н. Барыгин. – М: Аспект-Пресс, 2007. – С.180-181.

[2] Кучинская, Т.Н. Процессы политических изменений глобализирующегося «китайского региона» [Текст]: дис. …кан. полит. н. / Т.Н. Кучинская. – Чита, 2007. – С. 66.

[3] Подолько, Е. Гармония превыше Мамоны. Китайская модель развития – реальный вызов либеральной экономике Запада. [Текст] / Е. Подолько // Политический журнал - № 21-22, 2007. – С. 165.

[4] http://www.confucius-institute.ru/activity/shengtai.

[5] Абрамова, Н.А. Экологические проблемы КНР: традиционный аспект и современность / Н.А. Абрамова, М.И. Варакина. – Чита: ЧитГУ, 2004. – 168 с.

[6] Хуан, Гуйцинь. Лунь вого хуаньцзин фалюй чжиду цзи ци ваньшань = Система экологического права в Китае и ее усовершенствование / Гуйцинь Хуан, Чуншэн Гао // Хэбэй сюе. – 2003. - №1. – С. 26 – 38. – Кит. яз.

[7] Чжао, Хуэйюй. Шэнтай ситун гуаньли фалюй яньцзю = Исследование законов управления экосистемой / Хуэйюй Чжао. – Шанхай: Издательство Шанхайского транспортного университета, 2006. – 176 с. – Кит. яз.

[8] Дин, Цзиньгуан. Гоцзи хуаньцзин вайцзяо = Международная экологическая дипломатия / Дин Цзиньгуан. – Бэйцзин: Чжунго шэхуэй кэсюе чубаньшэ. – 2007. – 298 с. – Кит. яз.

[9] Кучинская, Т.Н. Китайский регион: новая концепция национальной безопасности / Т.Н. Кучинская // Социальная регионология. (Межвузовский ежегодник) – Иркутск: Иркутский Государственный Университет, 2005. – С. 84-85.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ПОСТДЕПРЕССИВНЫХ ШАХТЕРСКИХ РЕГИОНАХ

Кретинина Т.В., первый проректор
Автономной некоммерческой организации
высшего профессионального образования «Институт
открытого образования»
TKretinina@Rambler.ru

Постдепрессивные шахтерские территории, прошедшие кризис угольной отрасли, занимают особое место в типологии Российских регионов. Для них характерна некоторая стабилизация на региональных рынках труда, приостановка миграционных потоков, развитие малого предпринимательства, инновационной сферы, новые явления в инвестиционных процессах, формирование многоотраслевой экономики.

В процессе преодоления депрессивности были использованы различные меры государственной поддержки, ведущая роль среди которых с точки зрения решения социально-экономических проблем шахтерских городов и поселков принадлежала программам местного развития (ПМР). Только в Восточном Донбассе на реализацию ПМР было израсходовано около 1 млрд. рублей по следующим направлениям: предувольнительные консультации и профессиональное переобучение - 0,7%; общественные работы - 19,6%; поддержка малого бизнеса - 14,7% и создание новых рабочих мест - 65,0%, [1].

Для окончательной стабилизации социально-экономической ситуации в Восточном Донбассе[58] регион нуждается в мощном притоке инвестиционных ресурсов, т.к. бюджеты большинства его муниципальных

[58] Восточный Донбасс – часть территории Ростовской области, на которой расположены семь шахтерских городов: Шахты, Новошахтинск, Белая Калитва, Красный Сулин, Донецк, Гуково, Зверево.

образований являются дотационными, а сальдированный финансовый результат предприятий и организаций, расположенных на их территории является отрицательным. В сложившейся ситуации особую актуальность приобретают механизмы государственно-частного партнерства, позволяющие существенно повысить инвестиционную привлекательность постдепрессионного шахтерского региона.

Термин «государственно-частное партнерство» (ГЧП) является дословным переводом английского термина public-private partnership (PPP) и широко употребляется во всем мире для обозначения любых форм сотрудничества государственной власти и частного бизнеса. В научной литературе существует несколько определений ГЧП, зачастую существенно отличающихся друг от друга. Не вдаваясь в их подробный анализ, примем за основу следующее, наиболее полно характеризующее сущность изучаемой категории: «Государственно-частное партнерство - любые официальные отношения или договоренности на фиксированный или неограниченный период времени между государственными и частными участниками, в котором обе стороны взаимодействуют в процессе принятия решения и соинвестируют ограниченные ресурсы, такие как деньги, персонал, оборудование и информацию для достижения конкретных целей в конкретной области [2].

Сравнительно небольшой опыт использования механизмов государственно-частного партнерства показывает, что в основном они используются для модернизации транспортной, энергетической и социальной инфраструктур, а также для реализации крупных инвестиционных проектов. Основными механизмами ГЧП, официально закрепленными в нормативно-правовых документах, в настоящее время являются: финансирование из Инвестиционного фонда РФ; концессия; создание особых экономических зон; проекты комплексного освоения территорий.

Для постдепрессивных шахтерских городов Восточного Донбасса наиболее перспективными механизмами, на наш взгляд, являются: финансирование из Инвестиционного фонда РФ и создание особых экономических зон промышленно-производственного и технико-внедренческого типов.

В качестве крупномасштабного проекта, который может быть реализован в Восточном Донбассе с использованием средств инвестиционного фонда РФ, может быть строительство комплексов по глубокой переработке угля. Это обусловлено тем, что в регионе сосредоточены промышленные запасы антрацита, позволяющие получать продукцию нетопливного использования каменного угля (электродные изделия, карбид кальция, электрокорунд, фильтранты, сорбенты).

Несмотря на очевидные преимущества глубокой переработки антрацитов (стоимость конечных продуктов переработки превышает стоимость исходного сырья в 5-6 раз) создание инновационных производств в регионе не осуществляется в связи с нерешенностью ряда вопросов (отсутствием соответствующих проектов, опытных установок с целью получения представительной исходной технологической информации, необходимой для разработки проектно-сметной документации на строительство; кадров, владеющих новыми технологиями).

Схема движения и рассмотрения инвестиционного проекта с целью получения финансирования из Инвестиционного фонда Российской Федерации представлена на рисунке.

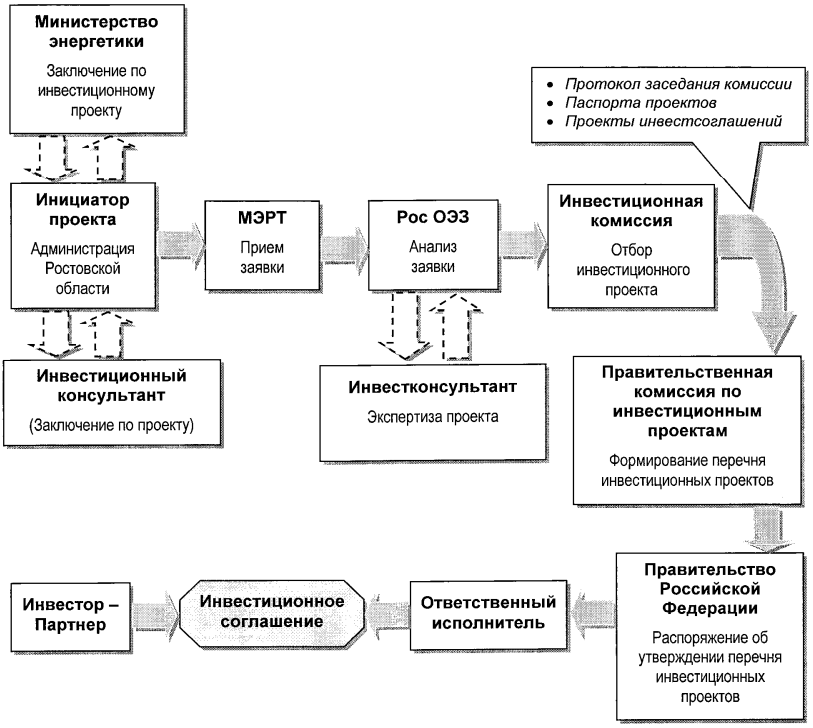


Рисунок – Схема движения и рассмотрения инвестиционного проекта с целью получения финансирования из Инвестиционного фонда Российской Федерации

Согласно Федеральному Закону № 116-ФЗ от 22.07.2005 г. «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» на территории Российской Федерации возможно создание особых экономических зон (ОЭЗ) следующих типов: 1) промышленно-производственные ОЭЗ; 2) технико-внедренческие ОЭЗ; 3) туристско-рекреационные ОЭЗ; 4) портовые ОЭЗ.

Под промышленно-производственной деятельностью понимается производство и (или) переработка товаров (продукции) и их реализация.

Под технико-внедренческой деятельностью понимается создание и реализация научно-технической продукции, доведение ее до промышленного применения, включая изготовление, испытание и реализацию опытных партий, а также создание программных продуктов, систем распределенных вычислений и оказание услуг по внедрению и обслуживанию таких продуктов и систем.

Формирование технико-внедренческих ОЭЗ обусловлено довольно значительным научным потенциалом городов Восточного Донбасса.

В Восточном Донбассе основанные базы создания объектов интеллектуальной собственности – ШИ ЮРГТУ и ГОУ ВПО «ЮРГУЭС». Так, изобретателями ЮРГУЭС в 2007 г. было получено 54 патента, в 2008 г. - 53 и в 2009 г. - 65, которые могут явиться основой создания малых наукоемких предприятий и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности.

В Ростовской области уже была предпринята попытка создания Красносулинской особой экономической зоны.

Уникальные преимущества Красносулинской особой экономической зоны состоят в следующем.

Наличие высвободившихся недорогих (ежемесячная зарплата 120-200 долл. в месяц) квалифицированных кадров. Красносулинская Особая Экономическая Зона создается в «треугольнике», образуемом тремя крупными городами: Шахты, Красный Сулин и Новошахтинск, общая численность населения которых, - более 400 тыс. чел. Еще 15 лет назад основной отраслью данного района была угледобыча. Отрасль пережила период болезненной реструктуризации, но донской углепром снова превратился в динамично развивающийся сектор донской экономики. Тем не менее, на шахтерских предприятиях уже никогда не будет востребовано прежнее количество трудовых ресурсов.

Одновременно Красносулинская ОЭЗ соседствует (70 – 100 км) с городами и районами высокой потребительской активности, например, с Ростовом-на-Дону, где средний уровень ежемесячных доходов на одного человека превышает 540 долл.

Существует мощная социальная, транспортная, коммунальная инфраструктура с большим незадействованным потенциалом.

Близость «Донского Китая» (города Шахты, Новошахтинск, Красный Сулин) к основным транспортным магистралям, позволяет строить эффективную логистику поставки производимых здесь товаров в европейскую часть России, Украину, другие страны СНГ, Западную Европу, Северную Африку, Азию. В настоящее время предприятия, намеренные реализовать свои проекты в рамках Красносулинской ОЭЗ, представляют машиностроение, металлообработку, пищевую промышленность, стройиндустрию, легпром. В настоящее время достигнуты договоренности с промышленными инвесторами о заполнении примерно 20% территории Красносулинской особой экономической зоны. Приглашаются компании для переговоров о размещении заводов в Красносулинской ОЭЗ, рассматриваются проекты, стоимостью от 10 млн евро. Среди проектов, которые предполагается реализовать в особой экономической промышленно-производственной зоне в Красносулинском районе Ростовской области только на первом этапе, - открытие автомобильного производства, заводов по выпуску алюминиевой банки и OSB-плит. Общий планируемый объем инвестиций на этом этапе составит около 300 млн. долл. Создание особой экономической производственно-промышленной зоны в Красносулинском районе для Ростовской области особенно актуально в связи с тем, что здесь планируется не только получить точку экономического роста для всей области, но и одновременно решить социальные проблемы Восточного Донбасса.

При условии включения одной из шахтерских территорий Дона в федеральную программу создания особых экономических зон Ростовская область может получить мультипликативный эффект от предоставления преференций из бюджетов всех уровней.

Это обеспечит формирование в Красносулинском районе благоприятного инвестиционного климата, рост деловой активности, создание новых рабочих мест. Реализация социально-экономических проектов в постдепрессивных шахтерских территориях на принципах ГЧП позволит получить синергетический эффект от взаимодействия бизнеса и государства, уменьшить разрыв в уровне развития отдельных регионов России.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *С.Н. Цветкова*: Угледобывающий регион в условиях снижения депрессивности: рынок труда и перспективные стратегии экономического азвития: монография/ С.Н. Цветкова, Г.О. Перов; под общ. ред. д.э.н. С.Г. Тяглова -2- изд., стер.-Шахты: ГОУ ВПО «ЮРГУЭС», 2009. -243 с.

[2] Возможности федеральных инвестиций через ГЧП: Сборник нормативных актов по ГЧП в Российской Федерации – М: Альпина Букс, 2009.- 994 с.

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО РЕГИОНА КНР В УСЛОВИЯХ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РФ

Кучинская Т.Н., канд. полит. наук,
доцент кафедры востоковедения
Читинского государственного университета,
kuchinskaya_t@mai.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (государственный контракт № 02.740.11.0363)

Северо-Восточный регион КНР, включающий провинции Хэйлунцзян Цзилинь, Ляонин и восточную часть Автономного региона Внутренняя Монголия (городской округ Чифэн, аймак Хинган, городской округ Тунляо, аймак Шилингол и городской округ Хулунбуир)[59] – один из приграничных регионов страны, так называемый «центр Северо-Восточной Азии», граничащий с четырьмя иностранными государствами (Россией, Монголией, КНДР и Японией) и потенциально способный оказывать влияние на развитие межрегиональных связей и ситуацию, складывающуюся в трансграничной региональной системе.

[59] Восточные регионы Автономного района Внутренняя Монголия (городской округ Чифэн, аймак Хинган, городской округ Тунляо, аймак Шилингол и городской округ Хулунбуир) были включены в состав Северо-Восточного региона КНР в 2007 г. в рамках «Программы возрождения Северо-Востока КНР»; ранее регион охватывал территорию 3 провинций, а Автономный регион Внутренняя Монголия традиционно относился либо к Северному, либо к Западному регионам страны. Площадь Северо-Восточного региона КНР (Дунбэй) составляет 1,45 млн кв. км (14% территории страны), ВРП в 2004 году составил 1600 млрд юаней, или 11,76% от ВВП страны; население региона - 120 млн чел, что составляет 9,18% от общей численности населения КНР. Регион богат природными ресурсами, обладает достаточно развитой инфраструктурой. Уровень урбанизации на Северо-Востоке значительно выше, чем в среднем по стране (около 63%). Регион обладает значительным потенциалом для социально-экономического развития, является важнейшей сельскохозяйственной базой страны. Разнообразны этнонациональный состав населения и культурные ресурсы региона [1].

Выбор в качестве объекта исследования Северо-Восточного региона КНР не случаен и обусловлен все возрастающим влиянием китайских территорий на приграничные регионы Российской Федерации. Так, около 22% внешнеторгового оборота между Россией и Китаем приходится именно на Северо-Восточные провинции. Влияние Северо-Восточных территорий Китая на приграничные российские субъекты настолько велико (доля Китая во внешней торговле колеблется от 39% в Приморском крае до 96,1% в Забайкальском крае), что практически определяет их «экономическое будущее» и хозяйственную специализацию развития. Это ведет к «стиранию» границ с Китаем и всё большей зависимости от экономической воли «соседа» [2]. В связи с этим отмечается необходимость более детального анализа стратегий развития Северо-Восточного региона и оценки результатов их реализации сквозь призму вызовов и угроз для российских приграничных территорий в условиях интенсификации межрегионального взаимодействия РФ и КНР и реализации Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики на 2009-2018 годы.

Политика реформ и открытости с курсом на социалистическую рыночную экономику, провозглашенная в 1978 г. на III пленуме КПК 11-го созыва и курс на сбалансированное развитие регионов, выдвинутый в 1995 году на 5-м пленуме ЦК КПК 14-го созыва предопределили курс развития регионов Китая, с которым они вошли в XXI век.

Результатом региональной политики точечного роста явилось гиперинтенсивное развитие центральных, приморских восточных и южных регионов страны и усиление дифференциации социально-экономического развития регионов в стране в целом. Так в район дельты реки Янцзы (Шанхай, провинции Цзянсу и Чжэцзян) поступает около 40% всех иностранных инвестиций в экономику КНР. Инвестирование в экономику приморских провинции Китая обусловило интенсивное развитие инфраструктуры, реализацию промышленного и научного потенциала.

Для Северо-Восточного региона КНР такое положение дел обернулось ухудшением его социально-экономического положения в сравнении с Восточными регионами страны, в частности в таких сферах как:

- транспортная инфраструктура – ухудшение положения обусловлено снижением темпов строительства автомобильных дорог в регионе, относительно приморских провинций, которые меньше рассматриваемых по площади. Густота транспортной сети на Северо-Востоке сопоставима с развитыми восточными и южными провинциями

только в промышленном поясе Харбин-Дацин-Цицикар, на линии Цзилинь-Чанчунь и Шэньян-Далянь-Инкоу.

- на развитии промышленности Северо-Востока сказалось слабое развитие центров науки и техники в провинциях Хэйлунцзян и Цзилинь, в отличие от таких провинций как Гуандун, Шэньси, Шаньдун. Спад производства промышленной продукции усилил возросший энергодефицит, который обострился с начала 90-х гг. XX в.

- периферийное положение района и удаленность от крупных рынков, расположенных в густонаселенных провинциях страны неблагоприятно сказалось на показателях экономического развития провинций. В то же время депрессивные приграничные российские и северокорейские регионы не смогли представлять полноценного рынка для сбыта производимой в Северо-Восточном регионе КНР продукции.

Ухудшившееся социально-экономическое положение, подпитываемое слабой инвестиционной привлекательностью Северо-Восточного региона КНР привели к значительному снижению доли производимой промышленной продукции. Вклад региона в промышленное производство КНР за годы реформ сократился с 17% в 1978 г. до 9% в 2002 г. [3,4]. Это во многом объясняется наследием централизованно-планируемой экономики и наличием здесь значительного числа государственных предприятий. В целом наблюдалось постоянное снижение доли ВРП Северо-Восточного региона в ВВП КНР с 80-х гг. XX в. (для сравнения: 1956 г. – 19,2%; 1980 – 13,86%; 1988 – 11,85%; 2002 – 10,44%) [2].

Сложившиеся в середине XX века отрасли специализации региона до настоящего времени играют ведущую роль в отраслевой структуре промышленного производства. Отрасли специализации региона представлены в основном тяжелыми производствами, требующими больших затрат энергии и сырья, что обуславливает возникновение следующих проблем: 1) энергодефицит – в районе производится 7,7% общекитайской электроэнергии, при этом потребление составляет 8,2% общекитайского. Расход энергии на единицу производимой промышленной продукции (стоимостью 10000 юаней) в провинциях Северо-Востока (Хэйлунцзян – 2,34; Цзилинь – 3,25; Ляонин – 3,11) гораздо выше, чем в приморских провинциях (Цзянсу – 1,67; Чжэцзян – 1,49; Фуцзян – 1,45 и Гуандун – 1,08) [2]; 2) нехватка некоторых видов сырья, в частности железной руды, глинозема, нефти и нефтепродуктов. Именно эти позиции фигурируют в импорте, осуществляется закупка не только первичного сырья, но и вторичного (изделия из черных и цветных металлов, лом металлов).

Структура хозяйства провинций Северо-Востока Китая оказалась менее гибкой к возросшему мировому спросу на высокотехнологичную продукцию, в чем немаловажную роль помимо специфики отраслей и значительной доли предприятий государственной формы собственности сыграла малая инвестиционная привлекательность. Экономическое развитие провинций региона напрямую зависит от объема инвестиций, недостаточность которых привело к снижению доли ВРП провинций в ВВП КНР и затруднению социально-экономического роста.

Для решения существующих проблем в регионе в ноябре 2002 г. после 16 съезда ЦК КПК руководством КНР была сформулирована Стратегия возрождения старопромышленных баз Северо-Востока Китая (东北地区等老工业基地振兴战略). В октябре 2003 г. на 3-ем пленуме ЦК КПК 15-го созыва было принято решение о стимулировании развития провинций Северо-Востока КНР и обнародован «План возрождения старых промышленных баз Северо-Восточных провинций», в начале 2004 г. при Госсовете КНР учреждена Канцелярия руководящей группы по регулированию и возрождению старых промышленных баз на Северо-Востоке Китая, а в 2007 г. был принят «План возрождения Северо-Восточного Китая» (中国东北振兴计划), рассчитанный на 11-ю пятилетку (до 2010 г.). Тем самым политически и организованно оформилась идея, озвученная еще в 1980-х гг., относительно изменения механизмов хозяйствования в провинциях Северо-Восточного региона КНР, образно рассматриваемого в Китае как «последний оплот плановой экономики» [5].

Реализуемый с 2003 г. правительством КНР «План возрождения Северо-Восточного Китая» призван ускорить социально-экономическое развитие региона. При этом основные положения данного плана будут определять направления развития Северо-Восточного региона КНР вплоть до 2020 г. [5] Предусмотренные Планом мероприятия преследуют достаточно широкие цели. Первоначально речь шла о реконструкции и переоснащении современным оборудованием «старых промышленных баз», большинство предприятий которых были построены в 1950-е гг. XX в. при участии СССР. Таких объектов к началу реализации Плана в КНР насчитывалось 156, треть из них располагалась в провинции Хэйлунцзян, в том числе 25 предприятий – в Харбине. Однако к настоящему времени сам План стал составной частью механизма решения более общей задачи по всестороннему развитию региона и выравниванию уровня социально-экономического развития различных регионов Китая.

В качестве целевых установок возрождения региона в течение 11-й пятилетки провозглашены: модернизация «социальной рыночной экономики»; поддержание быстрого и устойчивого роста; реструктуризация государственного сектора; повышение степени

открытости приграничных регионов; реструктуризация экономики на основе ускоренного развития сектора услуг; повышение конкурентноспособности предприятий Северо-Востока КНР; развитие природоохранной деятельности и внедрение ресурсосберегающих технологий; развитие социальной сферы: образование, медицина, культура, спорт и т.д.

Согласно Плану к концу 11-й пятилетки планируется достижение следующих целей в области экономического и социального развития в Северо-Восточном Китае:

- стремительный экономический рост, основанный на принципах «научного развития» и «экономики знаний»; структурная реорганизация экономики региона; повышение эффективности и общее снижение энергозатратности; удвоение ВРП на душу населения к 2010 г. по отношению к показателю 2002 г.;

- значительное увеличение доли региональной промышленности в ВВП страны; рост негосударственного сектора в ВРП; рост числа конкурентоспособных на международном уровне отечественных компаний с независимыми правами интеллектуальной собственности и известных брендов как часть инновационного потенциала региона;

- создание мощного потенциала устойчивого развития региона; улучшение эффективности использования ресурсов и снижение воздействия на окружающую среду; снижение уровня загрязнения воздуха и воды в районах, расположенных вдоль рек Ляо и Сунгари; охрана морской экологической среды;

- стимулирование социального развития путем улучшения качества государственных услуг в образовании, здравоохранении и социальном обеспечении; снижение числа бедного населения; улучшение ситуации в сфере общественной безопасности и охраны труда; стимулирование строительства новой социалистической деревни; рост среднедушевых доходов сельских жителей по отношению к доходам городского населения; сохранение уровня безработицы среди городского населения на уровне ниже 5 %.

- продвижение политики реформ и открытости; развитие инновационной системы региона; завершение реформирования «старой промышленной базы»; повышение степени открытости прибрежных, приграничных районов и крупных городов региона; расширение внешней торговли; увеличение объемов иностранных инвестиций и повышение эффективности их использования.

Конкретные результаты реализации Плана концентрированно выражены в определенных индикаторах развития, распределенным по

сферам деятельности и классифицированным по уровню возможности достижения (ожидаемые и обязательные для достижения) (Табл. 1)

Таблица 1.

Основные запланированные индикаторы развития Северо-Восточного региона в период 11-й пятилетки, до 2010 г. [6]

Сферы деятельности	Показатели	2005	2010	Годовой рост (%)	Вид показателя
Экономический рост	ВРП на душу населения (юани)	15318	21889	7,4	ожидаемый
	Объем зерновой продукции (10 тыс тонн)	8614	9450	1.9	ожидаемый
Экономическая структура	Доля сферы услуг в ВРП (%)	38	41	[3]	ожидаемый
	Доля продукции с добавленной ценность негосударственного сектора в ВРП (%)	36	48	[12]	ожидаемый
	Доля расходов на НИОКР в ВРП (%)	1,3	2	[0,7]	ожидаемый
	Уровень урбанизации (%)	52	55	[3]	ожидаемый
Ресурсы и окружающая среда	Снижение энергозатрат на единицу ВРП (%)			[20]	обязательный
	Снижение затрат воды на единицу произведенной промышленной продукции (%)			[30]	обязательный
	Площадь пахотных земель(10 тыс га)	2548	2553	[0,2]	обязательный
	Снижение уровня загрязнения окружающей среды (%)			[10]	обязательный
	Объем утилизации твердых промышленных отходов (%)	51.9	>60	[8,1]	обязательный
	Увеличение лесных площадей (%)	34	38	[4]	обязательный
Социальное развитие	Зарегистрированный уровень городской безработицы (%)	4,2	<5	[0,8]	ожидаемый
	Население, участвующее в пенсионной системе в городах (%)	2550	3270	5,1	обязательный
	Население, охваченное новой медицинской системой в деревнях (%)		>80		обязательный
	Средняя продолжительность обучения в школе (год)	9	10	[1,0]	ожидаемый

Предпринимаемые в отношении провинций Северо-Востока Китая меры еще никогда не были столь масштабными. В рамках общего Плана каждой из административной единиц региона разработаны собственные, в целом схожие по стратегической направленности, программы регионального развития. Кроме того, локальные администрации более низкого уровня (городского и уездного) в рамках общих принципов, устанавливаемых планом, регулярно разрабатывают собственные указания и рекомендации хозяйствующим субъектам. Канцелярия руководящей группы по вопросам регулирования и возрождения старых промышленных баз на Северо-Востоке Китая при Госсовете КНР, в свою очередь, стремиться скоординировать и оптимально объединить мощности и потенциалы отдельных административных единиц региона.

В рамках «Плана возрождения Северо-Восточного Китая» также разрабатываются региональные программы, нацеленные на решение конкретных задач в различных сферах жизнедеятельности региона. Можно назвать ряд программ в области управления, культуры и туризма.

Одной из таких стратегических разработок в отношении Северо-Восточного региона выступает эксперимент по созданию укрупненного региона. Правительство КНР столкнулось с необходимостью поиска новых политических решения, которые способствовали бы успешной реализации экономических задач освоения зарубежных рынков сбыта и источников сырья, решения внутренних проблем, и позволили бы наработать опыт по проведению политической реформы в масштабах всей страны.

Северо-восточный регион КНР стал первой экспериментальной базой по изучению и разработке новой системы территориальной организации. На Северо-Востоке страны исследуется возможность создания региона, объединяющего провинции Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян. Первым шагом стало подписание в июле 2008 г. народными правительствами провинций Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзяни рамочного Соглашения о законодательном сотрудничестве, которое призвано координировать разработку нормативных актов в трех этих провинциях Согласно рамочному соглашению, сотрудничество регионов будет строиться на 3 принципах: 1) единство в решении важнейших законодательных проблем в области управления и социальной сфере (образование единой рабочей группы); 2) тесное взаимодействие при решении законодательных проблем имеющих общую важность; 3) независимость при решении вопросов, не затрагивающих интересы трех провинций [7].

Создание на Северо-Востоке укрупненного региона направлено на то, чтобы системы нормативных актов провинций были более скоординированы, не противоречивы, что должно повлечь за собой

снижение экономико-социальных барьеров между провинциями, снижение конкуренции, снижение издержек и ускорение законотворческого процесса. Внутри страны этот шаг должен скомпенсировать процесс углубления рыночной реформы, сопровождающийся ослаблением контроля государства за субъектами экономики, на международной арене Северо-восток Китая должен стать регионом, выступающим единым фронтом в борьбе за ресурсы и рынки сбыта. Политический смысл эксперимента – поиск новых эффективных методов управления территориями в меняющихся экономических условиях.

Эксперимент по созданию системы законодательного сотрудничества, проводимый в рамках Плана возрождения Северо-восточных провинций стал первым в истории КНР примером создания «горизонтальной» региональной системы взаимодействия в политико-правовой сфере.

Приграничное положение Северо-восточного региона определило также специфику культурной политики КНР в отношении данной территории. Цель – подъем уровня культуры отсталых окраинных районов, приобретающих стратегически важное значение для развития отношений с соседними странами; осуществление всекитайской программы создания приграничного культурного коридора (ПКК).

Главными целями строительства ПКК были объявлены пропаганда культуры, развитие торгово-экономической деятельности, туризма, а также содействие укреплению национальной обороны. Формирование ПКК в Китае уже дало первые положительные результаты, и государство планирует продолжить осуществление этой программы. В начале XXI в. министерство культуры КНР совместно с другими ведомствами утвердило «План строительства всекитайского «культурного коридора приграничных территорий длиной в 10 тыс. ли» на 2001-2010 гг.». Согласно плану КНР поставило задачу утвердить образ Северо-Восточного Китая как культурного приграничного региона, поэтому пропаганда культуры становится первостепенной задачей. Убедительным свидетельством прогресса, достигнутого в приграничье, стал расцвет расположенных здесь городов Хэйхэ, Суйфэньхэ и Хуньчунь. Так, расположенный на площади в 460 кв. км город Суйфэньхэ, насчитывающий 150 тыс. жителей, сегодня считается одним из самых передовых в ПКК. Партком и правительство провинции Хэйлунцзян выступили с инициативой превратить его в «Северный Шэньчжэнь»[8].

Еще одним инновационным проектом, реализуемым в рамках «Плана возрождения Северо-Восточного Китая», является «План развития туризма Северо-Восточного региона» (东北地区旅游业发展规划), направленный на создание и продвижение туристского бренда «Большой

Дунбэй» (“大东北旅游”品牌) [9]. Разработка Плана была осуществлена Национальным Бюро по туризму, по делам развития и реформ КНР. Официально документ был представлен 17 марта 2010 г. Организационно-правовые механизмы реализации Плана были осуждены представителями региональных элит провинций Северо-Востока на Форуме по туризму, прошедшем в г. Ичунь провинции Хэйлунцзян 5-6 августа 2010 г.

Реализация «Плана развития туризма Северо-Восточного региона» в период 2010-2015 гг. призвана ускорить развитие туристской отрасли в регионе, в состав которого входят провинции Хэйлунцзян, Цзилин, Ляонин и восточная часть Автономного района Внутренняя Монголия. При этом основные положения данного плана будут определять направления развития отрасли вплоть до 2020 г.

Национальная туристская индустрия призвана занять значимое место в структуре китайской экономики в условиях процессов интеграции и глобализации. Новая модель массового туризма, разрабатываемая в Северо-Восточном регионе, не требует таких затрат природных ресурсов как промышленность и способна создать необходимое количество рабочих мест для снижения уровня безработицы, таким образом может стать эффективным механизмом развития экономики региона. Кроме того Северо-восточный регион обладает уникальные преимущества в развитии туризма. Регион обладает богатыми туристическими ресурсами (около 155 видов); состояние окружающей среды в целом создает благоприятную базу для развития экотуризма; географическое положение региона, наличие сухопутных и морских границ с иностранными государствами, создают необходимые условия для развития межрегионального и международного туризма.

Согласно Плану к 2015 г. планируется достижение следующих целей в развитии туристической отрасли Северо-Восточного региона КНР:

- обеспечение быстрого и устойчивого роста туризма: увеличение доли туристической отрасли в ВРП в 2 раза по отношению к показателю 2008 г.

- дальнейшая оптимизация туристических продуктов: улучшение туристской инфраструктуры городов; развитие 4 регионов зимнего туризма и отдыха мирового класса; создание 10 брендов экотуризма, формирование отличительных особенностей приграничного туризма, культурного туризма, туризма в прибрежных зонах; разработка специальных туристических продуктов в условиях увеличивающегося спроса на рынке туристических услуг для удовлетворения индивидуальных и разнообразных культурных потребностей массового туризма;

- более скоординированное развитие пространственной структуры туризма: развитие туристских кластеров на базе городов региона; укрепление кластерного развития «5 районов и 15 субрегионов» в приморской зоне Северо-Востока; реализация модели строительства «4 горизонтальных и 4 вертикальных» осей развития регионального туризма.

- улучшение качества туристских услуг: модернизация гостиничной сети, увеличение пропускной способности транспорта для перевозки туристических потоков; усовершенствование мер по обеспечению безопасности туристических услуг;

- внедрение инноваций в институциональную организацию туристической системы региона;

- укрепление регионального и международного сотрудничества в сфере туризма.

Ключевые направления и цели «План развития туризма Северо-Восточного региона» концентрированно выражены в индикаторах развития (Табл. 2)

Таблица 2.

Основные показатели развития туризма в Северо-Восточном регионе КНР до 2015 г. [9]

Экономические показатели	2008 г.	2015 г.	среднегодовые темпы роста
Общий доход туризма (млн.)	3422,6	8560	14%
Общая численность поездок (млн. человек)	3,5	8	13%
Численность туристов (млн. человек)	659,3	1370	11%
Доход от туризма в иностранной валюте (долл. США)	30,9	70	12%

В целом «План развития туризма Северо-Восточного региона» представляет собой детально разработанную стратегию развития отрасли, с обозначением основных направлений, целей, принципов и механизмов её реализации.

К настоящему времени с провозглашения курса на возрождение Северо-Восточного региона КНР прошло уже более семи лет и в данном направлении достигнуты определенные результаты, представляющие собой заметное оживление динамики экономического развития региона. Анализ данных социально-экономического развития позволяет подвести некоторые промежуточные итоги реализации Плана и оценить эффективность предпринимаемых мер. [См. подробнее: 2,3,4,5,10]

Следует также отметить, что, учитывая приграничное положение региона, китайские власти предусмотрели различные механизмы

укрепления взаимодействия с соседними территориями сопредельных государств. Анализ «Плана возрождения Северо-Восточного Китая», а также программ развития отдельных сфер экономики региона, разрабатываемых в её русле, свидетельствует о том, что указанные документы закрепляют видение китайской стороной взаимодействия с приграничными российскими территориями в качестве одного из ключевых инструментов стимулирования собственного социально-экономического развития. Особое место, как в общей Стратегии развития Северо-Востока Китая, так и в региональных (провинциальных) планах, уделяется расширению сотрудничества с российскими Дальнем Востоком и Восточной Сибирью, как одними их ключевых партнеров КНР в регионе.

Российские приграничные регионы в руководящих документах Северо-Восточного Китая рассматриваются, в первую очередь, в качестве рынков сбыта продукции китайского производства, а также поставщика товаров ресурсной группы. Кроме того, они активно используются в целях трудоустройства китайских рабочих и производства сельскохозяйственной продукции для последующей ее продажи на территории РФ. Российские ученые, занимающиеся исследованием стратегий современного регионального развития Северо-Востока КНР [5,11,12,13] часто делают вывод о том, что масштабные преобразования, осуществляемые в настоящее время в регионе, неизбежно отразятся на его межрегиональных отношениях с приграничными регионами РФ и будут в значительной мере определять внешние условия их регионального развития в обозримой перспективе.

В 2007 г. по инициативе китайской стороны была создана двусторонняя комиссия по подготовке межправительственного соглашения «по сопряжению Федеральной целевой программы экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья с программой развития старых промышленных баз Северо-Восточного Китая» [12]. Основными приоритетами китайской стороны в данной области являются расширение импорта российского сырья; совместная разработка месторождений цветших металлов с последующим их вывозом; увеличение пропускной способности пограничных пунктов пропуска; развитие сети трансграничных автомобильных и железных дорог; увеличение количества пограничных торговых комплексов; привлечение в КНР большего числа российских туристов; экспорт в РФ китайской рабочей силы; участие китайской стороны в реализации мероприятий, предусмотренных ФЦП. Все это в полной мере нашло отражение в «Программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики на 2009-2018 гг.», одобренной 23 сентября 2009 г.

Ху Цзиньтао и Дмитрием Медведевым [14], которая, по мнению большинства экспертов, не призвана полностью решить проблему сложившейся ассиметрии в развития приграничных территорий РФ и КНР. Более того, некоторые ученые придерживаются мнения о том, что двусторонняя программа сотрудничества – это четкое воспроизведение назначения Дальнего Востока и Восточной Сибири как сырьевой базы. На территории Российской Федерации будет происходить разработка целого ряда месторождений полезных ископаемых, природных ресурсов и создание инфраструктуры по экспорту этого сырья преимущественно в одном направлении – китайском. На китайской же территории, напротив, строятся промышленные предприятия, ориентированные на переработку добытых в России ресурсов.

В то же время нельзя однозначно заключить, что дальнейшее расширение межрегионального сотрудничества РФ и КНР будет иметь только негативные последствия для российской стороны. Лесные и энергетические ресурсы являются важнейшей статьей российского экспорта, китайская рабочая сила и инвестиционные потоки играют важную роль в развитии региона, а транзитное положение предоставляет возможности для развития транспортной инфраструктуры [5]. От повышения уровня социально-экономического развития приграничных территории РФ и разработки региональными элитами эффективной региональной политики, способствующей экономическому развитию и культурному диалогу, во многом зависит реальная конфигурация трансграничного регионального пространства и превращение российско-китайского приграничного взаимодействия в потенциальный фактор развития, а не реальную угрозу, для восточных регионов России.

ЛИТЕРАТУРА

[1] 东北简介/ 辽宁省人民政府 = О Северо-Востоке / Официальный сайт правительства провинции Ляонин. – Режим доступа: http://www.ln.gov.cn/qmzx/qyjj/zxdb/200912/t2009 1208_456090.html . – Дата обращения 08.12.2009. – Кит. яз.

[2] Л.Е. Лукъянова Северо-Восток Китая в системе общекитайского разделения труда: автореф. дисс….канд. георграф. наук. – Иркутск, 2010. – 18 с.

[3] Т.Д. Хузиятов Региональная экономическая политика Китая: стратегия возрождения Северо-Восточных районов // Регион: экономика и социология. 2005. – № 4 – С. 200-207.

[4] Т.Д. Хутиязов Северо-Восточный Китай: стратегия повышения конкурентоспособности // Проблемы современной экономики. – 2004. – № 12. – С. 56

[5] Д.А. Изотов, В.Е. Кучерявенко Северо-Восток Китая в условиях реализации плана возрождения экономики // Пространственная экономика. – 2009. - № 2. – С. 140-158.

[6] Plan of Revitalizing Northeast China = План возрождения Северо-Восточного Китая. – Режим доступа: http://chinaneast.xinhuanet.com/2007-12/19/content_11981590.htm. – Авт. пер. с англ.

[7] Т.Н. Кучинская Инновационные тенденции в процессе внутренней регионализации КНР // Кулагинские чтения: материалы VIII Всероссийской науч.-практич. конференции.– Чита: ЧитГУ, 2008. – Ч.III. – С. 206-210.

[8] Рябченко, О.Н. Формирование приграничного культурного коридора на Северо-Востоке КНР / О.Н. Рябченко // Россия и АТР. – 2007. – №. 1. – С. 166-200.

[9] 东北地区旅游业发展规划 / 振兴东北 = План развития туризма Северо-Восточного региона // Официальный сайт Северо-Восточного региона КНР . – Режим доступа: http://www.chinaneast.gov.cn/2010-03/17/c_13214227.htm . – Кит. яз.

[10] З. Муромцев Стратегия подъема Северо-Востока Китая // Обозреватель – Observer. – 2004. – № 8 (174).

[11] П.А. Минакир Россия – Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы // Пространственная экономика. – 2009. – № 3. – С. 9-17.

[12] С.А. Иванов Корреляция программ развития Дальнего Востока России и возрождения Северо-Востока Китая: проблемы и перспективы / С.А. Иванов // Вестник ДВО РАН. – 2009. – № 5. – С. 132-139.

[13] Д.А. Дарбалаева Перспективы сотрудничества российского и китайского приграничья // Стратегические направления устойчивого развития Байкальского региона: материалы Всеросс. Науч.-практич. Конференции с участием иностранных ученых и экспертов, 21-22 апреля 2010г., г. Иркутск. Режим доступа: http://www.isea.irk.ru/files/s1/31_Darbalaeva.pdf

[14] Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009 - 2018 годы). – Режим доступа: www.kp.ru/upfile/attached_file/559291.doc.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА: ОПЫТ АВТОНОМНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГАГАУЗИЯ

Левитская А.П. д.э.н., доцент
кафедры экономики
экономического факультета
Комратского государственного университета,
levital@mail.ru

Регионализм и местное самоуправление, к сожалению, не имеет традиций в Республике Молдова (РМ). Однако эта небольшая страна имеет в разных своих частях значительные демографические, природные и экономические особенности. Административно- территориальное деление в послевоенный период менялось как в «калейдоскопе»: количество районов варьировало от 16 до 63. Вплоть до середины 90-х годов сохранялась чрезвычайно дробная административно-территориальная система. После ратификации Парламентом РМ Европейской Хартии местного самоуправления в Молдове была проведена реформа, в результате которой образовалось 10 территориальных единиц, включая Приднестровье и Гагаузию (Гагауз Ери.).

Гагаузия – автономно-территориальное образование (АТО) в составе РМ с особым правовым статусом, выражающим самоопределение гагаузского народа, осуществляющего свою деятельность в соответствии с Конституцией РМ, Законом «Об особом правовом статусе Гагаузии» и Уложением Гагаузии. АТО Гагаузия расположено в южной части РМ и относится к самостоятельному экономическому региону страны. АТО Гагаузия в рамках этого экономического региона имеет производственно-хозяйственные связи с близлежащими районами РМ. На востоке автономия граничит с районами Одесской области Украины.

На территории АТО Гагаузия проживает 155,6 тысяч человек или 4,6% населения Республики Молдова. Площадь территории Гагаузии составляет 1848 кв. км. или 5,5% общей территории Республики Молдова. В соответствии с Законом «Об особом правовом статусе Гагаузии» и «Об административно–территориальном устройстве Гагаузии» территория автономии делится на районы, города и села.

Экономический потенциал автономии определяется, прежде всего, его аграрно-промышленным комплексом, опирающимся на местные природные условия и многовековые навыки населения в сельском хозяйстве и производстве пищевых продуктов. Сырьевая база автономии

позволяет обеспечить перерабатывающую промышленность Гагаузии достаточным количеством сырья, особенно виноградом, зерном, подсолнечником и др. Во всех сферах экономики Гагаузии зарегистрировано 6729 экономических агента, из которых 112 с иностранным капиталом.

Являясь составной частью Республики Молдова, АТО Гагаузия имеет право участвовать в формировании внутренней и внешней политики государства. В целях развития направлений международного межрегионального сотрудничества проводиться работа по налаживанию торгово-экономических, научно-технических и культурных связей с регионами других государств. Так оценивая сложившиеся и налаживаемые внешнеэкономические и культурные связи Гагаузии с другими регионами можно отметить, что Гагаузия подписала Соглашения о сотрудничестве в Российской Федерации с Правительством Москвы, Республикой Татарстан, Пензенской областью, в Украине с Администрациями Одесской и Черкасской областями, в Республике Беларусь с Исполнительным Комитетом Могилевской области.

Планируется подписание Соглашений о сотрудничестве в Российской Федерации с Республикой Башкортостан, Московской, Брянской областями и Ставропольским краем, в Украине с Харьковской областью, в Румынии, в Болгарии, в Литовской Республике, в Республике Польша и Чехии. Традиционно сильны международные связи Гагаузии со странами и регионами тюркского мира – Турцией, Азербайджаном, регионами РФ: Татарстаном, Башкортостаном, Чувашией. Этот фактор делает Гагаузию своеобразным «мостом» взаимодействия, так как гагаузский народ объединяет в себе языковую принадлежность, традиции и обычаи тюркского мира и христианское вероисповедание.

В целях поддержания соотечественников за рубежом и налаживания торгово-экономических и гуманитарных связей активизируется работа по открытию торгово-экономических и культурных представительств АТО Гагаузия (Гагауз Ери) в Российской Федерации, Республике Турция, Украине, Болгарии, странах ЕС и других странах.

Оценивая роль и место регионов в сегодняшней Европе, следует сказать о так называемом водоразделе в трактовке и подходах к регионам. Документом, претендующим на фиксацию водораздела, мог бы стать документ Комиссии ЕС «Региональная политика Сообщества». Регионы были помещены уже не в национальную, а общеевропейскую «сборку». Соответственно в 1985 г. Совет Европы принял «Европейскую хартию о местном самоуправлении», а в 1989 г. «Европейскую (Мадридскую) рамочную конвенцию о трансграничном сотрудничестве территориальных образований и их властных органов». В 1988 и 1991 гг.

Европарламент принял «Хартию Сообщества по проблемам регионализации». Начиная с 1970-х гг. западноевропейские государства принимают национальное законодательство, регулирующее региональное развитие, а также утверждают планы пространственного развития своих стран.

В отличие от стран Центральной и Восточной Европы понятия региональной политики в Республики Молдова практически не существовало. У большинства работников аппарата управления данное понятие сводится к распределению ресурсов, предоставляемых центром.

В меньшей степени уделяется внимание созданию институциональных условий и развитие регуляторных методов реализации региональной политики. В силу этого накапливаются такие проблемы, как качество региональной статистики, порядок формирования местных бюджетов и муниципальной собственности, системы социального обслуживания, природопользования и охраны окружающей среды и др.

Между тем, главная цель региональной политики – создание предпосылок для обеспечения достаточных доходов, уровня жизни и занятости населения, поддержка местной инициативы, улучшение инфраструктуры и окружающей среды. Предназначение региональной политики не в «выравнивании уровня развития» регионов, а в предоставлении равных возможностей для полного использования человеческого, экономического и природного потенциала.

Оценивая пересмотр в отношении выстраивания механизма регионального развития в Республике Молдова следует сказать, что в 2006 году в Республике Молдова был принят закон «О региональном развитии», согласно которому вся страна была разделена на 6 экономических регионов и Гагаузия стала самостоятельным экономическим регионом, таким образом, получив дополнительный стимул для комплексного развития экономики автономии [1]. По сути, речь идет о четырех учреждениях, находящихся под эгидой Министерства местного публичного управления.

Финансовыми инструментами регионального развития могут выступать *Национальный фонд регионального развития*, а также собственные доходы бюджетов единиц местного самоуправления. В странах Центральной и Восточной Европы региональная политика также была не вполне последовательна и не обеспечена достаточными финансовыми ресурсами. Но она имела четкий ориентир – неизбежное в скором будущем вступление в ЕС. Финансовая помощь ЕС сыграла важную роль в удержании региональных диспропорций в унаследованных от социалистического периода рамках.

Национальный координационный совет по региональному развитию (НКСРР) образован в целях тестирования, продвижения и согласования на национальном уровне задач политики по региональному развитию. В состав НКСРР входят министры (местного публичного управления, экономики и торговли, финансов и др.), председатели региональных советов развития и по одному представителю от частного сектора, назначенного каждым регионом развития. Одна из первостепенных компетенций НКСРР состоит в окончательном утверждении финансирования проектов регионального развития.

Региональный совет по развитию (РСР) является правомочной региональной структурой, без статуса юридического лица, созданного для разработки, согласования и надзора за ходом выполнения политики регионального развития на уровне регионов развития.

Агентства регионального развития (АРР) создаются в каждом регионе и играют роль местного исполнительного органа. Основной целью политики развития автономии считается устойчивое повышение качества жизни населения. Решение этой задачи возможно только через комплексный подход к развитию. «Качество жизни» становится одним из ключевых понятий региональной политики в Республике Молдова, причем в него стали включаться не только уровень дохода и обеспечения населения, но и культура, событийная насыщенность региональной жизни, организация досуга, экология, региональный имидж, а также эффективность и качество услуг общественного управления, включая разработку и реализацию убедительных региональных стратегий. Это очень важно, так как все эти целевые ориентиры являются главными при реализации странами ЕС политики Добрососедства, частью которой является и Республика Молдова.

Опыт стран Центральной и Восточной Европы показывает большую социальную, экономическую и политическую значимость стратегий и концепций регионального развития на 10-20 лет, имеющих характер официальных документов. Благодаря им, а в настоящее время и принятых стратегий регионального развития, в Польше, Венгрии, Словакии, Чехии осуществляется интеграция региональной политики с макроэкономической и отраслевыми (секторальными) политиками, что сегодня только зарождается в Республике Молдова. Понимая значимость и важность подобных документов для нужд развития автономии, руководство Гагаузии приняло Стратегию социально-экономического развития Гагаузии до 2015 года.

Рассматривая Гагаузию через призму европейского измерения можно отметить следующие элементы: наличие мультикультурного общества, где сосуществуют представители разных культур и этносов;

главенство принципов демократии и европейских ценностей; наличие конкурентных преимуществ для потенциальных инвесторов и др. Это все говорит об утверждении универсальных европейских ценностей в автономии.

Процессы, происходящие в современном мире, вынуждают руководство отдельных регионов оперативно реагировать на современные требования и проводить более решительную и последовательную политику. Руководство Гагаузии понимая важность данного подхода, разрабатывает и предполагает реализовать концепцию «Социоэкополиса», которая предполагает создание качественно новой среды в населенных пунктах автономии, превращая каждый из них в динамично развивающееся целостное образование: социально-экономическое, интеллектуальное, культурное и духовное.

В постановлении Исполнительного комитета Гагаузии № 26 от 12.02.2009 г. «О пилотном проекте в 3-х населенных пунктах АТО Гагаузии по реализации модели «Социоэкополисов» на основе создания структур опережающего развития», четко и логически определена важность осознания необходимости перехода Молдовы на инновационную модель развития, ускоренного выравнивания социально-экономических условий со странами Европейского Союза и учета, того что, нивелирование структурных особенностей возможно лишь на пути внедрения в экономику и социальную сферу жизни общества инноваций, базирующихся на мировых стандартах, а так же то, что в большинстве стран мира в решении социально-экономических проблем возрастает роль местных сообществ [2].

Целью создания и реализации социоэкополисов является превращение населенного пункта Гагаузии в динамически-развивающееся целостное социально-экономическое, интеллектуальное, культурное и духовное образование. Здесь создается качественно новая среда развития в пределах юридической компетенции территориальной общины, отдельного населенного пункта.

Социоэкополис, органично объединяющий в себе лучшее из существовавших ранее концепций развития, по сути, новая форма демократической организации общества, в которой резко возрастает роль местного самоуправления и социального партнерства. Создание и ускоренное развитие социоэкополисов должно стимулироваться их законодательной и организационной поддержкой со стороны государства на всех уровнях власти.

Проект «Социоэкополис» не может успешно развиваться, если не будут приняты законодательные акты, такие как: оптимизация трудового законодательства и внедрение современных моделей рынка труда; о

налоговой политике применительно к структурам опережающего развития; о венчурном финансировании инновационной деятельности в Молдове; о социоэкополисах в Молдове. Также, необходимым условием успешности новых моделей социально-экономического развития является соответствие их глубинным психологическим особенностям народа и его традициям, т.е. ментальности. Поэтому проект «Социоэкополис АТО Гагаузия» в этом плане должен быть оригинальным проектом.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Постановление Исполнительного комитета Гагаузии № 26 от 12.02.2009 г. «О пилотном проекте в 3-х населенных пунктах АТО Гагаузии по реализации модели «Социоэкополисов» на основе создания структур опережающего развития»,

[2] Закон №438 от 28.12.2006 О региональном развитии в Республике Молдова, опубликован 16.02.2007 в «Мониторул офичиал» №021.

INSTRUMENTS OF SOCIAL AND ECONOMIC POLICY ADMINISTERED BY THE CITY OF POZNAŃ. THE FINANCIAL ASPECT

Mądry C.M., Ph.D.,
Institute of Socio-Economic Geography
and Spatial Management,
Faculty of Geographical and Geological Science,
Adam Mickiewicz University, Poznań (Poland)
cezary_madry@o2.pl

As a result of local government reforms carried out in Poland in 1989 and 1999, local authorities were endowed with wide capabilities in the realm of shaping the local social and economic policies, accompanied by funds to administer these policies. Moreover, local governments faced opportunities to generate their own revenues. While before Poland's accession to the European Union, pre-accession funds had been available, after 2004 these opportunities cropped up. At the same time, these funds were a strong stimulus of economic growth; at the end of the first decade of 21st century, they helped Poland to avoid the economic downturn.

The goal of this article is to present the financial aspect of the chief instruments of the social and economic policy administered in the city of

Poznań (Poland). I have described the major instruments of this policy and how these funds are distributed.

The instruments of the local economic policy include any information, activity and the local authorities' abstaining from action, affecting the growth of the local businesses or the operations of institutions [1, 2]. In a detailed classification, these instruments are broken down to the following types:

- compulsory administration (incl. orders, prohibitions, sanctions, permits, county regulations);
- cognitive (incl. controls and verifications of adherence to the local spatial development plans and contracts);
- economic and market influences (financial/fiscal policy / in the area of commune budgets /, availing resources, public utility services);
- direct impact on the growth of businesses (entrusting management of municipal property, public procurement);
- infrastructural stimulation of local entrepreneurship development;
- information-related (the commune budget, study of land use conditions and directions, the local spatial development plan, communal economic programmes, declarations);
- educational (trainings, consultancy, school maintenance);
- conceptual and organisational (the organizational structure of the county office, the clerks' competence, external consulting);
- other instruments (special economic zones, science and technology parks).

Many of these instruments have been recorded in the city documents. In the case of Poznań, growth goal planning and execution are reflected in three types of documents. They include: (1) the Growth Strategy for the city of Poznań by 2030, (2) the Long-term Financial Plan, Long-term Investment Programme, Long-term Task Budgets and (3) annual budgets.

The Growth Strategy for the city of Poznań is a strategic document. As the authors explain, it is a "long-term action plan identifying the chief goals and directions of the city's social and economic development, the implementation of which has the goal of satisfying the city dwellers' needs. We need the growth strategy in order to:

- systematize the city's activity,
- identify the city's future vision,
- select and agree on the goals we intend to achieve,
- find out how much time, money and other resources we need to introduce the necessary changes,
- gain support for implementing developmental goals,
- involve in implementing the developmental goals as many people and organizations as possible.

The city's growth strategy results from a diagnosis of the status quo of all areas of the city's operations. It comprises of elements like a vision and mission, strategic goals, programmes for goal implementation, measures and means to administer the strategy" [3].

The strategy was originated in 2010 as a long-term document with 20 years in mind. Its nature is intentional and it does not have legal validity. It revolves around generally identified priorities and more detailed programmes. The strategy's weakness lies in the fact that it assumes stability of geo-political conditions, economic conditions (growth) and a political consensus about the goals and how to implement them. However, it is hardly original; rather, it is restricted to copying patterns typically included in such documents (development of knowledge-based economy and innovations, higher standard of living etc.). It identifies the ways of measuring the effects of implementing the Strategy (measures and indicators) which stimulates the related activities; however, the danger is that indicators will be met rather than goals.

The Long-term Financial Plan, the Long-term Investment Plan (WPI) together with the Long-term Task Budgets are medium-term tools (5 years). Their content is submitted to the Strategy and they are mutually related [4]. They tend to be highly flexible and modified in a "crawling" fashion: annually (once a specific year is over, the perspective is extended by another year; this is why the years covered are e.g. 2008-12, 2009-13 etc.) and currently (resulting from a sudden decision to give up a task or emergence of a new one, e.g. financing an investment related to Poznań's role of a city hosting the 2012 European Football Championships). Goal implementation is monitored by means of annual budget reports and bi-annual reports analysing changes to the adopted indicators.

The tasks included in the Long-term Investment Plan have been divided into four categories: (1) Continued tasks, (2) The Euro'2012 programme, (3) Other absolutely necessary tasks, (4) Tasks of value below Pln 500 thou. Another area of financing consists of (5) Submitted investment tasks excluded from the Long-term Investment Plan.

Continued tasks include priorities and programmes closely related to the Strategy; financing thereof is gradually expiring (Table 1). Their total forecasted cost (including expenditures incurred before 2010) amounts to Pln 1.35 billion. When Poznań was granted the right to co-organize the 2012 European Football Championship, the EURO 2012 programme was formulated to include the most significant relevant investments in the city. However, they refer to quite obvious and necessary infrastructural investments (reconstruction of the football-specific stadium, rebuilding the access roads, investments in public transport) as well as tourist investments to be appreciated by the city dwellers after Euro 2012 (a modern museum, a complex of Olympic and recreational swimming pools,

extended hospital wards etc.). The lion's share of the related costs will be borne before the Championship while some will be continued later on (Table 2).

The category for Other absolutely necessary tasks includes priorities and programmes directly related to the Strategy (Table 3). Therefore, they comprise a very large group of expenditures related to the technical infrastructure (roads, bicycle routes, sewage system) as well as the social infrastructure. The Old Gas-works project has been accompanied by heated social debates; it consists in converting the buildings of the former 19th century gas-works to a modern centre of culture, art and shopping (the latter to ensure that the facility is financially sustainable). In this case, the complete financial perspective has been extended beyond the next five years. While the city has earmarked the related funds, the authorities decided against applying for organization of the Rock In Rio festival. Tasks of value below Pln 500 thou. include relatively small local expenditures (local roads, maintenance of green areas, playgrounds etc.).

Table 1.

The city of Poznań's Long-term Investment Plan for 2010-2014 – Continued tasks (Pln mill)

Category	2010	2011	2012	2013	2014
Continued tasks	**222.8**	**58.4**	**1.1**	**0.1**	**0.1**
including:					
Priority: Investing in Knowledge (constructing schools)	12.5	10.6			
The Road Programme 2008-15 (Nowe Zawady St.)	57.8				
Priority: High Standard of Living:					
- Programme 13 Green Poznań (upgrading the Left-Bank Sewage Processing Plant)	57.8	2.0			
- Programmes 14/15 Let's live in Poznań (renovating tenement houses)	18.0				
- Programme 17 Health Safety (building hospitals)	8.3	0.8	0.8		
Priority: Culture and Recreation:					
- Programme 18 Culture Without Limits (extending the Raczyński Library)	35.2	45.7			
- Programme 20 Active and Attractive Relaxation (extending the Lake Malta recreation complex)	2.0	0.1	0.6	0.1	0.1

The data comprises the biggest expenses. 1 Pln = approx. 0.25 Euro.
Source: own work based on the City Hall's data.

Table 2.

The city of Poznań's Long-term Investment Plan for 2010-2014 – the EURO'2012 programme: examples of expenditures (Pln mill).

Category	2010	2011	2012	2013	2014	Total cost
EURO'2012 programme: including:	**638.7**	**727.5**	**403.4**	**99.8**	**50.2**	**3294.1**
Upgrading the Metropolitan Stadium	243.5					613.0
Rebuilding Bukowska street (to the airport)	56.0	64.0				151.8
Rebuilding Bułgarska street (near the stadium)	20.0	30.5				50.5
Extending the Traffic Control System	6.0	6.0	10.0	30.0	34.0	152.4
Building a tram line to Franowo district	5.0	141.5	65.5	24.8	16.2	271.1
Extending the Tram Rapid Transit system to the Central Railway Station	3.2	32.9	49.0			
Renovation of the public transport infrastructure	17.9	170.2	90.3	45.0		325.4
Construction of Olympic swimming pools (Thermae)	114.5	59.3				219.4
Interactive Centre for the History of Ostrów Tumski – the cradle of the Polish statehood and Christianity in Poland	9.8	43.0	44.5			98.2
The archaeological reserve in Ostrów Tumski	1.0	0.7	0.1			11.9
Building Poznań Nowe Miasto hospital	40.4	9.9				275.9
Subsidizing the police and the fire brigade purchases	1.4	1.0	1.0			3.4

The data comprises the biggest expenses. 1 Pln = approx. 0.25 Euro.
Source: own work based on the City Hall's data.

Table 3.

The city of Poznań's Long-term Investment Plan for 2010-2014 – the other absolutely necessary tasks (Pln mill)

Category	2010	2011	2012	2013	2014	Total cost
The remaining absolutely necessary tasks including:	**145.1**	**213.3**	**301.7**	**374.8**	**256.6**	**.**
Priority: investing in knowledge	1.8	0.0	0.0	2.5	2.0	6.2
Priority: Accessible Poznań (bicycle routes, upgrading road structures, acoustic screens)	5.0	5.5	6.0	6.5	6.5	.
Road Programme for 2008-2015	11.0	15.6	28.0	116.0	93.0	.
Transport infrastructure (purchase of land, pavements, reconstruction of the Górczyn viaduct)	27.8	35.0	46.2	117.5	109.1	.
E-Poznań programme – electronic public administration	30.7	29.2	9.8	5.7	5.7	.
Priority: High Quality Living: Programme 13 Green Poznań (rain collector pipes, waste management)	20.9	100.0	196.1	89.6	8.8	.
Programme 16 Safe Poznań (the police, the fire brigade)	0.0	0.0	0.0	3.0	3.0	.
Programme 17 Health Safety	1.4	0.2	0.8	4.7	4.9	
Priority: Culture and Recreation: Programme 18 Culture without Limits (the Old Gas-Works)	1.8	0.0	4.0	13.6	10.3	463.4*
Other ventures (Rock in Rio)	16.0	16.0				32.0

* After 2014

The data comprises the biggest expenses. 1 Pln = approx. 0.25 Euro.

Source: own work based on the City Hall's data.

Because of the costs involved, a lot of controversy has accompanied the planned expenditure on the Submitted investment tasks excluded from the Long-term Investment Plan (Table 4). They related to the city's so-called third transport frame. Poznań's spatial arrangement and car traffic rely on transport frames (city rings), concentrically surrounding the city centre and the further

districts. The second frame is about to be completed; the city mayor is strongly supporting the idea of constructing another frame based on already existing elements. The controversy surrounds the venture's huge costs (over Pln 8 billion), equivalent to the city's three-year budget. The opponents argue that the related debt will have to be paid back for years and will freeze the city's realistic investment capabilities for a long time. The followers put forward the argument of enhancing car traffic and offering considerable areas for investment purposes (along the planned route) and the related revenues for the city (e.g. from real estate taxes). The resulting new jobs are another highlighted benefit. The major part of this project is planned after EURO 2012.

Table 4.

Submitted investment tasks excluded from the Long-term Investment Plan for 2010-2014 (Pln mill)

Category	2010	2011	2012	2013	2014	Total cost
Submitted investment tasks excluded from the Plan	**127.3**	**319.8**	**594.8**	**911.6**	**719.0**	**8366.8**
Environmental protection (rain collector pipes at Łacina St.)	3.9	12.1	6.8	7.5	0.9	45.1
Transport and Communication (3rd transport frame)	60.9	261.5	550.7	896.9	706.5	8108.1

The data comprises the biggest expenses. 1 Pln = approx. 0.25 Euro.
Source: own work based on the City Hall's data.

The planned expenses are implemented in annual budgets adopted by the City Council [5]. The budget composition is conditioned by a type-related or genetic classification. The former includes natural, political, social, economic and the like conditionings. The genetic classification of conditions affecting budget setting includes exogenous factors (natural conditions, the level and rate of the country's economic growth, opportunities of external financing resulting from EU membership etc.) as well as endogenous (demographic trends in the city, the local community's aspirations and expectations, medium- and long-term planning assumptions, the administration's efficiency in attracting investors, the administration's activity in organizing international events etc.).

Figures 1 and 2 present the revenues and expenditures in the city's budget. Except for 2003, they tended to grow regularly. In the first decade of 21st century, they doubled (at current prices with moderate inflation); in plans for 2010 they nearly tripled. This is a reflection of the cumulative impact of the economic growth, the influx of EU funds and the city's growing debt (resulting,

among other things, from sale of city bonds). The biggest discrepancies between the planned and the actual revenues and expenses were in 2006. In that year growth also tended to be most dynamic. This should probably be attributed to the local elections and the related promises made by local politicians, including the city mayor (managing the city for 12 years). It is worth noting that in 2006, the execution of planned activities was poorest (see the scale on the right side of the graphs). On the other hand, the poor implementation of budget plans in 2009 resulted from the economic downturn. Again, the successive election year of 2010 includes a considerable growth in revenues and expenditures alike (especially included in executed budget).

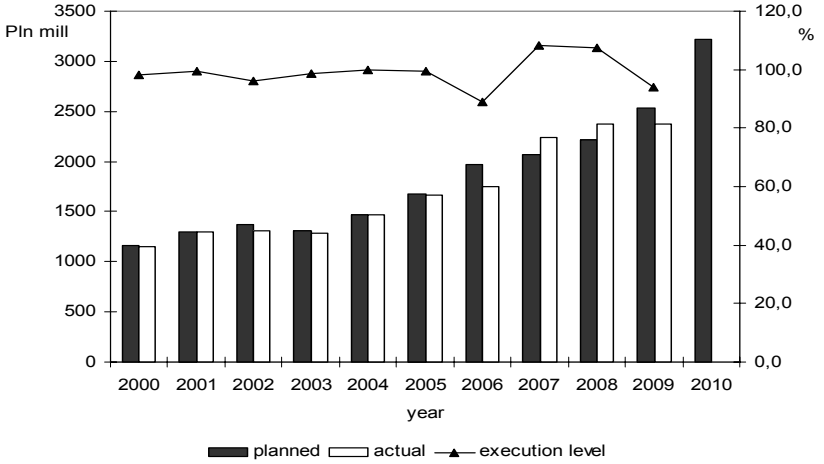
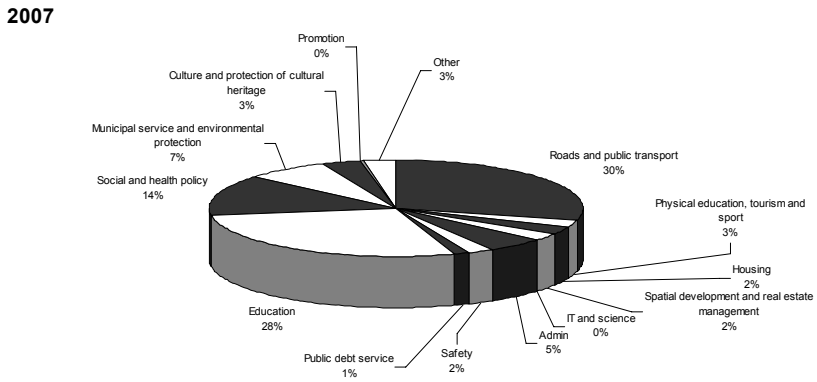


Figure 1. The city of Poznań's revenues in 2000-2010
1 Pln = approx. 0.25 Euro.
The scale on the right shows the level of execution of planned revenues.
Source: own work based on the City Hall's data.

The structure of Poznań's executed budget expenditures in 2007-09 indicates a volatility resulting from planning and long-term liabilities. The biggest share of the expenditures was represented by the category for "roads and public transport" and "education": from 30 to 26% (Figure 3.). However, only the relative values were on the decrease. As for the absolute values, they tended to rise slightly (Figure 4). The biggest change occurred in the category for "physical education and sport" and stemmed from the preparations for EURO 2012 (growth from 3 to 13% of the budget expenditure).



A comparison of expenditures executed in 2009 against the two former years shows that the biggest cuts affected housing, municipal service and environmental protection. On the other hand, expenses on roads and public transport, physical education, tourism and sport, administration, safety, education and promotion, were on the increase. Low expenditure on IT and science against the adopted assumptions is striking.

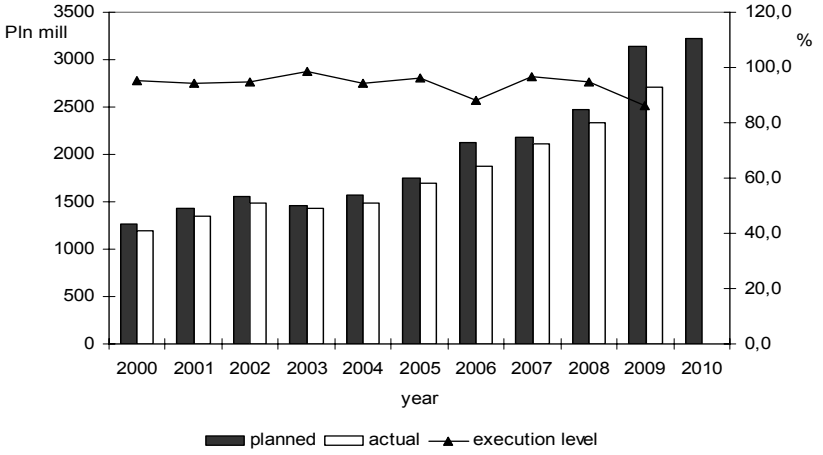


Figure 2. The city of Poznań's expenditures in 2000-2010
1 Pln = approx. 0.25 Euro.
The scale on the right shows the level of execution of planned expenditures.
Source: own work based on the City Hall's data.

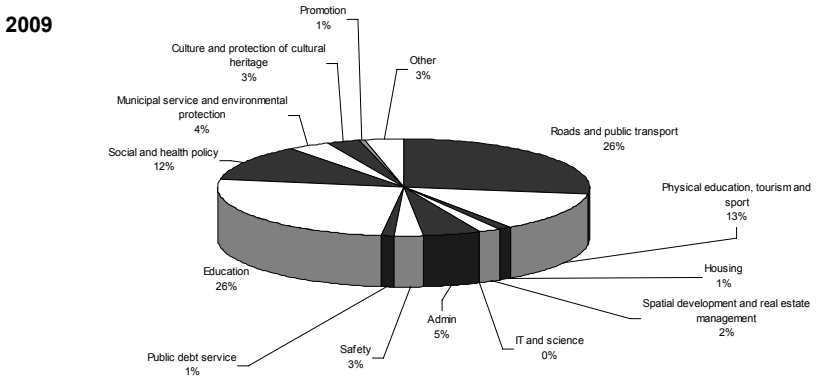
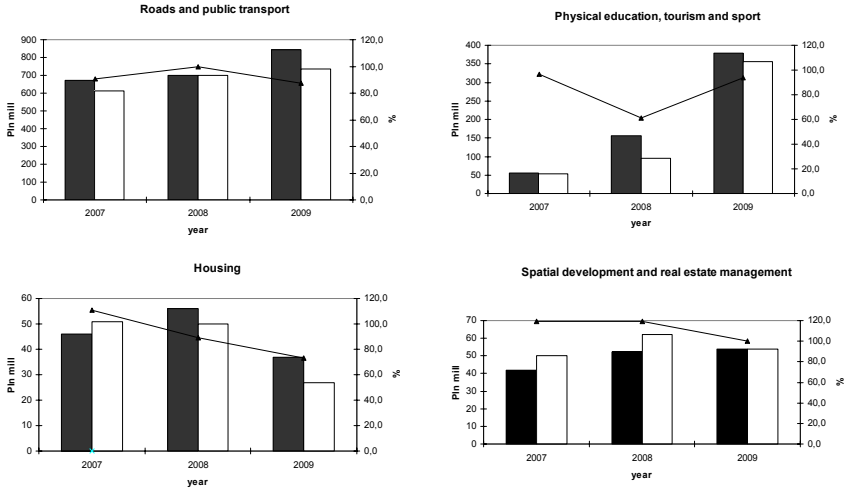
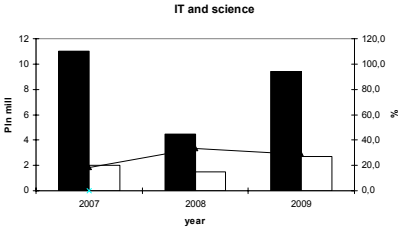
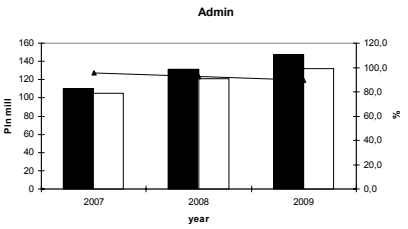
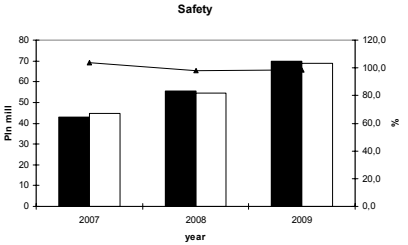


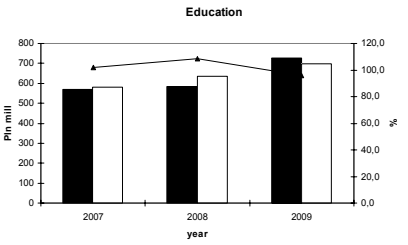
Figure 3. Structure of budget expenses of Poznań in 2007-09
Source: Source: own work based on the City Hall's data.

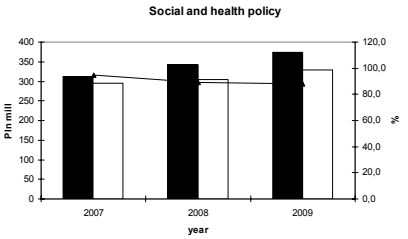


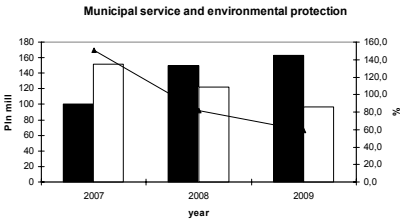

IT and science
Pln mill
%
year
2007
2008
2009


Admin
Pln mill
%
year
2007
2008
2009

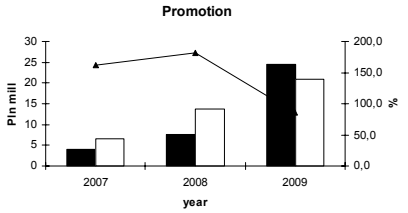

Safety
Pln mill
%
year
2007
2008
2009


Education
Pln mill
%
year
2007
2008
2009


Social and health policy
Pln mill
%
year
2007
2008
2009


Municipal service and environmental protection
Pln mill
%
year
2007
2008
2009

Culture and protection of cultural heritage
Pln mill
%
year
2007
2008
2009


Promotion
Pln mill
%
year
2007
2008
2009

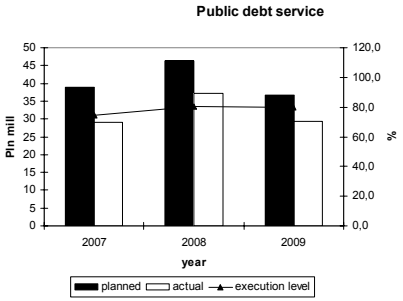


Figure 4. Poznań's budget expenses by focus areas in 2007-2009
1 Pln = approx. 0.25 Euro.
The scale on the right shows the degree to which planned expenses were executed.
Source: Source: own work based on the City Hall's data.

An analysis of the changes in question leads to the following conclusions:

- the annual budgets tend to be strongly determined by medium- and long-term planning;
- continued expenses and those related to EURO'2012 are or will gradually expire which is bound to trigger off a dispute on the successive investments in the city;
- Poznań is facing a critical phase of growth related to the decisions on the continued extension of the transport network (transport passability and new investment sites vs. debts freezing many other investments);
- there is a certain contradiction between the structure of expenses and the assumptions, priorities and medium- and long-term planning programmes (the low expenditure on IT applications and science and the decreasing expenses on environmental protection);
- the common practice of simulating financing expenses by transferring execution thereof for the future (while there is no guarantee that they will be executed); the same holds true for a change in the financing concept of public and private partnership.

LITERATURE

[1] Pasysek J.J. <<Wprowadzenie do gospodarki przestrzennej>>. – Poznań: Wydawnictwo naukowe UAM, 2006.

[2] Markowski T. <<Zarządzanie rozwojem miast>>. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999.

[3] <<Strategia Rozwoju Miasta Poznania do 2030 roku>>. – Poznań: Urząd Miasta, 2010.

[4] <<Wieloletni Program Inwestycyjny Miasta Poznania na lata 2010-2014>>. – Poznań: Urząd Miasta, 2010

(http://bip.city.poznan.pl/bip/public/bip/uchwaly.html?co=print&uc_id_uchwaly=31782&p=).

[5] <<Budżet Miasta Poznania na 2000 rok>> and next. – Poznań: Urząd Miasta 2010.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И РАЗМЕЩЕНИЯ МАШИНОСТРОЕНИЯ ЕВРОСОЮЗА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Махновский Д.Е., к.э.н., доцент
кафедры региональной экономики и природопользования
Санкт-Петербургского государственного
университета экономики и финансов,
dmahnovskiy-62@mail.ru

Зарубежная Европа в ходе глобализационных и интеграционных процессов служит уникальным «полигоном», на котором проходят «обкатку» модели перспективного социально-экономического и политического устройства крупного региона с богатыми хозяйственными, историческими и культурными традициями, этнически разнородным населением. Специальный интерес представляют перестроечные процессы, обусловленные переходом многих европейских стран на стадию постиндустриального развития и связанные с этим изменения в территориальной и отраслевой структурах хозяйства. В представленной статье предпринята попытка исследования изменений в машиностроении и сфере материального производства Евросоюза на фоне общей трансформации отраслевой и территориальной структур мирового хозяйства на рубеже XX-XXI вв.

Роль ЕС в мировом хозяйстве в период с середины 90-х годов XX в. до начала экономического кризиса 2007/2008 гг. характеризовалась продолжением общей долговременной тенденции к снижению удельного веса этой группировки в мировом сообществе, особенно в сфере материального производства. Евросоюз, пока, еще достаточно прочно удерживает первое-второе места по объемам хозяйственной деятельности, временами уступая первенство лишь США (особенно с учетом потенциала партнеров последних по организации НАФТА). Не в последнюю очередь

сохранение видных позиций ЕС связано с быстрым расширением состава данной группировки в рассматриваемый период. Оценивая сравнительную динамику развития Евросоюза в целом на фоне давно сложившихся центров силы мирового капиталистического хозяйства – США и Японии, с учетом того, что ослабление индивидуальных позиций стран-участниц сообщества компенсируется ростом количества последних можно говорить об относительной устойчивости положения ЕС.

На основе оценок объемов и динамики производства ВВП (на базе постоянных цен и обменных курсов валют на 2000 г.), выраженных в евро, за период 1998-2008 гг. среднегодовые темпы роста европейской экономики (ЕС-27) составили 2,3%, тогда как в США –2,8, а в Японии – 1,6%. Конечно, это несопоставимо меньше темпов развития экономики КНР (около 9%), но пока обеспечивает региону в ряду высокоразвитых государств стабильно высокие позиции (см. табл.1). Наиболее успешными для европейской экономики были 1997-2000 гг., когда темпы роста составляли от 2,7 (1997 г.) до 3,9% (2000 г.) [60, 61].

Таблица 1

Среднегодовые реальные темпы роста производства добавленной стоимости (ДС) в обрабатывающей промышленности и ВВП, %

Показатель	Среднегодовой темп роста производства ДС в обрабатывающей промышленности, %			Среднегодовой темп роста ВВП, %		
	1995 – 2000 гг.	2000 – 2005 гг.	2005 – 2008 гг.*	1995 – 2000 гг.	2000 – 2005 гг.	2005 – 2008 гг.*
Мир	3,7	2,9	1,5	3,2	2,8	3,5
Индустриализованные страны	3,4	1,8	- 1,2	3,0	2,1	2,1
ЕС-27	1,3	1,0	1,2	2,7	2,2	2,7
СНГ	1,1	6,9	6,9	1,4	6,8	8,0
Развивающиеся страны	5,2	6,6	8,4	4,3	5,3	7,8
Азия	6,5	8,8	10,2	5,2	7,0	8,7
КНР	9,5	11,1	12,9	8,5	9,6	11,4

* Прогноз

Составлено и рассчитано по: [62, 63]

[60] European business - Facts and figures, 2006 edition. Luxembourg. 2006.
[61] European business - Facts and figures, 2009 edition. Luxembourg. 2009.
[62] UNIDO. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.unido.org/index.php?id=1000313.
[63] Eurostat. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=tsieb020.

Оценивая достижения ЕС по динамике другого важнейшего оценочного показателя – душевого производства ВВП, нельзя не отметить неоднозначность положения Евросоюза в мире. С одной стороны имеет место постепенно увеличивающийся не в пользу европейцев разрыв в душевом производстве между ЕС-27 и США, который еще в начале 1990-х гг. достиг полуторного значения (и только современный кризис «помог» сократить это отставание). С другой – ЕС удалось (с середины 1990-х гг.) прервать подобную негативную тенденцию в «соревновании» с Японией.

Расширение состава ЕС за счет менее развитых стран ставит перед группировкой все новые и новые задачи по сглаживанию межгосударственных и межрегиональных различий в уровнях социально-экономического развития, урегулированию структурных диспропорций. Задача сглаживания внутренних различий в уровнях социально-экономического развития осложнена изначально большими разрывами в уровнях социально-экономического развития стран сообщества. Лишь одна небольшая страна – Люксембург – по душевому ВВП превосходит США более чем в 1,7 раза (и в 2,7 раза средний по ЕС-27 уровень). Еще одна – Ирландия имеет душевое производство значительно - на 47% (2007 г.) превышающее средний по ЕС уровень. С другой стороны в сообществе в большом количестве (16 стран) присутствуют государства, не достигающие по этому показателю среднего уровня. Только Испании в указанный период удалось преодолеть это отставание. Самые молодые на сегодняшний день члены ЕС - Румыния и Болгария не располагают и половиной среднеевропейского уровня душевого производства.

Сложились следующие соотношения между тремя крупнейшими центрами капитализма по показателю производства душевого ВВП. По сравнению с Японией ЕС-27 в 2007 г. примерно на 9% отставал по данному показателю, тогда как в 1996 г. отставание было значительнее - 30%. Относительно США разрыв в душевом производстве ВВП продолжает оставаться трудно преодолимым 60% в 1996 г. и 51% в 2007 г. [64]. Соотношение между тремя «центрами силы» мирового капитализма, КНР, Россией, а также отдельными странами в составе ЕС представлено в табл. 2.

Анализ изменений уровней производства душевого ВВП за период 1996-2008 гг. показывает значительное сокращение различий между странами сообщества. «Старые» государства – члены хотя и сохранили ощутимый перевес в целом, но с каждым годом он сокращается. Среди

[64] Eurostat. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tsieb010&plugin=1.

государств этой группы есть весьма преуспевающие, сумевшие упрочить свое положение в ЕС, например, Испания, Нидерланды, Ирландия. Другим – Великобритании, Финляндии, Швеции – удалось сохранить прежние позиции. Третьи страны – Италия, Франция, Дания – в силу ряда причин (усиление международной, в т.ч. европейской конкуренции, неблагоприятная мировая рыночная конъюнктура, снижение эффективности управления и т.д.) столкнулись со значительными трудностями в экономическом развитии и растеряли былые преимущества. Показателен в этом отношении пример Италии, которая впервые за многие десятилетия опустилась по данному показателю столь низко, что едва превосходит средний по ЕС-27 душевой уровень.

Таблица 2

Удельный вес стран ЕС в мире по основным социально-экономическим показателям в 1995-2006 гг.

Показатель	Доля в численности населения мира, %		Доля в производстве мирового ВВП (с учетом ППС), %		Уровень производства душевого ВВП (мировой уровень = 100), %	
	1995 г.	2006 г.	1995 г.	2006 г.	1995 г.	2006 г.
Германия	1,43	1,25	4,86	4,26	340,1	341,0
Испания	0,69	0,67	1,70	2,10	246,9	313,5
Франция	1,02	0,93	3,59	3,19	353,5	343,3
Италия	1,0	0,89	3,37	2,77	336,8	309,4
Великобритания	1,02	0,92	3,27	3,22	322,2	350,5
ЕС-27	8,30	7,48	23,51	22,93	283,3	306,5
США	4,74	4,54	21,34	21,43	450,4	472,0
Япония	2,20	1,94	8,04	6,65	366,1	343,0
Россия	2,60	2,16	1,97	3,06	75,6	141,7
КНР	21,20	19,89	10,39	9,99	49,0	50,3

Рассчитано по: [65, 66, 67, 68, 69]

Вновь присоединившиеся к Сообществу с 2004 г. государства, напротив, испытывали в рассматриваемый период заметный подъем. Последний носил с одной стороны компенсационный характер после

[65] Demographic Yearbook 2006. NY, UN. 2008.
[66] Demographic Yearbook 1996. NY, UN. 1998.
[67] Human Development Report 2007/2008. Updates 2008. NY, UNDP. 2008.
[68] Human Development Report 1998. NY, UNDP. 1998.
[69] Eurostat. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tsieb010&plugin=1.

глубокого падения первой половины 1990-х гг., с другой – знаменовал начало качественно нового этапа развития, связанного с коренной реструктуризацией хозяйства и интеграцией в Евросоюз. Происходившая по ходу этих процессов «переоценка» результатов хозяйствования центрально- и восточноевропейских стран существенно повысила их удельный вес в Европе. Преимущества в темпах развития в этой группе имели в целом менее развитые страны. Таким образом, перед кризисом 2008 г. созревали предпосылки к формированию новой более сбалансированной (с позиций уровней развития стран и регионов) архитектуры объединяющейся Европы.

Имеющиеся данные свидетельствуют о продолжающемся заметном расхождении тенденций развития сфер материального и нематериального производства, характерном для начального периода постиндустриального развития. Совокупная доля отраслей материального производства за десятилетие 1995-2005 гг. снизилась в ЕС с 31,1 до 29,1% (на 6%) по производству добавленной стоимости (здесь и далее – ДС) и с 34,9 до 29,5% (на 8%) по численности занятого персонала. Весьма примечателен быстрый рост удельного веса наиболее прибыльной финансовой сферы, увеличившейся на 9% по ДС и на 27% по численности занятых за рассматриваемый период. Приоритетное развитие нематериального сектора хозяйства с одной стороны, отчасти, позволяло усилить социальную направленность экономики, развивать мелкое и среднее предпринимательство, бороться с безработицей, с другой способствовало формированию «финансовых пузырей» и нарастанию кризисных явлений. В подобных достаточно сложных условиях материальная сфера Евросоюза, тем не менее, демонстрировала довольно солидный ресурс прочности, высокую в целом конкурентоспособность, а главное непрерывно растущую производительность труда. За 1995-2005 гг. относительный уровень производительности труда в промышленной и аграрной сферах возрос на 18%. Труд в материальной сфере стал более производительным, чем по хозяйству в целом. При этом душевое производство ДС в отраслях машиностроения в 2006 г. было выше, чем в индустрии в целом. Это, вероятно, обеспечит материальной сфере, а наукоемким отраслям машиностроения - в особенности, благоприятные условия развития в посткризисной экономике.

Расширение ЕС в восточном направлении открыло новые возможности для инвестиций в машиностроении. Однако значительная их часть была сделана за пределами ЕС, в т.ч. КНР, Индии, странах Юго-Восточной Азии. Не только низкая стоимость рабочей силы, но и возможности дальнейшего освоения открывающихся здесь огромных рынков были чрезвычайно привлекательными для инвесторов. Подобные

вызовы вынуждали европейских производителей к снижению издержек и обновлению номенклатуры выпускаемой продукции, максимальному использованию достижений НТП. Развивающиеся процессы аутсорсинга также влияли и влияют на структуру экономики региона. Многие не требующие высокой квалификации персонала операции, вспомогательные и сопутствующие производства - изготовление компонентов, деталей, сборка, техническое обслуживание, логистика, разработка информационных технологий передаются зарубежным производителям. Большие структурные различия в хозяйственном развитии наблюдаются и внутри ЕС на государственном и региональном уровнях.

Анализ динамики развития сферы материального производства экономики ЕС в 1995-2006 гг. показывает, что в целом большинство «старых» и наиболее развитых стран - членов ЕС (Франция, Великобритания, Италия, в меньшей степени - Германия и ряд других) достаточно последовательно «разгружают» именно эту сферу своей экономики, возлагая надежды на более интенсивное развитие сферы услуг, а также избранных наиболее перспективных отраслей промышленности. В то же время некоторые страны, среди которых Ирландия, Финляндия, Австрия, Испания во многом продолжают видеть свое будущее, по крайней мере, отчасти, в рамках завершающих фаз индустриального развития и сохраняют значительный промышленный потенциал. Среди «новых» участников евроинтеграции большинство стран осознают, хорошие перспективы стимулирования нового, на качественно более высоком уровне своего развития этапа индустриализации. Развитию (поддержке) материальной сферы, особенно машиностроения, здесь уделяется значительно большее внимание. В качестве примеров подобного подхода можно упомянуть, прежде всего, Словению, Словакию и Чехию.

Ряд новых членов ЕС-27 до сих пор явно выделяются на общем фоне повышенной долей сферы, производящей материальные блага, в первую очередь обрабатывающей промышленности. В Чехии, Словакии, Словении, Литве в 2005 г. этот сектор производил 36-39% валовой добавленной стоимости, что лишь немногим уступало показателю страны – лидера – Ирландии. Старые индустриальные державы – Великобритания, Франция, Бельгия, Люксембург и другие, еще в 1970-е гг. олицетворявшие индустриальную мощь Европы, в середине первого десятилетия нового века продолжали интенсивную структурную перестройку экономики, которая сопровождалась дальнейшим падением в структуре общественного производства доли материальной сферы, в том числе и промышленности. Все больше места в их хозяйстве отводилось перспективным и прибыльным в формирующемся постиндустриальном обществе отраслям сферы услуг (особенно финансам, недвижимости,

разнообразным бизнес-услугам). Так, в Великобритании к 2005 г. сфера материального производства по объемам производства «ужалась» до четверти от объемов выпуска продукции сферы услуг, а удельный вес промышленности составлял не более пятой части. Тогда как в начале 1950-х гг. доля материального производства в структуре национального дохода составляла здесь 53% [70]. По данным ЮНИДО к 2008 г. доля ДС обрабатывающей промышленности в ВВП упала здесь до рекордно низких 11% [71]. Одновременно в самой индустрии в период 1995-2008 гг. в развитых странах шел очень интенсивный рост удельного веса машиностроительных отраслей (особенно по индикатору ДС, см. табл.6), который позволял большинству последних оставаться «локомотивами» хозяйственного развития наиболее развитых стран.

В обрабатывающей индустрии Евросоюза также происходили серьезные трансформации, связанные с процессами постиндустриализации, реиндустриализации и выравнивания уровней развития стран и регионов Сообщества. Таблица 3 дает представление о динамике удельных весов ведущих государств ЕС в мировом производстве ДС обрабатывающей индустрии и в мировом экспорте ее продукции.

Таблица 3

Доля ведущих стран ЕС в мировом производстве ДС обрабатывающей индустрии и экспорте ее продукции, %

Показатель	Доля в мировом производстве ДС обрабатывающей индустрии, %			Доля в мировом экспорте продукции обрабатывающей индустрии, %		
	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.
Германия	6,8	6,4	6,5	9,3	10,7	10,6
Франция	3,3	3,0	3,0	5,1	4,8	4,4
Великобритания	3,9	3,4	2,7	4,4	3,8	3,0
Италия	3,6	2,9	2,7	4,4	4,2	4,2
Испания	1,7	1,5	1,6	1,9	2,0	2,0
Индустриализованные страны	78,8	74,7	69,5	76,6	72,8	71,1
США	26,6	25,5	20,5	13,4	9,6	9,1
Япония	17,9	16,7	16,4	8,7	6,7	5,9
КНР	6,6	9,8	13,3	4,5	8,8	11,3
Россия	0,9	1,0	1,2	0,9	1,1	1,5

Составлено по: [72]

[70] Зарубежные страны. Политико-экономический справочник. М. 1957.
[71] UNIDO. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.unido.org/index.php?id=1000313.
[72] UNIDO. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.unido.org/index.php?id=1000313.

В целом доминировала долговременная тенденция постепенной сдачи позиций на мировом рынке и перевода производственных мощностей за пределы региона. Только за период 2000-2008 гг. по нашим оценкам на базе материалов ЮНИДО доля ЕС-27 в производстве ДС в обрабатывающей промышленности мира в постоянных ценах 2000 г. снизилась с 25,6 до 23,0%. Ясно прослеживалось уменьшение доли развитых стран по обоим анализируемым показателям. Однако в производстве этот процесс был выражен более отчетливо. Очевидно, имело место укрепление конкурентоспособности остающихся мощностей и усиление их экспортной ориентации. Сокращение доли развитых государств в экспорте изделий обрабатывающей промышленности было не столь значительным.

В целом по группе из пяти ведущих индустриальных держав ЕС, фигурирующих в табл.3, обстановка в 2000-2008 гг. наиболее благоприятно складывалась в Германии и Испании. Обе страны при небольшом сокращении своего удельного веса в производстве укрепили позиции в экспорте. Германия, продолжая удерживать за собой 4 место в мире по производству, закрепилась наряду с КНР на первых позициях по экспорту. Совокупная доля европейской «большой пятерки» в мировом производстве ДС обрабатывающей индустрии в 2008 г. составила 16,5% - на уровне Японии, но по-прежнему меньше, чем в США. Удельный вес «пятерки» в мировом экспорте был в 1,5 раза выше – 24,2%. Высокая экспортность индустриального производства в современных условиях – один из важнейших факторов его стабилизации и развития в ЕС.

Таблица 4

Душевое годовое производство добавленной стоимости (ДС) в обрабатывающей промышленности в постоянных ценах 2000 г. по крупным регионам мира, USD

Показатель	Душевое годовое производство добавленной стоимости (ДС) в обрабатывающей промышленности, USD				
	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.
Мир	810	834	947	1014	1028
Индустриализованные страны (без СНГ)	3482	3658	4238	4422	4239
ЕС-27	…	…	3066	3153	3179
СНГ	443	216	237	327	400
Развивающиеся страны	173	212	256	324	395
КНР	100	199	303	491	688

Составлено и рассчитано по материалам: [73, 74]

[73] UNIDO. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.unido.org/index.php?id=1000313

Динамика душевого производства ДС обрабатывающей индустрии представлена в табл.4. В начале XXI в. в странах ЕС-27 наблюдался очень вялый рост душевого производства, что, впрочем, позволяло им находиться далеко впереди восточных соседей из СНГ, которые так и не смогли достигнуть уровня двадцатилетней давности.

Таблица 5

Доля групп стран в мировом производстве ДС отраслей машиностроения по ISIC (Rev.3) в ценах 2000 г., %

Показатель/ Отрасли машиностроения ISIC (Rev.3)	Индустриализованные страны (без СНГ)			Страны СНГ			Развивающиеся страны		
	1995 г.	2000 г.	2008 г.	1995 г.	2000 г.	2008 г.	1995 г.	2000 г.	2008 г.
29 – Производство оборудования	87,8	86,6	89,6	1,5	1,3	2,2	10,7	12,2	8,2
30 - Производство офисного оборудования и компьютеров	80,7	87,9	92,4	0,1	0,1	0,1	19,2	12,1	7,5
31 – Электро-машиностроение	86,3	81,7	86,0	0,8	0,7	1,2	12,9	17,6	12,8
32 - Производство радио-, теле- и коммуникационного оборудования	83,1	88,8	94,7	0,0	0,0	0,0	16,9	11,2	5,3
33 – Точное, медицинское машиностроение и оптика	94,0	90,0	90,7	0,8	1,5	4,6	5,2	8,5	4,7
34 - Производство автомобилей, прицепов и полуприцепов	85,9	84,4	89,0	0,7	0,7	1,1	13,4	14,9	9,8
35 – Транспортное машиностроение (без автостроения)	83,2	80,9	76,5	2,1	2,1	2,8	14,7	17,0	20,7

Составлено по: [75]

Приводимая ниже таблица 5 позволяет оценить основные регионально-отраслевые параметры развития машиностроения. Обращает внимание сохраняющийся высокий уровень концентрации производства ДС основных отраслей машиностроительного комплекса (в среднем на 80-90%) в развитых (индустриализованных) государствах. Даже с учетом

[74] Eurostat. http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/national_accounts/data/database.
[75] UNIDO. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.unido.org/index.php?id=1000313

эффекта «завышения» цен на изделия из развитых стран величина отрыва огромна. В некоторых отраслях - производстве офисного оборудования и компьютеров, производстве радио-, теле- и коммуникационного оборудования преимущество индустриализованных стран в период 1995-2008 гг. возросло еще более.

В представленной ниже табл.6 анализируется изменение удельного веса отраслей машиностроения по группам стран мира.

Таблица 6

Доля отраслей машиностроения по ISIC (Rev.3) в структуре производства ДС обрабатывающей промышленности по группам стран в ценах 2000 г., %

Показатель/ Отрасли машиностроения ISIC (Rev.3)	Индустриализованные страны (без СНГ)		Страны СНГ		Развивающиеся страны		Мир	
	1995 г.	2008 г.	1995 г.	2008 г.	1995 г.	2008 г.	1995 г.	2008 г.
29 – Производство оборудования	9,5	7,5	12,0	10,2	4,9	4,4	8,7	7,2
30 - Производство офисного оборудования и компьютеров	1,0	4,2	0,1	0,3	1,0	2,2	1,0	3,9
31 - Электромашиностроение	4,4	3,9	3,2	3,0	2,7	3,8	4,0	3,9
32 - Производство радио-, теле- и коммуникационного оборудования	5,8	27,4	0,0	0,5	5,0	9,9	5,6	24,6
33 – Точное, медицинское машиностроение и оптика	2,5	2,5	1,6	7,1	0,6	0,9	2,1	2,4
34 - Производство автомобилей, прицепов и полуприцепов	7,7	6,8	4,8	4,7	5,0	4,8	7,2	6,5
35 – Транспортное машиностроение (без автостроения)	2,5	2,3	4,6	4,7	1,8	4,1	2,4	2,6
Итого машиностроение	33,4	54,6	26,3	30,5	21	30,1	31	51,1

Составлено и рассчитано по: [76]

Данные свидетельствуют об ускоренном росте двух, уже упоминавшихся отраслей: производства офисного оборудования и компьютеров, производства радио-, теле- и коммуникационного оборудования в индустриализованных государствах. Первая за период

[76] UNIDO. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.unido.org/index.php?id=1000313

1995-2008 гг. увеличила свою долю в производстве ДС обрабатывающей индустрии с 1 до 4,2%, вторая – с 5,8 до 27,4%. Однако следует учитывать, что оценки даются ЮНИДО в постоянных ценах 2000 г. и с учетом последующего постоянного удешевления изделий этих отраслей результаты в текущих ценах были бы далеко не столь впечатляющими. Страны Евросоюза в намного меньшей степени ориентированы на развитие этих отраслей машиностроения. Так, в Германии удельный вес производства офисного оборудования и компьютеров возрос с 1,9 до 3,6, а радио-, теле- и коммуникационного оборудования с 2,9 лишь до 5,7%. Если же обратиться к оценке позиций данных отраслей с привлечением показателя численности занятых (данные Евростата), их роль в ЕС будет и вовсе незначительной: 0,9 млн из 10,4 по машиностроению Сообщества в 2006 г.

Таким образом, наиболее «прибыльные» и стратегически важные отрасли сферы услуг, очевидно, будут «перехвачены» «старожилами» в лице, например, ЕС-9. Другим государствам придется специализироваться на развитии туризма и предоставлении транспортных и строительных услуг (Южная Европа), либо довольствоваться ролью периферийно-транзитной зоны с относительно высоким удельным весом отраслей материального производства (восток ЕС). Большое значение в плане перспектив имеет исходная стадия развития, на которой находится страна (регион). Чем позже страна вступает в постиндустриальную эпоху, тем сложнее ей встроиться в новую систему разделения труда. Понятно стремление многих стран как можно скорее присоединиться к европейскому интеграционному проекту. Представляется также, что весьма заметную сглаживающую различия и привлекающую в Сообщество роль играют наднациональные механизмы перераспределения средств и ресурсов, осуществляемые в рамках разнообразных программ развития и стимулирования в ЕС.

Обобщенные данные по ЕС-27 свидетельствуют о ведущей системообразующей роли машиностроительного комплекса. Суммарные значения показателей по трем его секторам – машины и оборудование, электрические машины и оптическое оборудование, транспортное оборудование (согласно европейскому отраслевому классификатору NACE), соответствующим в отечественном отраслевом подходе понятию «машиностроение», составляли по производству ДС 9,6 по численности занятых 7,5% общего объема экономики. В России машиностроение производило не более 6% чистой продукции экономики. ЕС располагает мощной машиностроительной базой. Среди промышленных отраслей по уровню производительности труда машиностроение уступает только энергетике и химии. Тем не менее, в условиях экономической

глобализации, усиления международной конкуренции положение отрасли не может рассматриваться как стабильно устойчивое, в ряде ключевых подотраслей (транспортное машиностроение, электроника и электротехника и др.) удельный вес ЕС в мире снижается.

ЛИТЕРАТУРА

[1] European business - Facts and figures, 2006 edition. Luxembourg. 2006.

[2] European business - Facts and figures, 2009 edition. Luxembourg. 2009.

[3] UNIDO. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.unido.org/index.php?id=1000313.

[4] Eurostat. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=tsieb020.

[5] Eurostat. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tsieb010&plugin=1.

[6] Demographic Yearbook 2006. NY, UN. 2008.

[7] Demographic Yearbook 1996. NY, UN. 1998.

[8] Human Development Report 2007/2008. Updates 2008. NY, UNDP. 2008.

[9] Human Development Report 1998. NY, UNDP. 1998.

[10] Зарубежные страны. Политико-экономический справочник. М. 1957.

[11] Eurostat. http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/national_accounts/data/database.

ДОЛГОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРЕЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ВНУТРИ ЕС

Писенко Д.С., ведущий специалист
Департамента Казначейства
ЗАО «Сумитомо Мицуи Рус Банк»
dpisenko@gmail.com

Так называемый долговой кризис стран ЕС достиг своего апогея в первой половине 2010 года. Внутренний долг Греции достиг 300 млрд евро, тем самым превысив 115% от ВВП. Бюджетный дефицит на начало

2010 года составлял 13,6% ВВП страны. При этом котировки CDS на долговые бумаги Греции выросли до уровня 1125 базисных пунктов. Руководство страны признало наличие угрозы дефолта по обязательствам, т.к. стоимость заимствований резко возросла. В апреле 2010 г. страны ЕС предоставили Греции пакет кредитов на 45 млрд евро по ставке значительно ниже рыночной. Проблемы Греции и других стран Европы вызвали серьезные опасения насчет целостности ЕС. Некоторые немецкие политики высказывали мнение о том, что Германии необходимо покинуть еврозону. Обменный курс европейской валюты к доллару США опустился до минимума за последние 4 года. Однако неожиданным результатом проблем государственных финансов ЕС стало усиление интеграционных процессов в Европе.

По итогам 2009 года общий долг стран еврозоны по отношению к их ВВП достиг 80%. Рост данного показателя за год «обеспечили» в основном Греция, Ирландия, Испания, Италия и Португалия. Дефицит государственных бюджетов этих стран находился на уровне от 5,3% у Италии до 14,3% у Ирландии. Опасения инвесторов по поводу способности, в первую очередь, Греции производить выплаты по долговым бумагам, заставили руководство страны представить свой план по сокращению государственных расходов. Однако предложенный в январе список мер, при выполнении которых дефицит госбюджета должен сократиться до 2,8% к концу 2012 года не смог остановить падение доверия к экономическим властям республики как внутри страны, так и за ее пределами. Об этом говорят и рост политической напряженности в стране, и рост стоимости кредитных дефолтных свопов на мировых финансовых рынках. Волна забастовок в различных отраслях греческой экономики явилась четким отражением неприятия населением мер по сокращению социальных обязательств государства. К маю месяцу правительство Греческой Республики признало факты занижения статистических показателей государственных финансов и «активировало» пакет экономической помощи стран Евросоюза и МВФ. На этом фоне обменный курс европейской валюты к доллару США опустился до уровня 1,18. Такое резкое изменение соотношения двух валют заставило многих политиков и экономистов задуматься о жизнеспособности евро как резервной валюты в частности, а также еврозоны как политического фундамента интеграционных процессов Европы в целом.

Особенно активно вопрос о распаде зоны Евро обсуждался в Германии. Это было обусловлено тем, что немецкая экономика всегда считалась экономическим локомотивом Европы. При этом в плане по спасению экономики Греции от дефолта ФРГ отводилась ключевая роль. Учитывая и без того относительно невысокую производительность труда в

Греции, постановка вопроса об отказе Германии от участия в помощи выглядит логичной. И, тем не менее, в данном вопросе не все так однозначно. Резко подешевевшая европейская валюта помогла в первую очередь немецкой экономике, доля экспорта в которой велика. Это подтверждается и данными роста ВВП страны во втором квартале 2010 года, который составил 2,2% по отношению к первому кварталу. При этом очевиден дисбаланс европейской экономики, ведь экономика Греции продолжает сокращаться, что неминуемо приведет к снижению налоговых поступлений и новому витку долгового кризиса.

В целом дискуссия вокруг проблем Греции и участия ФРГ в плане помощи, выявила более глубокую проблему внутри ЕС, нежели долговой кризис. Дело в том, что население ряда стран Евросоюза высказалось против участия их правительств в субсидировании греческой экономики. Особенно остро отреагировали жители стран Восточной Европы, в частности Словакии. И все же, если рассматривать ЕС как единое государство, то для страны подобных масштабов было бы естественно иметь как профицитные, так и дотационные регионы. С этим населению Евросоюза придется смириться, если они хотят сохранить единую Европу. Но все это не означает наличие возможностей для одной страны отклоняться от довольно жестких требований бюджетной дисциплины, в то время как другие страны ее придерживаются даже в ущерб собственной социальной политике. Именно усиление контроля над государственными финансами, как ни странно, привело к возобновлению процесса политической интеграции ЕС, прерванной провалом принятия Европейской Конституции с последующей заменой ее Лиссабонским соглашением. Фактически руководство европейских институтов власти признало тот факт, что валютный союз в первую очередь является политическим. Следовательно, для сохранения политического союза необходимо усиливать контроль над экономической политикой стран ЕС.

На деле Еврокомиссия в начале осени одобрила меры по фактическому возврату к прежнему Пакту стабильности и роста, значительно ослабленному в 2005 году в части возможности корректировки бюджетной политики. При этом стоит обратить внимание на высказывания председателя Еврокомиссии Ж.-М. Баррозу, по словам которого данные меры являются развитием экономического управления в ЕС. Фактически координирующая роль экономических институтов ЕС дополняется управляющей. Возвращается и понятие санкций. После реформы 2005 года в случае нарушения ограничения дефицита бюджета в 3% ВВП и госдолга 60% ВВП к стране применялась довольно либеральная процедура о нарушении регламента, которая, как уже понятно, не имела должного эффекта. Согласно новым предложениям Еврокомиссия

наделяется полномочиями оперативного применения санкций. Так в случае нарушения вышеупомянутых критериев государство будет обязано сокращать госдолг с темпами не менее 5% в год в течение трех лет. Если же данные требования не выполнятся, Еврокомиссия будет иметь возможность обязать государство депонировать до 0,2% своего ВВП, которые либо высвобождаются в случае устранения нарушений, либо в противном случае превращаются в штраф. Оперативность же мер состоит в том, что они применяются по истечении десяти дней с момента выявления нарушения. Отменить санкции может лишь Совет Европы. Плюс к этому Еврокомиссия должна будет следить за соблюдением экономического равновесия в экономике ЕС, устраняя дисбалансы путем выработки ограничений по широкому ряду макроэкономических показателей. В случае несоблюдения требований Еврокомиссия будет налагать штрафные санкции в размере 0,1% ВВП. При этом отменить их может только Еврогруппа.

Таким образом, очевиден тот факт, что в ЕС, пускай и не официально, но образуется некое подобие наднационального экономического правительства с реальными рычагами воздействия на финансовую политику отдельных государств.

Резюмируя вышесказанное, необходимо упомянуть, что действия руководства ЕС положительно сказался на отношении инвесторов к европейской экономике. Курс евро к доллару США в начале августа достиг уровня 1,32 на международном валютном рынке. Котировки кредитных долговых свопов на суверенные долговые обязательства стран еврозоны плавно снижаются, что подтверждает уверенность инвесторов в способности этих стран расплачиваться по долгам. В конце лета европейские банки относительно легко прошли так называемое «стресс-тестирование» на устойчивость к шокам на рынках ликвидности. Но, не смотря на это, ряд принятых ЕЦБ ряд мер для стимулирования кредитования, включая введение регулярных операций рефинансирования банков и продления сроков кредитов, не дал должного результата – объемы кредитования в еврозоне снижаются. И все же сейчас с уверенностью можно говорить о том, что центростремительные силы европейской интеграции преобладают даже в столь тяжелое как с политической, так и экономической точки зрения для Европейского союза время.

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СТРУКТУРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И КИТАЯ

Потапенко М.В., аспирантка
экономического факультета
Российского университета дружбы народов
maria.potapenko@gmail.com

2010 г. является своеобразным пунктом для подведения политических и экономических итогов взаимоотношений двух крупных держав – Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Во-первых, в октябре 2009 г. исполнилось 60 лет со дня образования КНР и установления отношений между коммунистическим Китаем и СССР. Во-вторых, на 2010 г. во время встречи на высшем уровне между бывшим Президентом РФ В. Путиным и бывшим Председателем КНР Ху Цзиньтао в мае 2003 г. было запланировано достижение беспрецедентного уровня товарооборота между странами. В настоящее время российско-китайские политические отношения находятся, по мнению многих экспертов, в наилучшем состоянии за всю их 400-летнюю историю.

Одним из важных факторов развития международных экономических отношений является экономическое сотрудничество России и Китая. Выход России на рынок КНР – крупнейшего по числу потенциальных потребителей рынка мира, нашего соседа «первого порядка», может стать одним из важнейших, если не решающим шагом интеграции нашей страны в мировую экономику.

В мировой экономике и торговле, несмотря на ухудшивший ситуацию мировой кризис, Россия и Китай занимают лидирующие позиции по ряду показателей, а также входят в число первых 15 лидеров по объему ВНД и экспорта. Китай входит в тройку лидеров по объемам мирового экспорта и занимает 2 место по объему ВНД.

В первое десятилетие XXI в. **экономическое сотрудничество между Россией и Китаем** в целом демонстрировало положительную динамику развития торговли и наращивания товарооборота и вплоть до 2009 г. находилось в фазе устойчивого подъема. Начало 2010 г., обозначив выход из мирового экономического кризиса, было ознаменовано вновь наметившимся оживлением торгового сотрудничества двух стран. За первое полугодие 2010 г. товарооборот между Россией и КНР вырос на 51,6% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составил 25,7 млрд. долл. США, или 1,9% товарооборота КНР. Положительное торговое сальдо составило 2,1 млрд. долл. [1]

Основной проблемой для России в отношениях с Китаем по-прежнему остается узость товарной номенклатуры в торговле, откуда следует тезис китайских политологов и специалистов о взаимодополняемости экономик двух стран (Россия – сырьевая база для Китая). Россия является страной, экспортирующей в основном сырье, а не высокотехнологичные товары. Такое положение вещей не только приводит к высоким рискам зависимости от мировой конъюнктуры, не способствует комплексному развитию экономики и закрепляет за страной статус «сырьевой» державы, но и наталкивает и российских партнеров, в частности, Китай на мысль о роли России как всего лишь кладези природных ресурсов.

Интенсификация комплекса приграничных и региональных связей как инструмент, способный решить проблему взаимозависимости экономик, видится в числе активных резервов развития двустороннего экономического сотрудничества.

В двустороннем плане между Россией и Китаем не существует проблем, подобных тем, что мешают связям с другими странами региона: ни территориальных (как с Японией), ни политических (как с КНДР). Проблемы пограничного разграничения на всей протяженности границы (4209,3 км), долгие годы остававшиеся причиной разногласий, полностью решены на основе принципов международного права. Последние территориальные вопросы удалось снять в конце 2004 г., когда три спорных острова на реках Аргунь (о. Большой, Забайкальский край) и Амур (о. Тарабаров и о. Большой Уссурийский) были разделены примерно пополам. [2. С. 3] Окончательная демаркация границы была проведена в 2008 г.

Значение приграничной торговли с Россией для Китая. Сегодня приграничное и региональное торгово-экономическое сотрудничество между Китаем и Россией не только играет важную роль в продвижении социально-экономического развития сопредельных регионов двух стран, но и имеет весомое значение для гармоничного развития их экономик, способствования дружественного соседства и сотрудничества между Китаем и Россией. Касаясь направлений и перспектив названного сотрудничества, эксперты отмечают, что в настоящее время Китай осуществляет стратегию регионального развития, в том числе возрождение старых промышленных баз в Северо-Восточном Китае, а Россия всеми силами осваивает регионы Дальнего Востока и Сибири, что предоставило редкий шанс для развития сотрудничества между сопредельными регионами двух стран.

Однако приграничной торговле Китай уделяет больше внимания, чем Россия. Приграничную торговлю Китай создал и развивает в первую

очередь для развития отдаленных от центра регионов, для сохранения бартерной торговли, невыгодность которой Россия стала понимать. Тем не менее, даже в настоящее время китайцы пытаются дать ей второе дыхание.

Приграничная торговля также является инструментом китайской стороны для получения дешевого российского сырья и реализации своих товаров, используя возможности «широких народных масс».

Все китайские компании, зарегистрированные в открытых пограничных переходах, определенных правительством КНР (в список попадают практически все пункты пограничных переходов РФ-КНР) и имеющие статус компании приграничной торговли, получают 50%-ные льготы по уплате импортной пошлины и НДС на товары, произведенные и ввозимые из России (кроме алкоголя, табака, косметики и некоторых иных товаров).

Указанные льготы, особенности таможенного оформления импорта на границе, а также возвращение НДС за экспортные товары (так называемый «возвратный налог») и сосредотачивают почти всю российско-китайскую торговлю в руках приграничных экспортно-импортных компаний.

Значение приграничной торговли с Китаем для дальневосточных и сибирских регионов России. Но и Россия понимает, что приграничное сотрудничество с КНР было и остается важным направлением развития экономик приграничных регионов Востока России, пять из которых имеют общую границу с Китаем. С начала 90-х гг. заключено свыше ста соглашений о сотрудничестве между субъектами Российской Федерации и провинциями Китая, а также между муниципальными образованиями. В настоящее время более 70 субъектов РФ имеют прямые контакты с китайскими провинциями и районами. Отношения с Китаем, в силу, прежде всего географических факторов, очень важны для приграничных Амурской области, Приморского и Хабаровского краев, Еврейской АО. Китай был и остается для них важнейшим торговым партнером. Можно сказать, что наш Дальний Восток "обречен" на постоянное сотрудничество с Китаем.

Так, главным партнером **Хабаровского края** во внешней торговле остается Китай. Его доля в экспорте края составила по итогам 2009 г. 51,9% (2,7% от всего экспорта России в Китай), а в импорте – 34,4% (или 1,1% от всего импорта России из Китая). Надо отметить, что доля Китая в импорте края снижается, что говорит о диверсификации торговых партнеров края (однако, в экспорте, наоборот, растет). Традиционные статьи экспорта - круглый лес (его доля в общем объеме – более 40%), рыбопродукция (10%), нефтепродукты (8%). КНР по-прежнему остается основным поставщиком продуктов питания и сельхозсырья. [3]

Для **Амурской области** сотрудничество с Китаем является практически единственной формой экономического выживания. С 1993 г. доля китайских товаров в общем объеме экспорта и импорта товаров в Амурскую область колеблется от 29 до 99% [4]. Около 80% экспорта Амурской области в Китай составляет лес, затем - соя и электроэнергия. КНР поставляет в Амурскую область товары народного потребления промышленной и продовольственной группы.

Составлено автором по данным Администраций краев и областей РФ. Рис. 1

55,4% объема внешнеэкономических сделок **Приморского края** приходится на Китай (почти 2,2 млрд долл. в 2009 г.) [5] (рис. 1). Это более 5,7% в общем товарообороте России и Китая.

Основные статьи экспорта - рыба и морепродукты, необработанные лесоматериалы, прокат плоский из легированной стали, кедровые орехи, отходы и лом алюминиевый и др. Основные статьи импорта - обувь, одежда, рис, овощи и фрукты, свинина мороженая, сумки, чемоданы и др. Сегодняшнее круглогодичное изобилие свежих овощей и фруктов в магазинах и на рынках в большинстве своем - заслуга Китая.[6]

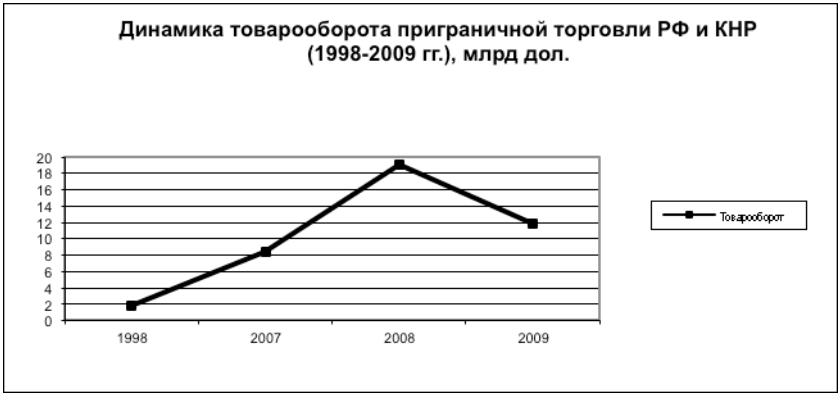
Китай остается главным торгово-экономическим партнером **Забайкальского края** (его доля превышает 90%). Основу товарной структуры экспорта составила древесина.[7. С. 16]

В последние годы значительная часть торговли с Китаем приходилась на пограничные регионы (Провинции Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляопин, автономные районы Внутренняя Монголия и Синьцзян). В результате влияния мирового кризиса по итогам 2009 г. объем их торговли с Россией снизился на 37,9% по сравнению с увеличением 7,6% в 2008 г., составив 11,8 млрд долл. Удельный вес указанных китайских регионов в

объеме российско-китайской торговли уменьшился до 30,5% против 33,6% в 2008 г. Лидером среди китайских регионов являлась традиционно провинция Хэйлунцзян, хотя по итогам 2009 г. объем ее торговли с Россией снизился на 43%. [8]

Одно из главных достижений современного этапа отношений – это то, что к сотрудничеству между РФ и КНР подключились не только три приграничные северо-восточные провинции Китая, как было до сих пор, но и Центральный и Южный Китай, например, Гуандун.

Динамика объема приграничной торговли России и Китая. Объем самой приграничной торговли между Китаем и Россией с 1,8 млрд долл. в 1998 г. возрос до 11,8 млрд долл. в 2009 г. (пиковое значение наблюдалось в 2008 г. – 19 млрд долл.) (рис. 2). При этом приграничная торговля продолжает сохранять свою долю в размере не менее 20%, что является важным фактором стабильного роста торгово-экономических отношений между Китаем и Россией. [9]



Составлено автором по данным Министерства экономического развития РФ – www.economy.gov.ru. Рис. 2

Наиболее крупными позициями товарооборота в рамках российско-китайской приграничной торговли в 2009 году в российском экспорте были круглый лес, распиленные лесоматериалы, хлорид калия, сырая нефть, железосодержащие руды. [9]

Основные статьи импорта из Китая составляли обувь, изделия из кожи, одежда, фрукты, машины и оборудование. [9]

В последнее десятилетие **Китай изменил практику ведения с Россией экономических сделок.** Они признают, что так называемая «приграничная торговля», в обычной челночной форме себя исчерпала,

поэтому они приняли решение о выделении крупного кредита для создания, по существу, особой экономической зоны на территории РФ (г. Уссурийск). В сентябре 2006 г. бывший министр экономического развития Г.О. Греф согласовал этот вопрос с Бо Силаем, в ноябре премьер-министры подписали это соглашение. Предполагалось выделить около 300 млн долл. [7. С. 20] С китайской стороны дан режим максимального благоприятствования. Также просматривается китайский интерес о создании приграничных торгово-экономических комплексов в Приморском крае, в Амурской области в районе Благовещенска и в Забайкальском крае, в районе Забайкальска.

Надо отметить, что официальная статистика не учитывает вклад российских челноков, а китайская сторона оценивает его более чем в миллиард долларов по одной только провинции Хэйлунцзян.

Итак, мы видим, что внешнеэкономические связи с Китаем действительно играют большую роль для экономик Дальнего Востока и Забайкалья. Однако, несмотря на бурное развитие двусторонних отношений и неизменное увеличение доли регионального и приграничного сотрудничества в общем объеме торговых и деловых связей, как и у любого взаимодействия можно выделить ряд проблем, которые будут представлены далее.

Проблемы и перспективы приграничного и регионального сотрудничества России и Китая и их решение. Можно выделить ряд проблем, которые существенным образом сдерживают возможности развития межрегионального сотрудничества, и решение которых носит, на наш взгляд, принципиальный характер, позволяя вывести межрегиональное взаимодействие на новый уровень.

Во-первых, это необходимость изменения качественной природы сотрудничества, его содержания. Сейчас те отрасли экономики, в рамках которых идет активное взаимодействие, не предполагают развития промышленности приграничных регионов, точно так же, как и не несут в себе значительного инновационного потенциала и наукоемкой составляющей. Следовательно, крайне актуальным представляется активизация сотрудничества по линии инвестиционных проектов субъектов, содержащих в себе наукоемкие технологии, отвечающие требованиям экологической безопасности.

Во-вторых, крайне важным представляется выровнять возникший дисбаланс во внешнеэкономической деятельности регионов. Например, доминирующее положение КНР приводит Амурскую область к отказу от поиска новых моделей для сотрудничества, ограничивает возможные инвестиционные предложения со стороны КНР, так как отсутствует ярко выраженная конкуренция за регион. Необходимо активизировать

сотрудничество и с другими субъектами АТР.

В-третьих, Россия имеет неразвитую законодательную базу в отношении приграничного сотрудничества. Тезис о приоритетности развития приграничного сотрудничества зафиксирован в ряде российских законов еще лет 10 назад, однако ни одного нормативно-правого движения к реализации до сих пор не просматривается. В этом мы двигаемся совершенно противоположным путем с Китаем, в котором, наоборот, вопросы развития приграничного сотрудничества постепенно передаются на места, что позволяет успешно это сотрудничество развивать.

Две предоставленные таможенные и налоговые 50-процентные льготы для предприятий, которые работают в китайском приграничье, позволили всего за 10-15 лет сформировать экономически развитый пояс вдоль границы с Россией. [7]

Особняком стоит вопрос о таможенной статистике, в том числе приграничной торговле. Де-юре приграничной торговли с КНР в России вообще не существует, так как согласно закону к ней относятся торговые операции в рамках межправительственного соглашения, которое еще не заключено. В результате, невозможно определить точный объем товарооборота, так как каждый источник считает по-разному.

Тормозом взаимодействия может быть и так называемая «китайская угроза», весомый психологический фактор, описывающий опасения российского народа по поводу значительного количества китайских мигрантов.

Четвертая проблема – это нехватка денежных ресурсов для реализации многих перспективных проектов. От этого пострадал знаменитый проект «Туманган», который в свое время являлся наиболее перспективным проектом международного приграничного сотрудничества. Его реализация была заморожена в 2005 г. [10]

Для эффективного сотрудничества приграничных регионов необходимо продолжить работу по согласованию форм и законодательного обеспечения функционирования приграничных торгово-экономических комплексов; реконструировать железнодорожный пограничный переход «Пограничный – Суйфэньхэ»; продолжить работу по разработке и принятию федерального закона «О приграничном сотрудничестве в РФ»; после завершения демаркации в июне 2008 г. продолжить изучение вопросов по созданию нового пункта пропуска между Россией и Китаем на острове Большой Уссурийский и т.п.

Мощный **стимул для развития регионального сотрудничества** дало утверждение в сентябре 2009 года в Нью-Йорке Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым и Председателем КНР Ху Цзиньтао Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока

и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009-2018 гг.). Программой предусматриваются крупные взаимные инвестиции в ряд проектов на территории обеих стран.

Выступая на заседании Совета Безопасности РФ, экс-президент России В.В. Путин сказал, что «все наши шаги по подъему Дальнего Востока нуждаются в сильном внешнеполитическом сопровождении. Здесь следует ориентироваться на эффективное участие в региональных интеграционных процессах, на углубление двусторонних связей и приграничного сотрудничества с соседними государствами». [11] Таким образом, по мнению В.В. Путина, внешнеполитический курс должен быть направлен на создание условий развития Дальнего Востока, стать фактором его возрождения, и это в огромной степени касается внешнеполитического курса в отношении Китая.

Региональные и приграничные экономические связи, как можно было убедиться, являются важными моментами стратегического развития не только взаимоотношений, но и отдельных регионов России и Китая, обеспечивая для многих приграничных с Китаем областей России поставки необходимых товаров и услуг.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Бюллетень экономической информации по материалам китайской прессы за первое полугодие 2010 года - аналитический обзор Министерства экономического развития РФ – http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreignEconomicActivity/cooperation/economicAA/doc20100823_05

[2] А. Лукин «Актуальные проблемы взаимодействия России и Китая и пути углубления двустороннего сотрудничества» // Аналитические записки, №4 (33). М.: МГИМО-Университет, 2008, 32 с.

[3] Официальный сайт Администрации Хабаровского края – www.adm.khv.ru

[4] Информационный портал о Китае – www.allchina.ru

[5] Официальный сайт Администрации Приморского края – www.primorsky.ru

[6] Китайское информационное агентство Синьхуа – www.xinhuanet.com

[7] Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения, под редакцией А.В. Лукина. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, МГИМО(У) МИД РФ, г. Москва, 21-22 декабря 2006 г. М.: МГИМО-Университет, 2007, 204 с.

[8] Справка Министерства экономического развития РФ «О состоянии российско-китайского Торгово-экономического

сотрудничества» – http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreignEconomicActivity/cooperation/economicAA/doc20100531_06

[9] Объем приграничной торговли между РФ и КНР за 10 лет вырос до $8,35 млрд. / ИА REGNUM – www.regnum.ru

[10] Центр Кургиняна – http://kurg.rtcomm.ru/clubs.shtml

[11] Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности РФ. 20 декабря 2006 г., Москва, Кремль – www.president.kremlin.ru

ФЕНОМЕН ИСПАНСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА

Прохоренко И.Л., к.полит.н., с.н.с.
Института мировой экономики и
международных отношений РАН (ИМЭМО РАН)
irinapr@imemo.ru

После краха франкизма демократическая Конституция 1978 г. юридически закрепила существование в Испании так называемого государства автономий – разновидности регионального государства, некой компромиссной формы между унитарным государством и федерацией. Ст. 145.1 не допускает создания федерации: в общественном сознании испанцев жива память о I республике 1873 г., которая провозгласила Испанию федеративным государством, однако не сумела предотвратить кантоналистских мятежей и пала в результате военного переворота, реставрировавшего монархию.

Основной закон предоставил провинциям, имеющим территориальную, историческую, культурную и экономическую общность, право получить самоуправление. Было образовано 17 региональных автономных сообществ в соответствии с прежним делением страны на провинции и исторические области. Статус автономных городов приобрели эксклавы Сеута и Мелилья на побережье Северной Африки.

Территориальное разнообразие не является исключительной особенностью Испании, однако оно сыграло особую роль в ее истории и в самосознании испанцев, которые издавна чувствовали и продолжают ощущать до сих пор сильную привязанность к местности, где родились, – к своей малой родине. Этому способствует и лингвистическое разнообразие страны. В 5 автономных сообществах наряду с испанским (кастильским) статусом официального обладают региональные языки: в Каталонии – каталанский; на Балеарских островах – варианты каталанского языка балеарский и майоркин; в Валенсии – валенсийский

как разновидность каталанского; в Галисии – галисийский; в Стране басков и Наварре – эускера.

Даже за пределами страны жители Испании не всегда склонны представляться испанцами. Социологические исследования, указывают на рост числа приверженцев регионализма и локализма, противостоящих общегосударственному национализму, европеизму и космополитизму, среди молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет – тех, кто родились после смерти Франко [1].

Природно-географические особенности Испании изначально способствовали естественному обособлению ее провинций и регионов. В эпоху вестготских королевств на Пиренейском (Иберийском) полуострове региональные различия приобретают политический характер и усиливаются в условиях становления феодальных отношений с их системой вассалитета, имеющей в первую очередь пространственно-территориальный характер.

Наиболее значительным периодом истории иберийских народов является Реконкиста – многовековой (VIII-XV вв.) процесс отвоевания у арабов земель на полуострове. Реконкиста была не просто протяженной во времени серией военных операций христианского населения против мусульманских завоевателей, а длительным и сложным историческим этапом становления единого испанского государства, процессом колонизации, заселения и освоения опустошенных войной земель, в который были вовлечены все социальные слои общества.

Исторически Испания складывалась как сообщество христианских королевств на Пиренейском полуострове (*Las Españas*), каждое из которых отличалось своеобразием, имело опыт самостоятельной борьбы с арабскими завоевателями и обладало широкой автономией по отношению к Кастилии – одному из наиболее крупных государственных образований, занявшему центральное место в формировании испанской монархии и управлении ею.

Во многом благодаря традициям старинных вольностей–фуэро (в ведении регионов остались местное самоуправление и законодательство, налогообложение, таможенные границы) региональная специфика не была ассимилирована процессом становления единой испанской нации, и регионализм остался одной из наиболее ярких черт испанского общества. Фуэро регламентировали правовые отношения населения с центральной властью в рамках кортесов – первых официальных сословно-представительных институтов в Европе. Кортесы следили за соблюдением

[1] См., напр.: Informe Juventud de España 2004. – Madrid: Instituto de la Juventud, 2005. – P. 504-521.

порядка престолонаследия, принимали клятву короля относительно фуэро, решали вопрос о субсидиях, выражали жалобы населения.

Изабелла Кастильская, осуществившая политическое объединение испанского государства в результате династического брака с Фердинандом Арагонским, так и не решилась именоваться королевой Испании, осознавая, что политическое единство отнюдь не тождественно слиянию. К. Маркс, много времени посвятивший изучению истории Испании, следующим образом охарактеризовал испанский абсолютизм, который, имея лишь внешнее сходство с абсолютными европейскими монархиями Европы, напоминал, скорее, восточную деспотию: «Абсолютная монархия не только нашла в Испании материал, по самой своей природе не поддающийся централизации, но она сделала все от нее зависящее, чтобы не допустить возникновения общих интересов, обусловленных разделением труда в национальном масштабе и многообразием внутреннего обмена, которые и являются единственно возможной основой для установления единообразной системы управления и общего законодательства» [2].

В то же время государство сумело «удержать в узде» центробежные проявления регионализма. Методы централизации государства носили чаще насильственный характер, подчас приобретая форму наказания или даже мести. Именно так выглядела ликвидация в первой четверти XVIII в. большинства фуэро Каталонии и других регионов страны, поддержавших австрийского претендента на испанский престол в ходе войны за испанское наследство против французского принца Филиппа V Бурбона. Аналогичным путем были отменены фуэро в Стране басков в середине – второй половине XIX в.в наказание баскских провинций за поддержку карлистов – сторонников брата Фердинанда VII дона Карлоса, защищавших его права на трон против вдовы Фердинанда и ее дочери Изабеллы.

В XVIII-XIX в. корона реструктурировала политическое пространство страны, перекраивая границы средневековых королевств и закладывая основы системы управления на местах, отвечающей требованиям времени. Административная реформа 1833 г. разделила территорию страны на провинции примерно в их нынешнем виде.

С другой стороны, сами капиталистическое развитие Испании и формирование общеиспанского рынка содействовали объединению нации. Филипп V, отнявший фуэро у каталонских провинций, одновременно предоставил городам Барселоне (центр Каталонии) и Сан-Себастьяну

[2] Маркс К. Революционная Испания //Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 10. – М.: Изд-во политической литературы, 1958. – С.432.

(центр баскской провинции Гипускоа) право торговли с некоторыми портами в Испанской Америке – до этого подобным исключительным правом обладали лишь Севилья и Кадис; ввел запрет на ввоз в Испанию хлопчатобумажных тканей, что благоприятно сказалось на развитии текстильной промышленности в Каталонии. Своеобразным тормозом партикуляристских тенденций явились и реформы Карла III во второй половине XVIII в. Тем самым политика официального Мадрида отвечала интересам региональной буржуазии Каталонии и Страны басков. Защищая эти интересы не только на испанском внутреннем, но и на латиноамериканском рынках, такая политика естественно вела к сближению провинций Каталонии и Страны басков с остальной Испанией в рамках единого государства, формируя общие национальные интересы страны.

К XIX в. с формированием общеиспанского рынка происходит и глубокое внедрение испанского языка, несмотря на то, что местные языки и диалекты продолжают сохраняться, хотя границы их распространения меняются по сравнению со средневековьем. На лингвистическое районирование страны накладывается в самом общем виде и ее социальная структура. Кастильский становится языком господствующих классов. На старых местных языках и диалектах говорят нижние слои общества, преимущественно крестьяне.

На протяжении веков диалектика соперничающих между собой центробежных и центростремительных тенденций являлась стержнем процесса формирования, становления и развития испанской нации. Поиски баланса двух указанных тенденций, недопущение чрезмерного усиления центробежной, что поставило бы под угрозу целостность государства, стали первостепенной задачей центральных властей.

Несмотря на реформы Бурбонов по централизации государства, в условиях промышленной революции усиливающаяся неравномерность экономического развития (аграрный консервативный центр и передовая индустриальная «периферия») превращается в фактор дезинтеграции. Выражением конфликта центра и периферии становится подъем регионалистских движений на рубеже XIX-XX вв. В Каталонии, Стране басков, Галисии возникли, оформились организационно и приобрели влияние регионалистские общественно-политические движения, избравшие в качестве своей политической цели автономию региона.

Всплеск регионалистских настроений в Каталонии был вызван также последствиями испано-американской войны 1898 г. С потерей последних заокеанских владений каталонская текстильная промышленность – главная и к тому же экспортная отрасль экономики региона, работавшая на привозном латиноамериканском хлопке, лишилась

своих традиционных рынков сырья. Причины неудач каталонские предприниматели и политики были склонны видеть в кризисе испанского государства, управляемого из Мадрида. Формирование же к концу прошлого столетия в Испании двухпартийной системы (либералы и консерваторы), функционирование которой не предполагало весомого участия каталонской региональной буржуазии в принятии решений, делало необходимым создание политических партий националистического толка.

Уже в том же 1898 г. собрался съезд представителей каталонской буржуазии и интеллигенции, на котором была принята программа каталонского регионалистского движения, ставшая в 1901 г. основой политической платформы каталонской партии «Лига регионалиста» (1901-1936 гг.). В программе были выдвинуты требования предоставления каталонским провинциям автономии в рамках испанского государства и создания своего правительства, уравнивания в правах каталанского и кастильского языков. В отличие от каталанизма XIX в., считавшего Испанию нацией, а Каталонию – родиной, «Лига» выдвинула новые лозунги: «Каталония – нация, Испания – государство!», «Свободная Каталония в большой Испании».

Результатом переговоров глав провинциальных советов каталонских провинций и представителей «Лиги» с испанским правительством стало создание в 1914 г. так называемого Манкомунитата Каталонии. Руководящим органом нового института регионального управления становилась генеральная ассамблея, в состав которой входили депутаты провинциальных советов региона. Его председателем становился глава провинциального совета столичной провинции Барселоны. На постоянной основе работал совет Манкомунитата, состоявший из нескольких управлений – дорог и портов, культуры и образования, сельского хозяйства и службы лесонасаждений, социальной помощи и здравоохранения, телефонной сети, гидротехнических и железнодорожных сооружений, социальной политики, финансов. Законодательными полномочиями Манкомунитат не обладал, не располагал он и существенными финансовыми средствами. Формально, он прекратил свою деятельность в 1925 г. в период военно-монархической диктатуры генерала М. Примо де Риверы.

Как и в случае с Каталонией, испано-американская война оказала негативное воздействие и на промышленно развитые провинции Страны басков. Однако регионалистское движение приняло здесь совершенно иные формы. В отличие от Каталонии, где идеологами и политическими руководителями регионалистского движения были преуспевающие предприниматели, занимавшие высокие государственные посты

профессионалы, адвокаты, писатели и журналисты, представители дворянских фамилий, а подъем националистических настроений сопровождался возрождением каталанского языка и каталанской литературы, в Стране басков националистическая идеология с самого начала приобрела воинствующе агрессивный клерикальный характер. Ее чертами стали консерватизм, а порой и реакционность, тенденция к изоляционизму.

Столь характерные свойства объясняются историей баскского общества – сама природа горных труднодоступных районов на северо-востоке Испании создала идеальные условия для формирования замкнутой аграрной общины и издавна защищала баскский народ от чужеземного влияния. Баскам удалось избежать романизации, не достигли их и волны варварских и арабского завоеваний. К тому же, и баскский язык, не принадлежащий к группе романских, в которую входят кастильский, каталанский и галисийский, и столь трудный для изучения, способствовал изоляции баскского общества и консервации его обычаев и традиций.

Если издавна общение каталонцев со средиземноморским миром, представителями различных культур прививали широту взглядов и терпимость, то известная географическая удаленность и малая доступность Страны басков, некоторая ее замкнутость, архаизм, который до самого последнего времени характеризовал быт и воззрения басков, развили в местной культуре сознание некой своей самобытности и даже исключительности. В то же время баскская знать традиционно была лояльна Мадриду, социальной основой карлистского движения в местных провинциях стало, в основном, крестьянство. Баскская буржуазия в большей степени подверглась кастилизации, имея возможность более активного, нежели каталонская, участия в управлении страной.

«Отцом-основателем» баскской националистической идеологии стал С. Арана, сын известного деятеля карлистского движения. Националистические идеи провинциального публициста явились реакцией на потерю басками старинных фуэро, с одной стороны, а с другой, – на последствия промышленной революции в баскских провинциях. Развитие тяжелой и добывающей индустрии в регионе, где веками господствовала замкнутая сельская община с клановой социальной структурой, огромный по численности приток иммигрантов из других провинций страны, в основном из центральной Испании, для работы на железорудных шахтах Бискайи, вызвали взрыв националистических настроений в баскском обществе.

Созданная в 1894-1895 гг. Баскская националистическая партии поначалу имела сторонников только в промышленной Бискайе, затем ее влияние распространяется на соседние Алаву и Гипускоа. Привлечение к

деятельности партии представителей баскской буржуазии внесло новую струю. Идеи карлизма, сентиментальную идеализацию традиционного баскского общества, клерикализм, неприятие быстрой индустриализации региона начинают теснить более прагматичные либеральные идеи местной автономии.

Характерно, что в Стране басков не было того культурного Ренессанса, который стал отличительной чертой каталонского националистического движения. Более того, сами идеологи и лидеры баскского национализма не знали родного языка, а занялись его изучением лишь став профессиональными политиками. Представить же себе деятеля каталанизма, не знающего каталанского языка, просто невозможно.

Регионалистские движения в Каталонии и Стране басков на рубеже XIX-XX вв. предоставление ограниченной автономии Каталонии, а затем и успехи регионов в борьбе за автономию в период Апрельской республики (в частности, разработка, а в случае с Каталонией и Страной басков и принятие, статутов, предоставлявших каждому из регионов права автономной области) явились одной из причин установления в Испании XX в. военно-монархической диктатуры Примо де Ривера и режима генерала Франко. Угроза сепаратизма казалась многим испанским государственным и политическим деятелям не меньшей, чем коммунистическая. Свидетельство тому – ставшее хрестоматийным высказывание лидера правых монархистов Х.Кальво Сотело о том, что он предпочел бы Испанию красную Испании раздробленной.

Франкизм, идеалом для которого считалась Испания эпохи Католических королей, видел в регионалистских движениях угрозу великой, единой и неделимой Испании, управляемой из центра. Не приняла диктатура и происпанский каталанизм «Лиги».

Конфликт между центром и периферией, более того – конфликт Мадрида и Барселоны, стал определяющим моментом в истории франкистской диктатуры. «Во многих случаях, – приходит к выводу, к примеру, испанский социолог и публицист А. де Мигель, анализируя общественно-политическую ситуацию в стране к моменту краха франкизма, – понятие «официальная Испания» ассоциируется с «Мадридом», включая также ряд административных центров и центральных регионов («Кастилию» в широком смысле слова), а особняком находятся периферийные районы (в первую очередь, Страна басков и Каталония с прилегающими областями). Отделены они не только географически – настроенная в пользу автономии буржуазия этих регионов противостоит чиновничеству центра» [3].

[3] См.: Мигель А. де. 40 миллионов испанцев 40 лет спустя. М., 1985. С. 374-375.

Индустриализация 1960-х – начала 1970-х гг., названная годами испанского «экономического чуда», имела негативные последствия, наподобие тех, которые наблюдались в период промышленной революции в Каталонии и Стране басков на рубеже XIX-XX вв. Внутренняя миграция приняла невероятные доселе размеры, породив множество проблем в сфере занятости и на бытовом уровне. В периферийных регионах Испании, которые представляют собой крупнейшие промышленные зоны и традиционно считаются самыми богатыми, сложилось неприятие политики франкистских властей Мадрида в области налогообложения регионов, с одной стороны, и предоставления им средств из государственной казны на общественные расходы, с другой.

Анализируя феномен регионализма в Испании во второй половине прошлого века, возвратимся к идее структурных различий между индустриализирующейся буржуазной Каталонией и остальной преимущественно аграрной Испанией в XIX столетии. Теперь эти различия не дуалистичны, а намного более диверсифицированы, хотя определяющим фактором остается противостояние традиционных структур с сохранением доиндустриальных отношений и структур, возникших в результате модернизации.

Так, испанские ученые-неомарксисты Х. Линс и А. де Мигель выделяли в пространстве испанского национального государства в 1960-е гг. 8, а во второй половине 1970-х гг. – 6 отличных друг от друга по своим структурным особенностям регионов развития [4]. Эти структурные различия, фактически, носили временной характер. На одном полюсе – сохраняющая феодальные пережитки аграрная «сеньориальная» Испания центра и юго-востока, на другом – передовая Испания капиталистической «периферии». В свою очередь, Мадрид как центр притяжения политического пространства страны противостоит всей остальной Испании.

Среди отечественных испанистов распространено мнение, что на территории так называемого многонационального испанского государства сложились соответственно испанский, каталонский, галисийский и баскский народы-этносы, при этом последние три являются национальными меньшинствами. Подобных взглядов придерживаются и некоторые зарубежные исследователи, данная точка зрения имеет распространение также в среде экспертов и чиновников Евросоюза.

[4] См.: Linz J.J., Miguel A. de. Within-nation differences and comparisons: the eight Spains // Comparing nations / Merritt R.L., Rokkan S. (ed.). – New Haven: Yale Univ. Press, 1966. – P. 267-319; Miguel A. de. Recursos humanes, clases y regiones en España. –Madrid: Edicusa, 1977. – P. 233-257.

Однако есть и те, кто указывает на доминирующую роль территориального (областного, «земляческого»), а не этнического фактора в самоидентификации местных жителей, в их взаимоотношениях друг с другом, а также с государством и с внешним миром.

Так, российский этнолог А.Н. Кожановский видит в испанском обществе иерархию территориальных, «земляческих» общностей: «Всякий житель страны, таким образом, входит одновременно в состав нескольких «народов», в череде которых каждый следующий, более крупный, включает в себя предыдущий как свою составную часть. …Значение разных «уровней» в разных уголках Испании никогда не было одинаковым и, более того, со временем оно видоизменялось под действием различных факторов, во многих случаях – политических» [5].

Региональное сознание, как и территориальное в целом, не есть нечто изначально и жестко заданное фактом рождения в определенной местности. Организация политического пространства в Испании предполагает не только возможность изменений в территориальной идентификации, но и реальность обретения испанцами множественной идентичности. Можно родиться в одном месте, проживать – в другом, учиться – в третьем, найти свою «вторую половину» – в четвертом и так далее. При этом множественная самоидентификация жителей Испании сочетается с ощущением себя также европейцами, частью западного сообщества, гражданами испаноговорящего мира и гражданами мира вообще.

Таким образом, испанский регионализм, изначально возникший вследствие естественно-природного разнообразия, пустил глубокие корни в испанской истории и отнюдь не исчез и существенно не ослаб с созданием единого испанского государства в процессе политического объединения христианских королевств в период Реконкисты. Не удалось этого добиться и позднее – в ходе централизаторской политики испанских Габсбургов и Бурбонов, а в XX в. – франкистской диктатуры.

Говоря о становлении и функционировании испанского национального государства, хотелось бы подчеркнуть, что борьба центробежных и центростремительных тенденций составляет один из наиболее важных компонентов испанской истории. В известном смысле можно утверждать, что на протяжении веков диалектика этих двух соперничающих между собой тенденций являлась стержнем процесса формирования, становления и развития испанской нации. Поиски баланса двух указанных тенденций, недопущение чрезмерного усиления

[5] Кожановский А.Н. Государственная идентификация по-испански // Испания. Анфас и профиль / Под ред. В.Л. Верникова. –М.: Весь мир, 2007. – С. 199, 200.

центробежной, что поставило бы под угрозу целостность испанского государства, стали первостепенной задачей центральных властей Мадрида.

Тот «ежедневный плебисцит», о котором говорил Э. Ренан, характеризуя природу нации, оказывается для испанской нации отнюдь не пустой фразой. Будучи «единой и разной», испанская нация была изначально поставлена перед жизненно важной для себя задачей поиска наиболее адекватной формулы сохранения своего единства. Отсюда становится понятной особая роль государства – интегрирующего стержня испанской нации и гаранта ее единства перед лицом центростремительных настроений регионов.

Испания за свою многовековую истории приобрела опыт местного управления и самоуправления – на уровне муниципалитетов, провинций и даже исторических областей (пример Манкомунитата – регионального органа самоуправления Каталонии в первой четверти XIX в.), создания и деятельности региональных партий и общественно-политических объединений. В период II республики Каталония и баскские провинции добились значительных успехов и получили официальное признание своей автономии в рамках единого испанского государства. Свои проекты автономных статутов разработали и другие области страны.

Анализ испанского регионализма в исторической перспективе позволяет сделать вывод о неравномерности процесса структурирования политического пространства (регионалистские движения возникают на «периферии» испанского государства), а также обратимости данного процесса. Попытки децентрализации государственного устройства в ходе многочисленных буржуазно-демократических революций в Испании закончились неудачей. Опыт создания и функционирования института регионального самоуправления – каталонского Манкомунитата – оказался недолгим.

Испанская монархия по сути дела признавала в качестве единственно возможной для страны модель централизованного унитарного государства. На всем протяжении испанской истории от Католических королей и до Альфонсо XIII, свергнутого Апрельской республикой, корона являлась главным и по сути дела единственным автором процесса структурирования политического пространства страны, осуществляя централизаторскую политику и стремясь подавить или, в крайнем случае, – ослабить, партикуляристские тенденции. Подобная тактика была в полной мере продолжена франкистской диктатурой. Рост напряженности в отношениях между центром и периферией в годы франкизма естественным образом сказался на определении приоритетов в политике Испании после Франко, поставив проблему автономизации в первый ряд неотложных проблем, требующих немедленного решения.

Демократические перемены создали новую систему государственного управления. Процесс становления государства автономий шел непросто: разрабатывались, организационно оформлялись и опробовались на практике во многом новые для Испании принципы территориального управления.

Конституция 1978 г. по сути дела обозначила лишь рамки процесса децентрализации государства. Этот процесс продолжается и сегодня – государство автономий идет по пути федерализации. Но и как того желали создатели действующей Конституции добавление все новых и новых элементов федерализма в модель административно-территориального устройства государства властям в Мадриде до сих пор удавалось осуществлять достаточно плавно и последовательно, как результат компромисса между различными уровнями управления, а не «сверху», что, возможно, грозило бы усилением центробежных тенденций.

Как показывают социологические опросы, дальнейшая судьба государства автономий находится в центре внимания испанского общества. Большинство экспертов сходятся во мнении, что воплощение в жизнь проектов возврата Испании к унитарной модели государства или, напротив, обретение национальностями и регионами независимости является маловероятным. Среди альтернативных сценариев вероятного развития событий называются федеративно-многонациональный, который предполагал бы заключение асимметричных конфедеративных соглашений между центром и регионами, и сценарий суверенитета-ассоциации, или партнерства, фактически означающий отказ от положений Конституции.

Проблема государственно-территориального устройства в обозримой перспективе будет занимать первостепенное место в политической жизни Испании. Свою роль в возможных переменах в конфигурации политического пространства Испании будет играть эволюция политического пространства Европейского союза.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Informe Juventud de España 2004. – Madrid: Instituto de la Juventud, 2005. – P. 504-521.

[2] Маркс К. Революционная Испания //Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 10. – М.: Изд-во политической литературы, 1958. – С.423-480.

[3] Мигель А. де. 40 миллионов испанцев 40 лет спустя / Пер. с исп. – М.: Прогресс, 1985.

[4] Linz J.J., Miguel A. de. Within-nation differences and comparisons: the eight Spains // Comparing nations / Merritt R.L., Rokkan S. (ed.). – New Haven: Yale Univ. Press, 1966. – P. 267-319.

[5] Miguel A. de. Recursos humanes, clases y regiones en España. – Madrid: Edicusa, 1977.
[6] Кожановский А.Н. Государственная идентификация по-испански // Испания. Анфас и профиль / Под ред. В.Л. Верникова. – М.: Весь мир, 2007. – С. 195-212.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЕС И ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ХОЗЯЙСТВО ЛИТВЫ

Симанавичиене Ж., к.э.н., профессор
зав. кафедры экономики предприятий
факультета экономики и менеджмента
Каунасского технологического университета
zaneta.simanaviciene@ktu.lt

Килийониене А., д.э.н., доцент
кафедры экономики
факультета социальных наук
Клайпедского университета
akvile.kilijoniene@gmail.com

Палякиене О., магистр
кафедры экономики предприятий
факультета экономики и менеджмента
Каунасского технологического университета
oksana.palekiene@ktu.lt

Региональное развитие, его планирование и политика – это комплексная проблема, включающая в себя несколько действующих сил, институций и структур на местном (локальном), региональном, национальном и международном уровнях. В этой статье **объект исследования** – региональная политика. В связи с этим поставлена **задача исследования**: исследовать экономическую теорию, которая обобщает основные принципы образования регионов, обосновывает необходимость региональной политики, объясняет рост и снижение региональных различий, представляет возможности региональной политики поощрения бизнеса и роста экономики, а также анализирует как в стране можно согласовать сокращение региональных различий и ускорение экономического роста.

Соглосование национальной и региональной политики ЕС в Литве

Региональная политика в Литве является областью новой государственной политики. Региональная политика Литвы ведется в двух направлениях: региональная политика внутри государства, которую составляет формирование и проведение национальной региональной политики, а также реализация мер региональной политики, получающих финансирование из государственного бюджета и частных фондов.

Основное стратегическое положение национальной политики регионального развития включает в себя обеспечение стратегического и устойчивого баланса между социальным, экономическим и экологическим развитием регионов путем обеспечения потенциала развития региональных и местных общин, повышения международной конкурентоспособности страны, а также сокращения отставания Литвы от среднего значения ЕС.

Главная особенность национальной региональной политики Литвы - формирование и проведения демократической, интегральной политики, обеспечивая удовлетворение потребностей регионов и самоуправлений, проводя и отраслевую политику. Региональный аспект, интегрированный во все общие национальные отраслевые программы, должен четко отражать потребности регионов, полагаясь на которые уполномоченная государственная институция в планах развития этих регионов должна заверить удовлетворение аргументированных потребностей этих регионов [13].

Концепция регионального развития ЕС не исключает внутренних проблем развития Литвы, так как наш регион рассматривается как регион цели 1 (уровня NUTS 2) [7]. После вступления Литвы в ЕС, поддержка стране предъявляется с целью ускорить экономическо-социальное развитие страны, несмотря на диспропорцию и вопросы развития. Это означает, что, если Литва получает поддержку из структурных фондов ЕС, роль национальной политики регионального развития растет. Однако, вопросы проведения национальной региональной политики имеют непосредственное отношение к отсутствию государственных финансовых ресурсов для осуществления целей и задач национальной региональной политики в целевых территориях.

Поэтому, для проведения национальной региональной политики и увеличения в стране территориальной и социальной сплоченности, непосредственно должна быть выделена поддержка из структурных фондов ЕС, что и полагается сделать, получив финансовую поддержку из структурных фондов ЕС в програмный период 2007-2013 года [2]. Только рациональное, согласованное с требованиями развития регионов,

проведение региональной политики при использовании фнансовых инструментов структурных фондов ЕС помогут приостановить увеличение различиий качества жизни при росте общей экономической жизнеспособности страны.

Несмотря на тот факт, что при проведении региональной политикии ЕС, Литва считается одним регионом и предъявляемая инвестиционная поддержка со стороны ЕС должна не увеличивать, а наоборот, уменьшать различия между развитием регионов Литвы. В противном случае, это будет противоречить экономической и социальной концепции сплоченности Сообщества. Однако в этом случае вся ответственность ложится на Литву, которая, участвуя в региональной политики ЕС, должны быть в состоянии обеспечивать устойчивое развитие всех регионов страны [6].

Как указано в программе развития регионов ЛР выделены две основные проблемные группы формирования и проведения национальной политики [14]. Первая проблема касается формируемой общей национальной региональной политики, а также интеграции национального и регионального развития. Вторая проблема касается региональных возможностей и способностей активно участвовать в процессе регионального развития. Поощрение такого участия регионов, во-первых, должно быть заверено подготовкой документов регионального планирования и проектами их осуществления, включением приоритетов регионального развития в подготовленные стратегии развития отраслевых министерств. Для подготовки регионов к использованию пддержки структурных фондов ЕС необходимо сбалансированное развитие всей страны, но и в этой ситуации страна сталкивается с трудностями так как, регионам и самоуправлениям не хватает опыта.

До вступления Литвы в ЕС, страна самостоятельно устанавливала приоритеты, для какого развития, социального или экономического, использовать свои инвестиции. При вступление в ЕС, Литва согласовывала свои инвестиции с приоритетами региональной политики ЕС, как потенциальный регион цели 1. Процесс адаптации инвестиций Литвы к инвестициям ЕС в Литве начался в 2000 году, во время планирования и выбора инструментов поддержки ври вступлении в ЕС. Тем не менее, на Литву оказывалось огромное давление, так как в гораздо большем объеме были использованы инвестиции структурных фондов ЕС и фонда сплочения, которые соответственно требовали значительных расходов для совместного финансирования.

Обобщая процессы формирования и проведения региональной политики Литвы, можно утверждать, что в Литве, по существу, продолжается (по отношению к 10 районам (уездам)) 6-7 десятилетий

политика регионального развития Европы, которая по роду своей деятельности основное внимание уделяет спасению проблемных территорий, развитию свободных экономических и промышленных зон, равномерному развитию территориальной инфраструктуры, тем самым пытаясь смягчить региональные различия [15]. Таким образом, оценка воздействия региональной политики для Литвы является очень актуальной. Региональная политика ЕС часто упоминается как одно из наиболее очевидных преимуществ членства в ЕС. Но, несмотря на это, уровень развития Литвы в среднем очень отстает от развития региональной политики ЕС.

Тем не менее, проведение региональной политики ЕС в значительной степени является обязанностью государств-членов, а мера осуществления целей этой политики зависит от степени готовности государственного управления Литвы использовать предоставляемую финансовую поддержку структурных фондов ЕС.

Ход проведения региональной политики ЕС

В этом исследовании был анализирован програмный период 2004-2006 года региональной политики ЕС, так как в настоящее время все еще продолжается освоение бюджетных перспектив 2007-2013 года. Освоение в програмный период 2004-2006 года вабранных проектов и поддержки структурных фондов продолжалось до конца 2008 года.

Общая стратегия развития страны и приоритеты подготовлены в соответствии с отраслевыми стратегиями. Поэтому далее в подразделе анализируется Общий програмный документ ЛР (далее ОПД) и ход осуществления мер. Этот документ непосредственно связан с проведением региональной политики ЕС и включает в себя далеко не все национальные программы развития и деятельности, а только те сектора и приоритеты, инвестиции в которые могут финансироваться за счет структурных фондов ЕС [14]. Формат ОПД секторальных стратегий отличается от обычного формата стратегий развития отраслей, так как структура секторальных стратегий ОПД определяет области, которые больше всего нуждаются в инвестициях [12]:

- Социальная и экономическая инфраструктура: транспорт, энергетика, связи/ электронная торговля, охрана окружающей среды, здравоохранение, объекты городской инфраструктуры (приоритет 1).
- Человеческие ресурсы: обучение и образование, профессиональная подготовка и трудоустройство, научные исследования и технологии, информационное общество, спорт, культура (приоритет 2).
- Промышленный сектор: сельское хозяйство, промышленность и бизнес, туризм (приоритет 3-4). Проведение региональной политики ЕС в Литве в 2004-2008 года было достаточно проблематичным. До 2007 года

планированные дополнительные доходы из структурных фондов ЕС во время не были освоены (см. рис. 1).

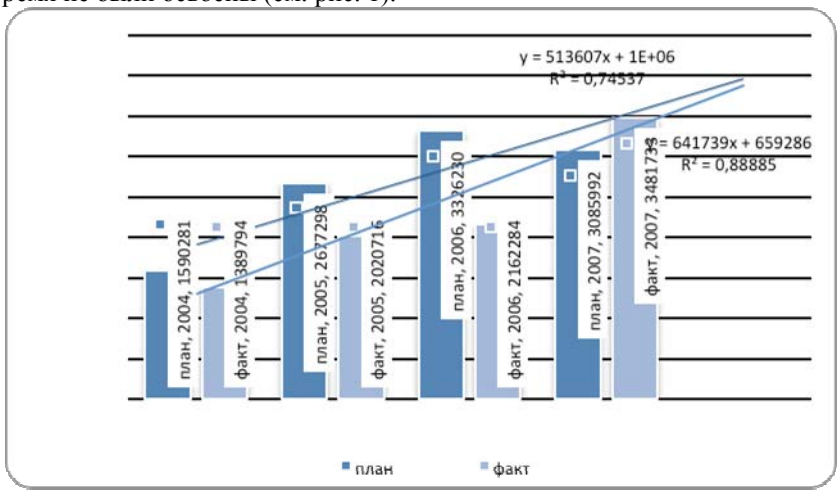


Рис.1. Планированное и фактическое освоение поддержки из структурных фондов ЕС

Источник: заключено авторами по данным Министерства финансов ЛР (2008)

Основные проблемы, с которыми сталкиваются исполнители проекта – опоздание выполняемых работ, повышенные цены на сырьевые товары и рабочую силу. Другие проблемы по вопросам проведения ОПД – отсутствие опыта у исполнителей при реализации проектов, длительные процедуры общественных закупок, сезонность реализации проектов, отсутствие человеческих ресурсов административных институций, недостаточный мониторинг проектов, опыт оценки проектов и т.д.

В 2007 году ситуация улучшилась и объем освоения средней годовой поддержки превысил планированный. По данным предоставленных докладов Министерства финансов об исполнении бюджета после регрессионного анализа планированных и фактически полученных доходов региональной политики ЕС, подсчитано, что в среднем за год объем освоения поддержки увеличился примерно на 64 тыс. лит или на 12,8 тысяч лит больше, нежели было планировано.

В програмный период 2004-2006 года Литве полагалось поддержка структурных фондов в общей сумме более чем 0,9 млрд. евро, и более чем 300 млн. евро должно быть выплачено из государственного бюджета и частных фондов (см. рис. 2).

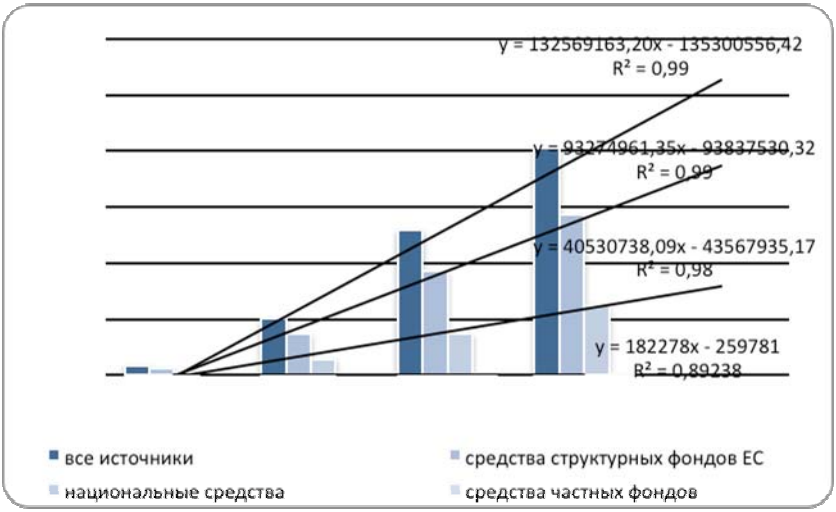


Рис. 2. Распределение полученных допустимых расходов региональной политики ЕС по источникам финансирования, в евро

Источник: заключено авторами по данным Министерства финансов Литвы (2007; 2008)

Большая часть этой поддержки была предназначена для финансирования проектов развития социально-экономической инфраструктуры (приоритет 1) и проектов производственного сектора (приоритет 3). Для развития человеческих ресурсов (приоритет 2) и сельского, а также рыбного хозяйства (приоритет 4), суммиров, было выделено примерно треть всей суммы структурных фондов ЕС. В програмный период 2004-2006 года ОПД меры были реализованы до 31 декабря 2008 г., поэтому очень важно постоянно оценивать процесс проведения ОПД.

По данным Министерства финансов к 2008 г. было получено 64 процентов средств структурных фондов ЕС, которые использовались в ОПД 2004-2006 года. Из структурных фондов ЕС были финансированы 3527 проектов. В период 2000-2006 года в Литве была предоставлена поддержка 53 проектам для модернизации транспортной инфраструктуры и окружающей среды. Им было выделено из Фонда сплочения почти 2852 млн. лит.

Средние темпы освоения средств структурных фондов, относительно ОПД, постоянно растут. По данным Министерства финансов в 2004 году было освоено 5,5 млн. лит в месяц, в 2005 - 21 млн. лит, в 2006

- 53,4 млн. лит, в 2007 - 81 млн. лит, в 2008 - 102 млн. лит в месяц. К началу 2008 г. средства структурных фондов осваивались очень быстро, в области рыболовства было освоено – 85% возможных средств структурных фондов, и 84% возможных средств освоено из фонда сельского хозяйства и гарантий. Средствами Европейского фонда регионального развития финансированы проекты, благодаря которым было освоено 67% возможных средств ЕС, из Европейского социального фонда – 64% (следует отметить, что в 2008 году освоение средств из этого фонда резко ускорилось).

Анализ показал, что в результате полученной сильной корреляции между ежегодного устанавленной динамики освоенных средств для реализации мер региональной политики (коэффициент детерминации R^2 превышает 0,9), и с каждым годом освоение средств для реализации мер, финансируемых из ОПД, соответственно увеличивалось на 132 млн. евро. Оценив тенденции реализации мер региональной политики, можно прогнозировать, что в 2008 году будут освоены все запланированные средства.

Так как меры региональной политики, необходимые для улучшения социального и экономического развития в стране, главным образом финансируются из структурных фондов ЕС через ОПД ЛР, поэтому далее в исследовании проанализированы общие освоенные средства не разделяя их по источникам финансирования, приоритетам развития и конкретным мерам региональной политики.

Оценка воздействия региональной политики и социально-экономического развития Литвы. В результате анализа хода проведения региональной политики, далее выполнено эмпирическое исследование как региональная политика ЕС воздействует на социальные и экономические показатели развития Литвы: была оценена линейная зависимость показателей и ее степень. Исследования показали, что направление и сила корреляционной связи между средствами, предназначенными для реализации мер региональной политики ЕС и различными показателями, определяющими социальное и экономическое развитие, различаются:

- Очень сильная линейная корреляция показателей ($|r|>0,95$) подсчитанная между уровнем проведения региональной политики и уровнем занятости (от 15 до 64 лет) а конкретнее, населения, занятого в секторе услуг;
- Сильная линейная корреляция между переменными ($0,801<|r|<0.950$) подсчитанная между численностью населения, естественной убылью населения, изменением числа самоубийств, изменением числа занятых в сельском хозяйстве, развитием показателей числа железнодорожных сетей, объемом расходов на научную и

исследовательскую деятельность, объемом ВВП [3], объемом инвестиций для накопления основного капитала и добавленной стоимости в анализируемых экономических секторах;

- средняя линейная корреляция показателей ($0{,}601 < |r| < 0.800$) вычеслена между измененияими показателей сальдо миграции (прямое) и сети магистральных дорог (обратное);
- выполнив корреляцию изменения числа занятых в промышленности в период проведения региональной политики зависимости между размерами линейной корреляции определить не удалось ($|r| < 0{,}400$).

Кроме того, принимая во внимание изменения значений коэффициента корреляции, ежегодно расчитывая освоенные средства региональной политики, накопленные в течение всего периода, можно делать выводы о степени изменения линейной зависимости в краткосрочный и долгосрочный периоды. Например, годовая численность населения, число самоубийств, ВВП, созданная ВДС в секторе строительства и корреляция инвестиций с освоением средств региональной политикой в долгосрочной перспективе слабеют, но, в тоже время, число занятых в секторе услуг, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе остаются очень сильным.

Таким образом, проверив результаты исследования, было установлено, что влияние региональной политики ЕС на изменения миграционных процессов в Литве, числа занятых в промышленном секторе и сети магистральных дорог, является косвенным, нелинейным или вообще отсутствует. Для того, чтобы выяснить, под каким влиянием находятся эти показатели, необходимо провести более подробные исследования, прогназируя потенциальные факторы или их группы, которые оказывают влияние на выше упомянутые показатели. В этом случае метод простой линейной регрессии применяться не может, поэтому необходимо применять модель сложной регрессии, дополненной другими независимыми переменными, которые могут повлиять на эволюцию развития показателей социально-экономического развития. Далее в этом исследовании будет рассматриваться эволюция тех показателей развития, точность апроксимации которых удовлетворяет заранее выдвинутые условия.

Расчет прямого воздействя региональной политики на социально- экономические показатели развития региона

Эффект освоения средств региональной политики на эволюцию показателей социально-экономического развития носит двоякий характер. Интерпретируя уравнения простой линейной регрессии для расчета потенциального воздействия региональной политики на социально-

экономические показатели развития, необходимо отметить, что влияние может быть прямым или обратным.

Исследование показало, что проведение региональной политики ЕС позитивно влияет почти на все анализируемые показатели эволюции развития Литвы. Наибольшое положительное влияние региональная политика оказывает на занятость. Подсчитано, что в краткосрочной перспективе освоение поддержки региональной политики ЕС в 1 млн. евро увеличивает занятость более чем на 0,68%, в долгосрочной перспективе – на 0,27%.

Эта позитивная тенденция, которая помимо этого еще и обращает внимание на проблемы осуществления целей Лиссабонской конвенции в Литве. Группа, находящаяся под наиболее сильным влиянием - это занятые в строительном секторе. Следует отметить, что этот эффект кратковременный, поскольку влияние непосредственно связано с реализацией финансируемых проектов инфраструктуры развития региональной политики. Меньшее влияние чувствуется в секторе услуг, где поддержка в 1 млн. евро увеличивает занятость в секторе услуг только 0,02%.

Наибольшую пользу из членства Литвы в ЕС получают мелкие и средние предприятия, а не большие предприятия страны, которые все свою продукцию экспортируют в страны ЕС. Именно такой эффект является результатом осуществляемой поддержки мелкому и среднему бизнесу ЕС. Мелким бизнесом занимается приблизительно каждый третий житель ЕС, следовательно, эти предприятия создают большую часть рабочих мест. Они намного легче приспосабливаются к происходящим изменениям на рынке и имеют большие возможности роста. Кроме того, другой важный аспект мелкого и среднего бизнеса - он уменьшает безработицу в перифериях, увеличивает социально-экономическое развитие. Поэтому каждое государство, как и ЕС в целом, заинтересовано в наиболее успешной деятельности мелких предпринимателей [9, 10].

Региональная политика повышает производительность сельскохозяйственной деятельности. Несмотря на то, что негативно чуствуется спад числа занятых в сельском хозяйстве, благодаря региональной политики создаваемая добавленная стоимость увеличиватся: 1 млн. евро ведет к 0,1% сокращения занятых в сельском хозяйстве, а добавленная стоимость увеличивается на 0,04%.

Членство в ЕС предоставляет две важные, одна другую дополняющие возможности – свободный выход на рынок ЕС и средства увеличения конкурентоспособности экономики Литвы на этом рынке. Помощь ЕС очень важна тем хозяйственным секторам, конкурентоспособность которых незначительна, и которые нуждаются в

больших инвестициях. Это, в особенности, актуально первичным предприятиям производства сельскохозяйственной продукции, а также пищевой промышленности (прежде всего мясной, рыбной и молочной).

Кроме того, региональная политика позитивно воздействует на вложенные инвестиции в основной капитал, расходы на научную и исследовательскую деятельность, доходы от домашнего хозяйства и роста ВВП. К сожалению, этот эффект пока является только краткосрочным, в долгосрочной перспективе эффективность все еще сильно уменьшается. Однако, несмотря на тот факт, что Литва официально стала одним из регионов NUTS 2 ЕС только в мае 2004 года, влияние региональной политики ЕС уже очевидно: экономический рост зависит от освоения поддержки в долгосрочной перспективе.

С помощью поддержки региональной политики ЕС, несмотря на то, что она должна быть направлена на улутшение развития сектора услуг, добавленная стоимость, в основном, растет в строительном секторе. Так как реализация проектов по развитию бизнеса, финансируемые в програмный период 2004-2006 года, должна быть завершена только к концу 2008 года, а в этом исследовании анализируется развитие в програмный период 2003-2007 года, можно утверждать, что это только первичная реакция. Таким образом, с целью оценки воздействия на экономическую деятельность развития, влияние и воздействие региональной политики должно оцениваться постоянно (ежегодно).

Региональная политика косвенно влияет на динамику численности населения и самоубийства, так как влияние региональной политики на естественный прирост и число самоубийств в краткосрочной и долгосрочной перспективах принимает то же самое значение, т.е., эффект достигается через улучшение качества жизни, экономического роста в стране и т.д. К сожалению, линейной зависимости с миграционным процессом доказать не удалось.

Развитие инфраструктуры транспорта и туризма практически не зависят от региональной политики ЕС. Так произошло в случае определения приоритетов развития страны. В настоящее время осуществляемые проекты предназначены для развития качественной инфраструктуры транспорта и туризма, а это исследование посвящено именно оценке расширения сети общественной инфраструктуры. Обобщая результаты исследования можно утверждать, что на данный момент региональная политика ЕС не является столь эффективной, как того стоило ожидать (расходы проводимой региональной политики в течение 4 лет повлияли на эволюцию развития страны в среднем на 0,095%), хотя влияние на занятость очевидно.

Обобщая все результаты исследования можно утверждать, что вложенные инвестиции в сектор промышленности, человеческих ресурсов и развитие инфраструктуры, оказывают влияние на социально-экономическое развитие регионов.

С целью сокращения неравенства развития не только в регионах, но и в национальном контексте, очень важно адекватно предвидеть и определить принципы оказывания поддержки региональной политики. Также необходимо постоянно проводить анализ социально-экономической ситуации и влияния региональной политики на развитие регионов.

Структуризовав все результаты эмпирического исследования, не трудно отличить приоритетные области социально-экономического развития Литвы, как одного из проблемных регионов ЕС:

- Целенаправленная деятельность региональной политики должна быть направлена на стабилизацию демографической ситуации в стране. Проведенное исследование взаимозависимости показателей подтвердило, что необходимо предусмотреть меры для повышения рождаемости и улучшения здоровья населения. Кроме того, важно оценить масштабы эмиграции, а также факторы, непосредственно влияющие на нее. В этом документе для оценки региональной политики в отношении миграционных процессов методов анализа статистических данных было недостаточно, поэтому эта область остается одной из приоритетных для будущих исследований.
- Большое внимание необходимо уделять на развитие научной и исследовательской деятельности, которая прямо зависит от региональной политики. Замедленная интенсивность развития этой сферы деятельности во время проведения региональной политики позволяет делать вывод, что эта сфера еще не получила ускорения развития. Хотя формированию и улучшению этой проблемной сфере деятельности и в настоящее время уделяется все больше внимания, при этом необходимо пересмотреть цели поддержки и критерии оценки. Как показало исследование, региональная политика оказывает положительное влияние на эту область деятельности, хотя возможности достижения поставленных целей в Лиссабоне для Литвы остаются пока неопределенными.
- Очень важно обеспечить развитие производственного сектора, которое характеризуется добавленной стоимости относительно структуры сектора. Развитие производственного сектора Литвы в момент анализируемого периода проведения региональной политики ЕС замедлилось. Несмотря на то, что в исследование доказано о положительном воздействии региональной политики на создание добавленной стоимости во всех секторах, очень важно содействовать развитию промышленности и сфере услуг. Исследование доказало, что

воздействие региональной политики в строительном секторе, по сравнению с другими, относительно яркое, а реализация проектов по развитию бизнеса, финансируемых в програмный период 2004-2006 года, завершена только в конце 2008 года. Вероятно, что это только первичная реакция, поэтому, для того, чтобы направить ресурсы на развитие промышленности и услуг, необходимо обеспечить эффективность продолжения использования и реализации проектов по развитию бизнеса.

• Развитие транспортной инфраструктуры, а именно: повышение доступности региона, не менее важно для того, чтобы успешно конкурировать на международном рынке.

• Учитывая тот факт, что проекты развития транспорта в большей мере направлены на реконструкцию существующих дорог, а также проекты строительства транспортных линий, как на региональном так и национальном уровнях, поэтому наивно верить, что в ближайшем будущем недостаток этого развития будет исключен из контекста ЕС. В долгосрочной перспективе, пересмотрев приоритеты выделения поддержки, было бы правильно разрыв развитии сократить и на международном уровне.

• Развитие туризма на програмный период региональной политики ЕС в 2004-2006 года включено в список инструментов ОПД, однако развитие в этом секторе деятельности в период анализа замедляется. Поэтому, для того, чтобы сократить отстование Литвы от ЕС в среднем, очень важно и впредь уделять приоритетное внимание этой сфере деятельности.

ВЫВОДЫ

Обобщая исследование и полученные результаты, а также предвиденные направления формирования и проведения региональной политики, с целью уменьшения недостатков в развитии страны в контексте ЕС, можно сделать следующие выводы:

• Инструменты региональной политики должны быть направлены на малые и средние предприятия, а также развитие инновационного предпринимательства, создавая тем самым региональные центры (региональные инновационные центры), задачи которых координировать и стимулировать новые идеи и новые технологии.

• Региональная политика должна быть сосредоточена на развитие промышленности и технологий, где предсказуемые прямые и побочные кумулятивные эффекты воздействуют на другие отрасли промышленности и сферы бизнеса; и развитие производства, основанное на современных, новейших и высоких технологиях, и имеющее важнейшее значение для экономического развития.

• Кроме того, региональное развитие в целях повышения эффективности должно обеспечиваться через макро-экономические реформы (используются меньшие расходы), другими словами, укрепляя механизмы свободного рынка, уменьшать межрегиональные различия.

• Региональная политика подчеркивает, что основа регионального развития или высокой квалификации рабочих, компаний высоких технологих и услуг производителей и привличения – благосклонные к окружающей среде, а также пригодные для развития политических инструментов физической и социальной инфраструктуры.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Bollen, F. The Reform of the EU Structural Funds: 10 Questions on the Magnitude and Direction of Reforms. Retrieved April 19, 2005, from: http://www.eipa.nl/Eipascope/99/folder_scop99_1/scop99_1_1.pdf

[2] Česonis, G.; Jankūnaitė, D. Nacionalinė regioninė politika. Lietuvos ekonomikos apžvalga 2007, Nr. 1. Vilnius: Statistikos departamentas prie Lietuvos Respublikos Vyriausybės [интерактивный источник, просмотр 2010-07-10]. Доступ к Интернету: <http://www.stat.gov.lt/lt/catalog/viewfree/?Id=1065>

[3] Changes of Gross domestic product. (2007). Economic and social development in Lithuania, No12.

[4] Commission of the European Communities. Thematic Evaluation of Structural Fund Impacts on SMEs. 1999. [интерактивный источник, просмотр 2010-07-14]. Доступ к Интернету: http://europa.eu.int/comm/regional_policy/sources/docgener/evaluation/pdf/eval_sme.pdf

[5] Commission of the European Communities (2003). The SME Envoy: an active interface between the Commission and the SME Community. [интерактивный источник, просмотр 2010-07-14]. Доступ к Интернету: <http://www.europa.eu.int/comm/enterprise/entrepreneurship/sme_envoy/pdf/rapport_sme_envoy_en.pdf>

[6] Dumčius, R.; Šiupšinskas, S. Lietuvos savivaldos institucijų pasiruošimo dalyvauti Europos Sąjungos regioninėje politikoje tyrimas. Šalies ataskaita. Finansavo Atviros visuomenės institutas (Vengrija). Vilnius: Viešosios politikos ir vadybos institutas, 2003. [интерактивный источник, просмотр 2010-07-10]. Доступ к Интернету: < http://www.lsa.lt/rysiai/tnaujienos/_Toc49270643>

[7] Europos Bendrijos Nomenclature of territorial units for statistics – NUTS Statistical Regions of Europe. Liuksemburgas, 2005. [интерактивный источник, просмотр 2010-07-02]. Доступ к Интернету: <http://ec.europa.eu/comm/eurostat/ramon/nuts/splash_regions.html>

[8] Europos Bendrijos. Regioninė politika – Inforegio, 2007. [интерактивный источник, просмотр 2010-07-04]. Доступ к Интернету: <http://ec.europa.eu/regional_policy/policy/history/index_lt.htm>

[9] Europos Bendrijų Komisija. Komisijos komunikatas Augimo ir užimtumo strategija ir Europos sanglaudos politikos reforma Ketvirtoji pažangos sanglaudos srityje ataskaita, 2006. [интерактивный источник, просмотр 2010-07-04]. Доступ к Интернету: <http://eur-lex.europa.eu/smartapi/cgi/sga_doc?Smartapi!Celexplus!Prod!Docnumber&type_doc=comfinal&an_doc=2006&nu_doc=281&lg=lt>

[10] Eurostat regional yearbook. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2009. [интерактивный источник, просмотр 2010-07-04]. Доступ к Интернету: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page?_pageid=1073,46587259&_dad=portal&_schema=PORTAL&p_product_code=KS-AF-07-001>ISBN:978-92-79-05077-0 >

[11] Hansen, J.D. (Ed.). European Integration. An Economic Perspective. Oxford: Oxford university press, 2001.

[12] Kilijonienė, A.; Simanavičienė, Ž. The Evaluation of Social and Economical Development of the Region // Engineering economics = Inžinerinė ekonomika / Kaunas University of Technology. 2009. ISSN 1392-2785.

[13] Lietuvos Respublikos Seimas (Сейм Литовской Республики). Lietuvos Respublikos teritorijos bendrasis planas, patvirtintas Lietuvos Respublikos Seimo 2002 m. spalio 29 d. nutarimu Nr. IX-1154. Vilnius LR Seimo kanceliarija. [интерактивный источник, просмотр 2010-07-24]. Доступ к Интернету: <http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=284951 &p_query=&p_tr2= >

[14] Lietuvos Respublikos Vyriausybė (Правительство Литовской Республики). Lietuvos Respublikos Regionų plėtros programa, patvirtinta 2002 m. Gruodžio 5 d. Nutarimu Nr. 1905 (Lietuvos Respublikos Vyriausybės 2006 m. Rugpjūčio 25 d. Nutarimo Nr. 816 redakcija) Vilnius LR Seimo kanceliarija. [интерактивный источник, просмотр 2010-08-16]. Доступ к Интернету: <http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?P_id=281672&p_query=&p_tr2=>

[15] Svetikas, K. Ž. Regioninės plėtros politika ir valstybės teritoriniai – administraciniai vienetai. Lietuvos regionų valdymo modelis: koks jis yra šiandien ir koks turėtų būti ateityje. Tarptautinės konferencijos medžiaga. 2007. [интерактивный источник, просмотр 2010-08-22]. Доступ к Интернету: <http://www3.lrs.lt/docs2/VPZHPVFY.PDF>

FOREIGN DIRECT INVESTMENTS IN GEORGIA

Shaburishvili Shota, PhD in Economics Associate Professor
Department of Economic and Business
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University (TSU)
shbrshvl@yahoo.com, shota.shaburishvili@tsu.ge

As we are stepping into the new century of globalization and economical integration it is important to foresee the place of our country in the world economy and outline the trends of its economical development. One of the main determinants for this issue is the openness of the country which can be measured by its export and import flows alongside with the value of international investments.

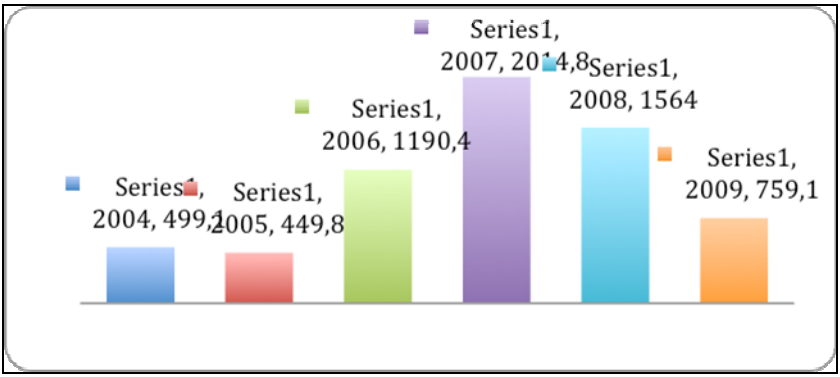
Thanks to trade liberalization, heralded by the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT) and its successor, the World Trade Organization (WTO), the barriers to international trade and financial flows keep getting lower. However, this is not enough for a particular country to participate actively in international economical relationships, and mainly in its integral and fastest growing part such as investments. Naturally, a question might raise- why it is so important to get involved. The answer is single-handedly connected to the fact that the size of investment and level of economic growth are linked to each other and historical data provides a nice evidence for this. Investment is of crucial importance because the capacity of production of the economy depends on the capital available to produce.

The issue is quite complex and demands careful analysis of certain factors. The first step is to evaluate international investments capacity and to determine the role of government and institutions, basically the key part is formed by understanding how to promote and regulate international investments. It is important to raise some other points which include: (1) mentioning "good and bad" points, (2) address the need of a country/region strategy, (3) the need of companies to seek the world for opportunities and (4) the role of Government.

There is still a debate if receiving these investments is good or not for a particular country or region. We should not advocate in one side or the other, but get all the points and then make the analysis. International investments do have good points, if they promote development, by bringing access to international markets and expanding the country capacity of exports, creating jobs and generating taxes for Governments, bringing knowledge to a country, bringing credit, and giving confidence, among other topics, to a country. If a country receives an international investment of a world class company, it is an endorsement for development and other investors.

The major topics of advocates against international investments are linked to expatriation of resources from countries, exploitation of these resources till the end and excluding the possibilities of future generations of that country to use them in the future, sending profits away from local economies and bringing cultural shocks and cultural changes to local communities. Others fear the damage to competition in a country, due to the global capacity of a multi-national company that can even promote dumping on local markets, compensated by good results on other countries, in order to destroy local competition. This may bring exclusion of local companies in the long term. There are also some nationalist feelings, that only products produced in a local country, with local company, may be good for the local society. These points should be considered.

Firstly, it is important to evaluate the capacity of international investments in a certain country and make rough prognoses about the future trends. The data for Georgia shows the growth of investments between 2004 and 2007 (the highest level reached) and gradual decrease since then, which was mainly caused by the war in august, 2008 and followed by the world crisis.



Foreign Direct Investments in Georgia FDI (in million USA Dollars)
[National Statistics Office of Georgia, http://www.geostat.ge/]

All these figures are not enough for describing the real influence of foreign investments as we need more detailed explanation about which sectors receive more funds and which are still lacking in them. On the Other hand, it is important to estimate whether the economical relationships with our partners are long-lasting in order to make certain predictions about the future.

The misbalance in foreign investments is common for most countries and might be linked to their comparative advantages. It is strongly believed that the more funds go to the real sector, manufacturing and industrial economy the

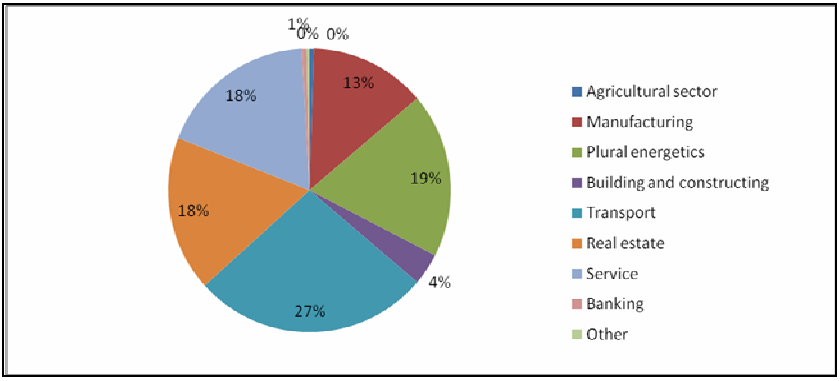
more beneficial it is for the country. However, in Georgia the tendency is unsteady and tends to be changeable in some respect. During the last 10 years investments were mainly made in building and constructing, transport and service, such as hotels and restaurants. While explaining the reasons for such distribution we should focus on the level of the economical development of our country together with its strategic sectors. It is natural that a developing country like us needs more funds for building and constructing industry, on the other hand as the government makes special emphasis on our tourism potential, it is not surprising that this sector also has its fair share of interest from the foreign investors. The reason why transport takes one of the leading positions is the pipelines which cross Georgia (for example, Baku–Tbilisi–Ceyhan pipeline), so one should look through these data carefully in order not to get confused and misinterpret it.

The current situation has revealed the unsteadiness in distribution of international funds. Nowadays we face drastic decrease in building and constructing sector while service is taking over and nearly equals to the share of transport sector. According to the figures banking is not that popular among foreigners, which is quite unexpected as this sector is proved to be one of the most developed in our country. Considering the fact that only one Georgian bank (The Bank of Georgia) has asses to the stock market abroad it becomes clear why the share of banking system is so modest in comparison with others. Another Georgian bank which also received investments from abroad is Bank Republic, which by becoming a member of a world-wide popular group Societe Generale has signed one of the most significant contracts in the history of Georgian banking. While the financial sector has developed faster than any other industry in our country it is not surprising that leading Georgian banks such as TBC Bank, Liberty Bank, Standard Bank and many others continue to be in search of their backing abroad due to the unreliability of socio-economical conditions.

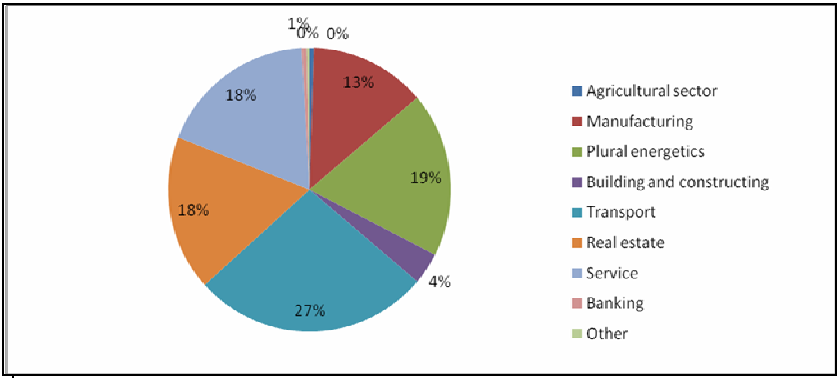
During the last 2 years certain changes have appeared in the distribution of foreign investments, mainly connected to the increase of the share of real estate sector (which has already become a hotly-discussed issue), decrease of funds in building industry and active flows in plural energetic. Nowadays, I can be assumed that the distribution is more or less equal compared to the previous years.

Another moot point about foreign investments is linked to the partners, as the length and efficiency of economical relationships usually depends on cultural, political and certainly economical backgrounds of the countries. The distance between partners as well as being members of the same economical or political organizations also plays its role. Accordingly, we have more active relationships with our neighboring countries such as Turkey and Azerbaijan. But

still, the main principle of foreign investments is the fact that advanced developed countries tend to invest in developing ones, which exterminates boundaries between countries and is real in Georgian case too.



The Distribution of Foreign Investments between the Sectors of Economy 2007
[National Statistics Office of Georgia, http://www.geostat.ge/]



Main Foreign Investors of Georgia 2008
[National Statistics Office of Georgia, http://www.geostat.ge/]]

Our main partner in 2009 was the UAE (the United Arab Emirates) followed by The United Kingdom, Czech Republic, Turkey, The Netherlands

and Japan. The majority of the countries who invest in Georgia are members of The EU, which is beneficial for our country as our long-awaited aim is to integrate in the European Union. However, it is not sensible to forget about other investors, such as the UAE, for example, which has already revealed its far-looking plans about its aims in different sectors of Georgian economy, particularly in building and constructing industry, tourism, banking and so on. It seems that they have foreseen the potential of these sectors. Otherwise, their investments would not be directed towards the industries which involve long-lasting relationships. It is worth mentioning that the economical relationships between our countries has a strong backing from the government of Georgia, so supposedly they are going to become more active and effective gradually.

The last but not the least important determinant is the share of net FDI in GDP. In this respect Georgia is one of the leading countries in the world, comparing with other CIS and CEE (Central and Easter Europe) countries. In 2007 percentage of net FDI in The GDP was equal to 19,8% and had increased by approximately 6% during a year.

All These figures are meaningless without a careful analyze of several factors as there is plenty of knowledge about possible benefits of international investments in an economy. Later on, we can point out for a country wanting to receive these investments that an institutional arrangement must be built, since these international investments may have positive and negative impacts. Considering this, some regulations are important to try to avoid negative impacts from transnational companies' investments, and to enhance the positive effects of these foreign direct investments.

After the fall of the Soviet Union Georgia started to form market economy which appeared to be a rather painful and complicated experience. Economical crisis, no adequate legislation, prompt and drastic changes, high rates of inflation and unemployment, social tension and many other problems left no space for discussing the most suitable economical conception towards foreign investments. On the one hand, it was clear for everyone that these funds are vital for the future development and on the other hand, there was not enough time for discussing the outcomes of different actions. So they decided to create the most liberal policy of economy- everything which is not forbidden is allowed. But the day has come to reconsider these values shared long ago and form a long term strategy combined with certain restrictions, like every self-respecting country in the world does.

There are 8 major topics that should be studied and covered by public policies. The objective here is to facilitate local, state or even federal Governments and agencies in setting a framework where international investments can be attracted to promote development and avoid possible negative externalities.

The first one relates to governance structure of the investments. In this arena, we may take care of the wide arrange of possibility of investments (joint-ventures, vertical integration, franchisee and so on), money entrance conditions, the promotion policies to receive these investments, safeguards for risk protection (invasion, expropriation, fees, etc) and others. How direct investment will take place and sorts of assets ownership (land, industry and others) must be considered and planned, and also how the stimulus package for these investments (like energy supply, logistics and other related to infrastructure) will be built and even how to remove the existing obstacles to attract investments.

In this respect the framework in Georgia is set by the law about investment support and guaranties - ratified in 1997 and a special law modified to outline governmental regulations and its backing, ratified in 2006 which is considered to be one of the reasons why Georgia currently ranks 32nd position in the Economic freedom index list compared to its 99th place in 2005. The second law was also important as it highlighted the issues such as strategic sectors of economy, special investments (the value of which is more than 8 million dollars), the importance of regional (especially mountainous Georgia) development, simplification of license taking and non discrimination.

The second topic relates to environmental protection, focusing on policies of water usage, agricultural practices, pollution control, sanitary measures, international standards and certifications that will be required and, finally policies regarding the preservation and rights over the biodiversity. Some companies are accused of not having the same environmental practices they have in the home base, and this should be avoided by suitable policies.

In Georgia this particular subject is becoming acute due to unpleasant experience in the past linked to both local or foreign companies, though the restrictions in this field is far from being perfect and the law about safety and quality of products needs to be reconsidered carefully. Another option is to include such kind of regulations in the law about investments only one paragraph of which (4 paragraph) shows the obligatory of the investor to follow Georgian legislation in terms of environment and health care. The latter is complicated as it might be received as reducing the openness of the country and not as an action of crucial importance.

The third topic deals with regulation of human resources. These regulations may include salaries, labor and wages, benefits, working conditions, corporate social responsibility, ethics and codes of conduct and community relations. This is one of the most important topics, since most problems on international investments done in the past happened in the field of bad management of human resources.

Although there should not be great expectations about our labor law to be on the equal terms with the European ones, but still it has to show the fundamental principles and the values we are moving towards alongside its ability to be flexible and demonstrate the readiness for changes.

The taxation policy comes as a fourth topic that must be defined for transnational investments. Questions regarding the structure of taxes and tax policies, export tax policies, purchase and compensation taxes and possible Government temporary tax incentives for the investment to be done, to be stimulated are focus of the analysis here. The Taxation system in Georgia has gone through drastic changes recently showing the tendency of simplifying the remains of old policy. This issue is quite controversial as many Georgian economists consider that this transformation is not going to play key part in economical development emphasizing the fact that reducing the number of taxes, changing the rates together with combining some of them is only a matter of political decisions and has nothing to do with a real effect.

As fifth we have research and development policies. At this point, the most relevant would be a kind of stimulus to improve development of local knowledge. Property rights, licensing contracts and royalties must be discussed. Stimulus for linkages with local research organizations and institutions can be an important incentive to integrate and promote development. This point might seem too general while discussing international investments, though we cannot avoid the fact that attractiveness of a certain investment environment is complex and needs a balanced structure. All the matters mentioned above is as important for local business as for foreigners, so the government has to guarantee the protection of property rights, make licensing system less complicated and improve the level of general knowledge of the society.

The sixth topic is more related to agricultural or agribusiness investments, and deals with joint actions for farmers and industry. It is important to have policies stimulating linkage of the international investments to local organizations, an incentive for cooperatives and association's formation and sustainability, previous preparation of farmers, coops or organizations for the relationships with the international investments and incentives for building sustainable supply contracts. It could be important also to establish a framework for dispute mechanisms and even private arbitration.

The particular point is of great importance for Georgia as we do have a good potential in agricultural business. For the last few years the government itself tried to raise funds and invest in different fields of agribusiness, for example, by passing a law about cheap loans. Admittedly, this might be a good starting point as this industry has always been separated from others and believed to develop on its our basis. Recently large farms started to appear on the market quite capable to be on the same floor with imported products and to

supply local food processing companies. Considering the comparative advantages of Georgian fruits, tea, citrus, walnuts and so on, we can predict the increased capital flows in agricultural sector in the near future.

The seventh topic regards to financing and credit. Discuss and implement policies on how an international investor can have access to public sources of financing, state banks and public credit lines. This offer of credit, linked to the technology of the international investor gives a nice possibility of growth. As we have already mentioned Georgian banking system has proved to be reliable in all respects, so foreign investors will have asses to finances and will be provided by high standard service. Furthermore, they a wide choice of different financing organizations ranging from world-wide famous banks such as HSBC to Pro Credit Bank which specialization is mainly small business and venture capital.

Finally, the last topic relates to policies regarding market access. In each of these policies, there are suggestions of incentives to international investments. These can consider government purchasing of products generated by the investment and facilitating local access to investors, international agreements for market access to improve export channels of this new entrant and general competition policies. In food investments, it is also important to evaluate and promote food safety policies to facilitate international market access. As for international agreements, Georgia has been quite active by becoming a member of the WTO, signing free trade agreements with the members of the CIS (Commonwealth of Independent States) which was established in 1991 on the basis of the former Soviet Union countries, and finally reaching bilateral agreement with the European Union (GSP+ regime).

To sum up with, in terms of development, there is a general agreement of the potential benefits of Foreign Direct Investment. The relationship between GDP Growth and the increase of the relationship between FDI and GDP (FDI/GDP (%)) can be clearly established. These benefits though, depend on the alignment of a country's strategies which may be designed both in passive and active ways. Georgia tends to be using the latter one.

Country competitiveness which may attract Foreign Direct Investment is determined by comparative factors, economic stability and strong institutions, the later taking in more importance year on year. For these reasons, countries have to implement active policies that can bring economic stability and that can build an appropriate investment environment for the country. Hoping that these are the main motivates for our government and basis of its economic policy, we can analyze the current situation and make some predictions about the future considering several good reports about Georgia.

Comparative reports for competitiveness are being published by institutions such as the World Bank and the International Finance Corporation

(IFC), where different areas are measured year on year and may form a quite good image of the conditions for investment in over one hundred and eighty one countries. Georgia's position has been better over the past years in the comparative report Doing Business, as well as a clear increase in Foreign Direct Investment. Accordingly, we might assume that we are moving towards the correct direction, however it is important not accept certain drawbacks and continue establishing state economy policy so that it leads us to the prosperity of Georgian economy.

BIBLIOGRAPHY

1. International Investment Perspective: Freedom of Investment in a Changing World, OECD, 2007
2. Sh. Shaburishvili, Georgia's Innovative Development Prospects Under Conditions of Globalization, mag. Sakartvelos Ekonomika #4 (125), 2008
3. http://www.oecd.org/dataoecd/47/51/1959815.pdf
4. http://www.geostat.ge/
5. http://en.wikipedia.org/wiki/Investments
6. www.unctad.org/fdistatistics

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ РЫНКОВ СБЫТА ГЕРМАНИИ

Шувалова О.В., к.г.н., доцент
кафедры региональной экономики и географии
экономического факультета РУДН,
dvigh@mail.ru

Худяков А.С., студент
экономического факультета РУДН,
dr.alechs@yandex.ru

Германия – высокоразвитая страна мира с экспортно-ориентированной экономикой. До 40% производимых в Германии товаров идут на экспорт, а с учетом торговли услугами – около 50%. До 2009 г. Германия считалась крупнейшей страной по суммарному экспорту товаров и услуг. В 2009 г. по данным Всемирной торговой организации Германию опередил Китай.

В 2009 г. суммарный внешнеторговый оборот Германии составлял почти 1,5 трлн евро, из них 808 млрд евро приходилось на экспорт и 674 млрд евро – на импорт. Экспорт Германии превосходил импорт с

1952 г., причем разница между этими показателями со временем росла (рис.1). По сравнению с 1990 г. – годом воссоединения Германии, объем внешнеторговых операций вырос в 2,3 раза.

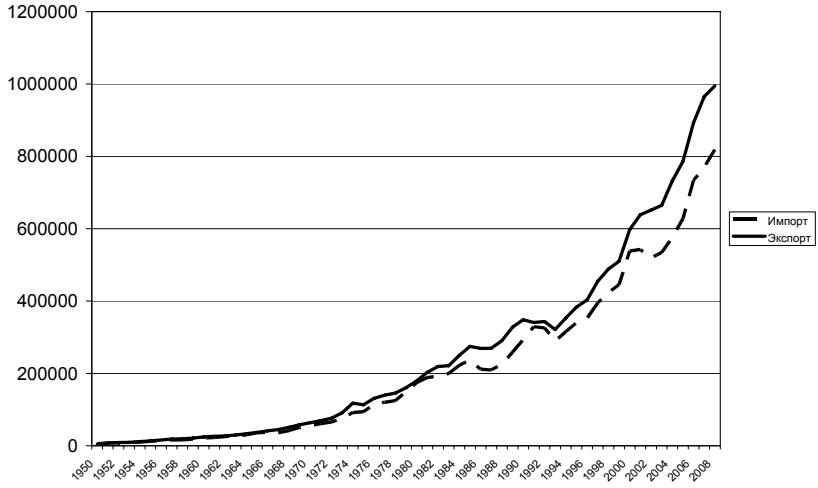


Рис.1 Динамика экспорта и импорта Германии
с 1950 по 2008 гг., тыс. евро
Составлено по данным [4]

Германия в основном торгует с высокоразвитыми странами Запада, прежде всего, с членами Европейского Союза (рис. 2). 60% внешнеторгового оборота Германии приходится на 10 стран – Францию, Нидерланды, США, Китай, Италию, Великобританию, Австрию, Бельгию, Швейцарию и Польшу.

Однако если посмотреть динамику развития сотрудничества, то доля ведущих торговых партнеров Германии за последние 20 лет снизилась (рис.3). Это касается всех вышеперечисленных стран кроме Китая и Польши, доля которых во внешнеторговом обороте Германии растет. Если в 1990 году на Францию приходилось почти 12% внешней торговли Германии, то в 2008 году эта доля снизилась до 9%, причем снизилась и доля этой страны в экспорте, и в импорте. Такая же динамика наблюдается и с другими высокоразвитыми странами, такими как США, Италия, Япония и т.д

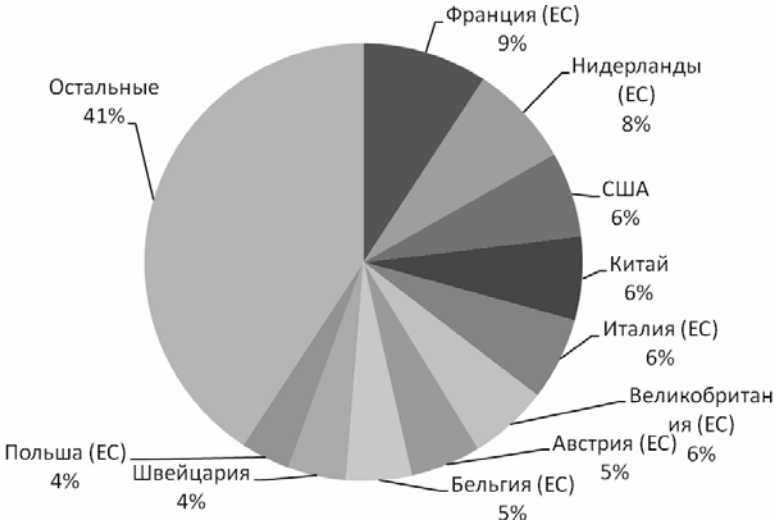


Рис.2 Структура внешней торговли Германии (по странам) в 2009 г. Составлено по данным [4]

Причем доля этих стран снижалась не в абсолютных цифрах, а в процентном отношении к общему обороту. Это объясняется тем, что внешнеторговый оборот Германии рос, в основном, за счет развивающихся стран, которые и увеличивали свою долю в торговом обороте. В абсолютных цифрах внешнеторговый оборот Германии с развитыми странами год из года остается примерно на одном уровне. Развивающиеся страны, наоборот, увеличили свою долю в структуре внешней торговли Германии. Особенно здесь выделяется Китай. Если в 1990 году его доля была менее 1%, то в 2008 году он уже «занимает» 5% внешнеторгового оборота. Причинами тому является интенсивное развитие экономики КНР за последние 20 лет, повлекшее за собой расширение рынков сбыта китайской продукции. Но в период своего развития экономика «Поднебесной» нуждалась также и в высокотехнологичном оборудовании, которое является основной статьей экспорта Германии. Также во внешнеторговом обороте Германии возросли доли Польши и Венгрии, присоединившихся в 2004 г к крупнейшему интеграционному экономическому объединению Европы – Европейскому Союзу.

Для России Германия остается одним из крупнейших торговых партнеров. Однако во внешнеторговом обороте Германии на Россию

приходится всего 3%. С 1990 г. экспорт российских товаров в Германию увеличивается. Это связано с тем, что рост экономики ФРГ повышал спрос на энергетические ресурсы – основную статью экспорта РФ. В Германии российский нефтяной и газовый экспорт рассматривают как важный фактор формирования единого энергетического пространства, который способствует диверсификации источников снабжения энергоносителями. С помощью российских поставок ФРГ ослабляет свою зависимость от импорта жидкого топлива из стран зоны Персидского залива и других государств - членов ОПЕК.

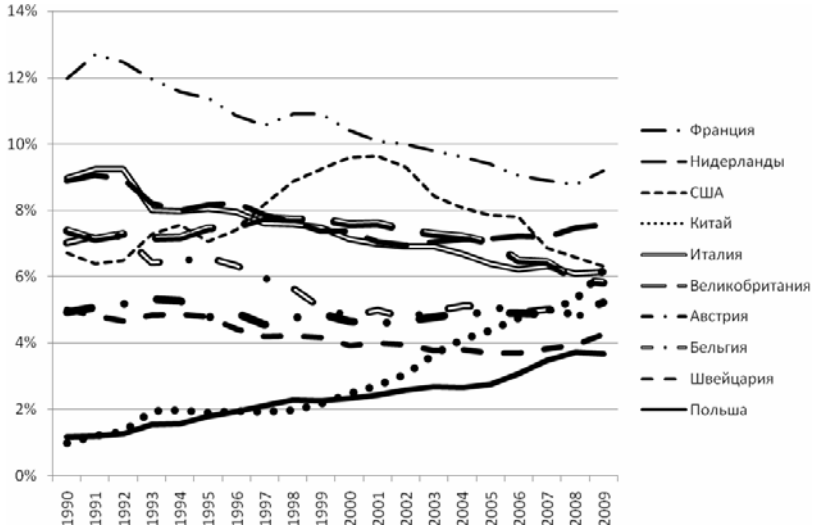


Рис.3 Изменение доли стран во внешенеторговом обороте Германии с 1990 по 2009 гг.
Составлено по данным [4]

Все субъекты Российской Федерации участвуют во внешнеэкономической деятельности по-разному. Москва, Тюменская область, Республика Татарстан, Московская область, г. Санкт-Петербург, Республика Башкортостан, Оренбургская область и др. активно торгуют с Германией, объемы товарооборота достигают миллиардов долларов. Некоторые регионы России не поставляют товаров в ФРГ, но практически все регионы РФ на ту или иную стоимость получают товары из Германии.

В числе лидеров-экспортеров - Тюменская область, где размещены газовые и нефтяные месторождения России (Ямбургское, Уренгойское, Губкинское и др.). Москва, Московская область и г. Санкт-Петербург выделяются в том числе и потому, что именно в них зарегистрированы многие энергетические компании России, которые ведут торговлю с Германией. Здесь находятся их штаб-квартиры, сюда стекаются налоги и платежи.

Импорт немецких товаров за рассмотренный период незначительно снизился. Данное явление отчасти объясняется тем, что с момента введения евро курс данной валюты постоянно рос, делая немецкие товары более дорогими для российского потребителя, понижая тем самым спрос на них. Таким образом, в торговой структуре России с Германией наблюдается профицит. Из вышеупомянутых стран профицитную торговлю с Германией имеют также Китай, Япония, а также Нидерланды, Чехия, Венгрия.

А Б

Рис. 4. Товарная структура экспорта (А) и импорта (Б) Германии в 2009 г.

Составлено по данным [4]

Согласно статистике, приводимой Федеральной статистической службой Германии, в 2009 г. товарная структура импорта была более диверсифицированной, чем экспорта. В экспорте преобладает продукция машиностроительной отрасли, а также электротехнической, фармацевтической и химической продукции. Импортирует Германия большое количество наименований товаров - как готовую продукцию, так и сырье, и полуфабрикаты. Германия осуществляет импорт этих ресурсов из-за бедности минерально-сырьевой базы, высокой себестоимости добычи и высоких экологических требований.

Основная статья экспорта и импорта Германии (в стоимостном выражении) – машины и оборудование. Данный вид продукции составляет почти половину экспорта и треть импорта Германии. Уже давно надпись «Made in Germany» на машине или станке свидетельствует о высоком качестве товара. Но если с 1992 по 2000 годы происходило увеличение доли данной продукции в экспорте (на 4,2%) и импорте (на 6%), то за период с 2000 по 2008 год эта доля снижалась (в экспорте на 4,7%, в импорте на 5,8%). Это связано с тем, что продукция германского машиностроения славится не только своим высоким качеством, но и высокой ценой, а поэтому ей все сложнее выдерживать конкуренцию с другими производителями.

Современная мировая торговля (для большинства стран - это основная форма внешнеэкономических связей) сконцентрирована в руках узкого числа стран. На долю 10 стран-лидеров приходится 3/4 всего товарооборота (США, ФРГ, Япония, Франция, Великобритания, Италия, Канада, СНГ, Нидерланды, Бельгия).

Глобализация привела к усилению мирохозяйственных связей. На основе изучения внешней торговли Германии видно, что, с одной стороны, страна имеет колоссальные объемы сотрудничества с развитыми странами Запада, а с другой – все больше наращивает сотрудничество с развивающимися странами. Товарная структура внешней торговли с развивающимися странами отличается от торговли с развитыми странами. Сотрудничество с новыми контрагентами привело к изменению перечня торгуемых товарных групп, изменению положения Германии в мировом разделении труда. Для поддержания конкурентоспособности экономики страны пришлось осваивать все более высокотехнологичные производства, а часть производств первичных отраслей промышленности закрыть и начать ввозить их продукцию из-за границы.

ЛИТЕРАТУРА

[1] «Социально – экономическая география зарубежного мира» / под ред. В.В. Вольского. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1998 г.

[2] «Экономическая, социальная и политическая география: мир, регионы, страны» / под ред. И.А. Родионовой. – М.: Экон-Информ, 2008 г.

[3] «Географическая картина мира» Изд. 2-е, исправ. и доп. / под ред. В.П. Максаковского. – Ярославль: Верхняя Волга 1998 г.

[4] https:// www-genesis.destatis.de – официальный сайт Федеральной статистической службы Германии

[5] http://www.wto.org – официальный сайт Всемирной торговой организации

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ СТРАН-ЧЛЕНОВ ЕС

Умерова И.А., к.э.н., ассистент
кафедры региональной экономики и географии РУДН
umerova2@yandex.ru

ПИИ являются одним из факторов экономического развития принимающих стран, так как влекут за собой передачу технологий, управленческих навыков, патентов, лицензий, торговых марок, являются стабильным источником финансирования, стимулируют спрос на высококвалифицированную рабочую силу, повышают уровень благосостояния населения, содействуют росту конкурентоспособности принимающих государств.

Основными инвесторами и получателями ПИИ являются развитые страны. В 2006 г. доля данной группы государств в мировом импорте ПИИ составила 71%, а в экспорте – 86%. В абсолютных показателях объем привлеченных ПИИ в развитые страны значительно увеличился с 401 млрд долл в 1980 г. до 10 454 млрд долл в 2007 г.

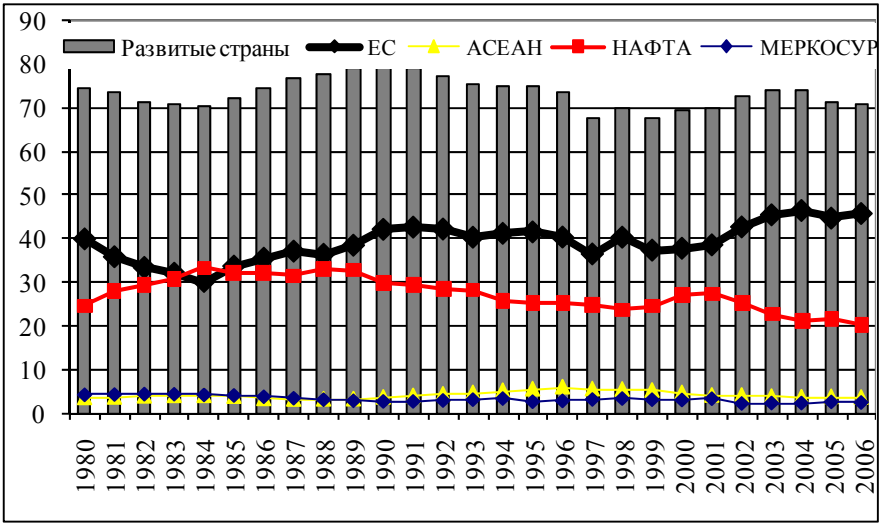


Рис. 1. Динамика притока ПИИ в ЕС, и другие интеграционные объединения, 1980-2006 гг., %
Составлено по: [1].

Объемы экспорта ПИИ данной группы стран также существенно возросли с 526 млрд долл до 10 710 млрд долл соответственно [1]. С 1980 г. и по настоящее время доля стран-членов ЕС в совокупном импорте и экспорте ПИИ развитых стран составляет около 40-45%. С 1980 г. доля привлеченных ПИИ ЕС в мире возросла с 39% до 46%, в то время как удельный вес других интеграционных группировок (НАФТА, МЕРКОСУР, АСЕАН) снизился (рис. 1).

ЕС является самым крупным реципиентом и самым крупным инвестором в мире. Для того чтобы оценить уровень стран-членов ЕС по привлекаемым прямым иностранным инвестициям были использованы *показательный и потенциальный индекс ПИИ.*

Показательный индекс ПИИ учитывает не только влияние на ПИИ размеров рынка, но и другие факторы, такие как деловой климат, экономическая и политическая стабильность, наличие природных ресурсов, инфраструктура, уровень профессиональной подготовки населения, наличие передовых технологий, возможность участия в приватизации и эффективность политики по привлечению инвестиций.

Потенциальный индекс ПИИ учитывает сразу несколько факторов, влияющих на экономическую привлекательность страны для иностранных инвесторов. Он рассчитывается как среднее арифметическое двенадцати других показателей, характеризующих экономическую и социальную сферы жизни страны. Ранжирование экономик стран мира по потенциальному индексу ПИИ в 1988-2004 гг. позволило сделать вывод, что самыми привлекательными для инвестирования из стран-членов ЕС являлись экономики государств-основателей Союза и Великобритании. Но в последние годы позиции этих государств изменились. Так в 2004-2006 г. в десятку наиболее привлекательных стран для инвесторов (по потенциальному индексу ПИИ) попали только четыре государства (Великобритания, Люксембург, Германия и Швеция), входящие в состав ЕС, тогда как еще в 1998-2000 гг. в первой десятке находилось семь государств [1]. Это Великобритания, Германия, Швеция, Нидерланды, Финляндия, Бельгия и Люксембург. Так, Франция в 1988-1990 гг. занимала седьмое место в данном рейтинге (0,43), в 1998-2000 гг.- двенадцатое (0,43), а в 2004-2006 гг. оказалась на восемнадцатом месте (0,38). Тем не менее, в период с 1988 г. по 2000 г. динамика потенциального индекса ПИИ была положительной в большинстве стран-членов ЕС-15, т.е. значение индекса возрастало. Наиболее существенно в этот период (1988-2000 гг.) увеличилось значение потенциального индекса Ирландии с 0,27 до 0,42. До середины 2000-ых годов инвестиционная привлекательность стран ЕС-15 постепенно возрастала, однако потом ситуация изменилась – значение потенциального индекса стран ЕС-15 стало снижаться,

инвестиционная привлекательность «старых» членов Союза стала падать, а «новичков» - наоборот.

Однако, определить интегральную инвестиционную привлекательность страны простым суммированием ее мест в мире по показательному и потенциальному индексам ПИИ невозможно. Поэтому ,была составлена матрица (по методике ЮНКТАД) интегральной инвестиционной привлекательности ПИИ экономик стран-членов ЕС с 1988 г по 2006 г. (табл. 1-3). Проанализировав положение каждой экономики стран-членов ЕС в матрице за 1988-2006 гг. мы пришли к следующим выводам.

Матрица интегральной инвестиционной привлекательности ПИИ экономик стран Европы, 1988-1990 гг.

Таблица № 1.

1988-1990	**Высокий** показательный индекс ПИИ	**Низкий** показательный индекс ПИИ
Высокий потенциальный индекс ПИИ	**Передовые** Бельгия-Люксембург, Великобритания, Греция, Дания, Испания, Кипр, Мальта, Нидерланды, Португалия, Франция, Швеция,	**Малоперспективные** Австрия, Венгрия, Германия, Италия, Финляндия, Польша
Низкий потенциальный индекс ПИИ	**Перспективные** -	**Непривлекательные** Турция

Составлено по: [1].

В группу *передовых экономик* ЕС в период с 1988 г. по 2006 г. постоянно входили Бельгия, Великобритания, Люксембург и Швеция. Положение других стран менялось. Греция попала в данную группу только в 1998-1990 гг., а в дальнейшем она переместилась в группу малоперспективных экономик. Испания, Ирландия, Дания, Финляндия и Португалия также как и Греция переместились из группы передовых экономик в 1999-2001 гг. в группу малоперспективных экономик к 2004-2006 гг. В 1999-2001 гг. в группу передовых экономик попало большинство стран ЦВЕ, которые впоследствии вошли в состав

европейской интеграционной группировки. В 2004-2006 г. они также остались в данной группе. На наш взгляд, возросшая инвестиционная привлекательность стран ЦВЕ, прежде всего, связана с решением о принятии этих государств в состав ЕС, а также проводимым в них реформам.

Матрица интегральной инвестиционной привлекательности ПИИ экономик стран Европы, 1999-2001гг.

Таблица № 2.

1999-2001	**Высокий** показательный индекс ПИИ	**Низкий** показательный индекс ПИИ
Высокий потенциальный индекс ПИИ	**Передовые** Бельгия-Люксембург, Болгария, Великобритания, Венгрия, Дания, Германия, Ирландия, Испания, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Словакия, Чехия, Эстония, Финляндия, Франция, Швеция,	**Малоперспективные** Австрия, Греция, Италия, Словения
Низкий потенциальный индекс ПИИ	**Перспективные** -	**Непривлекательные** Румыния, Турция

Составлено по: [1].

В группе *малоперспективных экономик* в 1988-2006 гг. из стран-членов ЕС-15 находились только Италия и Австрия. В 1988-1990 гг. в данную группу вошли Германия, Польша и Венгрия и Финляндия. В 1999-2001 гг. они перешли в группу передовых экономик. Венгрия и Польша остались в данной группе и в 2004-2006 гг., а Германия и Финляндия снова переместились в группу малоперспективных экономик. В 2004-2006 гг. в состав данной группы вошло большинство западноевропейских государств. Страны Балтии, ЦВЕ и Средиземноморья входят в группу

передовых экономик по привлекаемым прямым иностранным инвестициям с 1999 г.

В группе *непривлекательных экономик* находилась всегда Турция, несмотря на то, что она официально признана как страна-кандидат на вступление в состав ЕС. В 1999-2001 гг. в эту группу также попала Румыния, но уже в 2004-2006 гг. инвестиционная привлекательность данной страны существенно возросла, и она переместилась в группу передовых экономик.

Матрица интегральной инвестиционной привлекательности ПИИ экономик стран Европы, 2004-2006гг.

Таблица № 3.

2004-2006	**Высокий** показательный индекс ПИИ	**Низкий** показательный индекс ПИИ
Высокий потенциальный индекс ПИИ	**Передовые** Бельгия Болгария, Венгрия, Великобритания, Ирландия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Чехия, Мальта, Нидерланды, Польша, Румыния, Словакия, Швеция, Эстония	**Малоперспективные** Австрия, Дания, Германия, Греция, Ирландия, Италия, Испания, Португалия, Словения, Финляндия, Франция
Низкий потенциальный индекс ПИИ	**Перспективные** -	**Непривлекательные** Турция

Составлено по: [1].

Предполагаем, что мировой финансовый кризис изменит значения показательного и потенциального индекса ПИИ всех членов ЕС, и в последующие годы произойдут перемещения в матрице интегральной инвестиционной привлекательности ПИИ стран-членов Евросоюза.

Таким образом, последнее расширение состава Союза способствовало замедлению процессов углубления европейской интеграции и отрицательно повлияло на уровень инвестиционной привлекательности «старых» стран-членов ЕС, что проявилось в снижение

потенциального индекса, а также в переходе этих стран из группы передовых экономик в группу малоперспективных экономик. Совершенно иная ситуация сложилась в «новых» странах Евросоюза. Вступление в ЕС превратило эти страны в один из наиболее привлекательных регионов мира для инвестирования, как со стороны партнеров по интеграционной группировке, так и со стороны других государств.

ЛИТЕРАТУРА

[1] http://www.unctad.org – сайт Комиссии ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие……..…….....……3
Раздел 4. Региональное развитие и региональная политика Российской Федерации ……. **5**
Айзатуллина Э.Х. Разграничение федеральных и региональных финансовых полномочий РФ…….....5
Артамонова Ю.С. Стратегическое развитие инвестиционно-строительного комплекса Пензинской области на основе инноваций ..…9
Асадуллина А.В. Конкуренция Российских регионов: формирование специфических форм…….....19
Бабич С.Г. Дифференциация регионов страны на рынке кредитов …26
Бабурин В.Л. Россия и ее регионы в мировом инновационном пространстве……..…….…30
Баринов С.Л. Влияние геополитических факторов на развитие регионов «Нового западного пограничья» России …..... 40
Боуш Г.Д., Мадгазин Д.И Кластерный подход к развитию региональной экономики: положительные и отрицательные эффекты.....46
Булатова Ю.И. Финансовый потенциал инвестиционной деятельности региона: понятие и оценка…….… 56
Вязовская В.В. Зарубежный и Российский опыт использования рекреационного потенциала регионов…...…….……61
Гусева Е.С., Ефремова В.А. Особенности рынка труда малых городов России и влияние кризиса 2008-2009 гг. На его трансформацию 68
Gyuris F. Some aspects of regional disparities in the era of transformation and globalization, the case of the Russian Federation…..... 74
*Давыдова Т.А.*Этнокультурные особенности региональной идентичности населения Чувашской республики..... 87
Добромыслова В.Ю. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года как механизм социально-экономического развития Дальневосточных территорий…….....93
Дулова Е.Н. Особенности управления региональным развитием депрессивного региона в условиях социально-экономической нестабильности (на примере Кировской области) …….....100
Загайнова Н.Л. Проблемы дифференциации развития регионов России……106
Захарова И.В. Влияние системы образования на развитие экономики территории …….....116

Землянская С.Ю. Иностранные инвестиции в экономике Ставропольского края в условиях глобализации ……..…..... 124
Зуева Г.С. Выравнивание и поляризация: современные тенденции в региональной экономической политике России ……..... 129
Имашев Э.Ж. Региональная политика: эволюция приоритетов пространственного развития регионов ……..136
Ковалева Т.Ю. Статическое исследование инновационной составляющей устойчивого развития регионов России ……..…142
Козловцева С.П., Извозчикова С.А., Чиркова В.Ю., Новичков Д.А. Роль информационно-коммуникационных технологий непрерывного образования в развитии региональной экономики ……..... 154
Котов А. В. Место северных регионов в объеме промышленного производства …….....160
Криошина О.А. Особенности процессов выявления и мобилизации конкурентных преимуществ инновационно ориентированного региона..166
Кылгыдай А.Ч. Социально-экономический аспект в развитии рынка труда Республики Тыва ……..……174
*Лиманская (Иванова) Е.М.*Современные проблемы использования природоресурсного потенциала как фактора экономической безопасности регионов крайнего севера ……..... 183
Миронова М.Н., Холина В.Н. Диспропорция социально-экономического развития Российских регионов и региональная политика …….....189
Пашкеева Е.Е. Оценка уровня экономической интеграции регионов России: основные подходы и выводы…….....199
Плисецкий Е.Л., Еремеева Л.Н. Региональные факторы и показатели инновационного развития России…….....204
Салихов Р.У. Состояние социально-экономической системы Пензенской области …….....208
Сафина С.С., Лимонина И.Г. Региональные особенности развития торговли в Российской Федерации …….....215
Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М. Региональная политика России: реалии, проблемы, ожидания …….....224
Сибирская Е.В., Левкина О.В. Интеграционный маркетинг в регионе…….....236
Столярова Е.И. Особенности посткризисного развития Сибирского Федерального округа ……..... 244
Строева О.А . Инструменты стратегического планирования инновационного развития региона.. ……..... 251
Ханчук Н.Н. Российский Дальний Восток: императивы инновационного развития ……..……..... 264

Чебанова Л.А., Сухинин С.А. Своеобразие современного социально-экономического развития Тверской области.....275

Раздел 5. Региональная политика и региональное развитие стран Европы и Азии: теория, методология, практика
…… 285

Dedjanski S., Andjelkovic D. (Geo)Political aspects of regionalization of Serbia……..……..285

Balcerowicz-Szkutnik M., Szkutnik W. Dillemas of Polish labour market a the globalization time…...……...… 295

Wolny-Dominiak A. Foreign trade turnover between Poland and Russia in figures ……..…… 309

Guzavicius A., Bruneckiene J., Barkauskas V. Economic interest groups influence on trading of energy resources in Lithuania……..... 316

Dubownik A. Effect of European Union means on the diversification of economic activity in the rubal areas of wielkopolka voivodeship..……..…324

Зобов А.М. Роль научно-образовательных центров в развитии наукоемких отраслей (на примере наноиндрустрии Франции)… 331

Йенеи Л. Растущее значение метрополитенских регионов в неравенствах экономического развития глобализирующихся европейских постсоциалистических стран…… 337

Колосов Е.Н., Бедненко И.С. Новые индустриальные страны Юго-Восточной и Восточной Азии: уроки для России……..348

Колпакова Т.В. Экологический аспект региональной политики КНР..360

Кретинина Т.В. Проблемы и перспективы государственно-частного партнерства в постдепрессивных шахтерских регионах 368

Кучинская Т.Н. Стратегия развития Северо-восточного региона КНР в условиях межрегионального взаимодействия с РФ..... 373

Левитская А.П. Региональная политика Республики Молдова: опыт автономно-территориального образования Гагаузия.....486

Mądry C.M. Instruments of social and economic policy asministered by the city of Poznan. The financial aspect …….. 491

Махновский Д.Е. Современные тенденции развития и размещения машиностроения Евросоюза в условиях глобализации ……403

Писенко Д.С. Долговые проблемы Греции и их влияние на интеграционные процессы внутри ЕС ……414

Потапенко М.В. Приграничное сотрудничество в структуре экономических отношений России и Китая ……418

Прохоренко И.Л.. Феномен Испанского регионализма……426

Симанавичиене Ж., Килийониене А., Палякиене О. Региональная политика ЕС и ее воздействие на хозяйство Литвы ……437
Shaburishvili S. Foreign direct investments in Georgia……...451
Шувалова О.В., Худяков А.С. Диверсификация рынков сбыта Германии ……459
Умерова И.А. Инвестиционная привлекательность стран-членов ЕС 465
Содержание 471

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

МИР И РОССИЯ: РЕГИОНАЛИЗМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

М А Т Е Р И А Л Ы
III Международной научно-практической конференции

Москва, 11-12 ноября 2010 г.

ЧАСТЬ 2

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Л.А. Горовенко*
Дизайн обложки *М.В. Шатихина*

Подписано в печать 22.10.2010 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 27,67. Тираж 100 экз. Заказ 1123

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

Для заметок